

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

**СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

**СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. И. ПОКУСАЕВА (ответственный редактор),
Ю. Г. ОКСМАНА, А. П. СКАФЫМОВА

САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

СБОРНИК ПОДГОТОВЛЕН
КАФЕДРОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ САРАТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

I. СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ



Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

ЛЕНИН О ТРАДИЦИЯХ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1.

В. И. Ленин рассматривал деятельность русских революционных демократов 60-х годов в свете задач создания революционной партии пролетариата, подготовки социалистической революции, в свете перспектив развития идей научного социализма. Ленин дал классическое, исторически-точное определение сущности идеологии революционных демократов 60-х годов, исторических корней и народной почвы, определившей своеобразие характера этой идеологии.

Ленин видел в революционных демократах предшественников русской революционной социал-демократии.

В 1901 г. Ленин писал о ценности наследства революционных демократов и Чернышевского, что революционным социал-демократам нужно воспринять в свое движение «не только непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западно-европейскими и русскими предшественниками...»¹.

Поэтому значение деятельности революционных демократов 60-х годов вырастает как факт огромной важности.

Научно-литературное наследие революционных демократов 60-х годов и в первую очередь Чернышевского, при наличии исторически-ограниченных черт, явилось вершиной русской общественной мысли домарковского периода. Это наследие послужило для Ленина оружием в борьбе с врагами партии и социализма.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 265.

Традиции русских революционных демократов 60-х годов порождены определенными историческими условиями; они возникли в известных общественных условиях, но их значение не ограничено только тем историческим этапом, когда они появились.

Передовые деятели своей эпохи, революционные демократы выработали такие взгляды, которые были устремлены в будущее и, как элементы демократической культуры, творчески и критически были усвоены позднее нашей социалистической эпохой, — они пережили свое время.

Традиции революционных демократов и Чернышевского выступают как живой исторический фактор, содействующий строительству советской литературы и советского литературоведения.

Суждения и оценки Ленина, определяя традиции Чернышевского, раскрывают и важные стороны марксизма-ленинизма. Ленин писал: «При богатстве и разнообразии идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма: ...это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* (курсив автора — Н. Б.) к той или другой стороне»¹.

В свете слов Ленина понятна связь и единство оценок и суждений Ленина, высказанных им о Чернышевском в разные периоды своей деятельности, поскольку марксистско-ленинская теория представляет собой единое и неразрывное целое.

Яркую картину «преобладания интереса» к различным сторонам мировоззрения Чернышевского в различные периоды деятельности Ленина представляют его высказывания о Чернышевском в статьях о народниках (90-е гг.), в полемике с экономистами, легальными марксистами (900-е гг.) и в борьбе с махистами (10-е гг. XX века), когда по-разному складывалась общественно-политическая борьба и разные политические задачи стояли перед вождем партии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 53—54.

Задачей данной статьи является рассмотрение высказываний Ленина о Чернышевском в связи с этапами политической борьбы российского пролетариата с врагами партии, с врагами марксизма и общественного прогресса.

2.

Имя Чернышевского чаще других встречается на страницах сочинений Ленина.

В своих работах о народниках, начиная с выдающейся работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), Ленин до конца разоблачил либеральное народничество, его идеологию и политику и изложил основы марксистского мировоззрения. Охарактеризовав «устои марксизма», материализм и диалектический метод, он дал подлинно научное определение исторических корней и классовой сущности воззрений либеральных народников. Вместе с тем Ленин опроверг народнические попытки исказить революционное содержание идейного наследства демократов 60-х годов, в частности Чернышевского. Наконец Ленин, раскрыв историческое значение идеологии революционных демократов 60-х годов, установил конкретно предметную связь, какая существовала вопреки утверждениям либеральных народников между марксистами, «учениками» и традициями революционного демократизма, Чернышевского в частности. Тем самым Ленин определил роль русских революционных демократов как идейных предшественников русской революционной социал-демократии.

Субъективной социологии «друзей народа» Ленин противопоставил понятие общественно-исторической формации, выдвинул положение об общественной закономерности, о базисе и надстройке. В определении понятия общественно-исторической формации Ленин подчеркнул значение принципа историзма и учета национальных особенностей: «Никогда ни один марксист, — писал он, — не основывал своих социал-демократических воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее с действительностью и историей данных, т. е. русских, общественно-экономических отношений, да и не мог основывать, потому что это требование от теории совершенно ясно и опреде-

ленно заявлено и положено во главу угла всего учения самим основателем «марксизма» Марксом»¹.

Подчеркивая значение конкретно-исторических основ и конкретной национальной почвы для понимания идейных воззрений, Ленин дал в отличие от либерально-народнической субъективистской теории четкое определение особенностей и своеобразия воззрений революционных демократов 60-х годов, порожденных определенной эпохой, определенным этапом исторического движения.

В свете своего понимания общественной формации Ленин дает характеристику революционной демократии 60-х годов и показывает ее отличие от либеральных народников: «... в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами:

— «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

— *Вера в особый уклад, в общественный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции* — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера? — Ее нет...»².

Показав измелъчание народничества 80-х годов, перерождение старого народничества в «отсталый реакционный, мелко-буржуазный радикализм», Ленин разоблачает мелко-травчатость «деятельности» Михайловского, Кривенко и др., их измену великой борьбе за освобождение крестьянства, провозглашенной революционными шестидесятниками: «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»³.

Тесная органическая связь с антикрепостнической борьбой крестьянских масс определила богатство и вы-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 175—176.

² Там же, стр. 245—246.

³ Там же, стр. 246—247.

соту идей, последовательность и единство теоретической и практической деятельности революционных демократов 60-х годов, в том числе и Чернышевского. Программа русских революционеров-демократов 60-х годов вытекала из условий общественной жизни — подъема освободительного движения того времени — и отражала требования, продиктованные ходом классовой политической борьбы. «Вера в возможность крестьянской социалистической революции» отразила настроения крепостного крестьянства. Чернышевский и революционные демократы 60-х годов революцию представляли себе как революцию масс, прежде всего крестьянства. Главной решающей силой истории они считали народ. Разработке проблемы народа и революции Чернышевский и руководимый им журнал «Современник» придавали огромное значение. Сам Чернышевский уделил немало страниц в своих статьях вопросу о народе, его решающей роли в истории.

«Знайте, — писал он в непропущенном отрывке статьи «Политика» за август 1859 г., обращаясь к итальянским революционерам, — что достигнуть ваших целей, победить реакцию и обскурантизм вы можете, только усвоив себе стремления массы ваших бедных темных соотечественников — поселян и городских простолюдинов. Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на погибель от реакции»¹.

В статьях 1859 г. Чернышевский много говорит о богатстве сил русского крестьянина, которые он проявит в будущем, став свободным. В запрещенном цензурой отрывке статьи «Суеверие и правила логики» он оспаривал приписываемые народу такие черты, как лень и апатия, и утверждал: «Возвратимся лучше к той, более отрадной стороне его жизни, которая показывает, что по природе своей он вовсе не предназначен быть апатичным. Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайную замечательную неутомимость и живость в работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки, которыми он вообще бывает подавлен»².

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, 1949 г., стр. 370.

² Там же, т. V, 1950 г., стр. 695.

В подцензурной статье 1861 г. «Не начало ли перемены?» Чернышевский сумел говорить о героических «минутах энергических усилий, отважных решений» в жизни народа.

Чернышевский и революционные демократы 60-х годов в отличие от просветителей, которые, как указывал Ленин, «не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще»¹, имели в виду крестьянство, ориентировались на многочисленный класс того времени, исполненный решимости к революционной борьбе с царизмом, с феодально-крепостническим строем.

«Это был шаг вперед от общедемократического, просветительного понимания самого понятия «народ», свойственного демократической литературе, публицистике, журналистике предшествующего периода, к его революционному пониманию»², — говорит современный исследователь. И это было достижением научно-исторической мысли, поскольку понятие народа было обогащено раскрытием положительных революционных черт крестьянства, высказанных в статьях Чернышевского, Добролюбова, поэмах Некрасова³.

Чернышевский призывал создать «политическую экономию трудящихся». Историю, философию, эстетику и литературу он оценивал с точки зрения трудящихся. Все мировоззрение, которое Чернышевский насаждал и проводил в своих статьях и в своей практической легальной и подпольной революционной деятельности, он стремился пронизать интересами простолюдинов. Выступая со статьей «Материалы для решения крестьянского вопроса», Чернышевский без всяких обиняков писал: «В статьях, ряд которых мы теперь начинаем, мы хотим самым умеренным и спокойным образом обозначить, какое решение вопроса могло бы, хотя до некоторой степени, соответствовать идеям, с незапамятных времен существую-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 493.

² Н. М. Сикорский, Проблема народа и революции в «Современнике» шестидесятых годов, Научные труды Моск. заоч. политехн. института (МЗПИ), 1955, вып. III, стр. 8.

³ В названной статье Н. М. Сикорского собраны материалы о положительных чертах русского крестьянства, почерпнутые из статей Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина (стр. 18—20).

щим в поселянах»¹. Идеалом и критерием человеческой красоты Чернышевский избрал идеал красоты поселянина.

Чернышевский с точки зрения демократа «эпохи нераздельности демократизма и социализма» подошел к оценке реформы 1861 года и определил ее значение для трудового крестьянства.

Ленин придавал огромное значение отношению Чернышевского к реформе. «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс..., надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»².

Из этого, однако, не следует делать вывода, что Ленин хотел сказать, что Чернышевский подменял «общечеловеческий» интерес узко крестьянским, как делали либеральные народники. Ни Чернышевский, ни Ленин никогда на этот путь не становились. Ленин, стремясь к исторической точности, к уяснению классовой позиции революционных демократов 60-х годов, определявшей своеобразие их идеологии и исторической роли в процессе развития страны, хотел освободить понимание этого явления от субъективно-путаных определений либерально-народнической публицистики и точно указал на классовую почву и классовую основу идей и тактики революционной демократии 60-х годов.

Великий всероссийский демократ Чернышевский, горячо сочувствуя угнетенному крестьянству своей родины, не отрывал, однако, интересов и хода борьбы за эти интересы от общеевропейского процесса борьбы классов. Это прекрасно сознавал Ленин, указывая на широту воззрений Чернышевского и его свободу от национальной исключительности.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, 1950 г., стр. 713

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 264.

Чернышевский считал прогрессом решительный переход России от «патриархального уклада» на путь буржуазного развития. «Приложением капиталов к производству, — писал он в статье, посвященной книге Августа Гакстгаузена, — не только увеличиваются массы продуктов, но изменяется и самый порядок производства. Различие между хворостом или кизяком и каменным углем, между проселочною и железною дорогой не более значительно, нежели между порядком патриархальной экономической деятельности и деятельности, совершающейся силою машин, капиталов и других экономических отношений и двигателей, свойственных новейшему времени»¹.

Чернышевский признавал «неизбежность и благотворность великих изменений», то есть развития капитализма. Для него не было сомнений в той истине, что «формы патриархального быта несовместимы с высокой степенью цивилизации». Однако он, как замечательно «глубокий критик капитализма» (Ленин), ясно видел, что капитализм вместе с прогрессом (по сравнению с крепостничеством) в Европе принес крестьянству разорение и обнищание, обрек его на эксплуатацию и нужду. Будучи великим гуманистом, он искал выхода для многомиллионного русского крестьянства и спасения от такой перспективы.

Чернышевский знал эту оборотную сторону капитализма: «Эта будущность, — писал он, — от нас не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать меры к отстранению бедствий фабричной эксплуатации для земледельцев. Единственным средством против этого кажется нам сохранение у поселян общинного владения»².

Чернышевский и поставил вопрос о возможности развития и движения России к социализму в статьях 1857 г. (см., напр., «Заметки о журналах», «О поземельной собственности», «Современник», 1857 г. и др).

Общину Чернышевский считал остатком «патриархального строя», но он отстаивал сохранение общинного пользования землею, полагая, что после победы крестьян-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, 1948, стр. 304.

² Там же, т. V, 1950, стр. 153.

ской революции община обеспечит огромному большинству крестьян наилучшие условия жизни. Ленин в статье «Что такое «друзья народа», приведя слова Маркса о «высоком уважении» к Чернышевскому, который считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя», отмечает, что величие политической программы Чернышевского выросло из непреклонного стремления вождя революционной демократии 60-х годов «... поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества...»¹.

Эту революционную традицию наследия Чернышевского, проявившуюся в идее политической борьбы масс против основ феодально-крепостнического строя и в гениальном провидении крепостнического характера реформы 1861 г., Ленин принимал и противопоставлял ее мещанскому радикализму либеральных народников.

Ленин не замалчивал исторической ограниченности, слабых сторон в мировоззрении революционных демократов и Чернышевского — его утопический социализм, его веру в общину как путь к социализму.

Недостатки мировоззрения Чернышевского, обусловленные временем его деятельности, были ясны Ленину. Он писал о том, что Чернышевский «мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину», ибо он «... не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»². Вера в крестьянскую революцию, придавая деятельности Чернышевского и его борьбе за революционную ликвидацию царизма и феодально-крепостнического строя силу и размах, неизбежно приводила и к утопии, так как связывала исход борьбы и дело русской революции с крестьянством. Крестьянство же, как писал К. Маркс, без рабочего класса не могло и не может совершить революции и довести до конца освобождение человечества «В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу», — писал Ленин³. Однако вера в революцию, воодушевляя

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 246—247.

² Там же, т. 17, стр. 97.

³ Там же, стр. 65.

демократов на борьбу, способствовала революционизированию широких кругов деятелей освободительного движения в стране. Ведь Чернышевский умел сквозь цензуру проводить идею борьбы масс против всех старых властей.

«Чернышевский был не только социалистом-утопистом, — говорил Ленин. — Он был также революционным демократом»¹.

Революционный демократизм, обеспечивший Чернышевскому правильное понимание исторического процесса при наличии известных черт утопии, составлял то ценное, что социал-демократы почерпали и хранили из наследия 60-х годов.

4.

В период острой борьбы с либеральным народничеством, вопреки попыткам последнего исказить ценные и сильные идеи революционных демократов 60-х годов, Ленин настаивал на сохранении и развитии лучших традиций этого наследия, закрепленных Чернышевским.

Ленин борется в 90-е годы за наибольшее развертывание революционной активности рабочего класса и мобилизует все достижения опыта предшественников по борьбе за свержение царизма против остатков крепостничества, капитализма и за торжество идей социализма.

Ни в какой мере не могла быть приемлема для марксистов реакционная теория и политическая практика либеральных народников 80—90-х годов, лживо именовавших себя «друзьями народа», а на деле бывших друзьями «мелких «народных» буржуев, во всем самоуслаждении своими мещанскими прогрессами!»².

Ленин указал, что подлинными друзьями народа, указывавшими рабочему классу путь борьбы с царизмом, помещиками и капиталистами, являются только русские социал-демократы.

В этой великой борьбе у социал-демократов есть предшественники, есть традиции. Не либеральные народники, а революционные демократы 60-х годов во главе с Чернышевским — прямые предки, идейное наследие которых принимают и хранят русские социал-демократы.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

² Там же, т. 1, стр. 237.

В статье «От какого наследства мы отказываемся?» (1897 г.) Ленин характеризует черты просветительства 60-х годов, отмечая наличие в нем горячей вражды к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области; горячей защиты просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни; отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян¹.

Либерально-народническая идеология 90-х годов имела иные черты. В этой же статье Ленин определил их так. «Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом... Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п... Третья характерная черта народничества — игнорирование связи «интеллигенции» и юрико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов»².

Ленин отмечает, что «наследство» 60-х годов... не имеет ничего общего с народничеством»³, что «*ничего народнического в этом наследстве нет*»⁴, что «хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, *поставив* вопрос о капитализме в России, но данное им *решение* этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелкобуржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось *позади* по сравнению с «просветителями»⁵.

Ленин взял в качестве просветителя деятеля 60-х годов Скалдина и, как известно, в специальном примечании разъяснил, почему из-за ряда причин он сослался на Скалдина, хотя явно имел в виду Чернышевского, которого он считал главным представителем идейного «наследства» 60-х годов. Помимо известного всем примечания самого Ленина, разъясняющего это обстоятельство⁶, есть еще письмо В. И. Ленина из ссылки от 26 января 1899 года, где Ленин говорит: «ведь принимать наслед-

¹ Подробнее см. В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 472 и др.

² В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 484, 485, 489.

³ Там же, стр. 483.

⁴ Там же, стр. 472.

⁵ Там же, стр. 491.

⁶ Там же, стр. 473.

ство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей,—это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237, где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели»¹.

Понятно, почему Ленин отделяет Скалдина от Чернышевского. Ведь Чернышевский был в глазах Ленина представителем революционного просветительства, которому присуща была идея политической борьбы масс. В силу дифференциации крестьянства русская демократия распадалась и в 60-е годы на различные группы, в числе которых были и представители революционного крыла, и кулачества, и зарождавшегося пролетариата².

Чернышевский был великим демократом, выдающимся выразителем неотвратимого стремления единственно в 60-е годы революционного класса крестьянства, готового свергнуть гнет крепостничества и обеспечить полное соответствие новых освобожденных производительных сил и производственных отношений. «Вера в возможность крестьянской социалистической революции» (Ленин) — вот что окрыляло, вдохновляло и двигало на борьбу и действие Чернышевского как вождя авангарда старого «социально-революционного» народничества. Крестьянство, а не буржуазия было питательной средой и источником освободительных устремлений революционной демократии 60-х годов.

Русская буржуазия в силу замедленного экономического развития в стране была политически косной, нерешительной, неспособной к революционной борьбе. Ленин писал о буржуазии, что «она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй»³. Буржуазия страшилась движения масс, и ее идейные выразители — либералы испытывали также страх перед демократией и шли на измену народу, революции. Недаром

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 520; «примечание на стр. 237», о котором здесь говорит Ленин, см. на стр. 473 того же (2) тома.

² Подр. см. в изд. «Рабочее движение в России в XIX в.», Сб. документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой, т. II, часть I (1861—1874 гг.), Госполитиздат, 1950 г.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 495.

Чернышевский назвал либералов 60-х годов «болтунами, хвастунами, дурачем».

Выделению Чернышевского, как и вообще всей революционной демократии, из общего потока наследства 60-х годов Ленин придавал особое значение. В известном письме к Потресову (1899 г.) он писал, что считать наследство 60-х годов «за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов»¹.

И здесь Ленин снова подтверждает свою мысль о размежевании между Скалдиным (*liberalkonservativ*) и Чернышевским, подлинным революционным демократом шестидесятых годов.

Ленин осуждал отказ от классовой дифференциации, критиковал теорию единого потока, которой держалась либерально-народническая доктрина. Критик либерально-народнического лагеря М. А. Протопопов в статье о Писареве в 1895 году утверждал, что между Ростовцевым, Милютиным, Унковским, с одной стороны, и Чернышевским, Добролюбовым, Салтыковым-Щедриным, Некрасовым «можно было бы без труда найти некоторую идейную связь»².

Крестьянское освободительное движение при всем том, что оно было стихийным и разрозненным, объективно было направлено на полное уничтожение самодержавно-крепостнического строя. Оно внушало и своим представителям новые общественно-политические и литературно-эстетические идеи, направленные против того мировоззрения, что выработали защитники феодально-крепостнического строя.

Это было мировоззрение восходящего класса, стремившегося утвердить свое миропонимание. Чернышевский является одним из тех, кто заложил основы нового передового мировоззрения в России, выражавшего интересы и чаяния нового класса, антагониста дворянства. Чернышевский принимал горячее участие в разработке революционной теории, которая освещала путь борьбы его последователям и позднейшим поколениям, способствовала развитию революционного движения. Ленин в статье «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.), написанной в период борьбы с народничеством, писал:

¹ «Ленинский сборник», IV, стр. 13.

² М. А. Протопопов, Писарев, «Русское Богатство», 1895, т. 1, стр. 37.

«Давно уже сказано, что без революционной теории не может быть и революционного движения...»¹. Эти слова приложимы и к Чернышевскому, который достиг немалых успехов в разработке революционной теории, содействовавшей распространению марксизма в России.

5.

Мировоззрение Чернышевского при всех существенных отличиях от идеологии рабочего класса имело точки сближения с последней. Теоретическое богатство революционных просветителей по праву наследовали марксисты, «ученики», а не народники. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?» отводит специальный раздел («Просветители», народники и «ученики»), в котором раскрывает и обосновывает свой вывод, что *«ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники»*².

Возьмем один вопрос — взгляд на исторический процесс, который ярко обрисовывает точки сближения и расхождения между революционным просветительством, народничеством и марксизмом. Ленин формулировал этот момент так: «Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залогов лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий»³.

Ленин дополняет картину сопоставления взглядов на капитализм выводом о преемственности между «просветителями» и «марксистами». «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей»⁴.

Так же четко, как и вопрос о капитализме, охарактеризовал Ленин и вопрос о народе и различных решениях

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 319.

² Там же, стр. 493.

³ Там же, стр. 492.

⁴ Там же, стр. 493.

его в концепциях этих трех направлений, отмечая точки соприкосновения между просветителями и «учениками»¹. Просветители не тормозили, как народники, общественное развитие, а смотрели в будущее, в сторону развития капитализма. Ленину было известно мнение Чернышевского о промышленном прогрессе и превосходстве индустриального развития над докапиталистическими формами экономики. «В наше время, — писал Чернышевский, — главная движущая сила жизни, промышленное направление, все-таки гораздо разумнее, нежели тенденции многих прошлых эпох... Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки зрения мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас»². О Чернышевском можно смело сказать словами Ленина, что он смотрел вперед, в сторону буржуазного экономического развития страны. От промышленного прогресса он ждал перемен к лучшему, заявлял о грядущем процветании культуры.

Любопытно сопоставить суждения Чернышевского и Ленина по этому вопросу. Так, Чернышевский писал: «для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него (промышленного развития — Н. Б.) выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей»³. Еще раньше в восьмой главе «Очерков гоголевского периода русской литературы» (1856) Чернышевский говорил о расцвете мысли и художественной литературы в будущем: «Мы нимало не сомневаемся в том, что будущее развитие человеческой мысли далеко превзойдет своею полнотою и глубиною все, что произвела мысль нашего века; мы уверены и в том, что русской литературе предстоит великое развитие»⁴.

Напомним, что писал Ленин в статье «Экономическое содержание народничества» (1894—1895 гг.). Нарисовав картину прогрессивного влияния капитализма на западе,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 493.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, 1948 г., стр. 860—861.

³ Там же, стр. 861.

⁴ Там же, т. III, стр. 277.

он так охарактеризовал перемены во всех областях русской жизни в пореформенную эпоху и, в частности, в социальной жизни: «В России этот процесс сказался с полной силой в пореформенную эпоху, когда старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от оупляющей обстановки деревни и заменявшая полукрепостнические формы присвоения сверхстоимости — формами чисто капиталистическими. Этот экономический процесс отразился в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п.»¹. Из этого сопоставления характеристик можно сделать заключение, что Ленин не опровергает оценки Чернышевского, а дополняет ее, рассматривая пореформенный период с точки зрения нового времени, от лица рабочего класса, с точки зрения марксизма.

Отчетливо представляя принципиальное различие между идеологией разночинно-демократического этапа освободительного движения и пролетарского этапа, между революционным просветительством и марксизмом, Ленин отстаивал идею связи, идею преемственности между наследством революционных демократов и марксистами. «...если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать *два наследства*: одно наследство — просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство — народническое. Мы уже показали, что смешивать две эти различные вещи было бы грубой ошибкой, ибо всякий знает, что были и есть люди, хранящие «традиции 60-х годов» и не имеющие ничего общего с народничеством»².

Ленин утверждал это, основывая свои рассуждения на исторически точном соответствии понимания и оценки воззрений Чернышевского с действительным процессом

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 394.

² Там же, т. 2, стр. 494.

общественно-экономического развития в эпоху 60-х годов.

Указывая на необходимость последователям марксизма «никогда не забывать в своей деятельности громадной важности ДЕМОКРАТИЗМА»¹, Ленин дает положительную оценку демократизма в наследстве 60-х годов с точки зрения современного рабочего движения, ибо «только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад»².

Заканчивая IV главу статьи «От какого наследства мы отказываемся?», Ленин высказал тот основной принцип, который стал руководящим для будущего движения и для нашего современного развития в отношении «культурного наследия». «Но само собою разумеется, — писал Ленин, — что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством...»³.

6.

К тому же периоду борьбы Ленина с народниками относится оценка романа Чернышевского «Пролог» и главного героя этого романа Волгина. Ленин отметил высокую идейность романа, тесную связь с современностью, широту познаний автора, последовательную принципиальность в решении основных вопросов эпохи, революционный патриотизм. В статье «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин подчеркнул «те места, которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности». Ленин отметил, что «чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обвиняков». И тут же приводит рассуждения Волгина из «Пролога к Прологу» относительно освобождения крестьян помещичьей партией. И эти рассуждения Волгина, в которых проявилось глубоко революционное понимание

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 272.

² Там же, т. 2, стр. 311.

³ Там же, стр. 494.

главного вопроса эпохи — освобождения крестьян, — Ленин определил как гениальные, как исторически прозорливые. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер»¹. И позднее в статье 1911 года «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» Ленин, обращаясь к эпохе 60-х годов, говорит, что «были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»².

Оценки Чернышевского и героя романа «Пролог» Волгина — выразителя взглядов Чернышевского — говорят о том, что революционные демократы представлялись Ленину подлинными героями своего времени, сделавшими все возможное для улучшения положения угнетенного крепостного крестьянства, для его освобождения и для торжества великих освободительных идей. И Чернышевский и его герой Волгин — благородны, бескорыстны, беззаветно преданы народу, бесстрашны в борьбе за идею крестьянской революции, решительны в преодолении трудностей и готовы на жертвы за народ, в могучие силы которого они верят. Оттого они и тверды в своих убеждениях. Они — великая опора революции, они — ведущий отряд исторического движения вперед. Либералы же, боявшиеся народа и его революционных устремлений, в глазах Ленина были тормозом в развитии исторического процесса. Эти две тенденции — демократическая и либеральная, наметившиеся еще в период крестьянской реформы, «развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий* на самых различных поприщах»³.

Ленин отмечал, что «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 263.

² Там же, т. 17, стр. 96.

³ Там же, стр. 98.

эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов»¹.

И в другом месте:

«История навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи, — о вторых, как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего»².

Великие политические идеи Чернышевского сохранили свою силу и позднее. Они помогали позднейшим поколениям в борьбе с царизмом, с крепостничеством и с капитализмом во имя интересов народа.

Ленин отметил исторический оптимизм эпохи Чернышевского и противопоставил его пессимизму либеральных народников³.

Обрисовывая вырождение народнического направления, Ленин показал влияние этого факта на характер народнической литературы и публицистики. Вместо великих вопросов эпохи, которыми жила литература, вскормленная старым народничеством, либерально-народническая беллетристика стала «собирать салонные сплетни про злых марксистов, раскланиваться перед правительством за спасание народа от окончательного разорения, приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами, учить «публику» не сторониться даже от таких должностей, как должность земского начальника», — писал Ленин⁴.

В свете такой характеристики народнической литературы и народнической печати понятен гнев и осуждение Лениным культурнического оппортунизма «Недели», «Русского Богатства» — виднейших органов либеральных народников: «И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они, хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Это уже совсем безобразие, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское Богатство» не было слишком забавно, если бы подобные заявления на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 100.

² Там же, стр. 90.

³ Там же, т. 2, стр. 492.

⁴ Там же, т. 1, стр. 245.

страницах такого журнала не вызывали только гомерического смеха»¹.

Как в статьях против либеральных народников, так и в статьях более поздних лет: «Очередные задачи советской власти» (1918 г.); «Письмо к американским рабочим» (1918 г.); «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 г.), Ленин неизменно отмечал революционный демократизм Чернышевского.

Ленин раскрывал характер фальшивого демократизма либеральных народников в период краха народнической революционности и перехода к новому этапу освободительного движения — пролетарскому, сущность которого, по определению Ленина, заключалась в раздельности идей демократии и социализма. Отмежевываясь от либерального народничества, Ленин в то же время утверждая огромную важность связи с подлинно демократическими элементами. Ленин призывал не забывать «громкой важности ДЕМОКРАТИЗМА»².

Ленин определял качественное отличие буржуазного демократизма от пролетарского: «Несмотря на определенную связь, существующую между тем, что возникает в жизни, и тем, что отмирает в ней, новое и старое *качественно* отличается друг от друга... Качественное различие между новым и старым существует и в явлениях общественной жизни».

Сравнивая новую пролетарскую демократию с отмирающей буржуазной демократией и подчеркивая их качественное различие, В. И. Ленин писал в работе «Государство и революция» так: «Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства»³.

7.

В статьях, направленных против «легального марксизма» и «экономизма», Ленин показал Чернышевского как непримиримого борца против российских либералов.

Ленин, следуя принципу: «Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 245.

² Там же, стр. 272.

³ Там же, т. 25, стр. 444.

модные и блестящие мундиры она ни рядилась»¹, проделал огромной важности работу по разоблачению буржуазных либералов и оппортунистов, их мизерности и предательской роли. Ленин обрушивается на «Рабочую мысль» — орган петербургских экономистов — с гневным обличением по поводу переоценки роли либералов. «...русские либералы *никогда* не сорганизовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия... А Р. М.² не только извращает дело, но и припутывает к этому имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского», — писал Ленин в статье «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899 г.)³. Ленин резко противопоставил Чернышевского либералам. В той же статье он указал на непримиримо враждебное отношение Чернышевского к либералам своего времени. «Н. Г. Чернышевский именно потому и высмеивал беспощадно «передовые слои русского общества»⁴, что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды⁵ под ударами самодержавного правительства. Р. М. в этом случае так же бессмысленно цитирует Чернышевского, как бессмысленны надерганные во второй статье «Отдельного приложения» отрывки цитат из Чернышевского, стремящиеся показать, будто Чернышевский не был утопистом и будто русские социал-демократы не оценили всего значения «великорусского социалиста». Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-Демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Раб. мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон»⁶.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 315.

² Р. М. — то есть «Рабочая мысль», социал-демократическая газета, 1897—1902 гг.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 248.

⁴ То есть либералов.

⁵ Ленин понимает здесь тверского общественного деятеля Унковского, в 1860 г. сосланного правительством в Вятку за то, что, стоя во главе тверских либералов, провел на дворянском собрании постановление против запрещения правительства обсуждать крестьянскую реформу.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 249.

Два слова пояснений. «Рабочая мысль» в статье «К десятилетию смерти Чернышевского» (в «Отдельном приложении» к № от 10 сентября 1899 г.) подвергала критике Плеханова, его взгляды на Чернышевского как крестьянского демократа-утописта, и отстаивала свое мнение, что Чернышевский — «основатель рабочего социализма в России». Это мнение, высказанное несколько раньше «Рабочей мыслью», газета сопровождала призывом заново оценить Чернышевского.

Обс попытке «Рабочей мысли» — превознести либералов, приписать им «самостоятельную революционную роль» (Ленин) и дать неверную трактовку Чернышевского как провозвестника «самоосвобождения рабочих» — встретили резкий отпор со стороны Ленина. Вопреки экономистам Ленин доказывает, что о революционной партии и ее натиске в начале 60-х годов можно говорить только по отношению к Чернышевскому. Между ним и либералами лежит непроходимая пропасть. Ленин отверг и другое ложное утверждение экономистов (рабочемысленцев), что якобы Чернышевский был «основателем рабочего социализма в России».

Ленин проводит резкий водораздел между Чернышевским и либералами. Чернышевский — враг либералов, он — подлинный революционер-демократ, он — вождь революционной партии, стоявший на крестьянской точке зрения, в мировоззрении которого в силу исторических условий сочетались сильные и слабые стороны, — вот первое утверждение Ленина. Тем самым он ниспровергал с пьедестала либералов и отделял от них великого революционного демократа 60-х годов.

Ленин и позднее, в 1914 году, приводит в пример революционную борьбу Чернышевского против либералов: «Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доньше ненавистна кадетам и ликвидаторам»¹.

Чернышевский не был основателем рабочего социализма в России. В его политической программе не было отведено места пролетариату, как понимали эту роль пролетариата Маркс и Энгельс — таков ответ Ленина экономистам.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

Высокая оценка Лениным работы Плеханова о Чернышевском нимало не противоречит его критике ошибочного, абстрактно-логического подхода к анализу взглядов Чернышевского со стороны Плеханова¹. В лучшую пору своей политической деятельности (в период борьбы против ликвидаторства) Плеханов правильно оценил боевой демократизм Чернышевского, что и отметил здесь Ленин.

Имя Чернышевского, не запятнанное никакими предательствами дела освобождения масс, Ленин возвышает над либералами и в дальнейшей своей борьбе с этим лагерем, развернувшейся через два года вокруг вопроса о земстве.

Либералы в ту пору подняли голову, они стали опасностью, которую надо было устранить с пути революционного движения масс. Противопоставление демократов либералам сохранило свою силу и на третьем этапе освободительного движения в России, получив новое, разумеется, политическое содержание. «Вопрос об отделении либерализма от демократии в России принадлежит к числу коренных вопросов всего освободительного движения», — писал В. И. Ленин в 1913 году².

Ленин в работе «Гонители земства и аннибалы либерализма» (1901 г.), обличив предательство либералов в период реформы 1861 г. и показав их пресмыкательство перед царизмом, противопоставляет либералам подлинных революционеров-демократов во главе с Чернышевским.

«Мы видели, как трусливо и как неразумно поступали либералы по отношению к революционному движению начала 60-х годов. Вместо того, чтобы поддерживать «согласие мещан и крестьян с приверженцами *«Великорусса»*», они боялись этого «согласия» и стращали им правительство. Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику ширококвещательного краснбайства и позорной дряблости.

¹ Ленинский сборник, т. XXV, стр. 231.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 269.

Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснить либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты «с разрешения начальства»¹.

Либералы в 60-е годы не могли «играть *самостоятельной* революционной роли», — как сказал Ленин раньше в статье «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899)². Эту роль выполняла «революционная партия» во главе с Чернышевским.

Ленин с гордостью говорит в 1901 году в статье «Гонители земства» о «натиске революционной партии» в 60-е годы, поднявшей знамя борьбы за освобождение крепостных крестьян.

Буржуазные реформы 1860 годов Ленин рассматривал как результат воздействия на царизм революционного движения, он усматривал в этих реформах те уступки, «которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска»³. Для Ленина было очевидным фактом, что царское правительство «*защищалось* от натиска революционной «партии»⁴. Чернышевский был в понимании Ленина «коноводом» революционной партии⁵.

Напомним, что Ленин решительно выступил против попытки Ю. Стеклова подвергнуть сомнению революционную деятельность Чернышевского и его ведущую роль в 60-е годы. Справедливо П. Н. Лепешинский так охарактеризовал смысл критических замечаний Ленина на книгу Ю. Стеклова: «Чернышевский был не только революционером в обычном смысле этого слова, но ему принадлежит роль центральной фигуры в революционном движении данного отрезка времени. Вот почему является странным, что Ю. М. Стеклов недооценил в Чернышевском подлинной черточки, которая чрезвычайно выгодно оттеняет его крупную революционную индивидуальность»⁶.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 32—33.

² Там же, т. 4, стр. 249.

³ Там же, т. 5, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 27.

⁶ П. Лепешинский, Ленин о Чернышевском, «Старый большевик», М. 1933 г., № 5—8, стр. 94.

Маркс и Энгельс также видели в Чернышевском «главу революционной партии», вокруг которого сплотилась в свое время «целая фаланга публицистов, многочисленная группа офицеров и учащаяся молодежь», т. е. большой круг революционно-настроенных последователей¹.

Советские историки много делали для установления участия Чернышевского в деле создания революционной партии и революционной организации в 1861—1862 гг.². Однако, говоря о русской революционной партии и о ее «натиске» на царизм и реакцию, необходимо помнить предостережение Ленина относительно подлинно-исторического понимания этого факта. «Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском»³.

Ленин в этом месте своей работы указывает на революционную ситуацию 1859—1860 гг., на факты, свидетельствующие о революционном подъеме в тот момент.

Статьи Чернышевского и Добролюбова, стихотворения Некрасова явились идеологическим выражением революционной ситуации. Все эти литературные произведения были проникнуты верой и надеждой на близость революции. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» намекал на революцию: «Возьмите самого дюжинного, самого бесцветного, слабохарактерного, пошлого человека: как бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бывают в ней минуты совершенно другого оттенка, минуты энергических усилий, отважных решений. То же самое встречается и в истории каждого народа». Чернышевский в своем романе «Что делать?» намечал революцию на определенный момент — на 1865 год.

Ленин считал, что не всякая революционная ситуа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, часть II, стр. 642.

² Кроме известных работ Б. П. Козьмина, М. В. Нечкиной, А. М. Панкратовой и др., укажем на статью Р. А. Таубина «Роль Н. Г. Чернышевского в создании революционной партии» (напечатанной в 39 вып. «Исторические записки», 1952 г., стр. 59—97), где вопрос освещается на основании широкого круга первоисточников.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26.

ция может превратиться в революцию, может вырасти в революцию масс. Ленин указывал, что революционная ситуация разрешается революцией лишь тогда, когда к объективным социально-историческим условиям присоединяются субъективные факторы: «... способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»¹.

В 60-е годы «революционное движение в России, — говорит Ленин, — было тогда слабо до ничтожества, а революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было»². Единственно революционный класс в ту пору — угнетенное крестьянство, на которое опирались революционные демократы 60-х годов, — было способно создавать разрозненные и стихийные «бунты», не освещенные политическим сознанием. В этом была историческая беда Чернышевского и его сподвижников.

Итак, в борьбе с либералами и экономистами Ленин отстоял единственно исторически правильное понимание Чернышевского как вождя революционной партии 60-х годов, как учителя революционеров, как негибавшего борца за идею крестьянской революции, — непримиримого врага российского либерализма. Чернышевский — вождь крестьянской революционной демократии с ее сильными и слабыми сторонами.

Ленин опроверг модернизацию исторического облика Чернышевского, внесенную экономистами из «Рабочей мысли». Он подчеркнул крестьянский демократизм в деятельности и мировоззрении Чернышевского.

В статьях против народников Ленин выделял революционный демократизм Чернышевского, обеспечивший теоретическую мощь и высоту воззрений великого революционера-демократа. В статьях против экономистов и легальных марксистов Ленин выдвигает на первый план сочетание высокого по уровню теоретического мировоззрения Чернышевского с ярко проявленным талантом политического борца и руководителя революционно-демократических сил в стране в 60-е годы, организатора «революционной партии», противостоявшей лагерю российских либералов.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 190.

² Там же, т. 17, стр. 94.

«Экономисты», преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, недооценивали значение революционной теории. Ленин в своей работе «Что делать?» (1901—1902 гг.) показал исключительную роль марксистской партии в борьбе за выработку социалистического сознания пролетариата. Он доказал, что марксизм потому обладает силой, что он опирается на прочный фундамент знаний, добытых до него человечеством. Марксизм представляет собой теорию научного социализма, благодаря которой партия может руководить классовой борьбой пролетариата, познать настоящее, предвидеть будущее, ход грядущих событий и тем способна вести вперед рабочий класс.

Для русской социал-демократии значение революционной теории, как указывал Ленин, особенно возрастало в силу ряда причин: в частности, потому, что партия только складывалась и выработка правильной идейной программы была весьма важным делом. Поэтому сугубо важно было отбросить оппортунизм (экономистов) и идейно вооружить русский пролетариат против царизма, против буржуазной идеологии. Теория «стихийности» экономистов была, по сути дела, отрицанием теории, обрекала рабочий класс на роль пассивного созерцателя стихийного процесса и, таким образом, обезоруживала рабочий класс перед царизмом и буржуазной идеологией.

Молодое русское рабочее движение нуждалось в идейном вооружении, в правильной революционной теории, и учет опыта передовых деятелей прошлого являлся насущно необходимым. Так высоко ставит Ленин революционных демократов и Чернышевского, выдвигая его в качестве примера борьбы за передовую теорию, способствующую движению вперед.

Эта борьба революционных демократов вошла как яркая страница в летопись идейных исканий. Об этом итоге борьбы Ленин и писал: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как един-

ственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий...»¹.

Плеханов, который впервые в истории русского освободительного движения уделил серьезное внимание вопросам теории социал-демократии, выдвинул обоснованный аргумент в защиту революционной теории, как могучего источника силы. «Без революционной теории, — писал он в 1883 году, — нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добывающаяся господства, — революционны лишь постольку, поскольку они представляют собой наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»².

Ленину было ясно, что Чернышевский «выстрадал» свою теорию и сумел важнейшие вопросы экономики, истории, эстетики и литературы продвинуть вперед так, что и научная мысль и освободительное движение получили могучие стимулы для своего развития.

Чернышевский подвел итоги опыту прошлого и раздвинул перед современниками горизонты нового миропонимания, созвучного второму этапу освободительного движения. Чернышевский знал опыт общеевропейского общественного развития и, отвергая ошибки либералов, мешавших развитию революции 1848 года, хотел уберечь русских революционеров-современников от промахов и поражений в борьбе с царизмом, могущих проистечь от союза с русскими либералами. Последовательность в борьбе могла быть обеспечена принципиальностью, верностью революционной теории.

Утверждение Ленина о значении революционной теории бесспорно явилось также итогом наблюдений над русским освободительным движением и выводом из исторического опыта революций на Западе и в Америке в XIX веке, где решающими причинами поражений рево-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 9.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 71.

лющий и непоследовательности был недостаток непрерывного революционного руководства движением масс, преобладание «стихийности» — источника всякого оппортунизма — и отсутствие монолитной организационно-оформленной и спаянной единством теории революционной партии пролетариата — руководителя крестьянских масс.

9.

В идеологии революционных демократов 60-х годов важную составную часть представляла философия.

Мировоззрением революционных демократов, как известно, был материализм. Философия и политика революционных демократов 60-х годов, влияя друг на друга, содействовали повышению уровня мировоззрения их носителей.

Ленин в своей борьбе против идеализма — против русских последователей Маха и Авенариуса — поддержал материалистическую традицию Чернышевского в области философии и противопоставил ее как плодотворную передовую традицию взглядам русских эмпириков.

Рисую величественную картину движения переловой научной мысли человечества, Ленин счел необходимым специально сказать о заслугах Чернышевского — русского великого ученого-материалиста. Ленин высоко оценивал беспощадную критику идеализма и агностицизма, данную в свое время Чернышевским. В письме к А. И. Елизаровой 23 или 24 марта 1909 года Ленин писал: «Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского»¹.

В специальном «добавлении к § 1 главы IV» под названием «С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?» Ленин показал, насколько был неизмеримо выше российских махистов Чернышевский в критике Канта. Ленин ссылается на предисловие Чернышевского к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» (1888 г.). Чернышевский и в последние годы своей жизни продолжал с прежней неизменностью отстаивать материалистические воззрения.

Непреклонную борьбу против всяких отступлений от материализма в сторону идеализма и агностицизма

¹ В. И. Ленин Соч., т. 14, стр. 357.

Ленин отметил как достоинство, присущее теории Чернышевского. Ленин в философии великого революционера-демократа видел вершину русской философской мысли домарковского периода и считал необходимым провести сравнение его взглядов с Энгельсом: «... к сведению все перепутавших российских махистов: Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение «вещи в себе», а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника...»¹.

Философские воззрения Чернышевского были продолжением славной материалистической традиции, прочно заложенной еще его предшественниками. Эту традицию высоко ценил Ленин и отметил ее в статье «О значении воинствующего материализма» (1922 г.): «У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского»².

В названном добавлении к «Материализму и эмпириокритицизму» Ленин дал общую характеристику революционного демократа как философа-материалиста: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»³.

К тому же периоду (1909 г.) относится и другое выступление Ленина в защиту Чернышевского как философа и в защиту Белинского как публициста против злонамеренной клеветы кадетов в сб. «Вехи». Ленин показал реакционное лицо авторов этого сборника. «Вехи», —

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 345.

² Там же, т. 33, стр. 201—202.

³ Там же, т. 14, стр. 346.

писал Ленин, — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»¹.

«Вехи» боролись и против материализма. «Красной нитью, — писал Ленин, — проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом... Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста»².

Ленин, утверждая связь Белинского и Чернышевского с освободительным движением и пропасть, отделяющую либералов и кадетов от этого источника, в дальнейшем только подтвердил эту свою идею, когда выступил с критикой Щепетева, пытавшегося в «Русской Мысли» (1912 г.) протащить подновленное издание «веховщины»³.

Революционные демократы 60-х годов отстаивали принципы материалистической эстетики, общественного значения и общественного служения литературы и оказали огромное влияние на последующее движение русского искусства.

Чернышевский, защитник интересов трудящихся, сумел вопросы философии и эстетики связать с интересами простолюдинов.

Философию простолюдинов, их взгляды и вкусы он считал единственно отвечающими истине. В статье «Антропологический принцип в философии» (1860 г.) Чернышевский утверждал: «Нет никакого сомнения, что и простолюдины ознакомятся с философскими воззрениями, соответствующими их потребностям и, по нашему мнению, соответствующими истине»⁴.

Так, в области философии революционер-демократ Чернышевский стремился создать философскую теорию, которая была бы близка народу. Развиваемая и продолжаемая им материалистическая традиция в философии была одобрена Лениным.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 107.

² Там же, стр. 107.

³ Там же, т. 18, стр. 285.

⁴ П. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. III, 1951, стр. 175.

Н. К. Крупская в своих «Воспоминаниях о Ленине» говорит: «В марксизме действительно демократизм и борьба за социализм сливаются в одну неразрывную цепь. И не случайно, что, когда Владимир Ильич касался вопросов демократизма, он всегда вспоминал и Чернышевского, у которого он впервые научился тому, чтобы борьбу за демократию сливать с борьбой за социализм»¹.

Образ Чернышевского, как подлинно революционного борца за народные интересы, как яркий, заслуживающий подражания тип демократа «эпохи нераздельности демократизма и социализма» (Ленин), подкупал Ленина.

Н. К. Крупская свидетельствует о том влиянии, которое оказывал Чернышевский на Ленина. Она писала: «Как личность, Чернышевский повлиял на Владимира Ильича своей непримиримостью, своей выдержанностью, тем, с каким достоинством, с какой гордостью переносил свою неслыханно тяжелую судьбу. И все то, что сказано о Чернышевском Владимиром Ильичом, дышит особым уважением к его памяти. В тяжелые времена, когда приходилось в партийной работе переживать трудные моменты, Владимир Ильич любил повторять одно место из Чернышевского, где тот говорит, что «революционная борьба — это не тротуар Невского проспекта»².

Демократизм и последовательная революционная позиция-тактика Чернышевского не загораживали в глазах Ленина слабых черт мировоззрения Чернышевского — социально-утопических элементов (веру в общину как переходную ступень к социализму).

Не так давно появились воспоминания меньшевика Н. Валентинова о В. И. Ленине, где, наряду с тенденциозными и грубо ошибочными сообщениями и утверждениями, содержатся свидетельства, совпадающие с тем, что уже известно в высказываниях Ленина о Чернышевском, и с рассказами Н. К. Крупской об отношении Ленина к великому революционному демократу.

Касаясь «Что делать?», Ленин говорил Валентинову, неверно оценившему роман Чернышевского: «Отдаете ли вы себе отчет, что говорите?.. Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционера-

¹ Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, 1931, стр. 183.

² В. И. Ленин, О литературе, Гослитиздат, 1941, стр. 255.

ми... Чернышевский, например, увлек моего брата, он увлек и меня. *Он меня всего глубоко перепыхал.* Когда вы читали «Что делать?»? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в таком возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь...»

«... До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее, влияние имел на меня только Чернышевский и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Перед этой заслугой меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени...»¹.

В трудах Ленина имя Чернышевского знаменовало собой важнейшую линию развития исторического процесса на путях демократической культуры. С Чернышевским связывал Ленин представление о подлинно-демократической культуре родины в прошлом: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — писал В. И. Ленин. — Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»².

Ленин с именем Чернышевского объединял представление о русском подлинно революционном деятеле широчайшего масштаба, которому дороги все стороны социально-исторической жизни как своей страны, так и всего человечества.

Ленин поддерживал благородную традицию дружбы

¹ «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 131—132, 134.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

и единения народов, в свое время провозглашенную Чернышевским, с явным сочувствием говорил в статье «О праве наций на самоопределение» (1914 г.) о правильном решении Чернышевским польского вопроса. «Было бы весьма интересной исторической работой, — писал Ленин, — сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863-го года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии»¹.

Чернышевского, как революционера-демократа и истинного патриота родины, интересовала судьба народа, его светлое будущее. Он работал не покладая рук и укрепил в науке и в современниках основы нового революционного мировоззрения, продолжив и развив заложенные ранее живые плодотворные традиции Радищева, декабристов, Белинского и Герцена. В то же время Чернышевский пошел дальше своих предшественников. Он, например, «...сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом»².

Образ Чернышевского, дело его жизни и борьбы выросли на страницах работы Ленина против либеральных народников как неопровержимое политическое обвинение и осуждение за измену народу.

В статье «О национальной гордости великороссов» (1914 г.) Ленин, преклоняясь перед революционным подвигом Чернышевского во имя освобождения народных масс, говорил, что великорусский демократ Чернышевский посвятил и отдал свою жизнь делу революции. В Чернышевском он видел один из образцов борьбы за свободу и социализм.

В наследии Чернышевского Ленин находил основания для установления преемственности революционных и демократических традиций в русском освободительном движении, для показа в лице Чернышевского высокого при-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 403.

² Там же, стр. 224.

мера последовательной и непримиримой борьбы во имя освобождения угнетенных масс народа. Наследие Чернышевского было в руках вождя революционной партии пролетариата также орудием в борьбе с царизмом, остатками крепостничества и капитализмом.

Подчеркивая живое значение традиций Чернышевского, Ленин указывал, что только революционная социал-демократия по праву наследует эти традиции, критически их осмысливая и развивая.

И теоретически и практически революционная деятельность Чернышевского составила эпоху в истории страны и в истории освободительного движения. Целым этапом предстает эта деятельность в той концепции развития русского революционного движения, которую установил Ленин в своих работах «Из прошлого рабочей печати в России» (1914 г.) и других.

Традиции Чернышевского противопоставлены были Лениным всякого рода буржуазным теориям и взглядам — субъективной социологии либеральных народников (в 90-е годы), идеологическим теориям Маха и Авенариуса, игнорировавших объективные закономерности общественного развития¹.

Ленин, разоблачая гнусную «политику либеральных буржуа», неоднократно напоминал о непоколебимой преданности революции со стороны Чернышевского, непреклонной решимости его служить этому делу. «Еще Чернышевский сказал: кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность. Кто... боится испачкать себе руки, раскапывая грязь буржуазного политиканства, тот пусть уходит прочь. Наивные белоручки только вредят в политике своей боязнью прямо смотреть на суть дела». Так писал Ленин в 1907 году в статье «Социал-демократия и выборы в Думу»² и ссылаясь

¹ Напомним, как Ленин четко охарактеризовал высоту идейно-политических взглядов Чернышевского в сравнении с Михайловским и «модными позитивистами»: «В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России, — писал Ленин в статье «Народники о Михайловском» (1914), — Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали «модные позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.)». Соч., т. 20, стр. 100—101.

² В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 409.

на известные слова Чернышевского «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта», в которых революционер-демократ 60-х годов иносказательно говорил о революции¹. И позднее в «Письме к американским рабочим» (1918 г.) Ленин вновь напомнил об этой тактике последовательного революционера-демократа, как традиции, преемственно унаследованной революционной партией рабочего класса.

Ленин дал высокую оценку языку Чернышевского в своей статье (1914 г.) «Нужен ли обязательный государственный язык?». Ленин писал: «Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч»².

Чернышевский, как все русские писатели-классики, опирался в своей практике на общенародный язык. Он утверждал: «Для выражения истинно народных чувств необходим народный язык»³. Через голову царской цензуры Чернышевский сумел вести «могучую проповедь» идей революции и социализма. «Эзопов язык», к которому прибегал Чернышевский для выражения «запрещенных» идей, надо рассматривать не как уступку цензуре, а как победу гения революционной демократии над реакцией и царизмом. «Тайнопись» Чернышевского и деятелей его времени свидетельствует о превосходстве и идейной сплоченности «властителей дум» той эпохи с передовыми кругами общества, поскольку эти круги понимали прикровенную речь своих идейных учителей.

Революционно-демократическое мировоззрение Чернышевского придавало необычайную способность проникновения в смысл событий и явлений жизни, в силу чего передовые идеи Чернышевского продолжали свою жизнь и простирали свое значение вперед в будущее.

Вот почему Ленин и в последующие годы многократно напоминал о великих плодотворных и славных традициях Чернышевского, как традициях живых и определяющих исторический смысл борьбы. Так, в 1911 году Ленин указал, что традиции Чернышевского являют собой историческую силу в современной классовой борьбе. Тогда Ленин писал, что «Либералы 1860-х годов и Чер-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VII, 1950 г., стр. 923.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 55.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, 1943, стр. 645.

нышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют ход борьбы за новую Россию»¹.

При освещении вопроса о традициях Чернышевского Ленин не допускал ни стирания граней, ни игнорирования преемственности между наследием революционных демократов 60-х годов и идеологии «учеников», революционной социал-демократии XX века.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.



А. П. МЕДВЕДЕВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В КРУЖКЕ И. И. ВВЕДЕНСКОГО

Историческую роль Герцена и Белинского в подготовке разночинцев-демократов, деятелей второго этапа освободительной борьбы, с замечательной точностью определил В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России»: «Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»¹.

Итак, проповедь Герцена и Белинского — вот идейная школа, которая подготовила выступление революционных демократов во главе с Чернышевским.

При изучении истории духовного развития Н. Г. Чернышевского нельзя не заинтересоваться вопросами: где, в каких конкретных условиях, в какой конкретной обстановке происходило знакомство Чернышевского с теми

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223—224.

произведениями Белинского, Герцена, которые В. И. Ленин назвал «бесцензурной печатью» и которые оказывали наибольшее влияние на формирование демократических, материалистических и революционных взглядов.

Остро обличительные статьи Герцена, письмо Белинского к Гоголю не были достоянием широкой гласности. Наоборот, знакомство с ними, как известно, грозило немалой опасностью и потому осуществлялось конспиративным путем, в узком кругу передовых людей, единомышленников, принимавших активное участие в общественной жизни и имевших политические связи и возможности доставать запрещенную литературу.

В таком случае, где же молодой Чернышевский получал эту литературу?

Таким местом, несомненно, следует считать кружок Иринарха Ивановича Введенского, который объединял группу передовой разночинческой молодежи, преимущественно учителей и литераторов. Именно в этом кружке молодой Н. Г. Чернышевский, тогда студент 4 курса Петербургского университета, завершил свое обучение, пройдя школу идей и Белинского и Герцена. Здесь, на «средах» у И. Введенского, Чернышевский не только имел возможность познакомиться с произведениями «бесцензурной печати», но и больше узнать о Герцене и Белинском как о личностях, литературная и политическая биография которых сама по себе могла служить примером самоотверженной борьбы с произволом самодержавного крепостнического строя.

В специальной литературе роль кружка И. Введенского как места, где Чернышевский воспринял революционные традиции своих предшественников — Белинского и Герцена, — явно недооценена и освещена скупо. Наиболее обстоятельные сведения о Чернышевском в кружке Введенского дает работа Е. А. Ляцкого, составленная с использованием некоторых мемуарных источников¹. Однако она носит чисто биографический, осведомительный характер.

Из известных работ о Чернышевском большее вни-

¹ Е. А. Ляцкий, Н. Г. Чернышевский и И. И. Введенский. Из биографических очерков по неизданным материалам, «Современный мир», 1910, № 6.

мание интересующему нас вопросу уделяет В. Е. Чешихин-Ветринский¹. Его сообщения выходят за пределы простой информации, автор пытается уяснить значение кружка Введенского в процессе формирования мировоззрения Чернышевского. Так он отметил, что дух демократизма и атеизма, которым были проникнуты члены кружка и более всего сам глава его — Введенский, помог Чернышевскому освободиться от религии, что в свою очередь позволило ему с большей свободой отдаться обсуждению политических и социальных вопросов². В. Чешихин-Ветринский правильно также указал, что, будучи членом кружка Введенского, Чернышевский оказался причастным к идейным исканиям петрашевцев³.

К сожалению, оба эти правильные положения, выдвинутые исследователем, мало обоснованы и нуждаются в более прочных, а, главное, конкретных доказательствах⁴.

Кроме того, В. Чешихин-Ветринский в своей работе не уделяет внимания той роли, какую сыграли в духовном вооружении участников кружка Введенского Герцен и Белинский.

Через пять лет после выхода книги В. Чешихина-Ветринского в 1928 г. появилось второе издание монографии о Н. Г. Чернышевском Ю. Стеклова⁵. Однако

¹ В. Е. Чешихин-Ветринский, Н. Г. Чернышевский, «Колос», Петроград, 1923.

² Там же, стр. 49—53.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Необходимо отметить, что в сведениях, которые приводит В. Чешихин-Ветринский об истории взаимоотношений Чернышевского и Введенского, имеются неточности и ошибки, некоторые из них повторяются в последующих работах о Чернышевском. Так, неверно утверждение, что в кружок И. Введенского Чернышевский вошел будучи студентом 2 курса университета, то есть в 1847 г. (стр. 49). Эту неточность потом закрепил в своей монографии Ю. Стеклов (Ю. М. Стеклов, Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность, 1828—1889, ГИЗ, 1928, т. 1, стр. 32). Неверны также сведения о составе кружка Введенского. В. П. Лободовский, имевший большое влияние на Чернышевского в первые годы его обучения в университете, вопреки утверждению Чешихина-Ветринского (стр. 51), не был членом его кружка.

⁵ Ю. М. Стеклов, Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность, 1828—1889, тт. I, II, ГИЗ, 1928 (в первом издании, вышедшем в 1909 году, об участии Чернышевского в кружке Введенского ничего не говорится).

ничего нового по сравнению с тем, что было сказано Е. Ляцким и В. Чехихиным-Ветринским об отношениях Чернышевского и Введенского, в этой наиболее обстоятельной монографии о Чернышевском мы не найдем.

В последующих же небольших работах о Чернышевском, носящих характер критико-биографических очерков, о кружке Введенского имеются только самые беглые упоминания¹.

1.

Появление кружков в 40-х годах прошлого столетия было явлением закономерным. Их широкое распространение вызвано умственным оживлением, возникшим в результате политической активности на Западе и особенно событиями Французской революции в 1848 году.

Вместе с этим, еще более важной причиной умственного возбуждения было напряженное политическое состояние в самой России. Нарастающий кризис крепостнической системы, стремление правительства сохранить пережившие себя феодальные порядки, желание сохранить крепостное право — все это усиливало классовые противоречия и особенно противоречия между помещиками и закрепощенным крестьянством. Крестьяне бунтовали, жгли дворянские имения и расправлялись с помещиками. По словам шефа корпуса жандармов Бенкендорфа, крепостное состояние было подобно пороховому погребу под государством².

Страх перед возможностью революционного разрешения назревших противоречий объединил с правительством все консервативные силы. Реакционный лагерь, стремясь задержать опасную развязку, проявил суровую распорядительность. Если против бастовавших крестьян высылались карательные экспедиции, то для борьбы с

И. Нович, Жизнь Чернышевского, М., Гослитиздат, 1939; Н. Бельчиков, Николай Гаврилович Чернышевский, М., Гослитиздат, 1946; А. Скафтымов, Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского, изд. 2-е, испр. и доп., Саратов, 1947; Е. Покусаев, Н. Г. Чернышевский, Саратов, 1953; Б. Рюриков, Н. Г. Чернышевский, ГИХЛ, 1953; Н. Богословский, Николай Гаврилович Чернышевский, изд. «Молодая гвардия», 1955.

² Сб. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I, М 1931, стр. 31.

растущим общественным оживлением применялись меры «воспитания» и зажима. Народное образование было взято под строгий полицейский надзор. Литература, всегда служившая отдушиной для общественного мнения, была зажата в цензурные тиски: секретный комитет по делам печати под председательством крайнего реакционера Бутурлина пресекал малейшие намеки на критику существующего положения.

Однако никакие правительственные репрессии не могли приостановить появление и рост новых общественных сил. Возникновение кружков было одной из форм сопротивления старому. Кружки содействовали объединению сторонников прогрессивного лагеря. Передовая молодежь, сознавая неизбежность гибели старых порядков, не могла не задумываться о будущих судьбах родины, о коренных изменениях, которые должны были произойти в политическом и социальном устройстве.

Кружки не были политическими организациями с ясной программой действия, с твердым составом участников, тем не менее прогрессивное значение их было велико: они в условиях политического гнета самодержавия, в период правительственной реакции политически воспитывали молодежь, прививали дух критики, оппозиции, готовили смену политических деятелей для нового этапа борьбы за освобождение.

В 40-х годах с усилением умственного возбуждения тяга молодежи в кружки увеличилась. Наиболее известными кружками в эти годы были кружок Буташевича-Петрашевского, а также отпочковавшиеся от него кружки Кашкина, Дурова и близкого к ним по духу Шапошникова¹. Кроме этих кружков, взятых на учет следственной комиссией, ведшей дело петрашевцев, были и другие кружки². Следственная комиссия по делу петрашевцев имела список причастных к делу лиц из 280 человек³. Однако на подозрении в связях с петрашевцами было свыше тысячи человек⁴. Очевидно, еще больше было кружков, которые хотя в прямой связи с пет-

¹ «Дело петрашевцев», М.—Л. 1937, т. I, стр. XV—XVI.

² А. С. Нифонтов, Россия в 1848 году, М. 1949, стр. 166—167.

³ «Дело петрашевцев», М.—Л. 1937, т. I, стр. XX.

⁴ А. С. Нифонтов, Россия в 1848 году, М. 1949, стр. 164.

рашевцами и не находились, но тем не менее были им близки по духу.

Таким, несомненно, следует считать кружок передовых учителей и литераторов, собиравшихся у И. И. Введенского. На «средах» Введенского обсуждался и получал примерно одинаковое освещение тот же круг вопросов, что и на «пятницах» у Петрашевского. На «пятницах» Петрашевского и на собраниях в кружках его единомышленников горячо обсуждалось и критиковалось внутреннее положение России, высказывались резкие мысли по поводу деспотизма самодержавия, единодушное осуждение у всех находило крепостное право. Признавалась неотложная необходимость проведения ряда реформ, в том числе улучшения судопроизводства, освобождения печати от бесчинств цензуры.

В планах, проектах, мечтаниях о будущем социальном устройстве искали помощи у провозвестников идей утопического социализма, среди которых большою славою пользовался Фурье¹.

В этих условиях внимание всех, естественно, было приковано к событиям, развертывавшимся на Западе и особенно в революционной Франции. Политическая буря, пронесшаяся над Европой в 1848—49 гг., не могла не получить живого отклика в России: в кружках передовой молодежи значительно большее внимание стали уделять разговорам на политические темы. От обсуждения порядков во Франции невольно мысли переносились к вопиющим язвам российской действительности — самодержавному деспотизму и крепостному праву. Причем осуждение и критика теперь нередко стали сочетаться с замыслами — встать на путь практической борьбы с правительством².

Огромную роль в идейном воспитании петрашевцев, как показывают следственные материалы и как об этом свидетельствуют их собственные признания, сыграли критические статьи Белинского³ и особенно его письмо к Гоголю. Письмо Белинского к Гоголю использова-

¹ «Дело петрашевцев», М.—Л. 1937—1951, т. т. 1—3.

² «Дело петрашевцев». М.—Л. 1941, т. II, стр. 186—188.

³ М. Е. Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIV, «За рубежом», Л. 1936, стр. 161.

П. П. Семенов-Тяньшанский, Мемуары, т. I, Детство и юность (1827—1855), II., 1917, стр. 206; С. Макашин,

лось как пропагандистский документ, оно читалось, обсуждалось, переписывалось и распространялось¹.

Кружок Введенского по социальному составу своих участников, по настроениям, по темам разговоров, по отношению, которое испытывали участники «сред» к Белинскому, был очень близок к кружкам петрашевцев. Это объяснялось тем, что и петрашевцы и члены кружка Введенского принадлежали к одному и тому же социальному и общественному слою передовой петербургской разночинной молодежи. Несомненно, очень многое в общности тем и вопросов, какие обсуждались у петрашевцев и в гостиной И. Введенского, объяснялось также и тем, что между обоими кружками существовала живая связь: один из влиятельнейших членов кружка Введенского А. П. Милюков в то же время сам был петрашевцем, он входил в состав дуровской группы, где встречался с виднейшими людьми этого круга².

Помимо этого, кружок Введенского мог подвергаться и сознательному идейному воздействию со стороны петрашевцев. Известно, что петрашевцы считали полезным в целях быстрее распространения прогрессивных идей привлечение на свою сторону передовых преподавателей, которые повели бы за собой молодежь³. На этом обстоятельстве специально в своем донесении останавливался Липранди, который писал, что такой метод «совершенно согласуется с предположениями Петрашевского, Толстого, Белецкого, Поля, Ястржембского и других действовать через учителей на юношество. Трое из упомянутых выше, — продолжает он, — сами уже были учителями в разных учебных заведениях, военных и гражданских, и хвастали в успехе своей пропаганды, а Петрашевский и Толстой искали быть тем же...»⁴. Проводником влияний идей Петрашевского на

Салтыков-Щедрин, Биография, кн. 1. ГИХЛ, 1951, главы «Школа идей», «Белинский и кружок Петрашевского», стр. 188—213.

¹ «Дело петрашевцев», т. 1, стр. 425, т. III, стр. 433—435.

² В своих воспоминаниях А. П. Милюков пишет, что с середины зимы 1848 г. он через Плещеева вошел в одно из ответвлений кружка петрашевцев — в кружок Сергея Дурова.

³ В. И. Семейский, Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях, «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 138—169.

⁴ «Общество пропаганды в 1849 году», Собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций, Лейпциг, 1875 г., стр. 33.

кружок учителей и литераторов, собиравшихся у Введенского, мог выступать не только А. П. Милюков, но и упомянутый в донесении Липранди Ястржембский. Последний, хотя в кружок Введенского и не входил, но был сослуживцем Введенского (они вместе преподавали в 1-м кадетском корпусе) ¹.

И. Введенский для петрашевцев был очень удобной фигурой: он работал в качестве преподавателя словесности в кадетском корпусе и других военных учебных заведениях столицы. Среди сослуживцев, а также своих учеников-кадетов Введенский был весьма влиятельным лицом и заслуженно пользовался славой не только талантливое преподавателя, но и человека передовых убеждений. Дальнейшее показало, что надежды петрашевцев на Введенского не были бесплодными, т. к. шел настойчивый разговор о «разлагающем» влиянии, какое оказывал он на учащуюся молодежь ². Влияние Введенского значительно усиливалось благодаря тому, что он действовал не один, а во главе кружка, состоящего преимущественно из педагогов, работавших в военно-учебных заведениях.

Кружок И. Введенского, по словам одного из его участников А. П. Милюкова, начал складываться во второй половине 40-х годов ³, т. е. незадолго до того, как в него вступил Н. Г. Чернышевский. По своему характеру кружок Введенского, как и другие кружки того времени, нельзя отнести к сколько-нибудь прочно оформленной организации: он не преследовал никакой практической цели действия, не имел программных вопросов для обсуждения, не имел даже твердого и постоянного состава. Единственно, что предполагало какую-то устойчивость — это определенный день для сборов. В осенние и зимние вечера, сначала по пятницам, а потом по средам, сходилось иногда человек до 20 близких по убеждениям

¹ П. Е. Щеголев, *Петрашевцы в воспоминаниях современников*, ГИЗ, 1926, стр. 157.

² А. Скафтымов, *Преподавание литературы в дореволюционной школе*, «Ученые записки» Саратовского педагогического института, Труды факультета языка и литературы, вып. III, 1938, стр. 163—164.

³ А. Милюков, *Иринарх Иванович Введенский (из моих воспоминаний)*, «Исторический вестник», 1888, № 9, стр. 579—580.

людей, с которыми можно было обо всем без опаски говорить, затрагивая темы не только литературные, но и политические.

Кто же были участники кружка? Каковы были их общественные и литературные взгляды? С кем встречался у Введенского Чернышевский? Какие впечатления он мог вынести от встреч и разговоров на «средах» своего нового приятеля? В каком направлении кружок содействовал расширению кругозора?

Нужно сказать, что кружок Введенского объединял людей далеко не ординарных. Это был цвет столичной разночинческой интеллигенции: ученые, педагоги, врачи, люди, причастные в большей или меньшей мере к литературной, журнальной деятельности и, как правило, уже зарекомендовавшие себя печатными выступлениями. В кружке живо интересовались общественными вопросами и новыми социальными теориями, к тому же некоторые члены кружка не только хорошо знали Белинского и Герцена, но и достаточно ясно представляли и высоко оценивали их исключительную роль в литературной и общественной жизни как вождей передовой мысли.

2.

Наиболее интересной фигурой в составе кружка, конечно, был сам его глава. Заметная личность И. Введенского привлекала к себе внимание многих современников. О нем сохранилось немало воспоминаний, отдельных заметок и сообщений биографического порядка. Несмотря на резкую противоречивость отзывов и оценок личности Введенского, его характерные черты демократа, человека передовых общественных взглядов, выступают с достаточной отчетливостью. Уже одно то, что в реакционных кругах о Введенском ходили самые отрицательные отзывы, в передовой среде воспринималось как свидетельство в его пользу.

О Введенском говорили, что он безбожник, что у него нет ничего святого, он не имеет никаких убеждений, он схоласт, пьяница, человек алчный до денег и готовый из-за них на преступление и воровство¹. Другие утверж-

¹ Таковую явно несправедливую характеристику И. Введенскому дал его случайный по молодым годам приятель — поэт А. Фет в воспоминаниях «Ранние годы моей жизни», М. 1893 г.

дали, что Введенский не только человек «с изумительными правилами безнравственности и безбожия», но что он к тому же в политическом отношении очень опасен, что он входил в состав петрашевцев (на него был донос), но, однако, так умен и хитер, что никаких улик против себя не оставил¹.

Однако для нас особый интерес представляют отзывы о Введенском одного из лидеров реакции, профессора истории Московского университета, издателя славянофильского журнала «Москвитянин» М. П. Погодина. Его характеристика не только повторяет отрицательные оценки, но и содержит ключ к пониманию той идеологической основы, на почве которой возникло резкое осуждение в реакционной среде личности и педагогической деятельности И. Введенского.

М. П. Погодин о И. Введенском говорил в двух своих статьях: «Нигилистам»² и «К беседе с нигилистами»³. В первой статье, выступая на защиту славянофила И. В. Киреевского от нападок Д. И. Писарева⁴, Погодин обрушивается на нигилизм, безверие, грубый материализм молодежи, на отсутствие серьезных знаний и образованности. Типичным представителем таких «незнаек», легкомысленных отрицателей, по мнению автора статьи, и является сам Д. И. Писарев. К этому типу отрицателей Погодин относит и И. И. Введенского. «Мне хотелось узнать, — пишет он в статье, — подробнее о происхождении петербургских нигилистов, и я, к удивлению

Характеристика эта, однако, была отвергнута другим поэтом, В. Брюсовым, в его статье «И. И. Введенский по его письмам» («Русский архив», 1901, кн. 2). В Брюсов, опираясь на некоторые биографические подробности, а главное, на письма И. Введенского к сестре и матери, совершенно снимает клеветнические обвинения Л. Фета. В ответ же на утверждение, что Введенский был нигилистом (Фет понимал это слово как полное отсутствие убеждений и принципов), В. Брюсов доказывает, опять-таки ссылаясь на биографические факты, что И. Введенский был убежденным демократом.

¹ Письмо Ф. Ф. Вигеля Н. С. Алексееву 28 апреля 1849 г., «Русская старина», 1871, т. IV, № 12, стр. 697.

² Газ. «Русский», 1868, № 68.

³ Там же, 1868, № 75.

⁴ Имеется в виду статья Д. И. Писарева «Русский Дон-Кихот» (впервые напечатана в «Русском слове», 1862, кн. 2).

моему, услышал, что один из их родоначальников был Иринарх Введенский»¹.

М. Погодин сетует на попустительство главного начальника военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева, который выдвинул И. Введенского на пост высшего инспектора в учебных заведениях, где обучается и заражается нигилизмом учащаяся военная молодежь. И. Введенский «развел нигилистов, — говорит Погодин, — по всем корпусам»².

Какое же содержание вкладывает Погодин в понятие «нигилизм»³? Оно чрезвычайно знаменательно: по мнению М. Погодина, генеалогия нигилизма в России ведет к именам Герцена и Белинского. Раздумывая о родословной нигилистов, Погодин писал: «Мне представлялась их умственная духовная генеалогия и отношение к учению Герцена и Белинского»⁴. Нужно отдать должное М. П. Погодину и его пронизательному заключе-

¹ М. П. Погодин, Названная статья, газ. «Русский», 1868, № 68. Удивление Погодина вызвано тем, что в конце 30-х годов он сам, тогда хозяин частного пансиона, не только привлек И. Введенского на работу в качестве воспитателя, но и полностью доверил ему все управление своим пансионом (см. об этом Г. Блок, «Рождение поэта», Повесть о молодости Фета, изд. «Время», 1924, стр. 29, 54).

² Там же.

³ Слово «нигилизм», его содержание и происхождение давно интересуют советских литературоведов. В 1928 г. М. П. Алексеев поместил в сборнике статей в честь академика А. И. Соболевского специальную работу: «К истории слова «нигилизм». Последнее время по поводу этого слова развернулась дискуссия между Б. П. Козьминым, выступившим в «Известиях АН СССР, отд. лит-ры и языка» со статьями: «Два слова о слове «нигилизм» (1951, т. X, вып. 4) и «Еще о слове «нигилизм» (1953, т. XII, вып. 6) и А. И. Батюто, поместившим в том же журнале статью: «К вопросу о происхождении слова «нигилизм» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1953, т. X, вып. 6). Если разногласие возникло по вопросу, кто был автором слова в его новом, теперь принятом значении, — Тургенев или Катков, то само новое значение слова «нигилизм» не вызвало споров и понималось так: «нигилизмом» называется идеология разночинной демократии (беру формулировку А. И. Батюто из упомянутой выше статьи.— А. М.). Однако следует сказать, что определение нового значения слова «нигилизм» было бы правильнее и полнее, если бы оно было дополнено следующим ограничением: как она (то есть идеология) представлялась и оценивалась их идейными противниками — консерваторами и либералами.

⁴ Газ. «Русский», 1868, № 68.

нию. Он очень правильно понял и оценил происхождение русского нигилизма¹, а вместе с тем сделал правильное заключение, что деятельность «одного из родоначальников нигилизма» И. Введенского, сила его «вредного» и «разлагающего» влияния на молодежь питалась идеями Герцена и Белинского.

В то же время Введенский не был активным политическим бойцом, не был он и человеком строгих, последовательных убеждений. Опасения, которые на этот счет высказывались Ф. Вигелем и другими, лишены оснований. Ближе знавшие его люди, участники его кружка А. П. Милюков и А. А. Чумиков, в своих воспоминаниях и отзывах выдвигали в первую очередь у Введенского страстную влюбленность в литературу, большую склонность к научным исследованиям, незаурядный педагогический талант, огромную работоспособность. По общему признанию знавших его людей, это был литератор и ученый ломоносовского склада. И А. Милюков и А. Чумиков подчеркивали, что вопросы политической жизни не занимали преобладающего места в интересах, которыми жил Введенский. «Могу положиться, — пишет А. Чумиков, — что Введенский не был адептом тех коммунистов и социалистов, из которых состоял обширный кружок петрашевцев»².

И Милюков и Чумиков в своих характеристиках выступали против Погодина, обвинявшего Введенского в нигилизме, понимая нигилизм как грубый материализм и как полное отсутствие каких-либо убеждений. Поэтому, полемизируя с Погодиным, а то и прямо становясь на защиту своего бывшего товарища³, они подчеркивали, что Введенский — знаток литературы, в художественных произведениях он выделял преимущественно

¹ Нельзя не отметить, что дискуссия о происхождении слова «нигилизм» между Б. П. Козьминым и А. И. Батюто, о чем шла речь выше, могла бы привести к более широким выводам, если бы было учтено это интереснейшее мнение о генеалогии нигилизма одного из виднейших деятелей реакции середины прошлого века.

² А. П. Милюков, Иринарх Иванович Введенский (из моих воспоминаний), «Исторический вестник», 1888, № 9, стр. 580; А. Чумиков, За И. И. Введенского, газ. «Русский», 1868, № 129.

³ Характерно само название статьи А. Чумикова, обращенной к М. Погодину, автору статьи «Нигилистам» — «За И. И. Введенского».

эстетическую сторону, что его нельзя причислять «к школе... поклонников утилитаризма»¹.

Однако главное, что выделяло Введенского как человека передовых взглядов, что, без сомнения, и делало его такой влиятельной фигурой в среде отзывчивой молодежи и человеком опасным в понимании реакционеров — это горячая преданность идеям Белинского. Этого, кстати сказать, не увидели защитники Введенского — А. Милюков и А. Чумиков. Они не поняли, что увлечение литературой в том ее толковании, какое давалось Белинским, и делало Введенского действительно пропагандистом революционно-демократического мировоззрения. И, конечно, М. Погодин был более прав, чем Чумиков в своем понимании роли Введенского².

По словам А. Чумикова, Введенский, будучи преподавателем в военно-учебных заведениях, оказывал колоссальное влияние на военную молодежь, он выступал горячим поборником Гоголя, «натуральной школы» и возглавил группу передовых учителей, сражаясь с партией словесников, защищавших в литературе отжившие взгляды. Диспуты по литературным вопросам, которые разгорались между группой передовых преподавателей, возглавляемых Введенским, и преподавателями-староверами, «были в то время, — передает А. Чумиков, — едва ли не единственным местом в Петербурге, где можно было услышать живое слово и свободную мысль»³.

В. И. Семевский в своей статье «Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях»⁴, опираясь на воспоминания слушателей лекций Введенского, говорил, что его лекции были проникнуты духом критического отношения к действительности.

Преподавательскую деятельность Введенский начал в 1842 году. Окончив Петербургский университет, он

¹ А. П. Милюков, Названная статья.

² Следует, однако, сказать, что недалековидность А. Чумикова и А. Милюкова вполне объяснима. В конце 60-х годов, когда они выступали перед М. П. Погодиным адвокатами И. Введенского, расточая своему другу сомнительные похвалы, они уже проделали значительную эволюцию вправо и не разделяли прежних своих увлечений, которые в 40-х годах делали их единомышленниками И. Введенского — действительно последовательного демократа.

³ А. Чумиков, За И. И. Введенского, газ. «Русский», 1868 г., № 129.

⁴ «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 160—161.

получил место в Дворянском полку¹ и в Артиллерийском училище. В это время он не только знал Белинского, но был горячим сторонником его идей. Именно этим можно объяснить один знаменательный эпизод в его жизни. В начале 1840 года И. Введенский, не закончив Духовную академию, поступил студентом в Петербургский университет. Не имея решительно никаких средств к существованию, в тщетных поисках какого-либо заработка, страшно бедствуя, он решил обратиться за денежной помощью к Белинскому, которого лично не знал. В начале марта 1840 года Введенский пишет об этом М. П. Погодину: «Нашелся только один, весьма бедный и недавно бывший в моем положении поставленный человек, который принял во мне живейшее, какое только мог участие. Ему-то обязан я тем, что могу дней пять не умереть с голоду»². В этом признании Введенский не назвал имени Белинского, возможно, потому, что у Погодина уже тогда к молодому критику сложилось резко отрицательное отношение.

Только совсем недавно оказалось возможным установить, что этот «весьма бедный... человек», принявший участие в Введенском, был Белинский. В 1948 году под редакцией Н. Л. Бродского вышла книга с публикацией неизданной переписки Белинского: «В. Г. Белинский и его корреспонденты». В книге помещено письмо И. Введенского к Белинскому. Текст этого письма, датированного 13 апреля 1847 года, и дает необходимые разъяснения: «Милостивый Государь Виссарион Григорьевич. Раз, по приезде из Москвы, явился к вам бесприютный студент, с просьбой о Вашем содействии. Вы ему помогли. Прошло шесть лет. Студент давно перестал быть студентом, но до сих пор не позаботился возратить долга. Это называется неблагодарностью, для которой нет извинений. Он и не извиняется, а припоминает только пословицу: *mieux tard que jamais*. С глубоким почтением честь имею быть Ваш покорный слуга

Иринарх Введенский»³.

¹ Дворянский полк — военно-учебное заведение, образованное в 1807 г. из молодых дворян при 2-м кадетском корпусе, существовал до 1855 г. В 1855 г. Д. П. переименован в Константиновский кадетский корпус.

² «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. V, стр. 29.

³ Названная книга, Библиотека имени Ленина, Отдел рукописей, М. 1948, стр. 40.

Что позволило Введенскому обратиться за денежной помощью к незнакомому человеку? Конечно, только глубокое уважение к Белинскому, в котором разночинческая молодежь привыкла видеть своего учителя и духовного вождя.

Многочисленные воспоминания современников Белинского свидетельствуют, что учащаяся молодежь в первую очередь испытывала на себе покоряющую силу идей молодого критика. Влияние Белинского началось уже в 30-х годах с появлением первых его статей в «Телескопе» и «Молве». В 40-х годах оно приобрело исключительно широкие размеры. В этом вынуждены были сознаться даже враги великого критика. Так, М. П. Погодин называл кадетов, гимназистов и студентов «основателями славы Белинского»¹.

И. Введенский как энтузиаст литературы, как человек с напряженными идейными исканиями, наконец, как разночинец по происхождению, конечно, не мог не испытать всеобщего увлечения статьями смелого критика и обличителя. К тому же Введенский о Белинском мог знать больше, чем рядовое студенчество, т. к. он, будучи воспитанником Московской духовной академии, одновременно слушал лекции в Московском университете и тесно сблизился со средой казеннокоштных студентов, к которой пять лет тому назад принадлежал Белинский². Трудно предположить, чтобы Белинского не помнили в университете: он был одним из организаторов литературных студенческих вечеров, его трагедию «Дмитрий Калинин» студенты слушали в чтении самого автора, они же были первыми ее критиками³. Белинский пострадал за свою бунтовскую пьесу: был изгнан из университета. Мотив изгнания — «неспособность к учению» — вызвал в студенческой среде возмущение, т. к. все понимали подлинную причину гонения на Белинского⁴. Спустя 5 лет, когда Введенский

¹ «Гражданин», 1873, № 9. Цитирую по книге С. Ашевского «Белинский в оценке современников», СПб. 1911, стр. 54. Об огромной популярности Белинского среди учащейся молодежи, см. признания в автобиографии В. В. Стасова (Соч., СПб. 1894, т. 3, стр. 1618), у И. С. Тургенева «Воспоминания о Белинском» (Собр. соч., изд. «Правда», 1949, т. 10, стр. 267—268), у А. И. Герцена (Полн. собр. соч., ред. Лемке, 1919, т. XIII, стр. 22).

² Г. Блок, Рождение поэта, «Время», 1924, стр. 27.

³ М. Поляков, Студенческие годы Белинского, «Литературное наследство», 1950 г., № 56, стр. 366—367.

⁴ Там же, стр. 404.

начал посещать Московский университет, вся эта история была еще жива в памяти студентов, тем более что Белинский о себе напоминал: он уже приобрел славу замечательного критика и становился признанным вождем разночинной передовой молодежи.

Во всяком случае, судя по упомянутому письму к М. П. Погодину, у студента Введенского о Белинском были представления не только как о литераторе, он был также в курсе его личной жизни.

Переписка И. Введенского, относящаяся к ранней поре его педагогической деятельности, дает интересные свидетельства о том, что уже с первых лет работы учителем он испытывал огромное влияние общественных идей Белинского. Причем первоначально они вызывали у него мучительное чувство противоречивости и фальшивости своего положения: с одной стороны, он «проникнут тенденциями Белинского», которые возбуждали смелые мысли о переустройстве жизни на новых справедливых началах, с другой — он вынужден «играть роль шарлатана в военно-учебных заведениях», «преподавать химерические науки, выдуманные для подавления мысли»¹. Однако Введенский со временем находит успешные способы проводить в преподавании литературы идеи Белинского, мало того, в этом направлении он воспитывает не только учеников, но, как мы видели, и молодых преподавателей. Причем он выступает активным рассадником идей Белинского даже и в ту пору, когда самое имя великого критика было под цензурным запретом.

3.

Помимо И. Введенского, среди членов кружка пользовался значительным авторитетом Александр Петрович Милюков — талантливый педагог и уже известный литератор. Ф. М. Достоевский, довольно близко знавший Милюкова, говорил о нем, что он «умеет хорошо рассказывать и заставить себя слушать»². Встреча с Введенским, пишет А. П. Милюков в своих воспоминаниях,

¹ Цитирую по книге Г. Блока «Рождение поэта». «Время», 1924, стр. 88.

² Н. Ф. Бельчиков, Достоевский в процессе петрашевцев. изд. АН СССР, 1935, стр. 148.

произошла еще в 1843 году на пробной лекции в «Дворянском полку»¹. Завязавшееся знакомство на почве общих идейных и литературных убеждений скоро перешло в тесную дружбу. А. П. Милюков отзывался о Введенском с большим уважением и теплотой. Почвой для сближения Милюкова и Введенского в сороковых годах, несомненно, послужило общее в ту пору для них увлечение Белинским. На занятиях по словесности А. П. Милюков, подобно Введенскому, воспитывал у своих учеников дух вольномыслия и критики².

Влияние Белинского заметно определило направление первой книги А. П. Милюкова «Очерк по истории русской поэзии» (СПб., 1847). Это было сразу же отмечено в отзывах.

Первый, кто сделал такое заключение, и был как раз Введенский. В том же году в октябрьском томе «Современника» И. Введенский поместил на книгу Милюкова свою благожелательную рецензию. «Г. Милюков нисколько не похож на большую часть историков нашей литературы, — говорится в отзыве. — Он современен, он сочувствует новейшим интересам, у него есть взгляд...» Но далее рецензент показывает, что эти взгляды уже были высказаны «в журнальных статьях В. Б-го (т. е. В. Белинского. — А. М.), заключающих в себе обзор деятельности многих главнейших представителей русской литературы разных эпох»³. Введенский не забывает указать на дистанцию между Милюковым и тем, кто являлся подлинным вдохновителем книги: в рецензии отмечается, что в смелых журнальных статьях, которым следовал Милюков в своей книге, «говорилось то же самое, только последовательнее и доказательнее...»⁴.

Как видно, рецензия Введенского достаточно ясно характеризовала литературные взгляды и убеждения не только автора «Очерка», но и самого рецензента, и трудно сказать, что пропагандирует Введенский своей стать-

¹ А. Милюков, Иринарх Иванович Введенский (из моих воспоминаний), «Исторический вестник», 1888, № 9, стр. 576.

² В. И. Семевский, Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях, «Голос минувшего», 1917, стр. 157.

³ И. Введенский, Очерк истории русской поэзии А. Милюкова, «Современник», 1847, № 10, стр. 88.

⁴ Там же, стр. 100—101.

ей, книгу ли Милюкова или тонко побуждает от чтения копии обратиться к чтению самого оригинала.

Другой отзыв на книгу Милюкова также вышел из кружка И. Введенского, он принадлежал А. Чумикову. Но поскольку А. Чумиков свою характеристику «Очерка» Милюкова давал в частном письме, без оглядки на цензуру, его оценки и заключения о зависимости книги от статей Белинского, подтверждая мнение Введенского, были высказаны более открыто и решительно.

9 августа 1851 г. А. Чумиков в письме к Герцену в Лондон делился впечатлением о книге Милюкова: «Читали ли Вы Милюкова «Очерк истории русской поэзии»? Это первый опыт истории оппозиции в России (напеч. в 1847 г.) или, если хотите, революционных идей. Он хвалит там только те произведения, в которых бичуют Россию. Он учитель — и за эту книгу в 1849 г. отставили его из гимназии и из кадетского корпуса (Ростовцев и Мусин-Пушкин). Она, впрочем, не что иное, как эссенция (свод) идей Белинского о русской литературе»¹.

Утверждение А. Чумикова следует считать несколько преувеличенным. Даже в 40-е годы, когда Милюков острее всего переживал критическое отношение к самодержавию, он не обладал ни последовательностью, ни демократизмом великого критика², но тем не менее Милюков действительно по-своему был предан идеям Белинского, это, как видим, ощущали современники. Не случайно, начиная свою статью «О степени участия народности в развитии русской литературы» с характеристики книги Милюкова, Н. А. Добролюбов писал: «Следуя мнениям Белинского о русских литературных явлениях, г. Милюков составил тогда очерк развития русской поэзии, — и этот очерк до сих пор не теряет своей правды и значения»³.

В консервативной и охранительной среде книга Милюкова получила репутацию «опасной», неуважительно относящейся к христианской морали и религиозной

¹ «Литературное наследство», № 62, Письма А. Чумикова Герцену, публикация М. Я. Полякова, стр. 718.

² А. Лаврецкий, Историко-литературная концепция Белинского, Сб. статей «Белинский историк и теоретик литературы», М.—Л. 1949, стр. 76—82.

³ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности в развитии русской литературы, Полн. собр. соч. в 6 томах, ГИХЛ, 1934, т. 1, стр. 203.

письменности¹. Обвиняли автора во вредном сектантстве, навеянном статьями из «Отечественных записок» и «Современника»².

Зимой 1848 года незадолго до знакомства с Чернышевским А. П. Милюков, будучи членом кружка Введенского, посещает кружок С. Ф. Дурова, где встречается с такими видными петрашевцами, как П. И. Ламанский, Н. А. Момбелли, А. И. Пальм, братья Ф. М. и М. М. Достоевские, А. Н. Плещеев, Н. А. Спешнев, П. Н. Филиппов и другие³.

Известно, что кружки петрашевцев не были замкнутой организацией, они не только не стремились ограничить обсуждаемые вопросы узким кругом своих товарищей, но, наоборот, ставили перед собой цель — средствами широкой пропаганды развить передовое мировоззрение, возбуждать в обществе стремление к установлению социального равенства.

Не случайно И. П. Липранди, агент правительства, наблюдавший петрашевцев в течение 13 месяцев, называет их «Обществом пропаганды»⁴.

Одним из важных способов распространения своих идей, как об этом говорилось выше, по мнению многих петрашевцев, было привлечение к этому делу передовых преподавателей. В этом отношении положение А. П. Милюкова, как петрашевца, было особенно удачным, т. к. он имел тесную связь с уже существовавшим кружком передовых преподавателей и литераторов. И действительно, мы видим, что в гостиной И. Введенского поднимались те же вопросы, прочитывались те же книги и статьи, почитались и превозносились те же авторитеты, что и у петрашевцев. Обычными темами обсуждения

¹ «Москвитянин», 1848, № 1, стр. 210.

² «Финский вестник», 1847, № 11, отд. библиографии и хроники, стр. 1.

³ А. П. Милюков, Литературные встречи и знакомства, СПб. 1890. Цитирую по книге «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках». Составил Чешихин-Ветринский. Издание И. Сытина, М. 1912, стр. 42. Об А. П. Милюкове — члене дуровской группы петрашевцев — см. также в книге Н. Ф. Бельчикова «Достоевский в процессе петрашевцев», Изд. АН СССР, 1936, см. страницы по указателю имен.

⁴ См. «Отрывок из мнения действительного статского советника Липранди», «Общество пропаганды в 1849 г.», Лейпциг 1875, стр. 5.

были вопросы религии, социалистическое учение утопистов, особенно Фурье, безрассудность цензуры, несправедливость существующего социально-политического строя, особое внимание, конечно, было сосредоточено на крепостном праве.

Сам А. П. Милюков, вспоминая о дуровских вечерах, писал: «В кружке получались и передавались друг другу недозволенные в тогдашнее время книги революционного и социального содержания, да разговоры большей частью обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занимал нас вопрос об освобождении крестьян»... «На вечерах постоянно рассуждали, как они получают свободу, сверху или снизу». Другой предмет разговоров касался крайности цензурных стеснений. Большое место занимало ознакомление и обсуждение трудов социалистов-утопистов. Много толковали о Р. Оуэне, Кабэ, Прудоне и в особенности о Фурье и его фаланстерах. «Не меньше занимали нас беседы о тогдашних законодательных и административных новостях», высказывались резкие суждения по поводу произвола администрации.

Зачитывались собственные сочинения обличительного характера. «Я, — вспоминает А. П. Милюков, — прочел на одном из наших вечеров переведенную мною на церковно-славянский язык главу из «Paroles d'un croyant» Ламеннэ»¹.

Примерно в таких же тонах дается А. Милюковым характеристика бесед в гостиной у И. Введенского².

Исключительное значение петрашевцы придавали популяризации знаменитого письма Белинского к Гоголю, и они, действительно, сделали в этом отношении очень многое: так, вскоре по получении этого замечательного документа ими были приняты меры к его организованному распространению.

Как теперь стало известно, копия переписки Белинского с Гоголем была сделана петрашевцем А. Н. Плещеевым в Москве и выслана в Петербург Ф. М. Достоевскому, с

¹ А. П. Милюков, Литературные встречи и знакомства, СПб. 1890. Цитирую по книге «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках», составил В. Е. Чехихин-Ветринский, Изд. И. Д. Сытина, М. 1912.

² А. Милюков, Иринарх Иванович Введенский (из моих воспоминаний), «Исторический вестник», 1888, № 9, стр. 580.

которым оба они входили в кружок Дурова. Письмо произвело огромное впечатление. Оно неоднократно читалось (обычно Ф. М. Достоевским) и обсуждалось на «пятницах» у Петрашевского и на вечерах у Дурова. Тогда же на собрании у Дурова был поставлен вопрос об организации тайной типографии для более широкого распространения письма Белинского¹.

А. П. Милюков, как член дуровского кружка, как человек, близкий к Плещееву и Ф. М. Достоевскому, был в курсе всех дел, связанных с Зальцбрунским письмом Белинского. В его воспоминаниях о Ф. М. Достоевском есть такое место: «Письмо это, которое в настоящее время едва ли увлечет кого-нибудь своей односторонней парадоксальностью, произвело в то время сильное впечатление. У многих из наших оно обращалось в списках вместе с привезенной также из Москвы юмористической статьей А. Герцена, в которой остроумно и зло сравнивались обе наши столицы»².

Скептическая оценка письма Белинского не должна удивлять, выше уже было сказано, что свои воспоминания А. П. Милюков писал в пору своего резкого поправления. В 80-е годы он был очень умеренным либералом. В его воспоминаниях явно ощущается осуждение своих прошлых взглядов и увлечений, стремление затушевать и умолчать о своем участии в кружках и обществах революционно настроенной молодежи.

Однако для нас важен А. П. Милюков не вообще, а каким он был в 40-е и начале 50-х годов, т. е. в ту пору, когда он входил в кружок И. Введенского, когда он был знаком и встречался с молодым Чернышевским. А в эту пору он целиком и безоговорочно разделял увлечения Белинским и, несомненно, принимал самое активное участие в пропаганде его общественных и литературных взглядов, а также в распространении его письма к Гоголю³. Очевидно, что именно через А. П. Милюкова члены

¹ См. подробнее о письме Белинского у петрашевцев в исследовании Ю. Г. Оксманна, Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ, «Ученые записки» Саратовского университета, т. XXXI, 1952, стр. 149—153.

² См. упомянутые выше «Воспоминания А. П. Милюкова», «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках», стр. 46.

³ Наемки на то, что Милюков был живым звеном, связывающим петрашевцев с кружком Введенского, делает А. Чумиков в письме к Герцену (см. об этом дальше в настоящей статье).

кружка Введенского могли познакомиться с письмом к Гоголю. Во всяком случае, в руках А. А. Чумикова текст письма имелся.

У Чернышевского А. П. Милюков не сразу возбудил к себе полное доверие. Первоначально Чернышевский заподозрил у Милюкова фразерство, неискренность убеждений. В дневнике он пишет: «...Милюков говорит в социалистическом духе, как говорю я, но мне кажется, что это у него не убеждение, как у Ир. Ив. (т. е. у Введенского. — А. М.) или у меня, что у него не ворочается сердце, когда он говорит об этом, а так это только говорит он, — и все эти господа мне кажутся несколько пошловаты, кроме Ир. Ив.»¹.

В дальнейшем, однако, особенно после прочтения книги Милюкова «Очерк истории русской поэзии», Чернышевский изменил свое отношение. «Я стал его уважать» (I, 400), Милюков — «славный человек» (XIV, 215), — писал теперь Чернышевский. «Очерк» Милюкова Чернышевский рекомендует М. И. Михайлову как одно из важных пособий для подготовки пробной лекции (XIV, 211).

4.

Большое впечатление на Н. Г. Чернышевского оставили встречи у И. Введенского с А. А. Чумиковым. Чумиков знал Введенского по университету, они вместе учились. В 40-х годах А. Чумиков приобрел известность как педагог и писатель. С 1847 г. он помещал в печати статьи научно-педагогического характера. Впоследствии А. Чумиков, как и А. Милюков, с которым он был близок, проделал весьма заметную эволюцию от революционных настроений в сторону весьма умеренного либерализма. В 1857 г. о либерале Чумикове, тогда издателе «Журнала

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч. в 15 томах, ГИХЛ, М. 1939—1953 гг., т. 1, стр. 362. В дальнейшем все ссылки на высказывания Н. Г. Чернышевского будут даваться по указанному собр. соч. непосредственно в тексте. Римской цифрой будет обозначаться том, арабской — страницы. Резкость оценки, которую дал Чернышевский после посещения одной из «сред» членам кружка Введенского, возможно, объяснялась тем, что на этом вечере А. П. Милюков рассказывал анекдоты, рисующие в смешном виде Н. В. Гоголя, которого Чернышевский в эту пору буквально боготворил.

для воспитания», очень неуважительно отзывается Н. А. Добролюбов, сотрудничавший некоторое время в журнале Чумикова¹.

В 1868 г. А. Чумиков в газете М. Погодина «Русский» выступил с «защитой» И. Введенского от обвинения его М. П. Погодиным в нигилизме, то есть в пристрастии к идеям Белинского и Герцена. Реабилитируя своего бывшего единомышленника, А. Чумиков пытался доказать, что Введенский, хотя и придерживался передовых взглядов, но он отнюдь не был нигилистом и нисколько не интересовался учениями социалистов и коммунистов. «Защищая» Введенского, Чумиков в это время уже не мог, однако, простить своему бывшему другу демократизма. В упомянутой статье Чумиков пишет, что они были с И. Введенским «товарищи по университету и хорошие знакомые», но близкими никогда не были—«против семинарский дух». На этом основании как воспоминаниями А. П. Милюкова, так и статьей А. Чумикова, написанной в 1868 году, пользоваться как безусловно достоверными источниками о Введенском и его кружке нельзя. В них многое или затушевано, или искажено, или вовсе не упомянуто.

Однако это отступничество Чумикова произошло в конце 50-х годов, в 40-е же годы он был одним из самых ярых, если не сказать крикливых, приверженцев социализма. Он был в курсе дел арестованных петрашевцев и горячо принимал к сердцу их судьбу. Н. Г. Чернышевский, встретившийся с ним в декабре 1849 года в гостинной у Введенского, записал свои впечатления в дневнике. «Чумиков умнее всех остальных говорил о заговорщиках и решительно отвергал все планы, которые приписываются им. Не Ханыков, а Пальм закричал: «Да здравствует царь» — это меня порадовало»². «После говорили и о социализме и т. д. Чумиков *решительный приверженец новых учений* (подчеркнуто мною. — А. М.), и это меня радует, что есть такие люди, и более, чем можно предполагать» (I, 346).

¹ Н. А. Добролюбов, Дневники 1851—1859 гг., Полн. собр. соч. в 6 томах, ГИХЛ, 1939, т. 6, стр. 448.

² Чернышевский был рад, что слухи о недостойном, трусливом поведении петрашевца Ханыкова, которого он знал и уважал, оказались неверными.

Важным событием в биографии Чумикова были его поездка в 1851 году за границу — во Францию и переписка с политическим изгнанником Герценом, находящимся тогда в Лондоне. Свои письма лондонскому корреспонденту Чумиков слал из Франции, куда он приехал, имея, по его словам, поручение от друзей-единомышленников — выяснить политическое состояние Запада¹. В «пражской коллекции» архива Герцена сохранилось три письма Чумикова (от 5, 9 и 12 августа 1851 г.). Они являются выразительным документом для характеристики Чумикова как представителя разночинческой, передовой, радикально-настроенной интеллигенции, готовой поддержать Герцена в его борьбе с самодержавным деспотизмом.

Особенно интересно первое письмо, в котором сам Чумиков настойчиво подчеркивает, что написанное им не является выражением только его личного мнения, что это голос какой-то группы людей, какого-то коллектива, который уполномочил Чумикова на переговоры с Герценом как с идейным вождем, руководителем. В письме это подчеркивается обращением к Герцену от какого-то коллективного «мы». «Неосторожный Петрашевский, — пишет Чумиков в упомянутом письме, — набирал прозелитов без всякого разбора и тем погубил дело... либерализма... *Мы все* (здесь и дальше в настоящей цитате подчеркнуто мною. — А. М.)... сильно упали духом. Посоветуйте *нам*, что делать, как быть, чтобы не итти назад. Ваше слово — для *нас* закон, вы *наши* оракул. С каким энтузиазмом *слушали мы* ваше сравнение Москвы с Петербургом — *мы перечитываем* старые «Отечественные записки», потому, что в России нет более литературы. Вы авторитет (а нас более, чем вы полагаете), и *мы* стадо без вождя: руководствуйте нами...»².

Можно было бы подумать, что Чумиков вообще берет на себя представительство от всего передового молодого поколения России. Однако несколько ниже в том же письме Чумиков явно намекает на какую-то конкретную группу людей, на своих близких единомышленников: «Жалкое состояние Франции! С какой вестью возвра-

¹ «Литературное наследство», № 62, Письма А. Чумикова Герцену, Публикация М. Я. Полякова, стр. 718.

² «Литературное наследство», № 62, стр. 718.

шусь я к своим друзьям; они не верят газетам и поручили мне узнать о положении свободы на самом месте ее казни»¹.

Кто же были эти друзья? Общество петрашевцев со всеми его ответвлениями было разгромлено полицией. Оставался кружок, очень близкий петрашевцам по духу — кружок И. Введенского, который продолжал собираться еще и в 1853 году². Чумиков был членом кружка Введенского, со многими был дружен и близок по убеждениям. В таком случае есть все основания предполагать, что в своей переписке с Герценом он брал на себя представительство именно кружка Введенского. Таким образом, письма Чумикова в Лондон дают дополнительный материал, пополняющий наши сведения об атмосфере, которая царила на вечерних собраниях в гостиной Введенского, о круге вопросов, которые вызывали интерес и обсуждение в ту пору, когда там бывал Н. Г. Чернышевский.

Прежде всего необходимо отметить, что Чумиков и его друзья, как об этом свидетельствуют письма, имели достаточно ясное представление о Герцене, о его политической позиции, о его готовности стать организатором свободной русской печати. «... Пишите более, только не для Европы, а для нас... — говорит Чумиков в упомянутом письме, — старайтесь найти средство распространять ваши сочинения в отечестве, хоть посредством аэростатов (если иначе нельзя провести через границу)... Надо непременно организовать *presse clandestine*³, иначе сон наш надолго продлится».

В другом письме (9.VIII) Герцену Чумиков пишет: «Как бы хорошо было, если бы напечатать за границей все то, что ходит рукописно по России, начиная с Пушкина. Если бы вы могли сделаться для России вторым Новиковым, вы бы оказали отечеству величайшую услугу»⁴.

Показательны информации, которые шлет Чумиков Герцену, стараясь приобщить его к русской действительно-

¹ «Литературное наследство», № 62, стр. 718.

² О том, что кружок И. Введенского продолжал существовать в 1853 г., имеются сведения у Н. Г. Чернышевского в «Дневнике моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье» в записи от 28 марта того же года (I, 537).

³ Тайная нелегальная печать.

⁴ «Литературное наследство», № 62, стр. 721.

сти, ввести его в круг последних событий и фактов, компрометирующих самодержавный режим, а также познакомиться с настроениями демократической интеллигенции Петербурга. Эти сведения с достаточной убедительностью позволяют судить о характере политических интересов автора письма и его друзей, а также свидетельствуют об их осведомленности и широких литературных и общественных связях.

Чумиков рассказывает Герцену о новых государственных постановлениях, чрезвычайно затрудняющих получение политической литературы из-за границы, нелепых придирках цензуры и тяжелых днях, которые переживала русская литература, о стеснениях в народном образовании, о трудностях поступления в университет молодым людям недворянского происхождения.

С сочувствием говорит Чумиков о русском «ретивом юношестве», которое рвется к революционной деятельности, о духе осуждения и негодования, которое вызывает крепостное право. С большой похвалой Чумиков отзывается о недавно вышедшей книге А. Милюкова «Очерки истории русской поэзии», которая является «ни чем иным как эссенцией (сводом) идей Белинского о русской литературе»¹.

Очень много подробностей сообщается о судьбе петрашевцев, издевательском характере их допросов на следствии, о пытках, которым они подвергались, о жестокости наказаний. Вместе с этим Чумиков упоминает и о письме Белинского к Гоголю, за чтение и распространение которого пострадали петрашевцы — писатели Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев².

В конце 40-х и начале 50-х годов А. Чумиков, как и его друзья по кружку И. Введенский и А. Милюков, был не только горячим последователем идей Белинского, но и активным распространителем его письма к Гоголю. Он разделял общее для всех передовых людей убеждение в огромной роли, которую может сыграть письмо Белинского в распространении трезвого взгляда на несчастную российскую действительность.

Этим можно объяснить, что в ту пору, когда в России полицейскими мерами исключительной жестокости

¹ «Литературное наследство», № 62, стр. 718.

² Там же, стр. 717—721.

письмо Белинского было загнано в глубокое подполье, Чумиков сделал дерзкую попытку познакомить с письмом европейскую общественность, рискуя испытать судьбу петрашевцев. Поэтому нельзя не отметить заслугу Чумикова, по инициативе которого в заграничной печати появилась первая информация о переписке Белинского с Гоголем. Ему же обязан Герцен получением копии самого письма Белинского, которое и было опубликовано в «Полярной звезде». «Известно ли Вам письмо сего последнего к Гоголю? — пишет корреспондент Герцена. — Вероятно, оно явится скоро в немецких и французских газетах, а если нет (до октября), то не худо бы вам его напечатать где-нибудь — оно имеет интерес уже потому, что за него пострадали Достоевский (в каторжную работу) и Плещеев (в солдаты). Я вышлю вам его, равно и еще кое-что... Что касается до материалов, то я, не ожидая от вас ответа, составил для журнала «Ausland» маленькую статью, как бы введение к письму Белинского, и препровождаю вам ее»¹.

Сам Чумиков проще всего мог получить текст письма Белинского в кружке Введенского. Тем более, что в его письме есть место, которое подтверждает такое предположение: сообщая своему лондонскому адресату некоторые факты о переписке Белинского и о делах петрашевцев, Чумиков пишет: «Более подробностей я не в праве сообщить (А. Чумиков, опасаясь перлюстрации писем, проявлял естественную осторожность, особенно в упоминании имен. — А. М.), ибо они мне вверены по секрету, но я постараюсь Вам переслать впоследствии еще что-либо, ибо один из ускользнувших участников общества намерен написать о нем»². Таким «ускользнувшим участником общества», от которого получались информации о письме Белинского и о судьбе петрашевцев, и был, без сомнения, товарищ Чумикова по кружку Введенского А. П. Милюков, который, как уже отмечалось

¹ «Литературное наследство», № 62, стр. 719.

Подробно о роли А. Чумикова в распространении письма Белинского за границей и о связях его с Герценом см. упомянутое исследование Ю. Г. Оксманна, Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ, «Ученые записки» Саратовского государственного университета, т. XXXI, вып. филологический, 1952, стр. 160—166.

² Там же.

выше, участвовал вместе с Плещеевым и Достоевским в дуровском филиале организации петрашевцев, был под следствием, но ареста избежал.

5.

Не малое значение для характеристики кружка Введенского и для уяснения тех путей, по которым проникали в кружок идеи Белинского и сведения о его личности, имеет также и то, что среди посетителей «сред» Введенского оказался Михаил Борисович Чистяков — ближайший друг и однокашник Белинского в период его студенчества¹. Они не только в один год (1829) поступили на словесное отделение, но как казеннокоштные студенты жили в одной комнате (№ 11) университетского общежития и в ту пору были связаны между собою узами самой тесной дружбы. Оба они были «главными учредителями» и наиболее активными деятелями кружка демократической студенческой молодежи, носившего название «Литературное общество 11 нумера». Секретарем общества был М. Б. Чистяков².

Кружок «11 нумера» Белинского—Чистякова, привлекавший также студентов других комнат, устраивал литературные собрания и вечера, на которых читались и обсуждались произведения участников «общества». По воспоминаниям современников, на этих собраниях царил дух политического и религиозного свободомыс-

¹ М. Б. Чистяков — выходец из среды бедного сельского духовенства, до университета учился в духовной семинарии. По возрасту старше Чернышевского на 20 лет. В 1849—1850 году, будучи совместно с Чернышевским в кружке Введенского, Чистяков уже славился как один из «тузов русского языка» (XIV, 205): (он преподавал в одной из столичных гимназий и был инспектором школ Сиротского института) и как автор ряда книг по теории словесности. В кружке И. Введенского М. Б. Чистяков — типичный разночинец по происхождению и убежденный демократ по взглядам — был свой человек.

² А. Н. Пыпин, Белинский, его жизнь и переписка, СПб., «Колос», 1908, стр. 43.

О «литературном обществе 11-го нумера» и о совместной в нем работе Белинского и Чистякова см. также исследование М. Полякова: «Студенческие годы Белинского», «Литературное наследство» № 56, стр. 355—357, 436; монографию В. Нечаевой «В. Г. Белинский, Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве» 1829—1831 гг.», изд. АН СССР, 1954, стр. 109—112, 140—141.

лия. Студенты хорошо знали запрещенную литературу, некоторые из них, в том числе Белинский и М. Б. Чистяков, поддерживали связь с тайным литературным обществом студентов-поляков. Очевидно, университетское начальство имело представление о «предосудительном» настроении студентов, т. к. инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин назвал обитателей «11 номера» — «зверинцем»¹.

Недоброжелательное отношение начальства к тому же подогревалось протестами и выступлениями студентов против казарменного оскорбительного режима, который был установлен для казеннокоштных. Зачинщиками студенческих протестов нередко выступали Белинский и Чистяков².

Наиболее же ярким свидетельством проявления «неблагонадежности» студентов «11 номера» был энтузиазм, который они проявили на своих литературных собраниях при чтении Белинским антикрепостнической трагедии «Дмитрий Калинин». Смелые революционные идеи, резкие монологи против угнетения человеческой личности вызывали всеобщий восторг и одобрение. Дух товарищеского сочувствия поддерживал и окрылял молодого автора. Белинский говорил, что литературные вечера общества помогли ему довести свою трагедию до конца³.

Слушатели не только горячо одобряли молодого писателя, но и принимали участие в подготовке пьесы к печати. Один из членов «Общества 11 номера» вспоминает: «С окончанием этой пьесы и некоторыми сделанными в ней изменениями при общей нашей помощи, она была переписана, и Б. (Белинский. — А. М.) самолично представил ее в комитет, состоявший из профессоров университета»⁴.

События, связанные с чтением и обсуждением трагедии, а также суровая кара, которая пала на молодого автора, были хорошо памяты М. Б. Чистякову. Не случайно его воспоминаниями более чем через 20 лет после то-

¹ См. упомянутое исследование М. Полякова, стр. 365, 367.

² См. названную книгу А. Н. Пыпина, стр. 41.

³ Белинский, Письма, ред. и примеч. Е. А. Ляцкого, т. 1, СПб. 1914, стр. 25.

⁴ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, Гослитиздат, М. 1948, стр. 69.

го, как он встречался с Чернышевским на «средах» Введенского, воспользовался А. Н. Пыпин при составлении своей монографии о Белинском¹. Если к тому же учесть мнение Н. Г. Чернышевского о М. Б. Чистякове как о человеке не только разговорчивом, но имевшем слабую делиться своими воспоминаниями о прошлом, то можно предположить, что и в гостиной у Введенских Чистяков не молчал о своем прошлом и, безусловно, находил сочувственную аудиторию рассказам о первых годах литературной деятельности Белинского².

6.

Говоря о других посетителях кружка Введенского, нужно отметить, что даже краткие сведения, которые о них имеются, показывают, что все они были объединены не только плебейским происхождением и разночинческим служебным положением, но и воинствующим демократизмом своих убеждений.

По воспоминаниям современников, а также и самого Чернышевского, помимо уже указанных лиц, кружок И. Введенского посещал Григорий Евлампиевич Благосветлов, сын полкового священника. В прошлом он, как и Чернышевский, учился в Саратовской духовной семинарии, в 1851 г. окончил курс на юридическом факультете Петербургского университета. Об общественных и политических убеждениях Г. Е. Благосветлова свидетельствуют такие факты его биографии: по окончании университета Г. Е. Благосветлов устроился на работу преподавателем Пажеского корпуса и Павловского института,

¹ 21 февраля 1874 года Пыпин пишет Анненкову: «Виделся раза два по поводу моей работы с Чистяковым... которого до сих пор знал только по имени. Он оказался очень милым человеком — уже большим старцем — и с охотой передал мне свои воспоминания о товариществе с Белинским в университете и некоторые другие подробности». Сообщение Т. Ухмыловой — Материалы о Белинском из архива А. Н. Пыпина, «Литературное наследство», 1951 г., № 57, стр. 306.

² Н. Г. Чернышевский до вступления в кружок Введенского познакомился с М. Б. Чистяковым, пытаясь устроиться у него домашним учителем. В дневнике о знакомстве с Чистяковым Чернышевский пишет: «...он... говорит о себе много... т. е. рассказывает события собственной жизни, так что я могу уже написать 3—4 страницы «Отч. записок» его биографии» (I, 270).

но, однако, от преподавания был отстранен как политически неблагонадежный. В 1857 г. Г. Е. Благосветлов уехал в Англию, сблизился с Герценом и стал домашним учителем его детей. Впоследствии Г. Е. Благосветлов приобрел известность как редактор радикальных журналов «Русское слово» и «Дело».

Очень примечательной фигурой в кружке был старинный друг и однокашник Введенского по Духовной академии Петр Спиридонович Билярский. Билярский так же, как и Введенский, — выходец из среды провинциального духовенства. До Академии учился в Казанской духовной семинарии. Несмотря на высшее духовное образование, П. С. Билярский из духовного звания вышел и пошел по ученой линии. Первоначально очень нуждался. Билярский до конца жизни не изменил своим демократическим убеждениям. Впоследствии, уже будучи крупным ученым-филологом, академиком, он активно участвовал в академической борьбе, состоя в группе прогрессивных профессоров. В 1863 году Билярский выступил против избрания в члены-корреспонденты академии М. Н. Каткова (монархиста, реакционера, редактора журнала «Русский вестник») на том основании, что Катков был врагом и гонителем Герцена¹.

Демократизм Билярского также характерно подчеркивается его многолетним интересом к М. В. Ломоносову, для биографии которого он собрал и обработал богатый материал.

О ряде других посетителей гостиной Введенского мы получаем сведения от самого Чернышевского. В письме к своему близкому другу М. И. Михайлову он сообщает: «Вот постоянные и главные члены их общества: доктор Гавриил Родионович Городков², молодой человек лет под тридцать, довольно плотный и румяный, живой, веселый, бойкий, душа общества, почти всегда с палкою, набалдашник которой — голова в феске или чем-то подобном. Чудесный человек, который мне

¹ «Новый Энциклопедический словарь» Ф. Брокгауза и И. Ефрона.

² Г. Р. Городков — врач 2-го кадетского корпуса в Петербурге. На сестре его жены был женат А. Н. Пыпин. Имел связи с демократическими и оппозиционными слоями. Чернышевский в дневнике пишет, что Городков на вечер к Введенскому принес для чтения письмо одного из декабристов к царю (I, 301).

очень нравится. Неистовый обожатель Искандера и Прудона. Гоголя тоже почитает всеми силами души. Рюмин (Владимир Николаевич)¹... Краузольд... товарищ Введенского по университету²; Милюков Александр Петрович, который обыкновенно пишет в «Отечественных записках» разборы, славный человек; Минаева увидите, может быть, — оригинальное лицо, но преблагородный и, несмотря на странности, происходящие от отсутствия знакомства с Европою, очень умный человек³» (XIV, 215).

Кроме перечисленных, на вечерах у Введенского бывали Владимир Яковлевич Яковлев, литератор, автор книги «Италия», имевшей в свое время большой успех; Василий Васильевич Дерикер, сослуживец Введенского по Дворянскому полку. Он преподавал теорию словесности, помимо этого участвовал в «Библиотеке для чтения» и других журналах как журналист и переводчик⁴. Владислав Феофилович Кеневич, ученик Введенского по Дворянскому полку, впоследствии известный педагог и литературовед, автор исследований о Крылове. В. П. Попов, преподаватель Кадетского корпуса, в конце 50-х и начале 60-х годов он выступал со статьями об итальянской революции и ее деятелях, в ту же пору он был близок с Писаревым и Благосветловым.

Таков был круг людей, с которыми через Введенского сблизился Чернышевский и который оказал большое влияние на его развитие. На вечерах у Введенского

¹ В. Н. Рюмин — преподаватель в Дворянском полку; в 1857—1858 гг. — редактор-издатель «Общезанимательного вестника».

² Краузольд Евгений Эммануилович — преподаватель в Дворянском полку.

³ Минаев Дмитрий Иванович, подполковник, служил в учебном саперном батальоне. Известен как автор хорошего стихотворного перевода «Слово о полку Игореве» (1847). Отец поэта-сатирика Дм. Дм. Минаева. В упоминаниях о Д. И. Минаеве Чернышевский всегда отзывался очень высоко о его уме и передовых политических убеждениях. См., например, запись в дневнике от 15 марта 1850 года, где он признается, что «много уступает доктору (очевидно, Г. Р. Городкову) и Минаеву» (I, 365).

⁴ Впоследствии В. В. Дерикер посвятил себя исключительно медицине и пользовался известностью как врач-гомеопат (А. П. Милюков, Литературные встречи и знакомства, СПб. 1890, стр. 63).

Чернышевский впервые столкнулся с обществом людей передовых и по своим литературным и общественным взглядам.

В. Е. Чешихин-Ветринский в монографии о Н. Г. Чернышевском приводит интересное мнение очевидца — автора статьи в «Колоколе» о кружке Введенского, который передает свои наблюдения о Чернышевском. Кружок Введенского, — говорит автор упомянутой статьи, — «открыл Чернышевскому новый мир». Чтобы встать в один уровень со своими новыми коллегами, ему пришлось несколько месяцев напряженно работать. «Он перечитал все, что только мог добыть на русском, французском или немецком языках»¹.

Новые знакомые Чернышевского, безусловно, помогли ему освободиться от понятного провинциализма и расширить литературные и общественные горизонты, в чем он, несомненно, нуждался. Нельзя, конечно, отрицать, что, несмотря на глубину и прогрессивность убеждений Чернышевского, он все же многого не знал в силу известной замкнутости своей жизни, отсутствия живого общения с передовыми интеллигентными кругами.

7.

В кружок Введенского Чернышевский включился осенью 1849 года, уже будучи студентом IV курса. Произошло это следующим образом.

Иринарха Ивановича Введенского Чернышевский знал давно, возможно еще по Саратову. Отец Введенского был сельским священником Саратовской губернии. Введенский, как и Чернышевский, в свое время учился в Саратовской семинарии. По записям студенческого дневника Чернышевского можно судить, что он был в курсе некоторых семейных обстоятельств своего земляка (1, 49, 139). Мало того, по приезду в Петербург Чернышевский бывал в доме у Введенских, возможно, приходил передать традиционный поклон от родителей. Но это было пока далекое семейное знакомство, не перешедшее в личную связь. Никакой идейной близости и общих интересов в первые годы (т. е. 1846—1848) между ними не было. Их сближению препятствовал и возраст,

¹ В. Е. Чешихин-Ветринский, Н. Г. Чернышевский 1829—1889, Петроград, «Колос», 1923, стр. 51, 52.

и разница в положении. Чернышевскому едва исполнилось 18 лет, в то время как Введенскому зашло уже за 30, он был известный педагог, журналист, человек с солидным служебным и общественным положением.

Однако через 2 года обстоятельства начали изменяться. Вместе с расширением общественного и политического кругозора Чернышевскому становилось тесно в кругу домашних знакомых, а также и в среде студентов-однокурсников, ничего замечательного не представлявших.

О состоянии духоты, которое он испытывает в узком кругу своих постоянных собеседников, имеется в дневнике (17 декабря 1848 года) очень выразительная запись. Он пишет о мелкости, пошлости, ограниченности своих обычных собеседников. Даже о важных и захватывающих душу темах, таких, как политика, замечает он, с ними не хочется говорить: «приятность предмета и увлечение уничтожаются мыслью о понимании того, с кем говорю». Все это, признается Чернышевский, развивало у него «склонность к мизантропизму» (I, 201), а вместе с этим настойчиво зрела потребность общения с людьми, близкими по интересам, уровню развития, идейным убеждениям. События 1848 года, борьба революционных народных масс на Западе, усиление реакции, откровенно полицейский режим, установленный в университете попечителем Мусиным-Пушкиным вызвали мысли об активном протесте, о партии единомышленников. Эта мечта зрела и неоднократно высказывалась. В 1849 году, узнавши о расправе правительства с петрашевцами, Чернышевский пишет в дневнике: «...эти скоты, вроде этих свиней Бутурлина и т. д., Орлова и Дубельта и т. д., — должны были быть повешены. Как легко попасть в историю, — я, например, сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы» (I, 274).

Введенский был подходящей фигурой, чтобы с помощью его, включившись в общество интересных людей, пройти в мир большой жизни, большой литературы. Он известный педагог, славившийся своими передовыми взглядами, журналист, печатающийся в прогрессивном журнале, человек большой культуры и в то же время свой человек — бурсак, семинарист.

На 3-м году петербургской жизни Чернышевский принимает решение — возобновить знакомство с Введенским. 26 ноября 1848 года он записывает в дневнике: «... думал быть на его именинах, чтоб возобновить знакомство» (I, 181).

Встреча, о которой мечтал Чернышевский, не состоялась по пустой причине: не готовы были выходные брюки. Интересное знакомство с Введенским пришлось отложить. Только на следующий (1849) год 28 ноября, воспользовавшись тем же предлогом, т. е. именинами, Н. Г. Чернышевский, теперь уже студент IV курса, пришел с поздравлением к Введенскому (I, 340).

Щепетильность Чернышевского была напрасна: Введенский принял молодого земляка радушно и пригласил бывать по «средам», в день, когда собирались к нему друзья и сослуживцы (I, 341). «Итак, я могу с спокойным сердцем бывать у них, потому что приглашение было искреннее», — пишет Чернышевский в дневнике 29 ноября 1849 года. С этого момента, как свидетельствуют письма и записи студенческого дневника, Чернышевский был активным посетителем «сред» Введенского весь 1850 год вплоть до окончания университета и отъезда в Саратов.

Что же собой представлял Чернышевский в ту пору, когда он первый раз появился в гостиной Введенских? Каковы были его политические, общественные взгляды? Какова была его осведомленность в литературной жизни? Только учтя уровень этих взглядов, мы можем делать заключение о той роли, какую имело в его жизни общение с кружком Введенского.

Определить этот уровень помогает нам сам Чернышевский. Незадолго до возобновления своего знакомства с Введенским Чернышевский подвел итоги 21-му году своей жизни. Запись об этом сделана им в студенческом дневнике 11 июля 1849 г. Чернышевский сам о себе говорит, чего он достиг, каковы его взгляды, убеждения, желания, надежды. Он касается вопросов религии, политики, литературы и т. д., кончаются «итоги» мыслями о своих будущих надеждах и желаниях (I, 297—298).

Мысли о религии стоят в записях на первом плане. «Религия. Ничего не знаю; по привычке, т. е. по сrostив-

шимся с жизнью понятиям, верую в бога и в важных случаях молюсь ему, но по убеждению ли это? — бог знает. Одним словом, я даже не могу сказать, убежден я или нет в существовании личного бога, или скорее принимаю его, как пантеисты, или Гегель, или лучше — Фейербах» (I, 297).

Вопрос о религии в сложении мировоззрения Чернышевского — один из важнейших. Пока религиозность не была преодолена, до тех пор ощущалась неуверенность в решении способов устройства жизни человечества — предмет самых настойчивых помыслов Чернышевского. Он колебался в выборе путей. На что же нужно в первую очередь обратить внимание: на борьбу за нравственное просветление человека или на устранение материальной нужды в жизни людей, а в зависимости от этого, к какому методу нужно прибегать, стремясь к лучшему устройству жизни, к мерам кротким или к мерам борьбы. Внутренняя дискуссия по этому вопросу переживалась Чернышевским первые три года петербургской жизни. Любое зло можно преодолеть средствами «мирными, кроткими, а не кровавыми», — писал он Котляревской в 1846 году. То же и через два года: в сентябре 1848 года читаем такую запись в дневнике: «Я должен сказать, что я, в сущности, решительно христианин, если под этим должно понимать верование в божественное достоинство Иисуса Христа, т. е. как это веруют православные... Мне кажется, что главная мысль христианства есть любовь» (I, 132).

Однако в 1849 году мы находим уже новое. В мае этого года Чернышевский записывает свой спор с Лободовским. Последний, выступая защитником религиозного мировоззрения, говорил: «Мир более нуждается в освобождении от нравственного ига и предрассудков, чем от материального труда и нужд; более нужнее развивать сердце, нравственность, ум, чем освободить от материального труда».

Чернышевский в противовес выдвигал мысль, что «Иисус Христос, может быть, не так делал... бог, который может освободить человека от физических нужд, должен был раньше это сделать, а не проповедывать нравственность и любовь...» (I, 282).

Со временем убеждение в первоочередной заботе о материальном бытии человека становится в сознании Чернышевского все прочнее, а следовательно, все при-

стальнее внимание к вопросам социальным и политическим.

Но до тех пор, пока оставалась непреодоленной власть религии, Чернышевский не мог решать не только вопросы общественные и политические, но и литературные с необходимой последовательностью. Борьба с собственной религиозностью, все трудности и сомнения, которые испытывались на этом пути, Чернышевский с большой подробностью запечатлел в своем студенческом дневнике. Начало этой борьбы положил петрашевец Ханыков, который в феврале 1849 года принес Чернышевскому для прочтения книгу Л. Фейербаха «Сущность христианства». Фейербах дал Чернышевскому философскую основу для борьбы с религией, но, однако, в быту его окружали люди (в том числе и его самый большой и авторитетный друг В. П. Лободовский), верующие и строго соблюдающие религиозную обрядность. Это обстоятельство тормозило духовное раскрепощение Чернышевского.

Решительный перелом произошел, когда Чернышевский сблизился с Введенским. Общество учителей, врачей, журналистов, куда попал Чернышевский, было обществом безбожников и атеистов. В гостиной часто поднимались разговоры, в которых не стеснялись высказывать резкое осуждение религии и духовенству. Чернышевский, уже ставший в кружке своим человеком и игравший, по его словам, «на средах» довольно значительную роль, первое время тушевался и даже поддакивал против своей воли, как только речь заходила о религии (I, 373).

О штурме, которому подверглись религиозные взгляды Чернышевского в гостиной Введенских, очень убедительно свидетельствуют записи в дневнике. Так, например, 17 мая 1850 года (т. е. уже спустя более чем полгода, как Чернышевский стал бывать на «средах»), он записывает: «... в этом обществе говорят против религии, и меня это заставляет говорить против нее, поддакивая, между тем как я... нисколько не враг настоящего порядка в религии, хотя, конечно, веры весьма мало» (I, 373).

До этого никто из прежних знакомых и товарищей Чернышевского не только не заставлял его стесняться своих религиозных взглядов, но, наоборот, все поддерживали в нем старые привычки, взгляды, в том числе и В. П. Лободовский, к мнениям которого Чернышевский постоянно прислушивался. Обсуждение религиозных

вопросов в гостинной Введенских вряд ли было случайным явлением. Безусловно, немалый повод к разговорам на эту тему давало письмо Белинского к Гоголю, проникнутое резким осуждением русского духовенства. О том, что члены кружка Введенского обращали внимание в письме Белинского именно на эту сторону, может свидетельствовать упомянутая нами выше статья А. А. Чумикова о письме Белинского, помещенная в газете «Das Ausland» (1851, № 196).

Чумиков пишет, что Белинский в своем письме «очень неприглядно характеризовал положение дел в России, особенно состояние духовенства»¹.

Среда атеистов, куда попал Чернышевский, сделала свое дело, освобождение наступило быстро. Через 4 месяца после приведенной записи — новая запись: «Скептицизм в деле религии развился у меня до того, что я почти совершенно от души предан учению Фейербаха». С этого момента самый тон, каким Чернышевский стал говорить о религии, свидетельствовал о радости духовного раскрепощения. Он понял, что бороться за счастье на земле можно только после того, как будет отброшена мечта, внушенная религией, о счастье на небе. Теперь он уже не чуждается разговоров о религии, как в первые посещения кружка. Теперь он сам становится горячим проповедником атеизма. В разговоре со своей приятельницей А. Г. Клиентовой он убеждал ее, что бога нет, если на земле так много несчастных. Он пытается ее «обратить в веру Жорж Занда, Гейне и Фейербаха». Теперь его девиз: счастье не на небе, а здесь, на земле: «Мы дадим тебе рай на земле» (I, 388).

Таким образом, помощь, которую оказал кружок Введенского в освобождении Чернышевского от пут религиозных убеждений, бесспорна. Это было очень важным звеном в развитии передового революционно-демократического мировоззрения Чернышевского. Чернышевский расправил крылья, освобожденный от сковывающей власти прежних убеждений, он приобрел необходимый простор, свободу в решении таких вопросов, которые раньше нужно было обходить, как, например, вопрос о революции. Появились новые критерии в оценке литературы, писате-

¹ Ю. Г. Оксман, Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ, «Ученые записки» Саратовского государственного университета, т. XXXI, 1952, стр. 162.

лей. Так, теперь в список любимых писателей были включены борцы и протестанты: Байрон, Гейне, Шиллер (I, 358), Искандер (I, 381) и, наоборот, прежние кумиры — пропагандисты кротких мер, предписываемых христианскою любовью, такие, как Э. Сю, теперь решительно отвергались и осуждались.

8.

Значительную роль кружок Введенского сыграл также и в образовании социально-политических воззрений Чернышевского.

Со времени поступления в университет политические взгляды Чернышевского проникались все большею враждебностью к самодержавно-монархическому строю. Но до вступления в кружок Введенского, где разговор на эту тему велся очень часто, Чернышевский в этой области испытывал еще значительные противоречия.

Опыт борьбы французского народа за свои политические права в 1848 году привел Чернышевского к мысли, что «республика есть настоящее, единственное достойное человека взрослого правление и что это последняя форма государства»... «Мне кажется, — делает отсюда естественный вывод Чернышевский, — что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно» (I, 121, 122).

Однако дальнейшие рассуждения в этой же записи на эту же тему приводят его к неожиданным выводам. Он делает заключение, что в настоящее время, когда государство разделено на враждующие классы и когда аристократические богатые классы угнетают обездоленные классы, — «единственная и возможно лучшая форма правления есть... наследственная неограниченная монархия». Она, по мнению Чернышевского, «создана для покровительства утесняемых» классов, то есть, поясняет он, земледельцев и работников.

Толчком к освобождению от этой явной путаницы в оценке абсолютистского монархического строя послужили, с одной стороны, реакция, наступившая в России после 1848 года, когда самодержавие со всей цинической обнаженностью обнаружило свой антинародный характер. С другой стороны, знакомство Чернышевского с петрашев-

цем Ханыковым и разговоры с ним относительно «хилости нашего правительства» и возможной и желательной революции (I, 196, 237) и, наконец, жестокая расправа с петрашевцами, которая вызвала у Чернышевского не только гневное осуждение правительства, но и готовность войти в общество, подобное петрашевцам (I, 274).

О како окончательно разделаться со своими ошибочными взглядами на монархию, как на государственный строй, способный ограждать права угнетенных классов Чернышевский смог уже только в кружке Введенского. Люди, с которыми он здесь встречался, заметно содействовали укреплению у него антимонархических революционных взглядов. Тем более, что Чернышевский попал в кружок в ту пору, когда все были возбуждены событиями 48 года и когда на собраниях политические темы, по свидетельству А. П. Милюкова, почти оттеснили все остальные¹. Разгром же петрашевцев не только не напугал участников кружка, но, наоборот, вызвал гневную реакцию. В гостиной стали подниматься разговоры и суждения самого «криминального» характера. Очень часто предметом обсуждения были: несправедливость существующего строя, безрассудная жестокость правительства и в особенности самого царя. Говорили о возможности и желательности переворота. Дело доходило даже до таких опасных тем, как убийство царя. Вот, например, одна такая характерная запись, сделанная 15 сентября 1850 года: «... у Ир[инарха] Ив[ановича] было много народу, одних мужчин 13 или 14 человек, да 3—4 дамы, и время прошло довольно хорошо (с начала вечера Минаев рассказывал о жестокости и грубости царя и т. д. и говорил, как бы хорошо было бы, если бы выискался какой-нибудь смельчак, который бы решился бы пожертвовать своей жизнью, чтобы прекратить его). Под конец читали Искандера» (I, 395).

В гостиной Введенских Чернышевский вначале чувствовал себя стесненно, но постепенно стал не только включаться в общий разговор, но и играть в нем, по собственным признаниям, видную роль. Решительность и резкость его суждений запомнились участникам круж-

¹ А. Милюков, Иринарх Иванович Введенский, «Исторический вестник», 1888, № 9, стр. 580.

ка. Так, А. П. Милюков в своих мемуарах отмечает «противоречие между его мягким, женственным голосом и резкостью мнений»¹. А. Чумиков в 60-е годы, т. е. в период своего поправения и отступничества с осуждением вспоминает «отуманенного учением Фурье и Прудона... крикливого студента Чернышевского», который на вечерах у Введенского «рьяно защищал фантазии коммунистов и социалистов». Однако сам Чернышевский пишет в дневнике, что некоторые в кружке Введенского люди, им очень уважаемые, как, например, Д. И. Минаев, Г. Р. Городков и некто Вадим Николаевич (фамилию не удалось установить. — А. М.), превосходили его решительностью мнений (I, 362, 365).

В этой обстановке Чернышевскому сохранить прежние взгляды, в которых он как-то примирялся с монархией, было трудно. И действительно, он становится самым решительным врагом самодержавия, заслужив в кружке Введенского прозвище Сен-Жюста. Впервые это имя возникло, как свидетельствует материал III отделения, собранный о Чернышевском, при следующих обстоятельствах: «Однажды у Введенского на вечере жена последнего читала вслух страдания семейства Людовика XVI и прослезилась. «Странная вы женщина, — сказал Чернышевский, — вчера вы плакали об овечках, съеденных волком, сегодня — о волке, поевшем этих овец». За это изречение его прозвали Сен-Жюстом, и прозвище это он сохранял долгое время, оно помнится еще близкими к семейству Введенских»².

Итак, отношения монарха и народа уподобляются теперь отношению волка и овец. После этого естественно отречение Чернышевского от прежних мыслей о монархии. В оценке политической системы, господствующей в России, он пользуется образом, широко распространенным в кругу петрашевцев, — социальной пирамиды, в основании которой находятся обездоленные массы, а в вершине конуса — аристократия. Абсолютный же монарх — «только завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащее к ней» (I, 356).

20 января 1850 года Чернышевский пишет в дневнике: «С год должно быть назад тому или несколько поме-

¹ «Исторический вестник», 1888, № 9, стр. 579—580.

² «Красный архив», т. 14, 1926, стр. 109.

нее писал я о демократии и абсолютизме. Тогда я думал так, что лучше всего, если абсолютизм продержит нас в своих объятиях до конца развития в нас демократического духа... теперь я говорю: погибни, чем скорее, тем лучше; пусть народ не приготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится... Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее» (I, 355, 356, 357).

Разговоры у Чернышевского на политические темы возбуждали стремление включиться в практическую революционную деятельность. Так, однажды, возвращаясь с собрания у Введенского, где он, Вадим Николаевич и Городков особенно горячо обсуждали возможность революционного освобождения крепостных крестьян, Чернышевский вспоминает, как он разговорился с извозчиком из крепостных крестьян и убеждал его, что от крепостного положения надо освобождаться «силою», что «добром нельзя дожидаться» (I, 362).

9

Особенно большое влияние кружок Введенского оказал на литературное развитие Чернышевского. На протяжении более чем 3 лет своего пребывания в университете, вплоть до перехода на последний курс, круг литературных знаний Чернышевского необыкновенно расширился, об этом свидетельствуют записи в его студенческом дневнике. Он не только много перечитал и во многом очень серьезно разобрался, но и имел прочные литературные симпатии и убеждения. Теоретические взгляды Чернышевского выработывались под прямым воздействием критических статей Белинского, которые печатались в «Отечественных записках» и в «Современнике». Он был горячим сторонником натуральной школы и виднейших ее представителей в русской литературе: Гоголя и Лермонтова. И тем не менее, поскольку среда, в которой Чернышевский вращался, никак не способствовала расширению его литературных знакомств и связей, он по-прежнему до того момента, как сблизился с кружком И. И. Введенского, был далек от литературной жизни. Даже о Белинском, о его личности, о его литературной и политической биографии, о его роли в журналах «Отечественные записки» и «Современник» он

имел весьма смутные представления. Только этим можно объяснить ряд непостижимых противоречий и несообразностей, которые проявились у него в отношении к Белинскому. Правда, Чернышевский впервые упоминает о Белинском как «о пишущей знаменитости» еще в октябре 1846 года, т. е. сразу по приезде в Петербург. В письме к своей двоюродной сестре Л. Котляревской со слов одного «знакомца» он сообщает последние литературные новости: «Панаев и Некрасов и Никитенко принимают издание «Современника»... Это, кажется, хочет быть журнал благородный по духу. Все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди литературные — сотрудниками. Между прочим, Белинский, Майков, Искандер, прежний редактор Плетнев» (XIV, 69).

Приведенное письмо, хотя в нем и упоминаются Белинский и Герцен, только подтверждает малую осведомленность недавно приехавшего в столицу провинциала. Помимо того, что новости передаются с чужих слов, последняя фраза, где без оговорок объединяются Белинский и Искандер с Ап. Майковым и П. А. Плетневым в общую группу «знаменитых», характерно подчеркивает туманность литературных представлений студента-первокурсника.

Не менее убедительно об этом же свидетельствует второе письмо тому же адресату, написанное через неделю. Чернышевский делится впечатлениями и грустными размышлениями по поводу поразивших его сведений, которые опять-таки исходят от какого-то «знакомца», «страшного либерала». Сообщая, что поэт Плещеев вышел из университета, он прибавляет: «Вообще нашим знаменитостям плохо удаются экзамены или, как говорит один наш знакомец, страшный либерал (это он говорит серьезно ведь!), «они не в дружбе с правительством вообще». Далее в числе «знаменитостей», которые, как оказывается, находятся в недружелюбных отношениях с правительством, он упоминает, кроме Плещеева, Белинского и Искандера (т. XIV, 70—71).

Чтобы удивиться тому, что удивило молодого студента, только что приехавшего из провинции, нужно было действительно очень мало знать и о подлинном лице Белинского и Герцена, и о той борьбе, которая развертывалась в России между вождями прогрессивной мысли и реакционным правительством.

Как говорилось выше, с момента поступления в университет Чернышевский становится постоянным читателем «Отечественных записок» и «Современника», он воспитывается на статьях Белинского, его литературные вкусы и теоретические убеждения складываются под непосредственным воздействием великого критика. Однако Чернышевский долгое время не всегда знал, кто был автор, чьи мнения оказали решающее влияние на его литературное развитие¹.

23 сентября 1848 года Чернышевский пишет в дневнике о Белинском как об источнике своего понимания Гоголя и Лермонтова, однако имени критика Чернышевский назвать не мог: «у меня утвердилось мнение, — пишет он, — заимствованное из «Отечественных записок» (я вычитал его в статьях о Державине) (I, 127).

О журнале «Отечественные записки» Чернышевский говорил: это был «источник, из которого я... воспитывался» (I, 84). Однако Чернышевский не знал, что «источник» этот его питал только тогда, когда там был Белинский. Между тем 13 августа 1848 года, тогда, когда Белинский был уже в могиле, Чернышевский записал по поводу только что прочтенного тома «Отечественных записок»: «Вчера читал «Отечественные записки», ничего хорошего не нашел и решил, что В. П. (т. е. Василий Петрович Лободовский. — А. М.) критику написал бы не хуже, если не лучше. Так мы вырастаем! Из этого источника раньше я воспитывался, а теперь смотрю на этих людей, как на равных себе» (I, 84).

Удивляясь, что в 1848 году «Отечественные записки» побледнели и перестали его удовлетворять, Чернышевский, очевидно, по незнанию не связал это с тем, что Белинский уже не работал в журнале с 1846 года, что ведающие после него критическим отделом Валериан Майков, а потом С. С. Дудышкин не могли заменить Белинского.

Насколько мало представлял себе Чернышевский

¹ О том, что имени автора критических статей в журналах «Отечественные записки» и «Современник» не знали многие, писал и Н. Добролюбов. Статьи Белинского, вспоминал он, «читались с жадностью, с восторгом, его мнения находили себе жарких защитников и последователей, хотя большая часть читателей и не знала, кто именно в журнале высказывает эти мнения» (Полн. собр. соч., Н. А. Добролюбова, т. I, 1934, стр. 141).

тогда роль Белинского в развитии русской литературы, убедительнее всего свидетельствует то, что он никак не реагировал ни в своем дневнике, ни в своих письмах на смерть Белинского, хотя держал в руках журналы, где об этом были напечатаны извещения¹. Мало того, через 2 месяца после смерти Белинского, 2 августа 1848 г., Чернышевский пишет в дневнике, что испытывает «чрезвычайное уважение к людям, как Краевский, который более сделал для России, чем сотня Уваровых и ему подобных, красующихся в летописях отечественного просвещения» (I, 66). Очевидно, Чернышевский считал, что своей влиятельной ролью «Отечественные записки» обязаны Краевскому, а не Белинскому.

Таким образом, Чернышевский накануне окончания университета, литературно широко образованный, воспитанный на идеях Белинского, имел неясные представления о русской литературной и общественной жизни, о борьбе, которая в ней велась, о главных деятелях этой борьбы.

Чернышевский не знал своего учителя, не знал, кому он обязан своими взглядами и убеждениями, своим литературным развитием, своей любовью к Гоголю и Лермонтову. А между прочим, в только что приведенной записи есть и такое место: «Гоголь и Лермонтов кажутся недостижимыми, великими, за которых я готов отдать жизнь и честь. Защитники старого, например «Библиотека для чтения» и «Иллюстрация», пошлы и смешны до крайности, глупы до невозможности, тупы непостижимо» (I, 66). Не трудно услышать в этих словах отзвук страстной речи Белинского.

Только в конце 49 года это положение изменится, и литературная осведомленность Чернышевского будет значительно шире, его новые друзья уже не дадут ему подменять Белинского ложным авторитетом беспринципного дельца Краевского.

Формирование литературных и общественных взглядов Чернышевского совпало со временем, когда огром-

¹ Извещение о смерти Белинского было напечатано в июньских книжках 1848 года «Отечественных записок» («Внутренние известия», стр. 157—158) и «Современника» («Смесь», стр. 173). Обе эти книжки Чернышевский читал. См. записи в дневнике от 15 и 17 августа 1848 г. (I, 87, 88).

ную роль в воспитании передового сознания играло знаменитое письмо Белинского к Гоголю. Письмо Белинского, освобожденное от цензурных пут, от косноязычия, на которое обрекала рабья эзопова речь, несмотря на полицейские меры предупреждения, распространялось в рукописях и разжигало дух критики и оппозиции.

Герцен, петрашевцы и все, кому дороги были идеалы свободы, воспринимали письмо Белинского как гениальное политическое завещание вождя¹.

Биографы Чернышевского, справедливо указывая, что Чернышевский являлся преемником и продолжателем идей Белинского, однако, обходят вопрос, был ли молодой Чернышевский знаком с письмом Белинского? Подвергался ли он влиянию «одного из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранившихся, — как говорил В. И. Ленин, — громадное, живое значение и по сию пору»².

Знакомство с письмом Белинского для многих современников было фактом исключительной важности, часто определявшим не только их мировоззрение, но и их судьбу. О потрясающей силе воздействия письма Белинского говорили Герцен, Тургенев, свидетельствовала судьба петрашевцев и т. д. Поэтому вполне законно задаться вопросом, был ли знаком с письмом Белинского Чернышевский в ту пору, когда складывались его демократические убеждения? Где он мог с ним познакомиться? Какое влияние оказало на Чернышевского письмо Белинского?

До последнего времени ответа на этот вопрос в научной литературе не было. Однако сейчас, зная состав кружка Введенского, куда попал Чернышевский, всякие сомнения на этот счет отпадают. Выше уже приводились факты, свидетельствующие, что А. П. Милоков, безусловно, знал содержание письма Белинского, он слышал его в непосредственном чтении Ф. М. Достоевского. А. А. Чумиков имел текст письма, написал о нем анонимную статью в заграничную газету, текст письма передал Герцену. Их близкий друг и глава кружка И. Введенский, страстный почитатель Белинско-

¹ П. В. Анненков, Литературные воспоминания, Л. 1928, стр. 581—582.

² В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 224.

го, также не мог не знать о переписке Белинского и Гоголя. Нечего было таить текст письма и от Чистякова — друга студенческих лет Белинского.

Чернышевский попал в кружок Введенского вскоре после разгрома петрашевцев; на «средах» это событие горячо обсуждали. Милюков и Чумиков, знавшие, что Достоевский и Плещеев наказаны за чтение письма Белинского, не могли не поделиться этими сведениями с такими радикально настроенными членами кружка, как «Сен-Жюст» — Чернышевский и как Минаев и Городков, о которых Чернышевский говорил, что их взгляды отличались еще большей решительностью.

Мало того, кружок Введенского не мог не знать о письме Белинского, т. к. ознакомление с ним, о чем говорилось выше, входило в план пропагандистской работы петрашевцев, а кружок Введенского, несомненно, прямо использовался как орган, пропагандирующий идеи петрашевцев.

Таким образом, есть все основания делать заключение, что Чернышевский, попавший в кружок преданных почитателей Белинского, понимавших значение его литературно-критической деятельности, активных пропагандистов его идей и распространителей его письма, несомненно, читал письмо Белинского¹.

Такое же заключение можно сделать и на основании рассмотрения тематики бесед, какие велись на собраниях у Введенского в период 1849—1850 гг., насколько это позволяют записи Чернышевского в его студенческом дневнике.

Вряд ли может быть случайным совпадение круга вопросов, которые поднимал в своем письме Белинский

¹ Комментарии к I тому Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, ошибочно указывая на близкое знакомство студента Чернышевского с петрашевцем Павлом Филипповым (I, 222, 295, 296, 305), побуждают к неправильному предположению, что Чернышевский мог впервые именно через него познакомиться с письмом Белинского к Гоголю, т. к. Павел Филиппов был активнейшим распространителем письма Белинского. На самом деле это простое недоразумение. Знакомый Чернышевского был Александр Филиппов, ничего общего с петрашевцами не имевший. В апреле 1849 г. петрашвец Павел Филиппов был арестован, в то время как к Александру Филиппову Чернышевский продолжал ходить в гости и в июне этого года (I, 195, 305; XIV, 180).

и которые обсуждались на «средах» Введенского. Здесь поднимались темы о тяжелом положении крестьянства (I, 362, 371), делались выпады против религии (I, 373), говорили о состоянии литературной и общественной жизни, говорили о Гоголе, причем не случайно Гоголь — всеми почитаемый писатель, признанный глава натуральной школы — на этот раз, после осуждения его Белинским в беседах на вечерах Введенского, выступал в комическом освещении. Инициатором такого освещения Гоголя был не кто иной, как А. П. Милюков, несомненно, больше всех в кружке знавший о последних событиях из жизни Белинского и Гоголя и об их переписке. Слушатель этих рассказов Чернышевский, для которого Гоголь всегда являлся непререкаемым авторитетом, был возмущен этими разговорами, а о Милюкове сложилось у него представление как о «пошлом» человеке (I, 361—362). И нужно было много времени, чтобы Чернышевский смог сказать о Милюкове, что он «славный человек» (XIV, 215).

Но, придя к убеждению, что Чернышевский не мог не читать письмо Белинского, мы невольно вынуждены поставить вопрос, почему же тогда Чернышевский ни словом об этом не обмолвился. Мало того, почему у него, такого экспансивного и часто неумеренного в изъявлении своих симпатий к Лермонтову, Искандеру, к Жорж Санд и особенно к Гоголю, почему к Белинскому — общепризнанному литературному вождю, — в суждениях о нем, в оценке его личности и деятельности проявляется такая непонятная сдержанность, которая кажется почти враждебной, когда знаешь, что Чернышевский в своем развитии больше всего обязан именно Белинскому.

Несомненно, эта сдержанность в упоминании о Белинском не потому происходит, что Чернышевский мало знал о Белинском. В кружке Введенского этого положения уже не могло быть. Чернышевский знал Белинского, читал его письмо и тем не менее некоторое время относился к нему критически: Чернышевский был оскорблен за своего кумира, за Гоголя.

Отношение к Белинскому в студенческие годы Чернышевского, в частности в период его близости с кружком Введенского, не будет понятно, если мы не учтем, каково было тогда отношение Чернышевского к Гоголю

и в чем были у Чернышевского разногласия с Белинским.

Гоголь для Чернышевского на протяжении всех университетских лет служил непререкаемым авторитетом, его он пропагандировал, за него сражался. Почитатели, друзья Гоголя становились друзьями и единомышленниками Чернышевского. Люди, не понимающие Гоголя, осуждающие его, — это люди, по мнению Чернышевского, или ограниченные, недалекие, или люди пошлые.

В своем понимании достоинств Гоголя Чернышевский не оставался на одном месте. Вместе с развитием литературных, философских и общественно-политических взглядов менялось его отношение к Гоголю, постепенно приближаясь все более и более к точке зрения Белинского. Окончательное сближение их оценок произошло уже в 1855 году, когда Чернышевский выступил автором «Очерков гоголевского периода русской литературы».

Одно из ранних высказываний Чернышевского, в котором ясно выступало несоответствие его взглядов на Гоголя с взглядами Белинского, относится к 1846 году. Чернышевский — студент-первокурсник университета — делится литературными слухами со своей двоюродной сестрой Л. Котляревской: «Гоголь прислал письмо к Никитенке, из которого явствует, что он жив и здоров, слава богу, с ума сходить не думает, в монахи итти тоже, а думает ехать в Палестину и Иерусалим. Это очень хорошо» (XIV, 69).

Очевидно, Чернышевский в то время берет под защиту у Гоголя то, что вызвало осуждение в кругу Белинского — его религиозность. В дальнейшем Чернышевский в своем любимом писателе будет выдвигать на первый план не религиозность, не морально-учительную сторону его творчества, а другие качества. Однако разногласие с Белинским и на этот раз будет оставаться.

Чернышевский все настойчивее начинает проникаться мыслью, что Гоголь не только великий писатель, но и великий человек как личность, благородная во всех своих действиях и цельная в своих интеллектуальных и моральных проявлениях и побуждениях. Гоголь не может быть велик в одном и слаб в другом, это нелогично и неестественно. «Человек всегда и везде, — спорил он со своим профессором Никитенкою, — во все продолжение своей жизни и во всех кругах своей деятельности, во всех

поступках своих решительно одинаков... Так что вся натура человека выражается вполне в каждом его поступке» (I, 153)¹.

Чернышевский негодует по поводу утверждения, выказанного проф. Никитенко на занятиях, что «Гоголь — поэт и писатель и Гоголь — не поэт и не писатель — два совершенно различные человека» (I, 140). Фактически это негодование Чернышевского следует переадресовать Белинскому, т. к. Никитенко только пересказал мысль великого критика, заявленную им в статье: «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души»².

В то же время и на тех же основаниях Чернышевский выступает уже прямо против Белинского за его резкую рецензию в «Современнике» на предисловие Гоголя ко 2-му изданию «Мертвых душ» (1847, т. I), Белинский высмеивает «надутый», «напыщенный лиризм» Гоголя, его «мистико-лирические выходки», позу «пророка», неискреннее, «неумеренное смирение» и т. д.³ Насмешки Белинского не только не встретили у Чернышевского поддержки, но, наоборот, решительное осуждение. 27 января 1847 года Чернышевский пишет родителям: «По поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ», в котором Гоголь просит каждого читателя сообщать ему свои замечания на его книгу, было высказано столько пошлых острот или плоскостей в «Современнике», что можно предвидеть, что за Письма к друзьям (т. е. за «Выбранные места из переписки с друзьями», которые, очевидно, Чернышевским уже были прочтены) Гоголя не постыдятся назвать и в печати сумасшедшим Никитенко, Некрасов и Белинский с товарищами, как давно провозгласили его эти господа на словах» (XIV, 105—106). И дальше Чернышевский отзывается с горячим одобрением о «благородной» статей-

¹ Эту мысль Н. Г. Чернышевский потом будет развивать в статье «Антропологический принцип в философии».

² В упомянутой статье Белинский писал: «Мы даже имеем дерзость думать, что непосредственность творчества у Гоголя имеет свои границы и что она иногда изменяет ему, особенно там, где в нем поэт сталкивается с мыслителем», «Отечественные записки», 1842, т. XXV, отд. V.

Цитирую по Полн. собр. соч. Белинского, Изд. АН СССР, М. 1955, т. VI, стр. 425.

³ Там же, т. X, стр. 51—52.

ке в журнале «Иллюстрация», автор которой в противовес «господам из Современника» берет под защиту искренность Гоголя и безбоязненно и открыто выраженное «чувство смирения» (XIV, 106).

Через полтора года после этой записи Чернышевский опять возвращается к своему разногласию с Белинским о Гоголе, но уже по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Известно, что «Переписка» Гоголя при своем появлении вызвала всеобщее осуждение, даже у представителей таких умеренных воззрений, как С. Т. Аксаков, Н. Ф. Павлов и др. Белинский вскоре после появления книги Гоголя отозвался о ней в «Современнике» (1847, т. I, № 2). Здесь, несмотря на стеснения цензуры, глухо, полунамеками ему все же удалось показать реакционный смысл выступления Гоголя.

Однако в 1848 году в разгар обсуждений переписки Белинского (теперь уже умершего) и Гоголя, в ту пору, когда передовое общественное мнение все больше склонялось к осуждению книги Гоголя, как книги реакционной, в это время Чернышевский, неуклонно складывающийся в своих убеждениях как демократ и революционер, записывает по поводу этих споров свои замечания, из которых видно, что он берет сторону автора «Выбранных мест» и нападает на Белинского и его единомышленников: «На дороге я говорил, — пишет Чернышевский, — о гоголевой «Переписке», что все ругают, «я первый», что это не доказывает тщеславия, мелочности и проч., а напротив, только смелость, что первый высказал то, что думает каждый в глубине души...». И дальше Чернышевский возражает на нападки критики, которая обвиняет автора «Выбранных мест» не только в ограниченности общественного кругозора, но и в отсутствии должной скромности и искренности. Чернышевский убеждал в обратном: критики Гоголя сами не обладают необходимой честной прямоотой в признании своих недостатков, поэтому не могут простить и Гоголю, обвиняя его в сумасбродстве, мелочности и тщеславии. Они «сами не способны питать таких мыслей, потому и не верят другим» (I, 54).

Можно привести еще один факт, который с большей очевидностью показывает, что именно в Гоголе ценил Чернышевский и как он реагировал на обвинения Гоголя

в неискренности. Вскоре (через несколько дней) после разговора с Лободовским о «Выбранных местах» Чернышевский вступает в спор со своим родственником И. Г. Терсинским, который назвал Гоголя «фигляром». Свое впечатление об этом споре Чернышевский записывает: «... я совершенно тот же, как мальчиком был: тогда расплакался о том, что «богатыри так трудились для блага нашего, а мы не хотим даже и знать их, ценить их заслуги и подвиги», — теперь это же самое волнует меня: они наши спасители, эти писатели как Лермонтов и Гоголь, а мы называем их фиглярами — жалкая, оскорбительная неблагодарность, близорукость, пошлость» (I, 58).

Чернышевский переносит обсуждение Гоголя в плоскость психологическую и морально-этическую. Он берет под защиту не реакционные идеи книги, а личность Гоголя, исполненную благородных стремлений принести пользу Родине и человечеству. Ведь по взглядам Чернышевского о единстве человеческой личности, которые он отстаивал в споре с Никитенко, «никогда ничего великого не производится через человека, который бы не сделал чести человечеству» (I, 140). А если кто увидит в таком человеке недостатки, то это от собственной мелочности, близорукости, ограниченности, неспособности проникнуть в великое.

В 1848—1849 гг., до того, как произошло сближение с Введенским, еще одно обстоятельство в оценке Гоголя вызывало у Чернышевского несогласие с Белинским. Это вопрос о степени величия Гоголя — вопрос очень важный для Чернышевского. Является ли Гоголь гением мирового достоинства, художником, которого можно поставить рядом с величайшими писателями человечества, — вот что волновало Чернышевского. Судя по намекам, которые проскальзывают в записях дневника, причиной, родившей новое разногласие с Белинским, были статьи последнего: «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» и «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души»¹.

Выступление Белинского было вызвано брошюрой славянофила К. Аксакова о «Мертвых душах». К. Акса-

¹ Обе статьи были напечатаны в 1842 г. в XXIII и XXV томах «Отечественных записок».

ков, думая поднять Гоголя на щит, признал его эпическим писателем мирового достоинства, равным Гомеру и Шекспиру. Славянофилы подчеркивали в Гоголе эпическое, примиряющее, созерцательное начало.

Белинский блестяще разоблачил ошибочную и, по существу, умаляющую Гоголя трактовку, он отказал автору «Мертвых душ» как в общечеловеческом ранге, так и в сходстве с великим Гомером по ряду причин: и потому, что Гоголь не реалист-созерцатель, а реалист-отрицатель, поэт социальный, творчество которого теснейшим образом связано с современными насущными вопросами русской действительности¹, и потому, что сама русская действительность еще не достигла нужного уровня, чтобы родить поэта общечеловеческого достоинства² и, наконец, потому, что Гоголь не столько сильный мыслитель, что является обязательным условием для гения мирового значения, сколько писатель-реалист, который гениально «объективирует» действительность в непосредственном бессознательном акте творчества³.

С этими двумя положениями и особенно с последним Чернышевский не мог согласиться. К тому же, говоря о Гоголе-учителе, «недосягаемом, великом» (2/VIII-1848 г., I, 66), за которого Чернышевский был «готов отдать и жизнь и честь» (I, 66), Белинский позволял себе выражения слишком вольные, святотатственные. Мог ли примириться Чернышевский с тем, что самые попытки к сближению «Илиады» Гомера и «Мертвых душ» называл критик «комически забавными»⁴.

Статьи Белинского вызвали целый ряд ответных реплик в дневнике Чернышевского. Размышляя о значительности Гоголя, он в своих оценках присоединяется не к Белинскому, а к К. С. Аксакову. В августе 1848 г. Чернышевский записывает в дневнике свое впечатление о поэме Гоголя: «Велико, истинно велико! ни одного слова лишнего, одно удивительно! вся жизнь русская, во всех ее различных сферах исчерпывается ими, как, говорят (хотя я это принимаю на веру), Гомером греческая и верно; это поэтому эпос» (I, 69).

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., М. 1955, т. VI. стр. 259.

² Там же, стр. 255.

³ Там же, стр. 425—426.

⁴ Там же, стр. 425.

Через полтора месяца Чернышевский опять возвращается к оценке Гоголя и опять, вопреки Белинскому, хотя и отправляясь от него, утверждает мировое значение любимого писателя: «Лермонтов и Гоголь, — пишет он в дневнике, — которых произведения мне кажутся совершенно самостоятельными... может быть, самыми высшими, что произвели последние годы в европейской литературе, доказывают для меня, у которого утвердилось мнение, заимствованное из «Отечественных записок» (я вычитал его в статьях о Державине), что только жизнь народа, степень его развития определяет значение поэта для человечества, и если народ еще не достиг мирового, общечеловеческого значения, не будет в нем и писателей, которые должны быть общечеловеческими, имели бы общечеловеческое достоинство. Итак, Лермонтов и Гоголь доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия...» (I, 127).

В этой записи обращает на себя внимание то, что Чернышевский в исходных своих положениях в споре с Белинским опирался на Белинского, не зная, что именно ему принадлежит статья о Державине (она шла в журнале без подписи).

В статье о Державине Белинский выдвигает мысль, что величие поэта определяется величию народа и эпохи, представителем которых он выступает. Россия при Державине еще не достигла такого уровня, когда ее история решает общечеловеческие проблемы. Ни о Лермонтове, ни о Гоголе Белинский в этой статье не упоминает. Чернышевский же, как видно, в своих раздумьях пошел обратным путем: он сделал следствия в рассуждениях Белинского причиной, поэтому и вывод оказался другим, чем у Белинского: раз Лермонтов и Гоголь великие писатели, значит Россия стала мировой державой.

В январе 1850 г. Чернышевский, недавно вошедший в кружок Введенского, оказался тем самым в атмосфере культа Белинского, но первоначально полемику с Белинским он еще продолжает: «Ставлю Лермонтова выше Пушкина, а Гоголя выше всего на свете со включением в это все и Шекспира и кого угодно» (I, 353).

Однако это было его последнее сопротивление Белинскому в оценке Гоголя.

В кружке Введенского Чернышевский познакомился с письмом Белинского. В нем, в этом письме, были сосредоточены наиболее страшные и наиболее решающие удары не только по святыне Чернышевского, его учителю юных лет и «спасителю» (I, 58) — Гоголю, но и по остаткам собственной религиозности.

Говоря о Гоголе, Белинский был беспощаден не только к содержанию самих взглядов писателя: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов...»¹, но и к оценке самой личности Гоголя, его моральной непогрешимости. Он усомнился в благородстве исходных побуждений автора «Выбранных мест»: «... Сквозь небрежное изложение, — пишет Белинский, — проглядывает обдуманность, а гимн властям предержавшим хорошо устраивает земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге слух, будто Вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника... Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что Ваша книга уронила Вас в глазах публики как писателя и еще больше как человека»² (подчеркнуто мною. — А. М.).

Обвинения были ужасны. А между тем в кружке Введенского среди людей, которые лично знали Белинского, понимали его огромную роль в литературно-общественной борьбе, которые могли рассказать о непримиримой, честной последовательности и демократизме в его поведении и во всей деятельности, Чернышевский не мог к великому критику сохранить своего прежнего отношения. Теперь Белинский сам неизмеримо вырастал в понимании Чернышевского. К тому же позиция Белинского как автора письма к Гоголю была не только безупречна, но и отвечала самым интимным, самым горячим убеждениям Чернышевского — особенно ему была близка основная идея письма — именно страстная защита закабаленного крепостного крестьянства. Да и в оценке религии и духовенства Белинский смело и мужественно сказал то, что уже давно назревало в душе самого Чернышевского.

Все это, а тем более огненное красноречие письма и его неумолимая логика не могли не заставить задумать-

¹ В. Г. Белинский, т. X, стр. 214.

² Там же, стр. 217.

ся: где же истина? Кто же прав, Гоголь или Белинский? В душе столкнулись два авторитета и первоначально не находилось примирения: или один или другой.

Таким образом, психологически понятно, что письмо Белинского к Гоголю не упоминалось Чернышевским. И именно тогда, когда все о нем говорили, когда у всех оно вызывало самые горячие и страстные отклики. Слишком сильно оно ударило по прежним взглядам и авторитетам, слишком круто потребовало оно перестройки самого Чернышевского: нужно было решительно освободиться от колебаний в религиозных вопросах, нужно было по-другому, без предвзятости, посмотреть на своего кумира — Гоголя, отдав должное его великости, но и отметив вопиющие противоречия в его творчестве и поведении.

Вначале Чернышевский не смог определить, кто прав: он не решился еще открыто признать справедливость обвинений, предъявленных Белинским Гоголю, однако перелом уже наметился, уже появились косвенные свидетельства победы Белинского. В дневнике есть запись, в которой Чернышевский говорит о своих новых литературных увлечениях. Эти увлечения у Чернышевского возникли не случайно, они ему были внушены Белинским. Более того, важно отметить, что теперь в своих литературных суждениях Чернышевский оказался на позициях той самой статьи великого критика, которая еще так недавно его возмущала.

Вот что писал Белинский в статье «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души»: «Мы даже имеем дерзость думать, что непосредственность творчества Гоголя имеет свои границы и что она иногда изменяет ему, особенно там, где в нем поэт сталкивается с мыслителем, то есть где дело преимущественно касается идей... Кстати: ведь эти идеи, кроме огромного таланта, или, пожалуй, и гения, кроме естественной силы непосредственного творчества, требуют эрудиции, интеллектуального развития, основанного на неослабном преследовании быстро несущейся умственной жизни современного мира — именно того, чем так сильны и велики, например, Байрон, Шиллер, Гете»¹.

В безусловной связи со статьей Белинского находится запись Чернышевского в дневнике 20 января 1850 года:

¹ В. Г. Белинский, т. VI, стр. 425—426.

«Люди, которые занимают меня много: Гоголь, Диккенс, Ж. Занд; Гейне я почти не читал, но теперь может быть он мне понравился бы... Из мертвых я не умею назвать никого, кроме Гете, Шиллера (Байрона тоже бы, вероятно, но я не читал его), Лермонтова. Эти люди мои друзья, т. е. я им преданный друг» (I, 358).

Очевидно, Шиллер, Гете и особенно Байрон, которого Чернышевский не читал, были включены в список друзей «по протекции» Белинского, авторитет которого стал еще больше признаваться.

О том высоком значении, какое стал теперь придавать Чернышевский литературно-критическим статьям Белинского, очень убедительно говорит его письмо к М. Михайлову (23. XII-1850 г.), где он дает советы своему другу, как подготовиться к экзамену по истории русской литературы. Перечисляя целый ряд авторов официально признанных пособий: Греча, В. Майкова, Галахова, Шевырева и т. д., Чернышевский решительно заключает: «Разумеется, все это вздор, без всего этого, кроме статей Белинского, Вы можете обойтись — кроме этих статей, собственно говоря, ничего Вам не понадобится, а потому, что есть — читайте, чего нет, на то плюньте и забудьте думать — ведь статьи Белинского, если не найдется в Нижнем иных томов «Отечественных записок», просмотрите и здесь, а кроме их ничего не нужно» (XIV, 211).

Впоследствии, уже в период своего сотрудничества в «Современнике», выступая с «Очерками гоголевского периода», а также со статьей «Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Изд. П. А. Кулиша» и другими, Чернышевский окончательно примирил свою точку зрения на Гоголя с точкой зрения Белинского. Автор «Ревизора» и «Мертвых душ» Чернышевским почитался до конца жизни очень высоко, он оставался гениальным писателем, «вождем своего народа» (IV, 649), «двинувшим вперед свою нацию» (IV, 649), человеком, обладавшим мощным и «благородным инстинктом природы» (IV, 649). Но это был только инстинкт, к сожалению, не просвещенный знаниями. Чернышевский, следуя теперь за Белинским, не отрицает у Гоголя ограниченности и узости общественно-политических взглядов, однако это не вина его, а беда, она произошла от недостатка образования и по причине дурного влияния среды, окружавшей писателя. Но душа его была переполнена благородными стремле-

ниями и беззаветной готовностью отдаться их осуществлению. Произведения его были проникнуты «энергиею негодования», о которой не имели понятия люди, бывшие его учителями и друзьями (IV, 662).

Вместе с этим «Очерки гоголевского периода» представляют собою апологию также и Белинского и его литературно-критической деятельности. «Человека, который был органом этой критики, — пишет Чернышевский, — невозможно не признать гениальным» (III, 138).

Таким образом, окончательный итог, к которому пришел Чернышевский, был итогом, примиряющим двух гениев: один стоял во главе русской литературы, другой — во главе русской критики. По убеждению Чернышевского, они были родственные гении, неразрывно связанные одним патриотическим делом: один — силой своего непосредственного художественного дарования приковал внимание общества к реальной русской действительности, которую понял во всей ее печальной и страшной правде. Другой — идейный вождь народа, мыслитель, критик, глубоко постигший значение творчества Гоголя, теоретик «натуральной школы» русской литературы, воспитавший фалангу замечательных писателей-реалистов.

10.

Необходимо отметить, что и другая ведущая фигура эпохи — Герцен так же, как и Белинский, получил у Чернышевского открытое и безоговорочное признание не просто и не так быстро, как об этом укоренилось мнение в биографической литературе. Не противоречит этому и то, что произведения Герцена могли быть прочитаны Чернышевским еще в доуниверситетский период его жизни. По свидетельству Пыпина, отец Чернышевского выписывал «Отечественные записки», в которых печатались литературные и философские произведения Герцена¹.

¹ А. Н. Пыпин, Мои заметки, М. 1910, стр. 58. В «Отечественных записках», которые выписывал Г. И. Чернышевский, были помещены: «Записки одного молодого человека» (1840, кн. VII, 1841, кн. VII); «Кто виноват?», первые четыре главы напечатаны в XII кн. 1845 г., остальные главы под заглавием «Владимир Бельтов» были помещены в IV кн. 1846 г.; философские работы Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» также печатались в «Отечественных записках» 1843—1845 гг.

Но отсюда следует только то, что до знакомства с кружком Введенского Чернышевский имел некоторые сведения о Герцене, но сведения эти были, как увидим, в достаточной мере туманны. Во всяком случае автор романа «Кто виноват?» не вызывал к себе у Чернышевского такого пристального внимания, какое вызвали, как об этом можно судить по дневнику и письмам студенческих лет, например, Э. Сю, Диккенс, Фильдинг, Ж. Занд, Гёте и особенно Гоголь и Лермонтов.

Одно из самых ранних высказываний о Герцене у Чернышевского относится ко времени его обучения на первом курсе университета, в 1846 году. В одном из писем домой, содержание которого уже приводилось выше, общая о реформе в составе редакции журнала «Современник», Чернышевский говорит о Герцене, Белинском, Плещееве и Плетневе как о литературных знаменитостях, которые могут сделать журнал, «благородный по духу». Однако сведения эти идут с чужих слов. Чернышевскому, только что приехавшему из провинции, рассказал об этом его родственник, либерально настроенный чиновник А. Ф. Раев (XIV, 69).

Очень характерно рисует степень малой осведомленности студента-первокурсника в литературной жизни то недоумение, с которым он воспринял слова своего «знакомца», «страшного либерала», что они (т. е. Плещеев, Белинский, Искандер) «не в дружбе с правительством». «Это он (т. е. знакомец. — А. М.) говорит серьезно ведь», — с недоверчивым изумлением замечает Чернышевский (XIV, 70—71).

После этой характеристики с чужих слов Чернышевский надолго забывает о Герцене, если не считать незначительных косвенных намеков, не дающих достаточного представления о том, что Герцен чем-то привлекал Чернышевского.

Так, через два года после первых упоминаний о Герцене в записи 1848 года в дневнике Чернышевский замечает, что его друг В. П. Лободовский очень заинтересован романом «Кто виноват?» (I, 104). Лободовский же в эти годы для Чернышевского был большим авторитетом.

По записи в апреле 1849 г. мы узнаем, что Чернышевский достает для петрашевца Ханыкова книги «Отечественных записок», в которых помещалась философская работа Герцена «Письма об изучении природы» (I, 265).

Таким образом, в кругу людей, которых Чернышевский очень уважал и мнение которых очень ценил, Герцен пользовался успехом. Однако сам Чернышевский долгое время к Герцену относился сдержанно, очевидно не имея еще такого же ясного к нему отношения, как к Гоголю и Лермонтову. Есть, правда, одна заметка в дневнике, сделанная в ноябре 1849 года (еще до окончательного знакомства с Введенским), по которой можно предположить, что Чернышевский признал высокое достоинство романа Герцена «Кто виноват?», следуя в своих суждениях за Белинским. Поводом к разговору о «Кто виноват?» послужили беллетристические наброски его друга В. П. Лободовского. Оценивая их, Чернышевский замечает: «Не могу сказать, чтобы... видно по отрывкам гениальное произведение... но гораздо лучше... того, что печатается, и уже гораздо лучше всего, что было напечатано с самой «Обыкновенной истории» и «Кто виноват?»¹ (I, 336).

Очевидно, в представлении Чернышевского появление романов «Обыкновенная история» и «Кто виноват?» являлось каким-то рубежом в литературной жизни, после которого в отечественной беллетристике уже ничего хорошего не печаталось.

С полным знанием дела, с сознательным уважением Чернышевский заговорил о Герцене только после того, как попал в кружок Введенского и проникся его атмосферой.

В кружке Введенского были два общепринятых авторитета: Белинский и Герцен. После смерти Белинского Герцен оставался единственной надеждой, авторитетом, вождем, поднимавшим голос протеста против самодержавного деспотизма и варварского крепостничества. Надежды, которые возлагались передовыми кругами интеллигенции, выразил, как об этом уже говорилось, один из членов кружка Введенского Чумиков в письме к Герцену: «Ваше слово для нас закон, вы наш оракул... мы стадо без вожда: руководствуйте нами» и т. д.²

¹ Сопоставление этих двух романов с отрывками из произведения Лободовского не случайно. Очевидно, Чернышевский был знаком со статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», где романы Гончарова и Герцена берутся в сравнении.

² «Литературное наследство», № 62, Письма А. Чумикова, Публикация М. Я. Полякова, стр. 718.

На «средах» Введенского произведения Искандера часто читались вслух и служили поводом для серьезных обсуждений общественных и политических вопросов современности, о чем имеется в дневнике Чернышевского очень интересная запись от 15 сентября 1850 года, где он рассказывает, что чтение произведений Искандера сочталося с разговором о цареубийстве (I, 395).

Творчество Герцена привлекало, очевидно, своим резко-критическим, обличительным пафосом. В письме к М. И. Михайлову Чернышевский, советуя писать своему товарищу для «Отечественных записок», предостерегает, чтобы в повестях не говорилось бы «ни о боге, ни о чорте, ни о царе, ни о мужиках», т. е. чтобы не было «жоржзандовского, вольтеровского..., григоровичевского, искандеровского» духа, т. к. это вызовет цензурный запрет (XIV, 209).

Герцен для Чернышевского теперь становится все ближе и ближе. Теперь он политический единомышленник. Чернышевский ставит Герцена в один ряд с Лермонтовым и Гоголем. Как раньше бывало, оценка идейной близости человека, степень прогрессивности его взглядов определялась его отношением к Гоголю, так теперь таким критерием для Чернышевского выступает наряду с Гоголем и Герцен. Характеризуя М. И. Михайлову одного из членов кружка Введенского — доктора Городкова, Чернышевский пишет: «Чудесный человек, который мне очень нравится. Неистовый обожатель Искандера и Прудона. Гоголя тоже почитает всеми силами души» (XIV, 215).

Нет сомнения, что именно в кружке Введенского, среди людей, знавших перипетии политической биографии Герцена, представлявшие его литературную и общественную роль, здесь, в атмосфере уважения и почитания Герцена, у Чернышевского сложилось убеждение, нашедшее выражение в формуле: «Я его (т. е. Искандера. — А. М.) так уважаю, как не уважаю никого из русских, и нет вещи, которую я бы не был готов сделать для него» (I, 381).

Такое преклонение перед Герценом оказалось возможным не только потому, что Чернышевский видел в нем в эту пору своего единомышленника во взглядах на самодержавие, на крепостное право, на положение женщины в семье и обществе, но и потому, что Чернышевский, ко-

торый к окончанию университета укрепился в мысли — посвятить себя революционной деятельности, стал смотреть на Герцена как на вдохновляющий пример благородного патриотического служения народу и родине. И в дальнейшем Чернышевский, заглядывая в будущее, мерил свою жизнь судьбою Герцена. Так, в феврале 1853 г., предупреждая невесту Ольгу Сократовну о трудностях, которые ее ждут, если она решится соединить с ним свою жизнь, Чернышевский приводил ей в пример лишения и скитания семьи Герцена. Он говорил невесте, что их судьба с Герценом может быть сходна потому, что сходны их убеждения. «Я не ровняю себя, например, с Искандером по уму, но должен сказать, что в резкости образа мыслей не уступаю им и что я должен ожидать подобной участи» (I, 419).

Наконец, говоря о значении в биографии Чернышевского кружка Введенского, можно сделать еще одно заключение. Очевидно, Чернышевский именно здесь, в кружке Введенского, среди людей, принимавших активное участие в литературной жизни своего времени, людей, воспитанных на журнальных статьях Белинского и Герцена, определил свою будущую деятельность как деятельность журналиста.

Чернышевского в годы его обучения в университете никогда не покидала мысль о своей особенной роли, о том, что ему «суждено... двинуть вперед человечество по дороге несколько новой» (I, 127, 193 и т. д.). К концу пребывания в университете он уже ясно предвидел свою роль как активного пропагандиста революционно-демократических идеалов.

В мае 1850 года за месяц до выхода из стен университета Чернышевский подводил итоги своим политическим убеждениям и раздумывал о будущих планах своей практической политической деятельности. Он окончательно пришел к выводу, что его место в жизни определено революционной борьбой с самодержавием и крепостничеством. Причем в этой борьбе он предвидит свою роль как роль вождя партии заговорщиков против самодержавия. «Теперь чувствую себя, — пишет он в дневнике, — так, как чувствует себя заговорщик, как чувствует себя генерал в отношении к неприятельскому генералу, с которым должен вступить завтра в бой, внутренне теперь почувствовал, что я, может быть, спо-

собен на поступки самые отчаянные, самые смелые, самые безумные» (I, 373).

Чернышевский раздумывает о путях широкой пропаганды своих идей, в частности о тайном печатном станке (I, 372). Он делает различные предположения, какими средствами лучше добиться свободы крестьян: или путем обнародования манифеста о свободе, изданном якобы царем, или путем распространения возвания-прокламации, обращенной к крестьянам с призывом к восстанию (I, 374).

Нет сомнения, что для Чернышевского было не все равно, где работать после окончания университета. Тем более, стремление практически осуществить свои созревшие революционные замыслы, конечно, определяли его раздумия о будущем. Ведь не всякая профессия могла открыть необходимые возможности активно проводить в жизнь столь опасные взгляды и планы.

Действительно, Чернышевского недолго задержало место учителя гимназии, он не особенно настойчиво боролся за получение ученой кафедры в университетской аудитории. Вставши, подобно Белинскому и Герцену, на путь литератора и журналиста, Чернышевский, как и они, оказался у такой трибуны, с которой его голос был слышен всей стране.

Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что кружок демократической молодежи, группировавшийся вокруг И. И. Введенского и воспитанный на идеях Белинского и Герцена, в духовном развитии Чернышевского сыграл весьма значительную роль. Именно на «средах» Введенского Чернышевский заканчивал и шлифовал свое литературное и общественное образование.



Е. Г. БУШКАНЕЦ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ПИСАТЕЛИ — ДЕМОКРАТЫ

(Из истории борьбы «Современника» за политическое воспитание писателей-демократов в 1859—1861 гг.)

История русской литературы неразрывно связана с историей освободительного движения в нашей стране. Еще декабристы, дворянские революционеры, активно боролись за передовую литературу, требуя от писателей служения делу освобождения Родины. Революционеры-демократы, отражавшие настроения многомиллионных крестьянских масс и защищавшие их интересы, продолжили, расширили и укрепили эти традиции на новом этапе освободительного движения.

В. И. Ленин, обращаясь к характеристике сложившейся в стране в конце 50 — начале 60-х годов революционной ситуации, в числе ее факторов называл могучую проповедь Чернышевского и распространение по всей России «Колокола»¹. Он высоко оценивал деятельность Чернышевского, влиявшего на все политические события эпохи в революционном духе и проводившего через препоны цензуры идею борьбы масс за свержение всех старых властей.

Подчеркивая противоположность революционно-демократической и либерально-реформистской тенденции в общественно-политической борьбе конца 50 — начала 60-х годов, Ленин называл революционеров-демократов «великими деятелями той эпохи». «Чем дальше мы отходим от нее, — писал Ленин, — тем яснее нам их

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26.

величие, тем отчетливее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов»¹.

Революционные демократы видели обострение классовой борьбы в стране. Трезво и осторожно оценивая политическую обстановку, они считали вполне возможным революционный взрыв, когда восставшие крестьянские массы топором сметут феодальную собственность на землю и уничтожат феодальный строй. Они боролись за приближение этого взрыва, готовили революцию.

Революционные демократы считали, что начало нового периода в экономическом и политическом развитии нашей страны, нового этапа в освободительном движении определит и начало нового периода в развитии русской литературы. В ходе революционной борьбы с самодержавием и крепостничеством будет рождена «партия народа» в литературе. «Современник», неразрывно связывая судьбы русской литературы с судьбами крестьянской революции, отводил литературе в подготовке революции определенную роль. Исходя из положения, что реалистические образы «весьма много способствуют составлению и распространению между людьми правильных понятий»², Чернышевский и Добролюбов указывали, что, распространяя эти «правильные понятия», то есть воспитывая у читателей ненависть к самодержавию и крепостничеству, вдохновляя их на борьбу за интересы народа, передовые писатели становятся тем самым непосредственными участниками революционного преобразования России.

Руководители «Современника» во всей своей деятельности проводили мысль о том, что передовое мировоззрение писателя является одним из важнейших условий реалистического отражения действительности и, следовательно, общественного значения создаваемых им произведений. «Когда общие понятия художника правильны... — указывал «Современник», — тогда действительность отражается в произведении ярче и живее и она легче может привести рассуждающего человека к правильным выводам и, следовательно, иметь большее значение для жизни»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 100.

² «Современник», 1859, № 7, отд. II, стр. 34; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 48.

³ Там же, стр. 35.

Чернышевский подчеркивал в «Современнике», что «вопрос о пафосе поэта, об идеях, дающих жизнь его произведениям — вопрос первостепенной важности»¹. Только «определенное направление и серьезные убеждения» дают, — указывал там же Добролюбов, — возможность писателю глубже всмотреться в окружающую его действительность и отразить в своих произведениях более важные и существенные стороны жизни.

«Современник» обращал внимание на ограниченность в новых условиях достигнутого в 40—50-х годах русской литературой уровня реализма. Продолжая исключительно высоко оценивать значение творчества Гоголя и всего гоголевского периода в целом в истории русской литературы, Чернышевский в статье, посвященной новому изданию сочинений Гоголя, отметил у него отсутствие «твердого и систематического образования», «сознательных и стройных убеждений». Статью пронизывала мысль о передовом революционном мировоззрении писателя — «стройном образе мыслей»² как необходимом условии служения литературы интересам народа. Новый период в русской литературе, указывал Чернышевский, будет определяться ясным и отчетливым пониманием передовыми писателями революционных путей борьбы за переустройство общества. Именно поэтому в статье ставился вопрос, как «стройные и сознательные убеждения развиваются в человеке», что нужно, чтобы «пойти верным путем к справедливому решению глубочайших и запутаннейших вопросов». Для этого, отвечал Чернышевский, нужно иметь «научное приготовление», «надежных руководителей»³.

Быть такими руководителями передовых писателей своего времени и стремились Чернышевский и Добролюбов.

Чернышевский и Добролюбов выступили на исторической арене в период окончательного размежевания революционно-демократической и либерально-реформистской тенденций в русском общественном движении. Они

¹ «Современник», 1857, № 1, отд. V, стр. 166; см. также Чернышевский Н. Г., Соч., т. 4, стр. 681.

² «Современник», 1857, № 8, отд. III, стр. 127; см. также Чернышевский Н. Г., Соч., т. 4, стр. 661.

³ «Современник», 1857, № 8, отд. III, стр. 96—97; см. также Чернышевский Н. Г., Соч., т. 4, стр. 637.

видели коренную противоположность обеих тенденций, неутомимо разоблачали идеологию либерализма и предательство либералами интересов народных масс. В то же время Чернышевский и Добролюбов правильно понимали сложный противоречивый характер формирования убеждений писателей-демократов в условиях ожесточенной борьбы этих двух тенденций. «Представители демократической тенденции,— указывал Ленин,— идут к своей цели, постоянно колеблясь и попадая в зависимость от либерализма»¹. *Противодействовать этим колебаниям, разрушать эту зависимость — так понимали вожди революционной демократии свою основную задачу в воспитании передовых писателей.* Они стремились повести их за собой и направить их деятельность в интересах революции. Они боролись против либеральных иллюзий и колебаний у передовых писателей за их сознательную последовательную революционность.

М. Е. Салтыков, М. И. Михайлов, А. Н. Плещеев, В. С. Курочкин, А. Я. Панаева, Д. Д. Минаев, В. А. Слепцов, Н. А. Серно-Соловьевич, Г. З. Елисеев и ряд других писателей под непосредственным влиянием идей Чернышевского и Добролюбова стали под знамена революционной демократической литературы, отражавшей и защищавшей интересы народа.

Идейная близость к «Современнику» в период наибольшего обострения классовой борьбы в стране таких писателей, как Михайлов, Плещеев, Якушкин, Минаев, В. Слепцов, в дореволюционном литературоведении всячески замазывалась. Наоборот, в последнее время отдельные литературоведы пытались обойти молчанием их либеральные иллюзии и колебания. Идейное развитие этих писателей изображалось ими упрощенно, лишенным противоречий и ошибок. Тем самым искажалась историческая перспектива, становилось неясным, почему Чернышевский и Добролюбов находили нужным вести за этих писателей такую упорную и напряженную борьбу.

Представители «бесконфликтного литературоведения» изображали, например, Михайлова на протяжении всей его деятельности стойким и последовательным революционером, свободным от различного рода колебаний и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 92.

ошибок. Так, П. С. Фатеев чуть ли не с конца сороковых годов прослеживал у Михайлова «единство в понимании коренных вопросов социальной, политической, литературной жизни России» с Чернышевским¹. Между тем, несмотря на всю прогрессивность общественно-политической позиции Михайлова в 50-х годах, нельзя не видеть, что взгляды его в этот период еще во многом неопределенны и не оформлены. Сочувствуя угнетенному крестьянству, он еще не видел для него выхода из положения. В произведениях Михайлова сильно чувствовались либеральные иллюзии. Расходился Михайлов в этот период с Чернышевским и в вопросах эстетики. Высоко оценивая Белинского, он плохо понимал революционно-демократическую суть его взглядов на искусство. Б. П. Козьмин в 1946 г. в статье «Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов»² на ряде фактов показал, что в начале и в середине 50-х годов у Чернышевского не было оснований смотреть на Михайлова как на единомышленника. Круг фактов, приводимых Козьминым и игнорированных в позднейшей работе Фатеева, можно значительно расширить. Так, например, П. Пашино (интересные воспоминания которого почти не вошли в научный оборот) во время встречи литераторов на квартире Михайлова в начале 1858 г. был свидетелем его «нелепых» выходов против редакции и сотрудников «Современника» и горячих споров за Аполлона Григорьева»³.

Вместе с тем нельзя игнорировать того влияния, которое на протяжении всех этих лет оказывал Чернышевский на Михайлова. Если бы Чернышевский любил Михайлова только как порядочного, гуманного человека, образованного и веселого собеседника, то многие стороны его отношений к Михайлову остались бы непонятными. Гербель, Полонский и некоторые другие лица, близкие тогда к Михайлову, были также гуманными людьми и интересными собеседниками, но с ними у

¹ П. С. Фатеев, Русский революционный демократ М. И. Михайлов, Собр. соч. М. Михайлова в пяти томах, т. I, Чкалов, 1951, стр. 45.

² «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 3—25.

³ П. Пашино, Литературные воспоминания, Знакомство с М. Л. Михайловым и Н. В. Шелгуновым, «Минута», 1882, стр. 128.

Чернышевского не было ничего общего. Чернышевский видел колебания Михайлова между демократизмом и либерализмом и вел борьбу за Михайлова-демократа.

Важно подчеркнуть, что каждый раз, когда в источниках (письмах или воспоминаниях) речь идет о встречах и беседах Чернышевского и Михайлова, политический характер этих бесед не вызывает сомнений. Студентами они читают вместе «Кто виноват?» Герцена, беседуют на политические темы; через три года Чернышевский пишет Михайлову, что он все более вовлекается в политику и тверже делается в ультрасоциалистическом образе мыслей¹. Осенью 1850 г. Чернышевский, проездом через Нижний Новгород, встречается там с Михайловым; в беседе, как вспоминает присутствовавший при этом А. Н. Пыпин, дело «разумеется, дошло и до политики»². Какой именно характер имели эти «толки» о политике, позволяют судить не известные до сих пор в печати воспоминания М. Н. Веселовского — нижегородского приятеля Михайлова, также присутствовавшего при этой встрече. Разговор, отмечает он, «касался материй важных» и по временам принимал «радикальный оттенок». Мнения, высказываемые Чернышевским, настолько смутили этого либерала, что, записал он, его «несколько не удивит, если Чернышевский попадет со временем в ссылку в Сибирь»³.

Интересно отметить, что, с одной стороны, в этой беседе, которая «пахла Сибирью», Михайлов, по-видимому, во многом согласился с Чернышевским; Чернышевский после этого записал в дневнике о Михайлове: «Он в самом деле порядочный человек»⁴. С другой стороны,

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. 14, стр. 198.

² В. Пыпина, Чернышевский и Пыпин в годы детства и юности, «Н. Г. Чернышевский», Неизданные тексты, материалы и статьи, Саратов 1928, стр. 288—289.

³ Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отдел рукописей, шифр IV—861, листы 311 об.—312. Воспоминания М. Н. Веселовского, не использовавшиеся до сих пор историками русской литературы, содержат ряд интересных данных о Михайлове, а также М. Е. Салтыкове, Н. А. Некрасове, А. Н. Островском. М. Н. Веселовский сотрудничал немного в «Современнике» и более активно — в «Русском слове», для характеристики которого его воспоминания содержат богатый материал.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. I, стр. 388.

Михайлов терпеливо выслушивал после встречи сеговения Веселовского, на которого резкая и заносчивая, по его словам, речь Чернышевского произвела «неприятное впечатление».

Чернышевский и после этого упорно использовал каждую встречу для политического воспитания Михайлова, отчетливо видя при этом его непоследовательность и либеральные колебания, помогал Михайлову в их преодолении.

Особенно большое внимание уделяет он Михайлову с наступлением революционной ситуации в стране. Редакция «Современника» предпринимает ряд мер, которые должны были сблизить Михайлова с революционно-демократическим центром. С этой точки зрения следует высоко оценивать привлечение Михайлова к непосредственной редакционной работе в «Современнике». По свидетельству близко знакомого с Михайловым беллетриста-этнографа С. В. Максимова, Михайлов в это время уже был искренно и горячо предан интересам «Современника»; этому журналу «он беззаветно отдал свою душу»¹. Участие Михайлова в редакционной работе «Современника» было прервано, как известно, его арестом 14 сентября 1861 года.

Период непосредственного участия Михайлова в редакционной работе «Современника» (август 1860 — сентябрь 1861 г.) явился периодом его наибольшей близости с Чернышевским. Чернышевский помог Михайлову понять суть и характер реформы 19 февраля 1861 г., значение крестьянских выступлений в ответ на реформу и, тем самым, окончательно перейти на позиции революционной демократии. Этот перелом в мировоззрении Михайлова получил отражение в его публицистических статьях, поэтическом творчестве и, особенно, в нелегальной революционной деятельности. Михайлов выступил как последовательный демократ, ученик Чернышевского и Добролюбова. Уже находясь в Петропавловской крепости и обращаясь к друзьям с просьбой собрать и напечатать его стихотворения («Хотелось бы хоть что-нибудь оставить на память по себе, а стихи мои едва ли не лучшее из всего, что мною написано»), Михайлов вы-

¹ С. Максимов, За А. Ф. Писемского, «Новое время», 29 сентября, 1889, № 4880.

ражал желание, чтобы предисловие к ним было написано Чернышевским¹.

Показателен путь в лагерь «Современника» и А. Н. Плещеева. Известно, что Чернышевский и Добролюбов ценили творчество Плещеева как поэта, отразившего в 40-х годах идеи петрашевцев. Особенно выделяли они революционный гимн «Вперед без страха и сомненья...», ибо видели в нем «смелый призыв», «веру в лучшую будущность»².

В то же время революционные демократы видели, что недостаточная определенность взглядов и творчества Плещеева, имевшая место и в 40-х годах, в период почти десятилетней ссылки и вызванной этим оторванности от передовой общественной мысли только усилилась. Появившиеся в 1856—1857 годах на страницах «Русского Вестника» стихотворения свидетельствовали, что Плещеев находился в плену иллюзий «либеральной весны» первых лет царствования Александра II. Сравнивая эти стихотворения с произведениями Плещеева 40-х годов, Добролюбов отмечал, что в них нет «тех мощных призывов, тех гордых увлечений, тех... надежд, с которыми так смело выступил он на свое литературное поприще». Добролюбов высказывал сожаление, что «сила обстоятельств» не дала развиваться в Плещееве «убеждениям вполне определенным и ровным — *цельным*, как говорят». Непоследовательность мировоззрения Плещеева и была причиной появления в его стихотворениях «фальшивого звука ребяческих смешных надежд и увлечений».

Революционные демократы помогли Плещееву преодолеть либеральные иллюзии. Трудно переоценить значение для Плещеева личных встреч с Чернышевским и Добролюбовым. Громадное значение имело для него чтение «Современника»³.

¹ П. Быков, Из переписки М. Л. Михайлова, «Современник», 1912, № 9, стр. 205.

² «Современник», 1858, № 10, отд. II, стр. 190; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. I, стр. 456. Сводку высказываний Чернышевского о Плещееве конца 40-х годов см. в статье А. П. Скафтымова «Чернышевский и Плещеев» в сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов 1926, стр. 159—169.

³ «Нетерпеливо жду «Современника», — пишет он Добролюбову в октябре 1859 года, — не потому, что в нем мои стихи, а потому, что надеюсь прочесть что-нибудь ваше и Чернышевского». В фев-

О том, что Плещеев с помощью редакции «Современника» распрощался вскоре с либеральными «надеждами и увлечениями», свидетельствует изменение его отношений с органом либералов — «Русским Вестником», в котором он еще недавно сотрудничал.

В мае 1860 года Плещеев писал Добролюбову о «Русском Вестнике»: «Всякое кумовство в сторону. Надо бить этих крепостников под маркой либералов»¹. Теперь он прямо ссылается на «Современник» и печатавшиеся там обозрения Чернышевского как на источник своих политических взглядов². Ему ясна необходимость «проповедовать против русских плантаторов», от которых Плещеев не отделял и либеральствующих дворян, ибо за либеральной оппозицией, понимал он, таятся «самые узенькие сословные интересы», а «дворянские оппозиционеры — плантаторы под либеральной маской»³. Разоблачение либерализма становится одной из тем творчества Плещеева. И, хотя в отдельных вопросах Плещеев продолжал колебаться между либерализмом и последовательным демократизмом, в целом в общественно-политической борьбе в период революционной ситуации он выступил в лагере «Современника».

Можно напомнить также путь, пройденный в эти годы В. Курочкиным, Н. Серно-Соловьевичем, В. Слепцовым, Д. Минаевым. Все они с помощью Чернышевского и Добролюбова расстались с грузом либеральных надежд и увлечений, открыто и безбоязненно стали на сторону революции. В. И. Ленин писал о Некрасове, что Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского⁴. Это указание Ленина должно учитываться и при изучении творчества других писателей-демократов. Чернышевский и Добролюбов

рале 1860 года он пишет Добролюбову о январском номере журнала: «Что за удивительная статья Николая Гавриловича! Просто все пальчики облизать можно... Ваша статья тоже мне очень по сердцу — и не мне одному...», «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 137, 141

¹ «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 149.

² Шестидесятые годы, материалы по истории литературы и общественному движению, АН СССР, 1940, стр. 453.

³ Там же, стр. 454.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 287.

сумели показать им «недостатки в их убеждениях», помогли «вернее смотреть на жизнь»¹. И хотя в отдельных вопросах эти писатели не всегда были последовательны и допускали отступления от демократизма, нельзя не видеть главного — все их симпатии в рассматриваемый период были на стороне революционной демократии.

Вслед за группой писателей, в 1859—60 гг. уже известных в литературе и с размежеванием сил демократии и либерализма перешедших в лагерь революционно-демократического «Современника», ряды «партий народа» в литературе продолжали пополняться за счет различной молодежи, для которой литературная деятельность являлась одной из форм борьбы за революционное преобразование родины. Этим «новым, свежим деятелям» привлекало в «Современник», как подчеркивалось в журнале, его «направление», служение «честным и справедливым» идеям².

В большинстве своем это были студенты различных учебных заведений, мелкие чиновники, военные.

Благотворное влияние «Современника» захватывало собой всю Россию. В Петербурге передовые читатели приходили, по словам Н. Шелгунова, «в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше от того, что читали потом между строками журнала»³. В Москве молодые люди, по свидетельству другого мемуариста, «знали наизусть» Чернышевского, «читали и читали» Добролюбова⁴. В Казани, вспоминает К. Лаврский, один из руководителей студенческого движения и автор ряда литературных произведений, передовые студенты считали себя серьезными читателями школы «Современника», они с радостью узнавали от поступающих, что и в Сибири «получается «Современник», «замечены в нем статьи Добролюбова и других авторов»⁵. В

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. 14, стр. 316.

² Объяснение о подписке на «Современник» на 1862 г.; оно было приложено к последним номерам журнала за 1861 г.; см. также Н. А. Некрасов, Соч., т. 12, стр. 201.

³ Н. В. Шелгунов, Воспоминания, 1923, стр. 36.

⁴ М. Ю. Ашенбреннер, Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания, 1924, стр. 5.

⁵ Л. О. (К. Лаврский), Из воспоминаний казанского студента, «Первый шаг», Казань, 1876, стр. 388, 391. Под «другими авторами» имеется в виду прежде всего Чернышевский, самое имя которого было в 70-х годах под запретом.

Саратове учитель словесности в гимназии Миловидов даже на уроки приходил с книжками любимого журнала. На вопрос гимназистов о новой драме Островского он отвечал ученикам: «Я ничего не могу сказать, так как еще не вышла об этом статья Добролюбова, а если и вышла таковая, то я еще не успел прочесть»¹. Вятские семинаристы «с величайшим интересом прочитывали от корки до корки» книжки «Современника», статьи Добролюбова и Чернышевского «просто проглатывали», наиболее важные статьи читали коллективно и горячо обсуждали. «Это чтение, — вспоминает И. Красноперов, — просветляло наши умы и наполняло наши сердца высоким восторгом»². На юге, по свидетельству писателя И. Ясинского, юность которого прошла в Киеве, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов были «властителями дум»³. В глухой Тотье видный впоследствии писатель и педагог Н. Бунаков в конце пятидесятых годов читал «Современник», в библиотеке местного училища отыскал экземпляр диссертации Чернышевского. «Не знаю, — вспоминал он, — как она сюда попала, но я прочитал ее с увлечением и много дум она зародила в моей голове»⁴.

Помяловский, по словам его ближайшего друга Н. А. Благовещенского, «из всех журналов с особенным вниманием читал «Современник» и каждой книжки этого журнала ждал как праздника». Статьи Чернышевского и Добролюбова «он перечитывал... по нескольку раз, вдумывался в каждую фразу» — так он «и вырабатывал понемногу свои убеждения»⁵. Об этом писал и сам Помяловский в одном из своих писем Чернышевскому: «Я ваш воспитанник, я, читая «Современник», установил свое мировоззрение»⁶.

¹ П. Черняев, Из прошлого Саратовской гимназии, «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», 1911, вып. 27, стр. 15—16.

² И. Красноперов, Записки разночинца, стр. 48 и 62.

³ И. Ясинский, Роман моей жизни, 1926, стр. 56.

⁴ Н. Ф. Бунаков, Моя жизнь, 1909, стр. 32.

⁵ См. Н. Г. Помяловский, Соч., т. I, 1935, стр. 31. Интересно свидетельство Благовещенского, как радовало всегда Помяловского то, что «мысли его сходятся с мыслями «Современника», что составит ли он о чем мнение какое или выразит сомнение в чем, — глядь, в «Современнике» то же самое, только выражено оно сильнее и прямее».

⁶ Н. Г. Помяловский, Соч., т. 2, 1935, стр. 272.

Молодой литератор И. Пиотровский неоднократно подчеркивал огромную роль «Современника» в формировании своих взглядов. В 1861 году, оказавшись после осенних «беспорядков» в университете за решеткой Петропавловской крепости, Пиотровский внушал своим товарищам, что «времена наступают боевые», и те, кто готовит себя в «граждане», должны брать готовые выводы у Чернышевского и Добролюбова, вооружающих молодежь «всеми данными современного знания, последними словами науки, особенно же такой, которая, как освободительная, не допускается в стены казенных учебных заведений». По словам находившегося вместе с ним в крепости Н. Николадзе, он утверждал, что «Очерки гоголевского периода русской литературы» «необходимо прочесть всякому образованному человеку», а статьи Чернышевского о сенсимонистах и написанный Добролюбовым некролог Оуену заслуживают особого внимания, ибо они знакомят «с положениями социализма, хотя говорить о нем и произносить это слово в печати строжайше запрещено»¹.

В мемуарной литературе, посвященной концу 50— началу 60-х годов, многократно подчеркивается, что молодые писатели-демократы считали «Современник» «учебником жизни» и руководителем для правильного понимания разрешавшихся тогда вопросов², что выход каждой новой книжки журнала для них «составлял эпоху»³. В воспоминаниях А. М. Скабичевского рассказывается о коллективном чтении «Современника» в кружке молодых начинающих литераторов и указывается, что статьи *корифеев* «Современника» вырезались и переплетались в этом кружке в отдельные сборники, выдаваемые его членам для чтения⁴. Лучшая часть молодежи была убеждена, что и в будущем все передовые и честные люди

¹ Н. Николадзе, Воспоминания о шестидесятих годах, «Каторга и ссылка», 1927, № 4, стр. 47.

² Н. В. Шелгунов, Воспоминания, 1923, стр. 168.

³ Н. А. Лежкин, Мои воспоминания, «Исторический вестник», 1906, № 3, стр. 882.

⁴ А. М. Скабичевский, Литературные воспоминания, 1928, стр. 246. Кружок этот состоял главным образом из исключенных за революционные взгляды из училища правоведения бывших его воспитанников. Во главе кружка стоял А. В. Торопов, хорошо лично знакомый с Чернышевским и получавший «Современник» от редакции бесплатно.

будут воспитываться на этих статьях. «Статьи эти, — писал в 1862 году молодой писатель-революционер, сотрудник «Современника» П. Бибилов, — долго будут читаться молодым поколением и многому его научат»¹.

Большинство молодых писателей-демократов начинало свою литературную деятельность на страницах многочисленных рукописных журналов и сборников, выпускавшихся нелегально в различных учебных заведениях. Так, студентами Петербургского университета издавались «Колокольчик», «Светоч», «Вестник свободных мнений» и другие рукописные журналы². В содержании этих нелегальных сборников и журналов под влиянием могучей проповеди «Современника» ярко отразился взгляд разночинной молодежи на литературу как на активную силу в общественно-политической борьбе, революционно-демократическое понимание задач литературы на данном, конкретном этапе борьбы с феодально-самодержавным строем. Из сохранившегося первого номера «Светоча», датированного 1859 г., видно, как его издатели связывали задачи литературы с общими задачами революционной борьбы за освобождение народа. В статье «Мысли при чтении стихотворений Некрасова», помещенной в этом журнале³, с восхищением говорилось о стихотворениях Некрасова, особо подчеркивалось значение «Поэта и гражданина».

Автор статьи горячо поддерживал мысль о том, что поэту нельзя «в годину горя красу долин, небес и моря, и ласку милой воспевать», и приветствовал Некрасова, вступающего с лучшими людьми страны на борьбу с самодержавием⁴.

В стихах, статьях и других материалах, опубликован-

¹ П. А. Бибилов, О литературной деятельности Н. А. Добролюбова, СПб. 1862, стр. 8.

² Б. А. Модзалевский, Из истории Петербургского университета 1857—59 гг., «Голос минувшего», 1917, № 1, стр. 135—170.

³ Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Шифр XVIII-19, «Светоч», рукописный журнал, 1859, № 1.

⁴ О возникновении рукописного журнала «Светоч» некоторые данные имеются в заметке Б. Модзалевского «Из истории Петербургского университета» (1857—1859 гг.), «Голос минувшего», 1917, № 1, стр. 135—170, содержащей публикацию бумаг одного из основателей журнала Л. Н. Модзалевского. О «Светоче» см. стр. 159. О «Светоче» см. также в воспоминаниях Скабичевского, «Русское богатство», 1907, № 7, стр. 40—41.

ных в «Светоче», авторы стремились следовать примеру передовых борцов за дело народа. По своему содержанию весь номер носил революционный характер. В большей или меньшей степени такой же характер был присущ другим рукописным журналам, сборникам, альманахам, появлявшимся во все более возрастающем количестве по мере нарастания революционной ситуации в стране. Даже в таком закрытом привилегированном учебном заведении, как Пажеский корпус, возникает журнал, главной целью которого, по словам его издателя, было «пробудить в корпусе сознание ложного направления, которое царствует у нас, то-есть того, что напрасно думают, что самодержавие есть лучшее правительство, что военная служба есть самый лучший род деятельности и что можно быть только порядочным человеком только в Преображенском полку и в Конногвардийском»¹.

Рукописные журналы и сборники, история которых неразрывно связана с проникновением революционных идей в учебные заведения, являлись первой школой нового поколения писателей. Многие из них начинали затем сотрудничать в различных периодических изданиях, пытались провести свои сборники через цензуру, обращались в различные журналы и прежде всего в «Современник».

Помяловский, например, работая над первой повестью, заранее решил с ней явиться в «Современник». Он говорил Благовещенскому, что «Современник» ему «больше нравится, чем другие журналы, — в нем... видно дело»².

Показателен и другой факт. Один из начинающих литераторов, приехавший в Петербург из провинции, познакомил своих новых товарищей в столице с первой главой начатого им большого произведения. По прочтении отрывка собравшимся кружком молодежи было единодушно решено, что молодому писателю «неприменно надо заручиться советами наших корифеев Добролюбова и Чернышевского», «просить их руководства»³.

¹ Переписка П. и А. Кропоткиных, т. I, 1932, стр. 86.

² Н. Г. Помяловский, Соч., т. I, 1935, стр. 33.

³ В. М. Сикевич, Былые встречи, «Исторический вестник», 1893, № 3, стр. 759.

За «руководительством» в редакцию «Современника» обращалось все лучшее и талантливое, что шло в литературу. Тепло и внимательно встречая всех обращающихся, редакция при первом же знакомстве с молодым писателем стремилась прежде всего выяснить его идеологические позиции. Так, автору, явившемуся с пустым, аполитичным стихотворением, было указано, что одной способности к стихосложению недостаточно, что только мысль, идея «красит всякое произведение и придает ему известную цену». Редакция советовала молодому автору «ближе ознакомиться с жизнью», приобрести к писательской деятельности «надлежащую подготовку», то есть выработать передовое мировоззрение, чтобы затем своими произведениями «благотворно влиять на читателей и способствовать направлению их мыслей»¹.

Тепло был встречен в редакции солдат-писарь В. Никитин, явившийся с романом из жизни кантонистов. Чернышевский, ознакомившись с произведением, высоко оценил в нем прежде всего «негодование против угнетателей». «Ты из народа, — обратился к Никитину присутствовавший при беседе Некрасов, — говори нам его устами правду про его радости и печали». Чернышевский подарил Никитину собрание стихотворений Некрасова и советовал читать их внимательно, чтобы «в памяти сохранились изображенные поэтом картины и лица». При следующей встрече Чернышевский расспросил Никитина, понял ли он эти стихотворения, многие из которых, как замечает в воспоминаниях Никитин, Чернышевский знал наизусть.

В беседе Чернышевский особо обращал внимание Никитина на свои статьи в «Современнике». Он говорил, что своими статьями стремится добиться, чтобы читатели «думали и действовали» так, как следует, по его мнению, думать и действовать. «И вы, — замечал он Ники-

¹ А. Кавалеров, Воспоминания о горном корпусе, «Русская старина», 1905, № 3, стр. 457. Д. Л. Михайловский в рукописных воспоминаниях «Начало моего знакомства с Н. А. Некрасовым и Н. Г. Чернышевским», находящимся в Гос. литературном архиве СССР, сообщает, что ему при первом посещении «Современника» было указано на то, что редакцию интересуют «современные вопросы».

тину, — читайте тоже для того, чтобы усвоить правильные понятия»¹.

Редакция «Современника» уделяла особое внимание привлечению новых сотрудников из числа участников студенческого движения в учебных заведениях. В 1859—1861 гг. в журнале начали работать активные участники революционных выступлений: И. Пиотровский, Е. Стопакевич, Н. Мазуренко, П. Пашино, Л. Пантелеев, П. Гайдебуров и др. Стопакевич в своем первом произведении, напечатанном в журнале, создал образ передового студента, исключенного из университета за участие в «студенческих беспорядках» и готовящегося к борьбе за дело народа. Важно подчеркнуть, что Стопакевич не только выступал в «Современнике» как автор, но и помогал в редакционных делах, держал корректуру, поддерживал связь с различными революционными кружками (у него останавливались приезжавшие в Петербург весной 1862 г. по нелегальным делам руководители революционного кружка в Москве Аргиропуло и Зайчневский). В то же время он знакомил революционную молодежь с корректурными оттисками статей Чернышевского и Добролюбова до их прохождения через цензуру².

Борьба «Современника» за политическое воспитание передовых литераторов принесла свои плоды — значительная группа писателей в годы революционной ситуации выступила в лагере революционной демократии. Они успешно решали поставленные перед ними Чернышевским и Добролюбовым задачи: во-первых, раскрыть дремлющие революционные возможности масс и обратиться к ним с призывом к топору и, во-вторых, создать образ революционера-руководителя масс в предстоящей борьбе, образ, достойный примера и подражания для передовой разночинной молодежи.

Подготовка крестьянской революции определила

¹ В. Н. Никитин, Воспоминания, «Русская старина», 1906, № 9, стр. 658—665. Чернышевский обещал лично доработать роман в художественном отношении, но своего обещания не успел сдержать — рукопись Никитина была отобрана у него при аресте. Позднее, в 1871 г., Некрасов, встретив Никитина, предложил напечатать ее в «Отечественных записках», мотивируя это предложение высокой оценкой Чернышевского реалистического изображения жизни кантонистов во время царствования Николая I в романе.

² Н. Николадзе, Воспоминания о 60-х годах, «Каторга и ссылка», 1927, № 5, стр. 35—36.

основное требование революционной демократии в изображении жизни народных масс — «показать всю правду народной жизни»¹, показать ее с точки зрения интересов предстоящей революции, или, как вынуждены они были выражать свою мысль, — «предчувствия той деятельной роли, которая готовится народу в недалеком будущем»².

Такое изображение народных масс могло бы быть создано только в непримиримой борьбе с тенденциями либерально-дворянской беллетристики, в которой со среды 50-х годов крестьянская тема заняла значительное место. Отношение к народу в многочисленных повестях из крестьянского быта писателей-либералов сводилось, по словам Чернышевского, к нескольким убогим сентенциям: «Посмотрите, как он кроток и бездейственен, как безропотно переносит он обиды и страдания! Как он должен отказывать себе во всем, на что имеет право человека! Какие у него скромные желанья! Какие ничтожные пособия были бы достаточны, чтобы удовлетворить и осчастливить это забитое существо...»³. Добролюбов называл эти повести «приторными идиллиями».

«Приторное любезничанье с народом» было выражением политических позиций либералов. Писатели-либералы утверждали, что не сам народ, а только либералы реформами сверху могут улучшить его положение. Они идеализировали черты забитости и покорности в крепостном крестьянине. Эта идеализация была выражением страха перед народом, перед возможностью крестьянской революции. Созданные ими образы крестьян Добролюбов назвал «пряничными и кукольными фигурами мниморусских людей».

Обвиняя дворянских писателей в том, что они раскрывают только часть правды о народе и тем самым грубо искажают эту правду, Чернышевский и Добролюбов показывали вред подобной либеральной идеализации народа для дела революции. Народу, разумеется, не было никакой пользы от повестей Григоровича, рассказов

¹ «Современник», 1860, № 2, отд. II, стр. 338; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 551.

² «Современник», 1860, № 2, отд. II, стр. 326; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 543.

³ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. 7, стр. 859.

Даля, «Крестьянки» Потехина, «Кириллыча» Мея, зато либеральчики чувствовали себя хорошими и добрыми и поманиловски проливали слезы от своей способности умиляться и сострадать несчастью ближнего. На деле, как указывал Добролюбов, сочинителям этих повестей «до народа и дела-то никогда не было, и думушки-то о нем в голову не приходило»¹. Добролюбов издевался над созданиями дворянских поэтов в мнимонародном духе, в которых красная девица сидит по целым дням в грусти на берегу, а добрый молодец хочет бежать от злых толков в лес. «Авторы, очевидно, не предполагали, — замечал он, — что у красной девицы есть работа дома, либо в поле, и что если молодец убежит в лес, то его поймут, и с ним поступлено будет, как с бродягой»². Великий революционный демократ хорошо знал, что «жизнь наших мужиков зависит от случайностей разного рода — от наезда станowego, от расположения духа управляющего, от болезней барской собаки или лошади, от нетрезвости земского и т. п.»³.

Вслед за Чернышевским и Добролюбовым передовые писатели разоблачали политический смысл антиреалистического изображения народа в творчестве поэтов и беллетристов либерального лагеря. Поэт-демократ Жулев высмеивал стремление либералов «напомадить и причесать» «чернь» и писать о ней, например, в таком духе:

... мужик живет,
Не горюя, пашет,
Про любезную поет,
И поет и пляшет;
Отработав, вечером
Ходит в хороводе...⁴

Обострение классовой борьбы в стране вынудило либералов открыто показать, какие именно черты в крестьянстве они стремились идеализировать. Так, Даль в рассказе «Наша глупость» нарисовал мужиков, которые потребовали «ни с того, ни с сего» перевести их с барщины

¹ «Современник», 1860, № 2, отд. II, стр. 324, см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 542.

² Там же, стр. 328, см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 544.

³ Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 542. В «Современнике» это место было исключено цензурой.

⁴ «Искра», 1860, № 21, стр. 219.

на оброк. Барин удивился, «с чего вдруг блажь эта мужикам в голову пришла» и пытался отговорить их от этой «глупой причуды». Исправник также толковал им, что они «городят чепуху», но, видя, что «слов его они не понимают», вынужден был им «растолковать это дело иначе». После наказания мужики «всей гурьбой повалились в ноги исправнику, согласились беспрекословно, что затеяли вздор... Накланявшись вдоволь, поблагодарив, что дали ума, пошли домой, стали жить опять по-прежнему *смирно и спокойно*, как живут добропорядочные крестьяне». «Скажите, пожалуйста,—заклучал Даль свой рассказ о мужицкой глупости,—зачем они ходили?»¹. Отношения крестьян к барину и властям Даль рисовал как отношения сыновней преданности. Крестьяне в его произведениях без начальства сделать ничего не осмеливались да и не умели.

Интересно отметить, что рассказы Даля вызвали критику внутри либерального лагеря со стороны рецензента умеренно-либеральной «Библиотеки для чтения». Разумеется, идеалом и этого журнала были «добропорядочные крестьяне», которые живут «смирно и спокойно». Но о рисуемом Далем «наивном детском доверии» крестьян к помещику и властям журнал не мог не отметить: «Надо быть слишком простым и недальновидным, чтобы этому поверить». Мечтавший о «восстановлении приятельных отношений между господствовавшим и бывшим под зависимостью сословием» рецензент был перепуган рассказом о «мужицкой глупости». «Вы своим живым рассказом... растравляете давнишнюю болячку их сердца, будите обидные воспоминания и ожесточаете их озлобление... Чего доброго — вспомнят они те страхи и боли, которые заставляли их валяться в ногах, благодарить, что ума дали»².

Особенно откровенно выразил свое политическое лицо либерал Даль, когда в сборнике «Два срока бывальщинок» (1862 г.) в качестве примера крестьянам в одном из своих рассказов выставил солдата, положившего на месте из ружья бунтовщика-дядю.

¹ В. Даль, «Два срока бывальщинок», СПб. 1862, ч. II, стр. 12. *Курсив чет.*

² А. С-ин. Несколько слов о народной литературе, «Библиотека для чтения», 1862, № 9, Крит. обозрение, стр. 1—28 и № 10, стр. 39—59, цитируемое место — № 9, стр. 9.

Требование «Современника» писать о народе «правду без всяких прикрас», заостренное против либеральной беллетристики, было требованием глубоко революционным. Оно было рассчитано на развертывание революционной активности масс, на создание литературы полезной и нужной народу, на создание «партии народа» в литературе.

Литература, учил Чернышевский, должна помочь народу понять, что он должен «перемениться», должен захотеть помочь себе сам, то есть поднять всенародное восстание против помещиков и самодержавного царя.

Решению этой задачи были посвящены опубликованные в «Современнике» в период революционной ситуации произведения Славутинского, Успенского, Якушкина и других писателей и особенно нелегально распространявшиеся агитационные стихотворения и песни.

В начале 1860 года Добролюбов, разоблачая либеральную псевдоидеализацию народа, отмечал в «Современнике», что уже появились рассказы о народе совершенно в ином роде, хотя, как подчеркивал Добролюбов, «их явилось еще очень немного»¹. Он отмечал появление этих произведений как явление принципиального характера. К числу этих произведений он относил повести Славутинского, печатавшиеся в «Современнике» в 1859—60 годах².

В июне 1859 г. в «Современнике» была напечатана его повесть «Своя рубашка ближе к телу». Содержание ее сводилось к следующему: крестьяне большого оброчного села Байдарова откупаются на волю, бывший бур-

¹ «Современник», 1860, № 2, отд. II, стр. 326; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 543.

² Сотрудничество Славутинского началось с предложения в редакцию «Современника» романа «Правое дело», о котором сам автор писал Добролюбову: «Роман мой направлен не против частных злоупотреблений, мне хотелось бы затронуть в нем общие, существенные черты некоторых учреждений, некоторых общественных понятий и явлений, вызванных этими учреждениями, представить эти черты в живом их действии» («Огни», Пг. 1916, кн. 1, стр. 31). О характере учреждений и понятий, против которых был направлен роман, можно судить по ответному письму Добролюбова Славутинскому от 17 ноября 1858 г., в котором сообщалось, что цензурой всякое поупущение изобразить помещика скотиной и живодером принимается за призыв к революции, а потому роман будет изуродован в цензуре, если вовсе его не запретят (там же, стр. 32). Действительно, первые же главы были запрещены цензурой.

мистр Вороненков становится старостой. Он угождает высшему начальству, подкупает мелких чиновников, организует вокруг себя плутов и негодяев, грабит массу мужиков и гнет в бараний рог каждого бедняка. Только крестьянин Терехин, пользующийся уважением в селе, мог бы низвергнуть старосту, но он не желает вмешиваться в мирские дела. Но когда Вороненков отдает незаконно его племянника в солдаты, Терехин выступает против старосты. Старосту поддерживает начальство — Терехина оскорбляют. Он смертельно заболевает.

Тема недостаточной активности масс в борьбе с угнетателями вызвала интерес Чернышевского и Добролюбова к этой повести. Если бы, отмечал Чернышевский, Терехин «с самого начала выступил против Вороненкова, притесняющего слабых, они сгруппировались бы около умного защитника: — они — большинство, нужно было только им соединиться, — отмечал Чернышевский, — и власть перешла бы в их руки»¹.

В конце июня 1859 года, сразу после появления повести в печати, Добролюбов в письме к И. Бордюгову подчеркивал, что она относится к разряду произведений, выражающих направление «Современника»². Добролюбов вместе с тем считал недостатком повести, что Славутинский не сумел показать глубокую обоснованность решения Терехина активно выступить против притеснителей, «внутреннюю необходимость» пережитого Терехиным перелома, который Добролюбов считал «возможным и естественным»³. Возможность и естественность такого перелома в сознании крестьянских масс, их перехода к энергичной борьбе с угнетателями Добролюбов стремился показать в своей статье о повестях Славутинского.

В то же время редакция «Современника» высоко оценила и другую, проведенную под влиянием революционных демократов в повести мысль — мысль, что «освобождение из-под помещичьей власти само по себе еще недостаточно для улучшения быта освобождаемых крестьян, и очень возможны такие обстоятельства, что судьба их

¹ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, стр. 523—524.

² Там же.

³ «Современник», 1860, № 2, отд. II, стр. 337; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 551.

станет хуже, чем была под властью помещиков»¹. Оба эти положения, вытекающие из повести, дополняли друг друга. Формальное освобождение от крепостной зависимости не принесет действительного освобождения народу. Чтобы действительно улучшить свое положение, народ должен прежде всего перемениться сам, подняться на борьбу, завоевать себе настоящую волю.

Мысль, что не реформа, а революция принесет народам России действительное освобождение, неумоимо пропагандировалась в «Современнике». Добролюбов писал о необходимости уничтожения зла «с основания», разоблачал либералов, способных остановиться «на полдороге к цели, удовольствоваться полумерой»².

Передовые писатели вслед за Чернышевским и Добролюбовым проводили в художественных произведениях через препоны цензуры идею революции. Основная идея романа А. Панаевой «Женская доля», напечатанного в «Современнике» в 1862 г., заключалась в разоблачении стремлений «класть заплату на дырявое, гнилое платье» и утверждении необходимости «посеять хороший лен, выткать крепкое полотно и скроить прочную государственную и общественную одежду»³.

Мысль, что в народе зреет идея революционной борьбы с помещиками-кровопийцами, получила выражение в очерках П. Якушкина. В его «Путевых письмах из Орловской губернии» излагалась народная легенда о Тришке-Сибиряке, подчеркивалось, что Тришка подлинный народный герой, которого народ любит и ценит за защиту «слабых от сильных, бедных от богатых и, в особенности, господских крестьян от злых помещиков»⁴.

Рассказы о том, как Тришка со своими вооруженными людьми «проучил» барина, у которого «мужикам житья не было», звучали призывом «той же наукой» «злых помещиков учить»⁵. Не случайно этот призыв, раздавшийся в майской за 1861 год книжке «Современника», перепугал цензуру — продолжения «Путевых очерков» в № 6 «Современника» не появилось, печата-

¹ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, стр. 523—524.

² Н. А. Добролюбов, Соч., т. 4, стр. 390—400.

³ «Современник», 1862, № 3, отд. 1, стр. 89.

⁴ Там же, 1861, № 5, отд. 1, стр. 199.

⁵ Там же, стр. 205.

ние их было признано цензурой «неудобным и несвоевременным».

С особой силой идея революции была выражена в нелегальной поэзии конца 50 — начала 60-х годов. Широко используя в пропагандистских целях агитационные песни Рылеева и Бестужева, политическую лирику Пушкина, поэзию петрашевцев и опираясь на их традиции, революционеры-демократы в период революционной ситуации создали богатую агитационную поэзию.

Так, получившая широкое распространение в начале 1861 г. песня «Долго нас помещики душили...» пропагандировала мысль, что народ должен сам постоять за себя. Помещики «душили» его, становые били, квартальные держали «в страхе», над ним «ломались мироеды», но крестьяне все-таки сопротивлялись недостаточно активно, подставляли шею «всякому злодею». Особый вред народу принесла вера в царей, которых «сам-де бог помазал елеем». Царь и масса разного «начальства» («Знать и этих, господи ты боже, мазал маслом тоже») сидит на шее народа. Песня кончалась утверждением, что найдется в народе «друг Пугачева», который «крепкой грудью» встанет смело «за святое дело», поднимет народ на борьбу.

Песня «Долго нас помещики душили...» написана простонародным языком и была рассчитана, по-видимому, на распространение в крестьянской среде. Автор ее считает себя вправе говорить от имени народа. Он стремился сказать народу «нужное слово», помочь ему «переместиться».

Не в меньшей степени это относится к появившемуся тогда же стихотворению «Уже опять не бывать прежней рабской доле...». Автор стихотворения, обращаясь от имени крестьян, днем и ночью жадно ждущих желанной воли, высказывал глубокую неудовлетворенность ходом готовившейся «реформы»:

Облегчить, свободить
Нас давно судили.
А пока — лишь бока
Наши колотили.

Он выражал уверенность крестьян в том, что «обещать и не дать уже теперь не могут» — «не то нам — мужикам рученьки помогут»:

¹ «Колокол», 1866, № 212, стр. 173.

Коль путем и добром
Не дадут нам воли,
Топором заберем
Мы свое приволье...¹

Стихотворение указывало крестьянам путь борьбы за действительное освобождение, оно было выражением политической программы революционной демократии.

Следовательно, писатели-демократы еще в период подготовки реформы видели ее антинародный, грабительский характер. Они сумели правильно оценить манифест 19 февраля и Положения.

В воспоминаниях о Некрасове, написанных в 80-х годах, Чернышевский высказывал мысль, что отношение к реформе 1861 года было критерием стойкости и последовательности революционных убеждений. Писатели лагеря «Современника» вслед за Чернышевским и Добролюбовым проклинали пресловутое «освобождение». Так, Михайлов в группе передовой молодежи, где вслух читали текст манифеста и потом разбирали его, прямо называл все это «ловушкой и обманом» и не предвидел для крестьян ничего, кроме новой формы закрепощения². При этом Михайлов, как сообщает Боборыкин, случайно оказавшийся свидетелем чтения царского манифеста, «не оставлял живой ни одной фразы этого документа»³. Другой активный сотрудник «Современника» Николай Успенский, находившийся в это время за границей, писал оттуда, что не верит в освобождение, что манифест этот «вздор», а за Александра II могут стоять только «пакостные люди»⁴.

Проклиная реформу и не имея возможности на страницах подцензурного журнала открыто выразить свое отношение к ней, Чернышевский и Добролюбов предпочли обойти ее молчанием. Правильность этой тактики подтверждается высокой оценкой ее Лениным. Ленин писал про Чернышевского, что «Не будучи в состоянии открыто заявлять свои мнения, он *молчал...*»⁵. Ленин под-

¹ «Лютня», Лейпциг, 1879, стр. 263—264.

² П. Д. Боборыкин, За полвека, 1929, стр. 173.

³ Там же, стр. 328.

⁴ Письмо из Парижа от 21 июня 1861 г., «Щукинский сборник», вып. 7, 1907, стр. 330.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 262.

черкивал, что наряду с Чернышевским так отнеслись к реформе все лучшие люди того времени. Это *проклятье молчанием* в конкретных исторических условиях того времени было одной из форм борьбы *против* грабительской реформы.

Выработанная Чернышевским и Добролюбовым тактика проклятья молчанием была широко применена многими писателями-демократами. Вслед за «Современником» полным молчанием обошла «великую реформу», как известно, и «Искра».

Однако революционные демократы не могли ограничиться проклятьем молчания. Они считали нужным сквозь хор лицемерных восхвалений «великого освобождения» дать и на страницах подцензурной печати свою оценку действительной сущности проведенной реформы. Подчеркивая, что крепостное право отменено только формально, революционные демократы указывали на необходимость разоблачения царистских иллюзий крестьянства, которые, как это стало особенно очевидным весной 1861 г., мешают борьбе народных масс за «чистую волю».

Интересна одна из попыток провести через цензуру революционно-демократическую оценку реформы и последовавших в ответ на нее выступлений крестьян. В статье Пиотровского в «Современнике» указывалось, что по царскому манифесту «русские крестьяне вышли из крепостной зависимости с обязанностью оставаться в прежнем повиновении к своим помещикам»¹.

В то время, когда либеральное общество «торжествовало и уверяло, что вся Россия, весь народ точно также торжествует», произошли, указывает Пиотровский, выступления крестьян в Бездне и многих других местах страны. Причины этих выступлений — стремление масс «противодействовать неудовлетворительной, по их мнению, реформе». «Крестьяне требуют *чистой воли*, они ждали совершенно другого, чем им говорят». Они поднимаются, являются военные команды, следуют казни... Чем объяснить «подобную развязку», то есть их поражения? Тем, что «большинство крестьян не поняло ясно Положений», что в *царском манифесте* стремились они вычитать «волю». Нужно, чтобы крестьяне *ясно поняли* «прочитан-

¹ «Современник», 1861, № 8, отд. II, стр. 242.

ное»¹, то есть поняли, что воли от царя они не получили и что воли нужно добиваться самим.

Передовые писатели в печати проводили мысль, что крепостное право отменено только формально. Д. Минаев, например, подводя итоги 1861 года и перечисляя все его «великие» и «мировые» события (вроде появления новых реакционных органов печати, предложений одного педагога-либерала не сечь учеников, а только подводить их к розге), делал вывод, что в стране в 1861 году ничего не изменилось:

Нет, нам чужд каприз девический!
Все вокруг нас, как было встарь,
Лишь один академический
Обновился календарь!²

Одной из форм разоблачения реформы было стремление «Современника» публиковать художественные произведения о крепостном праве. На его страницах после объявления манифеста появился ряд произведений, изображавших ужасы крепостничества. Основное место в первых номерах журнала за 1861 год должен был занять роман Потанина «Крепостное право». В ряде повестей и рассказов, напечатанных после объявления манифеста, изображалась подготовка реформы. Так, в романе Панаевой «Женская доля» испуганные слухами о предстоящем освобождении крестьян помещики-крепостники обращались к представителям правительственной власти: «Неужто взаправду им воля будет?» — «Могу заверить... — отвечал тот, — одни пустяки толкуют в народе»³. Однако роман был напечатан, когда реформа была уже осуществлена. Этим эпизодом Панаева подчеркивала антинародный характер проведенной руками крепостников пресловутой реформы и проводила мысль, что действительной свободы народ и не получил. Сатирически изобразил подготовку реформы Ф. Зиновьев в комедии «Дворянские выборы», Якушкин на страницах «Современника» высмеял дворянские проекты «освобождения» крестьян.

Первым большим произведением, вышедшим из лагеря «Современника», разоблачавшим реформу, были очерки

¹ «Современник», 1861, № 8, отд. II, стр. 245.

² «Русское слово», 1862, № 1, «Дневник темного человека», стр. 11. *Курсив наш.*

³ «Современник», 1862, № 5, отд. 1, стр. 244.

П. И. Якушкина «Воля». Они создавались в период наибольшей близости Якушкина к «Современнику» — в начале 1862 г.

Появление этого произведения в журнале задержалось запрещением «Современника» в мае 1862 года. Именно этими очерками редакция стремилась открыть возобновляемый с 1863 г. журнал. Цензура побоялась разрешить их опубликование. Министр Головнин, показав «Волю» князю Константину Романову, нашел возможным ее пропустить, если «из нее много вымарать». Вымарано было действительно много, как видно из найденного В. Е. Евгеньевым-Максимовым счета корректора. Текст очерков после прохождения цензуры сократился более чем на 1,6 печ. листа. Серьезным искажениям подверглась, по-видимому, и оставшаяся часть. В сдвоенном январско-февральском номере «Современника» за 1863 год очерки Якушкина были напечатаны на первом месте¹. Они должны были продемонстрировать верность возобновленного журнала традициям Чернышевского.

Даже в изуродованном виде очерки эти имели большое значение, ибо реформа 1861 г. оценивалась в них, в основном, с позиций революционной демократии. Автор так подобрал факты, что выводы о неудовлетворительном характере реформы напрашивались читателю сами собой. Неслучайно В. С. Курочкин по прочтении «Воли» в «Современнике» очень высоко оценил ее не только за те «славные рассказы», из которых она состоит, но и за то, что они «ловко сгруппированы»². Цензурой же перепечатка очерков через два года даже в том виде, в каком они появились в «Современнике», была категорически запрещена.

«Толковали про свободу: свобода всем будет, а теперь стали в сипацу загонять», — передает Якушкин оценку крестьянами реформы 19 февраля. «Эмансипация, — поясняет он, — слово должно быть и хорошее, но это слово — эмансипация, перешедшее в устах народа в сипацу, означало что-то не совсем ладное»³. Рассказ о том, как мужиков «загоняли в сипацу, или, говоря высоким сло-

¹ Они появились под заголовком «Велик бог земли русской». Мы считаем более правильным сохранить за произведением авторское название «Воля».

² П. И. Якушкин, Соч., стр. 74 (первой пагинации).

³ «Современник», 1863, № 1—2, отд. 1, стр. 7.

гом, освобождали от крепостной зависимости»¹ и является содержанием очерков.

Повесть Якушкина — его деревенские впечатления 1861 года. Многочисленные факты «бунтов», приводимые Якушкиным, показывают их неорганизованный, стихийный характер.

Настоящую волю мужики пытались найти в царском манифесте.

Слова: «Пусть они тщательно возделывают землю и собирают плоды ее» крестьяне толковали в том смысле, что к ним должны отойти и помещичьи сады. «Посеешь рожь, рожь и родится... Плоды в садах растут, а сады-то барские, а как плоды нам, стало и сады нам отойдут».

Далее — «... На земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность...» они отказывались понимать иначе, как «про барскую землю тут и помину нет, а говорят: постоянно ты землей пользуйся».

И наконец, в словах «осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами божие благословение на твой свободный труд» они видели опровержение всяких утверждений о необходимости выкупить землю и быть в течение некоторого срока временнообязанными: «Так, да не так! Сказано: перекреститесь и только — там, значит и пошел на свободный труд! Какая тут купля?»².

Эту вычитанную «волю» они готовы были защищать любой ценой. То, что крестьяне «хотели справлять царскую волю» (по своему ими понятию), Якушкин называет «страшной комедией»³.

Якушкин ясно видит, что реформа не решила крестьянского вопроса и борьба между плантаторами и «загнанными в сипацу» крестьянами разгорается с новой силой. Крестьяне ждут «настоящей воли», они отказываются подписывать уставные грамоты — «теперь вот отрежут землю у мужиков, да как мужики рук не дадут, опять отдадут»⁴.

Не случайно заглавие «Воля» не было пропущено цензурой. Все содержание очерка ярко показывало, что реформа 19 февраля 1861 г. была издевательством над крестьянскими массами, ограблением крестьян.

¹ «Современник», 1863, № 1—2, отд. 1, стр. 24.

² Там же, стр. 19—20.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 54.

Проводя идею революции в подцензурной печати, революционные демократы стремились обратиться к народу с вольным бесцензурным словом. В 1861 году в рядах революционной «партии» зреет мысль о создании ряда прокламаций, обращенных к различным слоям общества. В подготовке прокламаций принимали участие Чернышевский и Добролюбов, а также Шелгунов, А. Слепцов, Н. Обручев и другие активные участники революционного движения. Непосредственное участие в подготовке и издании прокламаций принимали Герцен и Огарев. В прокламациях была дана не только революционно-демократическая оценка реформы, но и содержался прямой призыв к восстанию.

Той же цели служили появившиеся после первых выступлений крестьян в ответ на реформу и кровавую расправу над ними новые агитационные песни. Песни эти, подобно прокламациям, были рассчитаны на распространение среди крестьян и солдат и содержали призыв к революции.

Особый интерес представляет песня «Жил на свете русский царь...» Как и прокламация Чернышевского «Барским крестьянам...»¹, она обращена непосредственно к крестьянам. Сопоставление обоих документов убеждает, что песня оценивает «освобождение» с тех же позиций, что и прокламация. «Ждали вы, что даст вам царь волю, — говорится в прокламации Чернышевского, — вот вам и вышла от царя воля». Прокламация раскрывает смысл этой «воли», показывая, что крестьяне попадают в «вечную кабалу... да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздѣ хуже нонешной». Песня также начинается с того, что царь «крестьянскому народу волю обещал». На деле эта воля — «новая неволя».

Воля вольная нищать,
Да под розгами пищать,
Да начальству грош последний
Со слезами несть...².

Объясняя крестьянам грабительский характер реформы, Чернышевский подчеркивал, что крестьяне «освобождаются» без земли. Мужику нельзя прокормиться на земле, которая у него останется. Он попадает в новую каба-

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. 16, стр. 947—953.

² «Лютня», 1879, стр. 102—105.

лу к помещику, соглашается работать у него на любых условиях, каких барин потребует. «Вот оно и выйдет, — писал Чернышевский, — что нагрузит на него барин барщину больше нонешной, либо оброк тяжелее нонешнего». Аналогичная мысль почти в тех же выражениях проведена в песне:

Что за воля без земли?
Чтобы барщину несли
И оброк крестьяне так же,
Как водилось встарь?

Чернышевский стремился развенчать веру крестьян в царя-батюшку, показать, что на царя надеяться им нечего. «Оболгал он вас... — писал Чернышевский. — Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно». Автор песни также стремился объяснить крестьянам, что не начальство надувает крестьян, а сам царь.

Чернышевский подводил крестьян к выводу, что нужно делать, чтобы «взаправду вольными людьми стать». Речь шла об «единодушии» между мужиками, о том, что они должны «силой» запасть. В то же время Чернышевский предостерегал от разрозненных, единичных выступлений, которые могли быть легко раздавлены. «Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить, да себя губить». Но когда восстание будет подготовлено, тогда необходимо «всем дружно начать».

Песня также подводит крестьян к мысли о восстании и излагает основы его тактики:

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
Дружно — миром, волостями
В одно время встал.

Автор песни «Жил на свете русский царь...» неизвестен. Однако сопоставление ее с текстом прокламации «Барским крестьянам» дает право сделать вывод, что создана она была в тех же целях. Совпадение их основных положений позволяет предполагать, что эта и другие песни были написаны писателями-демократами — единомышленниками авторов прокламаций. Отдельные моменты текстуальной близости еще не дают права утверждать, что авторы песен были знакомы с текстами подготавливавшихся прокламаций. Но, безусловно, они

были хорошо знакомы с идеологическими и тактическими основами революционной демократии, знали планы революционной «партии» и своими стихотворениями служили ее целям.

Круг произведений, звавших народ к топору, был довольно значителен. Широко, например, распространился по стране страстный призыв к революции, вышедший из кружков революционной молодежи в Петербургском университете:

Славься же, славься, родимая Русь,
И пред царем и кнутами не трусь.
Встань, ополчися, родная, на брань,
Встань же скорее, родимая, встань!¹

Так решалась первая задача, поставленная революционными демократами перед передовыми писателями, — обратиться к народу с призывом к топору, к крестьянской революции.

Передовые писатели-демократы, решая задачу создания образа руководителя крестьянских масс в предстоящей борьбе с самодержавно-феодальным строем, предприняли первые попытки изобразить типичного представителя нового поколения революционеров.

Решение этой задачи, учил «Современник», передовые писатели должны начинать с развенчания образов праздного болтающих либералов, которым суждены «благие порывы», но «свершить ничего не дано». Чернышевский и Добролюбов показали действительную сущность излюбленного либерально-дворянскими писателями героя — «лишнего человека» — и всю опасность для дела революции основного мотива в произведениях этих писателей — «среда заедает человека». В произведениях писателей школы «заедающей среды» главное внимание обращалось не на разоблачение «среды» — крепостнической действительности, а на моральное оправдание людей, попадающих в полную зависимость от нее, пассивных ее жертв. Тургенев, например, засасывающим влиянием среды оправдывал пассивность дворянской интеллигенции, доказывал тщетность усилий человека в стремлении преобразовать действительность.

¹ «Лютня», стр. 440. Истории создания «Гимна студентов» посвящена заметка Л. Ф. Пантелеева «Первый русский революционный гимн», «Речь», 1917, 12 марта, № 61.

С противоположных позиций решал эту проблему «Современник». Когда в стране начала определяться революционная ситуация, когда потребовался «человек, как Инсаров, — но русский Инсаров», Добролюбов указывал, что эту «среду» разрушат «новые люди, появление которых так нетерпеливо и страстно ждет все лучшее, все свежее в нашем обществе»¹. Речь шла о способности каждого передового человека преодолеть в себе влияние «среды», подняться на борьбу с нею. Тот, кто был неспособен на это, невольно оказывался в рядах ее защитников. На вопрос, что же делать писателю с такими героями, Добролюбов отвечал: писателю остается причислить этих героев к той же «среде» и уж относиться к ним «точно так же, как относится он ко всему их окружающему». Они заслуживают, утверждал Добролюбов, «беспощадной сатиры», писатель-демократ должен возбуждать в читателе не сочувствие к ним, а — «насмешку над ними»².

Это исключительное по важности для развития литературы в условиях нарастания революционной ситуации в стране указание Добролюбова нацеливало передовых писателей на борьбу с идеологическими позициями либералов в литературе, подготавливало почву для создания образа нового героя. Ярким примером художественной реализации этих указаний являются романы Помяловского, который подошел к проблеме «героя» и «среды» с революционно-демократических позиций.

В «Мещанском счастье» (опубликованном в «Современнике» в феврале 1861 года) читатель знакомился с Егором Ивановичем Молотовым в его столкновении с барами Обросимовыми. Автор в этом романе только наводил читателя на раздумье о судьбе своего героя-разночинца. Почему Молотов и его товарищи по университету, спрашивает он, прекрасные люди, «бодрые, смелые, честные, за общее дело готовые на все жертвы», столкнувшись с суровой действительностью, подчиняются ей — теряют «и бодрость, и смелость, и оригинальность, и спо-

¹ Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 239. В тексте «Современника» это место отсутствует, оно было исключено из статьи цензурой.

² «Современник», 1860, № 7, отд. II, стр. 46; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 3, стр. 359.

способность к жертвам, а некоторые даже... и честность?»¹. В следующем романе «Молотов» читатель вновь встречался с тем же героем. Идеи, под влиянием которых Егор Иванович в молодости находился, оказывались у него окончательно растрясенными. Жизнь сильно потрепала его. Он, «засосанный средою», смирившийся и сдавшийся без боя, показан Помяловским как неразрывная частица самой «среды», с которой он мечтал когда-то бороться. Помяловский выносил суровый приговор философии «простого мещанского счастья», обывательским стремлениям «не всем быть героями, знаменитостями, спасителями отечества»².

Идейный замысел писателя, значение его романов в борьбе за нового героя, определяющее влияние революционных демократов на Помяловского были правильно поняты современной критикой. В реакционной прессе началась шумная кампания по поводу того, что «Помяловский написал повесть по рецепту Добролюбова»³. Один из наиболее гнусных деятелей этой прессы некий Зарин в 1865 году, уже после выхода первого собрания сочинений Помяловского, как бы подводя итог этой кампании и упрекая Помяловского в том, что он «возымел гордую мысль доказать нам, что дрянь те люди, которые могут быть «заедены», и искал «человека действия»⁴, объявлял это результатом влияния «Современника», который «наделил его взглядами». Едва только Помяловский обратился к серьезному чтению, он, поясняет Зарин, более всего налег на журналы, а из журналов — на «Современник». «Можно себе представить, — ужасался Зарин, — как тогдашний (то есть под редакцией Чернышевского и Добролюбова. — Б.) «Современник» должен был подействовать на молодого человека».

Указывая на необходимость разоблачения тенденций дворянской беллетристики, «Современник» в то же время обращал внимание писателей на «новых людей», составляющих «живую и свежую часть русского общества». В марте 1860 года, говоря о том, что «нужны люди

¹ «Современник», 1861, № 2, отд. 1, стр. 679—680.

² Там же, № 10, отд. I, стр. 450.

³ «Отечественные записки», 1862, № 3, стр. 101. *Курсив наш.*

⁴ Incognito (Зарин), Между старым и новым, «Отечественные записки», 1865, № 9, стр. 137—138.

дела», люди, которые бы «подняли действительность до уровня тех разумных требований, какие мы уже осознали»¹, Добролюбов отмечал появление таких людей среди молодежи. При этом Добролюбов уточнял, что речь идет не о молодом поколении вообще, — «мы говорили и теперь говорим о людях избранных, людях лучших»².

В «Современнике» Чернышевский и Добролюбов сумели провести через цензуру ряд указаний, определявших в своей совокупности основные черты «лучших людей» и направлявших работу передовых писателей над их образами. Следует сразу подчеркнуть, что это именно те черты, которые особенно ценил в «революционерах 61 года» Ленин, называвший их «сознательными и непреклонными врагами тирании и эксплуатации»³.

«Новых людей», по мнению Чернышевского и Добролюбова, отличала прежде всего истинная преданность своей родине и своему народу. Чернышевский называл их людьми, «принадлежащими по своим интересам к народу», «близкими ему по чувству»⁴. Добролюбов определял «лучших людей своего времени» как людей, возвысившихся «до того, чтобы понять благо родины нераздельно со своим собственным счастьем», как не мыслящих «для себя счастья иначе, как при благоденствии родины»⁵. В конкретных исторических условиях того времени понятие «благоденствие родины» расшифровывалось читателями «Современника» как ниспровержение самодержавия и уничтожение крепостного строя. Такое понимание подсказывал сам Добролюбов, когда отмечал, что «новые люди» отправляются «от стона и вопля несчастных братьев», что для них невозможно не только счастье, но даже спокойствие, если их окружает «горе, несчастья, бедность и унижения ближних»⁶.

¹ «Современник», 1860, № 3, отд. II, стр. 38; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 211.

² «Современник», 1860, № 3, отд. II, стр. 36; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 209.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 27.

⁴ «Современник», 1861, № 11, отд. II, стр. 105 и 81; см. также Н. Г. Чернышевский, Соч., т. 7, стр. 889, 857.

⁵ «Современник», 1860, № 3, отд. II, стр. 36; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 71.

⁶ Там же, стр. 45; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 76.

Чернышевский в ряде статей проводил мысль, что чтобы сделаться «человеком положительным», мало выработать в себе революционные убеждения, надо и действовать сообразно с ними. Горячая любовь к народу и ненависть к врагам его должны обязательно у «новых людей» проявиться в действии, в *революционной деятельности*. «Убеждение и знание, — учил Добролюбов, — только тогда и можно считать истинным, когда оно проникло внутрь человека, слилось с его чувством и волею, присутствует в нем постоянно... Такое знание, если оно относится к области практической, непременно выразится в действии»¹. Поэтому для «новых людей» характерна «смелая и широкая деятельность», революционная идея — «любимая мысль» — становится у них «великим делом», и за это даже они готовы сражаться, как «за свою радость, свою жизнь, за свое счастье»². Слова «дело», «деятельность» становятся у революционных демократов синонимами революционной деятельности.

Образы «новых людей» должны быть, учили революционные демократы, даны в действии, их характеры должны раскрываться в революционной борьбе с самодержавием и крепостничеством. Появление и дальнейшее развитие образа революционера в литературе они связывали с дальнейшим усилением революционного натиска и развитием нового героя в жизни. В «Современнике» подчеркивалось, что писателям придется, может быть, в ближайшем будущем создавать «героическую эпопею» с картинами «живой гражданской деятельности» — открытой революционной борьбы. Тогда им придется «поставить своего героя лицом к лицу с самим делом — с партиями, народом, чужим правительством, со своими единомышленниками, с вражеской силой...»³

Революционные демократы в постановке проблемы положительного героя в определенной степени подошли к правильному пониманию категории типического. Когда Чернышевский и Добролюбов поставили перед писателя-

¹ «Современник», 1860, № 7, отд. II, стр. 53; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 250. *Курсив наш.*

² «Современник», 1860, № 3, отд. II, стр. 29—30; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 219—220.

³ «Современник», 1860, № 3, отд. II, стр. 53; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 2, стр. 224.

ми задачу создания типических образов «новых людей», в конкретной исторической действительности того времени тип революционера-разночинца только начинал формироваться, круг революционеров тогда, как подчеркивал Ленин, был крайне немногочисленным¹. Но революционные демократы понимали под типическим не просто распространенное и массовое. Они видели, что «новые люди» были в тот период людьми исключительными. Однако именно эта исключительность и определяла их типичность как представителей новой социальной силы — революционной крестьянской демократии.

Передовые писатели-демократы решали задачу создания образа положительного героя путем художественного обобщения тех черт характера, которые были свойственны немногочисленному кругу активных участников революционного движения и, прежде всего, тем, кто стоял во главе этих революционеров.

Революционные демократы, указывая передовым писателям на немногих действительно лучших и передовых деятелей освободительного движения, обращали их особое внимание на Белинского. Чернышевский всегда указывал на деятельность Белинского как на пример патриотического служения народу. Добролюбов видел в Белинском одного из наиболее последовательных и непримиримых противников самодержавно-крепостнического строя. Он подчеркивал, что немногие умели, подобно Белинскому, довести отвлеченный философский принцип до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности. Белинский относится к людям «высшего разбора», перед ним с изумлением преклонится молодое поколение².

Добролюбов рисовал Белинского мужественным борцом, противопоставляя его либералам. Белинский «грозно шел на грозный бой».

Исполнен прямоты и силы,
Бесстрашно шел он до могилы
Стезею правды и добра.

Он «под огнем врагов опасных» для молодого поколения «дорогу пролагал», он верил,

Что молодые поколенья
По им открытому пути

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

² «Современник», 1859, № 1, отд. II, стр. 27—28; см. также Н. А. Добролюбов, Соч., т. 4, стр. 58—59.

Пойдут без страха и сомненья,
Чтоб к цели, наконец, прийти.

Созданный Добролюбовым образ Белинского («и мертвый жив он между нами») стоял живым укором тому, кто потерял «святую веру» и «перед борьбой позорно пал». Он звал передовую молодежь продолжить его дело¹.

Большой интерес представляет попытка редакции «Современника» подготовить сборник в память Белинского. В состав этого сборника должны были войти посвященные жизни и деятельности Белинского «статьи ученые и беллетристические, стихотворения и заметки»². Предполагалось пригласить для участия в сборнике значительную группу литераторов. Издание сборника должно было побудить прогрессивных писателей к созданию произведений о Белинском. Некрасов предполагал напечатать в сборнике свою поэму «В. Г. Белинский»³.

Работа Некрасова над образом Белинского во многом проторяла пути для художественного воплощения образов революционных демократов писателям школы «Современника».

В литературе о Некрасове указывалось, что эта работа проходила под непосредственным влиянием Чернышевского. Он создает свою поэму в то же время, когда Чернышевский работает над своим исследованием о Белинском — «Очерками гоголевского периода русской литературы». Со страниц поэмы Некрасова перед читателем вставал «честный сеятель добра». Поэт воспроизводил суровые годы детства и юности великого демократа, период его студенчества и изгнания из университета, годы тяжелой литературной поденщины.

В поэме Некрасов, как и Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы», стремился напомнить прежде всего о взглядах Белинского на литературу, его понимании задач писателя.

Любил он родину глубоко,
Служил ей честно и высоко

¹ Н. А. Добролюбов, Соч., т. 6, стр. 255.

² Н. А. Некрасов, Соч., т. 12, стр. 72. Подчеркнуто нами. — Б.

³ Издание не осуществилось вследствие категорических возражений жены Белинского М. В. Белинской. См. Н. А. Некрасов, Соч., т. 10, письма № 289 и 296 и «Архив села Карабихи», М. 1916, стр. 82—83.

Свое призвание понимал.
Он говорил нам, он писал...

Далее следовало литературное завещание умирающего критика, обращенное к молодому поколению писателей.

Поэма не была пропущена в печать цензурой¹ и только небольшой отрывок ее — речь Белинского о призвании писателя — появился в «Современнике» в виде отдельного стихотворения «Русскому писателю». Белинский (хотя имя его не было упомянуто) как бы устами Некрасова обращался к русскому писателю с разъяснением его «благородного призванья» —

Служи не славе, не искусству, —
Для блага ближнего живи...².

Единую направленность против «чистого искусства» стихотворения «Русскому писателю» с печатавшимися одновременно в «Современнике» «Очерками гоголевского периода русской литературы» Чернышевского сразу почувствовали в лагере либералов. Боткин в письме к Дружинину в сентябре 1855 г. призывал его не ограничивать «гонение на дидактику» выступлениями против Чернышевского, — «надобно гнать ее везде, начиная с некоторых стихотворений Некрасова, который, кажется, начинает впадать в дидактизм»³.

Стихотворение «Русскому писателю» значительной частью вошло в другое произведение Некрасова — «Поэт и Гражданин», открывшее собрание его стихотворений 1856 г. Там указанный текст вложен в уста Гражданина. Гражданин требует от поэта отдать весь свой талант родине:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.

Идеи Белинского, ярко выраженные в посвященной ему поэме, были теперь более широко раскрыты в речах Гражданина. Но было бы ошибкой отождествлять образ

¹ Впервые была полностью опубликована в Лондоне А. И. Герценом в «Полярной Звезде», 1859, кн. V, стр. 48—52.

² «Современник», 1855, № 6, отд. I, стр. 219; см. также Н. А. Некрасов, Соч., т. I, стр. 401.

³ «Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб. 1884, стр. 487.

Гражданина с Белинским. Еще В. Е. Евгеньев-Максимов¹ в ряде работ, посвященных Некрасову, указал, что сюжетная ситуация «Поэта и Гражданина» очень сильно напоминает отношения Некрасова и Чернышевского в середине 50-х годов, их беседы о роли искусства в общественной жизни, эстетических взглядах Белинского и т. п. Более того, высказывания Гражданина почти текстуально совпадают с основными положениями «Очерков...» Чернышевского. Чернышевский отвергает путь писателя, когда тот «служит искусству, а не родине». Его идеал — писатель, который бы «прямо считал себя человеком, призванным служить не искусству, а отечеству», который бы «думал о себе: я не поэт, я гражданин». По мнению Чернышевского, целью деятельности гражданина должно являться не «служение чистой науке, если он ученый, чистому искусству, если он художник, даже идее общечеловеческой правды, если он юрист», а умение подчинять себя «великой идее служения на пользу своего отечества». Идеалом такого служения он и провозглашал Белинского, деятельность которого приобрела силу и жизненность от одушевлявшего ее «истинного патриотизма»².

Таким образом, от индивидуальных черт Белинского, дополняя их индивидуальными чертами Чернышевского, Некрасов шел к созданию типического образа Гражданина, воплощающего в себе лучшие черты деятелей русского освободительного движения.

Следует отметить, что образ Белинского получил воплощение в творчестве и других писателей лагеря «Современника». Минаев посвятил Белинскому очерк, являвшийся по сути дела первой биографией Белинского. Стремясь воссоздать подлинный облик Белинского, он большими кусками, как это установил И. Ямпольский, включил в свою работу отрывки из «Очерков гоголевского периода русской литературы Чернышевского, а так-

¹ См., например, В. Евгеньев-Максимов, Некрасов и его современники, 1930, стр. 198—202.

² «Современник», 1856, № 4, стр. II, стр. 29, 31; см. также Н. Г. Чернышевский, Соч., т. 3, стр. 136, 137. Это место первоначально было исключено цензурой. «Бога ради,—писал Некрасов цензору,—восстановите вымаранные вами страницы о Белинском... Лучше запретите мою «Княгиню», запретите десять моих стихотворений кряду» — см. Н. А. Некрасов, Соч., т. 10, стр. 269.

же из книги Герцена «О развитии революционных идей в России»¹ Ямпольский правильно отметил, что в данном случае компиляцию и монтаж незначительно сокращенных и измененных отрывков из Чернышевского и Герцена следует рассматривать не как плагиат, а как сознательную пропаганду их идей, их взглядов на роль Белинского в истории русской общественной мысли.

Под несомненным влиянием Чернышевского к работе над воспоминаниями о Белинском приступил Панаев².

Николай Курочкин в фельетоне «Худой мир лучше доброй ссоры» на страницах «Искры» разоблачил Погодина и других реакционеров, стремившихся изобразить Белинского задорным и воинственным невеждой³.

Борьба передового студенчества Петербурга, Москвы, Казани, Харькова, т. н. «студенческие беспорядки», во время которых революционная часть учащейся молодежи выступила в защиту интересов народа против крепостничества и самодержавия, привлекла внимание передовых писателей. В ходе борьбы формировались черты рядовых участников революционного натиска 1861 года. Черты эти отразились в образе героя драматических сцен Стопакевича — Грачинина. В центре «Родных картин» Стопакевича, опубликованных в «Современнике», Григорий Грачинин, студент Петербургского университета, временно «по особым причинам» проживающий в губернском городе. Читателю ясно, что означают «особые причины»: Грачинин выслан из столицы за участие в студенческом движении.

В провинции Грачинин знакомится с Леной Скифиной, которая живо воспринимает его идеи. «Почитай, с прошлого еще лета он ее смутил, — жалуется ее мать коллежская секретарша Матрена Марковна. — До него, матушка, все еще куда ни шло: она-таки состояла у меня под началом... А тут, как пришколил он ее это время... Гляжу я, а у нее с каждым днем, матушка, и то —

¹ И. Г. Ямпольский, Первая биография В. Г. Белинского, «Научный бюллетень Ленинградского университета», 1945, № 3, стр. 35—38. Работа Минаева была опубликована первоначально в журнале «Дамский Вестник», затем выпущена отдельным изданием. В обоих случаях она была опубликована Минаевым под псевдонимом «Д. Свяжский».

² «Воспоминания о В. Г. Белинском», «Современник», 1860, № 1 и «Литературные воспоминания», «Современник», 1861, №№ 1, 2, 9, 10, 11.

³ «Искра», 1861, № 15, стр. 218—222.

вздор, и это — вздор, и третье — вздор, и десятое — вздор!.. Никаких твоих уставов знать не хочет... Все думала враг ее смущает, искушение говорит... Ан после спохватилась! Да и то, спасибо, добрый человек наставлял... Приходит это к нам в гости, посидел часок-другой, да и глянь в ейные-то книжки... Как глянул, так и ахнул... «Матушка! — говорит, да сия книги беззаконные! Они, говорит, на пагубу человеку... Кто их у вас читает?.. Это книги злохудожные! Всесожжению, говорит, предайте, — всесожжению предайте!» Тут только я поняла, откуда что берется»¹.

Под влиянием Грачинина и его книг у Лены складывается новое отношение к жизни. «А тревоги, а страсти борьбы — разве не наслаждение? — спрашивает она. — А победа, а разрушение зла — разве не лучшее удовольствие?»². Она мечтает о борьбе, о победе над «чудовищем». «Вот ты, — обращается она к Грачинину, — отсек одну голову, другую я, третий — третью, — и нет чудовища, нет дракона»³. Ее мечта — идти «путем правды» во имя «слез и нужд народа» вперед «к свободе». Лена рвет с миром, в котором она выросла, и уходит по пути, открытому ей Грачининым — на борьбу с «чудовищем»⁴.

Грачинин уезжает в столицу, получив не «прощение» начальства, а вызов своих товарищей. «Грачинин! Воскресай и готовься в путь, — сообщают ему, — ты свободен!» Стопакевич не раскрывает, как понимать это письмо. Но в нем вполне закономерно видеть намек на развертывающиеся в столице события, призыв к участию в них. Не случайно Лена едет вместе с Грачининым: впереди то «дело», о котором они так мечтали.

Глубоко сочувственное изображение участников студенческих выступлений в «Современнике» имело определенные политические цели: еще раз показать отношение журнала к передовому студенчеству, вдохновить его на более активную и смелую борьбу с «чудовищем». Кар-

¹ «Современник», 1862, № 5, отд. 1, стр. 103.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 111.

⁴ В статье «Благонамеренность и деятельность» Добролюбов назвал чудовищем крепостническую действительность (см. «Современник», 1860, № 7, отд. II, стр. 40). В этом значении слово это и употреблялось в языке передовой молодежи.

тины борьбы передовой молодежи для журнала — «родные картины». Поднявшихся на эту борьбу «Современник» приветствовал стихами Плещеева:

Насете твердою рукой
Святое знамя жизни новой, —

обращался он к молодому поколению и, заверяя, что с ним он видит «иною, радостного дня рассвет», благословлял его на борьбу за приближение этого «желанного дня»¹.

Аналогичные мотивы звучат и в произведениях других писателей-демократов, пытавшихся в годы революционной ситуации подойти к созданию образов «новых людей».

Один мотив сцен Стопакевича — вступление женщины на путь революционной борьбы, участие в этой борьбе как единственный путь ее действительного освобождения — получил более развернутое отражение в романе А. Панаевой «Женская доля», одновременно с «Родными картинами» появившемся на страницах «Современника».

«Женская доля» построена на противопоставлении жизненного пути двух женщин — Софьи Григорьевны и Анны Васильевны. Страшная трагедия Софьи Григорьевны, жены умеренно-либеральствующего и предельно развращенного дворянчика Петра Васильевича, а затем любовницы помещика-крепостника Лакотникова, скрывающего свое настоящее лицо под маской краснбайствующего либерала, рисуется автором как типичная и закономерная в условиях существующего общественного строя.

Самые подлые и низкие поступки с женщинами совершают те, кто научился прикрывать их либеральными фразами. Либеральная болтовня об эмансипации женщин претит Панаевой. «Не ждите ничего пока от эмансипации женщин, — обращается она в одном из своих публицистических отступлений, — это проповедывание так же бесплодно, как и сострадание к человечеству, о котором так давно и много толкуют... Пока сами мужчины не сделаются нравственнее — никакая эмансипация женщин невозможна. Рабы не могут сделать свободными рабынь!»². Она приветствует революционную моло-

¹ «Современник», 1862, № 4, отд. 1, стр. 363; см. также А. Н. Плещеев, Стихотворения, 1948, стр. 146.

² «Современник», 1862, № 3, отд. 1 стр. 50—51.

дежь, стремящуюся коренным образом изменить старые порядки, сломать общественный и государственный строй самодержавно-крепостнической России. Представителем этой молодежи показан в романе Снегов.

Панаева создает также образ девушки — представительницы этого молодого поколения. Анна Васильевна проходит тяжелую, суровую школу нужды и лишений. Она встречает Снегова и гордится тем, что под его влиянием складываются ее взгляды. Они любят друг друга, не высказывая свою любовь, опасаясь, что эта любовь может помешать тому делу, которому предан Снегов. Снегов признается в любви в прощальной записке, написанной в тот момент, когда его высылают в Сибирь. И Анна Васильевна, найдя в жизни большую любовь и настоящее счастье, едет туда за ним. Она смело встанет на путь революционной деятельности, личное счастье для нее неотделимо от борьбы за счастье народа.

В «Женской доле» является знаменательным в стремлении автора создать образ положительного героя-революционера обращение к использованию фактов из деятельности руководителей демократического лагеря. Так, в основу образа революционера Снегова в романе положен облик Добролюбова. Роман создавался зимой 1861—1862 годов (печататься в «Современнике» он начал с мартовской книжки 1862 года), т. е. в период ожесточенной идеологической борьбы вокруг памяти Добролюбова. Панаева как бы вступала в эту борьбу, воплощая в образе положительного героя романа революционера и демократа Снегова дорогие ей черты¹. Жизненный путь

¹ Революционно-демократическая направленность романа была сразу воспринята современниками. В анонимном письме в III отделение, содержащем благодарность за то, что «засадили» Чернышевского, указывалось, что «социалистическое направление» «Современника» — «яд для юношества», а новая повесть Н. Станицкого (псевдоним Панаевой) — «девиц совсем собьет с толку» (см. Н. Г. Чернышевский, «Литературное наследие», т. II, стр. 436). Позднее, в 80-х годах, Чернышевский писал Панаевой, что ее творчество много содействовало воспитанию «честных понятий» в русской публике (Соч., т. 15, стр. 757).

Серьезной ошибкой Писарева явилось выступление в августе 1864 г. против «Женской доли» Панзевой в статье «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби». На словах якобы защищая идеи Чернышевского и Добролюбова от «фразерства» и ополняя их Панаевой, Писарев на деле в это время находился от позиции руководителей «Современника» неизмеримо дальше, чем

Снегова во многом напоминает биографию Добролюбова. Так, он, как и Добролюбов, учился в Педагогическом институте. Подобно Добролюбову, Снегов в студенческие годы «читал дельные книги да изучал русскую литературу». Он был центром кружка, в котором «рассуждали об обязанностях честного человека». Начитанность, ум, заступничество за слабых приобрели ему уважение товарищей и ненависть начальства. «Особенно один из начальствующих ненавидел его, как большей частью ненавидят низкие люди людей честных. Он готов был бы даже исключить Снегова, если бы только не боялся скандала, зная по опыту, как ловко Снегов выводил его на свежую воду в стычках с ним»¹. Перед читателем открывается история борьбы, подобной борьбе Добролюбова с директором Главного педагогического института Давыдовым, в личности которого для Добролюбова в годы студенчества олицетворялись наиболее гнусные и отвратительные черты состоящей на службе у самодержавного правительства бюрократии². «Враг прибег к самой низкой клевете, начав распускать слухи между воспитанниками, будто бы Снегов перед экзаменами раскаялся и валялся у него в ногах, прося прощения». Известно, что так именно поступил с Добролюбовым Давыдов. Окончив институт, Снегов не пожелал поступить на службу, а «начал давать уроки», «читал корректуры», занимался «журнальными работами»³. Вскоре Снегов становится профессиональным «литератором»⁴, в литературной деятельности находит возможность бороться за осуществление своих идеалов.

Деятельность Снегова на журналистском поприще, показывает Панаева, вызвала к нему бешеную ненависть

Панаева. Попытки же доказать на основании этой статьи преемственность Писаревым идей «Современника» (Л. А. Плоткин) несостоятельны. На это было обращено внимание в интересной статье К. С. Куровой («Творчество А. Я. Панаевой в 60-е годы», «Ученые записки Казахского гос. университета», 1952, т. XIV, вып. 1, стр. 39—55), которая, однако, прошла мимо факта использования Панаевой ряда черт личности Добролюбова для создания образа революционера.

¹ «Современник», 1862, № 4, отд. 1, стр. 547.

² О борьбе Добролюбова с Давыдовым см. В. Жданов, Н. А. Добролюбов, М. 1951, гл. XIX, стр. 251—170.

³ «Современник», 1862, № 4, отд. 1, стр. 547.

⁴ Там же, № 5, отд. 1, стр. 227.

как плантаторов, так и либералов. Либерал Лакотников, по собственному признанию, «содрогается при одной мысли, что такой господин окрылится и... будет разбирать и нас»¹. Панаева показывает, как боятся либералы того, что Снегов «займет видное место в литературе». Лакотников уговаривает своего друга, имеющего «вес в журнале, где печатается Снегов», доказать редактору, что он «уронит свое издание, если станет печатать его (Снегова) статьи». Закрывать для Снегова страницы журнала, по его мнению, — сделать «доброе дело». «Действуйте дружнее, чтобы изгнать из нашей литературы это зловредное существо», — вопиет этот либерал².

Действие романа относится к 1858 г. Именно в то время либералы предпринимали отчаянные усилия, чтобы изгнать Добролюбова (как и Чернышевского) из литературы, пытаясь использовать для этой цели свои дружеские отношения с Некрасовым. В цитированных строках романа Панаевой нельзя не видеть отголосков этой борьбы, отражения тех нечестных и подлых действий, к которым прибегали тогда либералы в борьбе за «Современник», против превращения его в революционную трибуну.

Положив в основу образа Снегова реальные факты жизни Добролюбова, Панаева не ограничилась этими фактами, а дополнила их с целью создания типа героя-революционера. Для характеристики используемых Панаевой приемов типизации можно указать, например, на то, что герой романа, в отличие от Добролюбова, внук крепостного крестьянина, сосланного в Сибирь за выступление против помещика. Внук продолжает дело, в борьбе за которое погиб его дед, — эта мысль является своеобразным лейтмотивом романа. В отличие от Добролюбова, герой романа подвергается высылке из столицы. «В одну ночь Снегов проснулся от незнакомого голоса — квартальный и какие-то другие лица находились в его маленькой комнатке... Через сутки он уже ехал в телеге с провожатым на жительство в дальний губернский город». В дальней губернии, куда был выслан Снегов, и разворачивается действие романа. Зная его, добавляет

¹ «Современник», 1862, № 5, отд. 1, стр. 240. В образе Лакотникова угадываются отдельные черты Боткина и других либералов, ушедших из «Современника».

² Там же, стр. 241.

Панаева, были убеждены, что в дальнейшем он «не минет Сибири»¹.

Хотя эти факты и не совпадают с известными нам биографическими данными о Добролюбове, они типичны для революционного деятеля той эпохи. Да и Добролюбова только преждевременная смерть спасла от Сибири и каторги.

Революционные убеждения и революционная деятельность Снегова в подцензурном произведении могли быть показаны только намеками. «Он страшен», — отзываются о нем плантаторы², перепуганные тем, как «дерзко отзывается он о самых уважительных вещах»³. Читатель понимал, что под самыми уважительными вещами, о которых «дерзко» отзывался Снегов, следует подразумевать самодержавие и крепостнический строй.

Ссылка не сломила Снегова. В последней главе Панаева показывает, что Снегова арестовывают и снова ссылают на этот раз уже действительно в Сибирь.

Панаева особенно выделяет в образе Снегова его презрительное отношение к либералам, к их «рисующейся любви и сочувствию к мужикам».

Идейная близость к революционным демократам у Панаевой проявилась в том, что она показала не только полную безвредность для царизма красноречивых либеральчиков, но и раскрыла контрреволюционную сущность либерализма. Генерал Менов сначала пытался заигрывать со Снеговым, через которого он хотел «знакомиться с требованиями молодого поколения и так хитро лавировать своим либерализмом, чтобы в одно и то же время выигрывать по службе и в то же время упрочивать свою популярность»⁴. Однако вскоре он уже провозглашал, что «в те годы, когда нарождаются разные Снеговы», такие люди, как жандарм Прущенко, «весьма полезны». Прущенко же не смеет расправиться со Снеговым без благословения либеральствующего генерала, но быстро получает такое благословение. Либералы принимают все меры, чтобы революционное направление «было пресечено»⁵.

¹ «Современник», 1862, № 4, отд. 1, стр. 548.

² Там же, № 5, отд. 1, стр. 230.

³ Там же, стр. 223.

⁴ «Современник», 1862, № 4, отд. 1, стр. 557.

⁵ «Современник», 1862, № 5, отд. 1, стр. 230.

На пятом номере, в котором были напечатаны последние главы романа, журнал был правительством прекращен. Этому предшествовала шумная кампания против «Современника» как в реакционной, так и в либеральной прессе. С благословения либералов правительство расправилось с вождем революционной партии Чернышевским. Ленин впоследствии писал о полицейско-реакционной тактике подавления революционного натиска начала 60-х годов и указывал, что многие либералы рекомендовали правительству эту тактику¹.

Мысль о единстве между правительством и либералами в стремлении задушить революцию ясно проведена в романе. Революционер Снегов противопоставлен и плантаторам, и либералам. Он — настоящий друг народа и защитник его интересов.

По мере развертывания революционного движения в стране создаются произведения, непосредственно воспроизводящие отдельные эпизоды борьбы передовой молодежи. В произведениях этих, рассчитанных на нелегальное распространение, образ революционера выступает более отчетливо.

Во время заключения в крепости группа молодых писателей из числа революционной части студенчества Петербургского университета осенью 1861 г. создала «оперу», в которой изображались события в университете, выводились управляющий III отделением, министр просвещения, начальство учебного округа и университета. В центре «оперы» находились образы передовых студентов.

Славься, свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут,
Пусть нас пытаются и жгут нас огнем,
Песню свободе и пытке споем! —

пел в опере хор студентов. Одна из арий начиналась словами: «И умрем мы, если надо, за его свободу...» (т. е. за свободу народа)². Аналогичные произведения были созданы передовыми писателями из числа революционного студенчества Москвы, Казани, Харькова.

Революционер, которого не сломят преследования царизма — герой написанных в крепости стихотворений Михайлова.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 28.

² Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, 1934, стр. 307.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть, мы все казни пройдем!

И если придется погибнуть «в тюрьмах и шахтах сырых», то, уверен поэт,

Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых.

Ему ясен смысл и цели его борьбы.

Стонет и тяжело вздыхает
Бедный, забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Час обновленья настанет —
Воли добьется народ,
Добрый нас словом помянет,
К нам на могилу придет!

Особенно значительно обращение Михайлова к образу Добролюбова в стихотворении, посвященном его памяти².

Образ Добролюбова в стихотворении Михайлова — образ смелого и непреклонного врага самодержавного произвола, павшего в борьбе с ним и своей смертью зовущего новых борцов встать «в дружный ратный строй» — оказал большое влияние на разночинную молодежь³.

Попытки обращения к образам Белинского, Чернышевского⁴, Добролюбова в период революционной ситуации 1859—1861 годов имели для русской литературы большое принципиальное значение. Обращаясь к личным чертам и деятельности великих революционных демократов, передовые писатели прокладывали новые пути создания образа положительного героя. Воссоздавая черты представителей нового поколения революционеров —

1 М. Михайлов, Полное собрание сочинений, 1934, стр. 618.

² Впервые опубликовано в «Колоколе», 1862, № 119, стр. 997.

³ О распространении стихотворения Михайлова см. Н. В. Рейнгардт, Н. Г. Чернышевский, «Русская старина», 1905, № 2, стр. 453 и В. Н. Никитин, Воспоминания, «Русская старина», 1905, № 9, стр. 663.

⁴ Следует указать еще на сатирические сцены Н. Курочкина «Науки и мухи» («Искра», 1862, № 42, стр. 568—569), где Чернышевский, вскоре после его ареста, прямо назван героем и противопоставлен деятелям либеральной журналистики.

их непримиримость к крепостничеству и самодержавию, их готовность отдать все силы в борьбе за великое дело освобождения народа, их новые моральные принципы, их отношение к женщине, — передовые писатели подготавливали создание образов «новых людей» Чернышевским. Работая над «Что делать?», он мог в какой-то степени опереться на уже сделанную в этом направлении работу. Вместе с тем еще до появления «Что делать?» образы «новых людей», созданные Некрасовым, Михайловым, Плещеевым, Панаевой и другими писателями-демократами, оказали большое влияние на молодежь, помогая тем самым в воспитании настоящих революционеров.

Так Чернышевский и Добролюбов, используя «Современник», а также личное общение с передовыми писателями для их воспитания в духе идей крестьянской революции в условиях размежевания демократии и либерализма, вели передовых писателей по пути служения делу революционного преобразования Родины, делу освобождения народных масс от ига самодержавия.

Понятно, что передовые писатели-демократы высоко ценили эту сторону деятельности Чернышевского и Добролюбова. Подчеркивая, что на долю «Современника» выпало редкое счастье получить в свои руководители вождей начинающегося народного движения, Елисеев писал о Чернышевском: «Это была палата ума самого глубокого, пронзительного и тонкого, редкого литературного таланта и самых разнообразных и громадных знаний. Но не в этом только состояло его достоинство. Главную красу и силу его составляла та непобедимая нравственная сила, которая заключалась в беспредельной его любви к русскому народу, в его непрерывном напряженном стремлении и усиллии действовать для его развития, для поднятия его морального и материального благосостояния всем, чем может, в его самоотверженной готовности принести для этого великого дела в жертву все, что лично для него ценно и дорого, не исключая, если бы потребовалось, и самой жизни»¹.

Борьба Чернышевского за служение литературы идее крестьянской революции подтверждает эту высокую оценку.

¹ Архив Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома), шифр — 21687/149д-63.



А. А. ЛЕБЕДЕВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА ЧЕРНЫШЕВСКОГО

(О революционной романтике «Что делать?»)

«...Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком...»

К. Маркс.

1. Идеалы и действительность

Тот метод исследования, при котором художественное творчество писателя рассматривается в тесной связи с определенными сторонами его мировоззрения, стал уже традиционным для нашего литературоведения и оказался достаточно плодотворен. Но вместе с тем выяснилось, что сама проблема связи мировоззрения художника и его творчества весьма трудна для изучения, в ней далеко еще не все ясно. Мало, видимо, сказать, что эта связь существует. Как только это сказано, возникает необходимость указать на ее конкретное содержание. В противном случае от факта этой связи остается фраза.

Даже поверхностному наблюдению открывается абстрактная всеобщность утверждения единства мировоззрения и творчества писателя. И если за многими образами Тургенева или, скажем, Гончарова иногда проступают лишь туманные очертания авторских идеалов, то произве-

дения Чернышевского в этом смысле всегда «прозрачны». Будучи несомненно объяснима с точки зрения политической, «прозрачность» эта в сфере эстетической сразу же утрачивает всю свою несомненность, обнаруживая сложность переплетения тех субъективных и объективных причин, которые и обусловили силу и слабость художника.

Однако надо сказать, что в ряде работ наших литературоведов вопрос о связи художественного творчества Чернышевского-писателя с мировоззрением и, в частности, с эстетикой великого революционера-демократа получает, на наш взгляд, слишком прямолинейное, упрощенное толкование. При таком подходе к делу художественное творчество Чернышевского рассматривается как своего рода художественная интерпретация его эстетической теории, а анализ особенностей его художественного метода ведется путем прямого сопоставления тех или иных сторон его художественной «практики» с соответствующими положениями его эстетической теории. Художественные произведения Чернышевского именуются «дальнейшим развитием его эстетических принципов», а связь между эстетикой Чернышевского и его литературным творчеством определяется как соотношение «теории и практики»¹. Много говорится о том, что, например, роман «Что делать?» является полным и блестящим выражением революционно-демократической эстетики его автора, «практически реализовавшим материалистическую эстетику великого русского революционера...» Вследствие этого данное художественное произведение даже объявляется «вершиной научной и общественной мысли 60-х годов в России»². В самом же художественном методе Чернышевского усматривается «диалектическое начало», некие «особенности», которые являются также «основными в диалектическом материализме»³. В монографии Гр. Тамарченко мысль о том, что в литературном творчестве

¹ П. А. Николаев, Эстетические принципы Чернышевского и его роман «Что делать?», «Литература в школе», 1953, кн. 3, стр. 12.

² Н. В. Водовозов, Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», изд. «Знание», 1953, стр. 9, 18, 7.

³ А. Озерова, Н. Г. Чернышевский, Учпедгиз, 1951, стр. 73.

Чернышевского «художественно воплощены» основные положения его эстетики, приводит автора к тому, например, выводу, что «сюжет романа «Что делать?» является осуществлением в художественной практике теоретических идей Чернышевского по этому вопросу»¹.

Отмеченная точка зрения имеет широкое распространение. Она проникла в популярную литературу² и в учебно-методические пособия³.

Подобный подход представляется неправильным. Думается, что именно такого рода упрощенчество и лежало в основе той абстрактно-умозрительной концепции, согласно которой творчество Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Слепцова и др. писателей «шестидесятников» конструировалось как некий «революционно-демократический реализм» и объявлялось «высшим этапом» во всем развитии досоциалистического искусства.

Вместе с тем остается крайне сомнительной и вообще правомерность утверждения того или иного метода и даже направления в искусстве лишь с точки зрения его *идейных возможностей*.

Кстати сказать, сама теория «интерпретации идей и реализации принципов» по справедливости не может считаться открытием литературоведов — специалистов по творчеству Чернышевского. Теория эта возникла в пору расцвета «иллюстративного» метода в нашем современном искусстве, возникла для утверждения и «обоснования» этого метода. «Случай» же с Чернышевским лишь оказался пригодным в качестве своего рода «доказательства» методологической универсальности этой теоретической спекуляции. Но наряду с этим в лозунге «интерпретации идей» некоторые *индивидуальные* особенности творческой манеры Чернышевского абсолютизировались до степени некоей общеобязательной нормы.

Здесь, понятно, не место подробно выяснять все отме-

¹ Г. Тамарченко, Романы Н. Г. Чернышевского, Саратов, 1954, стр. 9, 93.

² Н. Богословский, Н. Г. Чернышевский, 1828—1889, «Молодая гвардия», М. 1955.

³ М. П. Николаев, Семинарий по Чернышевскому, М., 1954. Небезынтересно, что для автора последней работы «вопрос о претворении Чернышевским своих эстетических принципов в художественных произведениях» несомненен уже и в качестве непременно методологического требования (стр. 30).

ченные вопросы. Но, даже не рассматривая всех аспектов указанной теории, следует сказать, что при подобном подходе к делу страдает прежде всего конкретный анализ *художественных особенностей* тех или иных произведений Чернышевского, так как сам текст художественного произведения привлекается в данном случае исследователем лишь в той мере и постольку, поскольку он может служить *прямой* иллюстрацией к тем или иным положениям эстетической теории Чернышевского.

Понятно, что когда о художественном творчестве Чернышевского говорится лишь как об иллюстрации к его эстетической теории, — вопрос о *реалистическом* характере этого творчества, об *объективно-познавательной* его стороне — практически снимается (вне зависимости от декларативно утверждаемых стремлений автора данного исследования), а вместе с тем снимается и проблема *типического* характера в произведении.

С другой стороны, такой подход — в силу отступления от конкретного анализа *объективного* содержания художественного произведения — оставляет слишком много места для произвольного толкования тех или иных образов и ситуаций, поскольку рассмотрение их ведется не с точки зрения верности отражения в них жизненных, *реальных* характеров и ситуаций, а с точки зрения их соответствия тем или иным принципам эстетической теории художника, его политическим, философским и др. взглядам... или даже — взглядам автора данного исследования¹.

И все-таки связь между эстетической теорией Чернышевского и его художественным творчеством безусловно существует. Более того: мы вправе в данном случае говорить об определенном, хотя и весьма сложном и во многом противоречивом *единстве* эстетической теории и художественного творчества великого революционера-демократа.

Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее рассмотрение данного вопроса, требующего специального

¹ А. Груздев (см. послесловие к «Прологу», Лениздат, 1952) трактует поездку Левицкого в деревню как выполнение специального задания какого-то революционного подполья. Это умозаключение автора статьи, естественно, не подкрепляется ни единой ссылкой на текст произведения.

изучения, мы ограничимся здесь лишь указанием на наиболее общие стороны этого единства и наиболее существенные из его противоречий.

Известно, что типичное в реалистическом искусстве воплощает в себе единство субъективно-классовой и объективно-познавательной сторон в художественном познании. Если же мы обратимся к проблеме отражения в искусстве действительной красоты реальной жизни, то и здесь надо будет выделить и различать две грани этой проблемы. Во-первых, *отражение* в произведениях искусства действительной красоты реальной действительности и, во-вторых, *выражение* в произведениях искусства эстетического идеала художника, его представлений о жизни, «какова должна она быть...»

В этой связи можно сказать, что типичность того или иного характера, эстетически положительно оцениваемого в данном произведении реалистического искусства, определяется степенью совпадения, мерой сближения эстетического идеала художника, его представлений о красоте с тем, что действительно является прекрасным в жизни.

Здесь мы вплотную подходим к одному из наиболее трудно определяемых явлений в реалистическом искусстве, к явлению, до сих пор еще не вполне, очевидно, ясному по своему конкретному содержанию, а потому и не имеющему терминологически точного обозначения. Речь идет о том виде реалистической типизации или о той ее особенности, которая «служит» для эстетически положительной оценки явлений действительности (выражая тем самым и определенные идеалы автора данного произведения) и неопределенно именуется в нашем современном литературоведении «романтикой» или ... «романтизмом».

Прежде всего нам кажется необходимым сказать, что само понятие «романтики», как определенной особенности реалистического метода в искусстве, является понятием конкретно-историческим. При этом конкретно-историческое содержание этого понятия имеет двоякое обоснование.

Обычно с понятием романтики связывается представление об определенных идеалах художника, об определенной мечте его, об определенных представлениях его о том, что *должно быть* в жизни. Таким образом, романтика того или иного *реалистического* произведения в изве-

стной мере может быть противопоставлена той реальной действительности, которая является объектом данного произведения. С этой точки зрения романтика, как воплощение определенных авторских идеалов, становится в известном смысле выражением того эстетического критерия, при «помощи» которого художник выносит свой приговор явлениям жизни. Но понятно, что идеалы художника, «мечты» его, представления о жизни, «какова должна она быть» по его «понятиям»,— все это имеет сугубо «земные» основы. С этой точки зрения и романтика гоголевского «Тараса Бульбы», и романтика лермонтовского «Демона», и, скажем, романтика толстовских «Казаков» в равной мере может и должна быть объяснена теми конкретно-историческими условиями, которые породили ее и вместе с тем и противостояли ей, как «проза» отрицаемой художником жизни.

Но у данной проблемы есть еще и другая сторона. Дело в том, что поскольку речь здесь идет о произведениях реалистического искусства, постольку и в самой романтике этих произведений должна быть вскрыта *действительная героика* реальной действительности.

Романтика «Мертвых душ» Гоголя или «Войны и мира» Толстого заключается отнюдь не только в «лирических отступлениях» авторов этих произведений, она заключена в самой художественной «ткани» этих произведений, в *самом способе художественной типизации*, отражающей действительную красоту человека и развенчивающей иллюзорную красоту и псевдо-героическую напыщенность разного рода «мертвых душ».

Таким образом, когда речь идет о романтике, как определенном явлении в реалистическом искусстве, мы можем различить здесь опять-таки те два момента, о которых уже говорили, характеризуя вообще понятие типического в искусстве: во-первых, *выражение* определенных авторских идеалов и, во-вторых, *отражение* действительной красоты жизни.

С этой точки зрения, проблема романтики в реалистическом искусстве оказывается непосредственно связанной не только с вопросом об эстетическом идеале автора, но и с проблемой объективного критерия наших понятий о красоте, в конечном счете, с проблемой объективности красоты в реальной действительности.

Если же с этих позиций попытаться подойти к проблеме особенностей художественного метода Чернышевского, в частности к проблеме революционной романтики в его знаменитом «Что делать?», то первое, о чем надо будет сказать в этой связи, это вопрос о соотношении общественно-политических идеалов самого Чернышевского и объективной закономерности развития общественной жизни в стране, переживавшей первую революционную ситуацию.



В известной речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова, В. И. Ленин указывал, в частности, на то, что только пролетарская революция, подняв и *организовав* на борьбу миллионные массы трудящихся, *впервые* в истории русского освободительного движения вырвала основу у того, как говорит В. И. Ленин, «расхождения» между теорией и делом, которое являлось характернейшей чертой всего предшествующего периода революционного движения в нашей стране.

В известном смысле эти слова В. И. Ленина могут быть, видимо, отнесены и к такому предшественнику русской социал-демократии, как Н. Г. Чернышевский, который также, как известно, страдал от этой невозможности «найти практическое применение своим революционным идеалам»¹. Более того, можно сказать, что в известном смысле вся жизнь этого великого революционера, цель его деятельности заключены именно в том, чтобы найти *пути практического* осуществления своей социальной мечты, в том, чтобы оплодотворить этой мечтой, своими идеями стихийный протест миллионных масс русских «простолюдинов». Страстным, подлинно революционным стремлением к осуществлению этой великой исторической задачи пронизано все творчество Чернышевского, каждое его выступление, каждый шаг замечательной его жизни.

И тем не менее, это была всего лишь мечта, мечта, не осуществимая в то время в силу тех самых объективных условий исторического развития страны, от которых, как любил говорить сам же Чернышевский, «зависит все».

Такова двойственность, лежащая в основе социаль-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 71.

ного идеала Чернышевского — революционера-демократа. Эта двойственность, естественно, весьма ярко проявилась и в особенностях его художественного метода.

2. Ригорист Никитушка Ломов

Надо признать тот факт, что для Чернышевского больше, чем для любого другого выдающегося русского писателя XIX столетия, было характерно органическое единство художественного творчества и мировоззрения. При этом Чернышевский-писатель — весьма яркий пример главенствующей роли мировоззренческих позиций в художественном отображении действительности. Именно в этом своеобразии Чернышевского-писателя. И именно в этом своеобразии его и сила, и слабость. Ибо если степень прогрессивности мировоззрения писателя отнюдь еще не определяет степени художественного совершенства его произведений, то мировоззренческие «недостатки» всегда так или иначе сказываются даже на сильном таланте. Есть тут и другая сторона дела. Художник может считать, что данное произведение является непосредственным выражением его идей, идеалов и пристрастий. И он, конечно, может выражать их в своем произведении с какой угодно степенью непосредственности. И они, конечно, будут выражены. Но вот что с ними при этом произойдет — уже иной вопрос.

Несомненно, что основной положительный образ такого романа Чернышевского, как «Что делать?», явился для автора своего рода средоточием определенной позитивной программы, непосредственным (но опять-таки для автора) воплощением авторских этических и эстетических идеалов. Но столь же несомненно и то, что содержание этого образа (как, впрочем, и любого, если речь идет действительно об искусстве) не исчерпывалось ни этой программой, ни этими идеалами. Более того, лишь постольку мы обращаемся к сфере эстетического, лишь постольку нас могут интересовать субъективные намерения писателя.



Чернышевский понимал, что сам народ, само крестьянство не имеет условий для выработки революционного сознания, революционной теории. И с этой точки зрения, с точки зрения авторского замысла, образ Рахметова яв-

ляется своего рода попыткой художественно решить вопрос, волновавший Чернышевского всю жизнь. Именно в утверждении стремления к единству с народом — смысл и содержание этого образа...

Рахметов живет лишь для народа, во имя народа: «...дел у него была бездна, и все дела, не касавшиеся лично до него, личных дел у него не было» (XI, 206).

Стремясь художественно показать органическую близость, единство Рахметова с народом, Чернышевский как бы сливает в этом характере два образа: образ самого передового человека, человека с «истинно современным» образом мыслей — «ригориста Рахметова» и образ «человека из народа» — Никитушки Ломова.

Так создается тип «нового, необыкновенного человека». Такое своеобразное «раздвоение» образа отражает, конечно, и определенную историческую незрелость характера революционера шестидесятых годов, когда, быстро демократизируясь, освободительное движение все-таки «еще наполовину остается движением привилегированных классов»¹. Однако нам интересна и близка в данном случае сама попытка, само стремление Чернышевского создать цельный образ человека-революционера *передовой культуры, органически близкого и понятного народу*.

Сравнение с пушкинским Пугачевым и гоголевским Тарасом Бульбой, с одной стороны, и с героями, скажем, декабристской поэзии, — с другой, достаточно говорит о новизне этого типа для русской литературы.

Мы совершенно ясно видим, как Чернышевский постоянно, очень настойчиво и последовательно подчеркивает именно те новые черты в моральном облике своего героя, которые как раз и сближают, роднят его с народом.

Когда Рахметова спрашивают, что является причиной его «странностей» и «чужачеств» (он развивает себя физически, подчеркнуто просто одевается, ест «простую пищу» и т. п.), он отвечает: «Так нужно — ... это дает уважение и любовь простых людей. Это полезно, — добавляет революционер, — может пригодиться» (XI, 200)².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 295.

² Здесь и далее цитаты даются по полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, ГИХЛ, 1939—1953.

Рахметов — *необыкновенный человек*. Но в чьих глазах? «Все немного побаивались Рахметова», — замечает Чернышевский, даже «Лопухов и Кирсанов, и все, не боявшиеся никого и ничего, чувствовали перед ним, по временам, некоторую трусоватость». А «с Верой Павловной он был очень далек» (XI, 196). Только среди простых людей Рахметов — «свой человек». Он — «любимец Маши», прислуги Веры Павловны, и всех «равнявшихся ей или превосходивших ее простотой души и платья» (там же).

А вот очень знаменательная сценка из «бурлацкой жизни» Рахметова: «Когда судно приставало к городу, — рассказывает Чернышевский, — и он шел на рынок... по дальним переулкам раздавались крики парней: «Никитушка Ломов идет, Никитушка Ломов идет!» — и все бежали на улицу, ведущую с пристани к базару, и толпа народа валила вслед за своим богатырем...» (XI, 199).

Рахметов гордится своей близостью к народу. «...Все, кто его знал, — замечает Чернышевский, — знали его под двумя прозвищами; одно из них...—«ригорист»; его он принимал с обыкновенною своею мягкой улыбкою мрачного удовольствия. Но когда его называли Никитушкою или Ломовым, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовым, он улыбался широко и сладко» (XI, 199).

Самым страшным, самым непростительным преступлением Рахметов считает преступление против интересов народа.

Упрекая Веру Павловну за то, что во время тяжелого душевного потрясения она на минуту забыла о своих мастерских, Рахметов говорит, что из-за этого могло пострадать дело, дело, в конечном счете нужное именно народу. «Это, Вера Павловна, — продолжает Рахметов, — то, что на церковном языке называется грехом против духа святого, — грехом, о котором говорится, что всякий другой грех может быть отпущен человеку, но этот — никак, никогда» (XI, 218).

Читателю романа бросается в глаза подчеркиваемая автором простота, естественность поведения Рахметова, его полная неприязнательность в быту, органическое отсутствие в нем всего господского, барского, его постоянное внимание к простым людям. Вот, например, одна сценка. Рахметов приходит к Вере Павловне помочь в ее большом горе.

«— Так я зайду, посижу вместо вас, может быть, случится какая-нибудь надобность, — говорит он прислуге Веры Павловны, Маше.

— Пожалуйста; а то я боялась за нее. И я забыла, г. Рахметов, — добавляет Маша, — позовите кого-нибудь из соседей; там есть кухарка и нянька, мои приятельницы, подать обедать, ведь она (Вера Павловна) еще не обедала.

— Ничего; и я не обедал, пообедаем одни. А вы-то обедали ли?

— Да, Вера Павловна так не отпустила.

— Хоть это хорошо. Я думал, уж и это забудут из-за себя» (XI, 196).

В этом маленьком разговоре — почти весь Рахметов. Даже к людям типа Веры Павловны, людям «новым», лишь слегка еще (по мнению Чернышевского или Рахметова?) зараженным господской барственностью (помните: Вера Павловна любит кофе в постели), Рахметов относится с некоторым так сказать недоверием: не забудут ли, мол, из-за своих «высоких» переживаний о такой «прозе жизни», как забота о кухарке, как, кстати сказать, забыли о мастерских!

И вот — конец сцены. Рахметов выполнил свою «миссию»: Вера Павловна успокоена, все объяснено, все начинает входить в рамки «обычной» жизни.

«— Вы теперь спокойны, Вера Павловна?

— Да, почти.

— Хорошо. Как вы думаете, спит Маша? Нужна она вам теперь на что-нибудь?

— Конечно, нет.

— А ведь вы уже успокоились; стало быть, вы уже могли бы вспомнить, что надобно сказать ей: «спи, уже первый час, а ведь она поутру встает рано» (XI, 215—216).

Сцена у Веры Павловны — единственное, по существу, место в романе, где появляется и действует Рахметов. Чернышевский мягко вводит в эту сцену мотив заботы о простом человеке, и этот мотив как бы обрамляет сцену появления Рахметова.

Ведущей нитью в деятельности Рахметова, лейтмотивом всей его жизни является мысль о служении народу. Эта мысль и выражена в знаменитом рахметовском «*нужно*». Раз это «*нужно*» для народа, — значит это не-

пременно будет осуществлено, и все условности «образованного общества» для Рахметова не существуют. Мысль о народе, забота о жизни простого человека пронизывает весь образ *революционера* Рахметова. Это не случайно, это закономерно и естественно. Ведь для Чернышевского заботиться о благе народа, о судьбе простых людей, «простолюдинов» и значило быть революционером. В этой целостности, в этой, можно сказать, монолитности образа воплощен дух самой эпохи, эпохи революционеров-демократов. Жизнь для народа, во имя народа — это является пафосом образа Рахметова. В этом пафосе заключена и *романтика* этого образа.

Именно романтика. Потому, во-первых, что пафос этот воплотил *мечту* Чернышевского о пробуждении революционного сознания в народе, потому, во-вторых, что этот пафос был выражением действительной героики революционной борьбы в тот период, борьбы за раскрепощение народа, за счастье его и счастливое будущее.

Но если это так, то, с другой стороны, романтика этого произведения Чернышевского отнюдь не является чем-то цельным. Сама романтизация, если можно так выразиться, образа Рахметова двойственна. Она не всегда идет от жизни и не всегда потому является особенностью *реалистического* метода художника, а выражает подчас именно абстрактную сторону просветительства Чернышевского.

Если сила Чернышевского-реалиста проявляется здесь прежде всего в самой попытке создания типического характера *передового* человека своего времени, органически близкого народу, то абстрактно-просветительская тенденция автора этого произведения сказывается, по нашему мнению, как раз в том, что эта *близость* Рахметова к народу передается подчас *художественно поверхностно*, в виде *внешних* атрибутов условной «народности». Для того, чтобы *показать* и *доказать* свою близость к народу, Рахметову, оказывается, «почему-то» мало заниматься *делом* народа (о чем — и этого, конечно, не следует забывать, в романе мало говорится по цензурным соображениям), ему «приходится» еще «развивать непомерную физическую силу», одеваться в «простое» платье, есть «простую» пищу и даже превращаться в бурлака. Причем, кстати сказать, во всех *этих* случаях Рахметов, конечно, никак не мог действительно и «окончательно

сблизиться» с народом, так как в лаптях и зипуне он все-таки не ходил (идеологически этот наряд на городском человеке был «скомпрометирован» еще, как известно, славянофилами), а «знаменитая ветчина», которую он иногда даже носил в кармане, только весьма условно могла быть названа «мужицкой» едой...

Чернышевский постоянно подчеркивает, что Рахметов «необыкновенный» человек. Позднее мы будем еще иметь возможность подробнее остановиться на этом. Теперь же отметим лишь, что и в этой «необыкновенности» есть много внешнего, нарочитого.

Однако недостаточно было бы указать лишь на субъективные, так сказать, узко- или чисто-мировоззренческие причины подобной художественной слабости произведения. Не требуется специальных изысканий для того, чтобы выяснить очевидную связь отмеченного эстетического недостатка романа с определенными явлениями политической действительности. С этой точки зрения известная неудача Чернышевского в художественном показе моральной, если можно так выразиться, слиянности революционера Рахметова с народом лишь отражает незрелость освободительного движения в России того периода, малочисленность сознательного революционного авангарда и отсутствие революционного сознания среди широких народных масс.

Мы говорили выше о том, как раскрывается символическое единство в «особенном человеке» — «ригориста» Рахметова и волжского бурлака Никитушки Ломова. Теперь к этому следует добавить также еще и то, что этот символ, может быть и вопреки воле автора, становится поразительно точным изображением нечеловечески трудной и, по существу, безнадежной (с точки зрения своих непосредственно практических результатов) работы революционера-просветителя, пытающегося направлять и двигать тяжелый и неповоротливый корабль, чудовищно медленно движущийся по воле волн и бог весть когда пристанущий к обетованной земле¹.

¹ При всем этом мы не можем, конечно, забыть слова В. И. Ленина о том, что революционная пропаганда, обращение с ней к народу приносит свои плоды и потому исторически совсем не бесплодна даже в том случае, когда посев отделен от жатвы целыми десятилетиями.

Маркс говорил о том, что «было бы весьма желательно», чтобы революционные деятели, вожди революционных партий изображались бы в литературе «суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной яркости», а не «с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы». Ибо в «преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения». В то же время, как подчеркивает Маркс, и в этом, и в других случаях нарочитое снижение героики подобных образов, показ их в «неглиже», «мелочное умничание» при кропотливом выписывании малозначительных деталей тоже приводит к тому, что эти образы оказываются «крайне далеки от действительно правдивого изображения лиц и событий»¹.

Если рассмотреть эволюцию образа положительного героя-революционера у Чернышевского в свете этого положения, то надо будет сказать, что образ Волгина («Пролог») развивает именно наиболее правдивые, наиболее реалистичные, наиболее художественно-достоверные стороны образа Рахметова. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что в образе Волгина Чернышевскому удалось (при этом надо, конечно, учесть и бесцензурность данного произведения) с большим художественным тактом и четкостью сочетать *романтику революционного дела*, рахметовского «нужно», с мягким *юмором* в показе *обыкновенных* человеческих черт этого обаятельного и гордого, великого и немножко подчас смешного, действительно, как сказал бы Маяковский, «человечного» человека.

С этой точки зрения надо сказать, что если в образе Рахметова к действительной романтике героического дела — подвига революционера-борца — примешивается еще и, так сказать, условная, риторическая романтизация внешней «необыкновенности» этого характера, то в образе Волгина художнику удалось показать всю необыкновенность, революционность своего героя через самые обыкновенные, «прозаически земные» его черты, дела и поступки.

Изменение характера романтики отражает в данном

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 293 (Рецензия о книгах: А. Шеню «Заговорщики, тайные общества и др.» и Л. де-ла-Одд «Рождение республики в феврале 1848 г.»).

случае прежде всего именно углубление реализма Чернышевского. Вместе с тем вносятся существенные коррективы и в художественную трактовку темы близости героя к народу.

3. «Светлая красавица»

Как мы уже говорили, романтика, как *эстетическая* категория, как особенность реалистического метода, может и должна быть рассматриваема с двух точек зрения. С точки зрения того, во-первых, что она является отражением действительной романтики объективной действительности, героики революционной борьбы, революционного подвига. С точки зрения того, во-вторых, что в ней, в этой романтике, находит свое *выражение отношение* самого автора к изображаемому, находит свое выражение эстетически-определенная *оценка* изображаемого. В первом случае мы могли бы говорить о *реалистическом* отображении в искусстве романтики действительной жизни. Во втором — о *романтизации* в том или ином произведении реалистического искусства данного объекта изображения.

С этой точки зрения мы и попытались рассмотреть две стороны этой проблемы, выявить две грани ее на конкретном материале анализа образа Рахметова. При этом мы стремились отметить и те случаи, когда авторская *романтизация* данного характера *не совпадает с действительной романтикой* первого, когда, таким образом, происходит какое-то отступление от реализма в изображении «лиц и событий».

Но в связи со всем этим следует сразу же оговориться относительно того, что нельзя, конечно, представлять дело таким образом, что авторская романтизация и реалистическое отображение действительной романтики как бы «сосуществуют» в произведении «параллельно» и являются какими-то двумя «изолированными» явлениями. Сложность вопроса, на наш взгляд, заключается в том, что реалистическое отображение в искусстве действительной романтики изображаемой жизни и авторская романтизация ее — эти два момента есть именно лишь две стороны, две грани *одного* явления. При этом авторская романтизация не есть, конечно, нечто «безусловно плохое», противостоящее или даже исключяющее возмож-

ность реалистической передачи действительной романтики «внешнего» мира. Дело в том, что само реалистическое отображение в искусстве действительной романтики жизни необходимо предполагает определенное авторское отношение к изображаемому явлению, определенную эстетическую оценку его, предполагает, следовательно, именно *романтизацию* этого явления. Там, где эстетическая оценка данного явления реальной действительности совпадает с объективным смыслом его, с объективным его характером, мы находим *реалистическое* отображение романтики жизни. В этом случае и романтизация данного явления в произведении искусства есть особенность реалистического метода. В том же случае, когда оценка изображаемого явления *противоречит* действительной сути этого явления, романтизация предстает как отступление от реализма: характер искажается.

Выше мы говорили уже о том, что понятие романтики в реалистическом искусстве тесно связано, с одной стороны, с проблемой эстетического идеала художника и, с другой, — с проблемой объективности прекрасного в реальной действительности. Постараемся раскрыть это положение.

«...За фактами, — говорил А. М. Горький, — скрыты их социальные смыслы»¹.

Утверждая, что «сам по себе» факт, во всем «внешнем его оперении» это еще «не вся правда, а только сырье»², Горький указывал, что для того, чтобы «выплавить, извлечь» из этого «сырья» «настоящую правду искусства» — для этого надо «вскрыть процессы творчества фактов»³. Для того, чтобы иметь возможность верно, т. е. глубоко увидеть, оценить настоящее, надо знать прошлое и смотреть в будущее. Эту мысль Горький постоянно подчеркивает в своей публицистике 30-х годов. Раскрыть же «процесс творчества факта», т. е. показать данное явление в его развитии, в его *исторически обусловленной* тенденции, так сказать, в проекции на «три действитель-

¹ А. М. Горький, «Беседа с молодыми» (1934 г.), Собр. соч., ГИХЛ, М. 1953, т. 27, стр. 216.

² А. М. Горький, «По поводу одной полемики» (1932 г.), т. 26, стр. 296.

³ А. М. Горький, «О темах» (1933 г.), т. 27, стр. 98.

ности» — это и есть вскрыть социальный смысл данного факта, данного явления. В этом смысле можно сказать, что «степень реалистичности» того или иного искусства или произведения искусства определяются глубиной проникновения его в содержание жизни, в смысл явлений, в «процессы творчества фактов». Это естественно, ибо объект искусства — та самая действительность, в которой, как говорил еще Чернышевский, «отразилось прошедшее» и «выразилось будущее», та самая действительность, которую А. М. Горький чрезвычайно метко назвал «творимой историей...»

В романтике реалистического искусства находят свое отображение те самые черты *действительности*, в которых с наибольшей силой и ясностью и «выразилось будущее». Таким образом, устанавливается непосредственная связь между понятием романтики в реалистическом искусстве и проблемой прекрасного в жизни, если прекрасным в области общественной жизни является то новое, социально лучшее, что создает человек в труде и что, вместе с тем, труд создает в самом человеке. В то же время романтика, с этой точки зрения, может быть понята и как существенная особенность подлинно реалистического искусства, ибо, отражая черты будущего в настоящем, искусство воспроизводит то, что исторически неизбежно «должно» расти и развиваться, то, чему «уготовано» будущее. В этом смысле романтика в реалистическом искусстве может быть сопоставлена с *сатирическим* отображением, в котором находят свое художественное воплощение и свою эстетическую оценку типические черты общественных явлений. Они тормозят ход истории, тех явлений, в которых наиболее ярко и с наибольшей силой «отразилось прошедшее».

Подобная точка зрения, конечно, не лишена схематизма. Но ведь схемы и не должны претендовать занять место конкретного анализа, в лучшем случае так или иначе основываясь на нем или угадывая, намечая его направление. Однако и оставаясь в пределах схемы, необходимо, нам кажется, подчеркнуть, что проблема утверждения в романтике реалистического искусства социально-лучшего как прекрасного в жизни неотделима от вопроса о субъективно-оценочном отношении автора к изобра-

жаемому, неотделима от вопроса об эстетическом идеале художника.

Вспомним в этой связи слова Чернышевского: «Художник, задумывая прекрасное, очень часто задумывает вовсе не прекрасное: мало хотеть прекрасного, надобно уметь постигать его в его истинной красоте...» (II, 49). Но ведь эстетический идеал художника теснейшим образом связан с его общественными воззрениями, с его *социальным* идеалом, с его представлениями о жизни, «какова должна она быть».

Таким образом, мы можем вновь вернуться к уже высказанному ранее положению: понятие романтики в реалистическом искусстве тесно связано с понятием *мечты*.

Известно, какое огромное значение придавал В. И. Ленин мечте человека о лучшем будущем, как великой побудительной силе в стремлении к преобразованию действительности. Вряд ли случайна, конечно, и ссылка его в этом случае на одного из демократов-шестидесятников¹.

* * *

Тема страстной мечты о светлом будущем — одна из основных тем романа Чернышевского. И эта тема органически, можно сказать, естественно перерастает в тему революции, сливается с ней, переходит в тему *сегодняшней* борьбы за осуществление великих идеалов прекрасного завтра. У революционера Рахметова мысль о народе неразрывно связана с мыслью о будущем народа. Вся жизнь Рахметова — это подготовка к предстоящей революции. Единственным критерием важности любого дела для него является мысль о том, «пригодится ли это?» Пригодится ли это в будущей революции и в настоящей борьбе.

Весь роман Чернышевского проникнут мотивом предчувствия, предвидения революционного завтра. В этом смысл и идея романа. Эта идея выражена прежде всего композиционно. Произведение Чернышевского — как бы пролог к «перемене декораций», рассказ о том, как преобразуются и крепнут душевные силы людей, как формируются их характеры в предчувствии надвигающейся

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 476.

бури¹. Кажется, что на каждом из героев этого произведения лежит отблеск зарева от пылающего барского поместья, всего ненавистного и страшного здания самодержавной России. В этом грозном и радостном зареве крестьянского бунта герои Чернышевского видели пламя грядущей, уже начинающейся революции. Этот отблеск поновому освещает лица людей, преображает их, резче, отчетливее выступают в нем характеры, яснее видны души.

В нашем литературоведении указывалось на ту печать подцензурной зашифрованности и, вследствие этого, известную неопределенность, которые действительно свойственны образу «Светлой красавицы», «сестры своих сестер», «невесты своих женихов». В самом деле, этот образ-символ не поддается какой-либо прямой, однозначной расшифровке. Но дело здесь, думается, не только и не столько в его подцензурной завуалированности. Многогранность и многозначность, как и неопределенность этого символа, — не внешние, не привнесенные. Воплощая в себе авторские идеалы, авторские представления о знаменитом и еще со времен Белинского священном для русских революционеров-демократов триединстве — правде-истине, правде-справедливости, правде-красоте — этот образ вместе с тем естественно отражает и известную абстрактность, историческую отвлеченность указанных представлений и идеалов. Возможно, что как раз именно из этого последнего обстоятельства и вытекала художественная необходимость подобного выделения, обособления в абстрактно-публицистической символике реальных стремлений реальных героев романа. Художественная условность здесь, по всей видимости, не более как выражение утопической условности просветительских идеалов самого автора. С этой точки зрения, «Светлая красавица» не более как абстрагированное в символической отвлеченности реальное, но художественно не понятое автором противоречие реальных характеров его героев. Это своеобразное отражение исторически неизбежных противоречий самого освободительного движения того периода, — с одной стороны, отражение утопичности социалистических

¹ Характерно, что этот же композиционный прием Чернышевский повторяет и в «Прологе». И это, конечно, не случайно, ибо именно такое построение произведения позволяло наиболее художественно-дальновидно осветить тенденцию жизни.

идеалов писателя, с другой. Образом «Светлой красавицы», картинами «снов» Веры Павловны автор как бы стремится чем-то дополнить характеры своих героев, реальное содержание своего романа. Проходя через все произведение, этот образ, соотносясь с образами других героев, выявляет и разные грани своей собственной символики.

Тема свободы, борьбы за светлое будущее «сестры своих сестер», «невесты своих женихов» наполняет все произведение. С ней, этой «невестой», на всю жизнь «обручен» Лопухов.

— Вы влюблены в нее? — спрашивают его.

— Да, — отвечает он, — она красавица... я очень люблю ее... (XI, 52).

Она, эта «светлая красавица», озаряет путь Веры Павловны. Она освещает жизнь героини и зовет ее в будущее, зовет всех тех, кто может ее услышать: «...Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...» (XI, 283—4). «Светлая красавица» поднимает Верочку к новой жизни из глухого и мрачного подвала, вливает в нее силы для борьбы за счастье других.

— Ты была заперта в подвале? Была разбита параличом? — спрашивает «Светлая красавица» Верочку.

— Была. — Теперь избавилась? — Да. — Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много невыпущенных, много невылеченных. Выпускай, лечи (XI, 71).

Мысль о будущем, мысль о «Светлой красавице» — это «Первый сон» Веры Павловны. Вдохновленная ею, Верочка идет на помощь людям: «...вот подвал, в подвале заперты девушки. Верочка притронулась к замку, — замок слетел: «Идите» — они выходят. Вот комната, в комнате лежат девушки, разбитые параличом: «Вставайте» — они встают» (XI, 78). Такова всепобеждающая сила «Светлой красавицы».

В первом сне Верочки, как в увертюре, тонко, одним штрихами намечен весь путь человека, вся линия развития образа, все основные идеи произведения. И лейтмотив этого лирического вступления к роману — тема «Светлой красавицы». Из этой темы рождается тема «дела», тема мастерских и тема рахметовского «нужно», выра-

стает символ «перемены декорации». И уже с новой силой тема «Светлой красавицы» вступает в конце произведения, в четвертом сне Веры Павловны. «Озаренная сиянием... она прекраснее Афродиты Луврской, прекраснее всех доселе известных красавиц...» (XI, 275). И, венчая произведение, мощно и величественно звучит гимн прекрасному будущему — тема свершившейся мечты: дворец свободного труда, где «счастливые красавцы и красавицы ведут вольную жизнь труда и наслаждения». «Жизнь, каковая должна она быть по нашим понятиям» (XI, 283).

* * *

Понятие революции и понятие прекрасного неразрывны для Чернышевского. Ибо именно с революционным переустройством общества связывает он осуществление своего эстетического идеала. Поэтому и говорит он о будущем, будущем, преображенном революцией: «оно светло и прекрасно». От революции — весь свет и вся красота в жизни.

Будущее, борьба за него — источник счастья и радости людей. «Настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего», — говорит Чернышевский (XI, 284). Понятие о революции, мысль о преображенном ею будущем неотделима для Чернышевского от мысли о счастье людей, от понятия радости жизни. Ибо именно в служении делу революции раскрываются и воспитываются лучшие, действительно прекрасные стороны человеческого характера. «...И теперь хорошо, потому что готовится это хорошее», — говорит во втором сне «невеста своих женихов, сестра своих сестер» Вере Павловне. «По крайней мере, тем и теперь очень хорошо, кто готовит его, — это светлое будущее» (XI, 125).

Романтика произведения Чернышевского — это романтика мечты о светлом будущем народа, о счастье народа, и, вместе с тем, это романтика борьбы за светлое будущее, как за прекрасное в жизни.

* * *

Но мечта мечте — рознь. И, говоря о великой побудительной силе такой мечты, которая делает человека непримиримым к тому, что мешает осуществлению мечты, В. И. Ленин неоднократно указывал и на возможность

реакционной мечтательности, уводящей от действительности, от борьбы. Такую «пустую» мечтательность, беспочвенное фантазерство В. И. Ленин постоянно связывает с реакционной идеологией¹. Обращаясь к событиям 60-х годов и развивая указанную мысль на конкретном материале политической борьбы того периода, В. И. Ленин пишет, что если «сила крепостников» в 60-е годы «была надломлена», то «либералы, напротив, подняли голову. Полились, — продолжает В. И. Ленин, — либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д. и т. д...»².

Либералы 60-х гг., политические прислужники крепостников все силы напрягали для поддержания в народе мечты о добром «царе-батюшке», замазывающей непримиримые противоречия между помещиком и крестьянином³. «Либеральная утопия, — писал В. И. Ленин, — отучает крестьянские массы бороться... Либеральная утопия — прикрытие своекорыстного желания новых эксплуататоров поделить привилегии с старыми эксплуататорами»⁴. Это — «утопия своекорыстного денежного мешка»⁵.



Чернышевский знал цену либеральной демагогии, понимал реакционную сущность этой прекраснодушной маниловщины. Революционной романтике своей социальной мечты он противопоставляет «праздное мечтание», «фантастическую мечту» либерального болтуна. Черны-

¹ В. И. Ленин, «Экономическое содержание народничества» (Соч., т. 1, стр. 373, 379 и др.); «К характеристике экономического романтизма» (Соч., т. 2, стр. 217, 223) и др.; «Две утопии» (Соч., т. 18, стр. 327 и др.).

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 266.

³ Так, например, всеми силами выгораживает «батюшку-царя» М. П. Погодин: «Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недостижимую, он не имеет средств ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может...» Погодин прибегает здесь к истасканному приему лицемерно-либеральной критики, о котором говорил Маркс, разбирая роман Э. Сю: «Ах, если бы король это знал!» (см. Соч., т. III, стр. 77).

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 329.

⁵ Там же, стр. 327.

щевский постоянно указывает на коренное «различие между фантастическими мечтами и истинными стремлениями человеческой природы, между потребностями, удовлетворения которых действительно требуют ум и сердце человека, и воздушными замками, в которых человек не захотел бы жить, если бы они существовали, потому что в них нашел бы он только пустоту, холод и голод» (II, 98).

Гости Веры Павловны ведут серьезные, «теоретические» разговоры «о великой важности различия реальных желаний, которые ищут и находят себе удовлетворение от фантастических, которым не находится, да которым и не нужно найти себе удовлетворения, как фальшивой жажде во время горячки, которым, как ей, одно удовлетворение: излечение организма, болезненным состоянием которого они порождаются через искажение реальных желаний...» (XI, 118—119).

Тема разоблачения либерального мечтания, прекраснодушной маниловщины туеядца проходит через весь роман. Автор подчеркивает, что строй жизни его героев органически враждебен идеалу «красноречивых партизан разных прекрасных идей» (XI, 69), как именует он либеральных болтунов. Но эти «идеалы» враждебны не только «новым людям», — верный, трезвый взгляд на жизнь свойственен всей массе «простолюдинов». «Лопухов, — замечает Чернышевский, — видел вещи в тех самых чертах, в каких представляются они всей массе рода человеческого, кроме партизанов прекрасных идей...» (там же).

Романтика революционера органически враждебна «романтике» либерала. Не случайно «проницательный читатель», либеральное ханжество которого так блестяще высмеяно Чернышевским, считает людей типа Лопухова и Кирсанова «сухими, без эстетической жилки» (XI, 74). Образ «проницательного читателя» — либерала, ханжи — противопоставляется Чернышевским жизнеутверждающей романтике «новых людей». Для него, «проницательного читателя», по сути дела, и нет романтики, он ее не видит, не знает. Это он, «с азартом, но не без солидности» говорит о Вере Павловне: «Синий чулок! Даже до крайности синий чулок!.. Терпеть не могу синего чулка! Глуп и скучен синий чулок!» (XI, 263). «Морали» его «поэтических и пластических мечтаний» Чернышевский проти-

вопоставляет «грубый материализм прозаических интересов» своих героев (XI, 94). Тема разоблачения «фальшивых мечтаний», «морали» «проницательного читателя» — одна из основных тем произведения. Это и понятно: романтика «новых людей», романтика «Что делать?» включает в себя разоблачение либеральной мечтательности, ханжеской маниловщины «проницательного читателя», «гнилых и праздных», по выражению Добролюбова, слов «прекраснодушных партизан разных прекрасных идей».

4. Мечта и утопия

«Дело есть истина мысли». Эти слова Чернышевского имеют самое прямое отношение и к интересующему нас здесь вопросу о романтике революционной мечты, которой проникнуто произведение писателя-борца.

Чернышевский буквально с детства воспитал в себе острое недоверие к разного рода «красивым словам», «не ищущим и не могущим найти себе удовлетворения» на практике. В дальнейшем это чувство недоверия к «прекраснодушному мечтанию» под влиянием событий окружающей жизни окрепло и осозналось им, как отношение к политически враждебному «настроению», выражающему общественную, мы бы сказали теперь, классовую шаткость, половинчатость того самого русского либерализма, разоблачению которого Чернышевский посвятил значительную часть своей творческой деятельности, в котором он видел главного врага победоносного крестьянского восстания. И если «праздное» мечтание либерала — это мечтание «безжизненное», не желающее и не могущее найти своего свершения в действительности, то герои Чернышевского — люди, уверенные в своей мечте, в ее осуществлении.

Весь роман проникнут мотивом мужественной убежденности в торжестве правды и красоты, в торжестве свободы. Финал произведения — «перемена декорации», художественное прозрение в будущее, лирическое утверждение осуществленной мечты — создает определенную композиционную завершенность произведения, заключая развитие его действия, развитие характера каждого его героя. Образ грядущего, образ светлого дворца свободы и труда еще раз усиливает этот мотив неодолимости

нового в жизни, мотив исторического оптимизма в произведении Чернышевского. *Романтика этого произведения — романтика убежденности в торжестве мечты, романтика предчувствия, предвиденья победы.*

Герои Чернышевского «...смотрят на будущее если не без забот, то с твердостью и совершенно основательной уверенностью, что чем дальше, тем лучше будет» (XI, 327). Этот мотив свершения надежды создает особый мажорный тон произведения, особую приподнятость характеров его героев. Этот мотив звучит уже в самом начале романа в песенке Веры Павловны: «... это дело пойдет, оно скоро придет, все дождемся его...» (XI, 7). Мысль о всепобеждающей силе социально лучшего в жизни высказывает и Лопухов в одном из первых своих разговоров с Верочкой: «этому так надо быть... это непременно так будет, этого не может не быть...» (XI, 53).

«...Раньше или позже, — говорит Лопухов Верочке, — мы сумеем... устроить жизнь так, что не будет бедных...» И это потому, что она — «Светлая красавица» — «сильнее всех на свете» (XI, 53). В «теоретическом разговоре», который ведут Лопухов и Кирсанов, Александр Матвеевич говорит, как о вещи, не подлежащей обсуждению: «Будет время, когда все потребности природы каждого человека будут удовлетворяться вполне, это мы с тобою знаем...» (XI, 182). Чернышевский-автор настойчиво подчеркивает ту мысль, что «годы идут, и с годами становится лучше» (X, 137). Он даже датирует время предполагаемого и, как казалось ему тогда, неизбежного уже революционного взрыва: «года через три-четыре» Рахметову обязательно «нужно» будет быть в России (XI, 209).

С новой силой мажорный мотив убежденности в торжестве мечты нарастает в конце романа — в сцене пикника. Эта сцена проникнута пафосом непосредственного предчувствия революционного взрыва. «Пора бы ему вернуться», — говорит кто-то о Рахметове. Особенно интересен здесь образ «дамы в трауре». Траур ее — выражение скорби по жертвам борьбы, по тем, кто не увидит солнца свободы над Родиной. Песня, которую она поет, грустна, в ней слышно горе невозвратимой утраты. Но эту мелодию сейчас же заслоняет и подавляет другая: мотив предчувствия радости: «Нет, не будет печален» конец!

Да разлетится горе в прах!

— и разлетится.

И в обновленные сердца

Да снидет радость без конца,

— так и будет, это видно:

...Свет, тепло и аромат

Быстро гонят тьму и хлад;

Запах тленья все слабей,

Запах розы все слышней...

И вот свершилось. «...Я ждала этого дня», — говорит «дама в трауре», «...только теперь она была уже не в трауре: яркое розовое платье, розовая шляпа, белая мантилья, в руке букет...» «Я еще только предчувствовала, — говорит она, — тогда была еще только надежда, но скоро явилась уверенность» (XI, 336).

В чем же основа этой великолепной убежденности в свершении мечты, в чем основа того исторического оптимизма, которым проникнут весь роман Чернышевского?

Вера Чернышевского в лучшее, прекрасное будущее России вырастает из самой общественно-исторической обстановки, сложившейся в стране в тот период. Небывалое дотоле по размаху участие крестьянства в освободительном движении позволило Чернышевскому осознать народ как субъект истории и труд народа как движущую силу общественного развития.

На этом понимании общественно-преобразующего характера труда, являющегося, по словам Чернышевского, «коренною формою движения, дающего основание и содержание всем другим формам» (XI, 120), и основана вера великого революционера-демократа в неодолимость поступательного развития истории. Специальная литература богато представляет нам высказывания Чернышевского по этому вопросу.

Таким образом, «романтическая мечта» Чернышевского-писателя о лучшем будущем имела весьма «основательную», как любят говорить его герои, почву в качестве *реального движения* самой жизни и в качестве *действительной* борьбы за торжество этой мечты.

* * *

Труд — основа подлинной морали. Чернышевский постоянно подчеркивает это в своем романе.

Жюли — «падшая женщина», содержанка богатого

офицера — говорит Верочке в своеобразном припадке откровенности: «Не тем я развращена, за что называют женщину погибшей, не тем, что было со мною, что я терпела, от чего страдала, не тем я развращена, что тело мое было предано поруганию, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, угождаю, делаю то, чего не хочу — вот это разврат!... Где праздность, там гнусность, где роскошь, там гнусность!» (XI, 33). Напомним великолепный дифирамб труду во втором сне Веры Павловны: «...Жизнь имеет главным своим элементом труд, а потому главный элемент реальности — труд, и самый верный признак реальности — деятельность...» «...Отсутствие движения есть отсутствие труда», — говорит Алексей Петрович (XI, 119). Тема всеобъемлющего труда звучит и в песенке Веры Павловны:

«Будем учиться — знание освободит нас;
Будем трудиться — труд обогатит нас;
Это дело пойдет...» (XI, 7).

Дело, в основе которого труд, непременно пойдет. Труд, «дело» является основным стержнем развития характера каждого положительного героя книги. Мастерские Веры Павловны — это не просто и не только проповедь определенных идей автора. В этом «деле» заключено все развитие образа передовой женщины. В труде, в работе видит Вера Павловна основу для духовной стойкости, силы человека. «Нужно иметь такое дело, — говорит она, — от которого нельзя отказаться, которого нельзя отложить, — тогда человек несравненно тверже» (XI, 255). Чернышевский показывает, как труд пересоздает человека, формирует его характер. Именно ведь труд, работа воскрешает заплеванную красоту, кристально-светлую душу «падшей женщины» Настеньки Крюковой. Одна мысль о «деле», нужном людям, воскрешает и Екатерину Васильевну Полозову, пробуждает к жизни все потенциальные силы этого исключительно интересного человека. Прежде всего, именно «деловитость» подчеркивает Чернышевский в каждом своем герое. Но это — особая «деловитость». Только тот действительно может быть назван человеком, — говорит Чернышевский, — «кто с дельною целью занимается каким-нибудь делом» (XI, 264). Делом, «от которого нельзя отказаться, которое нельзя отложить».

Так романтика мечты о светлом завтра органически входит в самую жизнь героев Чернышевского, в повседневную, *будничную* деятельность их, освещает каждый, казалось бы, самый «прозаический» их поступок.

Народ, труд народа движет жизнь. Поэтому только труд во имя жизни, *труд как революционное деяние* может быть истинно полезен и *целесообразен*. И поэтому «деловитость» героев Чернышевского это и есть проявление их активной, действенной революционной устремленности. Тема труда в романе непосредственно связывается с темой революции. «Светлая красавица» говорит, что «труд — заготовление свежести чувств и сил для нее» (XI, 283). Вера Павловна замечает как-то, что люди «рахметовского типа», т. е. революционеры, «сливаются с общим делом так, что оно для них необходимость, наполняющая их жизнь» (XI, 256). Не случайно, конечно, Чернышевский так озаглавил свой роман: «Что делать?» — ответ на этот вопрос, данный автором в произведении, был призывом к революции. Жизнь, «дело» имеют смысл в глазах Чернышевского лишь тогда, когда эта жизнь и это «дело» подчинены осуществлению высокого идеала, поставленного самой историей, — служению счастью народа, торжеству его лучших стремлений и надежд. Вот почему романтика социальной мечты Чернышевского могла *реалистически* воплощаться в художественных образах его произведений.

* * *

Ранее мы уже говорили об определенной двойственности романтики Чернышевского-писателя. К этому теперь следует прибавить, что подобная «двойственность» обуславливается не только возможностью «авторской романтизации» тех явлений реальной действительности, которые «не могут быть» романтизированы «во всей своей истине», но и тем, что понятие романтики тесно связано с понятием мечты художника о лучшем будущем, связано, иными словами, с социальным идеалом автора.

В связи с этим следует сказать, что сама социальная мечта Чернышевского с точки зрения своего конкретно-исторического содержания не представляется, если можно так сказать, чем-то вполне цельным. Ей свойственна, с одной стороны, революционная жизненность, с другой — определенная утопическая абстрактность. С одной сторо-

ны—она «стремится» слиться с живым стихийным движением, реализоваться в практической политической борьбе за революционное переустройство общества, с другой стороны, она не может, в силу обстоятельств того времени, действительно слиться с этим движением и действительно реализоваться в победоносной революционной борьбе.

В этой связи уместно вспомнить то, что говорил В. И. Ленин о характере самого исторического оптимизма революционеров-«шестидесятников».

В работе «От какого наследства мы отказываемся?», указывая, что именно «ученики», т. е. социал-демократы, марксисты явились продолжателями дела революционеров-демократов на новом этапе освободительного движения в России, отмечая, что марксисты «не только могут, но и должны принять наследство просветителей», В. И. Ленин говорит об общем и для марксиста, и для просветителя, революционера-демократа стремлении «поддержать, ускорить, облегчить развитие» общества «по данному пути», «устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его». Однако коренное отличие марксиста от просветителя, по словам В. И. Ленина, заключается в том, что если «просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий», то «ученик», т. е. марксист, «...верит в данное общественное развитие, ибо он видит залогом лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий»¹.

Исторический оптимизм революционеров-«шестидесятников» был основан на вере в народ как субъект истории. В этой связи следует вспомнить, что, сравнивая революционеров-демократов с революционерами дворянского периода, В. И. Ленин подчеркивал именно то, что «шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»². Однако и определенная просветительская ограниченность революционеров-«шестидесятников», непонимание ими закономерностей развития общества имела свои корни в слабости освободительного движения той поры, в отсутствии революционного творчества самого народа. Они были еще только «штурманами будущей бури», как называл их Герцен. «Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 492.

² Там же, т. 18, стр. 15.

класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян»¹.

Утверждение в эстетике Н. Г. Чернышевского нового, исторически-прогрессивного как прекрасного в жизни и воплощение в его художественном творчестве борьбы за это новое прекрасное в романтике реалистических образов основывалось на историческом оптимизме революционера-«шестидесятника». Однако революционность этого утверждения ограничивалась тем, что сам исторический оптимизм Чернышевского имел абстрактный характер, основываясь на непонимании противоречий, свойственных данному обществу и движущих его, основываясь в конечном счете на слабости освободительного движения той поры, на отсутствии революционного движения «самых масс»...

Непонимание противоречий, свойственных обществу и движущих его, ограничило и понимание Чернышевским народа как творца истории антропологическим утверждением труда как «естественной потребности человеческой природы». Антропологическое объяснение природы труда неизбежно оборачивается у Чернышевского идеализмом в области истории развития общества, «сведением» этой истории к развитию некоей метафизически абстрагированной «человеческой природы»². И этот антропологизм был, конечно, выражением определенной исторической ограниченности революционности того самого класса, идеологом которого Чернышевский являлся.

При всем этом не следует забывать и того, что общая конкретно политическая направленность мировоззрения Чернышевского подводит его в ряде случаев к пониманию классового антагонизма как движущей силы общественного развития. Противопоставляя прогресс «человеческой природы» «нечеловеческим условиям» жизни человека, Чернышевский *подходит* к революционному по смыслу своему утверждению непримиримости и, вместе с тем, исторической ограниченности рамками эксплуататорского

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15.

² «Мы положительно знаем, — утверждает, например, Чернышевский, — что... с улучшением организации головного мозга улучшаются умственные силы человека, что нравственный и материальный прогресс — результат улучшения умственных и нравственных сил» (Н. Г. Чернышевский, Избр. философские сочинения, стр. 277).

общества конфликта между трудом человека и «организацией общества», т. е. между трудящейся и нетрудящейся частью его¹.

И все-таки, несмотря на известную материалистическую тенденцию в понимании истории, выразившуюся, в частности, и во множестве «гениальных догадок» о классовой природе общества как движущей силе его развития, Чернышевский не смог подняться до научного понимания закономерностей исторического развития, не смог поэтому до конца понять роли народных масс в историческом творчестве новых форм жизни. Чернышевский *остановился* перед историческим материализмом.

Только открытие Марксом и Энгельсом изменения и развития способов производства в качестве определяющей силы общественного развития до конца выявило роль народных масс в жизни общества. Только марксизм показал, что трудящиеся массы, являясь *основной силой производства*, определяют в конечном счете весь ход развития общества, объективность его реального движения. И если Чернышевский объясняет природу труда в *основном* антропологически, т. е. не с точки зрения социально-исторической, а лишь с точки зрения естественно-биологической, то марксизм вскрывает именно *общественную, человеческую* «душу» его. Только марксизм смог показать, как труд, разрывая непосредственную связь существа с природой и создавая, таким образом, искусственную среду «очеловеченной» природы, создает тем самым человека, выделяя его из этой природы и количественно — как «часть природного целого», и качественно — как «совокупность общественных отношений...»

Таким образом, если теперь, подводя некоторый итог сказанному, вернуться к интересующему нас вопросу, то можно отметить следующее.

Если убежденность Чернышевского в неодолимости

¹ В главе «О неприятности труда» в замечаниях к трем первым главам первой книги Дж. Ст. Милля Чернышевский указывает, что «неприятные ощущения, производимые трудом в трудящемся человеке, проистекают не из сущности самой деятельности, а из случайных, внешних обстоятельств, обыкновенно сопровождающих ту деятельность при нынешнем состоянии общества» (IX, 75).

«Обстановка труда, — пишет Чернышевский там же, — до сих пор везде чрезвычайно неблагоприятна...» (IX, 79).

социально лучшего в жизни основана прежде всего на понимании непреоборимой силы народного труда, движущего историю, и труда во имя народа, «облегчающего» развитие общества «по данному пути», то вместе с тем сила и слабость крестьянского движения в России того периода определили в конечном счете и революционную жизненность, и утопическую абстрактность социальной мечты Чернышевского.

Подобная двойственность социального содержания мечты Чернышевского о лучшем будущем, двойственность его социального идеала сказалась и в его художественном творчестве.

Дело в том, что утопически-абстрактный просветительский идеал Чернышевского не мог быть, так сказать, «реализован» в самой художественной «ткани» реалистических образов его произведений и, в частности, в «Что делать?», ибо основывался он не на понимании действительных противоречий, движущих общество, а на непонимании этих противоречий, потому что идеал этот был оторван от действительности, был *утопичен*. Любая попытка художественной «реализации» *этого* идеала могла означать на деле лишь отступление от реализма в передаче действительной романтики революционной борьбы.

В этой связи следует, как нам кажется, отметить и *двойственный характер аллегоричности* ряда образов указанного произведения Чернышевского.

Мы уже говорили выше о том, что пафос романтики революционной борьбы, пафос стремления к лучшему, прекрасному будущему создает определенную образно-композиционную целостность, завершенность, законченность романа. К этому теперь следует добавить также то, что далеко не всегда в произведении романтика мечты о лучшем будущем сливаются с действительной романтикой революционной борьбы. Подчас эти две стороны в творческом методе Чернышевского вступают в противоречие, нарушая художественное целое этого произведения.

В рассмотрении проблем социалистического переустройства общества Чернышевский, как известно, и как на это уже указывалось в нашей литературе¹, в отличие от

¹ В. Н. Замятин, Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского, М. 1951, стр. 416—417.

многих представителей западно-европейского утопического социализма, весьма неохотно обращается к подробному описанию всякого рода совершенств, которые «должны будут» быть в этом отдаленном для того времени будущем. В еще более общем виде формулирует обычно Чернышевский свои представления о коммунистическом обществе¹. Во всем этом, очевидно, сказалась, в частности, и определенная тенденция к преодолению утопической «всеобщности» в просветительских воззрениях великого революционера-демократа.

Единственной в своем роде попыткой конкретного прогноза относительно прекрасного будущего человечества является известная сцена из четвертого сна Веры Павловны. И, как нам кажется, именно в этом случае аллегорическая форма «сна» во многом не оправдывается необходимостью показа действительной борьбы за счастье народа. Можно сказать, что в этом смысле безусловная уверенность в наступлении светлого завтра, борьбой за которое наполнен сегодняшний день, уступает здесь место «грезам» о прекрасном будущем, лишь условно символически объединенным с образом героини романа. Вместе с тем и реалистическое отрицание действительности в произведении уступает место, так сказать, условной поэзии социальной утопии автора. Но наряду со всем этим и «четвертый сон Веры Павловны» все-таки не является чем-то лишь «привнесенным», «навязанным» автором. Аллегория четвертого сна все-таки связана с образной системой романа. Правда, связана не в непосредственно-художественной, конкретно-образной форме, а через еще одну аллегория. Но все-таки связана. Небольшая сценка, завершающая произведение — «перемена декораций» — как бы «низводит» условную поэзию возвышенных «грез» Веры Павловны до конкретных задач *практической* революционной борьбы, намечая тем самым возможность

¹ Так, например, в «Очерках из политической экономии» по Миллю (подстрочные примечания к переводу Милля) Чернышевский пишет, что «Коммунизм... берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма» (IX, 831).

установления хоть какой-то *реальной* связи между условной романтикой Хрустального дворца и действительной героикой революционной борьбы за «землю и волю» народа ¹.

Но и в этом случае мы должны будем говорить об определенном отступлении Чернышевского от реализма в аллегорическом изображении победы революции, торжества своей мечты.

И дело здесь не только и не столько, конечно, в том, что не оправдалась конкретная датировка революционного восстания, столь прозрачно намеченная автором в романе. Дело прежде всего, по нашему мнению, в том, что эта дата, эти сроки победы революции, революции народной, *не могли* тогда оправдаться.

В этом случае художественное обобщение Чернышевского: «так будет» — расходилось с действительным ходом жизни: так не могло тогда быть.

Таким образом, мы можем теперь сказать, что сам характер романтики Чернышевского-писателя во всех сложностях ее противоречий порождался в конечном счете той реальной действительностью классовой борьбы, которую мы наблюдаем в период первой революционной ситуации в России.

В этом отношении романтику Чернышевского хотелось бы сопоставить с романтикой Горького. Однако не для того, чтобы «доказывать» какую-то якобы «прямую здесь преемственность», а для того лишь, чтобы нагляднее оттенить некоторые характерные черты рассматриваемого явления.

Думается, что если романтика Чернышевского-художника была реальна не в силу объективной закономерности того известного утопически-просветительского содержания его социального идеала, которое не могло найти своего воплощения в действительности и поэтому не могло быть реалистически отображено в искусстве, а в силу исторической закономерности революционно-

¹ Небезынтересно, может быть, вспомнить в этой связи Ш. Фурье, писавшего, что «немедленный переход к универсальной гармонии избавит от двух десятков революций, которые залили бы кровью земной шар в предстоящие двадцать веков, пока не была бы открыта теория судеб» (Ш. Фурье, Теория четырех движений и всеобщих судеб. Соцэкгиз, М. 1938).

демократического движения того периода, движения, отражавшего нарастание революционной активности самих масс, самого народа, то реалистичность романтики Горького определяется уже иными моментами, иными историческими закономерностями в конечном счете.

Тот «демократический и социалистический идеал», о необходимости самой широкой пропаганды которого писал В. И. Ленин¹ и за осуществление которого и боролся Горький своим творчеством, этот идеал в дооктябрьский период еще не имел и не мог, понятно, иметь своего воплощения в жизни. Он был идеален как лозунг, как призыв. Но он, в отличие от утопического идеала просветителя-шестидесятника, не был отвлеченной абстракцией, он был реален, т. к. воплощал в себе объективную закономерность исторического развития так же, как реальна была борьба классов, из которой он выросал.

Таким образом, романтика Горького, ставя искусство «впереди и выше буден», ни в какой мере не уводила, не отрывала этого искусства от действительности, а еще более сближала его с ней. Тенденциозное преувеличение факта жизни, выражающееся, в частности, в романтической приподнятости образа, лишь углубляло реализм этого образа, ибо сама эта тенденция была тенденцией истории.

В этом смысле реалистические образы Нила и Ниловны необходимо романтизируются, «включают» в себя романтику, ибо эта романтика, выражая эмоциональную оценку характера автором, в то же время наиболее сильно выражает и типичность этих образов. Объективное, правдивое отображение революционной борьбы пролетариата с необходимостью диктовало обязательность показа перспектив этой борьбы, общественного идеала человека-борца. Ибо именно в стремлении к этому идеалу, в этих перспективах выражался социалистический характер освободительного движения в России того периода. Без показа этих перспектив и этого идеала революционная борьба пролетариата могла быть отражена лишь узко ограничено, искаженно — как бунт, как вспышка стихийного протеста, а сам характер, тип пролетария-социалиста искаженно рисовался бы как образ «героя на час», как образ протестанта-анархиста или «борца за

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 93.

копейку». Иными словами: без отображения этих перспектив и этого идеала искажался бы самый *классовый* характер борьбы.

И если в прошлом, в предшествующие периоды освободительного движения, бунтарь-протестант закономерно отражался в искусстве как основная, типичная фигура протестующей личности (Пугачев у Пушкина, Тарас Бульба у Гоголя, романтический образ — символ протестующей личности в лермонтовском «Демоне», Рудин и Инсаров у Тургенева, Катерина у Островского — эти образы, при всем их многообразии, объединены именно этой общей чертой трагического противоречия «между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления...»¹, то уже в творчестве революционеров-демократов делается попытка художественного воплощения перспектив и идеалов той революционной борьбы, которая формировала характеры героев Чернышевского.

Это стремление к соединению, соединению в ту пору невозможному, теории и практики, идеи и жизни, мечты и действительности было одновременно стремлением к созданию образа цельного человека-революционера, «человека из народа», носителя передовой культуры.

«Сны» Веры Павловны и известная раздвоенность в образе Рахметова (Ригорист и Никитушка Ломов) — доказательство как наличия этого стремления, так и безуспешности его в ту пору.

И здесь мы вновь можем отметить тот факт, что субъективные стремления автора, его идейные возможности лишь потенциал, художественная «реализация» которого обусловлена уже объективными причинами. Потому и сравнение Чернышевского с любыми другими крупными русскими художниками XIX в. не даст нам никаких оснований для противопоставления его им как более высокой ступени в искусстве.

... Только соединение научного социализма с живым рабочим движением, только ленинская партия нового типа вырвала основу у разрыва теории и практики, идеала и жизни, мечты и действительности.

Характерно, что именно в период назревания и открытого проявления революционной энергии пролета-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 261.

риата, в период 1902 — 1905 годов, создает Горький образы Нила, Сенцова, Павла Власова, Ниловны — образы цельных людей, органически соединяющих в себе черты народного героя, «человека из народа», и черты передового человека своей эпохи. Отсюда и та жизненность, тот реализм мечты героев, который мог теперь воплотить Горький в романтике этих образов. Не случайно, конечно, что если в ранний период своего творчества Горький создает параллельно как реалистические, так и чисто романтические произведения, продолжая тем самым известную традицию классиков русского реализма XIX века, то с этого времени революционная романтика становится неотъемлемой и характернейшей особенностью его реалистического метода, получившего впоследствии название «метода социалистического реализма».

... При всем этом нельзя, конечно, понимать дело таким образом, что поскольку романтика Чернышевского художника связана с его социальным идеалом, с его утопическим социализмом, постольку-де эта романтика заранее, так сказать, априорно должна третироваться как сплошная «риторика», «не имеющая права» воплотиться в реалистических образах его произведений. Дело, очевидно, обстоит здесь несколько сложнее.

Сложнее, во-первых, потому, что, обращаясь к художественным произведениям Чернышевского, мы должны прежде всего видеть в них отражение действительной жизни, действительной борьбы, действительной романтики этой борьбы, которая существовала, и существовала вне всякой зависимости от социального идеала данного писателя.

Сложнее, во-вторых, потому, что в самом общественном, социальном идеале Чернышевского мы можем видеть и известное рациональное начало, являющееся определенным обобщением опыта реальной классовой борьбы того времени и предшествующих периодов освободительного движения и выражающих определенную меру приближения к той единственно до конца революционной теории, «выстрадыванием» которой, как известно, характеризуется деятельность передовой части русского общества в домарксистский период развития освободительного движения в нашей стране.

5. «Натура человека»

Очевидно, что действительная романтика реальной жизни, в частности романтика революционной борьбы 60-х годов, может быть рассмотрена и с точки зрения эстетической, с точки зрения ее отражения в искусстве, и с точки зрения этической, скажем, с точки зрения выражения ее в моральных требованиях данного писателя как идеолога данного класса.

Поскольку в свою очередь романтика Чернышевского-писателя, как мы это стремились показать, должна рассматриваться в единстве противоречий авторской оценки, художественного *восприятия* им явлений реальной действительности и реального отражения этих явлений — действительной романтики практической борьбы в художественных образах его произведений, постольку наступает необходимость рассмотрения и хотя бы некоторых сторон его этического учения, его взглядов на то, каким, с точки зрения своих моральных качеств, является человек в данном обществе, каким он может быть в нем, каким он должен быть и каким он будет. Мы обязаны остановиться на этих вопросах в той мере, в какой они связаны с художественным творчеством автора теории «разумного эгоизма».

В нашей литературе о Чернышевском уже многократно указывалось на теснейшую связь эстетики Чернышевского с его этической теорией и вместе с тем на связь этой последней с художественным творчеством великого революционера-демократа. Все эти связи и взаимопроникновения, обусловленные общей политической направленностью деятельности Чернышевского, бесспорны и ныне уже не требуют какого-то особого доказательства. Однако нельзя представлять дело односторонне, таким образом, что художественное творчество Чернышевского оказывается лишь каким-то «самовыражением» его мировоззрения, выражением его политических, эстетических и этических, скажем, взглядов, опуская при этом другую сторону той же проблемы — вопрос об объективно-познавательном содержании его художественных произведений. Следует, видимо, попытаться подойти к творчеству этого писателя с точки зрения рассмотрения связи его этического учения и художественного творчества в единстве тех противоречий, в которых очень сложно переплелись взгляды

ды социалиста-утописта и опыт практической борьбы вождя «революционной партии», отражение действительных характеров реальной жизни и осмысление этих характеров с точки зрения этической теории автора, «правда жизни» и «правда мечты». В этих противоречиях и этих связях раскрывается, в конечном счете, мера реалистичности искусства Чернышевского-художника.

В. И. Ленин указывал, что термин Фейербаха и Чернышевского «антропологический принцип» в философии узок, т. к. антропологический принцип и натурализм — лишь «неточные, слабые описания материализма»¹. Это действительно так, и этот порок действительно является общим и для философии Фейербаха, и для философии Чернышевского.

Но было бы ошибкой, «основываясь» на этом ленинском положении, делать «вывод» о *тождественности* антропологического принципа Фейербаха и антропологического принципа Чернышевского.

Философия Фейербаха занимает важное место в истории мировой материалистической мысли. Творчество этого крупнейшего материалиста домарковского периода оказало, как известно, значительное влияние на основоположников научного социализма в период формирования их философских взглядов. Фейербах, — писал Энгельс, — «... в известном отношении является посредствующим звеном между философией Гегеля и нашей теорией...»².

Русские революционные демократы исключительно высоко оценивали роль этого выдающегося немецкого философа в формировании и развитии русской материалистической мысли. Н. Г. Чернышевский любил называть себя учеником Фейербаха и, конечно, не «из цензурных соображений».

Здесь необходимо одно небольшое отступление.

Учение Маркса, — писал В. И. Ленин, — «...возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономики и социализма... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немец-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 58.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. пр. в двух томах, М. 1949, т. II, стр. 339.

кой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹.

Говоря о немецкой классической философии XIX в. как об одном из источников «и вместе с тем» одной из составных частей марксизма, В. И. Ленин указывает здесь на систему Гегеля, «которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха»². Приведенные положения определяют место фейербаховской философии в развитии мировой философской мысли. Приведенные положения интересны еще и тем, что выявляют одну весьма существенную, на наш взгляд, черту ленинской концепции истории философии. Полностью разделяя известное энгельсовское положение относительно того, что основным вопросом всякой философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе и в свете решения этого вопроса рассматривая всю историю философской мысли, В. И. Ленин, как видим, вместе с тем отнюдь не склонен абсолютизировать и метафизировать противоположение материализма идеализму. Его подход к той или иной философской системе не исчерпывается лишь указанием на ее материалистический или идеалистический характер, подход его конкретен. Нельзя, видимо, считать, что поскольку тот или иной философ—материалист, он «безусловно приемлем», поскольку же он идеалист, то «мы его отвергаем». С этой точки зрения очень интересны взгляды Маркса и Энгельса на Гегеля, коего они отнюдь не склонны были лишь третировать как «цепного пса прусской монархии», и на Фейербаха, отношение к которому они отнюдь не ограничивали лишь признанием его выдающихся заслуг.

Здесь прежде всего, видимо, надо учесть то, что как представитель наиболее трусливой части немецкого бюргерства³, Л. Фейербах был заинтересован в сохранении существующей действительности. Как указывал Маркс, задача всех предшествовавших ему философских систем заключалась в объяснении мира, а не в *изменении* его. Совершенно очевидно, что в этом смысле знаменитый 11-й тезис о Фейербахе имеет самое непосредственное отношение и к философии последнего. «Превосходная

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3—4.

² Там же, стр. 4.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Немецкая идеология, отд. изд., 1934, стр. 569.

апология существующего»¹ — так характеризовал Энгельс смысл фейербаховской теории. Сам Фейербах, как известно, несколько стеснявшийся называть себя материалистом, выявляет эту черту своей философии весьма непосредственно: «Будущее, — пишет он, — никогда не надо делать непосредственным предметом своих дум и забот. Разумное наслаждение настоящим — это единственная разумная забота о будущем»². Нельзя забывать, что и антропологизм Фейербаха насквозь проникнут идеей *незыблемости существующего*.

За фейербаховским «естественным человеком» не всегда трудно разглядеть филистера, услышать его интонации: «Люби, но воистину! И все остальные добродетели сами собой придут к тебе...»³. «Любовь одна — критерий бытия, критерий истинности и действительности, как объективно, так и субъективно»⁴.

«Существует, — заключал Фейербах, — только одно зло — это эгоизм; и одно добро — это любовь»⁵. И это в обществе, где залогом преуспевания одного являются горе и гибель другого! В обществе, члены которого связаны ненавистью, а не любовью! В обществе, где миллионы эксплуатируемых находят силы и решимость для борьбы за человеческое существование в ненависти к своим поработителям! Таким образом, как говорит Энгельс, из философии Фейербаха «улетучиваются последние остатки ее революционного характера и остается лишь старая песенка: любите друг друга, лобызайтесь все, без различия пола и звания, — всеобщее примирительное опьянение»⁶.

... Не в любви, не во «всеобщем примирительном опьянении» видел «критерий истинности и действительности» Чернышевский. Этот критерий он, как известно, находил в практике классовой борьбы, в рахметовском «нужно». В понятие «естественные потребности человека», «естественная человеческая натура» и т. п. Черны-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, отд. изд., приложение, стр. 596.

² Л. Фейербах, *Основы философии будущего*, 1937, стр. 120.

³ Л. Фейербах, *Фрагменты*, 1936, стр. 149.

⁴ Л. Фейербах, *Основы философии будущего*, 1937, стр. 35.

⁵ Л. Фейербах, *Фрагменты*, стр. 149.

⁶ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Избр. произведения в двух томах, т. II, стр. 364.

шевский вкладывает совершенно иное, нежели Фейербах, содержание.

«Естественный человек» Чернышевского — это прежде всего «простолюдин». Объективно это так. И «естественной потребностью» человека, делающей его подлинным человеком, является «потребность труда», потребность, не находившая себе «надлежащего» удовлетворения в современном обществе, которое поэтому и «должно» было быть сметено прочь исторической необходимостью удовлетворения этой «потребности».

Важно подчеркнуть то, что, если Фейербах, по словам Энгельса, «...во всех отношениях между людьми... видел только одну сторону — мораль»¹, то у Чернышевского мораль становится *революционной моралью*, моралью революционного дела. В этом серьезное отличие теории «разумного эгоизма» великого революционера-демократа от той этической системы, которую Энгельс едко назвал «старой песенкой».

Первейшей «потребностью истинно человеческой натуры», первейшей «потребностью» «разумного эгоиста» Чернышевский считал борьбу за раскрепощение труда, за то, чтобы труд «простолюдина» из проклятья превратился в наслаждение. Поэтому-то, поскольку речь идет о теории разумного эгоизма *Чернышевского*, постольку, прежде всего, вспоминаем мы образ революционера Рахметова.

Вместе с тем следует оговориться, что приведенные выше весьма беглые по необходимости замечания ни в малой мере не могут претендовать на сколько-нибудь законченное сопоставление философских систем Фейербаха и Чернышевского. Вопрос этот представляется ныне столь запутанным и захлавленным всякого рода конъюнктурными напластованиями, что почти не поддается краткому и вместе с тем удовлетворительному изложению.

При этом следует отметить, что поскольку мы беремся рассматривать философию не только как форму пропаганды определенных политических взглядов и стремлений, не только как оружие классовой борьбы, находящей свое соответственное выражение в борьбе материализма и идеализма (иногда и внутри одной философской систе-

¹ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Избр. произведения в двух томах, т II, стр. 364.

мы), но, одновременно, вместе с тем и в связи с этим и как форму выработки положительных знаний человечества об окружающем его мире (известно, что последнюю задачу в домарксистской философии иногда брал на себя и идеализм), постольку мы обязаны отличать *объективное содержание*, реальное богатство той или иной философии и те *политические выводы*, которые делали или стремились сделать те или иные философы из своей теории. Вещи это, разумеется, очень тесно связанные, но все-таки различные. В противном же случае неизбежен риск свести всю гегелевскую, скажем, философию лишь к реакционным взглядам ее автора (что у нас весьма часто и делалось) и исчерпать историческое значение философии, скажем, Фейербаха, лишь его заинтересованностью в сохранении существующего порядка вещей, а самого великого материалиста превратить лишь в выразителя интересов наиболее трусливой части немецкого бюргерства тех времен.

Вместе с тем, если бы мы захотели теперь философию Чернышевского сопоставить с марксизмом, то следовало бы признать, что имя великого русского революционера-демократа стоит в одном ряду с именами таких предшественников диалектического и исторического материализма, как Гегель и Фейербах. Но тут нельзя, конечно, упускать из виду и то обстоятельство, что философия Фейербаха наряду с философией русских предшественников Чернышевского (в известном же смысле — наряду и с гегелевской философией) явилась для вождя революционеров-«шестидесятников» основой и предпосылкой новых теоретических достижений, обусловивших в свою очередь известное превосходство его позиций по сравнению с ранее достигнутыми результатами.

Принято указывать на очевидное превосходство этической теории Чернышевского над этикой французских просветителей. Действительно, при всей *исторической прогрессивности* выдвинутого ими (К. А. Гельвеций, П. А. Гольбах) этического принципа «разумного эгоизма», этот принцип был объективно буржуазным принципом «полезности», «интереса», этическим оформлением и выражением капиталистического способа эксплуатации.

И если откровенно хищническое содержание этого принципа раскрывается лишь позднее — у вульгарных материалистов 19 века в их принципе утилитаризма, то объективно «разумный эгоизм» французских просветителей и даже «первооткрывателей» его — Гоббса и Локка есть мораль хозяина, а не работника, а их «свобода личности» есть всего лишь «свобода частной собственности».

Из буржуазного характера этики просветителей вытекает и «принцип наслаждения» (Гельвеций, Ламетри), элементы умеренного снобизма и гурманство которого у последователей и эпигонов этих мыслителей скоро обращается в проповедь моральной распущенности.

Видимо, нельзя, никак не поясняя этого положения, говорить об «использовании» Чернышевским этики французских просветителей-материалистов в разработке им своей теории «разумного эгоизма», как это делается еще иногда некоторыми нашими исследователями. Однако приведенная выше общераспространенная ныне у нас квалификация классовая, политической сущности этического учения французских просветителей хотя и указывает на превосходство этики Чернышевского, в то же время не может считаться удовлетворительной и достаточной, так как не раскрывает всего объективного богатства той этической системы, с которой этика Чернышевского в данном случае сравнивается. Более того, уместность приведенной характеристики, по-видимому, и исчерпывается выяснением факта классово-исторического превосходства этики Чернышевского над любой допролетарской морально-этической концепцией.

Принцип разумного эгоизма Чернышевского, так сказать, «эгоизма масс» — это принцип товарищества, мораль людей, вдохновленных одной общей идеей. В основе этической теории Чернышевского лежит понятие труда. Именно «дело», труд формируют мораль героев Чернышевского. С другой стороны, те «противоестественные» условия общества, которые «извращают» характер труда, эти «условия» «извращают» тем самым и характер «натуры человека». В этом, как кажется нам, ключ к пониманию общественной обусловленности характера «натуры» в этической теории Чернышевского.

В «Антропологическом принципе в философии», имея в виду те «обстоятельства» жизни, при которых человек «принужден извлекать приятность себе из нанесения

неприятности другим», Чернышевский замечает, что «...Человеческой природы нельзя тут ни бранить за одно, ни хвалить за другое; все зависит от обстоятельств», отношений (учреждений). Если, — говорит Чернышевский, — «известные отношения имеют характер постоянства, в человеке, сформировавшемся под ними, оказывается сформировавшаяся привычка к сообразному с ними способу действия» (VII, 264).

В отдельных случаях Чернышевский поднимается даже до формулирования классовой обусловленности поведения человека. «Кроме той важности, — отмечает он, например, в одной из своих работ, — которую известное лицо имеет в глазах наших как отдельное лицо, оно — представитель того класса, к которому принадлежит в политическом или — как вам угодно назовем это — в социальном, в общественном отношении...» (XI, 672)¹. Та же мысль видна у Чернышевского и в известном утверждении зависимости философских систем от общественного положения и роли тех классов и «партий», к которым философы принадлежат и интересы которых они выражают. («Антропологический принцип в философии».) И если Чернышевский был все-таки далек от подлинно научного понимания «класса», то понимание определенной общественной обусловленности поведения человека в приведенных здесь примерах и в ряде других случаев — налицо. Мировоззрение революционера-демократа, вкладывавшего новое, революционное содержание в ветшавшие формы антропологического принципа, рвало узкие рамки этих старых форм.

Однако определенная антропологическая уость мировоззрения Чернышевского сказалась в его этической теории. Сказалась она как раз в том, что *общественно* обусловленную закономерность этики своих героев он воспринимает как правило, как проявление закономерности *биологической*, как проявление «истинных и естественных стремлений человеческой природы». Таким образом, Чернышевский, в ряде случаев преодолевая антропологическое представление о человеке лишь как о части «при-

¹ Мы не забываем того существенного обстоятельства, что Чернышевский не понимал, не мог еще понимать самую категорию «класса» в подлинно научном содержании этого термина.

родного целого», оказывается не в состоянии вполне и до конца осознать человека *прежде всего* с его социальной стороны как «совокупность общественных отношений» (Маркс). Отсюда, в частности, и заявление Рахмеева о том, что «натура и сказывается в таких вещах, которые делаются бессознательно» (XI, 220—221). Отсюда же и слова Лопухова о том, что «...в основной глубине нашей природы лежит консервативный элемент, от которого мы отступаем только по необходимости...» (XI, 229). Такое *отделение «натуры» от сознания* явно сквозит и в словах того же Лопухова об «извращенной» «натуре», которая «заглушена рассудком... и молчит, и не дает о себе голоса сознанию, а молча все-таки работает...» (XI, 95).

Именно это отделение и противопоставление «натуры» (как «части природного целого») сознанию (как результату воздействия «обстоятельств») и есть, как нам представляется, проявление антропологической узости в этической теории Чернышевского. Этот порок коренится в чисто антропологическом непонимании общественной природы человека как *качественно* отличной и в известной мере противостоящей органической и неорганической природе, частью которой человек продолжает оставаться¹. Эта диалектика ускользала от Чернышевского, поскольку он обращался к антропологическому принципу, враждебному по самой своей сути диалектике.

В своем философском трактате Чернышевский говорит, что «основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе» (VII, 240). Философия, продолжает Чернышевский, видит в человеке то, «что видит медицина, физиология, химия» (там же).

Выделение «натуры» из сознания человека приводит Чернышевского, хочет он того или нет, к определенному противопоставлению физиологического психологическому, природы — сознанию. И в этой части злободневная и действенная критика дуализма Чернышевским не достигает цели. Оружие «антропологического принципа», достаточно острое в опровержении идеологической поповщины,

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, 1949, стр. 184—185.

оказывается метафизически тупым в решении той задачи, которую в состоянии был решить лишь диалектический материализм, примененный к области истории.

Антропологическое «объяснение» человека неизбежно обедняет его, т. к. за физиологией «натуры» затемняется подлинно человеческое — общественное его лицо.

Имея в виду особенности Чернышевского-художника, мы не можем пройти мимо этого обстоятельства, поскольку в некоторых случаях все это имеет место и в его романе, накладывая характерный отпечаток на творческую манеру писателя и — как мы это в дальнейшем увидим — выражаясь в определенной мере и в той особенности его художественного метода, о которой мы выше уже говорили.

Так, прежде всего, следует отметить, что Чернышевский явно обедняет образ Рахметова, лишая его «личной» жизни, считая, видимо (вместе с Верой Павловной), что у такой «породы» людей «общее дело» заменяет личную жизнь (XI, 256). Никогда и ни у какой «породы» людей ничего подобного, конечно, не происходит, да и не может, понятно, происходить. Не было этого и у такого типичного представителя рахметовской «породы», каким был сам Чернышевский, который, как известно, ценил и любил свою семью¹.

Аскетизм Рахметова — прямое влияние антропологизма, следствие неумения Чернышевского увидеть поведение человека в его «личной» жизни как проявление общественно-определенного его поведения. Антропологизм в художественном творчестве Чернышевского приводит к определенному схематизму в обрисовке отдельных сторон, черт образа, обедняет тем самым его человеческое богатство. Есть, по нашему мнению, кое-что все-таки от схемы и в знаменитой сцене рахметовского спанья на гвоздях².

Отсюда же, конечно, и в высшей степени мало убедит-

¹ Характерно, что в «Прологе» такая, своего рода «ложная идеализация» в образе революционера-вождя совершенно отсутствует.

² В этой связи следует сказать, что указание Б. С. Рюрикова (Б. С. Рюриков, Н. Г. Чернышевский, М. 1953, стр. 90) на автобиографический характер данной сцены ни в малой мере не может утвердить ее реалистичности, ибо реализм, как известно, помимо верности в передаче деталей, даже автобиографических, предполагает и еще кое-что.

тельные, надуманные рассуждения Рахметова о семье: «естественно»-де для человека, для человеческой «натуры» обедать один раз в сутки. Но если есть такая «болезненная» охота пообедать два раза, то что ж! ничего «безнравственного» в этом, мол, нет. Как это не вяжется с великолепным гимном любви, спетом в романе героями Чернышевского, любви как проявления действительно лучших душевных качеств человека, полнокровного и целомудренного в своей жизненности чувства. Как это, наконец, не вяжется с теми словами, которые выписала из романа в свой дневник Зоя Космодемьянская: «Умри, но не дай поцелуя без любви...» (XI, 29). Очевидно, что антропологизм приводит Чернышевского к отступлению от художественной правды.

Не удивительно, что подобные недостатки свойственны прежде всего образу Рахметова. Создание этого образа было самой трудной задачей Чернышевского-художника. Задача исследователей творчества Чернышевского-писателя в этом смысле состоит, по всей видимости, не в амнистировании его недостатков и не в реабилитации и риторической «защите», а в конкретном анализе.

Однако антропологизм Чернышевского обедняет и некоторые другие образы романа.

Выделение «натуры» из области сознания создает возможность «объяснения» уровня общественной сознательности человека как степени совершенства «натуры». Слабость революционного движения в России 60-х годов, крайняя немногочисленность революционеров из числа передовой части интеллигенции — все эти обстоятельства закрепили указанную возможность в этической теории в виде утверждения абсолютного превосходства сознательного революционера как «необыкновенного человека», как «особой породы людей».

Призывая читателей романа подниматься до уровня «новых людей» — Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны, — Чернышевский говорит, что «на той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди» (XI, 228). Но, продолжает автор, люди *рахметовского* типа — это «высшие натуры, за которыми не угнаться мне и вам...» (там же); Вера Павловна в разговоре с Кирсановым называет себя «обыкновенным человеком». А вот «Рахметовы, — заявляет она, — это другая порода». (У них, как помним, общественное, «дело» «заменя-

ет личную жизнь».) «А нам, Саша, — продолжает Верочка, — недоступно это. Мы не орлы, как он. Нам необходима только личная жизнь». И дальше Вера Павловна — «новый человек» — говорит прямо-таки святотатственные, с рахметовской точки зрения, вещи: «Мастерские, — говорит она, — разве это моя личная жизнь? Это дело — не мое дело, чужое. Я занимаюсь им не для себя, а для других... Но разве человеку, — такому, как мы, — не орлу, — разве ему до других, когда ему самому очень тяжело? Нет, нужно личное дело...» (XI, 256). Это уже «грех против духа святого»! Но это грех и против художественной правды. Вся жизнь Веры Павловны опровергает эти слова. Слова эти враждебны смыслу романа, чужды его романтике борьбы за счастье людей, за счастье народа, за будущее, может быть, и не «лично твоё» будущее, но за прекрасное будущее всех.

Та же мысль о недосыгаемости «натуры» необыкновенного, «особенного» человека, вытекающая из антропологического разрыва личного и общественного, звучит и в словах Лопухова. Объясняя свое отношение к Вере Павловне и к Кирсанову, Дмитрий Сергеевич пишет, что в данном случае он «руководствовался расчетом, в котором общий закон человеческой природы действует чисто один, не заимствуя себе подкрепления из индивидуальных особенностей» (XI, 236). «И тут я узнал, — продолжает Лопухов, — какое высокое наслаждение — чувствовать себя поступающим как благородный человек, то есть так, как следует поступать вообще всякому человеку, не Ивану, не Петру, а всякому без различия имен: какое высокое наслаждение чувствовать себя просто человеком, — не Иваном, не Петром, а человеком, чисто только человеком. И это чувство слишком сильно, — заключает Лопухов, — обыкновенные натуры, какова моя, не могут выносить слишком частого возвышения до этого чувства» (XI, 236—237). Так, антропологическое в своей основе противопоставление личного общественному и вытекающее из этого противопоставления возвеличивание «особенного человека» приводит к искусственному снижению образа, к его художественному обеднению. Приводит объективно, в конечном счете, к нарушению самого же принципа «разумного эгоизма», который пропагандирует Чернышевский в своем романе.

Это антропологическое в своей основе противопостав-

ление личного общественному органически враждебно самому роману, смыслу и пафосу его, его романтике борьбы за счастье народа, утверждаемой автором как «истинная потребность подлинно человеческой природы». Ибо борьба за осуществление прекрасных целей, за освобождение и счастье народа есть борьба за «другого», но именно в этой борьбе и находят герои Чернышевского «свое», «личное» счастье.

Романтика практической, сегодняшней борьбы за прекрасное будущее, за светлое завтра неотделима от борьбы за счастье другого, если именно в этой борьбе находит человек счастье свое и если только в ней может он найти его.

6. «Личное счастье»

...Само это, столь привычное понятие — «личное счастье» вобрало, впитало в себя печальный опыт многовекового человеческого несчастья, страданий миллионов «простых» и великих людей-тружеников.

Согласно закону войны всех против всех старое общество стремилось разъединить, разобщить людей, изолировать их друг от друга в узких границах сословно-бюрократических рамок и иерархических каморок. «Сильные мира сего» давно уже увидели призрак своей гибели в единстве трудового люда, и потому апофеоз одиночества, поэзия индивидуализма были основными мотивами песен купленных ими «виргилиев» и «горациев». «Auch einig» — так назвал свое знаменитое в то время произведение «Виргилий Вильгельма I», известный нам по критике его Чернышевским Фридрих Фишер. «Единственный» — так назвал свое столь же знаменитое произведение Макс Штирнер. Но дело, конечно, не исчерпывалось названиями. Чем дальше, тем больше и больше субъективизм становился символом веры постепенно дряхлеющего общества. «Человек может быть свободен и счастлив лишь тогда, когда он один» — эту «истину» старались внушить любыми способами. Не на последнем месте была здесь и поэзия. «Личное счастье», «интимная радость» одного или, в крайнем случае, двух — это стало чуть ли не основным содержанием искусства, призванного охранять покой «верхов». «Что касается, в частности, половой любви, — писал Энгельс, — то она в течение

последних восьми столетий приобрела такое значение и завоевала такое место, что стала обязательной осью, вокруг которой вращается вся поэзия...»¹ «...Привычка изображать любовь, любовь и вечно любовь заставляет поэтов забывать, что жизнь имеет другие стороны, гораздо более интересующие человека вообще; вся поэзия и вся изображаемая в ней жизнь принимает какой-то сентиментальный, розовый колорит...» — писал Чернышевский (II, 83).

«Личное счастье» было провозглашено «альфой и омегой» человеческой жизни, пределом желаний, венцом стремлений. «Личное счастье»! О чем же еще можно мечтать? К чему стремиться! «Личное счастье» стало той поэтической фикцией, которой прикрывалось отсутствие всякого счастья, поскольку оно не обреталось человеком в борьбе против того мира, который лишил «радости жизни» миллионы людей. Сказка о Робинзоне должна была скрыть действительную трагедию капитана Немо, величие донкихотства оказалось смешным, и Гулливер не смог найти полного счастья даже в обществе лошадей.

Человек не может быть счастлив «сам с собой», так же, как только в общении с людьми может он быть действительно свободен. Горьковский Ларра очень убедительно, хотя и не впервые, выразил эту безусловную истину «Счастье двух» всецело зависит от жизни очень многих. И не только потому, что человеческая любовь воспитывается в человеке обществом. Голодающий безработный вряд ли способен к страстному чувству или «возвышенной поэзии» любви. Война в состоянии бесследно разрушить любое, самое интимное, самое «потайное», «домашнее» счастье, как разрушает она жизнь миллионов.

Простой человек мог найти свое, именно *свое* счастье только в борьбе против всего того общественного порядка, который был несчастьем человечества... Такова была трагическая логика жизни. «Личное счастье» было одним из красивеньких лепестков в той гирлянде искусственных цветов, которыми, по выражению Маркса, прикрывались цепи рабства.

Надо сказать, что и с этой точки зрения фейербахов-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. пр. в 2 томах, указ. изд., т. II, стр. 359.

ская «религия любви» отнюдь не способствовала освобождению человечества. И именно с этой точки зрения исключительный интерес представляет этическая теория Чернышевского.



Интересно, что антропологизм Чернышевского, его известная узость, проявляется главным образом не в художественной мотивировке действия и характеров, а в тех «отступлениях», в которых поведение героев истолковывается автором или самими героями. Автор и герои говорят подчас о себе хуже (с нашей, конечно, точки зрения), нежели есть они на самом деле. И это, видимо, не случайно.

Теория разумного эгоизма Чернышевского («жизнь во имя другого») есть объективно не что иное, как этическое выражение необходимости объединения и взаимопомощи, взаимоподдержки людей в труде, где дело каждого зависит от дела каждого, и поэтому дело каждого является делом каждого. Эта теория, таким образом, непосредственно связана с революционным характером утопического социализма Чернышевского, с его социальной мечтой.

«В труде... — говорит Лопухов, — люди влекутся к людям общею могущественною силою, которая выше их личных особенностей, — расчетом выгоды в труде...» (XI, 230).

Героев Чернышевского объединяет одно великое «дело» — дело служения своему народу. Это дело и определяет мораль героев, объединенных одним стремлением, одним порывом. Поэтому «расчетливы только добрые поступки; рассудителен только тот, кто добр, и ровно настолько, насколько добр» (VII, 291). Поэтому источником счастья этих людей является успех того дела, которое составляет смысл и радость жизни каждого из них. Поэтому такая мораль — качество «подлинно человеческой природы». Поэтому, наконец, «святое дело» революционного служения народу — основа поведения каждого героя романа, вне зависимости от того, как порой они сами и автор истолковывают это поведение. Такова сила революционности мировоззрения Чернышевского, и в этом же сила его как писателя-реалиста.

«...Мастерские для меня чужое дело», — говорит Вера

Павловна. Но Чернышевский убедительно показал в романе, что именно в мастерских «вся жизнь» Веры Павловны. Вместе с развитием их растет сама героиня и лучшие свои помыслы и надежды связывает с их будущим (XI, 134—135).

Лопухов говорит, что отношение его к Вере Павловне и Кирсанову диктовалось принципами, не свойственными его «обыкновенной натуре». Но вся жизнь Дмитрия Сергеевича — следование этому принципу и вся линия поведения его, отношение его к Верочке и Кирсанову определяется заботой о счастье этих людей. Их счастье он воспринимал как залог своего собственного подлинно душевного «благополучия» (XI, 235—236).

Рахметов — «мрачное чудовище», для которого не существует «личной жизни», который *говорит*, что переживания героев романа — «новых людей» — это «глупая мелодрама» (XI, 222). Этот самый Рахметов становится невольным соучастником сей «мелодрамы». Этот действительно очень занятый человек находит-таки время помочь людям в их *личной* жизни.

Мысль о другом, забота о товарище, основанная на общности интересов в едином стремлении, в единой борьбе, — вот что определяет моральные принципы героев Чернышевского.

Интересно применение этих принципов к личной жизни героев, к вопросам семьи и любви. На политическую злободневность и революционную остроту решения в романе этих вопросов Чернышевским указывает, в частности, и тот дикий вой, который подняли вокруг произведения при выходе его в свет, и долго еще не могли успокоиться различные либеральные и черносотенные борники «чистоты нравов» и незыблемости «семейных устоев». Цитович в этом отношении совсем не одинок.

Чернышевский, вопреки своему известному антропологизму, видел, что в любви, в самом характере этого чувства целиком проявляется общественное лицо человека. «Прозу» любви своих героев Чернышевский неизменно противопоставляет «поэтическим и пластическим» мечтаньям «проницательного читателя», «предвкушениям» Сторешникова, «материнским», «родственным» чувствам Марии Алексеевны. Мария Алексеевна — этот прообраз

щедринской Арины Петровны — наиболее полно и «теоретически обоснованно» выразила самую суть морали подобных людей. Все свои «лучшие», «материнские» чувства при неожиданном расставании с дочерью она сумела воплотить в одном, но зато предельно эмоционально насыщенном возгласе: «Обокрала!..»

Герои Чернышевского — «новые люди» видят «свое» счастье, счастье своей любви в заботе о счастье другого, в борьбе за его счастье. Без этого — чувство неполноценно.

На одной из страниц романа автор развивает следующую важную, на наш взгляд, мысль: «...чистейший вздор, — пишет он, — что идиллия недоступна: она не только хорошая вещь почти для всех людей, но и возможная; ничего трудного не было устроить ее, но только не для одного человека или не для десяти человек, а для всех. Ведь и итальянская опера — вещь невозможная для пяти человек, а для целого Петербурга — очень возможная, как всем видно и слышно...» (XI, 162—163), — беззаботно отшучиваясь, заключает Чернышевский. Эту же мысль можно передать так: «невозможно подлинное счастье без счастья всех». «Наше счастье невозможно без счастья других», — говорит Вера Павловна (XI, 7). Но «счастье всех» становится возможным только в том обществе, о котором мечтали и к которому стремились герои Чернышевского. Поэтому и борьба за «свое» счастье для этих людей была борьбой за революционное переустройство общества, того общества, в котором нет возможности для «счастья всех».

«Женский вопрос», с которым неразрывно связано революционно-демократическое, если можно употребить такое выражение, понимание любви, и был частью этой борьбы, ее частным проявлением.

Чернышевский (в материалах для биографии Н. А. Добролюбова) высказывает исключительно важную мысль о, так сказать, практически-политической конкретности социальной программы революционной демократии и в этой связи указывает на Добролюбова, на его отношение к семье, к положению женщины в современном обществе. «...Его убеждения, — пишет Николай Гаврилович о своем ближайшем соратнике и друге, — всегда были чрезвычайно определены, — определены до конкретности, и все силы свои он обращал на исполнение той

части ее, которая могла быть осуществлена непосредственно, чтобы эта частная программа служила средством для осуществления дальнейших замыслов... Умерла женщина... она умерла от неудовлетворительности отношений, в которые была поставлена. Не годится, чтобы оставалось так. Обстановка человеческой жизни должна быть изменена, чтобы не умирали преждевременно люди. Но в этом общем стремлении к пересозданию всей человеческой жизни остается ему, — говорит Чернышевский о Добролюбове, — памятен частный факт, возбуждавший все стремления в нем. Дело шло о женщине, для которой теперь все зависит от семейных отношений...» (X, 11). «Женский вопрос», проблема «личного счастья», вопросы любви — все это для Чернышевского есть «частные факты» в «общем стремлении к пересозданию всей человеческой жизни».

Революционный смысл и политическая злободневность постановки Чернышевским вопроса об этике семейных отношений, об этике любви и заключается как раз в том именно, что эти вопросы не берутся им в отвлеченно-моралистическом плане, не изолируются от практики политической борьбы, а рассматриваются как часть этой борьбы, как ее проявление. Чернышевский понимал, что окончательное решение этого вопроса зависит от успеха «общего стремления к пересозданию всей человеческой жизни», но и поведение своих героев в быту он рассматривал как участие их в борьбе за это «пересоздание» общества. Поэтому и вся сюжетная линия романа — это воплощение идеи подготовки революции, показанной через призму развития личных отношений. И, кстати сказать, тот же Цитович великолепно учуял именно эту сторону дела.

Вот почему романтика стремления к «личному счастью» неотделима в произведении Чернышевского от романтики революционной мечты, ибо именно в борьбе за грядущее счастье миллионов находят герои Чернышевского свою радость и свое счастье. Их счастьем была борьба за осуществление мечты о счастье миллионов. Поэтому и романтика «семейных отношений», романтика любви героев Чернышевского (мы вправе говорить о такого рода романтике в этом случае) — это романтика борьбы за полное равноправие женщины. Ибо «только с равным себе вполне свободен человек» (XI, 276). А «полного счастья нет без полной независимости». (XI, 260).

Далеко не случайно, что образ «Светлой Красавицы» в четвертом сне Веры Павловны как бы сливается с образом Любимой. Эта символика знаменательна для Чернышевского. Тема любви здесь как бы сливается с темой свободы. «Это новое во мне то, — говорит Светлая Красавица, — чем я отличаюсь от прежних эпох, — равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми, и от этого одного нового все во мне много, о, много прекраснее...» Когда мужчина, — продолжает Светлая Красавица, — «признает равноправность женщины с собою, он отказывается от взгляда на нее, как на свою принадлежность. Тогда она любит его, как он любит ее, только потому, что хочет любить... Поэтому во мне свобода». От равноправности и свободы — «новый характер, высшая прелесть» любви, «какой не знали до меня». «До меня, — говорит Светлая Красавица, — не знали полного наслаждения чувства, потому что без свободного влечения обоих любящих ни один из них не имеет светлого упоения... Я свободна, потому во мне нет обмана, нет притворчества: я не скажу слова, которого не чувствую, я не дам поцелуя, в котором нет симпатии». Вот почему написала из романа Зоя Космодемьянская слова Жюли:

«... С низшим скучно, только с равным полное веселье. Вот почему до меня и мужчина не знал полного счастья любви; того, что он чувствовал до меня, не стоило называть счастьем, это было только минутное опьянение. А женщина, как жалка была до меня женщина! Она была только подвластным, рабствующим лицом... где боязнь, там нет любви. Поэтому, если ты хочешь одним словом выразить, что такое я, — обращается Светлая Красавица к Вере Павловне, — это слово — равноправность» (XI, 275—276).

«...Замечательные слова сохранили для нас замечательное чувство Чернышевского к своей любимой: «Это восторг, какой является у меня при мысли о будущем социальном порядке, при мысли о будущем равенстве и радостной жизни людей, спокойный, сильный, никогда не ослабевающий восторг. Это не блеск молнии, это равно не волнующее сияние солнца. Это не знойный июльский день в Саратове, это вечно сладостная весна Хиуса...»¹

¹ Цитирую по кн.: Н. М. Чернышевская, «Н. Г. Чернышевский в Саратове», Саратов, 1952, стр. 130.

Чернышевский прекрасно видел, что сами те принципы, на которых в современном ему обществе строилась семья, враждебны любви, разрушают ее. Семья в этом обществе по самому смыслу своему отрицает любовь. «Прежде было... так, — говорит Чернышевский, — когда соединялись любящие, быстро исчезала поэзия любви. Теперь у тех людей, которые называются нынешними людьми, — говорит он о своих героях, — вовсе не так... Отчего это не так? А это уже секрет; я вам, пожалуй, выдам его. Хороший секрет, славно им пользоваться, и не мудрено, только надобно иметь для этого чистое сердце и чистую душу да нынешнее понятие о правах человека, уважение к свободе того, с кем живешь. Только, — больше и секрета нет никакого» (XI, 265). «Одного жаль: в нынешнее время на одного нынешнего человека все еще приходится целый десяток, коли не больше, допотопных людей. Оно, впрочем, натурально, — заключает Чернышевский, — допотопному миру иметь допотопное население...» (Там же).

* * *

...Очень интересен рассказ Чернышевского-автора о пожаре, которому, по его словам, он был свидетелем еще мальчишкой. «...Я помню, — пишет автор, — как испугался я, двенадцатилетний ребенок, когда меня, никогда еще не видавшего пожаров, разбудил слишком сильный шум пожарной тревоги... Я дрожал, как в лихорадке... По счастью, я успел убежать на пожар... Пожар был вдоль набережной... Такие же мальчишки, как и я, разбирали и оттаскивали... Принялся и я, — куда девался весь мой страх!.. С той поры, — разъясняет автор эту аллегория, — я уже знал, что если страшно от сильного пожара, то надобно бежать туда, и работать, и вовсе не будет страшно...» (XI, 260).

В этой своеобразной аллегории (несколько напоминающей по типу знаменитый зачин в «Прологе») Чернышевский показывает, что только непосредственное участие в борьбе за спасение людей, за жизнь других — только это придает человеку стойкость духа и силу мужества. Иначе обречен он на обывательское созерцание борьбы и кошмарный страх за собственную персону. Это последнее и есть, по словам Чернышевского, удел «романтиков до 25-ти лет», «живущих на земле... только затем, чтобы

коптить небо» (XI, 43). Эти люди, может быть, и «умные, добрые» люди, но они не способны преодолеть своего почти патологического страха за личное материальное благополучие, не способны поэтому к борьбе за счастье других. Такова, например, в романе «госпожа Б.», которая всей душой рада бы помочь Верочке («отчего же и не помочь хорошему человеку»), но это может повредить карьере ее мужа. И «кто обязан и какой благоразумный человек захочет поступать не так же, как г-жа Б.?» — спрашивает автор. Таково «благоразумие» мещанина, которое Максим Горький назовет потом благоразумием пресмыкающегося.

«Г-жа Б...» Одним штрихом, условно не раскрыв имени героя, Чернышевский отметил обывательскую трусоватость этого «вполне приличного» человека, «небокопительство» его.

Мораль «новых людей» в корне враждебна такому «благоразумию». И враждебна именно потому, что источником радости, источником счастья для каждого из них является борьба за счастье, за жизнь своего народа.

Чудесные слова сказаны Чернышевским в его романе: «... Это не странно, — это одно и натурально, одно и по-человечески: просто по-человечески, — «я чувствую радость и счастье», значит «мне хочется, чтобы все люди стали радостны и счастливы...» Эти обе мысли — одно» (XI, 57). Действительно, ведь если борьба за счастье своего народа это и есть «истинная потребность подлинно человеческой природы», то, естественно, что «быть счастливым и радостным» для этих людей — «это одно и естественно, натурально, одно и по-человечески. И поэтому романтика Чернышевского — это романтика, отрицающая жертвенность. Какая же может быть жертва, если именно в борьбе за счастье других людей, в борьбе за счастье своего народа этот человек видит свое «собственное» счастье! «Это фальшивое понятие, — говорит Лопухов, — жертва — сапоги в смятку... Да их и не бывает, никто и не приносит жертв», — добавляет он (XI, 94).

Для «нового человека» жертва не нужна, не имеет смысла; для «благоразумного» либерала — это лишь маска порядочности, напыленная на своекорыстное обличье мещанина. Это своего рода «эрзац» борьбы за интересы народа, рассчитанный на обман доверчивых людей. Жертва, альтруизм либерала — всего лишь замаскиро-

ванная подлость или вынужденная уступка общественному мнению.

«Новые люди» поступают «по расчету». Но это — замечательный расчет. Их благоразумие — благоразумие жителей Сагунта... Дмитрий Сергеевич великолепно выразил эту истинную разумность «общественного эгоизма» «новых людей». «Эта теория холодна, — говорит он Верре Павловне, — но учит человека добывать тепло... Эта теория безжалостна, но, следуя ей, люди не будут жалким предметом праздного сострадания... Эта теория прозаична, но она раскрывает истинные мотивы жизни, а поэзия в правде жизни» (XI, 66).

* * *

...Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...

По-разному представлялось это грядущее счастье разным представителям русского искусства в разные эпохи жизни страны. Но само то чувство уверенности в светлом будущем, в неодолимости лучшей жизни, которое выражено в этих пушкинских строках, — это чувство было свойственно каждому действительно великому русскому художнику и находило в той или иной мере и форме выражение в его творчестве.

Этот своего рода исторический оптимизм — тема будущего — в творчестве наших писателей-реалистов неразрывно связан с темой Родины, с темой Народа. В творчестве буквально любого из крупнейших представителей русского реалистического искусства XIX века мотив мечты о счастье родины всегда вырастает из темы народа, из темы России.

Н. Г. Чернышевскому принадлежат слова: «...историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма...» (III, 137). Именно в народе черпали наши великие художники свою духовную силу, силу своей убежденности в исторической неодолимости торжества того прекрасного будущего мира, где, наконец, сольются воедино «правда-истина», «правда-справедливость» и «правда-красота».

В произведениях наших великих реалистов народ как

бы осознавал свою неразбуженную мощь ниспровергателя и творца. В этом было великое революционизирующее значение русского реалистического искусства.

Подвиг русского крестьянина в 1812 году способствовал развитию русского классического реализма с его жизнеутверждающим пафосом веры в будущее Родины.

Романтика Чернышевского была его поэтическим открытием героики революционной борьбы в период первой революционной ситуации в России, ибо именно в ней, в этой романтике, нашли свое реалистическое воплощение те черты «будущего в настоящем», прекрасные черты истинно нового в моральном облике передового человека того времени, в которых с наибольшей силой выразился освободительный порыв самого народа, с наибольшей яркостью отразилась революционная тенденция истории.

М. Т. ПИНАЕВ

ОБРАЗ УЧЕНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1.

Диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» и авторецензия на эту работу дают исходные положения для теоретического обоснования принципов создания образа положительного героя в творчестве Н. Г. Чернышевского.

Разбив идеалистическое представление о прекрасном, Чернышевский дал понятию прекрасного философско-материалистическое и революционно-демократическое обоснование: «Прекрасное есть жизнь»; «прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни...» (II, 10)¹. Такая формулировка прекрасного позволяет великому мыслителю наметить эстетический идеал «хорошей» жизни, являющийся идеалом социалистическим (у Чернышевского он ограничен утопическими представлениями) и отвечающий народным интересам.

Революционно-демократическое понятие о хорошей жизни, по мнению Чернышевского, включает в себя гармоническое развитие физических и духовных сил человека, удовлетворение человеческих запросов в области материальной, умственной и нравственной жизни. Подобный идеал счастливой жизни в условиях самодержавно-кре-

¹ Здесь и далее цитаты даются по Полному собранию сочинений Н. Г. Чернышевского, ГИХЛ, 1939—1953. Римская цифра — обозначение тома, арабская цифра — нумерация страницы.

постнического строя неосуществим, хотя он и соответствует естественным потребностям человека. Претворение его в действительность возможно только в результате революционной борьбы за создание новых общественных условий жизни. «Каждый народ, — пишет Чернышевский, — должен заниматься изучением и улучшением своей действительной жизни» (III, 291). Борцами за осуществление народных идеалов являются положительные или благородные люди, — так Чернышевский называет революционеров.

Наряду с борьбой за изменение социальных основ жизни, нужно также изменять и природу, которая не всегда соответствует потребностям человека. Чернышевский считает, что человек для спокойствия и счастья своей жизни должен изменять объективную действительность: внешнюю природу и «человеческую жизнь».

В «Очерках гоголевского периода русской литературы», развивая основные положения диссертации и авторецензии о положительном герое, он подчеркивает огромное значение использования объективных законов развития внешнего мира для улучшения жизни человека. Установка на объективную действительность, на изучение объективных законов природы и человеческой жизни, борьба против субъективных, фантастических стремлений изменить или отменить эти законы характерна для Чернышевского — материалиста и врага агностицизма.

Положительным героем, по его мнению, является человек, познающий объективные законы природы и «человеческой жизни», действующий сообразно с силами и обстоятельствами, представляемыми действительностью, использующий законы природы и «человеческой жизни» в интересах общества. «Действуя сообразно с законами природы и души и при помощи их, — пишет Чернышевский, — человек может постепенно видоизменять те явления действительности, которые несообразны с его стремлением, и таким образом постепенно достигать очень значительных успехов в деле улучшения своей жизни и исполнения своих желаний» (III, 228).

В определении «законов человеческой жизни» (III, 230), «законов души» Чернышевский был социалистом-утопистом, так как он «не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического

материализма Маркса и Энгельса»¹. Отмечая налет антропологизма при ориентации Чернышевского на «законы души», на врожденные качества человеческой натуры, мы тем не менее должны признать огромную ценность его призывов изучать и использовать в интересах общества объективные законы природы и человеческой жизни при определении революционной программы деятельности положительного человека в борьбе за лучшую жизнь. Ориентировка на действительность, на изучение законов природы и общественной жизни предполагает в первую очередь активное вмешательство в действительность, революционное изменение ее.

«Положителен только тот, — пишет Чернышевский, — кто хочет быть вполне человеком: заботясь о собственном благосостоянии, любит и других людей (потому что одинокого счастья нет); отказываясь от мечтаний, не сообразных с законами природы, не отказывается от полезной деятельности; находя многое в действительности прекрасным, не отрицает также, что многое в ней дурно, и стремится, при помощи благоприятных человеку сил и обстоятельств, бороться против того, что неблагоприятно человеческому счастью. Положительным человеком в истинном смысле слова может быть только человек любящий и благородный» (III, 230).

Давая такое развернутое определение положительного человека, Чернышевский тем не менее считает необходимым еще раз подчеркнуть революционную направленность его действий: «Чем действительнее и положительнее стремления человека, тем энергичнее борется он с обстоятельствами, препятствующими их осуществлению». Как истинный революционный демократ, Чернышевский считает, что у положительного человека «благородство и любовь» к народу должны сочетаться с ненавистью к существующему строю. «И любовь и ненависть даются и возбуждаются в высшей степени теми предметами, которые принадлежат к области действительной жизни», — дает он общую формулировку, но упоминание о «подвигах Сквозников-Дмухановских и Чичиковых, совершаемых в наших глазах» (III, 231), конкретизирует социальную направленность ненависти человека в понимании Чернышевского.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

Таким образом, для осуществления народного идеала счастливой жизни и справедливого социального строя необходимо покончить с господством богатых над бедными и вести энергичную работу по преобразованию природы. Неизбежна революция, необходим труд ученых. Не случайно в первоначальной редакции романа «Что делать?» Лопухов упоминает о двух своих «невестах». Одна из них — «довольно страшная» невеста — революция, другая — наука. О второй Лопухов говорит: она «почти неотступно сидит со мною, когда я дома, и следит за каждым моим движением, но исчезает, лишь только кто войдет в комнату, и не выходит за порог ее. Мы с нею ставим на лампу реторты, режем лягушек; она очень добрая, но безжалостная» (XI, 384).

Революционный преобразователь общества и природы — истинно положительный герой у Чернышевского. Революционер, вооруженный научным знанием законов природы и «человеческой жизни», овладевший техникой, на основе труда сможет построить в новых общественных условиях, по мнению писателя, светлое общество будущего. Писатель не разрывает двух сторон в деятельности нового героя: революционер у Чернышевского выступает во всеоружии научных знаний, а ученый подчиняет свои научные изыскания задачам революционного преобразования общества.

Преобразователь природы — это труженик, занимающийся физическим и умственным трудом.

Разоблачая паразитизм господствующих классов, Чернышевский возвеличивал человека труда, изменяющего лицо земли. «Только неутомимое трудолюбие человека может сообщить природе новую, высшую красоту взамен дикой, первобытной красоты... Где является человек, там природа должна воссоздаваться трудом человека» (IV, 229—230), — пишет он в рецензии на «Письма об Испании» В. Боткина.

Союз деятелей науки и людей труда — необходимое условие для осуществления грандиозного наступления человека на природу. Чернышевский с удовлетворением отмечает достижения ученых и трудового населения в области земледелия, животноводства, механики и техники¹.

¹ Н. Г. Чернышевский, т. V, стр. 605, 606; т. IX, стр. 216, 217, 310, 879.

Оставаясь просветителем, идеалистически объясняя ход исторических событий, Чернышевский, тем не менее, идя по пути от утопии к науке, дал блестящие образцы материалистического обоснования многих сторон общественной жизни, признавая огромную роль экономических условий в развитии общества.

Отмечая известную ограниченность теоретических положений Чернышевского (он не дошел до понимания сущности способа производства материальных благ как единства и диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений), нельзя затушевывать тех революционных выводов, которые писатель делал, исходя из своих взглядов на роль материальных условий в жизни общества. Именно в экономической «теории трудящихся» Чернышевский особенно ярко проявил себя «замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»¹, обосновал социалистические идеи «союза и братства между людьми» и «союзного производства и потребления» (IV, 729, 730) и наметил революционный путь к осуществлению социалистических идей. Экономическая «теория трудящихся» позволила также Чернышевскому выдвинуть тезис о необходимости преобразования природы для удовлетворения материальных потребностей людей, выразить уверенность, что «со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет [это] ему нужно, переделает все на земле сообразно с своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу. Этот один путь уже мог бы привести со временем к уничтожению несоразмерности между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения» (V, 609).

Чернышевский своим учением о возможности изменить природу для блага человека выбил почву из-под ног Мальтуса и других буржуазных экономистов, фаталистически утверждающих, что природа не даст отсрочки сколько-нибудь чувствительной, что никакими усилиями нельзя остановить ее истребительные действия хотя бы на несколько лет. «Мы нашли, — полемизирует Чернышевский с Мальтусом, — что все это совершенно не так. В руках

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

человека, при нынешнем положении знаний, находятся средства устранить губительное действие закона природы на несколько столетий» (IX, 311).

Учение Чернышевского о революционно-преобразующем отношении к жизни, к природе и обществу знаменует новый этап в развитии материалистической философско-эстетической мысли домарковского периода.

2.

Оценка Чернышевским роли науки и просвещения в общественной жизни должна быть рассмотрена в двух аспектах. Несомненно, что как просветитель домарковского периода, идеалист в исторических взглядах, Чернышевский придавал преувеличенное значение научным знаниям в развитии общества. В статье «О причинах падения Рима» он утверждает, что прогресс основывается на умственном развитии, что основная сила прогресса — наука.

Однако Чернышевский, выступая идеологом крестьянских трудящихся масс, которые были производителями материальных благ, часто выходит за рамки идеалистического понимания истории. В примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса, написанных в Петропавловской крепости, он отмечает, что умственное развитие зависит от обстоятельств экономической жизни: «Развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования. Влияние других исторических элементов было по преимуществу регрессивным» (X, 441). Примечателен здесь очень важный вывод о трудовом происхождении знаний, о связи их с жизнью трудового народа.

Таким образом, придерживаясь, в основном, идеалистических взглядов на развитие общества, Чернышевский, тем не менее, во многом приближался к научному, материалистическому пониманию места и значения науки в жизни общества. Это особенно заметно в разрешении им проблемы преобразования природы.

Убеждение Чернышевского в возможности преобразовать природу в интересах человека, глубокая вера в силу науки основываются на его материалистической теории познания внешнего мира.

Чернышевский считал, что человеческое познание спо-

собно правильно отражать действительность, что ощущение есть результат воздействия внешнего предмета на органы чувств человека. «Говорить, что мы имеем, — пишет он, — лишь знание наших представлений о предметах, а прямого знания самих предметов у нас нет, значит отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма» (X, 724). Чернышевский, выступая со своими строго материалистическими взглядами на природу познания, разоблачает субъективный идеализм, релятивизм и агностицизм (по его терминологии — «иллюзионизм»). Именно за этот отпор неокантианцам, махистам и прочим «новым» философам буржуазии, за разоблачение антинаучной сущности их «новейшего» философского вздора в вопросах познания высоко ценил Чернышевского В. И. Ленин.

Большую роль в теории познания Чернышевский отводил практике, как великой разоблачительнице обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли, как существенного критерия всех спорных пунктов в науке. «Что подлежит спору в теории, начистоту решается практикою действительной жизни» (II, 103), — утверждал он

Правда, Чернышевский в вопросе о практике как критерии истины только приближался к материалистическому решению вопроса: он не понимал вполне ведущей роли общественно-производственной деятельности людей, общественно-исторической практики. Однако для того времени он сделал большой шаг вперед в развитии теории познания. Успехи естествознания и техники, достижения человека в деле покорения природы были для него теми критериями, которые давали неопровержимые данные о познаваемости мира и о достоверности научных знаний.

Несмотря на известную ограниченность теории познания Чернышевского, она вооружает человека верой в силу разума, в возможность изменять жизнь и природу в своих интересах.

Признавая за наукой огромную роль в деле преобразования природы, Чернышевский особенно большое внимание обращал на развитие естественных наук. Новые данные в области естествознания он использовал для обоснования материалистического мировоззрения и, наоборот, материалистическое мировоззрение давало ему

возможность правильно оценить естественно-научные открытия.

Необходимость ученых занятий Чернышевский тесно связывал с решением политических задач, поставленных перед русским освободительным движением самой жизнью. Говоря, например, о том, что побудило его заняться естественными науками, Чернышевский объяснял свой интерес к естествознанию необходимостью разъяснить «какое-нибудь обстоятельство по какому-нибудь предмету моих ученых работ, прямым образом относившихся исключительно к нравственным наукам, а не к естествознанию» (XIV, 676). Однако это не мешало ему и в изучении специальных исследований быть не только на уровне современного состояния той или иной науки, но и превзойти его.

Об этом говорит письмо писателя к Ольге Сократовне от 7 июля 1877 г., написанное в Вилюйске. В нем проводится мысль о связи всех отделов науки между собою и необходимости для его ученых занятий «иметь отчетливое знание об основных законах и важнейших фактах всех отделов науки».

Важное значение придавал Чернышевский «способу понимания естествознания». Этот «единственно правильный способ» основан на материалистическом понимании законов природы и диалектическом методе изучения. Именно это позволило ему, по выражению В. И. Ленина, «с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»¹.

Говоря о своем материализме, Чернышевский в 1876 г. вспоминает, что он с ранней молодости был твердым приверженцем того строго научного направления, первыми представителями которого были Левкипп, Демокрит и т. д., до Лукреция Кара. Материалистические же традиции к Чернышевскому-студенту шли впервые от Герцена и Белинского.

Чернышевский был страстным пропагандистом научных знаний. 30 августа 1846 года в письме родным он заявляет о своей твердой решимости всею силою души содействовать расцвету отечественной науки.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

В первые же годы своей работы в качестве журналиста Чернышевский пропагандирует на страницах журналов «Современник» и «Отечественные записки» специальные научные труды, пишет на них рецензии, свидетельствующие о широте его интересов. В капитальнейших работах Чернышевского в области философии, политэкономии и литературоведения сконцентрированы результаты его научных исследований по многим отраслям знаний. Энциклопедически образованный человек, он знал несколько языков. Ему были известны труды Пирогова, Сеченова, Чебышева, Овсянникова, Ньютона, Лапласа, Либиха, Дарвина, Ламарка, Гершеля и других ученых.

Великое освободительное движение, могучая проповедь Чернышевского, Добролюбова, Писарева и других выдающихся деятелей революционной демократии способствовали расцвету русской науки. Именно в 60-е годы появились такие великие русские ученые, прославившие Россию, как И. М. Сеченов, А. И. Бекетов, П. И. Бокков, бр. Ковалевские и др. В атмосфере общественного движения 60—70-х годов складывались и формировались взгляды выдающихся представителей науки И. И. Мечникова, К. А. Тимирязева, И. П. Павлова, обогативших научную мысль последующих десятилетий.

В шестидесятые годы усиливается пропаганда научных знаний. Н. В. Шелгунов вспоминает, что когда освобождали крестьян, издавалась масса популярных сочинений по естествознанию, по вопросам образования и т. д. «То был истинно неиссякаемый родник живой воды, в котором каждый мог утолить свою умственную жажду... Казалось, наши умственные работники хотели обеспечить Россию всякими книгами, по крайней мере, на целое столетие»¹.

В 1863 году в «Медицинском вестнике» был напечатан психо-физический трактат И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (первоначальное название — «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологической основе»), сыгравший огромную роль в развитии материализма и русской науки. В своей работе И. М. Сеченов научно подтвердил идеи Чернышевского

¹ Н. В. Шелгунов, Очерки русской жизни, Соч., изд. 3-е, т. 3, стр. 473.

о психо-физическом единстве животного и человеческого организмов, высказанные Чернышевским в статье «Антропологический принцип в философии». Естественным было желание И. М. Сеченова напечатать свой трактат в журнале «Современник».

Университетская кафедра, выступление в печати, лекции в Пассаже, занятия в воскресных школах — все использовалось для пропаганды и политических, и естественных знаний. В свете этих фактов понятна исключительно большая роль Чернышевского в творческом развитии и пропаганде научных идей.

Интерес к науке Чернышевский сохранил на всю жизнь. В Петропавловской крепости с ним были книги Дарвина, Гексли, Лайелля, Фохта. Находясь в ссылке, Н. Г. Чернышевский делится своими научными знаниями с товарищами, которые считали его одновременно «поэтом, художником, ученым»¹.

В письмах к родным из Вилуйска Чернышевский пишет по вопросам естествознания, астрономии, математики, философии, истории, литературы и т. д. Научные занятия в Сибири позволили ему накопить богатый материал, который оформился в ряде работ астраханского периода жизни. Дополняя свой русский перевод «Всеобщей истории» Г. Вебера, над которым Чернышевский трудился в Астрахани, великий русский ученый высказывает глубокие мысли о расах, о классификации людей по языку, пишет о влиянии климата, об астрономическом законе распределения солнечной энергии, дает «Очерк научных понятий о возникновении человеческой жизни и о ходе развития человечества в доисторические времена». Большая часть из этих работ впервые опубликована только при советской власти. В 1888 г. в журнале «Русская мысль» (кн. IX) появляется статья Н. Г. Чернышевского «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», в которой он выступил страстным защитником научных материалистических основ дарвинизма от нападок реакционных биологов-идеалистов и творческим продолжателем Дарвина.

Чернышевский боролся за науку, призванную служить

¹ И. Г. Жуков, Воспоминания шестидесятника, Альманах «Литературный Саратов», кн. 8, 1947, стр. 258, 266.

народу, облегчить тяжелый физический труд. Только такая наука может способствовать развитию технического прогресса, успехам земледелия, делу преобразования природы.

Что же мешает развитию технического прогресса, успехам земледелия?— спрашивает Чернышевский. Может быть, люди не имеют знаний и сил, нужных для этого дела? Нет, писатель считал, что люди имеют достаточно сил и знаний и будут их иметь еще больше. По его мнению, в нынешнее время земледельческие процессы совершаются слишком медленно потому, что знания и силы людей слишком мало заняты этой задачей.

«В самом деле, — развивает свою мысль Чернышевский, — оно так и должно быть при нынешних общественных отношениях. Кто терпит от недостаточности земледельческого продукта?— только простолюдины и бедняки, не имеющие влияния ни на обыкновенный ход материальных забот общества, ни даже на направление умственных его занятий... Земледельческие улучшения прямо невыгодны тому классу, который до сих пор имел господствующее влияние на общественные дела и мысли в передовых странах Западной Европы — сословию, живущему поземельною рентою» (IX, 879).

Наука находится в руках господствующих классов, а эти «классы, интересами которых направлялась до сих пор наука, не нуждаются в хлебе» (IX, 635). Чернышевский гениально вскрыл классовую основу науки в буржуазно-помещичьем обществе. Усовершенствования земледелия нужны «простолюдину» — трудящемуся человеку, а у того нет средств содержать ученых. Дворянству и буржуазии было невыгодно направлять усилия людей первоклассного ума на дело улучшения земледельческого процесса. Наука в классовом обществе оторвана от народа и его интересов.

Чернышевский мечтал о том времени, когда ученые направят свои усилия на пользу народа. Он связывал развитие науки, посвященной улучшению народного благосостояния, в частности, развитие науки в области земледелия, с растущим революционным движением народных масс, с попытками народа заявить свои права в истории: «Пока простолюдины не имели никакого значения в истории, они одни с своим невежеством и хлопотали о земле-

дельческих улучшениях. Появление Таэра, который первый рационально занялся сельским хозяйством, недаром совпадает с концом прошлого века, когда простолюдины сделали попытку заявить свои права в истории. Либих, который первый из великих ученых занялся земледелием, не случайно явился современником так называемых утопистов» (IX, 635).

Признавая относительную прогрессивность буржуазии в развитии производительных сил, Чернышевский, однако, считал, что буржуазия использует науку и технику только в интересах укрепления своего господства и нисколько не заботится об интересах народа. С большим сарказмом разоблачает, например, Чернышевский настоящие причины постройки Суэцкого канала. Буржуазно-либеральная печать лезла из кожи вон, чтобы доказать, какие неизмеримые блага принесет Суэцкий канал всему человеческому роду. Но не благо человечества интересует буржуазных дельцов! «Англичане воображают, что должны заботиться о сохранении своего господства в Ост-Индии, — пишет Чернышевский, — французы думают, что нанесли бы им смертельный удар разрушением этого господства и хотят строить для того Суэцкий канал» (VIII, 8). Грызня буржуазных хищников из-за господства над слаборазвитыми странами, конкуренция между ними, военные захватнические цели — вот причины строительства Суэцкого канала. Достижения науки и техники в буржуазных странах используются в человеконенавистнических целях.

Все свои научные знания Чернышевский направлял к одной цели — завоеванию славы родине и созданию счастливой жизни своего народа. Он считал, что историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, человеческое достоинство — силою его патриотизма. Примером для него служил Ломоносов, который «страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины» (III, 137). Эти прекрасные слова, посвященные Ломоносову, можно целиком отнести и к Чернышевскому: его научные устремления отвечали не только требованиям настоящего дня, они готовили будущее родины, которое «светло и прекрасно».

Чернышевский считал, что литература, исполняя свою великую обязанность «быть руководительницею людей на пути образования», должна давать человеку «различные знания, развивать в нем привычку мыслить и поддерживать в нем любовь ко всему прекрасному и доброму» (III, 312). «Поэзия, как распространительница знаний и образованности, имеет чрезвычайно важное значение для жизни» (II, 274), — пишет он в рецензии на сочинения Аристотеля.

Научные знания, по мнению Чернышевского, должны проникать в массы и через литературу. «Если популярные книги перечеканивают в ходячую монету тяжелый слиток золота, выплавленный наукою, то поэзия пускает в ход мелкие серебряные деньги, которые обращаются и там, куда редко заходит золотая монета, и которые все-таки имеют свою неотъемлемую ценность» (II, 274).

Сам Чернышевский стремился через художественную литературу пропагандировать в народе научные знания. В застенках Петропавловской крепости он мечтал написать популярную «Энциклопедию знания и жизни», которая должна быть понятна «не одним ученым... а всей публике» (XIV, 456). В произведениях «Что делать?» и «Повести в повести», написанных в заключении, художник создает образы ученых Кирсанова и Сырнева. В сибирской ссылке он больше двух лет работает над «Книгой Эрато», которую считает энциклопедией в беллетристической форме.

Препровождая из ссылки А. Н. Пыпину свои рукописи, Чернышевский дает краткую аннотацию произведениям «Кормило Кормчему» и «Знамение на кровле», называя их учеными фарсами, по поводу которых «подымаются... серьезные споры, знакомящие публику Белого зала... с различными системами экзегетики и т. п. наук и нелепостей» и тут же добавляет: «Подобным образом публика знакомится и с политической экономией и всяческими науками» (XIV, 507). В сибирской ссылке Чернышевский создает образы ученых Лореньки («Отблески сияния») и Пожирателя книг («Кормило Кормчему»).

Чернышевский считал, что «у нас до сих пор литература имеет какое-то энциклопедическое значение, уже утраченное литературами более просвещенных народов»

(III, 304). В своей разработке образа положительного героя он во многом продолжал лучшие традиции предшествовавшей русской литературы, имеющей поистине «энциклопедическое значение».

Русская литература до Чернышевского накопила известный опыт в разработке темы науки и пропаганде научного мирозерцания в художественных произведениях. Лучшие русские писатели были проводниками идей передовой науки, направленной на пользу родине и русскому народу. В тяжелых условиях самодержавного гнета и разгула церковного мракобесия русские писатели боролись за просвещение, за господство разума, за научные знания.

Выдающуюся роль в деле распространения науки сыграл великий русский ученый и поэт М. В. Ломоносов. Его пропаганда научного мирозерцания и внедрения просвещения во все области русской жизни актуально звучала в течение всего XIX столетия и слилась с пропагандой научных знаний Чернышевским.

В новых исторических условиях Чернышевский продолжал дело А. Н. Радищева, у которого он находил «то, что называется ныне убеждением или образом мыслей» (VII, 484).

Радищев задолго до Чернышевского поставил проблему интеллигенции, вышедшей из народа и способной создать более высокую культуру, искусство и науку. Чернышевский развивает эти идеи Радищева и в своих произведениях также пытается разрешить проблему расцвета культуры, науки в связи с народной революцией.

Активными борцами за науку и просвещение выступили декабристы, которые пропаганду передовой науки включили в общую программу революционного переустройства самодержавно-крепостнической системы. Выдающимся положительным героем литературы декабристского периода выступает Чацкий, защищающий в полемике с мракобесами фамусовского общества основы отечественной науки и культуры. Молодой человек, который «в науки... вперит ум, алчущий познаний», находится, по представлению Грибоедова, в фаланге передовых людей родины.

Большой вклад в дело борьбы за науку и просвещение сделал А. С. Пушкин. Чернышевский высоко ценил эту сторону его деятельности, отмечая, что влияние человека,

одаренного таким огромным умом и так высоко стоявшего по своей образованности, как Пушкин, было неизмеримо важно для развития читателей, им созданных и очарованных его гениальным талантом. «В истории русской образованности Пушкин занимает такое же место, как и в истории русской поэзии. Будем же читать и перечитывать творения великого поэта и, с признательностью думая о значении их для русской образованности, повторять вслед за ним:

Да здравствуют Музы, да здравствует Разум!

И да будет бессмертна память людей, служивших Музам и Разуму, как служил Пушкин» (II, 476).

Ближайшим предшественником Чернышевского в создании произведений, в которых автор «чудно умел довести ум до поэзии, мысль обратить в живые лица»¹, был А. И. Герцен, который нарисовал замечательный образ врача-материалиста, выходца из разночинной среды Крупова.

Друг и соратник Герцена Н. П. Огарев в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» со страстью пропагандировал книги, поэтизирующие революционный и научный подвиг. Он считал, что предметом поэзии может быть философское раздумье, подвиг Брута, восторг Галилея перед великим открытием, живая жажда знания, преданность Ньютона своей задаче и т. п.²

В шестидесятые годы появляется новая разночинная интеллигенция, занимающаяся естественными науками. И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети» чутко уловил появление в русской жизни разночинца-материалиста и естествоиспытателя. Но тургеневский Базаров еще не отвечал идеалу ученого — революционного преобразователя природы, выдвинутого Чернышевским. Базаров у Тургенева не связывал свою научную работу с революционной деятельностью, наука у него была оторвана от нужд народа.

Большое значение в разработке темы преобразующего труда имеет творчество Н. А. Некрасова, который страстно верил в то, что «освобожденный от оков народ неутомимый» при помощи труда и науки «густо заселит

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч., т. III, М. 1948, стр. 23.

² Н. П. Огарев, Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 416.

прибрежные пустыни» и преобразует природу. В произведении «Железная дорога» народ у Некрасова выступает создателем всех материальных и культурных ценностей.

Продолжая лучшие традиции русской литературы, руководствуясь революционно-демократическим мировоззрением и революционно-демократической эстетикой, Чернышевский в своих произведениях стремился воплотить эстетический идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии. Об этом идеале писал Добролюбов: «Свободное претворение самых высших умозрений в живые образы и, вместе с тем, полное сознание высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном факте жизни — это есть идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии и доселе еще никем не достигнутый»¹. Добролюбов высоко ценил тех писателей, которые, служа полнейшими представителями высшей степени человеческого сознания в известную эпоху и с этой высоты обзревая жизнь людей и природы и рисуя ее перед ними, возвышались над служебной ролью литературы и становились в ряд исторических деятелей, способствовавших человечеству в яснейшем сознании его живых сил и естественных склонностей.

Именно таким писателем был Чернышевский, создавший в своих произведениях ряд образов положительных героев — революционных преобразователей общества и природы — и тем самым обогативший жанр социально-философского романа.

4.

Прежде чем приступить к характеристике профессиональных ученых в произведениях Чернышевского, рассмотрим, как писатель разрешает вопрос о роли естественных наук в формировании мировоззрения «новых людей».

Привлекая для анализа образы героев различных произведений Чернышевского, следует учитывать индивидуальное своеобразие этих образов и различную функцию их в выполнении идейно-тематической задачи в каждом отдельно взятом произведении. Нужно иметь в виду, что в произведениях «Что делать?», «Алферьев», «Повести в повести» и «Отблески сияния» автор освещает разные

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 2, 1935, стр. 49.

вопросы и изображает не одни и те же стороны жизни. Однако при всем индивидуальном своеобразии «новых людей» им присущи большая идейность, высокий уровень теоретической подготовки. Не ставя перед собой задачи раскрыть во всем объеме мировоззрение «новых людей» и пути его формирования (это предмет специального исследования), мы остановимся на выяснении частного вопроса: как теоретически обогащает героев Чернышевского знакомство с естественными науками.

Революционеры-профессионалы в произведениях Чернышевского являются выдающимися теоретиками, освещающими сложный путь освободительной борьбы светом передовой для того времени революционной мысли. В формировании их мировоззрения решающую роль играет знакомство с окружающей действительностью, с жизнью трудового народа. Выступая с самобытными мировоззренческими принципами, они творчески овладели новейшими достижениями не только в области философии, социально-политических, экономических наук, но и в области естествознания. Чернышевский считал, что настоящий политический руководитель должен иметь разносторонние знания, редкую «полноту и всесторонность» (IV, 96).

Интересно отметить, что подобное же требование к членам руководящего центра тайного общества выдвигал Н. П. Огарев. В «Записке о тайном обществе» Огарев писал, что «центр <тайного общества> должен быть искренен, как бы одно лицо, а его понимание вещей должно быть энциклопедическим... лежит на центре обязанность быть энциклопедистом и составиться из членов, которые бы совокупно выражали энциклопедизм научного понимания»¹.

Герои Чернышевского изучают естественные науки для того, чтобы изучить законы природы и использовать их в интересах общества, при помощи этих законов добиться господства над природой. Кроме того, достижения естественных наук давали твердую базу для обоснования философского материализма и законов диалектики. Как известно, сам Чернышевский в работе «Антропологический принцип в философии» обосновал материализм и принципы диалектического подхода к действительности на

¹ Н. П. Огарев, Записка о тайном обществе, «Литературное наследство», № 39—40, М. 1941, стр. 324.

новейших данных естествознания. Его положение о первичности материи и вторичности сознания опирались на научные данные физиологии и психологии. Лучшие представители естествознания (например, Сеченов), используя материалистические основы философии, в свою очередь обогащали и двигали вперед естественные науки¹.

Итак, ни историк, ни философ, ни общественный деятель не должны стоять в стороне от естествознания, которое помогает формировать материалистическое революционное мировоззрение. Поэтому революционная молодежь овладевала естественными науками. Вполне понятен интерес царского правительства к «крамольным» книгам по естествознанию. Такой крамольной книгой министр Валуев признал «Рефлексы головного мозга» Сеченова. Не случайно после выстрела Каракозова в 1866 году А. И. Герцен пишет: «Фохт, Дарвин, Молешот, Бокль — соучастники каракозовского дела. Их сочинения велено отобрать у книгопродавцов. Вот до какой тупости довели нас духовные министры и бездушные крикуны казенных журналов»².

Изображая деятельность профессиональных революционеров — героев своих произведений, Чернышевский не мог обойти вопроса о взаимоотношениях естествознания и общественных наук. Все его герои являются не только профессиональными общественными деятелями, но также людьми всестороннего образования, большой учености, знатоками естествознания.

Интересно отметить, что именно естественный факультет привлек в первую очередь внимание Рахметова. Это был своего рода трамплин для дальнейшего изучения наук, в частности общественно-экономических и филоло-

¹ О необходимости для ученых, разрабатывающих вопросы общественных наук и революционной теории, обращаться к изучению естествознания пишет Н. В. Шелгунов в статье «Убыточность незнания» («Русское слово», 1863, кн. IV, стр. 3). Крупный революционный деятель шестидесятых годов Н. Серно-Соловьевич очень метко и лаконично обобщил желание передовых людей своего времени: «Между общественной наукой и естествознанием должен произойти — и чем скорее, тем лучше — обмен главных сил их, т. е. одна может позаимствоваться у другого превосходным методом и дать ему, в свою очередь, превосходные стремления...» («Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки?»), «Русское слово», 1865, кн. I, стр. 127).

² А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XIX, ГИЗ, 1922, стр. 56.

гических. Безусловно, что наряду с социалистическим учением, политической экономией, историей в выработке «оригинальных принципов» и в материальной, и в нравственной, и в умственной жизни у Рахметова большую роль сыграло изучение естествознания. В романе говорится о том, что Рахметов ведет ученые споры в кружке Лопухова и Веры Павловны, а профессор Кирсанов — один из близких его друзей. Рахметов хорошо знает сочинения Ньютона, которого он называет гениальнейшим и нормальнейшим умом из всех известных нам умов.

Несмотря на то, что основным занятием Рахметова стала революционная деятельность и он теперь чтение книг считал делом второстепенным, Чернышевский указывает, что «он расширял круг своего знания с изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, он был уже человеком очень замечательно основательной учености» (XI, 203). При чтении научных книг «ригорист» главное внимание обращает на самобытность, на основные научные проблемы и принципы авторов.

Не вызывает сомнений осведомленность в естественных науках революционного демократа Алферьева из одноименного произведения Чернышевского. В письмах к Серафиме Антоновне он упоминает астронома Гершеля-младшего и представителя физико-географической науки А. Гумбольдта. Автор сообщает, что Борис Константинович «стал очень хорошим краеугольным камнем кабинета ученых», собиравшихся у Чекмазова, и занимал там центральное место, давая темы для ученых бесед и оживляя эти беседы.

На ученом собрании Алферьев мог, например, свободно говорить по вопросам палеонтологии — об эрратических камнях, — и по этому поводу называл естествоиспытателя Агассиса шарлатаном и истреблял его теорию ледников за то, что он пишет о Соединенных Штатах в духе плантаторов. Алферьев, выступая против Агассиса, идеалиста и метафизика в науке и сторонника рабства в политике, зарекомендовал себя как прогрессивный ученый-материалист, сторонник Дарвина и друг угнетенного негритянского народа. Разоблачение Агассиса свидетельствует также о критическом и творческом отношении русского революционера к выводам ученых. Даже Джон Гершель и Александр Гумбольдт Алферьевым выставались более с хорошей стороны «не без сильных порица-

ний» (XII, 51). Резко критикует он реакционную теорию Мальтуса.

Творческое отношение к изучению естественных наук помогает Алферьеву познать законы природы. Так, например, он пытается обосновать диалектический закон «борьбы» противоположностей из наблюдений над физическими явлениями. «Всякая жизнь, — рассуждает Алферьев, — есть поляризация. В магнетизме, в электричестве, в ньютоновом законе, всюду вы видите раздвоение силы, стремящейся по противоположным направлениям и из противоположных направлений соединяющейся в одно явление — эта обратная сторона поляризации известна под именем теоремы параллелограмма сил, — вернее назвать ее: диагонализм сил» (XII, 52).

Закон «диагонализма сил» Алферьев пытается применить для объяснения социальных противоречий в общественной жизни. Это обусловлено его революционным демократизмом. Однако в суждениях Алферьева, подводящего будущность человечества под закон поляризующего диагонализма, мы имеем дело только с зачатком исторического материализма. Нужно иметь в виду известный механицизм этого принципа, связанный с отсутствием материалистического понимания истории.

Большой материал для выяснения роли естественных наук в формировании мировоззрения «новых людей» дает произведение Чернышевского «Повести в повести». Один из героев его, Сырнев, в 17 лет уже кончил ученый труд, о возможности которого даже не мечтали астрономы-математики. Он определил элементы планеты, находящейся далее за Нептуном и производящей пертурбации в его движении. В примечаниях автор пишет о том, какой огромный труд нужно было вложить в эту научную работу, и передает отзыв одного из видных ученых в этой области: «Со времени Паскаля не было примера столь раннего развития, столь сильного математического гения» (XII, 168).

Опять-таки, как и у Рахметова, изучение точных наук было только первым этапом деятельности Сырнева. Оно позволило ему перенести опыт точного «высшего анализа» на «нравственно-общественные науки» (XII, 169). Точный научный метод с его «беспощадной» снисходительностью он применял к явлениям человеческой жизни. До конца своих дней Сырнев работает над научным

трудом «Анализ интегралов и дифференциалов качества и действия», в котором он дает всем отношениям идей и фактов такой научный способ выражения, какой дан алгеброю для отношений по количеству.

Подобная методика научных занятий Сырнева, направленная на установление законов не только в области естественных и точных, но и в области общественно-нравственных наук, основана на глубоком убеждении Чернышевского и его героев в познаваемости внешнего мира — и материального, и нравственно-общественного... «Факты и законы, открываемые химиею, — писал Чернышевский, — так же достоверны, как факты и законы, открываемые астрономиею. То же надобно сказать о результатах нынешних точных исследований в нравственных науках» (VII, 259).

Поборник познаваемости и достоверности полученных знаний в области естественных наук, Сырнев пересмотрел, однако, истины, считавшиеся достоверными в области нравственно-общественных наук, и произносил по поводу их свое ледяное «неизвестно». Этот знаменитый возглас «неизвестно» не является признаком агностицизма Сырнева. В нем звучит революционная нетерпимость ученого-гуманиста, отбрасывающего реакционные выводы буржуазной науки.

«Для него, — пишет Чернышевский, — было «неизвестно», существует ли на свете хоть один человек, который «действительно дурен»; «неизвестно», было ли насквозь проедено испорченностью сердце даже величайших злодеев и негодяев... Но ему было «известно», что даже для них было бы легко и приятно стать добрыми и честными; ему было «известно», что никто из людей неспособен любить зло для зла, и каждый рад был бы предпочитать добро злу при возможности равного выбора» (XII, 169—170). Провозглашение героем Чернышевского тезиса: «человек добр по своей натуре» направляло энергию людей на изменение несправедливых общественных отношений, порождающих зло. Однако в суждениях Сырнева есть слабые стороны. Его формулировка: «дело не в том, чтобы порицать кого-нибудь за что бы то ни было, а в том, чтобы разбирать обстоятельства, в которых находится человек» — в своей первой части неудачна, а поэтому в целом — односторонняя.

Характеристика мировоззрения Сырнева свидетельст-

вует о том, что изучение естественных наук позволило ему обосновать материалистическое положение о познаваемости внешнего мира. Несмотря на то, что Сырнев еще не дает научной разработки законов общественной жизни, его установка на познаваемость их является прогрессивной для того времени.

Путь «новых людей» к вершинам революционной теории нередко сопровождался срывами, ошибками, которые затем преодолевались в ходе общественной практики. Поучительны в этом плане идейные искания Владимира Васильевича, героя романа Чернышевского «Отблески сияния».

Владимир Васильевич изображен в романе «Отблески сияния» революционным демократом. Чернышевский очень скуп и намеками говорит о его практической революционной деятельности, связанной с западноевропейскими революционными событиями 70-х годов, в частности с Парижской Коммуной, о которой в романе упоминается дважды. Большое внимание в произведении уделяется ученым занятиям Владимира Васильевича:

«Ты поднялся в мире учености уж очень высоко. Тебе двадцать семь лет — и специалисты Европы по каждой из тех отраслей знания, которыми занимаешься ты, уж признали тебя одним из первых специалистов» (XIII, 635 — 636), — говорит Владимиру Васильевичу его мать Антонина Михайловна.

Характер научных работ Владимира Васильевича таков, что они были необходимы для понимания крупных и очень трудных вопросов «из различных эпох всеобщей истории, из истории философии, из других наук о человеческой общественной и умственной жизни» (XIII, 636), т. е. они были связаны с выработкой правильной революционной теории.

После поражения Парижской Коммуны, в период наступившего упадка духа, Владимир Васильевич сблизился с «ученым отделом» тех «пошлых людей», которые проповедывали человеконенавистнические мальтузианские теории «о неотвратимости зла и о его благотворности». Для разъяснения смысла общественных событий он обращается к учению Дарвина, причем его привлекает мальтузианская сторона в этом учении.

«Мысли о благе людей сменились мыслями о личной славе, — объясняет свой кратковременный перелом сам

Владимир Васильевич. — Влечение к друзьям блага людей заменилось порицанием ошибок этих энтузиастов, порицанием самого энтузиазма; порицание энтузиазма привело к одобрению рассудительного образа действий пошлых людей; с ученым отделом этих пошлых людей я даже сблизился. Они — ученые и рассудительные; я — тоже ученый и рассудительный. И слушал я их ученое вранье о неотвратимости зла и о его благотворности» (XIII, 636).

«Друзья блага» — революционеры считают, что для облегчения участи народа надо революционными действиями изменить существующий общественный строй, существующие государственные учреждения, уничтожить частную собственность и создать новые справедливые человеческие отношения. Так поступили коммунары Парижа.

Чтобы сохранить старые порядки и оправдать разгром Коммуны, господствующие классы привлекли «учение» Мальтуса, который в свое время защищал незыблемость дурных английских учреждений, незыблемость несправедливого общественного строя.

Сумев в конце концов разобраться в реакционной сущности мальтузианства, Владимир Васильевич с возмущением говорит об ученом вранье своих бывших друзей-мальтузианцев, дарвинистов-социологов, пытавшихся учением Дарвина оправдать «войну всех против всех». По теории этих «омерзительных вралей», «зло — источник добра. Тигр — причина тому, что обезьяна стала умна, придумывая способы спастись от его когтей... Истинный создатель цивилизации, истинный творец науки и искусств — тигр. Возблагодарим его, и будем подражать ему для блага человечества» (XIII, 636), — с иронией говорит Владимир Васильевич, едко высмеивая реакционеров, которые звериный закон эксплуатации человека человеком возводят в идеал, считая его основной и нерушимой силой прогресса.

Некритическое перенесение реакционного учения в естествознании на развитие общества привело героя романа к тупику, к идейному кризису. Но Чернышевский показывает, как тот же Владимир Васильевич может верно подойти к разрешению проблемы соотношения законов естественных наук и законов общественной жизни.

Владимир Васильевич заинтересовался проблемой влияния внешней среды на организм. «Я потратил в эти годы очень много времени, — говорит он, — на изучение

фактов о влиянии тропического и экваториального климата на энергию мускулов и умственной жизни. Я расположен, наперекор господствующему мнению, думать, что оно выгодно» (XIII, 690). Как ученый-материалист, Владимир Васильевич, следовательно, в разрешении этого вопроса естествознания пришел к правильным выводам. Перед ним встал вопрос: можно ли перенести это положение на изучение общественной жизни? Может ли географическая среда иметь решающее влияние на ход истории? На этот раз Владимир Васильевич данный вопрос решает отрицательно, так как такое изучение «в специальной физиологической постановке вопроса не имеет важности для историка; взгляд историка охватывает факты несравненно шире, влияние очень теплого климата — благоприятно ли оно, или нет — все равно совершенно заслоняется действием событий и порядков военной и гражданской жизни людей» (XIII, 690).

Рассказывая о сложном пути своего героя, Чернышевский показывает, как жизненно необходима для революционного деятеля правильная теория. Законы общества столь же объективны и познаваемы, как и законы науки. Но общество развивается по своим особым законам, отличным от законов естествознания. Ошибочно преувеличивать роль географической среды при оценке общественных событий. Нельзя сводить законы общественной жизни к законам биологии, как это делают последователи Мальтуса.

5.

В галерее замечательных образов ученых нового типа — преобразователей общества и природы — выдающееся место занимает образ Кирсанова («Что делать?»). В нем Чернышевский нарисовал типичного представителя революционной разночинной молодежи, самостоятельно проложившего путь к знанию, ставшего на уровень современной мировой науки и сумевшего превзойти его.

В 60-е годы, как мы уже отмечали, растет тяга молодежи к изучению естественных наук. Поэтому не случайно герой тургеневского романа «Отцы и дети» Базаров, герои Чернышевского Лопухов и Кирсанов посвятили себя работе в различных областях естествознания.

Интересно отметить, в связи с этим, что молодые люди 40—50-х годов, представители дворянской интеллигенции, получали образование в университете на гуманитарных факультетах: обучались философским, историческим, филологическим, этико-политическим, юридическим наукам. Герцен в романе «Кто виноват?» воссоздал характерную для 40-х годов сцену выбора профессии молодым человеком. Дядя Владимира Бельтова предлагает племяннику идти «по дохтурской части». Воспитатель Бельтова женевец возражает: «Конечно, поприще врача прекрасно, но я не знаю, отчего же Владимиру Петровичу не идти по гражданской части, когда всеми средствами стараются, чтобы образованные молодые люди шли в службу?»

В конце концов мнение дяди — все же мнение «оригинала» большой руки, ненавидимого всею роднею, мнение «капризного холостяка», и Владимир Бельтов пошел не по медицинской части, а по этико-политической.

И только через десять лет Бельтов, испытавший разочарования в служебной деятельности, пришел к выводу, что дядюшка был прав, советуя овладеть профессией врача. В поисках настоящего призвания он занимается медициной, ходит в зал анатомического театра. «Но он в эту аудиторию, — пишет Герцен о своем герое, — не принес той чистой любви к науке, которая его сопровождала в Московском университете; как он ни обманывал себя, но медицина была для него местом бегства: он в нее шел от неудач, шел от скуки, от нечего делать».

Дворянское воспитание не способствовало появлению интереса у молодежи к естественным наукам, которые в лучшем случае были для них «местом бегства». Неприспособленные к труду, они на медицинском поприще терпели неудачу.

Другой представитель дворянской молодежи, Павел Шубин, в романе Тургенева «Накануне» учился на медицинском факультете. Но это не значит, что он сознательно выбрал специальность. Тургенев пишет, что он поступил на этот факультет «с грехом пополам», и притом он «не чувствовал никакого расположения к медицине, но, по существовавшему в то время штату студентов, ни в какой другой факультет поступить было невозможно». Здесь уже речь идет не о призвании, а о том, как бы себя определить куда-нибудь. Конечно, Шубин при таких обстоятель-

ствах не смог окончить ни одного курса медицинского факультета.

Итак, если для дворянской молодежи 40—50-х годов была типична тяга к гуманитарным наукам, то в эпоху 60-х годов разночинная молодежь идет на медицинские факультеты университетов или в Петербургскую Медико-хирургическую Академию. Чернышевский и перед этим Тургенев сумели подметить этот типичный поворот в научных интересах молодежи двух поколений¹, который был связан с интересом к науке о самом человеке — к медицине и физиологии. Разночинная молодежь учитывала жизненную важность естественных наук, имевших практическое значение в борьбе за подчинение природы человеку и увеличение народного благосостояния.

Труден путь разночинцев к вершинам знания и культуры. То, что дворянам дается легко, разночинцы покупали ценой здоровья и молодости. Многие не выдерживали жизненной борьбы, спивались или преждевременно умирали. Но, выучившись, они выходят стойкими, волевыми, овладевают знаниями и больше, чем дворяне, пригодны для настоящего дела².

Поднимая вопрос о путях к образованию людей из народа, Чернышевский указывал, что несправедливые общественные отношения в царской России не благоприятствуют развитию науки, пополнению научных кадров из рядовых талантливых представителей народных масс. Тот факт, что «Ломоносову удалось же из мужика стать ученым», Чернышевский считал не типичным для самодержавной России, так как «мужицкие обстоятельства вовсе не благоприятствуют превращению мужиков в ученых людей» (VII, 615)³. Напрашивался вывод о необходимости установить такой общественный строй, который бы лишил тунеядцев привилегированного положения и открыл дорогу к науке новым Ломоносовым.

Для конкретизации тех жизненных типических обстоятельств, в условиях которых проходило обучение

¹ О двух течениях в студенческой общественности конца 50-х годов пишет Д. И. Писарев в работе «Наша университетская наука».

² Высказывания Н. Г. Чернышевского по этому поводу см. VII, 235—236, XIV, 101—102, XV, 725—726.

³ Дополнительные высказывания Н. Г. Чернышевского по этому вопросу, расширяющие наше представление о романе «Что делать?», см. IX, 65—66.

Лопухова и Кирсанова, полезно вспомнить одно студенческое письмо, использованное Чернышевским в его статье «Опыты открытий и изобретений»: «Больше половины моих товарищей не имеют гроша за душою. Они бьются, как рыба об лед; многие из них по целым неделям не пьют чаю, не имеют табаку... Из 1300 студентов здешнего университета около 1000 человек — мученики своего стремления образоваться, стать порядочными людьми» (X, 67—68). После такого яркого документа той эпохи особенно убедительно стремление писателя заострить внимание читателей на всех деталях, связанных с формированием нового типа интеллигента, с его сложным путем к вершинам науки. Лопухову, как видно из романа, еще сравнительно «повезло», так как он принадлежал к тому очень малому меньшинству медицинских вольнослушателей, т. е. не живущих на казенном содержании, студентов, которое не голодает и не холодает. «Как и чем живет огромное большинство их — это богу, конечно, известно, а людям непостижимо».

Чернышевский впервые в литературе показал, как разночинцы Лопухов и Кирсанов «грудью, без связей, без знакомств пролагали себе дорогу». Нет надобности подробно говорить о том, что литературные герои из среды дворянской молодежи имели массу покровителей и нянек при вступлении на жизненное поприще. Например, Шубину помогала деньгами тетка Анна Васильевна, покровительствовал сенатор Волгин.

Новаторство Чернышевского в подчеркивании тех типичных обстоятельств, при которых пробивались разночинцы в науку и в жизнь, выступает еще ярче, если мы припомним, как получал образование Егор Молотов у Помяловского («Мещанское счастье»). Это тоже разночинец, но автор рисует благоприятные условия, позволившие ему закончить университет (материальная поддержка старого воспитателя — профессора). Конечно, путь Молотова к образованию не типичен для разночинца. В этом отношении у Помяловского более удачен образ разночинца Лесникова (отрывок из романа «Брат и сестра», «Андрей Федорыч Чебанов»), «кандидата университета, мещанского происхождения, человека, прошедшего огонь и воду и исходившего почти всю Русь пешком: он из Вологды пришел в Питер с несколькими пятаками в

кармане, тяжелым трудом добыл ученую степень и теперь начинал пробивать себе дорогу в свете».

Правдиво показав в романе «Что делать?» тяжелый и мучительный путь разночинца к знаниям, Чернышевский проводит интересную мысль о том, как разночинец, представитель простонародья, материально не обеспеченный, приходит к выводу, что спасенье может быть дано ему наукой. Примечательно, что подобное положение подчеркивает и Н. Г. Помяловский в повести «Мещанское счастье», когда говорит, что мальчик Егорушка Молотов, сын безграмотного слесаря, воспитавшийся после смерти отца у старого профессора Василия Ивановича, «полюбил науку; он инстинктивно чувствовал, что чрез нее только станет человеком, потому что он не был породистым мальчиком». В романе «Что делать?» (гл. «Гамлетовское испытание») по существу эти же мысли высказывает Лопухов в разговоре с Верой Павловной: «Любовь к науке была только результатом, возникавшим из дела, а не причиной его; причина была одна — выгода» (XI, 65).

Таким образом, первоначально научное поприще разночинной молодежи представляется как средство утвердить свое место в жизни, получить материальное обеспечение и независимость.

Однако, рассматривая отношение новых людей к науке, нельзя останавливаться только на мотивах, причинах, побудивших их к научной деятельности. Это только первоначальная ступень восхождения разночинца к вершинам науки. Затем наука становится для них средством облегчить жизнь других людей, и во имя такой науки они отдают свою жизнь, отказываясь от материальных удобств и обеспеченного существования.

В этом отличие Лопухова и Кирсанова от тургеневского Базарова, который на пути к науке остановился на первой ступени. Базаров считал, что «есть науки, как есть ремесла, звания; а наука вообще не существует вовсе».

Нигилистические мысли Базарова о науке не характерны для героев Чернышевского. Признавая выгоду научных занятий, они в то же время идут дальше в своем отношении к науке. Рассказывая о планах на будущее Лопухова, Чернышевский пишет, что тот не хотел заниматься практикой, которая одна дает медику средства для

достаточной жизни. Лучшие из медицинских студентов, пишет Чернышевский, «для пользы любимой науки... отказываются от богатства, даже от довольства, и сидят в госпиталях, делая, видите ли, интересные для науки наблюдения, режут лягушек, вскрывают сотни трупов ежегодно и при первой возможности обзаводятся химическими лабораториями» (XI, 46). Так встают перед нами величавые образы ученых, тесно связанных с народом. Это не ремесленники в науке, а творцы науки, подготовляющие ее новый расцвет.

С первого взгляда между Базаровым, с одной стороны, и Кирсановым и Лопуховым, с другой, есть большое сходство. Базаров, сам медик, не верит в силу медицины; Лопухов с Кирсановым тоже готовы бранить медицину. Однако Базаров пессимистически утверждает, что «сперва надо азбуке выучиться и потом уже взяться за книгу, а мы аза в глаза не видели». Он занимается эмпирической работой по сбору фактов. У героев же Чернышевского экспериментальная работа, сбор фактов освещаются передовой научной теорией и сопровождаются выводами. Базаров не окрылен большой мечтой ученого — обогатить науку новыми открытиями. А Кирсанов полон энергии преодолеть отставание медицины. У Базарова нет перспективы во взгляде на науку, Кирсанов же знает, что человек в силах ее преобразовать.

Герои Чернышевского считают, что медицина находится еще в младенческом состоянии, многие вопросы медицины еще не разрешены. Владимир Бельтов (роман Герцена «Кто виноват?»), занявшийся медициной, тоже «очень скоро натолкнулся в новых занятиях своих на те вопросы, на которые медицина учено молчит и от разрешения которых зависит все остальное». Но Бельтов не преодолел неизбежных трудностей: «Он остановился перед ними и хотел их взять приступом, отчаянной храбростью мысли, — он не обратил внимания на то, что разрешения эти бывают плодом долгих, постоянных, неутомимых трудов: на такие труды у него не было способности, и он приметно охладел к медицине».

Дворянин Бельтов — дилетант в медицине. И как ему далеко до подлинных ученых — героев Чернышевского! Бельтов считал бы себя бессовестным человеком, если бы осмелился лечить больного при современной разногололице во всех физиологических вопросах. Но помочь лик-

видировать ее он не в силах. Лопухов и Кирсанов решили работать для науки, внести свой вклад в ликвидацию этой разногласности. Успешной работой в этом направлении Кирсанов обогащал не только медицинскую науку, но и практическую медицину: «Ну, этого Кирсанов берет в свою палату, — значит труден», — говорили служители между собой, а потом больному: «Будь благонадежен: против этого лекаря редкая болезнь может устоять, ма-стер; и как есть, отец».

Как известно, Бельтов охладел не только к медицине, но и к медикам. Но он, очевидно, был знаком с ремесленниками медицины, с теми, кому хотелось «вечером играть в карты», «хотелось практики». Бельтов же мечтал о врачах, отдавших свою жизнь науке, которые бы к кровати больного подходили как к высшему священнодействию. Герцен в 40-е годы не создал образа такого ученого медика ни в романе «Кто виноват?», ни в повести «Доктор Крупов». В 60-е годы эту задачу выполнил Чернышевский.

В романе «Что делать?» воплощен новый тип ученого, трудящегося на пользу народа. Наука для Кирсанова и Лопухова — не самоцель, а одно из средств облегчения жизни народа. При помощи хорошо разработанной медицинской науки и изменения условий жизни люди научатся бороться с болезнями, старостью и смертью. В обществе будущего, нарисованном Чернышевским в четвертом сне Веры Павловны, очень мало стариков и старух. Мало их потому, объясняет Чернышевский, что здесь очень поздно становятся ими, здесь здоровая и спокойная жизнь, которая сохраняет людям свежесть. Таких результатов человечество достигнет при ликвидации эксплуататорского строя и установлении новых общественных отношений. Но несомненно также, что в создании здоровой и спокойной жизни людей будущего огромную роль будет играть медицина, расцвет которой всегда бывает «прямо пропорционален материальному благосостоянию массы» (IX, 66). Кирсанов своим научным трудом и общественной деятельностью подготавливает этот расцвет.

Чернышевский на конкретном примере показывает повседневную работу Кирсанова во имя здоровой и спокойной жизни людей светлого будущего. В гл. XXII («Теоретический разговор») Лопухов разговаривает с Кирсано-

вым об опытах последнего над искусственным производством белковины. «По-моему, это великое открытие, если оправдается», — говорит Лопухов и торопит друга повторить опыты: «Ведь полный переворот всего вопроса о пище, всей жизни человечества, — фабричное производство главного питательного вещества прямо из неорганических веществ. Величайшее дело, стоит ньютонова открытия» (XI, 180).

О всей жизни человечества мечтают эти ученые — новаторы, вышедшие из низов общества. И Кирсанов уверен в окончательном успехе своих важных опытов: «Раньше или позже, мы до этого дойдем, несомненно; к тому идет наука, это ясно».

Ученые Чернышевского стремятся создать крепкую и широкую основу для медицинской науки, и основу эту они видят в физиологии и химии. Кирсанов и Лопухов выбрали своей специальностью нервную систему. Это знаменательно для 60-х годов, когда выступил Сеченов со своей бессмертной работой «Рефлексы головного мозга». Насколько основательно овладел Кирсанов специальностью, можно судить по его успешному лечению Кати Полозовой, основанному исключительно на блестящем знании психики человека. Кирсанов знает, что от него начинают ждать больше, думают, что он переработает целую большую отрасль науки, все учение об отправлениях нервной системы. «И я чувствую, — говорит он Вере Павловне, — что исполню это ожидание» (XI, 267).

Кирсанов — ученый-материалист, проводящий передовые идеи в науке. Он интересуется вопросом «о климатическом влиянии на здорового и больного» (XI, 725)¹. Прочная материалистическая основа помогает Кирсанову делать смелые выводы и обобщения, необходимые при разработке научных проблем. «И я могу теперь обнимать мыслью гораздо больше фактов, чем прежде, выводы у меня выходят и шире, и полнее» (XI, 267), — с чувством удовлетворения говорит он. Герои Чернышевского считают, что мир познаваем, и опровергают идеалистическую фило-

¹ Борьба по вопросу о роли внешней среды между представителями материалистической науки и идеалистами занимала большое место в научной жизни 60-х годов. И. М. Сеченов утверждал в своих лекциях 1861 г., что «организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен...». Противоположную идеалистическую позицию занимал Страхов в «Письмах о жизни» (1866).

софию, агностицизм и скептицизм в вопросах познания¹. Энергично защищает Чернышевский материализм Кирсанова и Лопухова в IX разделе второй главы.

Кирсанов у Чернышевского выступает ученым с мировым именем. Писатель противопоставляет его тем бездарным реакционным ученым, которых так много было в царской России и которые тормозили развитие передовой русской науки. Знаменательно в этом плане описание избрания Кирсанова на кафедру (XI, 146).

Чтобы представить, какие трудности ожидали Кирсанова на пути к докторству и к кафедре, достаточно привести выдержки из писем И. М. Сеченова к И. И. Мечникову по поводу провала последнего на выборах в профессуру Медико-Хирургической Академии. «Простите же меня еще раз, — пишет Сеченов 16 ноября 1869 г., — что я позволил себе ошибиться, как ребенок, насчет моральных свойств большинства моих почтенных товарищей, но вместе с тем посмотрите, в какую помойную яму попали бы Вы, будучи избраны»². Очевидно, аналогичное положение существовало и на том Ученом совете, на котором баллотировался Кирсанов: только четыре человека считались его явными сторонниками, огромное же большинство избравших было против него. Но все-таки ученый-разночинец и тут победил!

Победа Кирсанова несомненно завоевана его научным авторитетом. Но как трудно доказать научные заслуги Кирсанова этим обитателям «помойной ямы»! С этой целью друзья Кирсанова вынуждены сослаться на имена западноевропейских светил. Нужды нет в том, что эти реакционеры и невежды в науке не знают ни Вирхова, ни Клода Бернара. Была бы ссылка на авторитет иностранца.

Эпизод избрания Кирсанова на кафедру помог Чернышевскому показать во всем величии выдающихся русских ученых, вносящих свой вклад в мировую науку. Русские исследователи в шестидесятые годы заставили говорить о себе крупнейших ученых Европы. Товарищ Чернышевского по каторге С. Г. Стахевич вспоминает, как в июне 1864 года в Тобольской тюрьме Чернышев-

¹ См. спор Лопухова и др. участников загородной прогулки, т. XI, стр. 138—139, 467.

² Сб. «Борьба за науку в царской России», М.—Л. 1931, стр. 54, 56.

ский попросил у него книгу для чтения. «Из перечисленных мною книг, — пишет Стахевич, — он выбрал физиологию Функе (на немецком языке). Через несколько дней, возвращая книгу, сказал мне: — С большим удовольствием нашел в этой книге почетное упоминание о научных работах наших русских людей: Сеченова, Якубовича, Овсянникова»¹. Кирсанов олицетворяет эту передовую часть русских ученых, получивших мировую известность.

Он еще на втором курсе Академии, по словам Крюковой, уже много знал по медицине и «вперед заходил в науках» (XI, 154). Эта привычка «вперед заходить в науках» осталась у него на всю жизнь, а когда Кирсанов еще оканчивал курс обучения, она привела к тому, что Клод Бернар отзывался с уважением о его работах.

С патристической гордостью Чернышевский вторично передает отзыв Клода Бернара о русском ученом Кирсанове: «Напрасно вы приехали в Париж изучать успехи медицины, — говорит крупнейший французский ученый одному из петербургских медиков, — вам незачем было выезжать для этого из Петербурга». Вполне вероятно, что Чернышевский, приводя прекрасный отзыв Клода Бернара о работах Кирсанова, имел в виду взаимоотношения знаменитого русского ученого И. М. Сеченова с европейскими учеными, высоко ценившими научные заслуги Сеченова².

Чернышевский показывает превосходство молодого ученого Кирсанова, одного «из лучших украшений нашей медицинской науки» (XI, 592) над рутинерами и шарлатанами в науке. Мы уже говорили о невежественной части академического профессорства при анализе эпизода с выборами Кирсанова на кафедру.

С изумительным сарказмом Чернышевский рисует

¹ С. Г. Стахевич, Среди политических преступников, в сб. «Н. Г. Чернышевский (1828—1928)», М. 1928, стр. 58.

² Взаимоотношения И. М. Сеченова и Клода Бернара хорошо освещены в работе Х. С. Коштоянц «И. М. Сеченов», Госмедиздат, М. 1950, стр. 37. О большом интересе русских революционных демократов к К. Бернару свидетельствует письмо А. А. Серно-Соловьевича к М. В. Ивашевой-Трубниковой (1868 г.), см. «Звенья», 1935, № 5, стр. 395. По вопросу оценки работ И. М. Сеченова венским профессором физиологии К. Людвигом см. И. М. Сеченов, Избранные труды, 1935, ВИЭМ, Биографический очерк М. Н. Шатерникова, стр. XIV.

«тузов» и знаменитостей великосветской медицинской практики в главе, описывающей болезнь Кати Полозовой и ее лечение. А. А. Озерова, автор учебного пособия для учителей по творчеству Н. Г. Чернышевского, считает эпизод с ролью Кирсанова в излечении Полозовой, «может быть», «несколько натянутым»¹. С этим мнением никак нельзя согласиться. В нескольких разделах V главы романа «Что делать?» образ Кирсанова обогащается новыми деталями, а главное, Кирсанов здесь *показан в действии*, в столкновении с «знаменитостями» петербургской медицины. В этом столкновении проверяется научная эрудиция, основательность методов лечения, отношение к больному представителей двух различных научных лагерей: лагеря передовой медицинской науки в лице Кирсанова и лагеря реакционеров и шарлатанов в науке в лице членов консилиума и «самого козырного туза» Карла Федоровича, лечившего Полозову до Кирсанова. Победителем здесь выходит Кирсанов.

До этого эпизода читатель знал о мастерстве Кирсанова как ученого и врача-практика со слов его сослуживцев. Затем о практической деятельности Кирсанова как врача мы узнаем от самого автора, который сообщает, как в первый день совместной жизни Кирсанова с Верой Павловной студенты уводят молодого профессора в госпиталь, куда только что привезли «интересного субъекта» с «чрезвычайно редким осложнением». До 4 часов ночи оставался Кирсанов в госпитале — и больной был спасен, а «случай был трудный и интересный».

Эти сведения о Кирсанове очень драгоценны, но в приведенных сценах Кирсанов не показан в действии. Сообщается только о результатах его успешного лечения, но сам процесс лечения не показан. Мало мы знали и о больном, которого Кирсанов возвращает к жизни. Все эти недостатки восполняет эпизод с излечением Кати Полозовой: Чернышевский предоставляет читателю возможность наглядно сравнить деятельность Кирсанова и «тузов» петербургской медицинской практики.

Для «тузов» на первом месте стоит забота о том, чтобы не уронить свой «авторитет», для них очень важно, как другие на него смотрят. Большую роль «тузы» отводят

¹ А. А. Озерова, Н. Г. Чернышевский, Учпедгиз, М. 1956, стр. 135.

чинам, званиям и орденам. Именно по чину и званию в первую очередь отрекомендовался тот из «тузов», который ездил к К. Бернару. В первоначальной редакции романа Чернышевский особенно сильно подчеркивал страсть медицинских светил к орденам. Он писал, что «на консилиуме при пяти человеках состояло восемь звезд: почти все медицинские звездные знаменитости таскают на себе свои звезды без пощады, без спуска... О, как бы я желал иметь звезду! — иронически восклицает автор. — Клянусь, на все готов, только укажите мне средство получить звезду!» (XI, 618). Тайну получения звезды раскрывает раздел XVII четвертой главы, в котором читаем об «отчасти знакомом, но больше незнакомом собрате» Кирсанова по медицине, враче-шарлатане. Этот господин (он из той же среды великосветских медицинских «тузов») находится в хороших отношениях с «просвещенным мужем», возглавившим гонения на мастерскую Веры Павловны. Самодержавная власть покровительствует медицинским шарлатанам, она дает им чины и награды. По своему мировоззрению все эти «тузы» являются защитниками самодержавно-крепостнического строя. Так Чернышевский глубоко вскрыл политическое лицо проходимцев и невежд в науке.

Мы знаем, что Кирсанов брался лечить только самых «трудных и интересных» больных и выходил всегда победителем, обогащая в то же время науку. «Тузы» же проявляют, мягко выражаясь, недобросовестность в отношении к трудно излечимым больным. «Если приближается неизбежный, по мнению туза, карачун больному, — пишет Чернышевский, — и по злонамеренному устроению судьбы нельзя сбить больного с рук ни водами, ни какую другую заграницу, то следует сбить его на руки другому медику, — и туз готов тут, пожалуй, дать денег, только возьми» (XI, 293).

Чернышевский вскрывает полнейшую профессиональную несостоятельность знаменитых медицинских «мудрецов» Петербурга. Один из них — Карл Федорович, лечивший Полозову, не может поставить больной диагноза. И вот он придумал *atrophia nervorum* — «прекращение питания нервов». Ему и самому неизвестно, бывает ли на свете такая болезнь или нет. Не может определить причины болезни Полозовой и консилиум, составленный из «тузов». Все они со спокойной совестью обманывают и

больную и ее отца. И что всего ужаснее, не разобравшись в болезни, они равнодушно согласились прекратить страдания больной смертельным приемом морфия, о чем Полозову объявил «важнейший из мудрецов приличным грустно-торжественным языком и величественно-мрачным голосом» (XI, 301).

На фоне этих шарлатанов, обманщиков, охотников до чинов и денег, невежественных людей в мундирах врачей выступает обаятельный образ Кирсанова, врача-ученого, труженика. Ему удалось одурачить «тузов» потому, что он знает все их приемы работы. Но Кирсанов хорошо разбирается также и в психологии больной Кати Полозовой. Кирсанову нечего было много обследовать больную, чтобы видеть, что упадок сил происходит от какой-то нравственной причины. Итак, диагноз поставлен. Но как много нужно положить труда, чтобы победить недоверчивость больной и сломить упрямство отца! Кирсанов выступает другом больного, истинным гуманистом, знатоком психологии человека, и это помогло ему вылечить Катю Полозову. Исключительно смелым, но до мелочей продуманным приемом (приемом сугубо специфическим в связи со своеобразной семейной ситуацией, возникшей в доме больной), Кирсанов добился создания благоприятных условий для ее успешного лечения. Кирсанову удалось выполнить вторую задачу, далекую от медицины: добиться того, чтобы Катя разочаровалась в Соловцеве. И опять ему помогло прекрасное знание человеческой души и сердца.

В эпизоде с излечением Полозовой Чернышевский показал нам Кирсанова как ученого, соединяющего научную деятельность с непосредственной медицинской практикой, которую обогащает научная мысль, основанная в данном случае на изучении нервной системы. Мы знакомимся с приемами обращения Кирсанова с больным: между врачом и больным необходимо установить полное доверие, простые человеческие отношения, врач должен быть человеком, страстно заинтересованным в спасении больного.

Не отставать в науке, идти вперед, перерабатывать целые отрасли науки, обогащать ее новыми открытиями — вот девиз настоящего ученого-новатора. Именно таким исследователем является Кирсанов. Знаменательно его признание Вере Павловне: «...Я чувствую, что я

все еще расту» (XI, 267) ¹. А ведь Кирсанов считает, что он родился только чернорабочим, мелким тружеником, который разрабатывает частные вопросы в науке. Любовь к Вере Павловне вызвала подъем его умственных и нравственных сил. Привычка трудиться, «идти вперед в науках», привычка совершенствоваться и расти, вера в великое значение науки для народа способствовала превращению Кирсанова из чернорабочего в науку в первоклассного ученого, перерабатывающего все учение об отправлениях нервной системы, в «одного из лучших украшений нашей медицинской науки».

Необходимо остановиться еще на одном замечательном качестве Кирсанова и его друзей. Кирсанов не замыкается в тесные рамки чистой науки. Мы знаем его как ученого-гражданина, общественного деятеля, имеющего революционно-демократические убеждения. Правда, революционная деятельность является основной у Рахметова, а Кирсанов представлен читателю больше всего как человек науки, но это не значит, что мы должны игнорировать общественную его деятельность, без которой не может быть полноценного ученого.

Из романа мы узнаем, что Кирсанов еще в студенческие годы овладел всеми достижениями мировой философской и социалистической мысли. Когда среди студентов было еще мало «особенно умных голов» (умных в социальном смысле), он уже принадлежал к числу таких студентов. Нужно подчеркнуть, что именно Кирсанову суждено было быть первым политическим учителем Рахметова, именно после встречи с Кирсановым началось перерождение Рахметова в «особенного человека», в будущего Никитушку Ломова и ригориста.

Говоря о социалистических убеждениях Кирсанова, надо иметь в виду их резкое отличие от взглядов западноевропейских социалистов-утопистов. Западноевропейскую социалистическую литературу Кирсанов, как и Рахметов, изучал критически, не принимая многие ее положения. Об этом красноречиво свидетельствует разговор Кирсанова с «просвещенным мужем». Представитель самодержавной власти считает себя социалистом, ибо

¹ Чернышевский всегда предостерегал от отставания в науке. См. отзыв о «Сочинениях Т. Н. Грановского», т. III, стр. 359, «Повести в повести», т. XII, стр. 188.

«с наслаждением» читает Прудона и пытается представить Кирсанова своим единомышленником. Кирсанов с возмущением отвергает такое предположение. Он не желает быть последователем ни Прудона, ни Сэ, ни Рау. «Для причисления человека к последователям одного из них надобно иметь какие-нибудь основания» (XI, 594), — резко возражает он «просвещенному мужу».

Формирование революционно-демократического мировоззрения Кирсанова обусловлено тяжелыми жизненными условиями существования студента-разночинца, вынужденного отстаивать чувство собственного достоинства в столкновениях с представителями господствующих классов. Сама действительность наталкивала Кирсанова на мысли о социальном неравенстве, научила определять друзей и врагов. В этом отношении характерна сценка расправы Кирсанова с избалованным барским сыном Nikolas. Только силой можно отрезвить зарвавшегося барчука и отстоять свою честь и независимость! К подобным размышлениям приводили Кирсанова жизненные столкновения. Таким образом, чтение социалистической литературы находило подготовленную почву.

Восприятию социалистических идей Кирсановым способствовало также общение с демократически настроенной студенческой массой Медицинской Академии. Последняя была одним из главных центров революционного студенческого движения. О. В. Аптекман в книге «Общество «Земля и Воля» 70-х годов», рассказывая о Петербургской Медико-Хирургической Академии, пишет: «Здесь разночинным духом пахло, здесь демократизм был не наносный, а подлинный, *rig sang*... Нигде, думается мне, студенты не были так объединены, как в Академии. И объединяли их не только специальные медицинские, но и культурно-просветительно-общественные интересы»¹.

Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях упоминает в качестве активного члена тайного общества «Земля и Воля» 1862—1864 гг. студента Медико-Хирургической Академии С. Рымаренко, который вместе с А. Слепцовым принял в общество его и П. Утина. «Он пользуется, — пишет о Рымаренко Пантелеев, — между студентами-меди-

¹ О. В. Аптекман, Общество «Земля и Воля» 70-х годов, «Колос», 1924, стр. 61.

ками большою популярностью и много между ними работает»¹.

Активным участником общественного движения Кирсанов вместе с Лопуховым был не только в студенческие годы, но и после окончания Академии. Кирсанов и Лопухов имели влияние на молодежь, они руководили студенческим кружком, через него Рахметов был связан с революционно настроенным студенчеством Академии.

Не случайно А. А. Фет в своей злобной статье о романе «Что делать?» обратил внимание на то, что «все герои, указатели того, что делать, — имеют тесную связь с Петербургской медицинской Академией, на которую автор возлагает блестящие надежды»².

У Кирсанова и Лопухова был свой революционный кружок, который Чернышевский называет «обществом чистых людей» «с чистыми мыслями». Большое место в разговорах членов кружка занимала политика... «Теперь о политике толкуют все, — замечает автор, — тогда интересовались ею очень немногие; в числе немногих — Лопухов, Кирсанов, их приятели» (XI, 118).

Кирсанов не ограничивается передачей своих научных знаний студентам Академии. Знаниями должны овладевать и простые люди. Чрезвычайно заинтересованный в организации мастерской Веры Павловны («да и нельзя было не интересоваться ею человеку с его образом мыслей», XI, 151), Кирсанов становится самым деятельным помощником Веры Павловны в ее деле. Профессор в Академии, он также был «профессором», преподавателем того «лица всевозможных знаний», который Вера Павловна устроила в мастерской, стремясь к политическому просвещению работниц (XI, 161).

Несомненно участие Кирсанова с «его образом мыслей» в революционно-просветительной работе среди студенчества. И вполне закономерно студенты Академии относят его к «партии хороших профессоров». Для демократически настроенного студента в понятие «хороший профессор» включается не только глубокая научная эрудиция, а также общественное лицо ученого. Материалы о студенческих волнениях 1861—62 гг. говорят, как многие

¹ Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, 1934, стр. 260.

² «Литературное наследство», т. 25—26, стр. 495.

студенты отвернулись от тех профессоров, которые не сумели понять ход общественных событий и пошли наперекор им. Так случилось с проф. Н. И. Костомаровым. Последний 8 марта 1862 г. не выполнил решения студенческого комитета о прекращении лекции в думской зале, за что студенты аттестовали его «подлецом»¹.

Нашу мысль о том, что «хороший профессор» в представлении молодежи должен совмещать в себе и хорошего ученого и стойкого общественного деятеля, подтверждает также характеристика профессора И. М. Сеченова, данная его учеником и биографом М. Н. Шатерниковым: «Близкое общение слушателей с профессором при лабораторных занятиях дало возможность ученикам еще более оценить своего учителя. Они нашли в нем *убежденного и стойкого поборника идеалов света и свободы*; нашли вождя, указавшего им путь в светлый храм свободного научного творчества и воодушевлявшего их на этом пути своим энтузиазмом, своею страстною верою в силу и значение науки»².

Врач П. И. Боков получил известность своей медицинской практикой. Но еще больше он прославился как активный деятель революционных кругов 60-х годов, член тайного общества «Земля и Воля» того времени.

Именно таким же «убежденным и стойким поборником идеалов света и свободы», точнее: революционным демократом и прогрессивным ученым предстает в романе Кирсанов.

Революционно-демократическая идеология привлекла на свою сторону лучшую часть профессорства, передовую интеллигенцию. Понятно, почему реакционер М. Катков откровенно сокрушался: «Беда в том, что Кирсановы могут быть профессорами. Мерцаловы — иереями, их приятели — мировыми судьями, полковниками генерального штаба, тайными советниками и пр.»³.

Реакционный же лагерь, лагерь самодержавно-крепостнической Руси имеет в своих рядах таких отсталых в науке людей, какими являются невежественные и космополитствующие тузы великосветской медицинской практики. Не случайно Чернышевский одного из этих «зве-

¹ Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, стр. 204—205.

² Сб. «Борьба за науку в царской России», стр. 37—38.

³ «Московские ведомости», 1879, № 153.

здоносцев», ученых-знахарей связал в XVII разделе четвертой главы с блюстителем власти — «просвещенным» мужем!

Политические убеждения Кирсанова особенно ярко раскрываются в эпизоде визита Кирсанова к «просвещенному» мужу. Здесь социальный конфликт достигает своего высшего напряжения. В нем Кирсанов выступает представителем новой социальной силы и в области политики, и в области науки¹.

Поборник и деятель просвещения среди народных масс, Кирсанов выступает одним из первых инициаторов просвещения женщин и, больше того, сторонником прихода женщин в науку. Он убежден в необходимости участия женщин наравне с мужчинами в общественной, научной и хозяйственной жизни. Он согласен с Верой Павловной, что «женщина играла до сих пор такую ничтожную роль в умственной жизни потому, что господство насилия отнимало у ней и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию» (XI, 253). Кирсанов сыграл выдающуюся роль в подготовке первой женщины-врача. Нужно было подготовить Веру Павловну к экзамену, быть ее репетитором в занятиях медициною, а главное, преодолеть косное общественное мнение.

Итак, Чернышевский в романе «Что делать?» создал типичный образ передового ученого-демократа, посвятившего свою научную деятельность народу, светлому будущему человечества. Материалист в философии, революционер в политике — таково мировоззрение Кирсанова. Чернышевскому удалось создать правдивый образ ученого-гражданина, общественного деятеля потому, что он верно подметил ведущие тенденции развития русской науки в период общественного подъема 60-х годов.

Для раскрытия образа Кирсанова Чернышевский вводит сцены, в которых Кирсанов противопоставлен представителям господствующих классов и реакционной науки (разговор Кирсанова с «просвещенным» мужем, эпизод лечения Кати Полозовой, описание избрания Кирсанова

¹ Мысль о том, что все честные деятели науки должны неизбежно заинтересоваться общественными вопросами и работать для счастья народа, а не замыкаться в скорлупу чистой науки, Чернышевский приводит и в романе «Пролог», рассказывая о Нивельзине (XIII, 28—30).

на кафедру ученым советом, сцена расправы с Nikolas). Чтобы подчеркнуть типичность жизненного пути своего героя, автор применяет прием постоянного сопоставления Кирсанова с Лопуховым. Характеризуя революционную и общественную деятельность Кирсанова, писатель прибегает к «эзопову языку» (разговор с «просвещенным» мужем, беседы с работницами мастерской Веры Павловны и др.), к подчеркиванию дружбы Кирсанова с Рахметовым. По цензурным условиям Чернышевскому приходилось больше говорить о своем герое самому или передавать отзывы о нем других персонажей романа, поэтому Кирсанов сравнительно мало показан в действии. Когда представляется возможность говорить о научно-врачебной деятельности Кирсанова полным голосом, Чернышевский не ограничивается приемом характеристики героя через суждение о нем окружающих, а подробно описывает его работу.

Несмотря на наличие обобщенных авторских характеристик Кирсанова и Лопухова, мы воспринимаем героев романа в их индивидуальном своеобразии. Помогают этому описания внешности героев и наблюдения Веры Павловны над характерами и склонностями Лопухова и Кирсанова. Но особенно эта индивидуализация достигается прежде всего выделением профессиональной специализации героев в их практической деятельности на пользу народа. Своеобразие и неповторимость образа Кирсанова объясняется его научной деятельностью. У Лопухова в конце концов главное — работа среди «простолюдинов» в промышленном производстве.

Жизненности и правдивости образа Кирсанова во многом способствует умение Чернышевского показать Кирсанова в бытовых условиях, в сложных жизненных взаимоотношениях с другими людьми (с Лопуховым, Верой Павловной, Крюковой, Полозовой и т. д.). Речь героя, насыщенная научной, философской терминологией, лишней раз напоминает о специфике работы ученого (см. раздел XXII «Теоретический разговор»). Рельефность и жизненная правдивость образа Кирсанова достигается также описанием отношения его к искусству. Кирсанов любит оперу, понимает музыку, сам хорошо поет.

Таким образом, заостряя внимание читателей на главном в облике Кирсанова — его ученой деятельности,

Чернышевский в то же время стремится к всестороннему раскрытию самого образа, что придает ему еще большую художественную убедительность.

6.

Заметное место в творчестве Чернышевского занимает образ Авроры Васильевны из незаконченного романа «Отблески сияния», написанного в Сибири. Он во многом продолжает образ Веры Павловны. Подобно ей, Лоренька (ласкательное имя героини романа) выступает организатором и руководителем производственного товарищества. В то же время она — ученый, преобразователь природы.

Чернышевский уже в романе «Что делать?» сделал попытку рассказать о Вере Павловне как о первой русской женщине-враче. Замысел показать женщину-ученого, который не нашел развернутого воплощения в романе «Что делать?», очевидно, глубоко занимал Чернышевского. Еще до романа «Отблески сияния» писатель хотел осуществить его в одном рассказе, предназначенном для будущих «Рассказов из Белого зала». О нем мы можем судить по воспоминаниям С. Г. Стахевича.

В произведении «из российской жизни», о котором вспоминает Стахевич, главным лицом является ученая барышня. Родственники и близкие приятельницы зовут ее уменьшительно-ласкательным именем «Лоренька». «Из какого имени они образовали эту уменьшительно-ласкательную форму, — пишет Стахевич, — я забыл. В рассказе было упомянуто, что барышня успешно трудится над составлением энциклопедии юридических наук, и у нее том за томом вырастает сочинение, имеющее для юристов значение вроде того, какое для астронома имеют летописи гринвичской обсерватории; «таких книг никто на свете сплошь читать не в состоянии, а только ученые, когда нужно, раскрывают их для справок». Значительная часть рассказа изображала бы барышню почти воплощением отвлеченного разума, так сказать, жрицей холодной, бесстрастной науки; в дальнейшем течении рассказа постепенно обнаруживался бы живой человек, кость от кости нашей и плоть от плоти нашей, — человек со слабостями, но тем не менее очень хороший человек»¹.

¹ С. Г. Стахевич, Среди политических преступников, сб. «Н. Г. Чернышевский (1828—1928)», М. 1928, стр. 73—74.

Следовательно, первоначально Чернышевский замышлял создать образ женщины-ученого как специалиста по гуманитарным наукам — правоведа. В дальнейшей работе этот план не удовлетворил его. Воплощая в художественном произведении образ ученого-юриста, он, очевидно, должен был столкнуться с теми же затруднениями, из-за которых Алферьев в одноименном романе Чернышевского не захотел заняться ученой деятельностью на юридическом поприще: официальная юридическая наука в классовом обществе защищала интересы господствующих классов. Та энциклопедия юридических наук, которую должна была составить Лоренька, оказала бы незначительную пользу людям нового бесклассового общества. Она имела бы лишь чисто исторический интерес.

С другой стороны, мы уже знаем, какое огромное значение Чернышевский придавал естественным наукам в разрешении проблемы преобразования природы. И вот, вместо того, чтобы писать об «ученой барышне», работающей над энциклопедией юридических наук, Чернышевский решил рассказать об отважной женщине-ученом — преобразователе природы. Имя героини — Лоренька — сохранилось и перешло в роман «Отблески сияния».

Действие романа «Отблески сияния» происходит на среднем Поволжье. В условиях среднерусского климата, несмотря на зимние морозы, полностью используя «благоприятное тепло» весенне-летних месяцев, Лоренька сумела вырастить прекрасные парки и сады, в которых шумели не виданные еще в этих краях деревья.

Сначала она думала о маленьком куске одной поляны, о деревянном заборе, в полторы сажени вышины, о трельяже, обвитом плющом с внутренней стороны забора, о маленькой беседке и нескольких скамьях, стульях на этом огороженном кусочке поляны. Затем при материальной поддержке Габриэллы Платоновны пошли улучшения за улучшениями. Месяца через три обе женщины выработали план того, что стало называться Будуаром и его принадлежностями.

И вот Лоренька осуществила свой план. Будуар — это обширная поляна, приспособленная к тому, чтобы быть жилищем под открытым небом. На поляне — цветники, цветущие кустарники, группы деревьев. Тут же протекает

ручей и имеется бассейн. Всюду мебель, палатки и беседки. Прекрасное место для отдыха в сезон сильного тепла. В свою очередь Будуар был со всех сторон, кроме южной, охвачен широким пространством роц, цветущих кустарников, цветников, полян с ручьями, каскадами, прудами. С южной стороны от липовой аллеи выдавался вперед боскет американских платанов.

Чернышевский подчеркивает, что «то был первый — и совершенно удавшийся — опыт акклиматизации их в этом крае. Спускаясь от боскетов по отлогости горы, разрастались теперь целые рощи их». В романе высоко оценивается этот научный подвиг женщины-ученого: «Трудно было перенести их сюда. Много смелости, много исследований, заботливого внимания требовал первый опыт».

Боскеты платанов пока еще являются принадлежностью парков, но Чернышевский уверен, что смелый опыт ученого будет подхвачен, и руками человека новые деревья превратятся не только в украшения парков, они будут разрастаться в сплошные леса. «Скоро или нет будет это, но будет. И если не увидят наши глаза, видит наша мысль: будут здесь платановые леса. Тогда характер края станет иной; весь край возродится к новой, лучшей жизни» (XIII, 703). И это прекрасное будущее, когда весь край возродится к новой, лучшей жизни, подготавливает своим трудом Аврора Васильевна.

В деятельности Авроры Васильевны Чернышевский воплотил свои заветные убеждения о способности человека активно воздействовать на природу и вырастить в новых климатических условиях растения и деревья, произрастающие в южных странах. «...Неумолимые законы природы бессильны, когда сочинены учеными по недоразумению, — писал он в статьях, приложенных к переводу «Всеобщей истории» Вебера. — Чем, кроме смеха, отвечать на такие нелепицы, как выдумки о вырождении всех европейских растений и животных в Северной Америке, где точно так же, как в Европе, растут все перевезенные туда европейские хлеба, овощи, цветы не хуже, чем в Европе, живут все европейские домашние птицы и млекопитающие?» (X, 861).

Большое значение, которое будут придавать лесам и садам в обществе будущего, Чернышевский объяснял не только тем, что они украсят край, будут прекрасным местом отдыха для человека. Безусловно, «хороших садов,

нельзя не любить; потому что хорошо пользоваться ими: приятно. Конечно, если пользоваться ими хорошо, как сообразно с природою садов, как должно по здравому смыслу» (XIII, 616), — пишет Чернышевский в произведении «Академия Лазурных гор» и рассказывает, как проводили свой отдых в садах греки славных времен Афин. Ведь и работницы фабрики Лореньки считали Будуар прекрасным местом отдыха. Но, кроме замысла создать место для отдыха, Лоренька преследует также практическую цель, связанную с повышением материального благосостояния народа. Она разводит фруктовые сады и на их базе создает кондитерскую фабрику, перерабатывающую фрукты.

Чернышевский был страстным пропагандистом высших достижений садоводческой культуры, обращенных на пользу трудящихся. Несомненно, что саратовская природа, окружавшая Николая Гавриловича в детстве, способствовала зарождению его любви к садоводству.

Саратов детских лет Чернышевского славился своими садами. «В очень многих лощинах и ущельях гор — сады, — вспоминает в своей «Автобиографии» писатель, — и по предгорью внутри амфитеатра много садов, — быть может, до 150, до 200 в этом полукруге» (I, 673). Но самые роскошные сады Саратова принадлежали помещикам и крупным сановникам. Чернышевский передает рассказ своей бабушки о саде и о парке, принадлежащих саратовскому губернатору-взяточнику и спекулянту А. Д. Панчулидзеву. Губернаторский сад — это «сад с прудами, пруды с островами и мостами, острова с киосками, киоски с цветными стеклами... По прудам плавали люди в лодках и лебеди без лодок, в роще и в саду, на мостах и на прудах и островах бывали иллюминации и фейерверки...» (I, 649), — так рассказывала бабушка будущему писателю о великолепии этого сада. Но пышные празднества, которые устраивал губернатор, предназначались лишь для богатых граждан города.

Во времена детства Чернышевского преобладало в России помещичье садоводство, которое постепенно стало приходить в упадок, так как «проведение железных дорог изменило дело, дав «громадный толчок» развитию нового, коммерческого садоводства, и произвело «полный пово-

рот к лучшему» в данной отрасли торгового земледелия»¹.

Коммерческое садоводство, по сравнению с помещичьим, было шагом вперед. Но Чернышевский выдвинул новый идеал, во имя которого должно развиваться отечественное садоводство. Идеал этот он видел не в коммерческом расчете, направленном на обогащение отдельных лиц, а в пользе от садоводства для всего трудового народа.

Интерес к судьбам отечественного садоводства не покидал Чернышевского до конца жизни. В ссылке он спрашивает Ольгу Сократовну про новости саратовского садоводства: «Научились ли саратовские садоводы ухаживать за благородными сортами яблочного дерева?— В мое детство «ранет»... в Саратове еще не было. Теперь, быть может, акклиматизированы и они? А если еще нет, то попробуй заняться ими и виноградом и добиться успеха», — советует он своей жене. В этом же письме Чернышевский интересуется успехами саратовских виноградарей (XV, 342).

В Астрахани Чернышевский сблизился с грузинским ссыльным Г. К. Чичуа, который с успехом занимался шелководством. Беседы обоих ссыльных касались и сельскохозяйственных вопросов. Чернышевский следил за успехами шелководства у Чичуа. Он ходил к нему осматривать шелковую плантацию и об этом пишет в письме к Ольге Сократовне 14-го мая 1889 года (XV, 861). Чичуа добился больших для того времени успехов в деле шелководства, ему была выдана бронзовая медаль на Саратовской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. В подготовке шелковичных коконов для выставки участвовал Чернышевский (см. XV, 899).

Русский народ славился своими садоводами. Было немало талантливых садоводов из крепостных крестьян, но находились они под помещичьим гнетом². В совершенно других условиях работают садоводы из простого звания в товариществе Лореньки. Последняя обучила своих работников садоводству, и они скоро сделались такими хорошими мастерами и мастерицами этого искусства, что Аврора Васильевна передала в их заведование

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 260.

² Н. М. Чернышевская, Н. Г. Чернышевский в Саратове, Саратов, 1952, стр. 32—33.

все подробности садовых дел, оставив себе лишь общее управление их трудами. Люди безусловно честные и безгранично преданные ей, они пользовались полнейшим ее доверием.

Так подготавливала кадры садоводов Аврора Васильевна. Каждый из рядовых членов товарищества, по ее мнению, должен овладеть основами садоводства. И люди, работающие уже без принуждения и с пользой для себя, оправдали ее доверие. Они работали с гордым сознанием того, что фруктовые сады обращены на нужды товарищества.

Что же представляет собою фруктовый сад в Будуаре Авроры Васильевны? В этом саду растут фруктовые деревья и кустарники, не нуждающиеся в прикрытии от зимнего холода. Сад хорошо орошается водой, которой так много в богатой обильными родниками долине. Чернышевский подчеркивает, что в этом саду растут давно акклиматизировавшиеся породы фруктовых деревьев, происходит постепенная замена прежних сортов этих пород новыми породами южной Франции и Северной Италии. «Но фабрика перерабатывала, — пишет Чернышевский, — главным образом не эти фрукты, а более нежные, принадлежащие флоре более южных стран, чем юг Франции и север Италии. Сбор этих фруктов постоянно увеличивался; грунтовые сады, теплицы, оранжереи, тропические залы расширялись пристройками; или строились новые» (XIII, 712).

Добиться того, чтобы фруктовые деревья полутропических и тропических стран росли в средней полосе России — это значит покорить природу, поставить ее на службу человеку! И этого добилась Аврора Васильевна.

Много воли и энергии, знания и опыта нужно вложить в этот прекрасный труд! Чернышевский, не вдаваясь в детали, передает, как совершался научный подвиг Лореньки. О нем мы узнаем из рассказа Антонины Михайловны: «...Хоть и девушка, очень не глупа; знает цену всему: и яблокам, и грушам, и всяким фруктам... ходит она с самого начала весны везде по саду, и по грунтовым садам, и по теплицам, и по оранжереям и смотрит все то, что цветет, и записывает, как что цветет, и потому знает, какого урожая в этом году можно ожидать; опять идет, опять смотрит, как завязываются, положим, завязи на тех, положим, яблонях, которые

цветут раньше всех; и записывает, как завязываются завязи, и какая перемена от этого выходит сравнительно с тем, как цвели: меньше ли, больше ли того, что обещало цветенье» (XIII, 705—706).

Фрукты, выращенные в саду, шли на переработку на специальной кондитерской фабрике. Таким образом, Чернышевский ставит вопрос о создании сырьевой базы для пищевой промышленности. В этой связи интересно напомнить, что впоследствии И. В. Мичурин мечтал создать широкую базу для кондитерской промышленности путем насаждения тянущейся с юга на север полосы из грецкого ореха и фруктовых деревьев. В своей научной работе Мичурин учитывал запросы народного хозяйства, потребности народных масс.

Большую работу проводит Аврора Васильевна по орошению своих садов и прилегающей к ним местности. Чернышевский описывает в романе, как под ее руководством члены товарищества одевают дерном новую насыпь. Работу нужно было кончить как можно быстрее: может быть проливной дождь, такой, что всё размочит. Показывая трудности в работе, Чернышевский говорит о самоотверженности работающих: «Пока не кончат этой работы там... все три брата будут работать до упада». Однако механизация и техника при производстве этих работ Чернышевским показана слабо. Говорится только о большом переносном пологе, который может спасти работников от грозы или урагана (XIII, 730).

Диапазон деятельности Авроры Васильевны очень широк. Селекционная работа по выведению новых сортов фруктов, непосредственная связь с производством, работы по орошению, устройство насыпей, плотин — везде она выступает ученым-теоретиком, ученым-практиком, непосредственным организатором труда.

Своей научной деятельностью Аврора Васильевна подготавливает расцвет садоводческой культуры, который наступит в будущем коммунистическом обществе. Результаты ее работы теперь — только «отблеск сияния», отблеск этого расцвета. Сам расцвет, само «сияние» Чернышевский показывает в четвертом сне Веры Павловны.

Базаров говорил, что «природа — не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Таким работником предстает перед нами Аврора Васильевна. Но один человек не сможет побороть стихийные силы природы. Только в

социалистическом обществе при высокоразвитой технике, при коллективном труде может осуществиться мечта человека о покорении природы. Не случайно успехи Лореньки связаны с товариществом работников, с известными достижениями техники. Однако это только первый опыт. Рамки существующих общественных отношений сковывают, ограничивают деятельность Авроры Васильевны; Чернышевский постоянно подчеркивает, что Аврора Васильевна не свободна, что ей мешают «обстоятельства» (XIII, 728). Ликвидировать эти «обстоятельства» и создать условия для расцвета научной деятельности, по мнению Чернышевского, может только революция. Нужно уничтожить несправедливый социальный строй, и тогда полностью осуществится мечта человека.

К. Маркс в «Подготовительных работах для «Святого семейства» писал: «Человеческая сущность природы существует только для *общественного* человека: только в обществе природа является для него *связью* с человеком, бытием его для другого и другого для него, только в обществе природа является *основой* его собственного *человеческого* бытия. Только в обществе его *естественное* бытие есть его *человеческое* бытие, а природа становится для него человеком. Таким образом, *общество* есть законченное существенное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, заверченный натурализм человека и заверченный гуманизм природы»¹.

Чернышевский в утопических картинах четвертого сна Веры Павловны показал это общество будущего, в котором осуществилось «единство человека с природой, подлинное воскресение природы».

С первых же страниц описания общества будущего автор знакомит читателя с преобразованной руками человека природой, с нивами, лугами, садами, рощами, плантациями. «Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы,— как же они растут на открытом воздухе?..

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 623.

Рощи — это наши рощи: дуб и липа, клен и вяз, — да, рощи те же, как теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева» (XI, 277). Чернышевский пишет о горах, одетых садами. Люди будущего, русские люди, отодвигают границу пустыни на юг. Пустыня под действием разума и труда человека превращается в «благодатнейшую землю».

Вот каков расцвет садоводческой культуры и науки, преобразующей природу! Вот настоящее «сияние» науки и труда в будущем коммунистическом обществе! И большая роль в подготовке этого будущего принадлежит тем ученым-преобразователям природы, к которым принадлежит Аврора Васильевна. Она является первым и прямым предшественником ученого наших дней.

Мичурин свою революционную теорию преобразования живой природы полностью посвятил интересам народа и торжеству коммунизма в нашей стране. Он справедливо считал, что только на основе марксистско-ленинского учения можно полностью реконструировать науку. «Последовательно и активно воздействовать и изменять природу в силах только пролетариат... Гигантское строительство заводов, фабрик, совхозов, колхозов ставит перед советскими учеными ряд актуальнейших задач, которые могли быть разрешены только в Стране строящегося социализма, на основе философии диалектического материализма, данного Лениным в развитие положений Маркса и Энгельса»¹. Это замечательное высказывание выдающегося ученого советской эпохи И. В. Мичурина помогает нам разобраться в сильных и слабых сторонах Чернышевского при разработке им образа революционного преобразователя природы.

Чернышевский верно воплотил в художественных образах людей науки, способных воздействовать на природу, изменять лицо природы. Он гениально предвидел и то, что плоды работ ученых-преобразователей природы должны отразиться на благосостоянии народа, что расцвет науки возможен только в будущем коммунистическом обществе.

Но учение Чернышевского все же было утопично. Он не понимал ещё, что последовательно и активно, как говорил Мичурин, воздействовать и изменять природу в

¹ И. В. Мичурин, Соч., т. I, М. 1948, стр. 623—624.

силах только пролетариат. Непонимание роли пролетариата как единственного революционного класса в истории, способного построить бесклассовое общество, обусловило и ограниченность образов ученых в произведениях Чернышевского, в том числе ограниченность образа Авроры Васильевны, которая в своей научной деятельности опирается не на пролетариат, а на крестьян и сектантов, организованных в утопическое кооперативное товарищество.

Несмотря на эту ограниченность, исторически обусловленную эпохой, в которую жил Чернышевский, он в своих произведениях гениально предугадал неизбежность появления ученых-преобразователей природы и их роль в построении коммунистического общества. И в этом плане Аврора Васильевна является предшественницей тех ученых новой исторической эпохи, которые свяжут свою жизнь и работу с борьбой пролетариата за коммунизм.

7.

В классовом обществе, построенном на угнетении трудящихся масс, невозможно осуществить мечту о преобразовании природы на благо человека. Научные достижения в нем направлены на укрепление господства кучки эксплуататорских классов, на человеконенавистнические цели. В сохранившемся отрывке «Кормило Кормчему», который Чернышевский предназначал для «Книги Эрато» (энциклопедии в беллетристической форме), в отрывке, стилизованном под восточную рукопись, содержатся гениальные мысли о судьбе научных достижений в классовом обществе, в котором нет справедливых отношений между людьми.

В произведении «Кормило Кормчему» Чернышевский создает обобщающий образ ученого-преобразователя природы по имени Пожиратель Книг. В создании этого образа особенно наглядно проявился прием резкого преувеличения, как одно из средств художественной индивидуализации.

77 глупых наук, 77 пустых наук и, наконец, 77 хороших наук изучил Пожиратель Книг. Выбрал он семь хороших наук, чтобы заниматься дальнейшей разработкой их. Прочитал для отдыха интегралы и задумался о механике. Не знал Пожиратель Книг причины бедности людей и решил помочь им. Но ученый не читал «Книгу

судеб» и не знал, что «не потому бедность между людьми, что мало у них силы на работу, а потому, что нет правды между людьми... И пока не будет правды между людьми, не поможет людям ничто» (XVI, 342).

Не зная этого, Пожиратель Книг хотел устранить причины бедности людей, помочь им только при помощи своих обширных научных знаний. Решил он выдумать такую машину, которая «брала бы всякую силу на земле, и в воде, и в воздухе, и в небе, всякую большую силу, которая даром» (XVI, 342), то есть такую машину, которая бы использовала силы природы на благо человека.

Эта машина, по замыслу ученого, должна использоваться для всякой работы, и большой и малой. «И малая работа ей: варить, и печь, и прясть, и ткать, и шить; и строить дома и топить; и возить людей; и возить товары; и пахать землю; и сеять, и жать, и собирать хлеб».

Эта же машина должна также строить дороги, проводить каналы, поправлять реки; проводить канавами и ручьями и реками воду для поливания полей, отводить воду канавами и реками, чтобы не было болот, т. к. болота являются источниками многочисленных болезней. Это будет «средняя» работа чудесной машины. В ней наряду с орошением полей предусматривается также изменение климатических условий, способствующее улучшению здоровья людей.

Большая же работа машины должна осуществить грандиозные задачи: «чтобы не было ни песчаных степей, ни соленых пустынь, никакой бесплодной земли на лице земли; покрывать лицо земли плодородной землей; и делать равнины и долины, как нужно, и холмы и горы, как нужно; и бросать воду под облака дождем, и орошать землю дождем; и сосать воду из облаков, чтобы не было лишнего дождя; и дуть ветром, как нужно, и ставить до облаков загородки от ветра; и делать ветер и тихую погоду, как нужно; и наводить облака; и разгонять облака, чтоб был вид земли, какой нужно, и почва земли, какую нужно, и дождь, и ясная погода, как нужно» (XVI, 342—343).

Пожиратель Книг думал, что от работы этой машины будут люди жить хорошо. Чудесная машина ученого называется Эвергет, т. е. «благодетель» или «добрая работа».

Но печальна судьба изобретения. Чертеж Эвергета «Гяуры» спрячут ото всех, и тогда по нему сделают машину, предназначенную не для работы на пользу людям, а «для бросания бомб». Это будет уже другая машина под названием Сейсмо́т, то есть «потрясатель земли» или «сильное оружие».

Увидев, как действует новая машина, «вострепещут народы», и «посыплет пеплом голову свою Пожиратель Книг, и возрыдает, и скажет: не сделан Эвергет, вместо Эвергета сделан Сейсмо́т, и да будет проклят Сейсмо́т и да будет имя ему Хадергет», то есть «Сильный оружием вскоре разорится» (XVI, 343).

Центральной идеей истории с изобретением Пожирателя Книг является мысль о том, что «пока не будет правды между людьми, не поможет людям ничто», в том числе и машина Эвергет. Для того, чтобы достижения науки и техники служили на пользу людям, нужно уничтожить несправедливые общественные отношения между людьми и построить новое социалистическое общество. В эксплуататорском обществе достижения науки и техники используются в целях разрушения, войны, кровопролитий, в целях установления господства одной группы людей над другой.

Чернышевский рассказал в «Кормиле Кормчему» о трагической судьбе ученого-преобразователя природы в классовом обществе. В произведении встает величественный образ ученого-преобразователя природы, ученого, думающего о счастье людей и стремящегося при помощи знаний использовать силы природы на пользу человечеству. Трагедия Пожирателя Книг объясняется тем, что он не связал свою научную деятельность с главной задачей по революционному переустройству общественных отношений. Научные достижения только тогда пойдут на службу народу, когда будут установлены справедливые общественные отношения. К таким выводам приводит нас писатель.

8.

Чернышевский является предшественником литературы социалистического реализма в создании образа ученого-новатора, преобразователя природы. Он мечтал о том времени, когда новый тип положительного героя «возро-

дится в более многочисленных людях, в лучших формах» (XI, 145). И эта мечта осуществилась в наше время.

Тема науки занимает видное место в творчестве родоначальника пролетарской литературы М. Горького¹. В своих взглядах на великую роль науки в жизни он опирается на марксистско-ленинское учение о развитии общества.

М. Горький призывал научных деятелей работать для народа. Писатель отрицал аполитичную науку, науку для науки. По его мнению, ученый, оторвавшийся от народа и от требований исторической эпохи, становится беспомощным обывателем, неполноценным ученым. Именно таким обывателем становится герой пьесы М. Горького «Дети солнца» Протасов. Ученый-новатор, честный и любящий науку человек, Протасов на первый взгляд напоминает героя Чернышевского Кирсанова. Как и Кирсанов, Протасов стремится воссоздать органическое вещество из неорганического и овладеть тайной жизни на земле. Он также верит в будущее человечества, называя его прекрасным. Но Протасов замыкается в рамки чистой науки, не понимает и не хочет прислушаться к нуждам народа, не связывает свою научную деятельность с общественной революционной работой. Поэтому его благородная мечта о светлом будущем является бескрылой, он превращается в кабинетного ученого, обывателя. Кирсанов же у Чернышевского выступает, как мы уже отмечали, ученым-новатором и в то же время общественным деятелем, революционным демократом. В своей пьесе, разоблачая беспартийную науку, оторванную от нужд народа, М. Горький стремится провести мысль о необходимости социальной революции, которая обеспечит условия для подлинного торжества человеческого разума. Судьба передовой интеллигенции неразрывно связана с судьбами народа, с пролетарской революцией. «Истинно культурная интеллигенция России должна быть революционной»², — писал он.

Разоблачая буржуазную интеллигенцию, М. Горький в то же время в произведениях «Мать», «Дачники»,

¹ Подробнее по этому вопросу см. работы Н. К. Пиксанова «Горький и наука», АН СССР, М.—Л. 1948, и М. Юнович «А. М. Горький — пропагандист науки», «Советский писатель», М. 1955.

² М. Горький, Материалы и исследования, АН СССР, т. 2, М.—Л. 1936, стр. 99.

«Жизнь Клима Самгина» и др. показывает интеллигентов, тесно связавших свою судьбу с интересами рабочего класса, с делом пролетарской революции. Он продолжает в этом отношении традиции Чернышевского. Но при этом нужно отметить, что Горький, создавая образы революционеров-интеллигентов, идет дальше Чернышевского, т. к. его герои руководствуются в своей деятельности не идеями утопического социализма, а подлинно научной революционной марксистско-ленинской теорией. Только такая теория указывает верный путь к революционному преобразованию общества и природы, к созданию условий для расцвета науки.

После Октябрьской революции для трудящихся открылся доступ к научным занятиям. М. Горький призывал советских писателей крепить связи с нашими учеными, показать в произведениях рост интеллигенции из народной среды: «... *Особенно интересен новый тип ученого, который вышел из среды пролетариата: бывший слесарь, бывший рабочий, бывшая батрачка. Была батрачкой, а теперь, не угодно ли, она философ! Над этим надо серьезно задуматься*»¹. Советский человек, добившийся полного равенства в праве на знания, — равенства, невозможного в обществе классовом, при наличии уже бесмысленной власти капитала, по определению писателя, создает «вторую природу», природу, преображенную гением человека, усилиями ученых и людей труда.

Пронеся через всю свою жизнь мечту о преобразовании общества и природы, твердо веря в то, что люди превратят всю землю в «прекрасное жилище человечества», М. Горький эту мечту связывал с окончательной победой рабочего класса в преобразовании социальных отношений, с великой ролью науки и труда в преобразованном после революции обществе. «Труд и наука — выше этих двух сил нет ничего на земле, — писал М. Горький в статье «О «маленьких» людях и о великой их работе». Друг и соратник Маркса — Энгельс прекрасно и верно сказал: чем беспощадней и свободнее становится наука, тем больше приходит она в согласие с интересами и стремлениями рабочих.

М. Горький страстно призывал деятелей культуры, писателей разрабатывать тему науки и труда. Он пред-

¹ М. Горький, Собр. соч., т. 27, стр. 84.

лагает ввести в школах еще один и самый важный учебник — «Историю труда» — прекрасную и трагическую историю борьбы человека с природой, историю его открытий, изобретений, его побед и торжества над слепыми силами природы (очерки «По Советскому Союзу»). Он категорически утверждал, что «наука, ее открытия и завоевания, ее работники и герои — все это должно бы явиться достоянием поэзии»¹.

Писатель приветствует появление книги М. Ильина «Горы и люди», в которой рассказывается о том, как энергия людей, освобожденных от необходимости борьбы друг с другом за кусок хлеба, направляется на борьбу с природой за власть над нею; высокую оценку дает также книгам М. Ильина «Рассказ о великом плане» и К. Паустовского «Кара-Бугаз».

«В нашей литературе не должно быть резкого различия между художественной и научно-популярной книгой»², — писал М. Горький в статье «О темах». Заветы М. Горького выполняют советские писатели. Появились научно-популярные книги М. Ильина, Н. Михайлова, М. Шагинян, В. Сафонова, А. Поповского, О. Писаржевского, А. Морозова, В. Фоменко и др. Кроме научно-популярных книг, в 30-е годы создаются замечательные романы, повести и поэтические произведения, воспевающие преобразующую роль советского человека в годы первых довоенных пятилеток.

Прославляя героев труда, советские писатели в то же время создали незабываемые образы ученых, тесно связанных с народом в борьбе за коммунизм. Таковы врач Платон Кречет (А. Корнейчук, «Платон Кречет»), ученый-селекционер Лучинин (К. Тренев, «Анна Лучинина»), профессор-физик Скутаревский (Л. Леонов, «Скутаревский») и многие другие.

После Великой Отечественной войны появился ряд произведений, посвященных преобразователям земли. Геологам-разведчикам стройки Сталинградской ГЭС посвящают документальную повесть «Утро великой стройки» В. Галактионов и А. Аграновский. О великих стройках страны пишут в своих очерках Б. Полевой, В. Кожевников, В. Величко, Г. Кублицкий, В. Закруткин. Тема пре-

¹ М. Горький, Собр. соч., т. 26, стр. 184.

² Там же, т. 27, стр. 108.

образования природы разрабатывается в повести К. Паустовского «Рождение моря», А. Бека «Новый профиль», в романах Л. Леонова «Русский лес», Ф. Панферова «Волга — матушка-река», в стихотворениях Е. Долматовского, С. Маршака, А. Твардовского и др.

Советские писатели, продолжая традиции Н. Г. Чернышевского и М. Горького, воплощают в своих послевоенных произведениях образы ученых-новаторов, посвятивших свой благородный труд строительству коммунизма. Татьяна Власенкова в романе В. Каверина «Открытая книга» упорно борется со смертью, возвращая людям здоровье. Ей приходится прокладывать новые пути в ожесточенной борьбе с реакционными «школами» в науке. Первоклассным ученым-хирургом, идущим в самую гущу народа, выступает Аржанов в романе А. Коптяевой «Иван Иванович». Можно напомнить ряд других произведений, поэтизирующих подвиги людей труда и науки. Однако горьковский призыв к писателям раскрыть прекрасную историю побед и торжества человека над слепыми силами природы остается и сейчас в силе. От наших писателей народ ждет монументальных художественных полотен о величайших достижениях советских ученых, открывших новую эру в развитии мировой науки, проникших в тайны атома и космоса. И сейчас, когда свершаются открытия, казавшиеся недавно дерзновенной мечтой, мы с особым вниманием перечитываем мудрые книги наших великих предшественников, напоминающие о тех русских ученых, которые своим трудом содействовали расцвету отечественной науки.

Б. И. ЛАЗЕРСОН

ИРОНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО¹

В своих многочисленных высказываниях о Чернышевском В. И. Ленин дал яркую характеристику значения деятельности Чернышевского в истории освободительного движения России. Вместе с оценкой мировоззрения и революционной деятельности Чернышевского Ленин отметил и тот тактический прием, которым в условиях подцензурной печати Чернышевский вынужден был пользоваться для выражения своих идей и политической программы. Ленин несколько раз подчеркивал, что Чернышевский «обиньяками характеризовал подготавливающую реформу», «не будучи в состоянии открыто заявлять свои мнения»², что он умел «и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*»³, что «идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» Чернышевский проводил «через препоны и рогатки цензуры»⁴. Таким образом, Ленин считал необходимым отметить это умение Чернышевского излагать «чисто революционные идеи» «в подцензурной печати»⁵ как факт, характеризующий одну из важных сторон деятельности революционного демократа.

¹ Размеры статьи не дают возможности рассмотреть сколько-нибудь подробно все способы иносказания Чернышевского. Кратко охарактеризовав основные черты наиболее часто применяемых им средств эзоповской речи, мы останавливаем внимание читателя лишь на одном из них.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 262.

³ Там же, т. 5, стр. 26.

⁴ Там же, т. 17, стр. 97.

⁵ Там же, т. 1, стр. 263.

Действительно, чтобы многочисленные статьи Чернышевского по вопросам политической экономии, философии, истории, социологии, эстетики, литературной критики, статьи по крестьянскому вопросу, политические обозрения и многое другое могло увидеть свет и донести до читателя страстную проповедь его революционных идей, он вынужден был выработать особую конспиративную иносказательную речь, известную под названием «эзоповский» язык.

Будучи не чужд в той или иной степени всей передовой русской литературе, испытавшей на себе гнетущую опеку царской цензуры¹, эзоповский язык особенно был присущ писателям революционно-демократической настроенности.

Конспиративная речь родилась в России вместе с русским освободительным движением. Она была вызвана к жизни режимом всестороннего угнетения и явилась вынужденным и неизбежным средством выражения демократических и революционных идей.

Ленин писал о проклятом эзоповском языке, «к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения»².

Характер исторического свидетельства носят признания русских литераторов самых различных политических направлений о состоянии печатного слова в условиях царской цензуры. Напомним исполненные горечи слова славянофила И. С. Аксакова: «... мы добились до того, что самые слова искривились у нас в своем значении и получили иносказательный смысл, что писатель искусился и успевал проводить свою мысль в публику — так сказать воровски, между строк... Автор, садясь за работу, думал уже не о том, чтобы как можно яснее выразить свое искреннее убеждение..., а только о том, чтобы как-нибудь протащить свою мысль контрабандой сквозь цензурную стражу, — и мысль тихонько прокрадывалась, закутанная в двусмысленные обороты речи!»³.

¹ Ленин писал о подневольном положении русской литературы: «Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси». В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 26—27.

² Там же, т. 22, стр. 175.

³ И. С. Аксаков, Соч., М. 1886, т. IV, стр. 432—433.

Искусный мастер иносказания Щедрин неоднократно писал о том, что русских литераторов заставляло прибегать к эзоповскому языку — этому «обманному средству» — дореформенное цензурное ведомство, которое «до такой степени терзало русскую литературу, как будто по-клялось стереть ее с лица земли»¹. Щедрин называл эту манеру письма «рабьей»: «моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей... Эта манера изложения, конечно, не весьма казиста, но она составляет оригинальную черту очень значительной части произведений русского искусства...»².

Горьким сетованием на ограниченность круга вопросов, подлежащих обсуждению в подцензурной печати, на незначительность легальной тематики по сравнению с тем, о чем необходимо было писать и вместе с тем невозможно было писать открыто, проникнуты следующие слова Чернышевского: «Пиши о варягах, о г. Погодине, о Макколее и о г. Лаврове с Шопенгауэром, о Молилари и письмах Кэри к президенту Соединенных Штатов. И сиди за этою белибердою, ровно никому не нужною... Да... тяжело писать эту дребедень, унизительно, отвратительно писать ее... Грустно... быть писателем человеку, который не хотел бы прожить на свете бесполезным для общества говоруном о пустяках»³. В другом месте, в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения», отвечая на упрек по его адресу в пристрастии к употреблению одного из видов иносказания — парабол, Чернышевский снова намекает на вынужденность этой манеры письма: «Меня упрекают за любовь к употреблению парабол. Я не спорю, прямая речь действительно лучше всяких приточных сказаний; но против собственной природы и, что еще важнее, против природы обстоятельств итти нельзя, и потому я останусь верен своему любимому способу объяснений» (V, 360).

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., ГИХЛ, М. 1934—1941, т. XV, стр. 340.

² Там же, т. XIII, стр. 267.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., ГИХЛ, М. 1940—1953, т. VII, стр. 591. В дальнейшем ссылки на это издание (с указанием тома и страницы) приводятся непосредственно в тексте.

Характерно, что здесь единственный раз Чернышевский назвал свою эзоповскую манеру выражения «иносказанием»: в рукописи статьи первоначально значилось: «...останусь верен своему *иносказательному* способу объяснений»¹. Но так как это недвусмысленно объясняло эзоповскую направленность параболического способа изложения, в целях конспирации Чернышевский затем иронически назвал такой способ изъяснения с читателем «любимым».

Именно этим угнетенным положением, глубокой досадой на невозможность писать открыто, без иносказаний и намеков, страданием от вынужденного молчания были вызваны те неприязненные отзывы Чернышевского о журнальной работе, о призвании литератора, которые мы находим в «Алферьеве» (XII, 10) и «Прологе» (XIII, 243), о которых писал в своих воспоминаниях С. Г. Стахевич².

Но, являясь в условиях подцензурной печати неизбежным способом общения революционно-демократического писателя с читательской массой, эзоповская речь превращалась в неотъемлемый элемент его стиля. Из средства защитного прикрытия она становилась средством нападения, острым оружием борьбы.

Не имея возможности говорить в полный голос, писатель волей-неволей использовал такие специфические способы выражения своей мысли, которые останавливали внимание читателя как раз на том, что хотелось непременно довести до его сознания через голову цензора. Намек, недосказанность всегда более приковывают к себе внимание и заставляют глубже задумываться над прочитанным. Об этой побудительной особенности эзоповской речи выразительно писал А. И. Герцен: «...цензура сильно способствует развитию искусства слога и уменья обуздывать свою речь... В иносказательной речи чувствуются волнение и борьба: эта речь более страстна, чем простое изложение. Подразумеваемое слово сильнее под своим флером и всегда прозрачно для того, кто хочет понимать. Обузданная мысль сосредоточивает в себе больше смысла, — в ней больше остроты; говорить так,

¹ Центральн. гос. архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) ф. № 1, оп. № 1, ед. хр. 154, л. 4; подчеркнуто нами.

² С. Г. Стахевич, Среди политических преступников. Н. Г. Чернышевский, Сб. «Н. Г. Чернышевский», 1828—1928, М. 1928, стр. 109.

чтобы мысль была ясна, но чтобы слова находил сам читатель, — это лучший способ убеждать. Подразумеваемые слова увеличивают силу речи»¹. Об этом же писал и Щедрин: «Иногда, впрочем, она (эзоповская манера — *Б. Л.*) и не безвыгодна, потому что, благодаря ее обязательности, писатель отыскивает такие пояснительные черты и краски, в которых, при прямом изложении предмета, не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезаются в память читателя»²; «аллегория... имеет шансы быть более понятной и убедительной и, главное, привлекательной, нежели самая понятная и убедительная речь»³. Эту черту эзоповской речи отмечал также И. С. Аксаков⁴.

Конспиративная речь не сводилась к зашифровке только отдельных имен или названий, она не была явлением кратковременным или случайным, — эзоповская речь предназначалась для прикрытия мыслей, идей, концепций, она была постоянно, систематически действующей силой, воспитывающей читателя, имеющей своей целью пропаганду революционных установок⁵.

Между писателем, изъясняющимся с помощью иносказаний, и читателем, привыкшим к этому способу общения с ним, устанавливался контакт, «тайная связь»⁶, «условный язык обиняков, намеков, вразумительный только им обоим и недоступный даже для цензуры»⁷. Щедрин писал, что литература, преисполненная «рабым духом», «заразила тем же духом читателей. С одной стороны, появились аллегории, с другой — искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками»⁸. Воспитанный такой литературой, читатель становился проницательным, посвященным во все тонкости ее тайнописи, и в большинстве случаев зашифрованные предосудительные идеи находили у него адекватное восприятие. Мы намеренно оговорились: в большинстве случаев, т. к. бывали примеры, когда недостаточно искушенный в вопросах тайнописи

¹ А. И. Герцен, Избр. соч., ГИХЛ, М. 1937, стр. 400—401.

² Н. Щедрин, указ. издан., т. XIII, стр. 267.

³ Там же, т. XV, стр. 341.

⁴ И. С. Аксаков, Соч., М. 1886, т. IV, стр. 433—434.

⁵ К. Чуковский, Мастерство Некрасова, Гослитиздат, М. 1955, стр. 657—658.

⁶ А. И. Герцен, Избр. соч., ГИХЛ, М. 1937, стр. 401.

⁷ И. С. Аксаков, Соч., М. 1886, т. IV, стр. 433.

⁸ Н. Щедрин, указ. изд., т. XV, стр. 340.

читатель принимал за чистую монету, например, то намеренно ложное, ироническое утверждение, за которым скрывалась подлинная мысль автора¹. Но это только в отдельных случаях, так как иначе было бы необъяснимо несравненное по глубине и силе воздействие революционно-демократических идей того же «Современника» на умы передовой общественности 1860-х годов.

Было бы ошибкой считать, что искусство эзоповской речи совершенно спасало писателей от цензурных репрессий: тогда они не подвергались бы таким ожесточенным цензурным гонениям, как это было в действительности. Здесь нет надобности приводить хорошо известные в литературе факты, которые свидетельствуют об истории цензурных мытарств «Современника», о том, что и Чернышевскому, и Добролюбову, и Некрасову приходилось вести напряженную борьбу с довольно осведомленным, хитрым и проницательным цензором. И не всегда эта борьба оканчивалась победой писателей-демократов: достаточно вспомнить количество купюр из покалеченных цензорским карандашом статей «Современника». «Слово, — писал И. С. Аксаков, — из-под цензорских рук, после долгой и упорной из-за него борьбы автора с цензором, вырывалось на свет божий взъерошенное, растрепанное, искалеченное, помятое, — и приветствовалось публично как триумф победы...»². Но революционно-демократическая пропаганда все-таки осуществлялась через печать, вопреки цензуре.

Это происходило, во-первых, потому, что несмотря на жесткость и многочисленность правил цензурного устава, они касались только частных вопросов. Как указывает в «Мнении о преобразовании цензуры» председатель Петербургского цензурного комитета Н. В. Медем, эти правила были фрагментарны и относились преимущественно к предметам малой или средней важности и почти вовсе не касались важнейших вопросов по государственному устройству и управлению... Такое положение наших цензурных постановлений, — писал он, — составляет... главную причину пропуска в печати многих ста-

¹ См., напр., воспоминания С. Г. Стахевича о неверно понятых молодежью идеях «Современника» в отношении политических форм общественного устройства. Сб. «Н. Г. Чернышевский», 1828—1928, М. 1928, стр. 78—79.

² И. С. Аксаков, Соч., М. 1886, т. IV, стр. 433.

тей, несоответствующих мысли правительства о пределах дозволенной гласности»¹. На это же обстоятельство ссылается в своей записке цензор Ф. И. Рахманинов: «Такое разноречие в предписаниях и такая неполнота в цензурных правилах, в то время когда круг деятельности литературы все более и более расширяется, без сомнения, крайне затрудняет занятия цензора, не знающего, на какое предписание опереться при пропуске статьи к печати...»². Кроме того, руководствуясь при просмотре статьи буквой устава, цензор имел в виду только первый ее смысл, он подходил к делу формально, не вдаваясь в другое, тайное содержание, скрытое в иносказании³. Учитывая все требования цензурных положений, писатель создавал свои иносказательные приемы так искусно, что при первом внешнем прочтении статья вполне подходила под эти положения, не вызывая придирок цензора. Герцен писал: «...цензура — это паутина, которая запутывает лишь маленьких мух и которую большие прорывают. Под красными чернилами погибают личности, намеки; энергичные же мысли, истинная поэзия с презрением проходят через эту прихожую, допуская, самое большее, немножко почистить себя»⁴.

Нужды нет, что уже после появления статьи в свет ее неблагонамеренный характер угадывался во вражеском лагере, и она вызывала многочисленные предупреждения «Современнику», угрозы запрещения журнала, выговоры цензорам, пропустившим статью, специальные записки и мнения высших цензурных органов и министерств о крамольном характере демократической журналистики, в первую очередь «Современника». Но все это, при условии прохождения статьи в печать хотя бы в урезанном виде, происходило уже *после* ее опубликования, когда ее идеи становились достоянием обществен-

¹ Сб. «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры», февраль 1862, стр. 5—6.

² Там же, стр. 17.

³ В Своде уставов о цензуре 1857 г., например, указывалось: «цензура обращает особенное внимание... на видимую цель и намерение автора, и в суждениях своих принимает всегда за основание явный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону». Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г., СПб. 1862, стр. 315.

⁴ А. И. Герцен, Избр. соч., ГИХЛ, М. 1937, стр. 401.

ности и, следовательно, основная пропагандистская цель писателя была достигнута.

Только позже, с усилением классово-борьбы, в годы революционной ситуации, когда и в цензурных органах были разгаданы дипломатические приемы революционно-демократических писателей, под давлением правительственных кругов цензура стала более пронизательной и придирчивой. В многочисленных распоряжениях и отношениях по цензурному ведомству предлагается уже «с неослабной прозорливостью вникать в дух сочинений», «усугубить просвещенную строгость» при рассмотрении тех статей, где «тенденции к политическим преобразованиям... облекаются в благовидные наружные формы»¹. В 1862 г. Н. В. Медем писал о «недобросовестных» авторах и редакторах, которые ухищряются «обойти закон разными уловками, как-то: двусмысленностью изложения, косвенными, искусно скрытыми намеками и нападениями или похвалами, скрывающими в себе едкий, иронический смысл». Статьи этих авторов «составлены так хитро, что доказать в них прямого нарушения закона будет нельзя»².

В этих условиях путем огромного напряжения и дополнительных усилий на выработку все более усложненных приемов эзоповской речи писателям — революционным демократам приходилось выражать и обосновывать основные черты своего мировоззрения и положения своей политической программы. Нужно было обладать большим мастерством, чтобы, сохранив освободительный пафос своего слова, сделать его неуязвимым со стороны цензуры и понятным читателю-другу. Таким мастерством обладал Чернышевский и его соратники. Именно в деятельности Чернышевского, Добролюбова, Щедрина, Некрасова эзоповский язык достиг своего особенного развития и приобрел широкое и последовательное, систематическое применение.

Процесс создания эзоповской речи Чернышевского был длительным и сложным. За почти десятилетний срок своей подцензурной публицистической деятельности ему удалось разработать целую систему искусных способов

¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г., СПб. 1862, стр. 418.

² Сб. «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры», февраль 1862, стр. 8.

тайной иносказательной речи. Некоторые из них впоследствии нашли специфическое развитие в беллетристике писателя.

«Обманные» средства выражения менялись у Чернышевского в зависимости от изменения содержания статей, в связи с обострением классово-политической борьбы и переменами в его революционной тактике, наконец, в зависимости от усиления бдительности цензуры. Особенно богатый и разнообразный материал для изучения конспиративной речи Чернышевского дает его публицистика годов революционной ситуации (1859—1861).

В целях конспирации Чернышевский использовал такие стилистические и композиционные способы выражения, которые заключали в себе двойной смысловой план и могли становиться иносказанием. К этим способам относятся метафорические выражения: аллегория и параболы, историческая аналогия и аналогия из современной жизни других стран, различные виды цитирования. В качестве иносказания Чернышевский использовал также элементы художественных произведений многих авторов, такие обороты речи, как риторические вопросы, метонимию, перифразу, разнообразные намеки, эвфемистические оценки и другое. Среди приемов иносказания Чернышевского особое место занимала ирония.

Выражая отвлеченную мысль в художественном образе или в конкретном представлении, аллегория была очень удобна не только для популяризации общих понятий, но и как форма иносказания запретных идей. Такой способ иносказания встречается у Чернышевского чаще всего в 1859—1862 гг.

Для аллегорического изложения Чернышевский использовал как известные уже читателю художественные образы, которые чаще всего он черпал из мифологии, так и конкретные образные представления, которые создавал сам.

Так как аллегория была конкретизированным обобщением, она использовалась обычно в качестве иносказания определенного вывода или призыва Чернышевского, следующего за изложением фактов или событий, из которых он хотел сделать заключение агитационного характера. Иногда аллегория следовала за общим рассуждением Чернышевского. Тогда мысль, выраженная сначала прямо, хоть и в общих чертах, получала затем образную

конкретность и вместе с тем конспирировалась в последующей аллегории.

Внешне же аллегорические образы оставались лишь метафорическими фигурами в общем изложении и часто проходили через цензуру.

Если аллегория — конкретный образ, определенное представление, то парабола, или притча — дидактическое повествование аллегорического характера, сводящееся к развернутому сравнению. Являясь обобщением в аллегорическом повествовании, парабола может быть применима к другим аналогичным случаям, и потому она, так же как аллегория — иносказание (хотя и в иной, повествовательной форме), которое могло становиться средством конспиративного высказывания.

Параболическая манера повествования вообще была свойственна Чернышевскому, в чем он сам неоднократно признавался (V, 360; VII, 767). Парабола являлась для него не только средством популяризации отвлеченных понятий для широкого круга читателя, но в особенности была очень удобна для проведения через цензуру противоположительных идей.

Подавляющее большинство созданных Чернышевским парабол использовано им именно в целях иносказательного выражения революционных воззрений. Признавая за собой склонность к многократному использованию парабол, Чернышевский вместе с тем подчеркивал и вынужденность этого способа выражения (V, 360, 766).

Будучи с первого взгляда самостоятельным повествованием в общем изложении, формально с ним не связанным, парабола внешне удлиняла изложение, делала его многословным, прерванным многочисленными отступлениями. Однако это многословие было вынужденным, а неровность была лишь кажущейся, так как скрытый смысл параболических отклонений не только органически связывался с общим содержанием, но являлся наиболее ответственным в нем. Главная мысль, которую Чернышевский хотел выразить иносказательно, находила себе развитие и до конца высказывалась именно в параболе, хотя в самом общем виде была заявлена и вне ее, в контексте, формально отличном от вводного аллегорического эпизода.

Чернышевский стремился глубоко завуалировать истинную целенаправленность такого способа изложения.

Имея в виду основной признак этого иносказания — его внешнюю несвязность со всем повествованием, — Чернышевский часто сопровождал параболы ироническими комментариями, в которых определял эту несвязность как свойственную ему манеру изложения (VII, 246, 247).

Специфическая форма параболы, выпадая из контекста и сообщая повествованию многословный и неровный характер, уводила цензора от основной нити повествования, рассеивала его внимание и вводила в заблуждение.

Материалом для парабол Чернышевскому служили различные бытовые явления, явления из мира природы, животных и т. п. — то, что он сам называл примерами «из нашей обыденной жизни» (VII, 888). Другим источником, откуда Чернышевский черпал сюжеты для своих вставных эпизодов, была хроника исторической жизни России и других стран. Для сюжета исторической параболы он отбирал именно то историческое событие, характер которого имел сходство с содержанием статьи и логика которого соответствовала мысли, подлежащей иносказательному выражению.

Чернышевский по-разному связывал параболу с окружающим ее текстом. От того, какой характер носили замечания Чернышевского, предваряющие или заключающие вводные параболические повествования, зависела большая или меньшая степень вуалировки его мысли, сохранившейся в этих эпизодах.

Параболы, смысл иносказания которых был наиболее открыт для восприятия, встречаются у Чернышевского большей частью в 1856—1858 годах. Они сопровождались кратким выводом или тезисом общего характера, следующим из логики их повествования.

Для более глубокой конспирации скрытой в иносказании мысли Чернышевский сопровождал параболы оговорками, в которых подчеркивалась формальная отчужденность вводного сюжета от основного текста. С целью особо тщательной зашифровки значения содержания параболы и одновременно для осуществления резкого сатирического обличения Чернышевский сопровождал параболы ироническими замечаниями. Такое усугубление иносказания парабол встречается именно в годы наиболее обострения классовой борьбы и активизации революционной пропаганды (1859—1862 гг.).

Способ иносказания методом аналогии имеет свою давнюю традицию в русской литературе.

Многочисленные скрытые аналогии с Россией и ее порядками читатель находил в статьях Чернышевского на исторические и социологические темы. Имея своей самостоятельной задачей ознакомить читателя с определенными фактами русской и всемирной истории, с событиями современной зарубежной политической жизни, такие описания и обзоры очень часто приобретали и другое, невидимое с первого взгляда значение, становясь иносказаниями.

Подбор освещаемых фактов был не случаен и рассчитан на сопоставление. Из русской истории, из истории других стран, из современной политической жизни отбиралось и преподносилось читателю все то, что отвечало его интересам, что могло вызвать у него аналогии с современной ему русской жизнью, современным состоянием народа и с соотношением классов в России.

При этом открытых, прямых сравнений Чернышевский не делал, но самим описанием определенных событий он умело подводил читателя к сопоставлению с действительностью и заставлял делать из этого сравнения такие выводы, которые отвечали взглядам революционных демократов.

От формы преподнесения материала, вызывавшего аналогии, зависело, насколько был открыт для восприятия читателем тайный смысл и этого способа иносказания. Наиболее открытым иносказание было в тех случаях, когда фактическое изложение сопровождалось рассуждениями Чернышевского, содержащими в себе намек на то, что в изложении заключается не только один смысл. В таких случаях Чернышевский сам указывал (хотя и завуалированно) на применяемость приводимого им красноречивого факта к соответствующим явлениям действительности.

Еще более скрыт был от глаз читателя второй план сравнения в тех случаях, когда Чернышевский, казалось бы, «объективно» знакомил его с богатым по содержанию фактическим материалом, не делая никаких видимых сопоставлений, предоставляя самому читателю делать соответствующие выводы.

Наиболее законспирировано иносказание было в тех случаях, когда Чернышевский сопровождал изложение

ироническими комментариями. В них подчеркивалась «объективность» в сообщении фактов, отмечалось, что они ничего общего не имеют с русской современной действительностью и даже напрасно приведены. Сам Чернышевский отмечал, что уверение, содержащееся в такой намеренной оговорке, имеет «свою внешнюю выгоду» и употребляется «многими из нас по условному правилу» (V, 657). Эти иронические замечания, в которых Чернышевский причислял себя к представителям противоположных классовых воззрений, давая им в пределах иронии убийственную характеристику, углубляли и сатирически заостряли мысль, возникавшую при проведении аналогии. Вместе с тем такие комментарии, с виду благонамеренные, не давали цензору формального повода к изъятию фактического материала, вызывавшего у читателя нежелательные правительству аналогии.

Большинство приемов иносказания с помощью скрытой аналогии (особенно тех, которые сопровождалось ироническими замечаниями) использовались Чернышевским в годы революционной ситуации.

Наряду с обычным использованием цитат из самых разнообразных источников: книг, брошюр, журналов, газет, художественных произведений, официальных документов и т. п. Чернышевский часто цитировал с целью конспирации. Сам характер этого способа изложения — включение чужого текста, уже прошедшего цензуру, — определял выгоду его применения в интересах возможной полноты выражения под видом «объективного» цитирования.

Чернышевский одинаково плодотворно использовал высказывания и своих единомышленников и своих идейных врагов. Будучи введены в текст его статей, цитаты следовали движению его мысли, помогая ее наиболее полному, точному и образному выражению.

Степень прозрачности иносказания, вызываемая конкретными обстоятельствами исторической обстановки, изменением тематики высказывания, эволюцией тактики Чернышевского и колебанием цензурной политики, определила многообразие видов цитирования, применяемых им неодинаково на различных этапах. Преимущественно в 1855—1858 годах Чернышевский приводит выдержки в сопровождении такого комментария, в котором он делал вывод из содержания цитаты, объяснял ее смысл,

давал ей краткую оценку. Иногда комментарий заключал в себе рассуждения «общего» характера по поводу приведенной цитаты. Смысл такого иносказания был сравнительно больше открыт для восприятия читателем.

В это время (1856 г.) комментарий Чернышевского к используемой цитате идейного противника (И. Киреевского, например) носил еще сдержанный характер, хотя, по существу, направлялся против содержания цитаты и завуалированно, но ясно выражал нетерпимость Чернышевского к реакционной идеологии. В последующие годы обострения классовой борьбы Чернышевский уже в иных комментариях, более резких по тону и более сложных по форме иносказания, разоблачал политических и идейных врагов революционной демократии.

В годы революционной ситуации, когда цитаты, используемые явно в целях конспирации, содержали яркий материал, воспитывающий читателя в революционном духе, и когда усилилась подозрительность официальной и неофициальной цензуры, Чернышевский цитировал (по преимуществу) либо без комментариев, либо с ироническими оговорками. Этот способ цитирования подчеркивал как бы «нейтральность» позиции Чернышевского и даже его видимую «благонамеренность», «консервативность». Поставленные рядом разнообразные иронические комментарии к цитатам выполняли задачу дополнительной маскировки и сатирического обличения.

Образцом блестящего иносказательного использования документа из официальной газеты «Journal de Saint-Petersbourg» является, например, статья Чернышевского «Упрек и оправдание».

Известные литературные образы и напоминания, включенные в публицистический контекст в той же функции иносказания, часто наполнялись Чернышевским новым политическим содержанием (например, образ Вильгельма Телля в статье «Не начало ли перемены?» или образ Юдифи в статье «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов Г. К. Кэре»).

Особые обороты речи, имея двуплановый характер, также часто служили Чернышевскому средством подцензурного иносказания.

Наличие в риторическом вопросе скрытого ответа обуславливало возможность его использования в целях

конспиративного выражения мысли. Этому способствовала также выразительность такой формы сообщения, ее повышенная эмоциональность, настораживавшая внимание читателя, заставлявшая его самого домысливать прочитанное.

В некоторых случаях риторический вопрос предлагался Чернышевским в ироническом плане. Подлинная мысль автора была здесь более завуалирована и рассчитана на восприятие достаточно осведомленным читателем. Будучи ироническим, такой вопрос содержал намешку и использовался в полемических целях.

Средством иносказания явились для Чернышевского и такие обороты речи, в которых он намеренно заявлял о своем «умолчании», «отказывался» решать тот или иной вопрос, высказывать свое мнение о том или ином предмете и т. д. Этот отказ Чернышевского был по существу лишь видимым, так как давался в таких выражениях, которые наводили читателя на восприятие того, о чем «умалчивалось».

Эта фигура недосказанной мысли интриговала читателя, приобщала его к логике рассуждения автора, побуждала продолжать его мысль. В некоторых случаях такая форма иносказания сопровождалась ироническим комментарием, одновременно и поясняющим и конспирирующим излагаемую мысль.

Распространенным приемом иносказания были различные формы намека. Более понятным это иносказание являлось в том случае, когда повествование было конкретным и недосказанность частично раскрывалась самим Чернышевским каким-либо косвенным указанием. В данном случае Чернышевский использовал метонимию и перифразу.

При метонимии название одного предмета ставилось на место другого на основании близких и легко понимаемых, закрепленных в сознании читателя отношений между этими предметами. Замещение выделяло в явлении свойство, которое было характерным для него, и как часть его, выражало собой целое. Определенное направление в общественной борьбе, философии, критике, литературе, которое Чернышевский не мог открыто назвать, раскрывалось им через конкретное имя, представляющее это направление, название журнала, произведение, в котором это направление проявлялось, и т. д. Иногда на-

мек посредством метонимии давался Чернышевским в ироническом тоне. Тогда читателю предоставлялось расшифровать намекающие обозначения «от противного».

Наряду с метонимией Чернышевский использовал и перифразу — такой оборот речи, при котором вместо названия предмета или явления описывались их существенные черты и признаки. Перифраза была различной по степени конкретности описания и ясности намека. Мысль Чернышевского являлась более обнаженной в тех случаях, когда в описании имени или факта присутствовал какой-либо более или менее конкретный признак, косвенно его определяющий.

Намек был менее прозрачен в такой перифразе, когда вместо имени или названия давалась их общая характеристика. Еще менее намек чувствовался в таком отвлеченном перифрастическом способе изложения, при котором конкретные термины революционно-демократического характера, отдельные запретные слова или явления заменялись книжными отвлеченными выражениями, эвфемистическими формулами, описывающими явления в общем виде, заменяющими имена и термины «обтекаемыми», «безобидными» определениями. При этом Чернышевский умело пользовался полисемантизмом слов.

Такие перифразы растягивали изложение, усложняли ход мысли, делали повествование по форме более отвлеченным. Но отвлеченная форма этого способа изложения содержала в себе намек на вполне конкретные явления жизни и являлась способом, отвлекающим внимание цензора. Придавая иногда в целях конспирации своему изложению нарочито академический отвлеченный характер, Чернышевский стремился подвести читателя к волновавшим его вопросам. Читателю предоставлялась возможность и даже необходимость подстановки под отвлеченное изложение вполне конкретного содержания.

Более подробно мы позволим себе остановиться на анализе одного из названных выше способов эзопской речи Чернышевского, на иронии, особенно ему свойственной.

* *
*

Как особая двусмысленная форма выражения, скрывающая за явным содержанием его смысловую противоположность, ирония была очень удобным средством для

проведения через цензуру противоправительственных идей.

Сущность иронической манеры речи заключается в том, что автор, ведущий повествование, рассчитывает на его негативное восприятие, при котором общепринятые значения слов должны быть поняты в обратном смысле.

Ироническое суждение преднамеренно притворно со скрытой насмешкой изображает отрицательное явление в положительном виде или, напротив, представляет положительный факт как отрицательный:

Приписывая явлению именно то, что ему недостает, нарочито возвышая его до уровня положительной возможности, ирония резко подчеркивает этим лишь его недостаточность, отсутствие в нем приписываемых ему черт. Более того, отрицая тот или иной факт, выражая свое критическое отношение к определенному лицу, писатель, который пользовался иронией, намеренно подвергал его преувеличенной иронической похвале, иногда умышленно принимая не свойственную ему, противоположную точку зрения, демонстративно называя черное белым.

В случае намеренно отрицательной оценки в действительности положительного явления, когда доводилось до абсурда его отрицание, ирония также особо подчеркивала значение этого явления. Таким образом, при ироническом повествовании похвала или порицание превращались в свою противоположность.

Противоположность между предметом изложения и тем способом, каким он намеренно изображался, контраст формы и содержания придавали ироническому повествованию особую остроту, резко отличавшую его от обычного тона речи, привлекавшую к себе внимание читателя.

Доводя до явной или завуалированной нелепости положительную оценку отрицательного факта, ирония имела целью дискредитировать, осмеять его, подвергнуть остроуму сатирическому обличению. Внешняя восторженность похвалы делала иронию еще более едкой и чувствительной.

Так с помощью иронической похвалы отрицательное отношение автора к изображаемому приобретало особенно выразительные и сатирически острые формы.

Чернышевский писал: «...высшей степени своей резкости насмешка достигает в иронии», а «насмешка хочет кольнуть, уязвить» (II, 188). Вместе с тем Черны-

шевский говорил об обличительном свойстве иронии. Он отмечал, что к юмору «расположены такие люди, которые понимают все величие и всю цену всего возвышенного, благородного, нравственного, которые одушевлены страстной любовью к нему» (II, 188). Это люди «с деликатною, раздражительною и вместе наблюдательною, беспристрастною натурою, от взгляда которых не скроется ничто мелочное, жалкое, ничтожное, низкое» (II, 189). Он писал, что остроты таких людей «бывают большею частью иронические», потому что они оскорбляются существованием мелочного и низкого в жизни, «а ирония — острота оскорбленного, едкая острота» (II, 190).

Об этом критическом характере иронии писал и Добролюбов, отмечавший ее способность выводить «на посмеяние все низкое и пошлое» и выражать «живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей»¹.

Осуждая, дискредитируя определенные социальные явления с точки зрения той или иной сословной или классовой группы, ирония по преимуществу выполняла полемическую роль в идейной и политической борьбе, являясь острым оружием, широко используемым в художественной и публицистической литературе. Хотя направление иронии определялось воззрениями определенной части общества, в каждом конкретном случае, в творчестве того или иного писателя иронические характеристики всегда несли в себе субъективную, эмоциональную оценку действительности. В пору обострения классовых противоречий как стилиобразующий элемент в творчестве писателей и общественных деятелей различных социальных групп и исторических эпох ирония находила себе особенно широкое применение.

Ввиду своей двусмысленности ирония всегда — иносказание. Об этом ее свойстве писал А. А. Потебня: «В силу большого расстояния между представлением и значением, ирония формальной противоположности (отрицания того, что утверждается или замены представляемого ею вещественной противоположностью...) есть иносказание»².

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. в шести томах, Гослитиздат, М.—Л., т. I, 1934, стр. 33.

² А. А. Потебня, Из записок по теории словесности Харьков, 1905, стр. 386.

Специфический характер иронии: двойной смысловой план иронических утверждений, в которых скрывалось подлинное отношение автора иронии к предмету обсуждения; особая острота иронических заявлений, настаивающая внимание читателя,— именно то, что ирония — одна из форм иносказательной речи — делало ее для ряда писателей эффективным и широко распространенным средством обхода цензуры. Другие указанные выше свойства иронии также способствовали удобству ее использования в этих целях. С помощью иронии писатель не только получал возможность заявить о своих симпатиях, являвшихся вместе с тем программой определенной социальной группы. Именно посредством иронии он мог в условиях подцензурной печати вести резкое обличение действительности и непримиримую, действенную и острую борьбу с враждебной ему официальной и либеральной идеологией.

Последнее обстоятельство отличало иронию как способ иносказания от других «обманных» средств и обуславливало особые задачи ее использования.

С виду иронические заявления и оценки были вполне благонамеренными, и скрытый под ироническим тоном далеко не благонамеренный смысл в большинстве случаев оставался формально неуязвимым для предварительной цензуры. В частности, внешне была вполне законна, не оставляла места для прямого уличения Чернышевского и часто проходила через цензуру ироническая похвала, скрывавшая в себе яд разоблачения и уничтожающую сатирическую насмешку. Это имело место даже в тех случаях, когда намеренно преувеличенная похвала переходила в гиперболу, заключавшую в себе сарказм — наиболее острую форму сатирического обличения. Из всех иносказательных способов Чернышевского ирония давала ему наибольшую возможность сохранять в своих сочинениях «неуязвимую с точки зрения закона форму» и вместе с тем открыто изливать в них яд¹.

Таким образом, применяемая в целях конспирации ирония была тонко завуалированным и одновременно глубоко разящим средством идеологической и политической борьбы.

¹ К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу, 5 июля 1870 г.; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, М.—Л. 1931, стр. 349.

И в стилистическом и в конспиративном назначении ирония широко использовалась в литературе 1850—1860-х годов. В этом убеждают не только знакомство с литературой того времени, но и свидетельства самих писателей, придававших большое значение этому способу своих высказываний.

Чернышевский неоднократно упоминал о распространенности иронии в современной ему литературе и привычке к ней читателей: «Для нас ирония очень понятна» (III, 161), «у нас... более привычен теперь иронический тон» (IX, 355), «наша публика имеет склонность находить иронический и тонкий смысл в том, что говорится совершенно прямо» (IV, 278). О присущем русской литературе многообразии видов иронии то «наивно-открытой», то «лукаво-спокойной», то «сдержанно-желчной» говорил Добролюбов¹. В письме к С. Т. Славутинскому в 1860 г. он писал о необходимости использования иронии для проведения своих идей через цензуру: «...чтобы Ваши труды не пропадали в цензуре, необходимо говорить..., не только не называя вещей по именам, но даже иногда называя их именами, противоположными их существенному характеру»². О критическом, боевом характере иронии писал и А. И. Герцен: «... моя ирония... проникает особым огнем целое, ибо это не насмешка, а внутреннее неудовольствие за мелочничество людей, и мне она естественна, как дышать»³; «... ирония, — родная наша ирония, ирония — утешительница, мстительница...»⁴. В статье «Цензор в попытках (*Лесть в виде грубости*)» Щедрин писал, что в условиях подцензурной печати писатель «должен действовать, так сказать, двуутробно: одною утробою изливать яд и хулу, другою — источать тонкую паутину лести»⁵. «Нынче «мальчишки» так писать изловчились, — язвительно пишет далее Щедрин, — что сам черт их не разберет. Хвалят они или издеваются, сочувствуют или только так время проводят... Мало того, что сами писать

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. в шести томах. Гослитиздат, М.—Л., т. I, 1934, стр. 33.

² «Огни», кн. I, Пг. 1916, стр. 77.

³ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. II, Госиздат, Пг. 1919, стр. 124.

⁴ Там же, т. IX, Госиздат, Пг. 1919, стр. 270.

⁵ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., Гослитиздат, М. 1934—1941, т. V, 1937, стр. 231.

изловчились, но и цензуру к такому своему противоестественному слогу приучили и постепенно... достигли, наконец, того, что... вещи противоестественные, написанные слогом, так сказать, вывороченным на изнанку, проходят весьма благополучно»¹. В романе В. А. Слепцова «Трудное время» Рязанов, которому присуща ирония, говорит, что этот «тон... зависит не от одного желания... Да больше... от окружающей... жизни... тон задается жизнью, а мы только подпеваем»².

С глубокой неприязнью отзываясь о демократическом направлении в русской литературе, реакционер Н. Н. Страхов писал, что ирония, как «язык переносный», у многих писателей развилась «до своих крайних форм». Особенно он отмечал широкое распространение таких видов иронии, в которых содержалось резкое сатирическое обличение: «... писатели стали непрерывно употреблять иронию гиперболическую... Эта гиперболическая ирония иногда... переходит в чистое глумление, то есть в речи совершенно бессмысленные..., выражающие презрение к тому, о чем говорится. Вместо иронии явилось так сказать нахальное, наглое обращение с предметами, как всего сильнее выражающее пренебрежение к ним того, кто о них говорит»³. Страхов свидетельствовал также о привычке демократического читателя к этим приемам речи, которые ему «пришлись очень по душе»⁴.

Ирония была глубоко присуща и публицистике Чернышевского. Он был вообще склонен к иронизированию в общении с окружающими. Эту черту его характера отмечают почти все современники, оставившие о нем свои воспоминания.

М. А. Антонович, хорошо знавший Чернышевского в личном общении, писал: «Обыкновенно речь его пересыпалась шутками, прибаутками, остротами, анекдотами и все время сопровождалась смехом, даже хохотом. Люди близкие знали эту манеру, привыкли к ней, терпеливо ожидали того момента, когда он серьезно и как бы мимоходом скажет, обыкновенно в немногих словах, то, о чем

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., Гослитиздат, М. 1934—1941, т. V, 1937, стр. 232—233.

² В. А. Слепцов, Трудное время, Гослитиздат, М. 1949, стр. 160.

³ Н. Н. Страхов, Русская литература, «Русский вестник», 1875, июнь, стр. 801, 804.

⁴ Там же, стр. 804.

его спросили или что он хочет сообщить. Но на свежих, посторонних людей эта манера производила странное, неприятное впечатление»¹. «Большую частью все его разговоры носили иронический характер; он отделялся шутками или аллегориями... или давал такие ответы, которые можно понять и так и этак, а иной раз и вовсе понять нельзя»² — свидетельствует часто бывавший у Чернышевского Н. Я. Николадзе. «Даже люди, хорошо знавшие Н. Г., пользовавшиеся его доверием, не всегда могли отличить, когда он шутил, когда говорил серьезно», — вспоминал Л. Ф. Пантелеев³. Близкий к Чернышевскому Н. В. Шелгунов отмечает, что «Чернышевский... говорил как бы с усмешкой»⁴. О манере Чернышевского говорить с иронией «и о пустяковых предметах, и о важных» писали П. Д. Баллод⁵, С. Г. Стахевич⁶, Н. Ф. Скориков⁷, Н. В. Рейнгардт⁸, А. А. Токарский⁹. Короленко вспоминал, как в письме к нему Герман Александрович Лопатин говорил, что «об этой привычке Чернышевского мистифицировать собеседника и защищать вначале совсем не свое мнение» ему рассказывал в Сибири А. П. Щапов¹⁰. И сам Короленко при свидании с Черны-

¹ М. А. Антонович, Воспоминания, в кн. «Шестидесятые годы», «Academia», М.—Л. 1933, стр. 36.

² Н. Я. Николадзе, Воспоминания о 60-х годах, «Каторга и ссылка», 1927, № 5 (34), стр. 42.

³ Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, «Academia», М.—Л. 1934, стр. 548.

⁴ Н. В. Шелгунов, Воспоминания, М.—Пг., Госиздат, 1923, стр. 28.

⁵ П. Д. Баллод, Воспоминания о Н. Г. Чернышевском, в кн. «Н. Г. Чернышевский», 1828—1928. Сборник статей, документов и воспоминаний, М. 1928, стр. 52.

⁶ С. Г. Стахевич, Среди политических преступников. Николай Гаврилович Чернышевский, в кн. «Н. Г. Чернышевский», 1828—1928. Сборник статей, документов и воспоминаний, М. 1928, стр. 64, 115.

⁷ Н. Ф. Скориков, Н. Г. Чернышевский в Астрахани. «Исторический вестник», 1905, № 5, стр. 481—482, 487.

⁸ Н. В. Рейнгардт, Н. Г. Чернышевский (По воспоминаниям и рассказам разных лиц), «Русская старина», 1904, № 9, стр. 527.

⁹ А. А. Токарский, Н. Г. Чернышевский (По личным воспоминаниям), «Русская мысль», 1909, № 2, стр. 45. То же в кн. «Н. Г. Чернышевский в Саратове. Воспоминания современников», Сост. Н. М. Чернышевская, Саратов 1939, стр. 98.

¹⁰ В. Г. Короленко, Воспоминания о Чернышевском, Собр. соч., изд-во «Правда», М. 1953, т. 5, стр. 45.

шевским уже в Саратове убедился в этом: «...другая черта..., которую я узнал в нем при личном знакомстве: это какое-то особое добродушное лукавство, с которым он порой любил мистифицировать собеседника. Разговаривая с ним, никогда не мешало держать ухо востро, чтобы не принять всерьез какую-нибудь шутку»¹. Хорошо знавший об этой черте Чернышевского Добролюбов писал ему, направляя к нему своего знакомого А. Ф. Фриккена: «Не очень сбивайте его с толку своей иронией: он такого характера, что способен принимать ее за чистую монету»².

Но этот прием развития своих мыслей перед собеседником отнюдь не был «странным капризом», простым «нежеланием переходить сразу на серьезный тон»³, о которых пишет Антонович. Это не было только «чужацеством и веселым ироническим настроением», о которых говорил Скориков⁴.

Ирония Чернышевского была для него своеобразным средством выражения критического отношения к отрицательным сторонам действительности, острым оружием полемики и вместе с тем удобным средством конспирации.

Антонович отмечает, что Чернышевский раскрывал «свою душу, свои интимные задушевные мысли и чувства только перед самыми близкими к нему людьми, да и то очень редко»⁵. Манера иронизировать не была только свойством критически направленного ума и чертой волевого характера выдержанного человека, умевшего скрывать свои чувства и мысли, — она создавалась самим Чернышевским, вынужденным скрывать свои убеждения революционного демократа от окружающих, среди которых далеко не все были друзьями. А. А. Токарский, оставивший очень тонкие по пониманию психологии Чернышевского воспоминания о последнем периоде его жизни, писал, что Чернышевский «был скрытен не по природе, а

¹ В. Г. Короленко, Воспоминания о Чернышевском, Собр. соч., М., изд-во «Правда», 1953, т. 5, стр. 45.

² Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М., 1890, стр. 622.

³ М. А. Антонович, Воспоминания, в кн. «Шестидесятые годы», «Academia», М.—Л., 1933, стр. 36.

⁴ Н. Ф. Скориков, Н. Г. Чернышевский в Астрахани, «Исторический вестник», 1905, № 5, стр. 482.

⁵ М. А. Антонович, Воспоминания, в кн. «Шестидесятые годы», «Academia», М.—Л., 1933, стр. 36—37.

благодаря сложившимся условиям жизни»¹. А эти условия сложились не только в ссылке, а гораздо раньше.

Так манера иронических высказываний создавалась Чернышевским как удобная маска, скрывающая в нужные моменты его подлинное лицо, как броня, за которой прятались убеждения революционного демократа, его действительное отношение к явлениям жизни. Особенно это имело место в тех случаях, когда Чернышевский касался животрепещущих тем, о которых запрещено было говорить открыто. Н. Я. Николадзе пишет, что Чернышевский о реформах и политике «говорил в таком тоне, что, бывало, не разберешь, где кончается правда и начинается издевательство»². Не случайно, что при первом знакомстве с С. И. Сераковским, когда Чернышевский только присматривался к нему, не считая возможным довериться ему с первой встречи, он «возмутил» и «взбесил» Сераковского этой своей иронической манерой разговора³. И, конечно, за шутливостью и иронией Чернышевского скрывались не каприз и не чудачество, не скептицизм и разочарование в убеждениях, а (по словам самого Чернышевского о Лессинге) «глубокое сострадание к бедствиям человеческой жизни и глубокая скорбь сердца» и страстная воля к непримиримой борьбе за революционное преобразование жизни. В этом смысле ирония была для Чернышевского одним из излюбленных приемов его революционной тактики.

Манеру иронических высказываний Чернышевский перенес в свою литературную деятельность, в частности в свою публицистику.

Прежде всего ирония была для Чернышевского незаменимым приемом полемической борьбы, в которой насмешка играет значительную роль. Пользуясь иронией, Чернышевский подвергал осмеянию те жизненные явления, которые с его точки зрения подлежали критическому освещению. Он сам считал, что «остроумие, едкость, желчь... должны служить... орудием для достижения серьезной цели» (II, 256—257). В статье «О поземельной

¹ А. А. Токарский, Н. Г. Чернышевский (По личным воспоминаниям), «Русская мысль», 1909, № 2, стр. 55.

² Н. Я. Николадзе, Воспоминания о 60-х годах, «Каторга и ссылка», 1927, № 5 (34), стр. 42.

³ М. А. Антонович, Воспоминания, в кн. «Шестидесятые годы», «Academia», М.—Л. 1933, стр. 36.

собственности» Чернышевский писал о той важной для него цели, которой достигла ирония в его выступлениях по вопросу об общинном владении землей: «Насмешка сделала свое дело: возбудила интерес к вопросу, уничтожила всякое предубеждение в пользу противника, пользовавшегося авторитетом учености в известных кругах, внушила... что необходима для суждений об общинном владении хотя некоторая обдуманность, хотя некоторое знание предмета» (IV, 420).

Вместе с тем заостренная и резкая форма выражения посредством иронии не всегда (особенно в годы до революционной ситуации) была выгодна Чернышевскому, и он пользовался другими, более спокойными и нейтральными средствами выражения своих идей и дискредитации враждебной ему идеологии. Так, по собственному признанию Чернышевского (1857 г.), в полемике с «Экономическим указателем» И. Вернадского он первоначально хотел «обратить на него оружие насмешки». Но потом в тактических соображениях отказался «от резкости и иронии в тоне» (IV, 350, 360), считая «невозможным иронический тон с нашей стороны» (IV, 350). «Миролюбивый» тон Чернышевского объяснялся им самим в письме к А. С. Зеленому: «Когда я начинал это дело, наглым тоном требуя ответа у «Эконом[ического] указ[ателя]», мне хотелось вызвать во что бы ни стало положительный ответ. — «Эк. ук.» отвечает не совсем добросовестно... Я все-таки буду возражать самым деликатным образом, с учтивостями и т. д., чтобы только продлить охоту «Эк. ук.» к прению, начатому ими против воли. У меня тут есть разные цели... Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею о преобразовании сельских отношений» (XIV, 347—348).

В зависимости от предмета насмешки и от конкретных исторических обстоятельств, обуславливающих различное субъективное отношение Чернышевского к явлениям действительности, он менял разнообразные оттенки иронии, высказываясь о своем противнике то в иронически почтительном, то в иронически снисходительном тоне, то утрированно вежливо, то подчеркнуто фамильярно, то откровенно язвительно, с едким сарказмом¹.

¹ А. Ф. Ефремов, Язык Н. Г. Чернышевского, «Ученые записки» Сар. гос. пединститута, вып. XIV, 1951, стр. 372.

Во всем многообразии своих форм и оттенков ирония была одним из самых характерных и значительных стилиобразующих приемов публицистики Чернышевского. Она делала его характеристики острыми и меткими, придавала повествованию напряженный, горячий и резкий характер и живой темп, сообщала публицистике боевой дух, эмоциональную приподнятость и непримиримую партийность. Все эти свойства стиля будили, активизировали, воспитывали мысль читателя, завоеывая в его среде преданность единомышленников. Вместе с тем, неизменно побеждая своих полемистов не только своей передовой идейностью и страстной убежденностью, но и характером своего стиля, самым тоном своих статей Чернышевский доводил врагов до предельного раздражения.

Отмечая умение Чернышевского «с особенною, фамильярною развязностью вовлекать читателя в журнальный спор, открыто потешаясь» над ним, подчеркивая, что в статьях Чернышевского «полемические удары сыплются в разных направлениях» и не прекращаются «взрывы полемического хохота», реакционный критик А. Л. Волынский вынужден был признать: «Русскому интеллигентному обществу наиболее понятен был тогда именно такой публицист, каким был Чернышевский — с общедоступными взглядами, зажигательными полемическими приемами, с умением говорить тем особенным слогом, который возбуждает к спору и всегда держит писателя в положении политического пророка... Статьи его... всегда производили впечатление волнующих намеков»¹.

В свою очередь, исходя не только из существа либеральной публицистики, но и из собственных публицистических вкусов, отправляясь от данных своего стиля, Чернышевский называл либеральную публицистику «неопределенной, вялой и подобострастной «обличительной»².

Ирония использовалась Чернышевским в статьях: «Стихотворения Е. Ростопчиной», «О поземельной собственности», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Чичерин как публицист», «Упрек и оправдание», «Полемические красоты», «Ответ

¹ А. Л. Волынский, Русские критики. СПб. 1896, стр. 262—263, 291.

² Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М. 1890, стр. 505.

на вопрос, или освистанный вместе с другими журналами «Современник» и в других.

Когда мысль, выраженная в ироническом заявлении, не могла быть высказана открыто, будучи направлена против существующего строя и господствующей реакционной идеологии, ирония приобретала еще одно назначение. В таких случаях иронический тон становился для Чернышевского не только оружием сатиры и стилистическим приемом в полемике, но также и средством прикрытия запретного содержания от цензуры. Выражение освободительных идей средствами иронического иносказания явилось одним из излюбленных и наиболее часто употребляемых приемов революционной тактики Чернышевского. «С гордостью могу сказать я о себе, — замечал он, — что никогда не отступал до сих пор от правила: пиши не о том, о чем следует, да и о том, о чем почти не стоит писать, пиши не так, как следует» (IX, 899).

Пользуясь иронией, Чернышевский получал возможность в тонко завуалированной форме высказываться о реформе 1861 года, об эксплуататорской сущности помещиков, о враждебном народу аристократическом характере царского правительства, о несправии народа и рабском положении русской литературы. Чернышевский использовал уничтожающий иронический тон, выступая против реакционных абсолютистских правительств Австрии, Пруссии, Неаполя, Франции. Его сарказм был направлен против либерализма, опасного в распространении ложных иллюзий насчет возможности улучшения жизни народа путем реформ и соглашений с правительствами. Прикрываясь ироническими заявлениями о своей благонамеренности и консерватизме, Чернышевский высказывался также о народных восстаниях в Италии и Австрии, возможность которых в будущем в России он считал неизбежной. Н. В. Шелгунов писал: «Чернышевский отличался ехидством языка, и чуткая молодежь умела отлично читать между строками его революционное отрицание всякой власти»¹.

Руководствуясь тактическими соображениями, вызываемыми каждый раз конкретной исторической ситуацией, в целях подцензурного иносказания Чернышевский

¹ Н. В. Шелгунов, Воспоминания, Госиздат, М.—Пг. 1923, стр. 29.

использовал тоже различные виды и оттенки иронии. Но из всех оттенков иронии для конспирации Чернышевский больше всего пользовался теми, в которых формально его подлинная мысль была завуалирована наиболее тщательно. Сюда относятся прежде всего подчеркнуто вежливые и преувеличенно почтительные иронические высказывания, за которыми скрывалось отрицательное, резко насмешливое отношение. Также в зависимости от того, что было предметом завуалированного обличения Чернышевского, его ирония содержала в себе то тонкую, еле уловимую насмешку, то уничтожающий сарказм. В годы революционной ситуации, когда публицистика Чернышевского отличалась особой революционной насыщенностью, а борьба стала наиболее ожесточенной, его ирония приобрела самые острые формы. В эти годы Чернышевский употреблял такие формы иронической преувеличенной похвалы, которые скрывали жгучий яд разоблачения. Аналогично Щедрина, прикрывавшему «яд и хулу» «тонкой паутиной лести», Чернышевский более всего в этих своих иронических заявлениях скрывал «под уверенностью — разрушение доверия, под любезностями — вражду, под деликатностями — сарказм» (VI, 56).

В зависимости от того, насколько Чернышевский мог дать понять читателю, что его утверждение является ироническим, его ирония имела более или менее явно выраженный характер. Но как бы ни была она скрыта, она всегда была рассчитана на восприятие его заведомо притворного тона.

Ирония заявлений Чернышевского обнаруживалась прежде всего в контрастном несовпадении существа изображаемого со стилем, которым оно намеренно им характеризовалось. В данном случае ирония имела особое стилистическое оформление. Чернышевский использовал для этого слова положительной оценки, украшающие, ласкательные гиперболические эпитеты, слова с уменьшительными и ласкательными суффиксами¹ в отрицательном значении при иносказательной характеристике отрицательных явлений и лиц. В ироническом, переносном смысле употреблялись также церковно-славянизмы, библеизмы, восклицательные предложения и т. п.² Созданный этими

¹ А. Ф. Ефремов, Язык Н. Г. Чернышевского. «Ученые записки» Сар. гос. пединститута, вып. XIV, 1951, стр. 372.

² Там же, стр. 307.

стилистическими приемами положительный фон являлся лишь средством для глубокого восприятия отрицательного значения того, о чем шла речь.

Когда ирония не имела специального стилистического оформления, обнаруживаемого в контексте с иным стилем, она была видна в особой подчеркнутости заведомо неверных утверждений, которая осуществлялась в печати степенью «похвалы» или, напротив, «порицания». Часто Чернышевский сам способствовал восприятию своей иронии специальной оговоркой.

Но в других, более сложных для распознавания иронии случаях, когда расхождение между содержанием и формой его выражения было менее заметно, иронический смысл характеристики выводился читателем с необходимостью из сообщенных Чернышевским таких особенностей явления, которые не допускали иного, кроме иронического, толкования. Правильное понимание Чернышевского в этих случаях было возможно только при условии известной осведомленности читателя как в мировоззрении Чернышевского, так и в особенностях его эзоповской речи, что, как известно, бывало не всегда: иногда его скрытые иронические заявления принимали за искреннее выражение присущих ему убеждений¹.

Здесь нельзя не отметить, что вопрос о распознавании иронии, о необходимости учета специфики иронического иносказания является и теперь достаточно актуальным. Некоторые современные исследователи неверно трактуют, вульгаризируют воззрения Чернышевского, приписывая его прямым высказываниям переносное ироническое значение. Эти авторы не рассматривают изучаемое суждение в контексте, не учитывают основное свойство иронического заявления: именно то, что в нем всегда должен скрываться противоположный высказываемому смысл. Они не учитывают сложности мировоззрения Чернышевского, обуславливавшего каждое данное его суждение на конкретном историческом этапе; не принимаются также во внимание высказывания Чернышевского по этому же поводу, сделанные им при других обстоятельствах.

¹ С. Г. Стахевич, Среди политических преступников, Николай Гаврилович Чернышевский, в кн. «Н. Г. Чернышевский», 1828—1928. Сборник статей, документов и воспоминаний, М. 1928, стр. 78—79.

Так, полемизируя с Чичериным, который писал о развитии общественном мнении в России, в статье «Чичерин как публицист» (1859 г.) Чернышевский замечал: «он (Чичерин — *Б. Л.*), вероятно, имел в виду северо-американскую публику, которая делает все, что хочет, и заставляет всех преклоняться перед своею волею» (V, 649). Исходя из той точки зрения, по которой Чернышевскому как революционному демократу во всех случаях обязательно было свойственно только разоблачение американской буржуазной демократии, К. Н. Журавлев объявляет это замечание Чернышевского о силе общественного мнения в США середины XIX века риторическим приемом¹. Он подкрепляет это свое утверждение ссылкой на высказывания Чернышевского в статье «Антропологический принцип в философии» и в политических обозрениях 1860—1861 гг.

Несомненно, Чернышевский неоднократно подвергал резкой критике ложный демократизм американского буржуазного строя, но в данном случае по смыслу контекста замечание об общественном мнении в США является не риторическим приемом, а скрытой аналогией России по противопоставлению: по сравнению с русским общественным устройством общественный строй Америки в середине XIX в. был действительно демократичен. К. Н. Журавлев приходит к неправильному выводу, отрывая цитату от общего текста, рассматривая ее умозрительно, а не как конкретное высказывание по поводу конкретного случая. При этом комментатор приписывает высказыванию не свойственный ему иронический иносказательный смысл, не вдаваясь в специфику данного вида иносказания.

Не объяснив, какими конкретными историческими обстоятельствами были вызваны известные отзывы Чернышевского о царских рескриптах в статье «О новых условиях сельского быта», игнорируя сложность в изменении его тактики на различных этапах исторического развития, К. Н. Журавлев в комментариях к этой статье рассматривает эти отзывы как иносказательные, иронические

¹ К. Н. Журавлев, Примечания к статье Н. Г. Чернышевского «Чичерин как публицист», Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., ГИХЛ, М. 1950, т. V, стр. 946.

заявления¹, которыми Чернышевский прикрывал свое подлинное отношение к реформе.

Поскольку в ироническом суждении всегда скрывается его смысловая противоположность, из этого утверждения Журавлева следует, что в 1858 г. Чернышевский был против того исторического факта, который он иронически восторженно приветствовал, — он был против рескриптов, возвещавших начало официальной подготовки отмены крепостного права. Выходит, что уже в начале 1858 г. Чернышевский считал ненужной борьбу за реформу, что его тактические позиции этого времени в отношении правительственного мероприятия не отличались от его тактического поведения последующих лет. Такая точка зрения противоречит исторической истине.

В действительности в то время, когда в России еще не было революционной ситуации, борьба за реформу против крепостного права считалась Чернышевским необходимой. Она способствовала расширению общедемократического движения, облегчала позиции революционных демократов и давала возможность усилить их натиск в борьбе за освобождение народа. Борясь за наиболее полное осуществление реформы, Чернышевский в эти годы надеялся, что в результате ее произойдет некоторое улучшение положения масс и расширение политической свободы, что не могло не облегчить дальнейшего пути к полному освобождению². Поэтому у нас нет никаких оснований считать его панегирические отзывы о деле, «начатом правительством, ироническими.

Конечно, тон этих отзывов в статье «О новых условиях сельского быта» был несколько возвышен. Это вызывалось и общепринятым официальным характером высказываний о царе и правительственных действиях, и возможностью под прикрытием благонамеренного тона выразить

¹ К. Н. Журавлев, Примечания к статье «О новых условиях сельского быта», Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., ГИХЛ, М. 1950, т. V, стр. 922.

² В отношении Англии Чернышевский писал даже в 1859 г.: «...пусть реформа будет обрезана старыми партиями до последней крайности, все же она усилит в парламенте людей, заботящихся о благе нации, т. е. хотя несколько облегчит дальнейший путь к более полным реформам, а до... осуществления более полных реформ все-таки принудит парламент хотя на одну каплю более думать об истинных потребностях нации, нежели как было до сих пор» (VI, 50—51).

затем далеко не благонамеренные требования к условиям будущего освобождения. Но преувеличение в оценке вовсе не означает, что она имеет иронический характер.

Если бы эти оценки Чернышевского были ироническими, он впоследствии не осуждал бы себя за них. Мы имеем в виду известные самокритические заявления Чернышевского по поводу отзывов о рескриптах, сделанные им позже в статье «Суеверие и правила логики» (1859 г.)¹ и в романе «Алферьев» (1863 г.)². Аналогичные самоосуждающие высказывания находим и в романе «Пролог» в образе Волгина. Они вызывались следующими обстоятельствами.

В ходе подготовки реформы, вокруг которой раздавался хор либерального славословия, Чернышевский увидел, что она не несет с собой даже ожидаемого минимума демократических свобод, что она способна только породить иллюзии полного освобождения. При изменении исторической обстановки уже в конце 1858 г. и в последующие годы в условиях назревающего революционного взрыва и резкого классового размежевания русского общества, когда на очередь дня стали другие, более радикальные тактические задачи и методы общественного движения, борьба за реформу являлась не только нежелательной, она стала вредной. Это был новый этап освободительного движения. В это время Чернышевский не только разоблачал грабительский характер готовящейся реформы, но и со свойственной ему готовностью к само-

¹ Говоря о крепостном праве, Чернышевский писал: «...о нем довольно наговорено в последнее время бесчисленными писателями, которые вдруг обнаружили благороднейшее негодование против бедствия, имевшего привилегию столь долго не вызывать никаких порицаний. Мы сами грешили этими внезапными вспышками благородства

В те дни, когда нам было ново
Значенье правды и добра,

и теперь не можем, не краснея, вспоминать о тогдашних наших подвигах» (V, 694).

² «...дело, о котором мы рассуждали, было очень важно, и мы были так глупы, что сильно интересовались его тогдашним ходом — впрочем, я, в похвалу себе, должен сказать, что это помешательство у меня очень скоро прошло, — так скоро, что я не поверил бы, что был заражен им несколько времени, если б не осталась памятником тому целая огромная статья, начинающаяся глупым восторгом» (XII, 621).

обвинению выражал сожаление, что своими первыми статьями о реформе, в первую очередь статьей «О новых условиях сельского быта», он мог, как ему казалось, способствовать появлению вредных революционному делу иллюзий.

К. Н. Журавлев не учел в комментариях этих заявлений Чернышевского. В работе «Об авторе «Записки редакции журнала «Современник» о преобразовании цензуры» К. Н. Журавлев, хотя и имеет в виду сожаление Чернышевского, выраженное в статье «Суеверие и правила логики», вновь проводит эту свою точку зрения¹. Автор пытается доказать принадлежность Чернышевскому «Записки о преобразовании цензуры» на основании одного и того же иносказательного приема «дипломатии и иронии», якобы применяемого Чернышевским в статьях «О новых условиях сельского быта», «Упрек и оправдание» и в этой «Записке»².

Доказывая, что Чернышевский на протяжении 1858—1861 гг. ни в чем не менял своей тактики, В. Я. Зевин также считает отзывы Чернышевского о рескриптах и действиях царя в статье «О новых условиях сельского быта» ироническими. «Читателю нетрудно было заметить, — пишет В. Я. Зевин в книге «Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского», — что «панегирики» Чернышевского в этой статье по адресу Александра II являлись по существу иронией, разоблачением либеральных, реформистских иллюзий. Это была своеобразная форма «эзоповского языка», при помощи которого Чернышевский использовал легальные возможности для проведения революционных идей»³. Нельзя не согласиться с В. Я. Зевиним, что «панегирики» Чернышевского по адресу Александра II являлись своеобразной формой эзоповского языка, своего рода эвфемизмом. Но мы не можем согласиться с тем, что «панегирики» были, по существу, иронией, под которой скрывалось «разоблачение либеральных, реформистских иллюзий». В. Я. Зевин

¹ К. Н. Журавлев, К вопросу об авторе «Записки редакции журнала «Современник» о преобразовании цензуры», «Исторические записки», 1951, № 37, стр. 226, 228, 233, 251.

² «Исторические записки», 1951, № 37, стр. 228.

³ В. Я. Зевин, Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского, Госполитиздат, М. 1953, стр. 231.

имеет в виду приводимые выше заявления Чернышевского по поводу рескриптов из статьи «Суеверие и правила логики» и из «Алферьева», но не считает их противоречащими его точке зрения и по существу никак не объясняет, почему «нельзя буквально понимать» рассуждение из «Алферьева»¹.

В качестве аргумента за то, что панегирики Чернышевского являются ироническим иносказанием, В. Я. Зевин и К. Н. Журавлев приводят следующее соображение. В статье «Упрек и оправдание» и в «Записке... о преобразовании цензуры», характеризуя отношение «Современника» к рескриптам, Чернышевский не только не осуждает своей позиции в начале 1858 г. и не считает ошибочной статью «О новых условиях сельского быта», но, напротив, он намекает здесь, что тон панегириков был ироническим эзоповским приемом².

Но статья «Упрек и оправдание» написана Чернышевским в ответ на письмо из правительственного официоза «Journal de Saint-Petersbourg», в котором содержалось обвинение русского общества в равнодушии к общественным делам и враждебности ко всем правительственным начинаниям. Чернышевскому необходимо было здесь, с одной стороны, прикрыть революционную направленность «Современника» и доказать, что его стремления всегда были благонамеренны. С другой стороны, следовало осторожно отметить готовность «Современника» принять участие в решении важных общественных вопросов и показать репрессивную политику самодержавия, препятствующую малейшему проявлению общественной инициативы. Удобным примером для этой цели могла служить статья «О новых условиях сельского быта»; в которой Чернышевский не только в подчеркнуто благонамеренной форме приветствовал начатое правительством дело по освобождению крестьян, но и предпри-

¹ В. Я. Зевин, Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского, Госполитиздат, М. 1953, стр. 232—233.

² К. Н. Журавлев, Комментарии к ст. «О новых условиях сельского быта»; Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 950; К. Н. Журавлев, К вопросу об авторе «Записки редакции журнала «Современник» о преобразовании цензуры», «Исторические записки», 1951, № 37, стр. 215, 225—228, 251; В. Я. Зевин, Цит. соч., стр. 233.

нял попытку борьбы за его максимальное осуществление. Статья, как известно, в свое время вызвала правительственные репрессии. Вот почему Чернышевскому было выгодно сослаться на эту статью, отнюдь не осуждая ее. Но из этой ссылки не следует, что в статье «О новых условиях сельского быта» имели место иронические заявления. Если Чернышевский применял иронию как способ иносказания в статье «Упрек и оправдание», это еще не говорит за то, что ирония использовалась им в статье, на которую он здесь ссылается. Из содержания рассматриваемого отрывка статьи «Упрек и оправдание» с ссылкой на хвалебные отзывы о действиях Александра II нельзя сделать такого заключения. Точно так же обстоит дело с ссылкой на статью «О новых условиях сельского быта» в «Записке... о преобразовании цензуры» (независимо от того, кто являлся ее автором).

Приведенные примеры достаточно убедительно показывают, к каким результатам приводит невнимательное отношение к существу иронического способа иносказания. Авторы, объявляющие те суждения Чернышевского, которые выходят за пределы созданной ими концепции о его воззрениях, иронией, не учитывая ее специфики, упрощают и модернизируют идейное наследие революционного демократа.

* *
*

Подавляющее большинство иронических приемов иносказания, как наиболее острые, хотя и завуалированные формы выражения революционных идей, встречаются в публицистике Чернышевского в годы революционной ситуации. В более ранний период деятельности ирония являлась для него средством, вуалирующим отрицательное отношение главным образом к реакционному направлению в области литературы. Сатирическое обличение такой стороны русской действительности, как антидемократическая литература и критика, диктовалось в это время условиями жизни и обусловленными ими тактическими задачами революционных демократов. Кроме того, это обличение было менее опасно, чем, например, полемика с реакционными течениями в области философии или эко-

номической науки, или чем проявление резко отрицательного отношения к характеру подготовляемой реформы, к существующему режиму, либерализму, правительству и т. д. Но сатирическое осмеяние и разоблачение идейно враждебных Чернышевскому литераторов, за которыми стояли целое течение или школа, носившие, в силу своей консервативности, официальный характер, также требовало надежного прикрытия от придирчивого взора цензора. Таким прикрытием была ироническая похвала, скрывавшая в себе уничтожающую насмешку, формально не оставлявшая места для уличения Чернышевского.

Так, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856 г.) реакционное направление критической деятельности С. П. Шевырева Чернышевский называет «блестящей эпохой», проявившейся уже в «Москвитянине» (III, 93). Иронический характер преувеличенно положительного эпитета «блестящий» и тот обратный смысл, который скрывался за ним, выявляется окружающим контекстом, намекающим на подлинное содержание деятельности Шевырева и упоминанием журнала «Москвитянин», реакционное направление которого было хорошо известно.

Точно так же характеризует Чернышевский (1856 г.) немецкого реакционного писателя Августа Коцебу, долгое время бывшего шпионом Александра I. Произведения Коцебу были в свое время широко распространены в России. Чернышевский пишет о нем, явно связывая его имя с политической реакцией и застойным характером прошлого периода русской литературы, периода ее увлечения немецким романтизмом: «...постоянство — прекрасное качество во всех сферах жизни, а особенно в умственной жизни, которая, к сожалению, у иных народов в иные времена так подвержена бывает беспокойным треволнениям. Нас успокаивают на этот счет воспоминания о прошедшем и настоящие явления: над всеми русскими и иностранными писателями возвышается у нас мирный гражданин Коцебу на величественном подножии, состоящем из 143... творений, которыми позаимствовалась у него русская литература... более всего любили мы... доброго и честного Коцебу, пострадавшего за правду, которую так безрассудно отвергло суетное немелкое юношество» (IV, 47—48). Иронические определения: «мирный граж-

данин», «добрый и честный», «пострадавший за правду», скрывали в себе презрение Чернышевского к далеко не мирной, бесчестной, шпионской «деятельности» Коцебу.

Аналогичный прием использует Чернышевский, высказываясь о В. А. Жуковском, П. А. Вяземском, М. П. Погодине. Чернышевский разоблачал реакционный характер поучений Жуковского-моралиста, выступавшего в некоторых своих статьях в роли проповедника слепой покорности властям. Поэт утверждал, что всякое зло есть благо, посланное богом. Ввиду того, что система воззрений Жуковского в области морали и политики, по существу, смыкалась с догмами официальной церкви, служившей правительству, Чернышевский был вынужден прибегнуть для выражения своего обличения к иносказанию — к иронической похвале (1857 г.). При определении реакционных убеждений Жуковского Чернышевский намеренно использовал высокую лексику, восторженные эпитеты, архаизмы, церковно-славянизмы, которые в сопоставлении с содержанием характеризуемых воззрений могли быть восприняты читателем только иронически. Говоря о длинных размышлениях поэта о необходимости христианского смирения, Чернышевский определяет: «При всей своей краткости они вполне могут служить высокими образцами благочестивой прозорливости, осенявшей душу мудрого старца, просветленного непоколебимым упованием на всеблагий промысел божий» (IV, 586). Этот нарочитый пафос и торжественность звучали остро сатирически в применении к отрицательным качествам характеризуемого предмета. Оценивая статью Жуковского «О смертной казни», где ханжество сочетается с прямой защитой интересов правящего класса, его юридических и политических установлений, Чернышевский заключает в том же ироническом тоне: «Она (статья — Б. Л.) полна воззрения величественного и обнаруживает замечательную силу логики вместе с глубоким знанием потребностей общественного быта»; она является прекрасным свидетельством того, что «идеализм и возвышенность чувств не мешают практической основательности» (IV, 589). При этом выражения, в каких иронически характеризовались свойства поучений Жуковского, только подчеркивали отсутствие их в действительности.

Такой же характер имеет отзыв Чернышевского о М. П. Погодине, которого, как писал Чернышевский (1856 г.), «справедливость требует назвать... ученым основательным..., требует сказать, что в его любви к науке нет ни жеманства, ни притворства, что он защитник просвещения и что как бы ни казались нам странны некоторые его мнения, но никто не может и подумать назвать его обскурантом» (III, 77). И здесь ироническая похвала отмечает те стороны общественного лица Погодина, на которые Чернышевский хотел обратить внимание читателя, характеризуя их в духе, противоположном действительному состоянию. Так построена ироническая похвала отношения Погодина к науке и просвещению. Особенно издевательски звучал конец определения, внешне являясь совершенно безобидным, так как начисто «отрицал» возможность назвать Погодина обскурантом. Но уже одно упоминание этого слова было достаточно для восприятия осведомленным читателем скрытого смысла иронического комплимента.

Аналогичным способом намекает Чернышевский (1861 г.) на бесславную роль П. А. Вяземского в истории цензурных мытарств русской литературы 1860-х гг. в следующем ироническом замечании по поводу статьи о Вяземском М. Н. Лонгинова: «...предмет для апологии выбран очень удачно. Русская литература будет помнить покровительство, каким она пользовалась от князя Вяземского, когда он находился прямым ее начальником в звании товарища министра народного просвещения. Да, она будет помнить с надлежащей признательностью» (VII, 723).

В таких же иронических выражениях, активизирующих своей заостренностью мысль читателя, высказывался Чернышевский в «Заметках о журналах 1857 г.» о поверхностном и бесперспективном либеральном обличительстве в русской литературе: «Превосходно прошел этот год! Говорено было много о многих важных делах: об административных и судебных злоупотреблениях, о гласности, о тарифе, о различных других экономических преобразованиях и т. д. Публика восхищалась собою за то, что ее интересуют такие серьезные вопросы... Участь литературы и писателей была не менее прекрасна: ... как же было литературе не чувствовать довольства своими подвигами?.. Да, завидно положение русской литературы, завидна

судьба писателя: целый год быть предметом общего внимания и общих похвал и иметь в перспективе продолжение такого наслаждения...» (IV, 873—874).

В это же время (1856 г.) в статье о стихотворениях Е. П. Ростопчиной Чернышевский тоже использует прием иронической оценки ее творчества в целях конспирации своего резко критического к нему отношения.

Аристократическая салонная поэзия графини Ростопчиной, искусственная и бессодержательная, воспевающая балы, светские развлечения, «утонченную» любовь и «изысканные» переживания великосветских женщин, получившая известность в дворянских кругах 1830—1840-х гг., успела к 50-м годам пережить себя. Если бы некоторые из толстых журналов не продолжали помещать на своих страницах произведений Ростопчиной и в 50-х годах, если бы редакторы и критики этих журналов не продолжали расхваливать ее как представительницу истинной «чистой» поэзии, то, возможно, новая литература не стала бы уделять ей внимания и предала бы ее забвению. Между тем ее сочинения печатались и в первой половине 50-х годов в «Отечественных записках», «Москвитяине», «Библиотеке для чтения», «Пантеоне». В этих же журналах продолжали появляться хвалебные рецензии на ее стихи и романы.

Но этого мало: Ростопчина была не только салонной поэтессой, она в своей поэзии защищала принципы, враждебные развитию новой демократической литературы, принципы дворянского «чистого» искусства («Ода поэзии», 1852 г.). Она выступала против идей общего прогресса науки и общественного движения, против идеи эмансипации женщины («Письмо к Ф. Глинке», 1851 г.; «Счастливая женщина», 1851 г.; «Моим критикам», 1856 г.). При таком положении Ростопчиной в литературе нельзя было не говорить о ней.

Необходимо было подвергнуть резкой критике поэзию Ростопчиной, безжизненность и убожество содержания этой поэзии, классовую узость и ограниченность ее идей, бедность ее художественной формы. Окончательное развенчание Ростопчиной и того, что стояло за ней и ее литературной продукцией, было необходимо в ходе борьбы за общую демократизацию русской жизни против узкой

дворянской привилегированности, в ходе борьбы за идейность и демократическое направление русской литературы, за дальнейшее развитие «натуральной» школы.

Эту задачу взял на себя Чернышевский, напечатав в 1856 году рецензию на издание стихотворений Ростопчиной. В рецензии он высказал принципиальное мнение по поводу всего творчества поэтессы.

Но открыто выступить против общепризнанной великосветской поэтессы со всей резкостью и беспощадностью Чернышевский не мог, так как за Ростопчиной и ее поэзией стояло дворянское, светское общество. Критик должен был избрать завуалированный способ высказывания — иронию, которая скрывала в себе уничтожающую насмешку, формально оставаясь неуязвимой.

В этих целях в статье Чернышевский намеренно присваивает свое резко отрицательное мнение о лирическом герое стихотворений Ростопчиной ей самой, отделяя личность поэтессы от лирического героя ее стихотворений. Этот герой, по ироническому утверждению Чернышевского, якобы всюду подвергается отрицательной, сатирической характеристике со стороны самой Ростопчиной.

Чернышевский изобличает «пустоту головы и сухость сердца» (III, 464) лирической героини стихотворений Ростопчиной, типичной представительницы светского общества, которая, как пишет Чернышевский, «не может быть идеалом... вообще какого бы то ни было поэта» (III, 457) «и не только не может быть идеалом, но не может возбудить ни малейшего сочувствия ни в каком человеке, кто бы он ни был...» (III, 835). Поэтому установившееся мнение о том, что «эта замечательная поэтесса изливала в своих стихотворениях чувства и мысли, которые казались ей высокими, правдивыми, глубокими... что ее поэзия — положительное отражение той жизни, которая казалась и кажется для самого поэта идеалом жизни», — «это мнение положительно ложно» (III, 454). Напротив, пишет далее Чернышевский, именно лирическую героиню «графиня Ростопчина превосходно заставила излагать свои понятия и ощущения, свои поступки и стремления, олицетворив их, по неизменным законам поэтического творчества, в этой вымышленной женщине, говорящей нам о своем «я» (III, 465).

Далее Чернышевский доводит ироническую похвалу поэзии Ростопчиной до гиперболических размеров, определяя ее направление как глубоко обличительное, равное высоким образцам литературы критического реализма: «...графиня Ростопчина — писательница байроновского, лермонтовского, гоголевского направления: она выставляет на позор те уклонения от идеала, которые глубоко возмущают ее благородную, поэтическую, чистую мысль; она клеймит горькою, холодною сатирою без усмешки, без улыбки, — клеймит сатирою, для поверхностного читателя чуждою всякой сатиры, пустоту головы и сухость сердца» (III, 464); или: «...читатели согласятся, что поэтическое значение произведений графини Ростопчиной доселе не было еще оценено по достоинству; что они должны считаться... не говорим: прекрасным, в этом никто не сомневался до сих пор,— но в высшей степени замечательным явлением в истории нашей литературы, — явлением, не менее замечательным, нежели стихотворения Лермонтова» (III, 457).

Но поскольку сама Ростопчина и не думала в действительности осуждать лирическую героиню своих произведений, отражавшую, напротив, ее собственные черты, вкусы и переживания, то обличительный удар Чернышевского скрыто был направлен на самую поэтессу; на это и был рассчитан избранный Чернышевским в этой статье способ отрицательной оценки, развенчания поэтессы и ее творчества.

Таким же способом Чернышевский подвергает уничтожающей критике слабость формы, поэтическую беспомощность в творчестве поэтессы. Следуя ходу своего иронического рассуждения, Чернышевский заявляет, что у Ростопчиной «форма вполне соответствует идее, и потому безукоризненно художественна» (III, 467). В форме стихов отражена личность героини, женщины, пресыщенной наслаждениями, холодной, но экзальтированной и ищущей новых удовольствий. «Потому-то общий колорит стихотворений... сух, эгоистичен, экзальтирован и холоден» (III, 468). Здесь Чернышевский так же иронически заключает: «по художественному достоинству, состоящему в этом полном соответствии формы с идеею, в графине Ростопчиной должен быть признан талант необыкновенный» (III, 468).

Осуждение Ростопчиной, уничтожающая насмешка

над ее творчеством содержится не только в суждениях Чернышевского по поводу лирического героя ее стихотворений, но и в его иронических хвалебных отзывах о поэтессе.

Как при всякой иронической похвале, положительные характеристики в статье по адресу Ростопчиной так же намеренно преувеличены и не случайны в выборе качеств, которые высоко оцениваются. Чернышевский иронически превозносит то, чего в действительности не было у Ростопчиной и в ее творчестве, и что им только приписывалось для подчеркнутого упоминания об отсутствии. Наоборот, черты, присущие Ростопчиной и порицаемые Чернышевским, в иронической похвале упоминаются им как отсутствующие: «...она горькой, несмеющейся ирониею глубоко, смертельно оскорбила *«жеманство, суету, тщеславий мелких чванство»*..., выставив их свету без всяких вуалей, в истинном их виде; да, она глубоко поразила их своим *презрением!*» (III, 465).

Особенной сатирической остроты достигает завуалированная насмешка Чернышевского в тех местах, где похвала Ростопчиной и ее творчеству приобретает особую подчеркнутость в степени преувеличения. Здесь вместе с тем наступает наибольшее обнажение замысла Чернышевского, чрезмерное преувеличение вызывает сомнение у читателя и ирония становится наиболее ощутимой. Это особенно хорошо видно в том месте, где, «превознося» талант поэтессы, Чернышевский сравнивает ее с Пушкиным и Лермонтовым. А в рукописи статьи, где И. И. Панаев вычеркивал слишком резкие выпады Чернышевского, первоначально было: «...как художник, она должна быть поставлена наряду с Пушкиным и Лермонтовым, если не выше их: у Пушкина и у Лермонтова иногда идея изменяет форме, или форма идее; у графини Ростопчиной никогда» (III, 837)¹. Чернышевский намекал также читателю на то, что его утверждения — злая ирония в неслучайном противопоставлении салонной поэтессе писателей-реалистов: Диккенса и Теккерея, «этих грубых, хотя и даровитых людей, которые с такою мужицкою прямою называют каждую вещь прямо по имени, не имея понятия о приличиях в образе выражения» (III, 467). С том же говорило напоминание о критиках-разночинцах

¹ ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. № 1, ед. хр. 73, л. 12 об.

Н. А. Полевым, В. Г. Белинском, О. И. Сенковском. Они, пишет Чернышевский, «воспитывались не в салонах» и не могли «понять, уловить тонкую, уловимую только для светских людей иронию графини Ростопчиной» (III, 466).

Сам Чернышевский уже в 1880-х годах в «Материалах для биографии Добролюбова» писал о том, что в его статье о стихотворениях Ростопчиной «резкая насмешка... прикрыта формой утрированной похвалы»¹. Эта «утрированная похвала» явилась в статье о стихотворениях салонной дворянской поэтессы формой подцензурного иносказания, не только не лишившей сатиру Чернышевского ее силы воздействия, но придавшей ей, как это свойственно иронии, особенную остроту и разящую меткость.

С целью смягчения резкого характера своей оценки творчества Е. П. Ростопчиной, Чернышевский внес ряд исправлений в рукопись статьи. Так, первоначально Чернышевский гораздо определеннее, чем в печатной редакции, намекал читателю на то, что героиня поэзии Ростопчиной, которую он подвергнул сатирической насмешке, — это сама поэтесса и, следовательно, острие его сатиры обращено против нее. В рукописи Чернышевский отмечал: «Человек, пишущий эти строки², ...не будет раскрывать перед вами ощущений своего сердца; он не лирический поэт, он умеет удержаться от ненужных читателю, быть может невыгодных для него самого откровенностей и излиятий. О, как он благодарит судьбу, обделившую его способностью писать лирические стихотворения: он удержался от излишних откровенностей с публикою, и если было или есть что-нибудь мелочное, смешное и жалкое в его ощущениях, в его радостях и скорбях, публика по крайней мере не будет знать того». Далее Чернышевский перечисляет вымышленные черты своего характера и своей внешности и продолжает: «...ну, хорошо ли было бы для меня, автора этих строк, если б я разъяснил все эти свои качества перед публикою в своих стихотворениях? И каково было бы поэтическое достоинство моих стихотворений? Что бы вы подумали обо мне и о моих стихотворениях, читатели? Да, опасно, очень опасно писать лирические стихотворения!» и т. д. (III,

¹ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М. 1890, стр. 314.

² Чернышевский писал о себе, но имел в виду Ростопчину.

833—834)¹. Затем Чернышевский убрал весь этот отрывок, сделав иронию статьи более непроницаемой. Кроме того, он изменил одно из своих иронических определений, где давалось сравнение сочинений Ростопчиной с поэзией Лермонтова. Первоначально в рукописи было: «Да, действительно, она горькой, несмеющейся, *достойною Лермонтова* ирониею глубоко, смертельно оскорбила...» и т. д. (III, 465). Но потом Чернышевский зачеркнул слова: «*достойною Лермонтова*», тем самым уничтожающая ирония оценки стала менее ощутима².

Еще более основательной правке статья подверглась со стороны И. И. Панаева, который старался сгладить остроту сатиры Чернышевского, смягчить его иронию. Панаев заменял отдельные резкие выражения Чернышевского, его особенно преувеличенные эпитеты в отношении Ростопчиной более умеренными определениями. Так, вместо «*нелепость мнений*» появилось: «*ошибочность мнений*», «*неверность мнений*»³. Вместо: «*графиня Ростопчина гениально заставила...*» — «*графиня Ростопчина превосходно заставила*»⁴. Панаев вычеркнул совсем следующие хвалебные эпитеты: «*величие таланта*»⁵, «*высочайшим достоинством*»⁶, «*высокому художественному достоинству*»⁷. Его же карандашом зачеркнуто в рукописи ироническое сравнение Ростопчиной с Пушкиным и Лермонтовым (III, 837)⁸ и другие аналогичные отрывки (III, 833—837).

Однако скрытый под иронией острый социальный смысл сатирических оценок Чернышевским дворянских салонных литераторов и самой этой литературы, пройдя через цензуру, был воспринят не только читателем-единомышленником, но и теми, против кого эта сатира направлялась. Со стороны представителей аристократической литературы последовала резкая реакция, обнаружившая завуалированное политическое направление статьи Чернышевского и определившая социальное лицо сторонников «чистого искусства».

¹ ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. № 1, ед. хр. 73, л. 1 об.

² Там же, л. 9. Подчеркнуто здесь и дальше нами.

³ Там же, л. 2, 2 об.

⁴ Там же, л. 9.

⁵ Там же, л. 11.

⁶ Там же, л. 11 об.

⁷ Там же, л. 12.

⁸ Там же, л. 12 об.

Графиня Ростопчина ответила на статью Чернышевского стихотворением «Моим критикам» (ноябрь 1856 г.), где, заявив о том, что она гордится «журнальной хулой», она откровенно сознавалась:

Я разошлася с новым поколеньем,
Прочь от него идет стезя моя;
Понятьями, душой и убежденьем
Принадлежу другому миру я,
Иных богов я чту и призываю,
И говорю иным я языком;
Я им чужда, смешна, — я это знаю,
Но не смущаюсь перед их судом...¹

По поводу этого стихотворения Некрасов писал Тургеневу 30 июня 1857 г.: «Гр. Ростопчина написала доносец в стихах. Фельетонист «С.-Петербургских ведомостей», говоря о ней, замечает, что деятельность ее разделяется... на три отделения, в 1-м она делала то и то, во 2-м то и то, а ныне гр. Р. вступила в третье отделение»². Даже А. В. Никитенко отмечал в 1858 г., что Ростопчина «сделалась страшною консерваторкою»³.

Именно потому, что в рецензии Чернышевский выступал не только против Ростопчиной, но против целого направления дворянской литературы, Ростопчину в ее борьбе против «Современника» и против Чернышевского поддержал А. В. Дружинин, статья которого о стихотворениях поэтессы полемически заострена против Чернышевского⁴.

С. П. Сушков, брат Е. П. Ростопчиной, выступивший уже позднее (в 80-х годах) в защиту памяти поэтессы и особенно защищавший ее сословную привилегированность, уловил способ, каким была написана статья Чернышевского, отметив скрытую под ее иронией классовую враждебность автора в отношении дворянской писательницы. Он писал, что «эта необычайная рецензия заключала... самые грубые нападки на ее собственную личность и самые неприличные над нею глумления чрез извраще-

¹ Цит. по ст. С. П. Сушкова «Возражение Е. С. Некрасовой», «Вестник Европы», 1888, № 5, стр. 423—424.

² Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, Гослитиздат, М. 1952, стр. 344.

³ А. В. Никитенко, Записки и дневник, т. I, СПб, 1904, стр. 503.

⁴ А. В. Дружинин, Собр. соч., т. 7, СПб. 1865, стр. 153—160.

ние истинного смысла ее поэтических произведений». Он отметил далее, что при написании статьи «действовали какие-нибудь особенные и посторонние мотивы, чуждые литературе»¹.

Показательно также в этом отношении свидетельство К. Н. Лебедева, современника писательницы-аристократки А. П. Глинки, о повести которой «Графиня Полина» Чернышевский написал статью в духе, аналогичном рецензии о поэзии Ростопчиной (1856 г.). К. Н. Лебедев рассказывал, каким гневом, выражавшим сословную ненависть, реагировала А. П. Глинка на завуалированную в иронии критику Чернышевского: «Сегодня я был у Авдот. Павл. Глинки. Она написала повесть «Графиня Полина». Повесть эту Академ. Ведомости и Современник встретили насмешками, довольно неприличными. Я нашел и мужа Федора Ник., и самую Авдотью Павловну (больную, с нею был род удара) в негодовании, близком к умопомешательству... Они находят, что эти критики или разборы — поругание, посрамление, оскорбление чести для внучки двух фельдмаршалов и дочери сенатора и куратора, что это шайка демократов социалистов, что они, Глинки, ...дойдут до Государя... гнев этот поджигает и поддерживает Греч»².

* * *

В годы революционной ситуации (1859—1861 гг.) и в 1862 г. Чернышевский наиболее широко применял иронию, особенно ту, в которой заключался уничтожающий сарказм, больно задевавший противника, до конца разоблачавший его в глазах читателя-единомышленника. В этот период крайнего обострения классовой и идейной борьбы Чернышевский пользовался иронией одновременно как оружием сатиры и в целях конспирации, когда, утверждая революционную идеологию, вступал в полемику по экономическим, философским, историческим или социологическим вопросам. При этом оттенки иронии от сдержанно-желчной до откровенно-саркастической менялись Чернышевским в зависимости от изменения его тактики в борьбе.

¹ С. П. Сушков, Возражение Е. С. Некрасовой, «Вестник Европы», 1888, № 5, стр. 416, 420.

² Из записок сенатора К. Н. Лебедева, «Русский архив», 1893, № 3, стр. 348.

В этом отношении характерно, как изменялось Чернышевским выражение оценки деятельности либерала-правоведа и публициста Б. Н. Чичерина. В статье 1859 г. «Чичерин как публицист»¹ Чернышевский подвергал острой критике призывы Чичерина, направленные на укрепление централизованного государства, монархии и бюрократии. Чернышевский высмеивал его выступления против не существующей в условиях полицейско-самодержавного режима активности русского общественного мнения, вуалируя все это в иронической похвале по адресу Чичерина. «Надобно полагать, — писал Чернышевский, — что г. Чичерину нужен был необыкновенный запас мужества, чтобы защищать бюрократию и централизацию, эти драгоценности, совершенно изгнанные из нашего общества и беспощадно преследуемые в нем. Надобно предполагать, что он писал для общества, над которым владychествуют ультрареспубликанцы, сажающие в тюрьму каждого, кто замолвит слово в пользу монархического порядка. Итак, главный порок нашего общества состоит в том, что оно слишком страстно, слишком непреклонно, слишком круто проводит свои стремления, противные к существующему порядку, и публицист, пишущий по-русски, обязан говорить нам, что мы должны соблюдать умеренность в борьбе, которую ведем так энергически» (V, 649). Здесь и всюду в статье едкая насмешка и беспощадное разоблачение существа взглядов Чичерина еще сдержанны по форме и скрыты во внешне положительных оценках, данных в таких выражениях, абсурдность содержания которых проявляет себя в сопоставлении со смыслом контекста. Насмешка угадывалась также и в тех украшающих эпитетах и словах положительной оценки, которыми Чернышевский наделял Чичерина²: «Мы не сомневаемся в том, что г. Чичерин проникнут *прекраснейшими* намерениями, но нас *изумляет прелестный* такт,

¹ О статье «Чичерин как публицист» Н. Ф. Даниельсон писал К. Марксу 20 марта (1 апреля) 1873 г.: «Это блестящая критическая работа, в которой автор с едким юмором опровергает главные мысли Чичерина» (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. второе, Госполитиздат, М. 1951, стр. 94).

² Читатель мог уже знать, что «если в полемике употребляются похвальные или торжественные выражения, то их надобно понимать за насмешку» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 773).

с которым он берется за дело, — *изумляет* верность его взгляда на коренные недостатки нашего общества» (V, 648. Подчеркнуто нами. — Б. Л.).

В 1862 г. в статье «Опыты открытий и изобретений» Чернышевский выступал против Чичерина также в рамках иронической непроницаемости, но здесь ирония его приобрела характер откровенного уничтожающего сарказма. Имея в виду открытое выступление Чичерина против проникновения в университет современных революционных веяний, против проявления студенческих демократических прав, — выступление, одобрительно встреченное в правительственных кругах, Чернышевский писал: «Принцип г. Чичерина основателен: наука сама по себе, жизнь сама по себе, и науке нет до нее дела. Из этого, конечно, следует, что если не только учащегося юношу, но хотя бы и вполне ученого мужа стали мы сечь, это нимало не помешало бы его успехам в науках: ведь сечение — дело жизни, а не науки, и розга нимало не прикасается к благородным, скрытым под черепом органам, которыми познается научная истина: ученый, разделяющий принципы г. ...Чичерина, может безмятежно мыслить о *leges barbarorum* и областных учреждениях в то время, когда его порют» (X, 62). Пользуясь иронией, то есть возможностью выразить свою идею слогом, «вывороченным на изнанку», самими предложениями этого слога Чернышевский наталкивал читателя на восприятие реакционной полицейской сущности убеждений Чичерина. Злым издевательством становился нарочитый пафос в применении к характеристике низких поступков и качеств Чичерина, преувеличенная к нему почтительность. «Истины, изрекаемые г. Чичериным, были так возвышенны и убедительны, что не мог никто оспаривать его», — иронизирует Чернышевский, намекая читателю на правительственное запрещение цензорам пропускать в печать возражения против лекции Чичерина, в которой он призывал к подавлению студенческих беспорядков (X, 65). Саркастическая ирония, с которой Чернышевский в восторженных тонах говорил о выступлениях Чичерина и других реакционных профессорах московского университета, делали изнанку выражений особенно острой и чувствительной: «О, как я хвалю состав московского университетского совета, все ученые члены которого.. явились достойными сотоварищами г. Чичерина и вместе с ним

учили неповоротливую полицию исполнять ее долг, пробуждали ее зоркость, объясняли ей необходимость спасти погибающий первопрестольный град, — о, совет Московского университета! ты достоин сохранения своих корпоративных привилегий!» и т. д. (X, 64—65).

Такой же резкой насмешке, завуалированной в иронии, Чернышевский подвергал в эти годы носителей реакционной идеологии и по существу сомкнувшихся с ними либералов: Н. А. Безобразова, П. М. Леонтьева, Ф. М. Дмитриева, М. Н. Каткова, С. М. Соловьева, И. К. Бабста и др. Не имея возможности вполне откровенно высказаться о враждебном социализму бельгийском вульгарном экономисте Густаве Молилари, который читал лекции в московском университете и имел своих единомышленников в лице Каткова, Вернадского, Бунге, Чернышевский вуалировал свой резко отрицательный отзыв о нем и об его русских последователях также в комплиментах, словах подчеркнуто положительной, даже восторженной оценки. Он называл Молилари (1860 г.) «великим ученым», «звездой первой величины в науке» (VII, 467), которому свойственны «превосходные намерения... спасти общество от серьезной опасности и насмерть поразить социализм» (VII, 474). Этой «знаменитостью» Молилари, иронизирует Чернышевский, объясняется поклонение ему «со стороны наших знаменитых экономистов» (VII, 467). «Гг. Безобразов, Бунге, Вернадский, Ржевский и Молилари... — все это такие ученые, которые славны от Лапландии до Чукотского Носа» (1861 г.; VII, 909). Чернышевский аттестует их как «замечательных мыслителей», «знаменитых ученых» и т. д. (VII, 909). Такой же характер имел в 1861 г. отзыв Чернышевского о М. П. Погодине, которого он назвал «почтенным нашим публицистом», «достойно завершившим свою громкую славу недавними статьями по крестьянскому вопросу» (VII, 710). Читатель мог угадать истинный смысл, который был вложен Чернышевским в его иронию, так как в своих статьях на эту тему Погодин предлагал крестьянам с благодарностью принять реформу царя и помещиков.

По меткому выражению самого Чернышевского, примененного им к аналогичным сатирическим выступлениям Добролюбова, «едкий сарказм» такой иронии «превосхо-

дил своей язвительностью прямые ругательства»¹. Недавно такие резкие оценки, если и проходили благодаря иронии через цензуру, не только воспитывали демократического читателя, но и вызывали болезненную реакцию во враждебном лагере. С открытой ненавистью Катков, например, писал, что в статьях Чернышевского «тоном шарлатанской иронии говорится о великих русских экономистах, гг. Вернадском, Бунге, Ржевском, Безобразове, к которым причисляется г. де-Молилари и наконец Кери и Бастиа»².

Едкой иронией, уничтожающим сарказмом проникнуты статьи Чернышевского: «Опыты открытий и изобретений» (1862 г.) и «Магистр Н. де-Безобразов — псевдоним!» (1862 г.), где метко высмеиваются публицисты и ученые консервативного и либерального направлений. В целях глубокого обличения и вместе с тем маскировки (поскольку борьба велась с проявлениями официальной идеологии) Чернышевский выдавал враждебные ему воззрения за свои собственные и, излагая их в духе иронической похвалы, «изнутри» язвительно их высмеивал. Упрекая С. М. Соловьева в идеализации царской власти и говоря о вульгарном экономисте И. К. Бабсте, Чернышевский, например, писал: «Занявшись... русскою историею, я открыл гениальность и благотворность в действиях Иоанна IV Васильевича, а потом, размыслив о политической экономии, постиг необходимость не допускать привоза машин из-за границы в Россию. Но оказалось, что первое открытие предвосхищено у меня знаменитым нашим историком г. Соловьевым, а второе отпечатано в журнале, редактором которого был глубоко уважаемый мною, Иван Кондратьевич Бабст... С ними обоими сходился я в мыслях неоднократно» (X, 61—62). Далее следует наиболее язвительное разоблачение того общественного поведения Соловьева и Бабста, на которое Чернышевский намеренно конкретно указывает, как на свойственное и ему: «В особенности согласен я с ними, что студенты Московского университета — буйные мальчишки, которых надобно сечь» (X, 62). Аналогичным приемом Чернышевский характеризует реакционность московских

¹ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М. 1890, стр. 517.

² М. Н. Катков, Старые боги и новые боги, «Русский вестник», 1861, № 1, стр. 903.

ученых Ф. М. Дмитриева, Б. Н. Чичерина, П. М. Леонтьева: «Тревожит меня только то, что я не уверен — разделяют ли мнение мое, г. Соловьева и г. Бабста, во всей выраженной мною силе его, молодые ученые профессора Московского университета, г. Ф. Дмитриев и г. Чичерин? В г. Леонтьеве я уверен; но достигла ли молодая пара той определительности последнего вывода, какую гордимся мы, ученые вполне зрелые (я, г. Соловьев и г. Бабст)?» (X, 62). Таким же способом иносказания Чернышевский намекает читателю, что между позициями крепостника Н. А. Безобразова и умеренного либерала славянофила Д. Ф. Самарина в крестьянском вопросе нет никакой разницы (X, 75—76).

Иногда, наделив высмеиваемое лицо преувеличенными комплиментами и притупив этим бдительность цензора, Чернышевский неожиданно почти открыто выражал свою мысль. Заканчивал сатирическую характеристику Чернышевский вновь в ироническом духе. Таким образом, например, Чернышевский говорил в той же статье «Опыты открытий и изобретений» об известном выступлении профессора Э. Х. Ленца против принятия женщин в университет: «Отдавая должную честь благородству и смелости заслуженного заштатного профессора, — да и как не отдал бы я справедливости ему, когда сам по опыту знаю, какая редкая сообразительность, какая высокая правдивость и какое *меднолобое бесстыдство* нужно для произнесения подобных слов, — отдавая полную справедливость замечательным качествам ума и сердца знаменитого естествознателя, не могу с тем вместе не восхвалить и образцовую терпимость нашего общества к ученому старцу» (X, 61; подчеркнуто нами. — Б. Л.). Так же указывает Чернышевский на умственное ничтожество различных реакционеров: «И какие занимательные свойства обнаруживаются в этих милых передовых сынах нашего любезного отечества!» Нельзя поверить «возможности каким бы то ни было существам жить и действовать с таким малым запасом мозга, какой оказался достаточен для некоторых замечательных российских деятелей, продолжающих себе здравствовать, даже рассуждать, даже писать, даже стараться приобрести полное влияние на устройство судьбы любезного отечества» (X, 64).

В этой же статье Чернышевский писал о целенаправ-

тенности своей иронии: «...пусть скажут обо мне: «Лишенный злым роком всякого случая блистать собственным талантом, он по крайней мере раскрывал своему милому отечеству глаза, чтобы восхищалось оно блеском талантов в других»; хочу, чтобы мог я сказать о себе, подражая певцу Руслана и Людмилы:

И долго буду я народу тем любезен,
Что мысли дивные в писаках открывал,
Что ловкостью живых намеков был полезен
И низость чувств изобличал» (X, 64).

Эту «низость чувств» Чернышевский изобличал с помощью особо острой саркастической иронии, которая только одна из всех способов иносказания в силу своего характера одновременно служила ему метким оружием борьбы и средством прикрытия, спасавшим его (хоть и не всегда) от цензурных изъятий. Этот прием иносказания больше всего давал Чернышевскому возможность «даже в крепостной России... говорить правду... высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов...»¹.

Преимущественно к годам революционной ситуации относятся особенно частые обращения Чернышевского к ироническим иносказаниям для выражения своего критического отношения к реформе, к монархической власти, к многочисленным проявлениям самодержавно-полицейского режима как в России, так и в странах с аналогичным социальным устройством. Иронией вуалировал Чернышевский и выражение своей непримиримой вражды к либерализму в области политики, и свое отношение к злободневным вопросам жизни. При этом Чернышевский применял самые разнообразные варианты иронических утверждений и оговорок, которые составляли характерную особенность его публицистического стиля.

Горькую насмешку и сарказм несут в себе иронические иносказания, имеющие целью напомнить читателю об общем гнете, довлеющем над русской жизнью, о бесправном положении русской литературы, о рабском бессилии русской журналистики. Говоря о предстоящем возвращении Добролюбова из заграничной поездки, Чернышевский писал (1861 г.): «...нигде не нашел он климата лучше петербургского, тишины и довольства отраднейших, чем в любезном отечестве, и спешит он снова наслаж-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 176.

даться сладким и приятным дымом его» (VII, 707). Использование официальной либеральной фразеологии («тишина и довольство отраднейшие», «любезное отечество», «наслаждаться сладким и приятным дымом» отечества) в ироническом плане резко подчеркивает отсутствие всех этих благ в царской России и зло высмеивает официальный патриотизм.

В своих намеренно положительных, порой восторженных характеристиках путем алогичных построений Чернышевский доходил до абсурдных утверждений, демонстративно называя черное белым. При этом Чернышевский, конечно, рассчитывал на восприятие читателем-другом скрытой в этом ироническом признании тайной мысли, на которую он намекал или в контексте или в самом ироническом утверждении.

Этот прием абсурдных иронических заявлений Чернышевский использует в том случае, когда говорит (1859 г.), например, об одинаково свободном положении человеческой личности в Англии и России в противоположность Неаполитанскому королевству, где существует «теория неотъемлемых прав престола», в то время как «негрневольник, ступивший на английскую или русскую землю, делается свободным человеком... Так постановляют английские и русские законы, потому что выше всех документов и обязательств и обещаний ставят в этом случае неотъемлемое право человеческой личности, объявляя недействительными всякие договоры и факты, противные этому праву» (VI, 153). Русский демократический читатель, привыкший по статьям Чернышевского видеть в Неаполитанском королевстве подобие русского самодержавного государства, а в Англии пример конституционного общественного устройства с относительной, по сравнению с абсолютной монархией, свободой человеческой личности, понимал иронию сближения России с Англией и противопоставления их Неаполю. Тем более, что в следующих за этим отрывком строках Чернышевский без иронии писал, теперь уже не называя Россию рядом с Англией: «Англичанину извинительно, но неаполитанцу непростительно не знать, что так же безусловна теория неотъемлемых прав престола., как это существует в Неаполе» (VI, 153). Такой же характер и ту же целенаправленность имели утверждения Чернышевского об «известном могуществе» русской журналистики (1861 г.) (VII,

840; подчеркнуто здесь и ниже нами. — Б. Л.) и о том, что «литературные вопросы... как известно читателю, гораздо важнее и милее» для него «всех общественных дел» (1860 г.) (VII, 449). К этому же виду иносказания относится утверждение Чернышевского о том, что судьба «русских малороссов» «устроена и обеспечена так превосходно», что о них «нечего заботиться», да и сами они «не чувствуют нужды иметь о себе никаких забот. Нашим русским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они... Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко» и т. д. (1861 г.) (VII, 793). Намеком на абсурдность этого заявления служила ссылка на Шевченко как свидетеля «благоденствия» украинского народа.

Тоже иносказательными были иронические утверждения, дающие нарочито отрицательную характеристику явлениям и лицам, в действительности положительным (с точки зрения революционно-демократических убеждений Чернышевского). В данном случае в качестве способа подцензурной иносказательности Чернышевский использовал ироническое порицание.

Так, в 1861 г. он писал о «зловредной язве революции», которая «была бы покрыта струпом в Италии», «если бы восстановился в Австрии порядок». Тогда «этот поучительный пример на несколько лет отнял бы охоту к зловредным помыслам и в других, западных странах, где безумные надежды легкомысленных прогрессистов возбуждаются успехами итальянцев» (VIII, 482).

Аналогичный характер носили следующие высказывания о Гарибальди и гарибальдийцах: «Мы хвалим ревность, с какую спешил Кавур наказать Гарибальди и его товарищей за революционный дух, двинувший их против короля неаполитанского» (VIII, 351). «Только крайность может заставить благомыслящего человека замарать свою руку пожатием мозолистой руки какого-нибудь Гарибальди, или грязных рук его приятелей» (VIII, 608).

В других случаях Чернышевский усложнял и углублял свой шифр, усиливал остроту характеристики, сопровождая иронические подцензурные высказывания специальными, такими же ироническими заявлениями о своей благонамеренности, о своей принадлежности к консерваторам или прямым реакционерам.

Получалась двойная зашифровка мысли, что делало подцензурное иносказание более надежным.

Это усложнение способа иронического подцензурного иносказания также наблюдается именно в период с 1859 по 1862 гг., то есть в годы особенно напряженной классовой борьбы.

Говоря, например, в апрельском политическом обзоре 1861 года о прокламации генерал-губернатора Венгрии Бенедека, в которой последний обращался к солдатам со словами о необходимости усмирения «пештских бунтовщиков», Чернышевский пишет: «...Бенедек сам венгерец, — значит, может судить, что хорошо, а что дурно у венгров и для венгров... он сам говорил... и теперь говорит..., что очень горячо желает добра венграм и готов пещись о них, как родной отец» (VIII, 483).

Само по себе это высказывание ироническое: Чернышевский нарочито одобряет усмирительную политику австрийцев по отношению к восставшим венграм, прикрывая свое глубоко сочувственное отношение к ним. Этот шифр еще более углубляется, когда Чернышевский вслед за приведенными строками спешит заявить о своей принадлежности к крайним реакционерам: «с его¹ справедливой точки зрения мы и будем смотреть на дела. Приятно сказать нам, что Шмерлинг² совершенно сходится во взгляде с Бенедekom и с нами (если дозволительно упомянуть нам о себе подле этих сильных имен)... приятно сознавать, что сам, хотя и неважный человек, принадлежишь по образу мыслей к лицам, высоко поставленным судьбою, и что они похвалили бы тебя, если бы знали, как глубоко входишь ты в их чувства, как верно оцениваешь их положение, какую справедливость отдаешь им, как искренно убежден, что они действуют совершенно согласно сознаваемым ими высоким обязанностям» (VIII, 483).

В последних словах этого отрывка содержится не только иронический, но и прямой смысл, который обнаруживается при анализе логической структуры самого предложения. Трезвое отношение Чернышевского к неумолимой политике силы всех реакционеров, его постоянное стремление показать наивность и вред либеральных иллюзий насчет уступчивости абсолютизма заставляли

¹ То есть Бенедека.

² Шмерлинг — умеренный либерал, глава министерства Австрии.

Чернышевского неоднократно выступать «защитником» реакционеров и обвинителем либералов. Эта «защита» реакционеров и монархической власти только в целях разоблачения легковёрности либерализма отразилась в иронических и вместе с тем совершенно искренних заявлениях Чернышевского о том, что он «входит в их чувства», «верно оценивает их положение», отдаёт им «справедливость» и «искренно убежден, что они действуют совершенно согласно сознаваемым ими высоким обязанностям».

Так само построение иронического заявления Чернышевского о его благонадежности предполагало одновременно прямое высказывание о его подлинных воззрениях. Это наполняло иносказание глубоким смыслом, оставляя его в рамках иронии формально неуязвимым.

Иногда же в ходе иронических рассуждений Чернышевский постепенно менял тон и осторожно раскрывал перед читателем иронию уверения в своей благонамеренности. Говоря о постыдном поражении австрийцев в войне с итальянцами, Чернышевский писал (1859 г.): «...мы ни за что в свете не хотим оскорблять это образцовое правительство; недаром про нас говорят очень многие, что мы держим сторону австрийцев: мы охотно сознаемся, что чувствуем к ним слабость; да и как не симпатизировать нам при наших убеждениях с восхитительной австрийской системой?» А затем в самих выражениях дальнейших иронических рассуждений содержится намек на подлинный смысл высказываемого: «Да, мы смотрим на австрийцев с умилением восторга за то, что всему свету являются они в истинном виде... никто не ошибается на их счет... Тут скажите только: «австрийская политика своекорыстна, реактивна, гнусна», — все с вами соглашаются. Неужели же недостойны признательности австрийцы за то, что ими одними не обольщен никто?.. невозможно не уважать дела, не производящего ошибки ни в чем уме» (VI, 246—247).

Таким образом, хотя и здесь в иронической форме заключен прямой смысл, который раскрывал читателю подлинное мнение Чернышевского, кажущаяся логическая правильность рассуждений делала формальное распознавание иронии весьма затруднительным.

В других случаях в контексте дается более явное раскрытие иронии. Тщательно замаскировав свою мысль

ироническим иносказанием, Чернышевский резко меняет тон повествования и высказывается почти открыто. Но затем, снова маскируясь, он оговаривается, иронически отрицая это прямое утверждение. Так, касаясь своего отношения к трем партиям в современной политической борьбе — консерваторам, реформаторам (либералам) и революционерам, Чернышевский заявляет: «...всего выгоднее нам с вами обоим, читатель, примкнуть к партии реакционеров и обскурантов: они — люди надежные и основательные. Да и какое мне дело до пользы других? Было бы мне тепло, а чужой голод не ощущается моим желудком. Что же касается так называемых высших стремлений и благородных, бескорыстных потребностей, — самое верное дело: не верить серьезности их ни в других, ни в самом себе, а смотреть на них, как на праздную игру в слова, бросаемую при первом столкновении с положительными личными выгодами!» Далее это ироническое заявление, представляющее Чернышевского реакционером, обывателем, сменяется резким изменением характера изложения, обнаруживающим его подлинное воззрение: «А впрочем, как хотите. Бывают на свете люди, служащие исключением из общего правила, — люди, которым чужое горе щемит сердце так же мучительно, как свое личное горе; люди, которые не могут чувствовать себя счастливыми, когда знают, что другие несчастны. Быть может, вы из таких людей; ну, тогда поступайте, как велит вам ваша честная натура...» и т. д. (VI, 338—339). Тут же Чернышевский оговаривается: «Но все это отступление, как мы теперь замечаем, совершенно лишнее. Кому нужно наше мнение?» (VI, 339).

Часто Чернышевский использовал иронию в специальной оговорке, сопровождающей изложение его убеждений или событий, революционно-пропагандистский характер которых делал прямое сообщение о них особенно опасным. Эти иронические оговорки были абсурдны по своему содержанию, но формально они отмежевывали Чернышевского от его прямых высказываний и вводили в заблуждение цензуру.

В статье «Распределение» (1861 г.), написанной в качестве примечания к «Очеркам из политической экономии (по Миллю)» вместо запрещенного цензурой очерка «Собственность», перед обзором глав работы Милля «о коммунизме и о частной собственности» Чернышевский

говорил о присущей ему вообще манере иронических высказываний. Настораживая этим читателя в отношении искренности последующего, Чернышевский продолжал: «Да и на что нам они?»¹. Что касается до меня, мне в коммунистическом обществе жить не придется, следовательно, плевать я хотел на коммунизм (с вашего позволения). А вы, читатель, смею спросить, кто вы такой?.. каков размер вашего имущества? Если вы владеете порядочной собственностью или хотя ждете порядочного наследства, тогда вы, без всякого Милля, знаете, какое это хорошее учреждение — собственность..., и знаете вы, что все другие системы общественного устройства, кроме системы частной собственности, фальшивы и губительны. Если же у вас недвижимого имущества нет, движимого маловато, — тогда... я с вами толковать не намерен, потому что я не хочу знаться с людьми непорядочными. Стало быть, во всяком случае, нечего мне ни для себя, ни для читателя останавливаться на первых двух главах II книги Милля. Разве только для приличия, чтобы уж не совсем пренебрегать этими двумя первыми главами, не стоящими никакого внимания, выпишем первую страничку пропускаемого нами отдела II книги, да и то больше не для самой этой странички, а так лишь для общего предисловия к следующим выпискам» (IX, 899—900).

Мы намеренно позволили себе выписать почти целиком эту цитату Чернышевского, так как она служит прекрасной иллюстрацией к характеризруемому способу подцензурного иносказания Чернышевского. Кроме того, здесь ярко проявился острый сатирический характер иронических, с виду вполне благонамеренных заявлений Чернышевского, в которых он, причисляя себя к людям противоположных классовых воззрений, давал им убийственную характеристику. В данном случае Чернышевский обличал психологию и образ действий собственнического класса, его ненависть к идее имущественного раскрепощения и равенства.

В рассмотренном примере ироническая оговорка Чернышевского предваряет прямое выражение идеи. В другом случае Чернышевский помещает ее вслед за глубоко сочувственным сообщением о сицилийском восстании и победе Гарибальди: «Справившись духом от первого

¹ Чернышевский имеет в виду главы о коммунизме.

потрясения, произведенного в нас известием о взятии Палермо, мы возвращаемся к прежним нашим принципам, от которых легкомысленно отреклись было на минуту. Неаполитанская система хороша. Сицилийцы — ослепленные безумцы. Гарибальди — разбойник. Беззаконие торжествует в Сицилии, может восторжествовать и в Неаполе, как восторжествовало в Тоскане, Парме, Модене, Романье¹, может восторжествовать на всем Западе. Но мы стоим на скале, которой не коснутся волны его» (VIII, 144).

Иногда, иронически заявляя о своей благонамеренности, Чернышевский сам подчеркивал вынужденность своего иносказания, осторожно помогая читателю распознать его.

Так, заявив о том, что он упоминает о народно-освободительном движении Центральной Италии не к тому, «чтобы хвалить поступки ее населения», он подчеркивает (1860 г.): «...напротив, мы очень хорошо знаем, как нам *следует* судить о них, — мы знаем, что *должны* судить следующим образом: верность составляет первую обязанность подданного; тосканцы не соблюли ее; их восстание *должно* считаться нами за дело непростительное... измена все-таки измена, бунт все-таки бунт, то есть великое преступление и тяжкий грех... Мы знаем, что *нельзя* нам сказать, будто бы поступки жителей Центральной Италии были хороши; напротив, они были очень дурны, — так мы *должны* сказать». Говоря далее о проявившихся в освободительном движении «смелой и настойчивой инициативе», «непреклонной энергии», «гражданском мужестве». Чернышевский снова подчеркивает: «...мы *обязаны* сказать, что эти качества выказались в дурном направлении... Не боясь прослыть реакционерами, мы прямо *должны* сказать, что громко порицаем его... Будем прямо говорить так, как *принуждены*, к сожалению, говорить. Толкуют о несносных будто бы притеснениях, которым подвергались сицилийцы. Какой вздор!.. Пусть каждый решает... как хочет, а мы знаем, что *должны* сказать: с одной стороны, мы видим материальные потребности, мечты о свободе, о национальном единстве; с другой стороны, видим обязанность верности, обязанность уважения к существующим законам, обязанность хранить общест-

¹ Города, освобожденные Гарибальди.

венное спокойствие... Мы не можем не сказать, что обязанность должна быть для хорошего гражданина выше всего. Итак, мы должны сказать, что сицилийцы дурные граждане» (VIII, 109—111; подчеркнуто всюду нами.—Б. Л.).

Нарочито продемонстрировав в ироническом утверждении свои чувства и воззрения «верноподданного», высказав в связи с этим явно абсурдные положения, имеющие, однако, острую сатирическую направленность, и успокоив бдительность цензуры, Чернышевский в ходе этого иронического рассуждения менял тон и неожиданно прямо высказывал мысль, которая снова вуалировалась следующим затем ироническим заявлением. Переходы от иронического утверждения к открытому выражению были настолько искусны и незаметны, что Чернышевский этим приемом достигал основной цели подцензурного инсказанья: окончательно запутав цензора, доводил до читателя свою мысль, имевшую большое пропагандистское воспитательное значение.

Получался характерный для манеры подцензурного высказывания Чернышевского сложный, поистине «хитроумный» прием чередования ряда иронических и прямых заявлений и оговорок на протяжении целых страниц.

Яркий пример такого чередования мы находим в статье «Политика» за май 1860 года, в которой Чернышевский говорил о народно-освободительном движении в Средней Италии и о сицилийском восстании — о темах, которые требовали, с одной стороны, энергичного тона революционной пропаганды, с другой — особенно глубокой их зашифровки (VIII, 109—112).

Уже упоминалось о том, что при иронических характеристиках Чернышевский намеренно выражал точку зрения, ему не свойственную, надевая маску человека с противоположным ему убеждением, выдавая чужие воззрения за свои.

Этой же цели служил прием, когда высказывание делалось не от лица Чернышевского, а от вымышленного им лица, когда свои мысли и слова Чернышевский намеренно выдавал за чужие. Этот прием встречается в статье «О способах выкупа крепостных крестьян» (1858 г.), которая написана от вымышленного лица Каракозовского, бывшего крепостного, якобы благодетельствованного благородным и гуманным помещиком. Каракозовский очень рас-

положен к помещикам, большинство из которых якобы всячески заботится о крестьянах.

В начале статьи Чернышевский подчеркивал благонадежность этого лица, так как дальше его устами он выражал мысль о необходимости наделения крестьян землей и установления минимального денежного выкупа за их личное освобождение (V, 185—186). Эта мысль в условиях 1858 г. нуждалась в иносказательном выражении. Именно для того, чтобы прикрыть свои демократические требования благонамеренными заявлениями, уже позже в корректуре статьи Чернышевский приписал все то, что в рассказе вымышленного Каракозовского относится к «прекрасным» отношениям помещиков к крестьянам и к характеристике их постоянной взаимной «доброжелательности» (V, 185—186)¹.

В другом случае, приводя «чужие» высказывания, Чернышевский намеренно отмежевывался от них, иронически их осуждая.

Так, в «Заметках о журналах» 1857 г. № 12 Чернышевский устами вымышленного им критика, «желчного ипохондрика», зло высмеивал мелочность и ничтожество обличительства либеральных литераторов, которые занимались «повторением задов для развлечения от собственной скуки и для развлечения скуки читателей» (IV, 880). От лица «желчного ипохондрика» Чернышевский разоблачал подлинный характер «гласности» либералов: это та гласность, которая употребляется, чтобы «... изобличить буфетчика, подавшего... дурно приготовленную котлетку в каком-то трактире, — и тонкий намек о том, что неизвестно когда и неизвестно где, неизвестно кто, неизвестно с кем, поступил не то несправедливо, не то неучтиво... Это гласность!.. Вы, — говорит «желчный ипохондрик» дальше, обращаясь к либеральным литераторам, — еще с восторгом и гордостью намекнули, что взяточничество происходит от произвола, — но какой это произвол, чей это произвол, осталось неизвестно; ...средство против него вами указано, — та же самая гласность, то есть объявление в фельетонной статейке о котлетке, дурно приготовленной... Какую пользу можно извлечь из ваших смутных рассуждений, искажающих до микроскопического размера все, чего касается ваша речь?» (IV, 880—881).

¹ ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. № 1, ед. хр. 158, кор. л. 18.

Содержание этих тирад «желчного ипохондрика» в действительности принадлежало Чернышевскому и отвечало требованиям, предъявляемым им к русской литературе, которую он призывал решать вопросы коренного преобразования жизни. Высказать все это Чернышевский смог, только иронически осудив «желчных ипохондриков», отмежевавшись от них следующим замечанием: «Что сказать на эти горькие слова желчных ипохондриков?.. Они просто больны и раздражительны, на их слова не следовало бы обращать никакого внимания, и если мы дали им изложить их мнение, то единственно с целью показать читателям, как нелепы бывают мнения и желания людей болезненно раздражительных» (IV, 882).

Однако иронически осуждая вымышленных «желчных ипохондриков», Чернышевский в самих выражениях «осуждения» осторожно намекал читателю на их социальное происхождение: принадлежность к разночинцам, мало этого — к революционным демократам. Так, он противопоставлял их либеральным критикам — «практикам», живущим «в комфорте», пользующимся или хорошим здоровьем, или «изящными недугами». Между тем «ипохондрики» — «люди, чуть ли не в самом деле злые... большею частью худощавые, с желчным... цветом лица; хорошим здоровьем ни один из них не пользуется, не пользуется даже подагрой или гастритом — куда им до таких комфортабельных страданий! У них преобладают болезни... сердца, груди, головы... они, не имея права никому говорить назидательно-увещательным тоном, составляющим привилегию практиков, стараются вознаградить себя за то язвительностью...» (IV, 879). Читатель, познакомившись с этими строками, не мог не понять, о ком идет речь, тем более, что эпитеты «желчный», «язвительный» часто произносились по адресу самого Чернышевского со стороны либеральной критики. Но формально Чернышевский оставался непричастен к высказыванию тех вымышленных критиков, о которых он писал с пропией.

Среди иронических иносказаний Чернышевского встречается прием иронического умолчания.

Это «умолчание» дается Чернышевским в форме, содержащей в себе намек, скрытое объяснение того, о чем «умалчивается». В статье «Суеверие и правила логики» (1859 г.) Чернышевский писал: «Мы... не хотим перечислять причин, подавляющих энергию труда в русском

народе. Это перечисление было бы слишком огорчительно для нашего с вами патриотизма, читатель» (V, 695). Но в следующих затем выражениях мотивировки «отказа» привести причины тяжелого положения народа по существу содержалось объяснение подлинных обстоятельств, «подавляющих энергию труда в русском народе»: «(Мы надеемся, что вы такой же яростный патриот, как и мы; что вы, подобно нам, восхищаетесь нашим общественным устройством во всех его подробностях, начиная с петербургских и кончая сельской администрацией)» (V, 695).

Для подцензурных иносказаний Чернышевского характерен также способ иронического отрицания факта. Причем «отрицание» дается в таких выражениях, которые содержат в себе скрытое утверждение того, что якобы отрицается.

Характеризуя в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856 г.) мировоззрение и критическую деятельность Шевырева, Чернышевский сначала заявляет: «Определить его образ мыслей было бы очень затруднительно, потому мы и не беремся за это, предоставляя каждому читателю выводить из фактов... такие заключения, какие ему покажутся естественными». А затем идет намеренное перечисление и ироническое отрицание фактов, указывающих на крайнюю реакционность Шевырева: «...напрасно жаловались, будто он, в возражениях своим противникам, переступал иногда границы чисто ученого или литературного прения, вовлекая в сферу спора предметы и понятия, которых у нас ни в какой полемике не должно касаться; ...будто бы иногда он увлекался даже в некоторые опасения против просвещения» (III, 89).

Широкое использование приема иронического отрицания существующих в действительности фактов с целью их обличения мы находим в статье Чернышевского «Упрек и оправдание» (1859 г.): «...в последние годы не было примеров у нас тому, чтобы люди были заключаемы в крепость или отсылаемы на жительство в какую-нибудь отдаленную губернию за напечатание какой-нибудь статьи. Случались, правда, примеры того, что человек был принужден покинуть службу, заслужив неудовольствие своего начальника какую-нибудь статью... Но мы согласны, что подобных неприятностей нельзя называть гоне-

ниями... что нельзя приписывать правительству суровости на основании нескольких случаев неуместного гнева того или другого частного начальника» (V, 769). В форме «наивного» перечисления якобы отсутствовавших в русской действительности определенных фактов Чернышевский по существу обращал внимание на их существование. В другом месте этой статьи (V, 764) он таким же образом характеризовал жестокий произвол в самодержавном устройстве России.

Приведенные примеры не исчерпывают всех случаев и вариантов использования Чернышевским иронии как средства подцензурной иносказательности. Но они дают некоторое представление о многообразии форм иронии, об изобретательности Чернышевского в их применении и характеризуют основные виды иронических высказываний в его публицистике в целях конспирации.

Учитывая иносказательные возможности иронии, а также ее сатирические свойства, Чернышевский широко использовал ее в сочетании с другими способами иносказания. Это придавало его повествованию сатирическую заостренность, полемическую горячность, эмоциональную насыщенность и будящую критическую мысль читателя недоговоренность — все то, что отличало публицистический стиль Чернышевского, особенно в годы революционной ситуации, в период наиболее яркого проявления его полемического и пропагандистского таланта



Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ВОПРОС О КРЕСТЬЯНСТВЕ В 80-е ГОДЫ

1.

Передовые русские писатели и критики всегда уделяли пристальное внимание тому, что писалось о крестьянстве как в публицистических трактатах, так и в художественной литературе.

Не безынтересно осветить один эпизод, по причастности к нему крупных писателей заслуживающий внимания, эпизод из жизни и деятельности писателей, решавших вопрос о принципах правдивого изображения русского крестьянства в 80-е годы.

В дискуссии участвовали Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский и М. Е. Салтыков-Щедрин. Эти выдающиеся представители русской классической литературы были не только замечательными художниками слова, но и теоретиками искусства, литературными критиками, публицистами.

Поводом для обсуждения вопросов о крестьянстве послужили некоторые рассказы Глеба Успенского о тогдашней деревне.

* * *

В. Г. Короленко посетил Н. Г. Чернышевского в Саратове в августе (17 и 18) 1889 г., т. е. за два месяца до смерти Чернышевского, и беседовал с ним о текущей литературе. В написанном в феврале-марте 1890 г. очерке «Н. Г. Чернышевский» В. Г. Короленко под свежим впечатлением от недавней встречи с Чернышевским и его

смерти (17 октября 1889 г.) передал беседу с ним по поводу отдельных рассказов Гл. Успенского о крестьянстве.

«Чернышевский остался при прежних взглядах; от художественного произведения, как от критической или публицистической статьи, он требовал ясного, простого, непосредственного вывода, который покрывал бы все содержание. Вот пример, иллюстрирующий его отношение к Гл. Успенскому», — вспоминал В. Г. Короленко.

— Ну, вот вам рассказ: живет мужик в нужде да в работе, как конь ломовой. Вдруг господа помогают, или там... урожай. Разбогател на время, отдыхает. Полезли в голову мысли во время отдыха, стал пьянствовать, бить бабу, чуть не погиб. Вывод очевиден: не нужно мужику жить богаче и иметь отдых, чтобы не избаловался¹.

Дальше мемуарист прибавляет: «Я вспомнил действительно два рассказа Глеба Ивановича приблизительно такого содержания. Один следовал вскоре после радостной картины урожая, где Успенский описал, как понемногу «выпрямляется» мужицкая душа от благодати урожая и в ней исчезают и злоба и зверство»².

«Но вот через некоторое время он (Г. И. Успенский. — Н. Б.) видит факт, послуживший поводом к рассказу «Взбрело в башку», и, не заботясь о полной стройности всех выводов из всех своих рассказов, — взволнованный и расстроенный до глубины души (я видел его, когда он собирался писать рассказ), кинул нам этот живой факт, так сказать еще теплый, во всей его правде и со всеми заключенными в нем противоречиями. Мы сами, давно уже бьющиеся среди сложности и противоречий жизни, ускользающей от нашего «устроения», любим и ценим в писателе эту чуткую нежность и тонкую правдивую восприимчивость к фактам.

Чернышевский, у которого жизнь тоже утонула, как и у нас, много прежних надежд, не хотел все-таки да и

¹ В. Г. Короленко, Воспоминания о писателях, изд-во «Мир» М., 1934, стр. 19—20. В дальнейшем ссылки на это же издание.

² В черновой рукописи своих воспоминаний В. Г. Короленко называет рассказ Успенского «Перестала», Из деревенских заметок (1885 г.), см. Полн. собр. соч. Гл. Успенского, т. IX, 1949, стр. 239—262 и 639—640.

не мог считаться с этой сложностью и требовал по-прежнему ясных, прямых, непосредственных выводов»¹.

Так В. Г. Короленко передал свой разговор с Чернышевским об изображении жизни тогдашнего крестьянства в рассказе «Взбрело в башку» (1888 г.) Гл. Успенского.

Нет оснований предполагать, что В. Г. Короленко как мемуарист внес свое субъективное понимание, искажающее смысл оценки Чернышевского. Нет, В. Г. Короленко точен: он верно называет второй рассказ Гл. Успенского «Взбрело в башку», напечатанный в журнале «Русская мысль» (июнь 1888 г.). Бесспорно, и Н. Г. Чернышевский разумел этот рассказ. Содержание рассказа в истолковании Чернышевского передал В. Г. Короленко, надо думать, правильно, хотя на самом деле содержание рассказа шире и смысл его богаче.

В рассказе наряду с народнической иллюзией — идеализацией власти земли — была и трезвая идея, подтачивающая народническую, показ нестерпимо тяжелой жизни крестьянина-труженика в условиях капитализма в деревне; причем безотрадность и безвыходность положения крестьянина в поисках копейки, без которой уже не могла жить деревня, порождали в его душе глубокую драму.

Герой рассказа «Взбрело в башку» Иван Алифанов, осознав во время досуга свою жизнь, понял, что она бесповоротно загублена. «Прежде всего, — говорит автор, — стало заявлять о своих поправленных жизнью правах тело, а потом заговорил и дух». Воскресший в памяти Ивана светлый образ любимой в юности Аннушки привел его к мысли, какой «скверной, изломанной и мрачной» стала его жизнь. Однако никаких средств к изменению или улучшению жизни у героя не было; только возвращение к крестьянскому труду, в поле («власть земли!») могло устранить трагедию, как думал писатель.

Чернышевский и В. Г. Короленко игнорировали по совершенно различным причинам, как увидим далее, трагизм крестьянина и ниспровержение писателем в рассказе «гармонической жизни» в общине. Чернышевский осудил идеализацию власти земли и не придал значения трагедии, которую так ярко обрисовал Гл. Успенский.

¹ В. Г. Короленко, Воспоминания о писателях, стр. 19—20.

В. Г. Короленко увидел в рассказе отклик на субъективную социологию Михайловского и, как сторонник ее в те годы, стал на защиту и оправдание Гл. Успенского.

Точность передачи В. Г. Короленко суждения и оценки Н. Г. Чернышевским рассказа Гл. Успенского не может вызвать сомнений. Напомним, что очерк о Чернышевском написан вскоре после встречи писателей, после их беседы в Саратове.

В. Г. Короленко отнюдь не был человеком, враждебно или равнодушно настроенным к Н. Г. Чернышевскому; напротив, они явно сочувственно и дружественно беседовали. Поэтому надо думать, что В. Г. Короленко из чувства уважения и симпатии к Н. Г. Чернышевскому мог насколько возможно верно, без изменений передать и слова Чернышевского о рассказах Гл. Успенского.

В годы, когда имя Н. Г. Чернышевского произносилось с опаской, а враги великого революционера-демократа распускали злые слухи об упадке, идейном «умирании» Чернышевского, В. Г. Короленко в своей характеристике общего облика Чернышевского подчеркнул с большой симпатией черты, свидетельствующие о том, что Н. Г. Чернышевский и после ссылки не отказался от своих идей и революционных воззрений, что Н. Г. Чернышевский и тогда, когда его увидел В. Г. Короленко в Саратове в 1889 г., не потерял подкупающих черт своего сильного ума, трудолюбия, широкой заинтересованности в текущей жизни и в современной литературе. Об этом именно и писал В. Г. Короленко: «Его разговор обнаруживал прежний ум, прежнюю диалектику, прежнее остроумие; но материал, над которым он работал теперь, уже не поддавался его приемам. Он остался попрежнему рационалистом по приемам мысли, экономистом по ее основаниям»¹.

В этих словах В. Г. Короленко, как и в приведенных ранее, большая доля правды, хотя здесь же содержится начало полемики его с Н. Г. Чернышевским, которому приписывается «рационализм мысли», якобы расходящийся с фактами жизни.

Не рационалистом остался Н. Г. Чернышевский, а материалистом. Так воспринял Короленко материализм Чернышевского, о котором мы имеем отзыв В. И. Ленина: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до

¹ В. Г. Короленко, Воспоминания о писателях, стр. 18.

88-го года остаться на уровне цельного философского материализма...»¹.

Чернышевский также не отказался от идей революционного демократизма и в 80-е годы, о чем не сказал В. Г. Короленко.

Чернышевский взглянул на рассказы Гл. Успенского с точки зрения революционного переустройства деревни. Не находя в них того главного, что мог бы приветствовать революционный демократ, он подверг критике названный рассказ.

В этом и была причина разномыслия Н. Г. Чернышевского с В. Г. Короленко, а также и с Г. И. Успенским.

Мы полностью можем принять свидетельство В. Г. Короленко о стойкости и непоколебимости взглядов Чернышевского. Это объективно важное свидетельство друга, человека правдивого, искреннего, которое подтверждается всем, что известно о жизни и деятельности Чернышевского в ту пору. О граждански мужественном отношении В. Г. Короленко к Чернышевскому говорит и то, что В. Г. Короленко не побоялся закончить свой очерк сообщением легенды о Чернышевском, которую он слышал в Сибири от ямщиков. В этой легенде было выражено ожидание коренных перемен в жизни страны со стороны широких кругов населения, которые связывали эти перемены с именем Н. Г. Чернышевского. Но, разделяя характеристику В. Г. Короленко о непоколебимой стойкости в убеждениях Чернышевского, как правильную, исторически точную, нельзя, однако, согласиться с В. Г. Короленко в понимании им основ мировоззрения Чернышевского и в оценке им отзыва Чернышевского о рассказе Гл. Успенского. Тут В. Г. Короленко не прав.

2.

В. Г. Короленко в том же очерке о Чернышевском сделал попытку «очертить главные основания прежнего умственного склада Чернышевского и его сподвижников», т. е. революционных демократов 60-х годов. В. Г. Короленко неоднократно в своих статьях развивал мысль о связи общего мировоззрения писателя и его худо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

жественного сознания, его литературно-критических взглядов.

В настоящее время взгляды революционных демократов 60-х годов и их идейного вождя Н. Г. Чернышевского достаточно изучены. Известно, что вся многообразная, научная, литературно-художественная, публицистическая и общественная деятельность революционеров-шестидесятников была пронизана одной идеей — идеей борьбы масс против феодально-крепостнического гнета, идеей крестьянской революции. В области политических, социальных, философских и эстетических воззрений революционные демократы 60-х годов и в первую очередь Н. Г. Чернышевский заложили основы нового этапа в развитии передовой русской мысли. Опираясь на борьбу народных масс против самодержавия и крепостного права и учитывая достижения передовой западно-европейской мысли, они сумели продолжить и развить революционно-освободительные и материалистические традиции своих предшественников — традиции Радищева, декабристов, Пушкина, Белинского, Герцена — и создать революционную теорию, отвечающую национально-историческим условиям жизни своей родины. Идеи революционных демократов 60-х годов продолжали развиваться в 70—80-е годы Некрасов, Салтыков-Щедрин и другие их единомышленники.

В. Г. Короленко, как и Гл. Успенский, также формировался под давлением идей Чернышевского, Добролюбова, но в 80-е годы, как увидим далее, не во всем следовал традициям 60-х годов. Он подпал под влияние идей Н. М. Михайловского. Вот почему В. Г. Короленко и увидел в рассказе Гл. Успенского отражение теории субъективной социологии Михайловского и созвучие с ней художественного метода писателя.

Короленко вслед за народнической критикой считал Гл. Успенского писателем своего лагеря. Понимание «власти земли» как спасительной силы для крестьянства, «апология «аристократически-крестьянского типа», «стройной» крестьянской жизни и другие взгляды давали народникам повод зачислять Гл. Успенского в категорию сторонников народничества.

Автор «Нравов Растеряевой улицы», «Разоренья», «Власти земли», «Живых цифр» следовал славным традициям 60-х годов, традициям Чернышевского — говорить «правду без всяких прикрас». Его вдохновлял пример

творчества Некрасова и Щедрина. Но Успенский отдал дань увлечения народничеством.

Однако по характеру творчества и ряду своих убеждений Успенский резко противостоял догме народничества.

Изображение жизни крестьян в очерках Успенского 80-х годов разрушало общинные идеалы и показывало воочию классовое расслоение деревни. Крестьянство в рассказах Успенского, в частности, тех, что обсуждали Чернышевский и Короленко, лишено воспеваемого народниками «общинного духа», оно проникнуто индивидуализмом и втянуто в капиталистический ход событий. «Проделки господина Купона», как ярко рисовал Успенский, превратили человека в полтину («Книжка чеков», 1876 г.), в человеко-дробь («Четверть лошади», 1888 г.) Писатель видел, что «новые времена» связали народ нерасторжимой цепью и наложили отпечаток на весь строй современной жизни, что понимали и сами крестьяне: «Запутывался он, — говорит писатель, — каждую минуту, но по капельке, по копеечке, полагая, что это что-то временное, случайное, тяготился этим по-детски наивно, скучал и вдруг очнулся, потерял наивность неопытного ребенка и понял, что это не случай и не на время, а что это такой порядок»¹.

Гл. Успенский понимал то, что не могли уяснить народники, отрицавшие капитализм. В очерках Успенского, который видел теневую сторону жизни крестьян; появились новые элементы, созвучные новым социальным сдвигам и приблизившие его к историческим интересам рабочего класса и идеям нового этапа в революционном движении.

Недаром «Искра» в заметке «По поводу смерти Г. И. Успенского» (№ 20 от 1 мая 1902 г.) писала, что Успенский «неизмеримо больше всех легальных писателей 70-х и 80-х годов оказал влияние на ход нашего революционного движения... Сам Г. Успенский был и остался народником в том смысле, что для него не было типа человека лучше, желаннее крестьянина... но, глубоко правдивый художник и мыслитель, он вечно показывал нам всю невозможность революционной программы, приуроченной к этому типу....»

¹ Г. И. Успенский, Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, 1949, стр. 63.

Для самого Г. Успенского эти противоречия были безвыходно трагическими. Но для многих из его читателей они расчищали путь к принятию нового революционного мировоззрения, указавшего выход.

Но этого не поняли ни Короленко, ни Чернышевский. Короленко защищал Успенского за идеи народничества, от которых на самом деле отходил писатель. Чернышевский же осуждал очерки Успенского за то новое, что почерпал писатель в роднике народной жизни вопреки ожиданиям и представлениям революционного демократа 60-х годов.

Короленко правдиво говорит, что писатели 80-х годов наблюдали жизнь и показывали жизнь, «утонующую, по выражению Щедрина, в массе подробностей». Но талант Гл. Успенского зрел в напряженных поисках показать сложные процессы новых отношений между людьми. Писатель хотел точно изобразить явления, как они представляли его взору, и он признавался, что интересующие его подробности вынуждают «спускаться в самую глубь мелочей народной жизни»¹. Художественный метод реалиста выводил писателя из узких рамок народнической утопии и вел вперед к пониманию жизни в свете учения К. Маркса (об этом далее).

Короленко дает сам материал для уяснения его позиции в этом эпизоде.

3.

Сначала рассмотрим, как В. Г. Короленко понимал в 80-е годы основы мировоззрения Чернышевского.

Он кратко, почти как в сжатых тезисах, сформулировал свой взгляд на это:

- 1) «Вера в силу устроительного разума по Конту».
- 2) «Вся история — есть не что иное, как смена разных силлогизмов, смена, происходящая по схеме Гегеля».
- 3) «Далее: главный материал, над которым оперирует разум, творящий социальные формы, — эгоистические и прежде всего материальные интересы...

Таковы были, по-моему, взгляды, такова, по-моему, была вера»².

¹ Г. И. Успенский, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. VIII, стр. 79.

² В. Г. Короленко, Воспоминания о писателях, стр. 18—19.

В этих трех формулах трудно распознать, однако, подлинные основные черты взглядов революционного демократа и материалиста Чернышевского.

На О. Конта Чернышевский, как последовательный материалист, не мог ни в 60-е годы, ни в 80-е годы опираться в своих взглядах. Теория О. Конта вызывала резко критические, а отнюдь не восторженные отзывы Н. Г. Чернышевского, свидетельствующие о невысоком его мнении об этом теоретике.

В романе «Что делать?» один из героев указывает на непростительную для О. Конта «непоследовательную примесь средневековых понятий» в его положительной философии. Своим сыновьям в письме от 27 апреля 1876 г. Чернышевский писал о теории О. Конта так: «В сущности это какой-то запоздалый выродок «Критики чистого разума» Канта»¹.

Вторая формула только в основном правильно говорит о Чернышевском, как диалектике. Революционный демократ признавал теорию развития, «вечную смену форм», но в отличие от Гегеля не был «рабом... настоящего устройства общества», как Гегель (определение Н. Чернышевского), он отвергал идеализм и связанные с ним реакционные теоретические выводы из учения Гегеля; Чернышевский провозгласил материализм и необходимость революционного изменения действительности.

В. Г. Короленко мог прочесть в такой распространенной работе Чернышевского, как «Очерки гоголевского периода русской литературы», изложенное им без колебаний мнение о миновавшем значении гегелевской диалектики: «новая наука эта явилась только как дальнейшее развитие гегелевской системы, которая навсегда сохранит историческое значение, как переход от отвлеченной науки к науке жизни.

Таково было значение гегелевской философии у нас: она послужила переходом от бесплодных схоластических умствований, граничивших с апатиею [и невежеством], к простому и светлому взгляду на литературу и жизнь»².

Полная самостоятельность Чернышевского и провоз-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 151.

² Там же, т. III, 1947, стр. 208—209.

глашение им бесспорной независимости русской научной исторической мысли здесь налицо.

Третья формула также мало раскрывает истинные взгляды Чернышевского в социально-экономической области.

В. Г. Короленко в те годы, как мы уже сказали, испытал влияние субъективной социологии Н. К. Михайловского. Идеалистический субъективный метод социологии приводил к отрицанию решающей роли народных масс в истории и выдвигал понимание исторического процесса как проявления произвольной деятельности выдающихся личностей. Отсюда и представление Короленко о жизни как сложном процессе, полном случайностей, непреодолимых и неисчислимых противоречий. Чернышевский же никогда не разделял этой мысли, признавая закономерность исторического развития.

Вот почему В. Г. Короленко так своеобразно воспринял материализм Чернышевского.

Однако В. Г. Короленко отнюдь не идейный противник Чернышевского, хотя и не единомышленник, точно воссоздающий «веру» Чернышевского. Он по-своему и примыкает и в то же время отходит от Чернышевского, который был и остался в 80-е годы материалистом и революционным крестьянским демократом со всеми сильными и слабыми сторонами.

В. Г. Короленко не проводит водораздела между собой и Чернышевским; напротив, он тут же подчеркнул мысль о преемственности между своей верой и «верой» Чернышевского. Он указывает на якобы идейную эволюцию традиций Чернышевского в социально-политической области в 80-е годы. Но это была эволюция не традиций Чернышевского, а эволюция взглядов таких деятелей, как В. Г. Короленко, хотя и не отказывавшихся от наследия шестидесятников, но на деле в некоторых существенных вопросах уклонявшихся от идей шестидесятников. Толкование этого явления В. Г. Короленко представляет большой интерес, как авторитетное свидетельство выдающегося представителя общественной передовой мысли 80-х годов, связанной идейно с шестидесятыми годами. Оно важно и в плане разрешения спора В. Г. Короленко с Чернышевским о русском крестьянстве, изображенном Гл. Успенским.

В. Г. Короленко отмечает обрушившиеся на Черны-

шевского испытания и пытается раскрыть их воздействие на его «веру».

«И вот — казематы Александровска, Нерчинска, Ака-туя, которые не могли, конечно, разбить основных взглядов, но очень удачно справились с верой, обломав ей крылья и ошипав перья. Основные философские взгляды остались, но вера в непосредственное творческое действие рациональных путей утратилась»¹.

В. Г. Короленко тут явно ошибается. Чернышевский по возвращении из ссылки не изменил ни основных своих взглядов, ни практических выводов, т. е. веры в революцию, веры в революционное переустройство существующих отношений силами народных масс, где интересы народа будут стоять на первом плане.

Не «вера» Чернышевского в революцию потускнела, а наступление, свершение революции было отсрочено историей, что было ясно Н. Г. Чернышевскому.

В. Г. Короленко казалось, что мировоззрение людей 80—90 гг. выше «веры» Чернышевского, что жизнь внесла в нее поправки, и деятели народничества благодаря этому двинулись вперед. На самом деле было не так.

«Для нас, оставшихся среди жизни, — продолжает В. Г. Короленко, — этот процесс совершился посредством вторжения, постепенного и незаметного, новых элементов мировоззрения. Вместе с народнической литературой наше поколение изучало народ, которому приходилось показывать социальную арифметику; оно изучало его также практически, целым опытом народно-пропагандистского движения, и мы были поражены сложностью, противоречиями, неожиданностями, которые при этом встречались. Но эти разочарования, причиняемые столкновениями с жизнью, имеют особое свойство: их исцеляет сама жизнь»².

Ссылка на сложность жизненных явлений свидетельствует на самом деле не о высоте народнической теории, не о поступательном развитии, а о недостаточности цельного мировоззрения, последователь которого не мог найти в сложности явлений единства и закономерности. Это был процесс политического перерождения народничества, движение вспять по сравнению с идеями наследства 60-х годов, которое отстаивал Чернышевский и теперь.

¹ В. Г. Короленко, Воспоминания о писателях, стр. 19.

² Там же, стр. 19.

Правда В. Г. Короленко не разделял до конца народнических воззрений, он занимал «особую позицию», по определению Горького.

Ленин характеризовал сложный состав народничества, идейные черты составлявших его групп так: «В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам «наследства», и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника)»¹.

К последней категории и принадлежит В. Г. Короленко. Он, являясь выдающимся представителем русской классической литературы, тесно связанной с освободительным движением нашего народа, с его борьбой за социальную справедливость, в 80—90-е годы стоял в стороне от освободительной борьбы рабочего класса (позднее после Октябрьской революции, как мы знаем, он возвысился до признания правоты большевиков). Слабые стороны мировоззрения сказались в приведенной выше характеристике В. Г. Короленко народнического движения и в защите им народнического отхода от заветов 60-х годов.

Однако В. Г. Короленко и в эту пору не сомневался в могучей силе, таящейся в недрах русского народа. В созданном им, например, образе Тюлина (рассказ «Река играет», 1891 г.) он показал способность русского крестьянина стать подлинным героем, увидев в Тюлине предвестника будущей громадной вспышки, в чем Горький усматривал «осторожный, но решительный разрыв с традициями народнических акафистов»².

4.

В. Г. Короленко после общей характеристики 80-х годов отметил эволюцию литературно-эстетических воззрений передовых деятелей литературы этого времени, связанной, по его мнению, с переменой общественно-политических взглядов и представлявшей отход от эстетической теории Чернышевского.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 496—497.

² К. Чуковский, Репин — Горький — Брюсов, М. 1940, стр. 123.

«Перестав быть «рационалистическими экономистами», — говорит В. Г. Короленко, — мы тоже не остановились на месте. Вместо схем, чисто экономических, литературное направление, главным представителем которого является Н. К. Михайловский, раскрыло перед нами целую перспективу законов и параллелей биологического характера, а игре экономических интересов отводилось надлежащее место. Все это лишало прежнюю постановку вопросов ее прозрачной ясности, усложняло их, запутывало, но все мы чувствовали, что нам необходимо войти в этот сложный лабиринт, и при этом мы прощали исследователям отступления, ошибки, противоречия.

Чернышевский остался при прежних взглядах»¹. Здесь Короленко высказал оправдание субъективной социологии Михайловского и, взяв под защиту рассказ Гл. Успенского, пытался оправдать писателя, видя в нем сторонника народничества (в чем Короленко глубоко заблуждался). «Вся литературная биография Успенского, — писал В. Г. Короленко, — все, за что мы его так любим, весь захватывающий интерес его деятельности, художественной и публицистической, объясняется этой историей интеллигентной чуткой души, натыкающейся в поисках правды и жизненной гармонии на противоречия и диссонансы и все-таки не теряющей веры»².

Зерно истины в этом суждении В. Г. Короленко в том, что Гл. Успенский «в поисках правды», т. е. путей для улучшения жизни крестьянства и для устранения «современных купонных злодейств» (см. очерк «Горький упрек», дек. 1888 г.), впадал в народнические иллюзии, поэтизировал «власть земли», идеализировал человека, живущего под «властью земли», хотя одновременно и развенчивал этот тип.

Но Гл. Успенский был зоркий и вдумчивый наблюдатель жизни, глубокий реалист и подмечал все ускользавшие от взора многих факты, необычные по своим проявлениям. В. Г. Короленко знал об этом. Он знал и о том, как возник рассказ Г. Успенского «Взбрело в башку» на основании живых наблюдений писателя. В своих воспоминаниях о «Глебе Ивановиче Успенском» В. Г. Короленко рассказывает об этом: «Сюжет расска-

¹ В. Г. Короленко, Воспоминания о писателях, стр. 19.

² Там же, стр. 19.

за разыгрался у него (Успенского. — Н. Б.) на глазах, в Чудове, и на некоторое время всех нас, своих друзей, он втянул в эту печальную историю, все фазы которой он переживал, как мы переживали разве опасную болезнь самых близких людей. В этот раз он уговорил меня ехать с ним в Чудово, желая показать этого человека»¹.

Таким образом, В. Г. Короленко отмечал бесспорный факт вторжения жизни со всеми противоречиями в творчество писателя-реалиста, но истолковал его неправильно.

Противоречия жизни, несомненно, порождали противоречия в художественном творчестве Гл. Успенского. Но противоречия эти в рассказах Гл. Успенского подрывали народнические «устои». Этого ни В. Г. Короленко, ни Н. Г. Чернышевский, однако, не заметили.

Короленко защищал метод «непосредственного» изображения «живых» фактов у Гл. Успенского как принцип разделяемой им субъективной социологии и, отмечая противоречия в рассказах Гл. Успенского, не увидел в них нарушений народнических мечтаний. Казавшееся В. Г. Короленко сходство позиций его с Гл. Успенским в этом вопросе не может заслонить перед нами их расхождения в понимании в эти годы народничества и тем более в последующее время, когда Г. Успенский проявил глубокий интерес к Марксу и его теории.

Во взглядах В. Г. Короленко, при всем его демократизме, были примеси и наслоения либерального народничества.

Революционный демократ Чернышевский в «живом факте» крестьянской жизни в рассказе Г. Успенского не увидел правдивого изображения и критики существующих отношений в деревне. Он усмотрел в этом зарисовку случайного явления и не согласился с писателем: «Вывод очевиден, не нужно мужику жить богаче и иметь отдых, чтобы не избаловался», — сказал Чернышевский.

Н. Г. Чернышевский решительно осудил мысль рассказа: «ведь только бог спас, а то бы гнил я давно в земле» (слова героя рассказа «Взбрело в башку», 1888 г.), и не разглядел другого, что призывал понять Гл. Успенский: что общие тяжелые кабальные условия

¹ В. Г. Короленко, Полн. собр. соч., т. I, кн. 1, СПб. 1914 г., стр. 352.

жизни крестьянства не давали ему возможности вести нормальную человеческую жизнь. Любопытно, что этот рассказ обсуждался в те годы в среде рабочих, и некоторые слушатели утверждали, что «не из-за свободного времени, а потому, что обстановка тяжела вообще, виною всего — «тяжесть положения», только по этой причине свободное время отзывается так тяжело»¹.

Действительно из рассказа Успенского «Взбрело в башку» (1888 г.) возможно сделать именно такой вывод. С точки зрения марксизма, идея этого рассказа¹ направлена против народничества, ибо вопреки народничеству писатель, как зоркий наблюдатель жизни, в этом рассказе реалистически показал, что при капитализме неизбежно разложение мелкого собственника, что при капитализме неизбежна подобная «трагедия» крестьянина-собственника.

Успенский как реалист, ставивший своей задачей «говорить о том, о чем кричит действительность» (Соч., т. X, кн. I, стр. 396), тонко подметил и ярко показал, вопреки народническим иллюзиям, «живой» факт, который Чернышевский понял и оценил как крестьянский демократ, а не как пролетарский социалист. Чернышевский не возвысился до понимания того, что только научный социализм может изменить жизнь деревни и решить вопрос о революционном ее переустройстве, что не в крестьянстве при наличии капитализма заложена та сила, которая улучшит его жизнь. Но Чернышевский оставался на позиции крестьянского демократизма, хотя на историческую арену в стране в ту пору выступил пролетариат. Вместе с ним в России делал заметные шаги революционный марксизм, положивший существенную грань между идеологией революционных демократов и пролетарских революционеров. Ленин точно определил это различие: «Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса»², т. е. пролетариата.

Вопрос об отношении Чернышевского к пролетариату, к марксизму достаточно выяснен в советской науке.

¹ «Северный вестник», 1891, кн. 5-я, стр. 118—121.

² В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 412.

Преклоняясь перед величием и гением Чернышевского, приходится констатировать, что Чернышевский не понял и не воспринял марксизма, хотя знал и верно понимал пролетариат как класс, но не признал особой исторической роли пролетариата как в 60-е, так и в 80-е годы, когда произошел анализируемый нами эпизод.

В 60-е годы, когда пролетариат в России лишь зарождался, гениальность Чернышевского проявилась в том, что он, несмотря на отсталость общественных условий в тогдашней России, усваивал из западно-европейских теорий те именно, которые должны были привести к марксизму. Те же источники, что содействовали Марксу и Энгельсу в их научном развитии, воздействовали и на Чернышевского.

Фейербах, английские экономисты, великие утописты и историки периода реставрации — вот тот круг источников, на которых зиждилась идеология Чернышевского, как и Маркса и Энгельса. Чернышевский так же, как Маркс и Энгельс, критически перерабатывал взгляды своих предшественников, отбрасывая в них то, что обусловлено было ограниченностью их буржуазной точки зрения. Он двигался в своем развитии вперед и дальше, учитывая национальные и реальные потребности своей страны. «Но то, что удалось Марксу и Энгельсу, — говорит В. Кирпотин, — то не удалось Чернышевскому, действовавшему в совершенно иной социально-экономической среде, где прежде всего не было пролетариата, как активной исторической силы»¹. Это справедливо для периода 60-х годов, когда Россия не имела пролетариата. Но Чернышевский, стоя еще в 60-е годы на правильном пути, который вел к марксизму, однако, и в 80-е годы не стал марксистом, остался чужд теории научного социализма.

В 80-е годы, когда в России вместе с ростом рабочего класса и развитием рабочего движения марксисты выступили на арену, Чернышевский был еще в ссылке, а вернувшись в Россию, он оставался далеко от широкой общественной жизни, от передовых сил классовой борьбы. Увлечение интеллигенции субъективными теориями народников снизило теоретический уровень мысли по

¹ В. Кирпотин, Чернышевский и марксизм, Л. 1929, стр. 63.

сравнению с тем временем, когда выступал в «Современнике» Чернышевский. Это было ясно революционному демократу, но стать «властителем дум века» в 80-е годы ему не удалось. Однако справедливость требует сказать, что наследие Чернышевского, созданное им в 60-е годы, помогло жизнеспособным передовым силам в России воспринять марксизм. Чернышевский не стал марксистом, но он был предшественником марксизма. Он остановился в преддверии его и потому в 80-е годы очерки Успенского не оценил должным образом, не увидел в них то свежее, что было ценно для марксизма, для русских последователей Маркса в борьбе с народничеством.

Чернышевский реагировал на очерки писателя, в которых оказались «веяния» нового времени, идущие в разрез с народничеством и опережающие в известном смысле революционный демократизм 60-х годов, с позиций старого русского крестьянского, а следовательно, утопического социализма.

Мнение Чернышевского поразило В. Г. Короленко, и он истолковал оценку Чернышевского как отставание от народнической «современности», т. е. от субъективной социологии.

На самом деле это было отставание крестьянского демократизма, революционного просветительства 60-х годов от нового этапа освободительного движения и невнимание к новому революционному мировоззрению, к пролетарскому социализму, который только и мог разрешить вопрос о деревне. Вот что сказало в оценке рассказов Гл. Успенского Чернышевским.

Чернышевский, отвергая субъективную социологию, отражение которой В. Г. Короленко увидел в «живых фактах» рассказа Успенского, более прав, чем Короленко, выступивший в защиту этой социологии. Но Чернышевский не прав в осуждении рассказа Успенского, не увидев в нем отрицания иллюзий народничества.

5.

Чернышевский правильно уловил слабую сторону очерков Гл. Успенского, но он не заметил его силы и распространил эту свою оценку на всего Гл. Успенского.

Получив от А. Н. Пыпина сочинения Гл. Успенского в

1884 г., Чернышевский в письме к нему назвал рассказы Гл. Успенского «безалаберными»¹.

Одновременно А. Н. Пыпин прислал Чернышевскому свою статью «Народничество» (напечатанную в «Вестнике Европы», 1884 г., № 1 и 2), где критиковал народнические иллюзии «Власти земли» Успенского, видя в них источник «теоретических неясностей», «исторических ошибок».

Н. Г. Чернышевский в своем письме А. Н. и Ю. П. Пыпиным от 29 марта 1884 г. из Астрахани писал о своем согласии с оценкой А. Н. Пыпиным народничества и со своей стороны дал суровый отзыв о «школе, к которой принадлежит» Успенский: «Я никогда не имел терпения дочитать до конца ни одного из этих безалаберных рассказов и бессмысленных рассуждений»².

Чернышевский справедливо осуждал народнические тенденции Гл. Успенского.

Таким образом, спор Чернышевского с Короленко по поводу рассказов Гл. Успенского, в которых Короленко защищал субъективную социологию, перерастал в спор с Михайловским, в спор с народнической утопией.

Этот вывод закономерно сопоставить с полемикой Салтыкова-Щедрина с Михайловским из-за очерков Гл. Успенского по тем же причинам.

Салтыков-Щедрин высоко ценил Гл. Успенского. В письме к Михайловскому от 11/23 сентября 1881 года он писал о Гл. Успенском, что «это самый для нас необходимый писатель»³. Тем не менее «власть земли», которую идеализировал Гл. Успенский, Щедрин квалифицировал как «одичание». Усмотрев воздействие на Гл. Успенского субъективной социологии Михайловского, он прямо заявил Михайловскому в письме от 17 ноября 1884 г., что он (Михайловский) источник этой философии Гл. Успенского. Щедрин осудил бессилие этой теории решить ко-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 458. Л. Ф. Пантелеев, навестивший Н. Г. Чернышевского в Саратове в конце мая 1889 г., свидетельствует, что в разговоре о текущей литературе Н. Г. Чернышевский ставил Г. Успенского много ниже Н. Г. Успенского. Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, 1934, стр. 546.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 458.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., Гослитиздат, М., т. XX, 1937, стр. 227.

ренные вопросы деревенской жизни. В письме к Михайловскому от 6 февраля 1884 г. Щедрин указал на факт расхождения у писателя его утопических мечтаний и реальной действительности, которую Успенский, как превосходный знаток народной жизни, правдиво отражал в своих очерках. «Успенский совсем с пути сбился, — писал Щедрин, — такую философию заковыривает, что чертям тошно... На каждом шагу противоречия, одна мысль другую побивает, а я сижу и привожу эти противоречия в порядок»¹.

Противоречия в творчестве Гл. Успенского были действительно бросающимися в глаза.

Салтыков-Щедрин, как и Чернышевский, осудил влияние народнической социологии, обнаруженное им в очерках Гл. Успенского. И в этом споре Чернышевский и Щедрин оказались на голову выше Михайловского.

В. И. Ленин в статье «Народники о Н. К. Михайловском» (1914 г.) блестяще разъяснил идейное расхождение Чернышевского и Михайловского в эти именно годы. «Не только в экономической области, но и в философии и в социологии взгляды Михайловского были *буржуазно-демократическими* взглядами, прикрытыми *якобы* «социалистической» фразой. Такова его «формула прогресса», его теория «борьбы за индивидуальность» и пр. В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами»².

Чернышевский только на основании очерков определенных лет подверг критике и осуждению все творчество Гл. Успенского в целом. Чернышевский оставил в стороне прогрессивную роль Гл. Успенского, который как правдивый художник-реалист разрушал народнические иллюзии, что отметила «Искра» в 1902 году в № 1 в статье «По поводу смерти Г. И. Успенского». Этот писатель «неизмеримо больше всех легальных писателей

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., Гослитиздат, М., т. XX, 1937, стр. 387.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 100—101.

70—80-х годов, — писала «Искра», — помогал первым русским марксистам-революционерам конкретно выяснить и себе и другим свою историческую теорию».

Салтыков-Щедрин, правильно указывая на противоречия Успенского, также недооценивал значения этих противоречий, которые, как указала «Искра», для самого Гл. Успенского «были безысходно трагическими. Но для многих из его читателей они расчищали путь к принятию нового революционного мировоззрения» («Искра», 1902, № 20).

Ленин дал в целом оценку реализма Успенского; он высоко оценил прогрессивную направленность творчества Гл. Успенского и сочувственно процитировал в своей работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» высказывание о Гл. Успенском одного из ранних русских марксистов П. Гурвича: «Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще»¹.

Ленин в борьбе с народничеством опирался на произведения Гл. Успенского как на правдивое реалистическое изображение деревни, отвергающее теорию народничества.

В конце 80-х годов Гл. Успенский сумел мужественно расстаться с народническими иллюзиями, опровергал «власть земли» и стал мечтать о новых творческих замыслах изображения «власти капитала» (в письмах, например, к В. М. Соболевскому. Соч., т. XIV, стр. 52—53). В очерке «Горький упрек» (1888 г.) Гл. Успенский, высоко оценив научные принципы теории Маркса, высказал осуждение народническим «разглагольствованиям о мужике» и тревогу за судьбу «перекалеченного» капитализмом человечества. Свой очерк он закончил робкой надеждой на то, что «современные купонные злодейства увенчаются, в конце концов, всеобщим, всечеловеческим стремлением к устройению жизни ко благу всякого» (Соч., т. XI, стр. 374).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 238.

Но Гл. Успенский не знал, что «только падение капитала может поднять крестьян»¹. Несбыточные иллюзии его проистекали из того, что он не увидел в городском пролетариате ту силу, которая является другом крестьянства и в будущем преобразует жизнь деревни.

Хотя очерки Г. Успенского и «били» по народничеству, хотя в 80-е годы и наметился отход писателя от народничества, тем не менее идейные колебания писателя свидетельствовали о том, что реализм в творчестве Гл. Успенского сочетался с ослаблявшими его утопическими патриархальными иллюзиями, и тем самым писатель возбуждал против себя критику и Чернышевского и Салтыкова-Щедрина.

6.

Эпизод выступлений Чернышевского и Щедрина против очерков Гл. Успенского свидетельствует о том, что 80-е годы представляли собой сложный и глубокий процесс в области политической, социально-экономической и литературно-эстетической мысли. В свете ленинских указаний это был период борьбы противоречивых настроений и идей, начиная с революционно-демократических и кончая иллюзорно-патриархальными представлениями. В те годы происходило расслоение и перерождение в лагере народничества, которому противостоял революционный марксизм.

В 1883—1885 гг. началась борьба марксистов с народниками. В эти годы Плеханов выступил со своими работами («Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»), направленными против народников. Преклонение перед гением Маркса пережил и Г. Успенский, но он не сумел сделать надлежащих выводов из теории Маркса, а также из факта появления пролетариата и революционного марксизма, не сумел возвыситься над идеалом «безгрешной», высоко моральной крестьянской жизни и до конца, как отмечала «Искра», оставался на позициях крестьянского демократизма, далеко не последовательно решая общественные вопросы.

В этом упрекал Успенского и Щедрина в письме к Михайловскому от 22 февраля 1885 г., когда писал: «... и Тол-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 76.

стой и Успенский только и бредят мужичком; вот, мол, кто истинную веру нашёл!»¹.

Салтыков-Щедрин прав в своей критике Гл. Успенского за ослабление демократизма и увлечение народнической утопией.

Салтыков-Щедрин, как и Чернышевский, был свободен от таких колебаний. Выражая вместе с Гл. Успенским стремления и настроения широкого демократического движения, Салтыков-Щедрин и Чернышевский твердо были убеждены в том, что революционная борьба и сознательные действия народных масс создадут светлую жизнь, а не наивные планы мирного переустройства, отражавшие мечты патриархальных элементов в демократическом движении, как думал временами Гл. Успенский.

Но Салтыков-Щедрин, как и Чернышевский, не поднялся до марксизма, не принял теории Маркса и в оценке воззрений Гл. Успенского и его очерков упустил из виду, что не народнические мечты составляли основу мировоззрения этого писателя. Салтыков-Щедрин, последовательный продолжатель идей революционной демократии 60-х годов, не разглядел ростков нового в очерках Успенского. Творческий принцип изображения *правды жизни*, а не показ «мечтаний» и «отрадных явлений» руководил Гл. Успенским, когда он в своих очерках рисовал насущнейшие пужды деревни и ниспровергал народническую «правдивость имущественных отношений», показывая неравенство в деревне и трагизм жизни в ней от «привалившего» в деревню рубля. Гл. Успенский вопреки народническим публицистам и писателям показал, что не община царит в деревне, а рубль, который расколол деревню, и теперь ей необходимы «идеи, которые бы освежили этот ссыхающийся на копейке деревенский ум» (V, стр. 191). Такое реалистическое объяснение нужд деревни, всего склада деревенской жизни и поведения мужика было правильным, исторически точным.

Гений Маркса помогал Успенскому разглядеть путь к светлому будущему. Успенский обращал свой взор к этому грядущему. В этом его заслуга. Но он не сделал решительных шагов к тому, чтобы прийти «к полному и

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., Гослитиздат, М., т. XX, 1937, стр. 145.

последовательному осуществлению демократизма ради достижения конечной цели, социализма»¹.

Материалистический и глубоко-демократический подход к жизни Гл. Успенского сближал его с передовыми деятелями литературы и общественной борьбы, а народнические иллюзии ослабляли его связи как с передовыми современниками, так и с представителями литературы пролетарского этапа освободительного движения.

М. Горький метко определил это отношение: «В «божью правду» Успенского я не мог верить... я в чем-то соглашался с Глебом Успенским и чему-то не верил в его истерических криках о спешной необходимости «слиться с условиями крестьянской жизни», найти себе в ней место; меня не могли утратить угрозы его»².

В этом была историческая закономерность. Писатель-художник рабочего класса, Горький разделял веру Гл. Успенского в народ, в необходимость борьбы за счастье народа, однако не мог признать в его творчестве того, что мешало Успенскому стать на путь пролетарского социализма, способного правильно и успешно разрешить крестьянский вопрос.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 411.

² М. Горький, Собр. соч. в 30 томах, т. XXV, 1953, стр. 347—348.

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ



Б. П. КОЗЬМИН

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ и Н. П. КОРЕЛКИН

В дневниках Чернышевского за студенческие годы и в его письмах к родным того времени довольно часто встречается фамилия его товарища по университету Н. П. Корелкина. Эти упоминания свидетельствуют, что среди студентов-однокурсников Чернышевского Корелкин был одним из наиболее близких к Чернышевскому людей. Близость к Чернышевскому уже сама по себе, независимо от того, что личность Корелкина представляет некоторый самостоятельный интерес, оправдывает попытку собрать то немногое, что известно об этом товарище студенческих лет Чернышевского, и разобраться в его взаимоотношениях с Чернышевским.

Николай Павлович Корелкин происходил из небогатой купеческой семьи. Родился он в 1830 году в Вологде и был, таким образом, года на два моложе Чернышевского. Обучался Корелкин сперва в вологодском уездном училище, а затем в местной гимназии. И там и здесь он отличался «отличными успехами» и, по словам его биографа, «обратил на себя внимание начальства и учителей»¹. В 1845 г. он окончил гимназию. Мечтал поступить в университет. Однако скудные достатки, которыми располагала семья, не давали возможности немедленно сделать это. Корелкину пришлось много работать, заниматься грошами оплачиваемыми уроками, чтобы накопить деньги, необходимые для поездки в столицу и проживания в ней. К осени 1846 г. ему удалось собрать кое-какие средства, с

¹ А. Тихменев, Николай Павлович Корелкин, «Сборник, издаваемый студентами Петербургского университета», вып. I, СПб. 1857 г., стр. 350—363.

которыми он решился отправиться в путь. В августе этого года мы видим Корелкина держащим приемные экзамены в Петербургском университете. Экзамены сошли благополучно, и Корелкин был принят на филологический факультет. Там он и познакомился с Чернышевским.

«Товарищи, — пишет биограф Корелкина, — любили и уважали его, несмотря на то, что он редко мог участвовать в беседах с ними по недостатку времени». Действительно, Корелкин занимался науками чрезвычайно усердно и в скором времени выдвинулся как один из наиболее выдающихся студентов. Особенно много он занимался у профессоров А. В. Никитенко и И. И. Срезневского. Славянская и русская филология, с одной стороны, и русская литература, с другой, особенно привлекали Корелкина, и большую часть своего времени он отдавал занятию ими.

В 1847—1848 гг., будучи на втором курсе, Корелкин работал над сочинением на тему, данную ему Никитенко. Тема эта гласила: «Рассмотреть сочинения И. Крылова и А. Пушкина, причем определить, какие стороны русской народности изобразил каждый из них, в чем состоит особенность поэзии того и другого, способствовали ли они успехам поэзии вообще как искусства, внесли ли новые истины в умственную жизнь современников и чем каждый из них действовал на совершенствование русского языка». Сочинение, представленное Корелкиным, было одобрено Никитенко, отметившим в своем отзыве, что «в суждениях его есть много обдуманности и новых взглядов». Корелкин получил за свою работу почетный отзыв.

Закончив ее, он принялся за новую работу. Под руководством профессора Срезневского он написал сочинение о летописи Нестора. «Труд этот, — писал Срезневский о втором сочинении Корелкина, — есть чрезвычайно замечательный опыт разбора древнего памятника русской письменности, столь важного и для истории, и для филологии, — опыт до сих пор единственный в своем роде... Это сочинение молодого человека заслуживает полное внимание и одобрение сколько по обширности и усердию к работе, очень тяжелой, столько и потому, что оно составляет прекрасное пособие для изучения древнего русского языка».

По отзыву Срезневского Корелкину была присуждена за это сочинение золотая медаль; помимо этого, было ре-

шено опубликовать его работу, но это решение по каким-то причинам выполнено не было¹.

В 1850 г. Корелкин окончил университет со степенью кандидата, получив место учителя русского языка и словесности в псковской гимназии. В Пскове он занимался не только педагогической, но и краеведческой работой: изучал быт народа, собирал песни и областные слова, объезжал монастыри в поисках старинных рукописей и т. д. В Пскове же он начал писать диссертацию на степень магистра о Лаврентьевской летописи.

Через год Корелкин был переведен на службу в Ларинскую гимназию в Петербурге, тоже на должность преподавателя русского языка и словесности. Здесь он продолжал работать над своей диссертацией, окончить которую ему не удалось из-за преждевременной смерти.

Корелкин сотрудничал в «Отечественных записках», где помещал рецензии на различные книги по русской филологии и по истории литературы. В этом же журнале в январе 1855 г. была напечатана его статья о А. Х. Востокове — наиболее крупная работа в литературном наследии Корелкина.

Как преподаватель Корелкин пользовался большим успехом среди своих учеников и умел передавать им свою

¹ Возможно, что причиной этого явилось охлаждение взаимоотношений между Корелкиным и Срезневским, о наличии которого можно судить по следующему факту: летом 1849 г. Корелкин ездил в Вологду и познакомился с сосланным туда по делу петрашевцев П. И. Белецким. Последний снабдил его перед возвращением в Петербург рекомендательным письмом к молодому филологу П. С. Билярскому, в то время служившему в правлении Академии наук, а впоследствии академику. В этом письме Белецкий писал: «В Вологде, месте моего изгнания и жительства, я встретился и познакомился со студентом Петербургского университета г. Корелкиным. Он занимается славянской филологией, но при наставлении незавидного своего профессора едва ли достигнет результатов в этой новой, трудной науке. Вероятно, вы примете мою рекомендацию и не откажете в содействии и пособии г. Корелкину». См. В. М. Истрин, Письма к академику П. С. Билярскому, Одесса, 1906, стр. 175. (Заметим в скобках, что В. М. Истрину не удалось установить личность автора письма.) Полагаем, что это письмо свидетельствует о некоторой неудовлетворенности Корелкина Срезневским, нашедшей отражение в письме Белецкого. Иначе трудно представить, почему автор письма называл «незавидным профессором» Срезневского, бывшего крупным специалистом в своей области.

привязанность к русской литературе. О том, в каком плане велось им преподавание, можно судить по составленной им в 1853 г. записке, в которой он между прочим указывал, что преподавание этих предметов «по своему содержанию должно быть направлено к изучению быта русского народа». «Таким образом, — писал Корелкин, — русский ум будет развиваться русским же содержанием».

В Ларинской гимназии Корелкин проработал около пяти лет. С молодости он отличался болезненностью. Упорный же труд и стесненное материальное положение, в котором он постоянно находился, не говоря уже о тяжелом петербургском климате, способствовали развитию у него туберкулеза. Болезнь быстро прогрессировала. Она настолько истощила его, что его лицо покрылось морщинами и он поседел. Весной 1855 г. болезнь усилилась; Корелкин был вынужден прекратить работу. 19 мая его не стало. Он умер, имея всего лишь 25 лет от роду.

Корелкин был похоронен на деньги, собранные между его учениками, так как у него оказалось всего лишь несколько рублей.

Таков был краткий жизненный путь рано погибшего одаренного юноши, сумевшего возбудить к себе горячие симпатии и любовь своих учеников.

Один из них, известный литературный критик А. М. Скабичевский, писал о нем в своих воспоминаниях: «Он принадлежал к тому редкому типу учителей, влияние которых отражается на всю жизнь их учеников. Человек начитанный, обладавший недюжинными знаниями по сравнительной филологии... идеалист и гегельянец, он влиял на нас не одними своими знаниями, но и всей своей лучезарной личностью... Он не искал популярности, не обладал блестящим даром слова, был порою болезненно вял, порою строг и требователен, но каждое слово его было проникнуто таким искренним, горячим и сердечным убеждением... что речь его глубоко врезывалась в наши сердца. После первого же года преподавания мы все почувствовали себя нравственно возрожденными. Круг занятий, чтение, мечты о будущем, — все радикально изменилось. Брошены были и Дюма, и Поль-де-Кок, и беготня по Большому проспекту с папиросой в зубах. Вместо всего этого с жаром начали мы изучать русскую литературу, и главными любимцами нашими сделались Гоголь и

все его последователи. В то же время мы начали мечтать об университете, науке, философии, зарылись в книги и ни о чем не заботились, как лишь о том, чтобы сделаться мыслящими и развитыми людьми».

Особенное влияние на учеников, по словам Скабичевского, имели литературные беседы, которые по инициативе Корелкина устраивались в Ларинской гимназии. На них читались ученические сочинения по истории и истории литературы, по другим предметам гимназического курса, а иногда и беллетристические. Чтения эти сопровождались диспутами. Ученики очень охотно посещали эти беседы, и «ни один воспитанник, мало-мальски владевший пером, не упускал случая вступить в состязание»¹.

Как уже указано выше, Корелкин поступил на филологический факультет одновременно с Чернышевским. Встречаясь ежедневно в аудитории, они не могли не познакомиться друг с другом. Вскоре их знакомство приняло более близкий характер. 6 декабря 1846 г. Чернышевский праздновал свои именины. К нему собрались товарищи. Среди них находился и Корелкин². С этих пор Чернышевский и Корелкин начали бывать друг у друга³.

На лето 1848 г. Корелкин уехал на родину в Вологду. Остававшийся в Петербурге Чернышевский 6 августа получил от него какое-то письмо⁴, а 9 ответил на него. Ни то, ни другое письма до нас не дошли. Однако об ответе Чернышевского мы можем составить себе довольно полное представление по большой выдержке из него, приведенной Чернышевским в его дневнике.

Нет никакого сомнения в том, что уехавший в глухую провинцию Корелкин в своем письме запрашивал Чернышевского о новостях, как университетских, так и внеуниверситетских, как о Петербургских, так и о заграничных. Напомним, что в то время Западная Европа была охвачена могучим революционным движением, встречавшим бешеное сопротивление со стороны господствующих классов. Русская интеллигенция внимательно следила за

¹ А. М. Скабичевский, Литературные воспоминания, М. 1928, стр. 51—53.

² Н. Г. Чернышевский, Пслн. собр. соч., т. XIV, стр. 83.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Там же, т. I, стр. 71

событиями, происходившими на Западе. Известен громадный интерес, проявляемый к ним студентом Чернышевским и особенно усилившийся в связи с кровавыми июньскими событиями в Париже. Хотя в эти дни революции во Франции был нанесен смертельный удар, для большинства современников это не было еще вполне ясным, и они с напряжением ожидали, каков будет дальнейший ход событий.

О каких же новостях сообщал Чернышевский своему товарищу? Он писал о том, когда начинается чтение лекций, об их общем товарище по университету М. И. Михайлове, впоследствии видном поэте и революционере; далее он замечал, что «писать уже не о ком», и продолжал: «Поэтому от лиц перейдем к вещам лучше, и как о вещах писать тоже нечего, кроме того, что сюртуки у меня износились окончательно, то напишу вам об этом и перейду к событиям. Итак: сюртуки у меня износились окончательно. Теперь перейду к событиям. «Из того, что делается в Петербурге, я не знаю ничего, как есть; раньше знал по крайней мере, что делаются в неимоверном количестве набрюшники и перцовка, но теперь холера прошла, ни набрюшников, ни перцовки более не делают, что делают вместо них — я не знаю; в провинциях делается весьма многое, — например, в лесных местах весьма хорошо делаются оглобли и лопаты, а в безлесных — кизяки... Теперь долг рассказчика повелевает мне приступить к рассказу о совершающемся за границей, ограничиваясь примерами того, чего я не знаю. Итак, во-первых, я не знаю, совершается ли на Западе покупка хороших карандашей по гривеннику серебром или соответствующей ценностью своей гривеннику монете, или совершается она у нас или дешевле, или — чего не дай бог, потому что зачем же желать дороговизны? — она сокращает потребление, а следовательно, и производство — дороже: нет, я надеюсь, что дешевле; но, увы, я только надеюсь, но знать наверное я не знаю; это для меня так прискорбно, что я принужден стереть выкатившуюся от избытка чувств слезу и обойтись посредством платка. Слезу стер и посредством платка обошелся. Теперь продолжаю: во-вторых, я не знаю, совершаются ли на Западе купчие крепости так, как у нас, в местах присутственных второй инстанции, или, может быть, и первой. Многого и другого я не знаю из совершающегося на

Западе, но эти два пункта самые важные, и сомнительные относительно их весьма тяжело для души моей, а средств разрешить так занимающие меня вопросы эти никаких, *никаких!!!* О, как многого не знает еще человек вообще, и я в особенности, из того, что знать ему было бы необходимо для его спокойствия и для его блага... Грустно жить на свете после этого. Единственная моя отрада в таком грустном житье на вышереченном свете, что я надеюсь увидеться с вами к началу сентября. Ваш... Ах, да! Вообразите себе свинью. Вообразили? В таком случае можете меня и не воображать, потому что я весьма похож на нее — забыл написать вам свой адрес (это не из письма уже), для того, чтобы зашли ко мне, когда придет».

Приведя в своем дневнике эту цитату из письма к Корелкину, Чернышевский отметил: «Это буквальная выписка»¹.

Нельзя не признать, что эта выписка по содержанию своему весьма не ясна. Публикуя ее в своей работе «Н. Г. Чернышевский в 1848—1849 годах», Евг. Ляцкий высказал предположение о конспиративном характере письма Чернышевского к Корелкину.

«В этом письме, — писал он, — скрываются, вероятно, какие-либо намеки, понятные его корреспонденту, — во всяком случае Корелкин должен был чувствовать всю глубину скрытого юмора Чернышевского по поводу того, что ему мало известно из «совершающегося на Западе». Из других мест «Дневника» видно, что разговоры с Корелкиным часто велись у Чернышевского в революционном духе, и возможно, что друзья усвоили во время этих бесед особенный, условный язык, удобный для почтовых сношений»².

Этому предположению Е. Ляцкого как будто противоречит запись в дневнике, предшествующая выдержке из письма к Корелкину. Вот что записано Чернышевским: «После, придя домой, стал писать письмо Корелкину в таком тоне, как некогда в Саратове писал письма: так, ни о чем, только пустая болтовня, совершенно без всякого предмета, только, может быть, остро — смешно и умно, или глупо и более ничего»³.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 79—80.

² «Современный мир», 1912, № 2, стр. 180—181.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 79.

Однако придавать этой записке решающее значение вряд ли возможно. Если предположение Ляцкого соответствует действительности и письмо Чернышевского действительно имело конспиративный характер и если, тем не менее, Чернышевский счел необходимым занести выписку из него в свой дневник, то вполне возможно рассматривать сделанную им запись как направленную на то, чтобы отводить от случайных читателей дневника мысль о конспиративном значении выписки из письма. Ввиду этого полагаться на приведенную нами запись и принимать ее без критического анализа было бы большой ошибкой. Поэтому необходимо, не ограничиваясь приведенной записью, посмотреть, подтверждается ли предположение Ляцкого другими записями дневника, знакомящими нас с взаимоотношениями, существовавшими между Чернышевским и Корелкиным. Только таким путем мы можем установить, действительно ли, как это утверждает Ляцкий, беседы между Чернышевским и его товарищем часто велись в революционном духе и имеется ли основание допустить, что у Чернышевского и Корелкина существовал условный язык, которым они пользовались для передачи конспиративных сведений.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо привести наиболее любопытные и содержательные упоминания о Корелкине, имеющиеся в дневниках Чернышевского. Таким путем нам выяснится действительный характер взаимоотношений Чернышевского и его товарища.

Из записей в дневнике, предшествовавших посылке Чернышевским интересующего нас письма, представляет интерес только одна. В мае 1848 г. Чернышевский, описывая свое знакомство с молодой женой своего приятеля В. П. Лободовского и зарождавшееся в нем увлечение ею, отметил, что не мог удержаться, чтобы не поделиться своим чувством с встреченным в университете Корелкиным, «хотя, — добавил Чернышевский, — вовсе он не кажется мне человеком, с которым я любил бы делить чувства по симпатии»¹, то есть вполне откровенно обмениваться мыслями по поводу своих затаенных переживаний и дум. Это показывает, что в мае 1848 г., то есть незадолго до поездки Корелкина в Вологду, он не был

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 33.

особенно близок с Чернышевским. Трудно поэтому предполагать, чтобы при таких условиях между ними могли существовать тайны, для передачи которых требовался бы условный язык.

Другие упоминания о Корелкине, имеющиеся в дневнике Чернышевского, относятся ко времени после возвращения Корелкина из Вологды.

Из дневника видно, что между Чернышевским и Корелкиным иногда происходили разговоры на общественно-политические темы. Так, 7 сентября 1848 г. Чернышевский записал, что в этот день читал французские газеты. «В университете шумел много, особенно с Корелкиным, которому читал сильные речи»¹. Другими словами, Чернышевский передал Корелкину содержание наиболее сильных речей, произнесенных во французском законодательном собрании, речей, с которыми он сам познакомился по отчету, появившемуся во французской прессе. Как реагировал Корелкин на рассказ Чернышевского, к сожалению, мы не знаем.

Другая интересная для нас запись Чернышевского относится ко 2 февраля 1849 г. В этот день Корелкин был у него. «Я был довольно весел, — отметил Чернышевский в дневнике, — читал стихи Лермонтова и особенно Гете из «Фауста»; потом начал ему говорить правила демократов о *émancipation de la femme*²; стал говорить о *meretricibus*³, что они ничем не хуже нас, и этот разговор довел его до того, что он с угрызением совести стал вспоминать и говорить мне, как он бывал в доме на Гороховой; после раскаяние отчасти прошло, и он стал говорить, что там три их... Так он вкусил запрещенного плода»⁴.

Разговор на близкую тему происходил и в марте того же года. Чернышевский, посетив Корелкина, говорил там «о браке, что его должно уничтожить; сначала говорил более так, а теперь в самом деле убедился в этом отношении в вещах, о которых раньше думал, как думают люди старые»⁵.

Из приведенных записей в дневнике Чернышевского

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 108.

² Об эмансипации женщины.

³ О продажных женщинах.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 235.

⁵ Там же, стр. 265.

видно, что разговоры его с Корелкиным порой касались весьма серьезных тем и что в этих разговорах Чернышевский не скрывал от своего собеседника своих передовых взглядов. Однако другие записи дневника дают основание предполагать, что разговоры их приобретали серьезный оборот лишь изредка; в большинстве же случаев они имели более легкомысленный характер. При этом Чернышевский держался весьма иронически по отношению к Корелкину.

Так, например, 9 октября 1848 г. Чернышевский записал: «...когда возвращался из университета, вздумал, что пора перестать говорить с Корелкиным о борделях и проч., потому что это неприлично и глупо и может на меня набросить мантию сквернословца»¹.

Еще раньше Чернышевский отметил, что о Корелкине он говорит постоянно «в ироническом духе», добавив: «Не знаю, как это назвать: это не сплетни, мне кажется, а род разбора человека и вывода фактов о том, что такое пошлый и ограниченный человек»².

Насмешливого отношения к Корелкину Чернышевский, как это видно из его дневника, не скрывал и от него самого. «Корелкин надоел своими подражаниями», — записал Чернышевский 16 октября 1848 г., рассказав, как однажды Корелкин стал хвастать, что собирался издавать журнал, да не пропустила цензура. «И хорошо сделала, потому что верно было бы дурно», — заметил на это Чернышевский, которому стало «несколько досадно, что острит человек совершенно не у места»³.

30 октября того же года Чернышевский записал в дневнике: «Несколько дней назад у меня явилась мысль о том, что я слишком много говорю в аудитории с Корелкиным, и это мешает моему сближению с другими студентами, и я стал как-то от него отстраняться, т. е. первый не стал заговаривать с ним, да и пошлым мне он стал казаться, хотя хорош тем, что я всегда господствую над ним своими мнениями и имею свободу говорить их»⁴.

Характерную запись мы находим в дневнике от 17 декабря того же года: «В самой высшей степени из тех, которые близки ко мне, неприятны и противны мне и в рав-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 144

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 149.

⁴ Там же, стр. 159—160.

ной степени — Терсинские, после — Ал. Фед., менее их Корелкин, менее — Славинский»¹.

Можно было бы привести и еще ряд мест из дневников Чернышевского, свидетельствующих об его постоянном ироническом и насмешливом отношении к Корелкину². Однако и того, что приведено выше, достаточно для обоснования следующих выводов:

Внешне Чернышевский и Корелкин, будучи студентами, были довольно близки друг с другом. В университете они охотно беседовали, нередко посещали друг друга, обменивались письмами и т. п. Однако внутренней близости между ними не наблюдалось. Чернышевский отчетливо сознавал свое умственное превосходство над Корелкиным, представлявшимся ему человеком поверхностным, ограниченным и даже пошлым. Порою Корелкин делался для Чернышевского «неприятным и противным». Разговоры их друг с другом большей частью или касались студенческих дел, или же отличались легкомысленным характером; более серьезными они были сравнительно редко. Утверждение Е. Ляцкого относительно того, что их разговоры велись в революционном духе, подкрепленное ссылкой на дневник Чернышевского, не подтверждается записями в дневнике. И это естественно, так как при ироническом отношении Чернышевского к Корелкину нельзя допустить и мысли о том, чтобы Чернышевский стал откровенно говорить с ним о своих революционных убеждениях.

При таких условиях толкование письма Чернышевского к Корелкину, предложенное Ляцким, приходится отвергнуть. Вопреки его предположению, это письмо написано не условным языком, прикрывающим сообщения конспиративного характера, а как насмешка, обычная для Чернышевского в его отношениях с Корелкиным. Шутливо-иронический характер письма Чернышевского особенно понятен в политических условиях того времени, когда оно писалось. В 1848 г. в связи с революционными событиями на Западе русская политическая полиция стала особенно бдительной и подозрительной. В такое время обращаться

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 201. Терсинские и А. Ф. Раев — родственники Чернышевского, жившие в Петербурге. Я. С. Славинский — студент, однокурсник Чернышевского.

² В этом отношении весьма показательна запись от 20 апреля 1849 г. Там же, стр. 269.

с просьбою о сообщении по почте новостей, представляющих общественный интерес, могли только люди, в достаточной степени наивные в политическом отношении. Чернышевский, получив письмо Корелкина, отнесся к нему, как к такому именно человеку. Регулярно следя за французскими газетами, Чернышевский был хорошо осведомлен о западных событиях. Однако делиться своими сведениями с Корелкиным в политических условиях николаевской России с ее жандармами, черным кабинетом и III отделением он, конечно, не мог, да вряд ли и хотел при его ироническом отношении к своему корреспонденту.

Вот почему приведенная выше характеристика письма к Корелкину, данная самим Чернышевским в дневнике, как шутки и «пустой болтовни», представляется вполне соответствующей действительности. Не следует искать революционных конспираций там, где их и быть не могло.

Скажем несколько слов о дальнейших отношениях между Чернышевским и Корелкиным. Известно, что уехавший по окончании университета в Псков Корелкин в ноябре 1850 г. прислал Чернышевскому письмо, на которое тот собирался ответить¹.

Исполнил ли Чернышевский это свое намерение, неизвестно. В декабре того же года Корелкин на рождественские каникулы приезжал в Петербург и заходил к Чернышевскому, но не застал его дома. Узнав об его посещении, Чернышевский сам отправился к Корелкину и просидел у него с четверть часа. По поводу этого свидания Чернышевский писал М. И. Михайлову: «Корелкин приехал ухудшенный во всех отношениях, хотя не очень много, потому что... о, о, держи язычок-то, больно он у тебя остер»².

Мы имели случай убедиться, что, несмотря на насмешливое отношение к Корелкину, Чернышевский все же выделял его из среды других студентов и находил возможным поддерживать отношения с ним. Характерно, что в марте 1850 г. в письме к родителям, говоря о своих отношениях к однокурсникам, Чернышевский отметил: «Из товарищей по университету я буду продол-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 209.
² Там же, стр. 212.

жать знакомство со Славинским и вероятно с Корелкиным, — впрочем, это еще как случится»¹.

К сожалению, из-за полного отсутствия материалов мы лишены возможности определить, в каких отношениях Чернышевский находился с Корелкиным в последние годы его жизни. Не знаем даже, поддерживали ли они знакомство друг с другом. Однако одновременное сотрудничество их в 1853—1854 годах в библиографическом отделе «Отечественных записок» дает основание предполагать, что они должны были встречаться друг с другом.

Говоря о преподавании Корелкина в Ларинской гимназии, его биограф писал:

«Единственный свободный вечер в неделю Корелкин посвящал беседе с друзьями, которые аккуратно собирались к нему по понедельникам. В душевных разговорах, веселых рассказах и серьезных спорах разнообразно проходило время далеко за полночь. Тут толковалось о новых явлениях литературных и ученых, об университетской деятельности прошлой и настоящей, *о вопросах жизни, которые, особенно в последнее время, искали себе своеобразной системы в уме Корелкина...* Тут собирались к нему студенты, его прежние ученики, университетские товарищи, чиновники, художники, ученые и т. п. Здесь близко принимались к сердцу живые, современные вопросы, здесь радовались успехам науки и всякой мысли без пристрастия и предубеждений»².

Подчеркнутые нами слова биографа Корелкина показывают, что общественное пробуждение, наступившее в России под влиянием Крымской войны, не прошло мимо Корелкина. И он, ранее всецело погруженный в филологию и мало интересовавшийся политикой, стал задумываться над вопросами общественной жизни и уточнять свои взгляды на явления, совершавшиеся вокруг него.

В предисловии к статье о Востокове, написанной Корелкиным за несколько месяцев до его смерти, он следующим образом излагал свои взгляды на отношение литературы и науки к жизни:

«Мы думаем, что человек, развитый всесторонне, не должен чуждаться ни одного из явлений мира действительного, которое способно затронуть в нем ту или

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 189.

² А. Тихменев, назв. сочинение.

другую сторону его разумности. Это понимал еще и древний философ, прекрасное выражение которого homo sum ete слишком известно каждому. Вы скажете: это разнообразие развлекает силы человека, лишает их сосредоточенности. Если вы скажете это, это будет значить, что для вас вовсе непонятны законы человеческого развития: все-стороннее развитие не развлекает человеческие силы, а приводит их в гармонию, делает человека способным возвышаться над разнообразием явлений, созерцать идеи вещей. Достигнув этой степени, он может обратиться к какой угодно сфере деятельности, к каким угодно мелочным исследованиям в науке: идея покажет значение этих мелочей в общем просвещении человечества, и согреетому сочувствием человеку не покажутся трудными все усилия, которые нужно будет сделать для достижения разумной цели научного исследования предмета»¹.

Это научное profession de foi Корелкина показывает, что он до конца жизни остался тем идеалистом, каким был в молодости, но вместе с тем из него, ранее всецело погруженного в кабинетные занятия по специальности, стал вырабатываться человек, начинавший интересоваться жизнью во всех ее проявлениях и понимать значение все-стороннего развития личности. Поскольку Корелкин вступил на такой путь, не исключена возможность, что ему приходилось встречаться с Чернышевским и в эти годы.

¹ Н. Корелкин, А. Х. Востоков. Его ученая и литературная деятельность, «Отечественные записки», 1855, № 1, стр. 41—42.



П. А. БУГАЕНКО

О РАБОТЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО НАД МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИЕЙ

Еще в студенческие годы Н. Г. Чернышевский весьма интересовался вопросами эстетики и выработал свои взгляды на ее существенные проблемы. Уже тогда он пришел к выводу о том значении, которое могут и должны иметь литература и искусство в развитии общественной жизни. Его студенческие работы «Участвовали ли поэты в развитии народной жизни» и «О «Бригадире» Фонвизина» свидетельствуют о наличии у него устойчивого интереса к вопросам теории искусства.

В годы преподавательской деятельности в Саратовской гимназии, в процессе подготовки к занятиям, Чернышевский уточнял и развивал эти взгляды, придавал им четкие формы. Не только на уроках, но и в литературных беседах с гимназистами он развивал свои общетеоретические положения и предлагал соответствующие темы сочинений. Так, например, гимназист Василий Найденов писал сочинение на тему «Взгляд на историю Аристотелевой теории красноречия», а Иван Песков на тему «О введении действительности в роман и повесть». Оценив высоко сочинение Пескова, Чернышевский предложил напечатать его, что было в резкой форме отклонено попечителем Казанского учебного округа¹. В этот период создавалась Чернышевским и рукопись учебника грамматики, в которой нашли отражение его взгляды на существо, задачи и возможности литературы.

Живя в Саратове, он продолжал работу над составле-

¹ С. Чернов, Чернышевский — учитель Саратовской гимназии, Сборник «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1926, стр. 193.

нием словаря к Ипатьевской летописи. Эти занятия явно не гармонировали с настроением молодого человека, все существо которого заполнила горячая любовь к Ольге Соколатовне Васильевой. Впрочем, не только эти психологические причины лежали в основе недовольства словарными занятиями. Вспоминая о них в письме к сыну от 21 апреля 1877 года, он писал: «И я в твои годы был настолько наивен, что копался в каком-то Шафариковском мелкословии...»¹ (XV, 36). Это «мелкословие», кропотливое добывание научного сырья, очевидно, не могло доставить Чернышевскому удовлетворения. Практическая бесплодность и общественная незначительность этого «копания» становилась ему все более ясной. Тяготясь работой над диссертацией об Ипатьевской летописи, он подыскивает другую тему. 9 марта 1853 года он пишет об этом в своем дневнике, а 14 марта фиксирует свои мысли о направлении будущей журнальной деятельности. Это будут «главным образом... критические исследования о различного рода литературе и теории словесности» (I, 513). Здесь же, в Саратове, он ставит себе задачу — изучить фундаментальную работу Ф. Фишера «*Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen*». Таким образом, желание переменить тему диссертационной работы и заняться вопросами эстетики возникло у Чернышевского в Саратове весной 1853 года.

С приездом в Петербург 13 мая 1853 года начался новый период его деятельности. Значительные материальные затруднения первых месяцев петербургской жизни не отвратили Чернышевского от науки. Он настойчиво готовится к сдаче магистерских экзаменов, закончив их 4 марта 1854 года. Встреча с профессором А. В. Никитенко решила вопрос о теме диссертации. Диссертация должна была соответствовать направлению деятельности кафедры А. В. Никитенко. Излюбленный им вопрос об отношении искусства к действительности занимал Чернышевского еще со студенческих лет. По-видимому, такая тема устраивала и профессора, и диссертанта. Никитенко ожидал, что диссертант разовьет те гегельянские положения об искусстве, которые излагались с университетской кафедры, и таким образом подтвердит плодотворность его

¹ Здесь и далее цитаты даются по Полному собранию сочинений Н. Г. Чернышевского, изд. 1939—1953 гг.

учебно-педагогической деятельности. Диссертанту тема давала возможность изложить свои мысли и представить «критический взгляд на современные эстетические понятия».

Первые упоминания о работе над диссертацией по вопросам эстетики относятся к 20 июля и 7 сентября 1853 года. Чернышевский пишет отцу: «Я, кажется, еще не писал Вам, милый папенька, что, рассмотрев обстоятельства ближе и посоветовавшись кое с кем, я увидел, что лучше держать экзамен по словесности, нежели по славянским наречиям» (XIV, 242). Точная дата начала работы над диссертацией неизвестна, но она устанавливается около 20 июля 1853 года¹. В этот день он пишет отцу: «на днях... примусь за свою диссертацию... Теперь ожидаю книг (немецких), чтобы начать статьи об эстетике. Их нужно будет писать с большою осторожностью, чтобы они могли явиться в печати» (XIV, 235). «Немецкие книги» — это 3-томная «Эстетика или наука о прекрасном» Фишера — скоро прибыли, и Чернышевского захватила большая работа. Письмо указывает, что он одновременно трудился и над диссертацией и над статьями по эстетике. Это обстоятельство было уточнено советскими литературоведами. Е. Ляцкий, цитируя приводимое письмо Чернышевского к отцу, еще не мог объяснить, о каких статьях идет в нем речь. Лишь в 1924 году П. Е. Щеголев опубликовал статью Чернышевского «Критический взгляд на современные эстетические понятия» со следующим пояснением: «До сих пор неизданная и печатаемая здесь впервые статья Н. Г. Чернышевского воспроизводится по автографу, переданному нам В. А. Пыпиной. Автограф — тетрадь из

¹ В научной литературе начало работы Чернышевского над магистерской диссертацией точно не датировано. Н. Богословский в статье «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» (Сборник «Н. Г. Чернышевский, Эстетика», изд. «Искусство», 1939) принимает за исходную дату 20 июля 1853 г. А. П. Скафтымов пишет: «В конце июля или начале августа 1853 года Чернышевский начал исследование по эстетике» (А. Скафтымов, Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского, Саратов, 1947, стр. 21). Н. М. Чернышевская под датой «20 июля» отмечает: «По-видимому, речь идет о первой диссертации, посвященной вопросам языкознания...» (Н. М. Чернышевская, Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, ГИХЛ, М. 1953, стр. 87).

восьми листов писчей бумаги (24 страницы), записанная уемистым и четким почерком Чернышевского. На первой странице перед заголовком читаем следующую запись автора: «по приезде в Петербург. 1854. Осень. На эти статьи, которых было бы 6 или 7, я полагал большую надежду. Первая была у Краевского и возвращена как недостойная печати»¹. В 1928 году тот же исследователь опубликовал вторую статью из этого цикла «Возвышенное и комическое», оставшуюся неоконченной и оборванную на полуслове². Отказ А. Краевского напечатать первую статью повлек за собой прекращение задуманной работы.

Диссертация писалась очень быстро. 7 сентября 1853 г. Чернышевский сообщает отцу: «половина или, лучше сказать, $\frac{3}{5}$ моей диссертации готовы; в пятницу отдам ее по принадлежности, чтобы увериться вперед, годится ли она. Она будет невелика, всего от 80 до 100 страниц, хотя легко было бы и даже нужно было бы придать ей гораздо больший объем. Мысли в ней только высказываются в общих чертах; следствий и приложений почти не вывожу, потому что в таком случае понадобилось бы написать два тома листов по 35 печатных. На издание их нет у меня средств» (XIV, 240). Итак, диссертация была начата после 20 июля и на $\frac{3}{5}$ окончена к 7 сентября. За 45 дней было написано около 150 страниц (рукопись диссертации имеет 240 страниц). Эта работа могла проходить так быстро и дать такие значительные результаты только потому, что к этому времени у Чернышевского уже сложилась система как общепhilософских, так и специально эстетических убеждений. Чернышевского заботил вопрос и о том, чтобы придать диссертации приемлемую форму, которая бы позволила обойти цензурные препоны и резкостью тона не отпугнула бы университетских профессоров. 14 сентября он пишет отцу: «отдал частным образом Никитенке свою будущую диссертацию (критика некоторых положений гегелевской эстетики), чтобы он посмотрел, может ли она беспрепятственно явиться в печати» (XIV, 241). Спустя неделю он сообщал: «Никитенко сказал, что переделывать ее не понадобится... Диссертацию свою пишу об

¹ «Звезда», 1924, № 5. стр. 202—231.

² «Под знаменем марксизма», 1928, № 11. стр. 6—35.

эстетике. Если она пройдет через университет в настоящем своем виде, то будет оригинальна, между прочим, в том отношении, что в ней не будет ни одной цитаты, а всего только *одна* ссылка. Если же найдут это не довольно ученым, то я прибавлю несколько сот цитат в три дня. По секрету можно сказать, что г. г. здешние профессора словесности совершенно не занимались тем предметом, который взял я для своей диссертации, и потому едва ли увидят, какое отношение мои мысли имеют к общеизвестному образу понятий об эстетических вопросах. Им показалось бы даже, что я приверженец тех философов, которых мнения оспариваю, если бы я не сказал об этом ясно. Поэтому я не думаю, чтобы у нас поняли, до какой степени важны те вопросы, которые я разбираю, если меня не принудят прямо объяснить этого. Вообще у нас очень затмились понятия о философии с тех пор, как умерли или замолкли люди, понимавшие философию и следившие за нею» (XIV, 242).

Эти важные письма вводят нас в творческую лабораторию молодого ученого и показывают, какие подводные камни он предугадывал на своем новом, еще не изведанном фарватере. Приступая к работе, он уже имел отчетливую материалистическую точку зрения на вопросы эстетики. Для него было ясно, что эстетические вопросы составляют лишь часть философского мировоззрения. Он отметил, что понятия о философии «у нас очень затмились» с тех пор, как «умерли или замолкли люди, понимавшие философию». Речь идет, очевидно, о Белинском, умершем в 1848 году, и Герцене, эмигрировавшем за границу. Именно их философские взгляды помогли Чернышевскому выработать материалистические основания к «оспариванию» идеалистической эстетики Гегеля и его эпигонов. Чернышевскому было ясно значение предпринятого им труда, который должен был опровергнуть распространившиеся в критике и эстетике идеалистические понятия и противопоставить им систему материалистических воззрений.

После беглого просмотра Никитенко законченной части рукописи выяснилось, что и форма и способ изложения, принятые в диссертации, в цензурном отношении не вызывают возражений. Однако была еще одна серьезная опасность. Материалистический труд, направленный про-

тив идеалистических взглядов университетских профессоров, в том числе и будущих официальных оппонентов — А. В. Никитенко и М. И. Сухомлинова, мог оказаться неприемлемым для одобрения в качестве диссертации. Автору, имевшему стремление к ясному выражению своих мыслей, пришлось смягчать резкость и отчетливость некоторых своих формулировок.

Невозможно установить и точную дату окончания диссертации. Из письма к отцу известно, что около 28 сентября 1854 года Чернышевский получил рукопись от Никитенко и после внесения поправок мог сдать ее переписчику. Законченная диссертация пролежала на неофициальном просмотре у Никитенко около года. 4 апреля 1855 года Чернышевский пишет отцу: «я надеюсь скоро напечатать свою несчастную диссертацию, которая столько времени лежала и покрывалась пылью. Эта жалкая история так долго тянулась, что мне и смешно, и досадно. И тогда я думал, и теперь вижу, что все было только формальностью; но формальность, которая должна была кончиться в два месяца, заняла полтора года» (XIV, 294). Предположительно диссертация была закончена в конце сентября или в начале октября 1853 года. 11 апреля 1855 года историко-филологический факультет признал удовлетворительным рассуждение Чернышевского и вынес постановление о напечатании и публичной защите диссертации. К концу апреля того же года была завершена вся работа по подготовке диссертации к печати, и 3 мая книга вышла в свет. Какими же рукописными материалами, известными в настоящее время, мы располагаем о работе Чернышевского над диссертацией? Это следующие материалы:

а) Основной документ—рукопись диссертации, являющаяся автографом, тетрадка, состоящая из 130 листов в четвертку, текст написан чернилами, всего в ней карандашом пронумеровано 120 листов. 115 оборотная страница заполнена лишь наполовину, 116 лист с обеих сторон оставлен чистым. В тетрадку вложены листы 121—130, на них написаны пронумерованные вставки, сделанные уже после правки. На одном из таких вкладных листов написана 3-я вставка к листу 16 и перечеркнуто начало рецензии на «Географию Российской империи» Я. Кузнецова, Издание второе, СПб., 1854». На другом вкладном листе со вставками: 8-й к листу 24 и 9-й к

листу 29, содержится начало рецензии на «Любовь поэта. Драматическая фантазия в трех актах с прологом А. Оводова, СПб., 1854». Перечеркнутые несколько строчек начала рецензий облегчают датировку работы Чернышевского над внесением исправлений в диссертацию, которая могла иметь место лишь со второй половины 1854 года (второе издание книжки Кузнецова вышло в свет в июле 1854 года). На полях рукописи имеются карандашные пометы: «здесь вставка 17», «здесь вставка 18». В тексте рукописи хорошо сохранились сделанные карандашом замечания Никитенко на полях, его подчеркивания и вычеркивания и последующая авторская правка, сделанная чернилами.

б) Вторая редакция введения к диссертации, написанная чужой рукой на двух полулистах плотной бумаги. Внизу каждого полулиста сохранились остатки подписи «Декан... Николай...». Н. М. Чернышевская высказывает вполне основательное предположение: «без сомнения, это — уцелевший остаток представленного Н. Г. Чернышевским на утверждение белого списка, с которого печаталось первое издание и который полностью не дошел до нас»¹.

в) Шесть черновых отрывков рукописи, написанных на 16 листах (в четверть) на обороте таблиц словаря к Ипатьевской летописи.

3 мая 1855 года Чернышевский пишет отцу: «к числу особенностей <диссертации> принадлежит и то, что она написана мною *прямо набело* — случай, едва ли бывавший с кем-нибудь. Этим всем я хотел себе доставить удовольствие внутренне позабавиться над людьми, которые [не могут] сделать подобного» (XIV, 298). Действительно первая редакция диссертации была написана *прямо набело*, без каких-либо помарок. В последующем появились в ней карандашные помарки, сделанные Никитенко, а затем и те исправления в тексте и на полях, какие вносил сам автор после замечаний рецензента. В результате рукопись приобрела вид рабочего документа. Все же основной текст рукописи и ныне читается очень легко, так как лишь отдельные страницы ее носят следы большой правки.

¹ Н. Г. Чернышевский, Статьи по эстетике, Соцэкгиз, 1938, стр. 305. Деканом историко-филологического факультета был в это время Н. Г. Устрялов.

Каких исправлений потребовал Никитенко, в чем изменилась диссертация после его просмотра? Ответ на эти вопросы дает рукопись диссертации. Заметки Никитенко на диссертации можно разделить на две группы: а) замечания по содержанию, б) заметки по структуре и языку.

Замечания по содержанию даются трояким способом: краткой репликой на полях, вычеркиванием и отчеркиванием в тексте. Словесных замечаний на полях сделано всего восемь: «Гегеля философию прочь», «Этот гегелизм надобно переделать или вовсе исключить», «Какнибудь иначе», «Понятия греков о судьбе совсем другие, чем понятия восточных. Предопределение и *fatum* не одно и то же в философском смысле», «Откуда это?», «Кто же так думает из хороших эстетиков?», «Слишком много о любви», «Много очень потрачено времени на борьбу с тенями». Никитенко не просто требовал исключить «гегелизм», а и старательно вычеркивал все те места, где прямо называлась гегелевская философия. Его рукой почти полностью зачеркнуты стр. 52 оборотная, 53 и 53 оборотная, на которых содержались политически остро звучащие рассуждения о войнах царизма против горцев Кавказа, англичан против народов Индии, французов против арабских племен Алжира. На странице 54, 54 оборотной и 55 были вычеркнуты рассуждения о женской красоте, о богатстве Ротшильда.

Указания на новые вставки следуют 19 раз, большинство этих вставок, вошедших уже в первое издание диссертации, довольно значительны по объему. В основном они сводятся к расшифровке, разъяснению и обоснованию некоторых положений работы. Так, например, 9 вставка разъясняет вопрос о первоначальных и искаженных понятиях судьбы. «Мы говорим здесь о том первоначальном понятии судьбы, которое господствует в рассказах Геродота, в греческих мифах, в индийских поэмах, сказках «Тысячи и одной ночи» и проч. Что касается позднейших превращений этого основного воззрения под влиянием понятий о мире, доставленных наукою, эти видоизменения мы считаем лишним исчислять, и еще менее находим нужды подвергать их особенной критике, потому, что все они, подобно понятию новейших эстетиков о трагическом, представляясь следствием стремления согласить непримиримое — фантастические представления

полудикого человека и научные понятия — страдают такой же несостоятельностью, как и понятия новейших эстетиков о трагическом: различие только то, что натянутость соединения противоположных начал в предшествующих попытках сближения была очевиднее, нежели в понятии о трагическом, которое составлено с чрезвычайным диалектическим глубокомыслием. Поэтому не считаем за нужное излагать все эти искаженные понятия о судьбе, считая достаточным показать, как угловато виднеется первоначальная основа даже из-под последней и искуснейшей диалектической одежды, которою облеклась она в господствующем ныне эстетическом воззрении на трагическое». Такова полностью 9 вставка к листу 29. Еще более пространной является 10 вставка, характеризующая понятие судьбы у диких народов¹. Вставка 17 разъясняет, какие ютенки цвета лучше удаются живописцам².

Многочисленны заметки, касающиеся самой структуры диссертации, разделения ее на абзацы: «дайте с новой строчки», «под одну строчку» — таких замечаний в рукописи шестнадцать. На полях рукописи встречаются и поставленные карандашом, так сказать «сигнальные знаки»: «!», «?», «О», «-». Так, например, знак вопроса выставлен на полях против того места рукописи, где сказано: «Живое и неподдельное понятие о судьбе было у старинных греков (т. е. у греков до появления у них философии) и до сих пор живет у многих восточных народов». Очевидно, этот сигнал и побудил Чернышевского внести обширную, разъясняющую (приведенную нами) 9 вставку.

Никитенко, в противовес ученой традиции, не потребовал точной цитации, ограничившись одним замечанием: «откуда это?», на которое Чернышевский и не ответил. «Выписка моя длинна» — пишет автор, но не ставит кавычек и не указывает источника. Кстати, сообщение Чернышевского отцу о том, что в диссертации не будет ни одной цитаты, а только одна ссылка, не вполне точно. Цитат в кавычках в диссертации не мало, это главным образом выписки из «Эстетики» Фишера, ссылка на Канта

¹ Н. Г. Чернышевский, Эстетические отношения искусства к действительности, Госполитиздат, 1948, стр. 32—33.

² Там же стр. 84.

и безымянные ссылки на «новейших эстетиков», появившиеся после вычеркивания имени Гегеля.

Правка, произведенная Никитенко, выражала тот максимум уступок, который могла сделать официальная наука. Категорическим требованием было устранение имени Гегеля и критики «гегелизма». Не следует думать, что в ту пору это имя вообще запрещалось упоминать. Его употреблял Чернышевский в своей авторецензии («Современник», 1855, № 6), Дружинин в статье, напечатанной в «Отечественных записках» в 1856 году. В предисловии к 3-му изданию диссертации Чернышевский писал: «У автора нет и имени Гегеля, хотя он постоянно полемизирует против эстетической теории Гегеля, продолжавшей господствовать тогда в русской литературе, но излагавшейся уже без упоминания о Гегеле. Это имя тоже было неудобно тогда для употребления на русском языке» (II, 121). «Неудобна» была резкая критика эстетики и философии Гегеля, содержащаяся в диссертации. Поверхностное представление о «благонамеренности» философии Гегеля, свойственное Никитенко, официальное признание немецкого философа в университетских курсах требовали ослабления этой критики. Позволить прямо обрушиться на него в ученом сочинении было невозможно. Чернышевский вынужден был подчиниться этим требованиям Никитенко. Из первого издания диссертации было изъято всякое упоминание имени Гегеля, прямая критика по его адресу была заменена намеками, описательными формулировками («господствующая эстетическая система») и разбором эстетики Фишера. Нельзя не признать, что такая правка была сделана под давлением обстоятельств, вопреки желаниям Чернышевского.

Никитенко потребовал смягчить прямые нападки на религиозно-мистические определения судьбы, выбросить из диссертации целый ряд живых примеров, доказывающих, что «фантастическое мечтание о «неземной красоте», вся эта фантастическая невлюбленность и влюбленность бледна, смешна, жалка перед действительной любовью». Диссертация приобрела более обычный «ученый» вид, но потеряла в ясности и занимательности изложения. Правка, произведенная автором по требованию Никитенко, не коснулась принципиальных положений диссертации, но, ухудшив ее изложение, несомненно ослабила силу удара по идеализму. В таком ослабленном

виде диссертация и была напечатана в количестве 400 экземпляров в типографии Эдуарда Праца. Второе издание диссертации было выполнено А. Н. Пыпиным в 1856 году без участия автора и не могло претендовать на реконструкцию текста. Третье издание 1888 года не состоялось. Все последующие издания просто воспроизводили текст первого печатного издания, без обращения к рукописи. Во втором томе полного собрания сочинений Чернышевского диссертация также напечатана по первому изданию. Составители тома Н. М. Чернышевская и С. С. Борщевский обращаются к автографу лишь для использования его в приложениях в качестве вариантов и разночтений. Большое количество изданий публикуют контаминированный текст, составленный из первого издания с внесением туда изменений по автографу. Нам представляется, что необходимо выработать единую линию для дальнейшей публикации этого важнейшего труда Чернышевского. Первоисточником должен служить автограф магистерской диссертации до внесения в нее поправок по требованию Никитенко, а уже эти поправки должны публиковаться в вариантах и разночтениях. Текст, освобожденный от этих поправок, выражал бы действительную авторскую волю, открывал бы нам мысли автора без искажающей оболочки.

10 мая 1855 года состоялась защита Чернышевским своей диссертации. Ход диспута освещен в воспоминаниях Н. В. Шелгунова¹, в статье Е. А. Ляцкого², в № 190 «Колокола» от 15 октября 1864 года, в письме А. Н. Пыпина, в письме самого диссертанта отцу от 16 мая 1855 года. Центральными моментами диспута были выступление Никитенко и ответная речь Чернышевского. «Никитенко возражал мне очень умно» (XIV, 299), — писал Чернышевский отцу. По воспоминаниям А. Н. Пыпина, Никитенко возражал диспутанту и по форме и по существу диссертации. «Он приветствовал появление такой диссертации, которая ставила широкие вопросы в области искусства, разрешение которых во многом уяснило бы ход современной литературы, отмеченной яркими и раз-

¹ Н. В. Шелгунов, Воспоминания, Пб. 1923.

² Е. А. Ляцкий, Н. Г. Чернышевский и его диссертация об искусстве, «Голос минувшего», 1916, № 1.

нообразными дарованиями. Нет необходимости подвергать критике ту систему философских воззрений, которой держится автор: искусство благодаря разнообразию его видов и форм допускает истолкование самых различных точек зрения, важно только, чтобы диссертация была шагом вперед сравнительно с предыдущим ходом работ в этой области и чтоб метод логического построения был правилен, т. е. научен. Диспутант обнаружил, говорил далее Никитенко, большую эрудицию, но в исполнении его работы заметна известная поспешность, которая была причиною двух наиболее существенных недостатков: неясности основной точки зрения и недостаточного количества примеров и литературных «приложений». В философском отношении аргументация диспутанта представлялась Никитенко не вполне убедительной, так как существующая эстетическая теория незыблемо установила идеальные цели искусства, поднимающие его над действительностью на недостижимую высоту и обеспечивающие за ним то превосходство, которое имеет дух над материей»¹. Речь Чернышевского еще более подчеркнула принципиальный характер дискуссии, как столкновения двух эстетических систем, как борьбу противоположных взглядов на искусство. Чернышевский говорил: «В нашем обществе... господствует рабское преклонение перед старыми, давно пережившими себя мнениями, которые приобретают характер непогрешимых авторитетов. Нас слишком пугает дух свободного исследования и свободной критики, которая по природе своей не знает преград для своего действия. Между тем в России свободная критика наталкивается на целый ряд предметов, которые она должна обходить молчанием, хотя эти предметы представляют собою не что иное, как предрассудки и заблуждения... Наши понятия об идеальном значении искусства отжили, и их надо отбросить»². Молодой ученый с университетской кафедры призывал к беспощадной критике обветшавших авторитетов, к новаторству в науке, к материалистической оценке явлений искусства. Присутствовавшие при этом столкновении

¹ «Голос минувшего», № 1, 1916, стр. 27.

² Там же, стр. 28.

Е. А. Ляцкий в сноске сообщает: «Общую оценку диссертации, сделанную Никитенко, и возражения Чернышевского излагаем на основании сообщения А. Н. Пыпина».

мнений представители демократических кругов литературы и студенчества почувствовали дыхание новой эпохи, призыв к борьбе. Утверждения Никитенко о незыблемости существующей эстетической системы прозвучали совсем неубедительно.

Министр народного просвещения А. С. Норов с неодобрением отнесся к этой диссертации, ополчившейся на признанные авторитеты, вносившей дух нетерпимой властью критики. Ф. Н. Устрялов вспоминает, как упрекал он его отца, декана филологического факультета: «что вы наделали! воскликнул министр, увидев моего отца. Как могли вы пропустить диссертацию Чернышевского?... Ведь это вещь невозможная. Ведь это полнейшее отрицание искусства и изящного!.. Помилуйте!.. Сикстинская Мадонна и Форнарина итальянка-натурщица. К чему же сводится искусство? Это невозможно!»¹. Попечитель Мусин-Пушкин сразу же после диспута подошел к Никитенко и укоризненно говорил с ним. Ректор университета П. А. Плетнев, вместо поздравления, с раздражением заявил Чернышевскому: «Не этому, помнится, я учил вас на своих лекциях...». Не имея формального основания отказывать в утверждении Чернышевского в степени магистра, Норов употребил испытанный метод «провоочки», отложив дело магистранта в «долгий ящик» на 3,5 года. Можно предположить, что Норов упрекнул в попустительстве и самого Никитенко. Как бы выполняя пожелание своего сановного друга отстоять Сикстинскую Мадонну от вольнодумной критики новой эстетической школы, Никитенко берется за перо. В сентябрьской книжке журнала «Русский Вестник» он публикует статью «Рафаэлева Сикстинская Мадонна», признавая образ Мадонны за совершенное воплощение неземной идеи, за доказательство превосходства чистого искусства над действительностью. «Аполлон Бельведерский и Венера Медицейская давно описаны, воспеты, и нам остается восхищаться только живыми людьми и живой жизнью, которую забывают в эстетиках, толкуя о Геркулесе Фарнезском и картинах Рафаэля» (II, 158), — писал Чернышевский в диссертации. Со слабыми аргументами выступил побеж-

¹ Ф. Н. Устрялов, Университетские воспоминания. «Исторический вестник», 1884, июнь, стр. 588.

Вот и сам мой рассказ о жизни и деятельности
моей, счастливой или даже просто беззаботной
жизни, но такой же, как жизнь каждого человека, ко-
торый живет на земле, среди других людей.
Иногда кажется, что жизнь — это только
одна сплошная боль, сплошная мука, сплош-
ная борьба. Но иногда кажется, что жизнь —
это только одна сплошная радость, сплошная
музыка, сплошная красота. И иногда кажется,
что жизнь — это только одна сплошная
загадка, сплошная тайна, сплошная
неизвестность. И иногда кажется, что жизнь —
это только одна сплошная истина, сплошная
правда, сплошная справедливость. И иногда
кажется, что жизнь — это только одна
сплошная любовь, сплошная доброта, сплошная
чуждость. И иногда кажется, что жизнь —
это только одна сплошная смерть, сплошная
разлука, сплошная одиночество. И иногда
кажется, что жизнь — это только одна
сплошная жизнь, сплошная радость, сплошная
музыка, сплошная красота, сплошная
истина, сплошная правда, сплошная
справедливость, сплошная любовь, сплошная
доброта, сплошная чуждость, сплошная
смерть, сплошная разлука, сплошная
одиночество.

Иногда кажется, что жизнь — это только
одна сплошная истина, сплошная правда,
сплошная справедливость, сплошная
любовь, сплошная доброта, сплошная
чуждость, сплошная смерть, сплошная
разлука, сплошная одиночество.

Иногда кажется, что жизнь — это только
одна сплошная любовь, сплошная доброта,
сплошная чуждость, сплошная смерть,
сплошная разлука, сплошная одиночество.

Иногда кажется, что жизнь — это только
одна сплошная смерть, сплошная разлука,
сплошная одиночество.

Иногда кажется, что жизнь — это только
одна сплошная жизнь, сплошная радость,
сплошная музыка, сплошная красота,
сплошная истина, сплошная правда,
сплошная справедливость, сплошная
любовь, сплошная доброта, сплошная
чуждость, сплошная смерть, сплошная
разлука, сплошная одиночество.

«Эстетические отношения искусства к действительности»
Автограф, стр. 51.

денный «учитель» против победившего «ученика». Диспут стал переломным моментом в их личных отношениях. Прежней приязни у Никитенко к не оправдавшему его надежд Чернышевскому уже не осталось. Во втором томе «Записок из дневника» Никитенко встречаются только враждебные Чернышевскому отзывы.

А новая эстетическая теория стала широко распространяться в передовых кругах русского общества. 250 экземпляров диссертации поступили в продажу. Выступление Чернышевского на диспуте возбудило большие толки в литературных кругах и стало известным студенчеству. В июньской книжке «Современника» за 1855 г. в авторецензии Чернышевский развил важные положения новой эстетики, недостаточно проясненные в диссертации, и, в известной мере, восполнил тот ущерб, который нанес диссертации карандаш Никитенко. Эстетическая теория Чернышевского начала свою долгую и славную жизнь.



С. А. РЕЙСЕР

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Гаврилович прожил в Петербурге 16 лет. Этот период разбивается на две неравные части: на пятилетие с июня 1846 г. и по март 1851 г. и на девятилетие с мая 1853 г. и до дня ареста 7 июля 1862 г. Сюда следует присоединить почти два года (до 20 мая 1864 г.) заключения в Петропавловской крепости.

В 1846—1851 гг. перед нами студент с еще не определившимися до конца жизненными планами, в 1853—1864 гг. — соредактор Некрасова по «Современнику», критик, историк, экономист, публицист, писатель, но прежде всего и всегда — революционер, который, по глубокому и точному определению Ленина, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

1.

Ранним утром 19 июня 1846 г. Николай Гаврилович в сопровождении своей матери Евгении Егоровны приехал в Петербург.

«В нашем ближайшем кругу, — пишет земляк, двоюродный брат Чернышевского и его друг, будущий академик А. Н. Пыпин, — не было человека, имевшего какое-нибудь понятие о Петербурге. Это была неведомая, отдаленная страна, пребывание всех властей, с особенными

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

правами и великими житейскими трудностями, особенно для людей с очень небольшими средствами, без знакомств и связей»¹. Не забудем, что Чернышевский ехал из того самого Саратова, который был, так сказать, во всероссийском масштабе признан «глушью». Ведь именно сюда, примерно за четверть века до того, Фамусов прочил сослать свою непокорную дочь.

Николай Гаврилович ехал в Петербург для поступления в университет. Незадолго до того он вышел из среднего класса Саратовской духовной семинарии: выдающемуся по своим способностям юноше стало невыносимо продолжать казенно-духовное образование. По своим знаниям, по начитанности, по творческим возможностям Чернышевский стоял намного выше всех своих «наставников и руководителей». Семинария стала обузой, мешала нормальному развитию. Отец Николая Гавриловича — священник Гавриил Иванович — не только не препятствовал сыну, но всячески помогал ему получить светское образование: недаром Герцен говорил о нем, что «это был не поп, или очень мало поп».

К 1846 г. социальные вопросы уже остро интересовали Чернышевского: он много работал над своим самообразованием, много читал, знал западно-европейские и восточные языки и т. д. •

Прожив первые дни у троюродного племянника — Александра Федоровича Раева², Евгения Егоровна уже к 28 июня сняла на время отдельную квартиру где-то совсем недалеко от Раева. Квартира была близка к Публичной библиотеке, что особенно радовало Чернышевского. Невдалеке находились основные книжные магазины, в университет можно было без всякого труда ходить пешком (через Невский или Гороховую, садом мимо Адмиралтейства к Исаакиевскому мосту и т. д.)³.

Евгения Егоровна некоторое время прожила в Петербурге, ожидая решения участи сына. 14 августа Николай Гаврилович известил отца о том, что он принят в университет, а 20-го мать выехала обратно в Саратов. Николай Гаврилович перебрался в квартиру Раева.

¹ А. Н. Пыпин, Мои заметки, М. 1910, стр. 23.

² (1828—1901), в это время студента университета, впоследствии видного чиновника, члена совета министерства финансов.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 19—20, 25, 45.

В письме к отцу от 16 августа был сообщен и точный адрес: «У Каменного моста, в доме князя Вяземского, квартира № 47»¹. Этот адрес и план, нарисованный в письме от 26 июля, позволяют определить интересующий нас дом «на канаве», как тогда говорили — Екатерининский канал, № 35 (тогдашней нумерации); канал Грибоедова, № 36 (нынешней) — угол Мучного переулка, № 1².

Пятиэтажный доходный дом крупного петербургского домовладельца кн. Д. Е. Вяземского (вспомним «Вяземскую лавру») стоял уже в 1842 г. — он был построен, вероятно, в самом начале века. Дворовый участок застраивался постепенно и был заполнен в виде колодца лишь к 1862 г.³ Архитектор, строивший дом, неизвестен (как и большая часть рядовых архитекторов доходных домов в Петербурге первой половины 19 в.); между тем в архитектуре старой части дома обращает на себя внимание одна необычная особенность — на каждом этаже, во дворе, вдоль всех квартир идет наружный открытый коридор с перилами типа аркад. Такой прием нередок на юге, особенно в Германии и Италии, но в условиях сурового климата, в северном городе, он встречается чрезвычайно редко.

Квартира, в которой жил Чернышевский, не может быть теперь установлена — по мере достройки дома нумерация менялась. Мы знаем лишь, что она была расположена в 3-м или 4-м этаже⁴.

Вначале Чернышевский жил в одной комнате с Раевым, но спустя некоторое время была снята и вторая комната⁵. Квартира привлекала прежде всего абсолютной тишиной. Квартирохозяин — учитель, недавно приехавший в Россию, француз Аллез — с 9 утра и до 11 ве-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 39.

² Мучной переулок — начальная часть Апраксина пер. (от канала Грибоедова до Садовой улицы).

³ Гос. исторический архив Ленинградской обл. (ГИАЛО), ф. 513, оп. 102, д. № 9800. Ср. Н. Цылов, Атлас тринадцати частей С.-Петербурга, СПб. 1849 (Цылов I), стр. 39; Цылов, Алфавитный указатель к атласу тридцати частей С.-Петербурга, СПб. 1849 (Цылов II), стр. 46.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 49, 50, 63. Нынешняя квартира № 47 находится в бельэтаже. В одном из писем Чернышевский нарисовал подробный план своей комнаты, но помочь установлению квартиры он не может.

⁵ Там же, стр. 63, 69.

вчера ходил по урокам. Его жена служила гувернанткой и бывала дома только по воскресеньям. Сын почти весь день проводил в школе.

Уже в начале ноября того же 1846 г. Чернышевский извещал родителей о возможной перемене квартиры: соседняя квартира пустовала, и из нее тянул холод, а «Аллезы слишком скупаются на дрова»¹. К концу месяца новая квартира была найдена, и 7 декабря Чернышевский и Раев в нее переехали².

Новый адрес на этот раз звучал так: Малая Садовая, дом Сутугина, кв. 11. Этот дом (№ 1 тогдашней нумерации) до наших дней не сохранился: на его месте теперь большой многоэтажный Дом радио (№ 2 теперешней нумерации). По описанию Цылова, дом был 3-этажный по Малой Садовой и 4-этажный по Итальянской (теперь ул. Ракова)³.

Квартира Чернышевского подробно описана им самим. Друзья занимали две комнаты с совершенно отдельным ходом, на 2-м этаже, над булочной. Хозяйка, старушканемка, жила на 3-м этаже и все (редкие) сношения шли через слугу. Скромную обстановку этих двух комнат составляли: 2 стола, диван, комод, кушетка, письменный стол, полдюжины стульев и зеркало. Одним из главных достоинств своей новой квартиры Чернышевский опять-таки считал ее непосредственную близость к Публичной библиотеке⁴.

Мало практичный, постоянно занятый чтением и разнообразными творческими планами, Чернышевский не нуждался в особом комфорте, вернее, он просто не замечал его. Все его требования ограничивались желанием получить такой минимум удобств, который не мешал бы его занятиям: тихая и теплая, расположенная вблизи Публичной библиотеки, квартира его удовлетворяла, а ее существенные недостатки замечены были лишь со временем. Так было и на этот раз — одна из комнат оказалась темной. Начались поиски нового жилья: «переменяем для того, что эта (новая) квартира удобнее для занятий»⁵.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 74.

² Там же, стр. 81—84.

³ Цылов, I, стр. 42, II, стр. 224.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 86—89.

⁵ Там же, стр. 121, стр. 115.

Все же всю зиму и весну 1847 г. Чернышевский прожил, по-видимому, в доме Сутугина.

Закончив экзамены, он 7 июня выехал в Саратов и обратно в Петербург возвратился около 7—8 августа. Где поселился Чернышевский по возвращении — неизвестно, возможно, что там же, в доме Сутугина, однако уже без Раева. Расстались они спокойно и даже дружески, но без сожаления — более или менее внешние отношения поддерживались и впоследствии. Особой близости между Раевым и Николаем Гавриловичем никогда не было. «Говорим мы мало, — писал Чернышевский в одном из писем, — потому что как то не говорится»¹. Недалекий, сугубо практичный Раев ничего не понимал в жизненных идеалах и стремлениях Чернышевского, а некоторыми житейскими мелочами досаждал ему в совместной жизни («ходит по комнате, мешает», «читает вслух») ². Чернышевский был рад тому, что их комнаты в доме Сутугина непосредственно не сообщались между собой, и это делало общение не столь частым ³.

Сохранившиеся материалы не позволяют установить местожительство Чернышевского за весь 1848 и за большую часть 1849 г. (оба лета он провел в Петербурге).

4 июня 1848 г. ⁴ в Петербург переехали и остановились у Чернышевского его саратовские родственники — двоюродная сестра Любовь Николаевна (1821—1852, урожд. Котляревская, дочь сестры его матери А. Е. Голубевой-Пыпиной от первого брака) и ее муж Иван Григорьевич Терсинский (1817—1888), впоследствии видный чиновник синода.

С этого времени и до отъезда в Саратов в 1851 г. Чернышевский все время прожил на одной квартире и одним хозяйством с Терсинскими. В совместной жизни с ними было, однако, немало отрицательного. Терсинский представлял собою тип ограниченного, суховатого и верно-подданного чиновника и сразу же начал делать (и успешно сделал) служебную карьеру. Ему очень не нравилось, когда говорили «о высших правительственных лицах нехорошо: хоть палка, да начальник: от этого разру-

¹ Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 118.

² Там же, стр. 117, 123.

³ Там же, стр. 123, 141.

⁴ Н. М. Чернышевская, Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М. Гослитиздат, 1953, стр. 28.

шается государственный порядок», он одобрял телесные наказания, суждения его о писателях отличались простотой и категоричностью — «коли Байрон пьяница, так негодяй, как и всякий пьяница: всякий великий писатель фигляр, между тем, как правитель не то». В одном месте дневника Чернышевский отметил еще характерную черту — Терсинские «пошло резки в суждениях обо всем порядочном в других»¹.

На правах старшего Терсинский «надзирал» за Чернышевским, контролировал его чтение и т. д. Читать Фурье приходилось тайком от родственника, а окончив чтение, надо было запечатать книгу, «чтобы нельзя было видеть, чье это сочинение»². Если добавить мелочную скупость Терсинских (они экономили каждую свечу, не давали Николаю Гавриловичу отдельной, сетовали, что он зажигает ее слишком рано, когда еще светло, и т. д.), то станет ясным, насколько мучительно было для Чернышевского это вынужденное сожителство. Он старался жить совершенно отдельной жизнью, несколько раз задумывался об особом жилище, тем более, что квартира, которую занимали в это время Терсинские, была тесна, холодна и неудобна.

Не забудем, что 1848—1849 гг. — важное в развитии молодого Чернышевского время. Он много и напряженно читает, интересуясь, по преимуществу, философией, политической экономией, учением социалистов-утопистов. Наблюдая революционные вспышки на Западе, поддерживая знакомство с некоторыми из петрашевцев (Ханыков, Дебу и др.), Чернышевский четко формулирует свое революционно-демократическое мировоззрение. 18 сентября 1848 г. он записывает в дневнике: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев»³. Бутурлин, Орлов, Дубельт «должны были бы быть повешены». Наряду с этим отзывом о представителях власти Чернышевский прямо пишет о петрашевцах: «я, например, сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вме-

¹ Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 46—47, 53—54, 57—58. Ср. также стр. 64—65, 69, 81, 86, 112, 126, 174, 205.

² Там же, стр. 118.

³ Там же, стр. 122.

шался бы»¹. Начинаются первые, еще робкие, попытки революционной пропаганды: «вливал революционные понятия в мужика», «толковал с солдатом», «извозчиком» и т. д.

В самом начале сентября 1849 г. Терсинские начали поиски новой квартиры. Квартиры, надо полагать, менялись часто — 19 сентября Чернышевский записывает в дневнике: «надоело скитанье». 29 сентября состоялся переезд на новое место. В этой квартире Николаю Гавриловичу отвели крайнюю комнату, «может быть лучшую». Впрочем, эта «лучшая» комната была проходная, и вскоре Чернышевский перебрался в изолированную... переднюю. («Может быть стану раскаиваться, и со временем может быть снова перейду назад»)².

В письме к родителям от 27 сентября Чернышевский сообщал об этой новой квартире, что она «гораздо удобнее прошлогодней»³. В письме от 17 января 1850 г. был сообщен и адрес: на Большой Конюшенной, в доме Кошанского, кв. 8⁴. Этот сохранившийся до наших дней дом (раньше № 16, теперь № 15 по улице Желябова) был построен в 1838 г. Надстройка 4-го этажа (в этом виде дом стоит и теперь) была произведена лишь в 1912 г. — тем самым нумерация квартир изменилась, и где жили Чернышевский и Терсинские — теперь установить невозможно⁵.

Эта квартира не удовлетворила ни Николая Гавриловича, ни его родственников, и «скитанье» продолжалось. 11 февраля 1850 г.⁶ они перебрались в новую. Там Чернышевский оставался до отъезда в Саратов 15 июня 1856 г. Возвратившись в Петербург 11 августа, он поселился снова у Терсинских, но уже в каком-то другом месте. Описывая в дневнике свой приезд, Николай Гаврилович отмечает: «Отыскали Ив. Гр.; квартира хороша» — значит, этой квартиры Чернышевский раньше не знал.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 274.

² Там же, стр. 184, 215, 311, 312, 315, 316.

³ Там же, т. XIV, стр. 158, Ср. стр. 159—160.

⁴ Там же, стр. 175.

⁵ ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. 3339, Ср. Цылов I, стр. 21, II, стр. 123 (с опечаткой: 5 этажей вместо 3).

⁶ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 362, т. XIV, стр. 183.

На этот раз поселились совсем в другом районе. В позднейшем письме к переводчику, поэту и революционному деятелю М. И. Михайлову от 23 декабря 1850 г. Чернышевский подробно разъяснил свой адрес: «в Большой Офицерской, против Малой Мастерской, дом Дубецкого. Когда вы поедете от почтамта, то есть с Вознесенского проспекта, Вы увидите против Мастерской мелочную лавочку, подле нее ворота, за этими воротами тотчас подъезд с улицы; так Вы по этому-то подъезду да вверх, да во второй этаж, да увидите во втором-то этаже дверь с надписью: «Архитектор Браун» — так против этой двери через площадку другая дверь и есть моя. Вы и стучитесь, и выйдет баба, если не яга, то похожая на ягу — она-то и есть сожительница Вашего нежного друга»¹.

Это шутовское описание помогает установить дом, в котором жил Чернышевский. Дом, принадлежавший Дубецкому, сохранился до наших дней: № 44 или 44—46 старой нумерации, № 45 нынешней по улице Декабристов (бывшей Офицерской)², против Мастерской улицы (бывшей Малой Мастерской).

Постройка дома (точнее говоря, двух домов) относится к самому началу 19 века (или даже к концу 18-го). Во всяком случае, данные ГИАЛО фиксируют современный внешний вид дома уже в 1844 г.³ Дома граничили с землей городского ведомства, а потом оказались на углу новопроложенной Алексеевской улицы (ныне ул. Писарева). Описанию Чернышевского соответствуют нынешние квартиры второго этажа — 2-я (слева от лестницы) и 35-я (справа). В какой из них жил Чернышевский — сказать трудно.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 213. В архиве Н. А. Пыпина (сына А. Н.) в Гос. Публичной библиотеке хранится составленная им заметка: «Места связанные с жизнью Н. Г. Чернышевского в Петербурге». В этой заметке дом обозначен как дом Дингельштейна.

² Следует иметь в виду, что в старом Петербурге, не считая Большой Офицерской, Малой Офицерской и Старой Офицерской, были еще *четыре* улицы, называвшиеся Офицерскими (на Петербургской стороне, на Выборгской стороне, в районе Таврического сада и от Вознесенского проспекта до набережной р. Пряжки — только эта последняя улица и сохранила до революции это название).

³ Ф. 513, оп. 102, д. № 3706. Ср. Цылов I, стр. 71, II, стр. 74.

12 марта 1851 г. Чернышевский уехал на службу в Саратов. Ехал он с поэтом и отцом поэта — Д. И. Минаевым и братом писателя — Николаем Гончаровым. «Дорогою все рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии...»¹. Этими словами как бы подводился итог эволюции Чернышевского почти за пять лет петербургской жизни. Робкий семинарист возвращался на родину революционером.

2.

Еще в 1849 г. Чернышевский признавался в своей любви к Петербургу. «Странно, какую любовь внушает к себе своим обитателям Петербург... и не только происходит эта любовь от того, что здесь средоточие всех надежд для всякого, особенно служащего, а отчасти и совершенно бескорыстная... Когда на днях шел я с Вознесенского мимо Сената на Васильевский... так мне милы вдруг стали и эти дома, и памятник Петру, и площадь...»².

Любовь к ставшему родным городу, желание посвятить себя общественной и литературной деятельности, перспектива ученой деятельности, завязавшиеся дружеские связи — все тянуло обратно в Петербург. Еще в 1848 г. была задумана большая работа — диссертация об отношении поэзии к действительности³.

Положение в Саратове значительно осложнилось — в гимназии Чернышевский, по его собственным словам, говорил в классах «такие вещи, которые пахнут каторгою»⁴. Культурная жизнь в провинциальном городе никак не удовлетворяла.

29 апреля 1853 г. Чернышевский женился на старшей (из 13 детей) дочери местного врача — 20-летней Ольге Сократовне Васильевой (1833—1918). В подробном дневнике этого времени Чернышевский с абсолютной точностью зафиксировал свои политические убеждения, которые он развивал перед своей невестой. Он прямо говорил о том, что не знает, как долго еще будет «пользоваться жизнью и свободой... Это направление во мне, — пишет Николай Гаврилович, — все более и более только усили-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 402.

² Там же, т. XIV, стр. 173.

³ Там же, т. I, стр. 265.

⁴ Там же, стр. 418.

вается, делается резче, холоднее, все более и более входит в мою жизнь... У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем...»¹

В начале мая Николай Гаврилович и его молодая жена выехали из Саратова и 13 мая приехали в Петербург. Начался новый период жизни великого революционера.

Николай Гаврилович и Ольга Сократовна остановились у радушно встретившего их Терсинского. (Его жена незадолго перед тем умерла.) Терсинский был уже на даче и предложил Чернышевским жить у него сколько потребуется. Начались поиски подходящей квартиры. На лето собирались поселиться на даче в Павловске, но этот план не осуществился. В первых числах августа новая квартира была найдена. Вместе с Чернышевским поселился в то время студент университета Александр Николаевич Пыпин. Терсинский остался жить отдельно.

В своей новой квартире Чернышевский неоднократно бывал и раньше, еще в 1847—48 гг. Тогда она была занята педагогом, журналистом и переводчиком Иринархом Введенским, кстати сказать, земляком Чернышевского. У Введенского часто собиралась передовая молодежь. В этой квартире были три комнаты, одну из них занял Пыпин. Этой первой своей семейной квартирой Чернышевский был очень доволен: «если б мои дела устроились так же хорошо, как наша квартира, не о чем было бы мне и беспокоиться в продолжение нескольких лет» (Отцу, 10 августа 1853 г.)².

Квартира находилась на Петербургской стороне, неподалеку от 2-го кадетского корпуса, в котором Чернышевский в это время служил преподавателем. Местоположение квартиры было подробно объяснено Чернышевским еще в 1851 г. в одном из писем к М. И. Михайлову, которого он вводил к Введенскому. Нам остается воспользоваться его описанием: «близ Тучкова моста, по набережной (влево от моста) дом генеральши Бородиной, бывший Сидорова... Немного влево от Тучкова моста на набережную выходит улица (кажется, Большой проспект): на одном углу этой улицы с набережной стоит де-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 418—419.

² Там же, т. XIV, стр. 226, 228, 230, 233—236.

ревянный дом, на другом каменный, белый или бледно-желтый, высокий, с мелочною лавочкою на самом углу. Подле него по набережной все опять, другой, тоже белый, тоже высокий, тоже каменный — это и есть дом Бородиной. С набережной в него ворота: вы входите в эти ворота, проходите их и поворачиваете направо, тут направо сейчас маленькое крылечко: вы входите, всходите по лестнице во второй этаж и направо...»¹

Эти строки позволяют определить нужный нам дом, если в рассказ Чернышевского ввести одну поправку. Большой проспект расположен совершенно точно против Тучкова моста, а «немного влево» расположен Малый проспект (ныне проспект Щорса). Второй от угла Малого проспекта дом № 7 по Ждановской набережной и есть дом, в котором жил Чернышевский. На плане Цылова он обозначен как трехэтажный, теперь в нем четыре этажа².

Квартира, в которой началась литературная деятельность Чернышевского, была в несохранившейся до наших дней правой пристройке³.

Материальное положение молодого литератора первое время было очень трудным. Приходилось выполнять всякую, даже корректорскую работу. Вскоре друзья помогли найти литературную работу, вначале переводную, потом оригинальную в «журнале для светских людей» «Моде», потом — «С.-Петербургских ведомостях». Спустя некоторое время началось сотрудничество в «Отечественных Записках» Краевского, а вскоре (с начала 1854 г.) и в заветном «Современнике» Некрасова. В бывшей квартире Введенского были написаны статьи о книге Гильфердинга «О сродстве языка славянского с санскритским», об Авдееве, о «Бедности не порок» Островского, наконец, статья «Об искренности в критике» в развитие идей Белинского, формулировавшая тезис об общественной роли и политическом значении критики.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 214.

² Цылов, I, стр. 329, II, стр. 212.

³ См. план, нарисованный Чернышевским (т. XIV, стр. 215). Е. Бусырева в статье «Н. Г. Чернышевский в Петербурге» («Ленинградская правда», 1953, 21 июля, № 170 (11661), стр. 3), на основании не известных мне источников, пишет, что Чернышевский жил в квартире № 10 названного дома. Из контекста статьи следует, что автор считает квартиру существующей и в наши дни.

После рождения первого сына Александра (5 марта 1854 г.) квартира стала тесна. Служба в корпусе отнимала немного времени, продолжать ее особого желания не было (с 1 мая 1855 г. Чернышевский из корпуса ушел), и жизнь в сравнительно отдаленном от центра районе была неудобна. Завязавшиеся литературные связи требовали постоянного пребывания поблизости от редакций «Отечественных Записок» и «Современника»¹.

9 августа 1854 г. Чернышевский извещал отца о предстоящей перемене квартиры; предположительно назывался угол Знаменской и Малой Итальянской (теперь ул. Восстания и Жуковского), Чернышевский прилагал даже план квартиры из 5 комнат. В другом письме, впрочем, был начерчен план квартиры в Свечном переулке². Оба эти проекта не осуществились. Лишь в письме к отцу от 23 августа был приложен третий план квартиры, нанятой у Владимирской церкви, в Хлебном переулке, в доме Диллингсгаузена³.

К сожалению, ни существующие указатели, ни архивные разыскания, ни поиски в мемуарной литературе не позволили определить этот дом. В Хлебном (теперь Дмитровском) переулке по планам значится 33 дома: указание «у Владимирской церкви» позволяет искать нужный нам дом лишь в правой части переулка (иначе адрес ориентировал бы в сторону Невского), но и из остающихся 17 домов нужный нам не устанавливается. По-видимому, Диллингсгаузен — недолгий владелец дома, и этим объясняется отсутствие его имени в официальных документах. Мы знаем только переулок, в котором лишь один год прожили Чернышевские и Пыпин. О квартире мы знаем, что она была в первом этаже, что в ней были четыре комнаты и отдельно через площадку — пя-

¹ Редакция «Современника» (т. е. квартира Некрасова) находилась в это время на углу Поварского пер. и Колокольной улицы, а потом на углу Ивановской ул. и Загородного проспекта. Краевский жил на Грязной (ныне ул. Марата, недалеко от Невского). («С.-Петербургский путеводитель», часть II, СПб. 1854, стр. 129. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 265.) С марта 1855 г. сотрудничество в «Отеч. зап.» прекратилось.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 261—263.

³ Там же, т. XIV, стр. 264, т. I, стр. 639.

тая и что плата за все это была положена 350 р. сер. в год¹.

В этой неизвестной нам квартире Чернышевский написал свои статьи об изданных П. В. Анненковым сочинениях Пушкина. Живя здесь, Чернышевский 10 мая 1855 г. защищал в актовом зале университета свою магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» — событие в научной жизни России, манифест выходивших на историческую арену революционных демократов.

С 25 апреля Чернышевские жили на даче в Лесном (в т. н. Беклешевском саду)², а к 22 августа 1855 г. возвратились в город, прямо на новую квартиру (в соседнем с Хлебным — Поварском переулке, в доме Тулубьева), и прожили здесь пять лет. Это самая постоянная квартира Чернышевского в Петербурге. Кроме Пыпина (который в 1858 г. уехал на два года за границу), в ней жил и студент Медико-хирургической Академии брат Ольги Сократовны Ростислав. Ни Николай Гаврилович, ни его жена не любили этого родственника, но не могли отказать ему в приюте³. В новой квартире (она находилась на 4-м этаже) было шесть комнат⁴.

Дом отставного подполковника А. Д. Тулубьева занимал усадьбу под № 12. Это был построенный в 1838 или 1839 г. четырехэтажный каменный дом. Он сохранился до наших дней (теперь № 13), почти не изменив своего внешнего вида: это видно из сравнения с эскизом 1840 г., сохранившимся в архивных делах⁵.

До сих пор не было известно, что в этом самом доме, на этом самом этаже и, может быть, в этой самой квартире приблизительно с октября 1845 и до конца октября же 1846 г. жил Некрасов. Этот адрес («Владимирская

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 264, 272. «Литературное наследство», № 25—26, М. 1936, стр. 231.

² Там же, стр. 301 и 801. Беклешевский сад — впоследствии улица того же названия.

³ Там же, стр. 295, 306, 400.

⁴ Ее план см. там же, стр. 306.

⁵ ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. № 5127. Ср. также «Оценочную таблицу недвижимых имуществ в столичном городе С.-Петербурге по Московской части», там же, ф. 513, оп. 168, д. № 250, л. 5, Цылов, I, стр. 108, II, стр. 133. Е. Бусырева в указ. на стр. 403 статье уверенно называет и номер квартиры—6; источник этого утверждения мне неизвестен. Этажом выше жил известный либеральный журналист А. Д. Талахов.

улица, Поварской переулок, дом Тулубьева, квартира 7») указан поэтом в письме к сестре — А. А. Буткевич и в воспоминаниях художника П. П. Соколова, посетившего Некрасова в бедной, почти лишенной мебели квартире в период подготовки «Петербургского сборника» (Совпадение домов, а может быть и квартир, скорее всего случайность, но в своем роде примечательная).

Дом, в котором жили Некрасов и Чернышевский, а с середины декабря 1853 и до апреля 1854 г. и Тургенев (здесь было написано «Затишье»), заслуживает нашего внимания: было бы естественно обозначить его памятной доской. Не забудем, что в этом доме были созданы такие шедевры русской лирики, как «В дороге», «Пьяница», «Колыбельная песня», «Огородник», «Когда из мрака заблужденья...», такие образцы русской революционной мысли, как «Очерки гоголевского периода...», «Русский человек на rendez-vous», «Лессинг», «О новых условиях сельского быта», статьи о Гоголе, Огареве, Салтыкове-Щедрине, Никитине и десятки других статей и рецензий.

Современный ленинградец, проходя мимо этого дома, вспомнит, что в этом доме у Некрасова не раз бывали Белинский, Герцен, Тургенев, Григорович, Достоевский, что именно здесь обдумывался план нового журнала — «Современника», а десять лет спустя здесь же у соредактора этого журнала Чернышевского встречались Некрасов, Добролюбов, Плещеев, Михайлов, Панаев, Шелгунов, Н. Н. Обручев, С. И. Сераковский и неизменно тяготевший к гостеприимному дому весь круг передовой революционной молодежи Петербурга. Этот дом был свидетелем конспиративнейших переговоров Чернышевского, сюда тянулись нити всех революционных замыслов страны, именно из этого дома раздавалась «могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*»².

Почти все пять лет жизни в доме Тулубьева Черны-

¹ Некрасов, Полн. собр. соч., т. X, стр. 46 и 48. П. П. Соколов, Воспоминания, Л. 1930, стр. 111—112. Правда, Соколов пишет о маленькой квартире, а не о квартире в шесть комнат, но очень возможно, что Некрасов занимал лишь часть площади.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5., стр. 26.

Эта квартира (с ошибкой в этаже — 2-м вместо 4-го) описана в неизданных воспоминаниях посещавшего в это время Чернышевского молодого офицера Н. Д. Новицкого. Воспоминания, найденные В. Э. Боградом, печатаются в № 65 «Литературного наследства».

шевский, безраздельно поглощенный работой, провел безвыездно в Петербурге. Лишь лето 1859 г. семья (и только отчасти Чернышевский) провела на даче на Петровском острове¹. 17 июня Чернышевский совершил тайную поездку в Лондон, к Герцену, а возвратившись, отправился в Саратов навестить отца и заодно отвез туда свою свояченицу — Анну Сократовну — героиню неудачного романа Добролюбова.

В доме на Поварском переулке в 1857 и 1858 гг. родились сыновья Виктор и Михаил. С мая 1860 г. семья была отправлена на дачу в Любань², а Чернышевский и назвавшая в город Ольга Сократовна снова стали искать более удобную квартиру. В конце июня осуществился переезд на Васильевский остров в дом Громова на углу 2-й линии и Большого проспекта, кв. 7³.

Трехэтажный каменный дом коммерции советника Василия Громова был выстроен в 1858 г. — точнее говоря, заново была построена часть, выходящая на Большой проспект: стоявший ранее дом по 2-й линии был в реконструированном виде включен в состав нового. Этот дом (раньше № 15, теперь № 13 по 2-й линии) приблизительно в прежнем виде сохранился до наших дней⁴. Квартира 7 нынешней нумерации находится во втором этаже лестницы № 2 по Большому проспекту — по-видимому, именно в этой квартире и жил Николай Гаврилович. Из позднейших показаний Чернышевского в сенате в 1863 г. мы знаем об этой квартире лишь то, что его кабинет был отделен коридором и находился в стороне от других комнат⁵.

Из наиболее значительных работ, написанных в этом доме, отметим «Антропологический принцип», «О причинах падения Рима» и продолжение начатого ранее комментированного перевода «Очерков из политической эконо-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 378. Н. М. Чернышевская, Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, Гослитиздат, М. 1953, стр. 171.

² Там же, стр. 390, 392—394, 400, 402.

³ Там же, стр. 393, 395, 396, 406. Номер квартиры устанавливается письмом Добролюбова от 24 июля 1860 г. «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова...», М. 1890, стр. 575. В цит. статье Е. Бусыревой дата переезда в эту квартиру — май 1861 г.

⁴ ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. № 1493.

⁵ М. К. Лемке, Политические процессы в России 1860-х гг., Изд. 2, М.—Пг. 1923, стр. 366.

номии» Милля; эта работа заслужила, как известно, высокую оценку Маркса.

В доме Громова Чернышевские прожили всего лишь год.

3.

Около 20 мая 1861 г.¹ Чернышевский переехал на свою последнюю петербургскую квартиру, в которой ему было суждено прожить не многим больше года. Новый адрес такой: у Владимирской церкви, в Большой Московской улице, дом (№ 6) Есауловой, квартира 4².

Дом и квартира, в которой жил Чернышевский (теперь по лестнице № 2), сохранились до наших дней. Некоторые данные об этой квартире можно почерпнуть из недавно опубликованного контракта³. Из этого документа видно, что квартира находилась в первом этаже и состояла из шести комнат: три с паркетными полами в пять окон на улицу и три с деревянными крашеными полами, с окнами во двор. В полуподвале, непосредственно соединенном с квартирой, были кухня с русской печью, «людская», место для дров, а во дворе сарай, ледник и конюшня. Плата за квартиру была определена в 950 р. + 20 р. особо за швейцара в год. Возвратившись из заграничной поездки в феврале 1860 г., А. Н. Пыпин поселился отдельно, со своим братом и сестрами.

В доме Есауловой продолжалась напряженнейшая деятельность Чернышевского, не оставлявшая ни одной свободной минуты, занимавшая без остатка все время.

Много сил отнимал «Современник» — важно было писать самому, нужно было редактировать (а нередко переписывать) статьи других, вести вместе с Некрасовым постоянную и напряженную борьбу с цензурой и т. д. Работа увеличилась в связи с тем, что один из основных

¹ «Звенья», вып. 8, М. 1950, стр. 548—551.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 434, 448, 452 и однажды ошибочно: «в Кабинетской улице» на стр. 431. Прежде (приблизительно до середины 1880-х гг.) дом числился под № 4. Дело в том, что весь участок принадлежал Владимирской церкви и по мере его постепенной застройки дробился. Дом (в 4 этажа) построен в половине 19 в., ср. ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. № 4998. Литография, воспроизведенная в «Литературном наследстве» (№ 49—50, М. 1946, стр. 621), относится к более раннему времени, когда дом еще не был выстроен.

³ «Звенья», вып. 8, М. 1950, стр. 548—551.

редакционных работников — Добролюбов — был тяжело болен и лечился за границей; надо было его заменять.

В политической жизни России в 1859 г. наступило то время, которое В. И. Ленин охарактеризовал краткой и точной формулой: «революционная ситуация».

К Чернышевскому сходились все нити революционной жизни страны: он поддерживал контакт с основным ядром «Земли и Воли», с кругом московских, казанских, польских и других революционных организаций, с офицерскими революционными группами Петербурга, с передовыми деятелями грузинской революционной мысли — Николадзе, Гогоберидзе и др. С Чернышевским связаны петербургские студенческие волнения в сентябре 1861 г. и весь «прокламационный», по выражению Шелгунова, период «Великорусса», «К молодому поколению», «Солдатам», «Молодой России», не исключая оставшейся, правда, нереализованной, прокламации самого Чернышевского — «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Можно поверить донесению агента, ведшего секретное наблюдение, что Чернышевский спит по 2—3 часа в сутки. Безмолвными свидетелями всей этой огромной работы и были комнаты дома Есауловой — штаба русской революции 1860-х годов.

В конце 1861 г. в доме Руадзе (ныне Невский проспект, № 15) Чернышевским и его друзьями был организован «Шахматный клуб» — насколько можно судить, замаскированный политический центр, место встреч и явок. В начале июня 1862 г. клуб был правительством закрыт. В этом же доме (теперь кинотеатр «Баррикада») 2 марта 1862 г. состоялся литературный вечер, где Чернышевский выступил с чтением воспоминаний о Добролюнове, а Некрасов прочитал «Белое покрывало» Морица Гартмана и еще какое-то (свое?) стихотворение.

Весной 1862 г. Чернышевского несколько раз посетил студент Петербургского университета, близкий к революционным кругам, впоследствии видный издатель и общественный деятель Л. Ф. Пантелеев. Чернышевский, по его словам, «всегда принимал в своем кабинете. То была небольшая комната во двор, крайне просто меблированная, заваленная книгами, корректурами и т. п.; втроем в ней не без труда можно было разместиться...»¹.

¹ Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминания прошлого, «Academia», 1934, стр. 539.

Приблизительно с конца октября 1861 г. III отделение установило за квартирой Чернышевского секретное наблюдение. Архивы царской жандармерии хранят свыше ста донесений непрерывно шпионивших за Чернышевским агентов.

Дело было поставлено широко: был подкуплен швейцар—тот самый, которого Чернышевский оплачивал; в его обязанность вменялось вести точный учет всех приходивших к Николаю Гавриловичу и узнавать фамилии неизвестных ему лиц. Старательный агент суммировал все эти данные и представлял по начальству соответствующую статистическую сводку—кто сколько раз бывал. Швейцар же задерживал на некоторое время письма, которые агент, укрывшись в его каморке, срочно подпечатывал и списывал. Жена швейцара была определена к Чернышевским в качестве кухарки и доставляла... черновики напечатанных в «Современнике» рецензий, брошенных в сорную корзинку. Были приняты меры для того, чтобы получить сведения от кучера, от денщика гостившего у Чернышевского двоюродного брата Ольги Сократовны—В. И. Рычкова и даже от рассыльного типографии, в которой печатался журнал. Впрочем, агент тоскливо замечает, что «сближение с типографией Вульфа чрезвычайно трудно».

В изложении сыщика все факты принимали значение революционных, и в его донесениях случайные мелочи перемешаны с некоторым количеством «полезных» для III отделения наблюдений. Потерю ключа, неурочный уход к умиравшему Добролюбову, поездку Ольги Сократовны в монастырское подворье и пр. агент интерпретирует как нечто весьма существенное. Тем не менее III отделение смогло составить список самых частых посетителей Чернышевского, зафиксировать приходивших к нему по приемным дням (среда с 11 до 3)² и т. д.

Основной круг посетителей квартиры в доме Есауловой составляли: Некрасов, М. А. Антонович, Г. З. Елисейев, В. С. Курочкин, А. Н. Пыпин, П. И. Боков, Г. Е. Благосветлов, А. П. Щапов, Н. И. Утин, И. П. Огрызко, А. А.

¹ См. А. А. Шилов, Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения, «Красный архив», 1926, № 1 (14), стр. 84—127; Б. П. Козьмин, Н. Г. Чернышевский и III отделение, там же, 1928, № 4, стр. 175—190; М. К. Лемке, Политические процессы в России в 1860-х гг., Изд. 2, Госиздат, М.—Пг. 1928, стр. 198—202.

² «Литературное наследство», № 25—26, М. 1936, стр. 357.

и Н. А. Серно-Соловьевичи, П. П. Пекарский, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, Г. Р. Городков, Д. Е. Қожанчиков, названные выше Н. Я. Николадзе, В. Л. Гогоберидзе и множество студентов и молодых офицеров. Часть их была связана, в той или иной степени, с нелегальной работой, часть составляла круг Ольги Сократовны.

Агентурные донесения в общем правильно отметили необычайную осторожность Чернышевского: он тщательно запирает свой кабинет, даже выходя в столовую, к обеду или чаю, сжигает (сам или с помощью свояченицы — Эрмионии Сократовны) какие-то бумаги, «у Чернышевского всегда секреты со всеми приходящими... они постоянно говорят шопотом, двери все заперты, при приходе кого-либо разговор прерывается».

Эта осторожность станет понятна, если учесть, что великолепно подготовленный к конспиративной работе профессионального революционера и очень наблюдательный Чернышевский не мог не заметить, что за ним идет слежка, что правительство жадно ищет материалов, которые позволили бы его арестовать. «Мне, как и всему литературному кругу, — писал Николай Гаврилович в показании сенату в 1863 г., — было известно, что политическая полиция имеет надзор за мною».

Отчаявшись получить в свои руки необходимые документы, полиция решила не затруднять себя и обойтись без них, а позднее сфабриковала фальшивки. Впрочем, в корпусе жандармов были откровенны: «юридических фактов к обвинению Чернышевского... в III отделении не имеется. Но он обвиняется...» и т. д.

Пожары в Петербурге в мае 1862 г. (возможно организованные полицией) позволили правительству провокационно взвалить вину на «студентов, поляков и революционеров» и, воспользовавшись этим, резко изменить курс внутренней политики. Были приостановлены «Современник» и «Русское слово», был усилен надзор за типографиями, воскресными школами, клубами, начались многочисленные аресты. Чернышевский был обречен.

Приостановка «Современника» на 8 месяцев изменила первоначальные планы Чернышевского: он неожиданно оказался свободным от ряда повседневных забот.

Семья в самом начале лета переехала на дачу в Павловск, но Чернышевский бывал там редко. 3 июля жена

и дети уехали в Саратов. Возможно, что, чувствуя собравшиеся над ним тучи и понимая реальную возможность ареста, Чернышевский сознательно отослал семью в Саратов, где она находилась бы среди родных и близких. (А. Н. Пылин в апреле 1862 г. уехал за границу, да и отношения его и всей семьи Пылиных с Ольгой Соколатовой сложились неблагоприятно). Сам Чернышевский предполагал вскоре тоже ехать туда (может быть, он рассчитывал на возможность избавиться в Саратове от непрерывной слежки?), но задержался — надо было ликвидировать некоторые дела, решить вопрос о квартире (она была оплачена по 1 сентября)¹ и т. д.

Его планам не суждено было осуществиться. Последнее наблюдение полицейского агента не лишено трагического комизма; он внимательно наблюдал... за действиями полиции и доносил начальству: «сегодня <7 июня> во 2 часу пришел к нему <Чернышевскому> подполковник П. С. Ракеев с надзирателем Мадьяновым, и только они вошли, от Чернышевского вышли доктор Бокков и Антонович»².

Поняв причину визита Ракеева³ (приземистого полицейского с «корявой рожей», как характеризует его в своих «Записках» М. И. Михайлов), Чернышевский поспешно прошел к себе в кабинет и, видимо, успел там уничтожить какой-то документ⁴.

Через 26 лет Антонович в письме к Чернышевскому вспоминал разгром этой комнаты: «в растерзанных, разбросанных остатках вашего злосчастного кабинета в доме Есауловой многое наверно погибло»⁵.

После обыска⁶ Чернышевский в полицейской карете

¹ «Звенья», Назв. выпуск, стр. 556.

² Ср. еще подробнее описание прихода Ракеева у Антоновича — «Арест Н. Г. Чернышевского», в кн.: «Шестидесятые годы». М. А. Антонович, Воспоминания... М.—Л. «Academia», 1933, стр. 125—133.

³ Этот самый Ракеев начал свою карьеру с того, что сопровождал в Святогорский монастырь гроб с телом Пушкина.

⁴ Названные воспоминания Антоновича, стр. 126.

⁵ Н. Г. Чернышевский, «Литературное наследство», т. III, М.—Л. 1930, стр. 601.

⁶ Позднее возник проект повального обыска в доме, в котором жил Чернышевский. Но даже обер-полицмейстер понял всю нелепость этого предложения, и этот план осуществлен не был. См. Т. А. Богданович, Любовь людей шестидесятых годов, Л., «Academia», 1929, стр. 182—183.

был отвезен в несуществующий ныне Алексеевский рavelин Петропавловской крепости: «покой» № 12 этого рavelина на 678 дней стал его последним жилищем в Петербурге. Он покидал его только в тюремной карете, под конвоем жандармов для выездов в сенат на допросы. Здесь же, в зале 1-го департамента, состоялся и «суд», точнее, отвратительная комедия суда, инсценированная на основании заведомо подложных документов¹.

В Алексеевском рavelине великий революционер продолжал свою героическую борьбу с царским самодержавием; здесь, в частности, было написано «Что делать?» — произведение, которое выражало «неодолимое ожидание революции и жажду ее»².

19 мая 1864 г. на Мытнинской площади³ холодным и туманным петербургским утром был совершен обряд гражданской казни. Мытнинская площадь, бывшая Зимняя Конная, находилась в Рождественской части, за нынешними 2, 3, 4 и 5 Советскими улицами, и примыкала к Мало-Охтенскому проспекту (теперь проспект Бакунина) и Мытному двору, в районе теперешних Мытнинской и Херсонской улиц. Часть площади занята сейчас садом имени Чернышевского на пересечении Проспекта Бакунина и Херсонской улицы.

Когда арестантская карета подъехала к эшафоту, толпа попыталась окружить Чернышевского, но была оттеснена полицией. Когда же «преступника» увозили обратно, в карету были брошены букеты цветов, раздались приветственные возгласы, все бросилось вслед за Чернышевским: «позорная церемония» превратилась в политическую демонстрацию, в выражение любви и сочувствия к учителю и другу.

20 мая Чернышевский был увезен на каторгу: в Петербург ему больше не суждено было возвратиться.

¹ Сейчас в здании б. Сената находится Ленинградское отделение центрального Государственного исторического архива.

² Запись Чернышевского в дневнике 20 января 1850 г. — формулировка его политических взглядов того времени. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 356—357. Ср. статью П. Е. Щеголева, «Страсть писателя» (Н. Г. Чернышевский) в его кн. «Алексеевский рavelин», «Федерация», М. 1929, стр. 29—52.

³ А. П. Червяков, Путеводитель по С.-Петербургу, СПб. 1865, стр. 15—16.



Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В своей «Автобиографии» Н. Г. Чернышевский называет себя «библиофагом», то есть пожирателем книг¹. Исследование его переписки, дневников, рукописей и отдельных документов убеждает нас в том, что это название совершенно справедливо. Книга играла огромную роль в жизни и творчестве Чернышевского. В детстве он зачитывается русскими и иностранными писателями в библиотеке своего отца, отмеченной в свое время историком Н. И. Костомаровым²; студентом — жадно поглощает капитальные издания университетской и Публичной библиотек, читает журналы и газеты, покупает книги у букинистов, а также ведет постоянный обмен книгами с товарищами³. Сделавшись женихом О. С. Васильевой, он дает ей читать «Современник» и дарит роман Диккенса «Давид Копперфильд» и стихотворения Кольцова в специально заказанном нарядном переплете, — это «первый подарок ей и первый подарок женщине»⁴. Свое писательское поприще Н. Г. Чернышевский начинает с библиографии, для чего он должен просматривать множество подчас мало интересных для себя изданий; вместе с тем, предпринимая такие обширные труды, как

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., Гослитиздат, т. I, М. 1939, стр. 632.

² В. Чешихин-Ветринский, Н. Г. Чернышевский, изд. «Колос», П. 1923, стр. 13.

³ Н. М. Чернышевская, Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М. 1953, стр. 19—70.

⁴ Запись Н. Г. Чернышевского в дневнике 8 марта 1853 г., Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 504.

«Лессинг», «Очерки Гоголевского периода» и др., Чернышевский предварительно знакомится с существующей литературой по интересующему его предмету, тщательно просматривает журналы прежних лет и составляет библиографические выписки: об этом свидетельствуют сохранившиеся в качестве приложений к рукописям справочные листы, исписанные его рукою.

Для составления «Заграничных известий», политических обзоров и «Заметок о журналах» в «Современнике» Чернышевский пользуется новейшими данными русской и иностранной журналистики. Немалое количество специальных исследований было положено им в основу его исторических статей и работ по крестьянскому вопросу.

Вообще вся многообразная литературная деятельность Чернышевского требовала от него огромной затраты сил и времени на знакомство с русской и иностранной литературой.

В крепости он читает запоем и в ссылку увозит чемодан с любимыми книгами, бережно уложенными туда его двоюродными братьями и сестрами¹. В течение всех 19 лет сибирской жизни книга является лучшим стражем его душевного равновесия. «Наука не в школах, — пишет он сыновьям из Сибири, — наука в книгах и в личном самостоятельном труде над приобретением знаний из книг и из жизни»². В последние годы жизни писатель продолжает живо интересоваться пополнением своей библиотеки: его письма к А. Н. Пыпину и И. И. Барышеву пестрят просьбами о присылке новых заграничных изданий. Последние выписываются для него, при содействии К. Т. Солдатенкова, через московского книгопродавца Дейбнера³. Авторы и издатели (В. А. Гольцев, В. И. Модестов, Л. Ф. Пантелеев, К. Т. Солдатенков и др.) присылают Н. Г. Чернышевскому свежие

¹ См. четыре собственноручных списка книг, составленных Н. Г. Чернышевским во время пребывания в Петропавловской крепости, Полн. собр. соч., т. XIV, М. 1949, стр. 488—489 и 839—840.

² Письмо к сыну Александру от 8 марта 1877 г., Полн. собр. соч., т. XV, М. 1950, стр. 14.

³ Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 830.

экземпляры своих изданий¹. Артист И. В. Липаев, посетивший Н. Г. Чернышевского в 1889 г., передает свои впечатления от встречи с писателем: «Мне показалось, что его кабинет и он сам — нечто целое и неразрывное... Книги были разложены по полкам сверху донизу. На стульях, на подоконниках, на письменном столе — все книги и книги. Получалось впечатление, будто бы вы очутились в библиотеке»².

Ввиду важности изучения библиотеки писателя-революционера для выявления различных сторон его жизни, личности и деятельности, очередным вопросом в научно-исследовательской работе о Н. Г. Чернышевском становится создание полного библиографического перечня литературы, прошедшей через его руки в течение всей его жизни. Составление такого указателя, в основу которого будут положены печатные и архивные источники, входит в план исследовательской работы Дома-музея Н. Г. Чернышевского³. Настоящее описание преследует более скромные цели: ознакомить научного работника с личной библиотекой Чернышевского, дошедшей до нас, хранившейся и сохраняющейся на родине великого революционера. Эта библиотека весьма незначительна по объему и составляет ничтожную крупицу всего прочитанного Чернышевским.

Нам представляется не случайным этот факт скудости библиотечного наследия писателя революционера-разночинца. С одной стороны, он был лишен возможности собирать и хранить книгу, будучи всегда под угрозой ареста и ссылки и связанных с ними перемен местожительства и образа жизни; с другой стороны, в самой психологической сущности разночинца-просветителя и революционного демократа, каким был Чернышевский, кроется отсутствие библиофильства, т. е. аристократического подхода к книге как к раритету, который следует вечно хранить в своей библиотеке, оберегая от недостойных глаз и рук «толпы». Чернышевский подходил к книге как к товарищу в работе и обращался с нею свободно: об этом говорят стеариновые и чернильные пятна, загнутые

¹ Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М. 1953, стр. 531, 542, 559, 560, 562, 587.

² И. Липаев, Вечер радости, Астрахань, 1920, стр. 3—10.

³ Подготовительная работа к нему начата в кн.: Н. М. Чернышевская «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», Гослитиздат, М. 1953.

углы, потрепанные листы и, наконец, многочисленные отметки на полях его книг. Чернышевский видел в книге могучее орудие распространения знания в широких массах и, не жалея, раздавал свои книги в общественные библиотеки и отдельным лицам.

Саратовская библиотека отца писателя, которую пользовался Николай Гаврилович в юности, сгорела в 1866 г. Еще ранее, в 1862 г., в Петербурге, предчувствуя близкий арест, Чернышевский спешно распродал «толкучникам» свое богатое книжное собрание¹. В ссылке, незадолго до отъезда из Сибири, он выслал 2 ящика журналов якутскому прокурору Д. И. Меликову для передачи их в библиотеку политических и государственных ссыльных². Оставленные же по отъезде, в Вилюйске, книги Чернышевский просил передать политическому ссыльному Н. В. Иордану³. В последние годы жизни, в 1887—1888 гг., Чернышевским был подарен «большой короб» журналов саратовскому литератору Н. Ф. Хованскому⁴ и пожертвованы книги и журналы в организовавшуюся в Астрахани педагогами бесплатную народную библиотеку⁵. Все эти книги не разысканы.

Некоторые из книг Чернышевского заведомо пропали. Таковы II томов перевода «Всеобщей истории» Вебера с автографом Николая Гавриловича, перевод книги Шрадера «Сравнительное языкознание» и перевод «Политической экономии» Милля с примечаниями Чернышевского на французском языке, сделанный А. Тверитиновым и хранящийся на полях заметки Чернышевского⁶. Эти книги

¹ Чернышевский в донесениях агентов III отделения, «Красный архив», 1926, т. XIV, стр. 122.

² Меликов Д., Три дня с Чернышевским, «Красный Север», Якутск, 1921, № 2, стр. 33.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 605.

⁴ Лебедев А. А., Н. Г. Чернышевский в 1886—1889 годах (По воспоминаниям Н. Ф. Хованского), «Ист. вестник», 1910, № 4, стр. 195.

⁵ Скориков Н. Ф., По поводу воспоминаний о Н. Г. Чернышевском, «Ист. вестник», 1905, № 7, стр. 127.

⁶ Перевод Милля на французском языке был привезен Н. Г. Чернышевскому артистом М. И. Писаревым 11 июня 1884 г. См. «Русская старина», 1905, II, стр. 474—475; А. Тверитинов, Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому... СПб. 1906, стр. 98—99; записная книжка О. С. Чернышевской — Центральный Гос. Литературный архив литературы и искусства, ф. I, оп. 2, ед. хр. 622. л. 47.

хранились у секретаря писателя К. М. Федорова, затем у его родственников в Ташкенте и в 1928 г. оказались расхищенными. (Личное заявление К. М. Федорова автору этих строк 12 декабря 1928 г.)

После смерти писателя сын его, Михаил Николаевич, пожертвовал книги отца, оставшиеся у него в доме, в Саратовскую городскую публичную библиотеку, которая в 1925 г., по возбужденному Домом-музеем ходатайству, возвратила их Дому-музею. По возвращении книг обнаружилось, что за время хранения их в библиотеке, еще в дореволюционный период, большинство их было отдано в переплет, причем во многих случаях поля книги были настолько обрезаны переплетчиком, что оказались срезанными наполовину и пометы Н. Г. Чернышевского, как, например, во «Всеобщей истории» Г. Вебера. Остальные издания хранились у А. Н. Пыпина и у М. Н. Чернышевского до 1908 г., т. е. до передачи их в уголок Чернышевского в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук, откуда они были переданы Дому-музею в 1920 г. Из отдельных поступлений отметим книги: *Buckle* «History of civilization in England» (получено А. Н. Пыпиным от И. И. Петрункевича в 1890 г.), *Eliot* «Romola» (получено М. Н. Чернышевским от В. В. Водовозова в 1909 г.), *Lagrange* «Traité de la résolution des équations numériques» и *П. А. Бибиков* «О литературной деятельности Н. А. Добролюбова» (получены Домом-музеем в 1927 г. от Веры Александровны Пыпиной из архива ее отца, А. Н. Пыпина, находившегося на хранении в Академии Наук СССР).

Этим собранием не ограничивается фонд Дома-музея. В 1925 г. Саратовская публичная библиотека передала ему не все издания, принадлежавшие Н. Г. Чернышевскому.

У М. Н. Чернышевского в списке книг, принадлежавших Н. Г. Чернышевскому и переданных в конце 1894 г. в Саратовскую публичную библиотеку, помечены еще следующие книги: *Malthus* «Essai sur le principe de population»; *Bastiat Fr.* «Oeuvres complètes», т. III; *Hettner* — всего 6 томов (получено 5) и *Röhne L.* „Das Staats — Recht der Preussischen Monarchie» 1 т., а также периодические издания: «Le nouveau Monde», journal rédigé par L. Blans, № 11 (15 Mai, 1850); «The Edinburgh Review», 1857—1859, № 215, 217, 219, 221, 224, 225; «Unsere Zeit», 1888, 2 № и 1889 № 1—10; «Historische

Zeitschrift», 1889, № 1—6. Эти книги и журналы так и не были получены Домом-музеем из Саратовской Областной библиотеки. Выяснилось, что они были утрачены еще до революции, и в первоначальном каталоге библиотеки, изданном в 1912 году, они не числятся. Судьба их неизвестна¹.

В основу нашего описания библиотеки Н. Г. Чернышевского положен хронологический принцип. В соответствии с этим в работе насчитывается шесть отделов: I— Ранние годы в Саратове (1839). II— Студенческий период (1846—1850). III— Шестидесятые годы. IV— Годы заключения в Петропавловской крепости (1862—1864). V— В вилюйской ссылке (1871—1883). VI— Последние годы жизни (1883—1889).

Большая часть описываемой библиотеки Н. Г. Чернышевского состоит из книг, принадлежавших писателю в период его сотрудничества в «Современнике» (60-е годы), посылавшихся ему в Петропавловскую крепость во время его заключения (1862—1864) и служивших ему в Астрахани по возвращении из ссылки (1883—1889). Со всем незначительный процент составляют издания, принадлежавшие Чернышевскому в детские годы в Саратове (1839), в студенческие годы в Петербурге (1846—1848) и в период сибирской ссылки (1864—1883). Всего описано 56 названий.

Из книг Чернышевского, относящихся к раннему периоду его жизни, до нас дошла только книга Корнелия Непота «Жизнеописание великих полководцев» на французском языке, изданная в 1818 году в Авиньоне. Судя по дате дарственной надписи, этой книжкой представлен период домашних занятий мальчика Чернышевского под руководством отца по прохождению курса Саратовского духовного училища. Как известно, он был только записан в училище, но учился дома до поступления в семинарию в 1842 году.

В годы преподавания Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии у него была интересная личная библиотека. По воспоминаниям Е. А. Белова, настольной

¹ После отпечатания этой работы музею переданы шесть томов «Эдинбургского обозрения» за 1857—1860 гг. Они не могли быть нами описаны.

² Сб. «Н. Г. Чернышевский в Саратове», Воспоминания современников, Саратов, 1939, стр. 63.

книгой молодого учителя был Фейербах²; в класс он приносил с собой сочинения классиков русской литературы, начиная с 18 века и кончая последними изданиями Гоголя, Пушкина и Жуковского¹. Большой интерес в это время проявлял Чернышевский к славянской филологии и к памятникам древней русской письменности, имея в виду создание магистерской диссертации на тему о падежах в Ипатьевской летописи². В эти годы не прерывалась связь Чернышевского как одного из выдающихся учеников проф. И. И. Срезневского со своим руководителем. Последний прилагал усилия к тому, чтобы вырвать молодого ученого из провинциального захолустья. Срезневский нашел ему должность во 2-м кадетском корпусе в Петербурге, куда вскоре Н. Г. Чернышевский и переехал³. Иллюстрацией к этим тесным научным взаимоотношениям является уцелевшая книга И. И. Срезневского «Исследования о языческом богослужении древних славян» (СПб. 1848). Выход этой книги в свет относился еще к студенческим годам Н. Г. Чернышевского, когда он занимался у И. И. Срезневского. Но надпись Н. Г. Чернышевского о принадлежности ему этой книги была сделана в 1851 году, по-видимому, в Петербурге перед самым отъездом в Саратов. Из других книг Н. Г. Чернышевского этих лет до нас дошло только исследование А. Соколова о Краледворской рукописи (СПб. 1846).

От периода сотрудничества Н. Г. Чернышевского в «Современнике» сохранилось всего 16 названий из принадлежавшего ему богатейшего книжного собрания. Их можно систематизировать следующим образом: Первое место занимают две энциклопедии, обе на французском языке. Одна из них — «Annuaire de l'économie politique et de la statistique» pour 1854», изданная в Париже Жозефом Гарнье и Гильоменом за тот год, тесно связана с политико-экономическими и статистическими разделами деятельности Н. Г. Чернышевского; другая «Encyclopédie

¹ Белов Е. А., 1852—1853 академический год. Мое совместное служение с Николаем Гавриловичем Чернышевским в саратовской гимназии, сб. «Н. Г. Чернышевский в Саратове», Воспоминания современников, Саратов, 1939, стр. 52 и 66.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 219—220.

³ Письмо А. Н. Пыпина к родителям от 17 июля 1852 г. Центральный Гос. Архив литературы и искусства (Москва), ф. 395, оп. 1, ед. хр. 85, л. 13.

Модерне», вышедшая тоже в Париже в пятнадцати томах за 1854—1857 гг., служила ему общим научным справочником. Известно, какое огромное значение придавал Н. Г. Чернышевский всестороннему самообразованию людей, представляя сам в своей деятельности тип ученого-энциклопедиста. И в детстве, и в студенческие годы Н. Г. Чернышевский не расставался с разного рода энциклопедиями. Изучение их привело его, наконец, к замыслу — самому написать переделку энциклопедического словаря Брокгауза для русских читателей.

Из книг, относящихся к периоду деятельности Н. Г. Чернышевского как литературного критика, сохранилось очень и очень немногое: Пушкин, Некрасов, Добролюбов, Огарев, Лессинг. Из четырех томов сочинений Пушкина в издании П. В. Анненкова, над которыми работал Н. Г. Чернышевский в 1855 г., уцелел лишь один том. Сборник стихотворений Н. А. Некрасова 1856 г. — книга, на шумевшая в литературных кругах 60-х годов, как первый крик революционно-демократического протеста, сразу же задушенный цензурой, сохранялся в семье Н. Г. Чернышевского и служил его сыну в годы гимназического учения. Том сочинений Лессинга является далеко не исчерпывающим источником работы Н. Г. Чернышевского о великом немецком просветителе. Оттиск статьи Лайбова (Добролюбова) «Собеседник любителей русского слова» дополнен в библиотеке Н. Г. Чернышевского лишь книгой П. А. Бибикова «О литературной деятельности Н. А. Добролюбова», вышедшей из демократических кругов в 1862 г., в момент, когда либеральная и реакционная пресса подняла травлю над могилой безвременно скончавшегося критика. Том стихотворений Н. П. Огарева представляет собой не то издание, на которое была написана Н. Г. Чернышевским его известная рецензия, опубликованная в девятой книжке «Современника» за 1856 г., а второе издание той же книги, вышедшее в 1859 г.

О славяноведческих интересах Н. Г. Чернышевского, нашедших богатое отражение в его научных и публицистических работах, напоминает в его личной библиотеке лишь одна книга П. Билярского «Судьбы церковного языка. I. О Средне-болгарском вокализме».

Особую группу изданий, сохранившихся в личной библиотеке Н. Г. Чернышевского 60-х годов, составляют зарубежные труды по политической экономии, которыми

пользовался великий русский революционный демократ в своей знаменитой работе над переводом «Оснований политической экономии» Дж. Ст. Милля» и над составлением к нему примечаний, ознакомившись с которыми, К. Маркс назвал Чернышевского «великим русским ученым и критиком»¹. Сюда относится прежде всего экземпляр двухтомника «Оснований политической экономии» Милля на английском языке, сочинение А. Смита «О богатстве народов» на французском языке и разрозненное собрание сочинений Ф. Бастиа (Парижское издание 1854—1855 гг.). Эти три имени играют виднейшую роль в трудах Н. Г. Чернышевского по политической экономии.

Исторические сочинения в библиотеке Н. Г. Чернышевского 60-х гг. занимали большое место, как видно из его переписки и богатого литературного наследия. Однако из этого обширного собрания до нас дошло только четыре названия. Это — разрозненная «История десяти лет» Луи Блана на французском языке (Париж, 1848—49); два тома «Всемирной истории» Ф. К. Шлоссера, вышедшие в переводе с немецкого языка под редакцией Н. Г. Чернышевского в 1861 г. в Петербурге; два тома книги Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (1861) на английском языке и два тома немецкого издания Р. Гнейста «Современное английское авторское и административное право».

В период заключения в Петропавловской крепости Н. Г. Чернышевским была развернута огромная литературная деятельность самого разнообразного характера. Обширные романы «Что делать?», «Алферьев», «Повести в повести» чередовались с переводами из Беранже, Нейманна, Кинглека, Руссо, Сен-Симона и др.; упражнения в математике сменялись чтением русских поэтов, попутно набрасывались вычисления, относящиеся к попыткам изобретения машины вечного движения. Мысли и раздумья о родном городе выливались в автобиографические записи... Список книг, посылавшихся родными по просьбе Н. Г. Чернышевского в Алексеевский рavelин, огромен. Не все они еще собраны от потомков А. Н. Пыпина, скончавшихся после Отечественной войны 1941—1945 гг. В музейной библиотеке насчитывается всего семь названий: на французском языке — двухтомник Паскаля, двух-

¹ См. послесловие ко второму изданию первого тома «Капитала» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 13).

томник Дидро, «Хлопок» Л. Рейбо, разрозненная «Библиотека мемуаров» XVIII века, «Опыт решения численных уравнений» Ж. Лагранжа; на немецком — дефектный экземпляр «Истории Соединенных Штатов» К. Нейманна; на латинском — два тома Овидия; на английском — жалкие остатки тома Диккенса «Картины Италии».

От периода двадцатилетней ссылки Н. Г. Чернышевского до нас дошла только одна книжка — Дж. Элиот «Ромола» на английском языке. В списках книг вилюйского узника, составлявшихся в полицейском управлении, она не числится¹. Сомневаться в принадлежности Н. Г. Чернышевскому этой книги не приходится, столько в ней самой документальных подтверждений: и пометы А. Н. Пыпина, и заметки самого Чернышевского на полях.

По приезде из ссылки в Астрахань Н. Г. Чернышевский сначала занимался мало интересовавшими его переводами книг Шрадера, Спенсера и Карпентера, на которые он смотрел просто как на источник существования. Но основные его помыслы были направлены на создание капитальных трудов: многотомной всеобщей истории и энциклопедического словаря. Сознывая, что в условиях царской цензуры такие труды не могли появиться в свет под его именем, Чернышевский думал использовать сочинения других авторов, чтобы изложить в их контексте свои философские, исторические и экономические воззрения революционно-демократического содержания². Такими многотомными изданиями явились для него «Всеобщая история» Г. Вебера и Энциклопедический лексикон Брокгауза. Оба эти издания хранятся в личной библиотеке писателя в настоящее время. Вокруг них группируется литература, выписанная Н. Г. Чернышевским из Москвы как предполагаемые пособия для задуманной работы. Получив от К. Т. Солдатенкова разрешение на переработку Вебера для 2-го издания, Н. Г. Чернышевский обратился к его помощнику И. И. Барышеву с просьбой о присылке ряда иностранных изданий и об организации личной переписки Н. Г. Чернышевского с иностранными книгопродавческими фирмами. Просьба писателя была удовлетворена. От И. И. Барышева и книготорговца Дейб-

¹ «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М. 1953, стр. 396, 400—401, 405—406, 507—509.

² Письмо Н. Г. Чернышевского к К. Т. Солдатенкову от 8 декабря 1888 г., Полн. собр. соч., т. XV, стр. 769.

нера Н. Г. Чернышевским были получены последние издания по истории зарубежных стран. Так, была прислана 5-томная «История литературы 18 столетия» Геттнера; исследование Авенеля о кардинале Ришелье, две книги Шерюэля по истории Франции; больше всего интересовался Чернышевский историей Англии: он выписал сочинения Гардинера, Лекки, Мэгона, Маколея, две грамматики английского языка. Из сочинений общего характера внимание Чернышевского привлекли книги Г. Бернхарди «Политическая история новейшего времени» и Г. Кольба «История человеческой культуры». Все эти издания сохранились и дошли до нас. Некоторые из них остались неиспользованными, так как работа над Брокгаузом не осуществилась, а переработка Вебера прервалась в самом начале.

Ценным памятником этого периода является экземпляр диссертации Н. Г. Чернышевского, изданный А. Н. Пыпиным без имени автора в 1865 г., когда Н. Г. Чернышевский находился в ссылке. По возвращении в Астрахань Н. Г. Чернышевский намеревался подготовить 3-е издание своей диссертации и для этого проработал издание 1865 года, вложив в книгу листки своих поправок и вставок. Однако этому изданию невозможно было осуществиться в 1888 г. в обстановке гонений и преследований литературы, защищавшей материалистические позиции в философии. Третье издание диссертации увидело свет лишь в 1906 г., в полном собрании сочинений, подготовленном М. Н. Чернышевским. Рабочий экземпляр 1865 г. сохранился в личной библиотеке великого революционного демократа.

Не менее ценным памятником личной библиотеки Н. Г. Чернышевского следует считать четырехтомник стихотворений Н. А. Некрасова (изд. 1879 г.), над которым Н. Г. Чернышевский работал после ссылки, когда писал свои воспоминания и заметки о 60-х годах. В виду особой ценности этого рабочего экземпляра, он описан с исчерпывающей полнотой, включая все пометы Н. Г. Чернышевского на полях.

Заслуживает внимания также «Алфавитный указатель к «Современнику» за 1847—1856 гг., т. е. за первое десятилетие существования некрасовского журнала. Этот справочник послужил для Н. Г. Чернышевского необходимым пособием, когда писатель задумывал подготовку

собрания своих сочинений для нового издания и составлял список своих статей¹.

Из книг последнего периода жизни Н. Г. Чернышевского, хранящихся в фондах его Дома-музея, назовем также подарок В. Г. Короленко — «Слепой музыкант». Эта книга была получена Н. Г. Чернышевским при их встрече в августе 1889 г. в Саратове, о чем гласит дарственная надпись. В опубликованных воспоминаниях В. Г. Короленко о Н. Г. Чернышевском этот факт не упомянут.

С первого взгляда может показаться странным, что в личной библиотеке 80-х годов у Н. Г. Чернышевского — цельного материалиста и убежденного атеиста — находилась Библия. Но при внимательном изучении литературного наследства великого демократа этому удивляться не приходится. Не раз в 50—60-х годах Н. Г. Чернышевский останавливался на творчестве пророка Исаии как замечательного поэта еврейского народа, внесшего вклад в историю мировой поэзии². Много раз Н. Г. Чернышевским были использованы библейские изречения для передачи наиболее заостренных в политическом отношении тезисов своих статей в «Современнике» 60-х гг. В последние годы жизни Чернышевского книга служила переводчику тех глав «Всеобщей истории» Вебера, которые были посвящены еврейскому народу, как энциклопедия его философии, истории и литературы.

Каждая книга личной библиотеки Н. Г. Чернышевского, вошедшая в данное описание, была просмотрена и изучена *de visu* в фондах Гос. Дома-музея Н. Г. Чернышевского, где эти книги хранились до 1941 г. В 1941 г. несколько книг с автографами были переданы Домом-музеем в ЦГЛА (Центральный Государственный Литературный архив), ныне — ЦГАЛИ. Их перечень опубликован в описи, изданной ЦГАЛИ в 1955 г.³ В нашем опи-

¹ Полн. собр. соч., т. XVI, 1953, стр. 643—644.

² См. первоначальную редакцию рецензии на «Собрание поэтов... д-ра Нейкирха, Киев, 1853» (Полн. собр. соч., т. XVI, М. 1953, стр. 397).

³ Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889). Опись документальных материалов фонда личного происхождения № 1. (Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР). Под ред. Б. П. Козьмина, М. 1955, стр. 80—81.

сании эти книги зарегистрированы с указанием на фонд ЦГАЛИ, под соответствующим номером этой описи.

В основу описания данного произведения печати положены сведения, имеющиеся на титульном листе. Библиографическая запись состоит из 3 частей: 1) *Описание в тесном смысле слова*: авторский заголовок, заглавие, место издания, наименование издателя и типографии, выходная дата; 2) *Количественная характеристика*: число страниц, формат (в сантиметрах), серия или надзаголовок, цена. Тираж не указывается за отсутствием данных; 3) *Примечания*, в которых сообщаются сведения об индивидуальных особенностях данной книги: а) внешний вид книги: наличие переплета, подержанность, дефекты; б) пометы разных лиц на книге, устанавливающие ее принадлежность Н. Г. Чернышевскому; в) данные о времени принадлежности книги писателю; г) общая характеристика отметок Н. Г. Чернышевского в тексте и на полях книги; д) наличие неразрезанных страниц в книге, характеризующих отношение к ней писателя.

Данные о принадлежности книг Н. Г. Чернышевскому приводятся на основании следующих источников: 1. Собственноручные списки книг, находившихся у Н. Г. Чернышевского в крепости (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 489 и 840). 2. Переписка Н. Г. Чернышевского (Полн. собр. соч., тт. XIV—XV, 1949—1950). 3. Список книг, принадлежавших Н. Г. Чернышевскому до 1862 г., посылавшихся ему в крепость в 1862—1864 гг. и принадлежавших ему в 1883—1889 гг., переданных в 1894 г. в Саратовскую публичную библиотеку. Сост. М. Н. Чернышевским (Автограф. Фонд Дома-музея). 4. Опись книг Н. Г. Чернышевского, передаваемых на хранение в Библиотеку Рукописного отделения Академии Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским (Автограф. Фонд Дома-музея, ед. хр. № 592). 5. Надписи М. Н. Чернышевского, А. Н. Пыпина и других лиц на самой книге.

В примечаниях даны также фактические сведения о работе Н. Г. Чернышевского над данной книгой, о его оценке данного писателя или издателя, его отзывы, опубликованные в полном собрании сочинений (тт. I—XVI, 1939—1953).

В цитатах, приводимых в примечаниях, слова, при-

надлежащие составителю описания, поставлены в прямые скобки.

В основу описания многотомных изданий положены данные титульного листа первого тома. Количественная характеристика каждого тома дается в спецификациях. В случае отсутствия титульного листа в первом томе, описание делалось по титульному листу второго тома (Weber, Mill). Если не удавалось установить последовательной нумерации томов или тома не были обозначены на книге, номера томов ставились в прямые скобки. Если все тома, за исключением одного, вышли в одном и том же году, в спецификациях это не отмечалось, а в основном описании номер этого тома и его выходная дата ставились в прямые скобки после общего указателя даты (см., например, обозначение: «[Т. V' 80]» в описании книги Бернхарди).

Сведения, взятые не с титульного листа, заключались также в прямые скобки, за исключением типографии и цены. Надзаголовки и серия стоят в круглых скобках, если скопированы с титульного листа, в прямых — если с обложки.

Иностранные издания описаны на соответствующем иностранном языке. Фамилия автора, название книги или статьи и место издания даются в переводе на русский язык. Старая орфография заменена новой, и готический шрифт — латинским.

Основное описание дается без сокращений отдельных слов. Сокращения введены лишь в количественную характеристику.

После библиографического описания указывается библиотечный шифр книги, хранящейся в основном фонде Государственного Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове (ОФ Дома-музея, ед. хр...) и дается архивная ссылка на Опись фонда Н. Г. Чернышевского, изданную в 1955 г. Центральным Государственным архивом Литературы и Искусства (Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 80—81, №...).

К каталогу приложены:

- 1) Алфавитный указатель книг русских и иностранных;
- 2) Указатель личных имен.

Первоначальная помощь в работе составителю была

оказана покойным библиографом проф. А. Г. Фоминым в 1931—1934 гг.

В декабре 1955 года «Описание библиотеки Н. Г. Чернышевского» было вынесено на обсуждение в семинаре Научной библиотеки Саратовского государственного университета. За критические замечания и методические указания выражаю товарищескую благодарность А. Н. Грозевской, М. Л. Маршалл и П. А. Супоницкой.

I. РАННИЕ ГОДЫ В САРАТОВЕ (1839)

1. **Cornelius Nepos.** Vie des grands capitaines de Cornelius Nepos. (Жизнеописание великих полководцев Корнелия Непота. Авиньон). Traduites littéralement en Français. Avec des notes et une table géographique, pour l'intelligence de l'ouvrage, à l'usage des Enfants et des Jeunes gens. Par M. l'abbé Paul, ancien Professeur d'Eloquence. Nouvelle édition. A Avignon. Chez Fr. Chambeau, imprimeur—libraire. 1818. XII + 358 + [2] p. (17×10).

В переплете с кожаным корешком и углами. На корешке: «Карнелий». С автографом: «Любезнейшему Николаю Гавриловичу Чернышевскому в знак душевного расположения и приязни. Срет[енской] церкви протоиерей Иоанн Крылов. 24 октяб[ря] 1839 го[да]. Саратов».

Книга числится в описи книг, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 4). (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/66).

Изучением Корнелия Непота в подлиннике Н. Г. Чернышевский занимался в 1840—1841 гг., о чем свидетельствуют три его ученические тетради, заключающие в себе «Перевод Корнелия Непота о жизни славнейших полководцев, посвященного Титу Помпонию Аттику, с латинского языка на русский». (Каталог рукописей Н. Г. Чернышевского, хранящихся в архиве Дома-музея его имени в Саратове (1835—1853 гг.), стр. 364, №№ 20/711, 21/717 и 22/713. В кн. «Н. Г. «Чернышевский», Дневник, ч. II, М. 1932; См. также «Чернышевский Николай Гаврилович». Опись документальных материалов фонда личного происхожде-

ния, № 1 (Центральный Государственный Архив литературы и искусства, М. 1955, стр. 49, № 284).

О переводе Корнелия Непота для начинающих изучать латинский язык упоминается в романе «Что делать?» (Полн. собр. соч., 1939, т. XI, стр. 263 и 574). Отголоски работы над переводами этой книги по школьной программе имеются в рецензии-пародии Н. Г. Чернышевского «Битва русских с турками или ужасы Балканских пещер и Таинственная Мусульманка... М. 1854» (Полн. собр. соч., т. XVI, 1953, стр. 294).

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПЕРИОД (1846—1850)

2. **Соколов А.** Краледворская рукопись и Суд Любуши. А. Соколова. Казань. В типографии императорского Казанского Университета, 1846. 224 + [2] стр. (23×15). [Перепечатано из 4-й книжки на 1845 год и из 1-й книжки на 1846 год Ученых Записок].

В переплете.

На первом чистом листе после переплетной крышки написано чернилами рукою Н. Г. Чернышевского: «Н. Чернышевский. Петербург. 1851».

В тексте и на полях книги черными и красными карандашами и чернилами нанесены пометы Н. Г. Чернышевского (отчеркнутые, подчеркнутые и перечеркнутые места, выписки, дополнения): на стр. 28—32 («Ольдрих и Ярмир»), 34—39 («Бенеш Германович»), 40, 42, 58 («Ярослав»), 64, 66—68, 70, 72, 74, 76, 78, 80, 82, 84 («Честмир и Власлав»), 96, 100, 102, 104, 106, 108, 110, 116 («Забой, Славой и Людек»), 141 («Роза»), 142 («Кукушка»), 154, 156, 162 («Суд Любуши»), 169—204 (Словарь).

Книга числится в описи книг, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским. (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 4). (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 81, № 592*).

В студенческом дневнике Н. Г. Чернышевского есть упоминание, что на экзамене у профессора Срезневского ему достался «прекрасный билет» по чешской литературе о Любуше и Краледворской рукописи

(Запись от 10 мая 1849 г., Полн. собр. соч., т. I, М. 1939, стр. 277). Следы работы над книгой А. Соколова и эта дневниковая запись свидетельствуют о том, что книга принадлежала Чернышевскому именно в 1849 г., а не в 1851 г., как гласит его собственноручная надпись. Впоследствии Н. Г. Чернышевский использует в юмористическом тоне имена чешских вождей Забоя и Славоя, воспетых в этом поддельном памятнике древнечешской литературы, когда пишет Н. А. Добролюбову о своей поездке в Москву в 1861 г. для участия в совещании петербургских и московских литераторов по вопросу о смягчении цензуры (Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 424—426).

3. **Срезневский И. И.** Исследования о языческом богослужении древних славян И. Срезневского. Санкт-Петербург. В типографии К. Жернакова. 1848. [2] + 96 стр. (24×16).

В переплете.

На первом чистом листе после переплетной крышки помета Н. Г. Чернышевского чернилами: «Н. Чернышевский. — Петербург. 1851».

Книга числится в описи книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским. (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 4). (ОФ. Дома-музея, ед. хр. № 609/21).

В студенческом дневнике Н. Г. Чернышевского под 1 октября 1848 г. помещена запись о составлении перевода для профессора Фрейтага «Из книги Срезневского о гаданиях» (Полн. собр. соч., т. I, стр. 137). В это время Чернышевский усиленно занимался изучением славянской филологии и историей славянских древностей у И. И. Срезневского, описывал для последнего славянские рукописи в Публичной библиотеке и Румянцевском музее, составлял записки лекций Срезневского и справочные работы по старославянскому языку. Это дает нам основание отнести книгу Срезневского, вышедшую в 1848 г., к студенческому периоду жизни Н. Г. Чернышевского, несмотря на надпись, свидетельствующую о принадлежности книги Н. Г. Чернышевскому в 1851 г., т. е. по окончании университета.

ГОДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В «СОВРЕМЕННОМ»
(1854—1862)

4. **Бибиков П. А.** О литературной деятельности Н. А. Добролюбова, П. А. Бибикова. Издание Н. Серно-Соловьевича, Санкт-Петербург. В типографии Иосафата Огриско, 1862. 2 нум. + 110 стр., ц. 50 к. (24 × 17).
В переплете.

На обложке надпись: «Николаю Гавриловичу Чернышевскому», принадлежащая, по указанию В. А. Пыпиной, Н. А. Серно-Соловьевичу (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/137*).

Бибиков Петр Андреевич (1832—1885) — сотрудник «Современника», публицист и переводчик, близкий к революционно-демократическим кругам, выступил своей книгой в защиту Н. А. Добролюбова, когда реакционная печать подняла травлю после смерти критика. 1865 г. П. А. Бибиков выступал с разоблачением реакционных выпадов цензора Пржецлавского против романа «Что делать?» в своей книге «Критические этюды» (СПб. 1865 г., стр. 158—180).

Личное знакомство Н. Г. Чернышевского с Бибиковым подтверждается свидетельством Л. Ф. Пантелеева об их присутствии на вечерах у Л. Н. Тиблена («Из воспоминаний прошлого», М.—Л. 1934, стр. 191—192).

5. **Билярский П.** Судьбы церковного языка. Историко-филологические исследования П. Билярского. I. О среднеболгарском вокализме, по патриаршему списку Летописи Манассия. Издание второе, пересмотренное и дополненное. Санкт-Петербург. В типографии императорской Академии Наук, 1858, 143 + [1] + IV стр. (22 × 15).

С автографом на обложке: «Достопочтенному деятелю современного образования Николаю Гавриловичу Чернышевскому от автора».

Книга числится в описи книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 4). (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/2*).

Билярский Петр Спиридонович (1819—1867), чиновник Академии Наук, впоследствии профессор славянской филологии в Одессе, был лично знаком с

Н. Г. Чернышевским еще в 1849—1850 гг., когда они встречались у Введенского и принимали участие в обсуждении процесса петрашевцев (Дневник Чернышевского, записи от 28 декабря 1849 г. и 10 мая 1850 г., Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 346—347 и 371).

6. **Лайбов.** Собеседник любителей русского слова. Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784. Статья первая. — Библиографические заметки. Статья вторая и последняя. — Библиографические заметки [1856]. (22 × 15).

Отд. оттиск из журн. «Современник». 1856, LVIII, кн. VIII, отд. II, стр. 33—84 (ст. первая) и т. LIX, кн. IX, отд. II, стр. 23—66 (ст. вторая).

Обе статьи сброшированы в одной обложке из синей оберточной бумаги. С автографом на обороте обложки: «Николаю Гавриловичу Чернышевскому. Глубоко уважающий Н. Добролюбов».

Книга числится в описи книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 4). (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/3).

Лайбов — псевдоним Н. А. Добролюбова.

Дарственная надпись не имеет даты. Ее можно уточнить, исходя из того, что восьмая книжка «Современника» за 1856 г. вышла 11 августа, а девятая — 11 сентября (С. А. Рейсер, *Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова*, М. 1953, стр. 132 и 134). По-видимому, после 11 сентября оттиски статей были сброшированы и подарены Н. Г. Чернышевскому. (Здесь мы расходимся с С. А. Рейсером, указывающим в «Летописи», что статья была подарена после 11 августа).

7. **Некрасов Н. А.** Стихотворения Н. Некрасова. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва. В типографии Александра Семена, 1856, XVI+206+III стр. (21×13).

В переплете.

На обратной стороне переплета помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского (до 1862)».

В тексте книги пометы М. Н. Чернышевского.

Книга числится в описи книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост.

М. Н. Чернышевским (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 4).
(ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/1).

Книга Некрасова вышла в свет 19 октября 1856 г. Она начинается стихотворением «Поэт и гражданин». 5 ноября 1856 г. Н. Г. Чернышевский писал Некрасову: «Теперь Вы дали нам книгу, какой не бывало еще в русской литературе...» (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 329). Н. Г. Чернышевский собирался поместить критическую статью в «Библиотеке для чтения», но Дружинин предупредил, что уже сам написал статью об этой книге. В результате статья не была написана ни Чернышевским, ни Дружининым. Н. Г. Чернышевский перепечатал оттуда в № 11 «Современника» 1856 г. ряд стихотворений: «Поэт и гражданин», «Забывтая деревня», «Из путевых записок графа Гаранского» и др. Подбор этих стихотворений обратил на себя внимание цензуры и вызвал преследования как самой книги, так и «Современника». В течение 4 лет цензура не разрешала второго издания (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 752—753; «Тургенев и круг «Современника», М.—Л. 1930, стр. 58, 63 и 197; Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. X, М. 1952, стр. 306—307).

8. **Огарев Н.** Стихотворения Н. Огарева. Второе издание К. Солдатенкова и Н. Щелкина, Москва. (В типографии В. Грачева и К^о), 1859, 167+III стр. (21×14). В переплете.

На обложке рукою М. Н. Чернышевского: «Мих. Чернышевский». (Оф. Дома-музея, ед. хр. № 609/31).

В личных заметках М. Н. Чернышевского имеется указание о том, что эта книга принадлежала его отцу («Записи, заметки, выписки Чернышевского Михаила Николаевича по изучению жизни и произведений Чернышевского Николая Гавриловича, хронология для его биографии», ЦГАЛИ, ф. № 1 оп. № 2, ед. хр. № 198).

Рецензия Н. Г. Чернышевского на первое издание этой книги была напечатана в девятой книжке «Современника» 1856 г. (Полн. собр. соч., т. III, М. 1947, стр. 561—568). В дальнейшем из стихотворений Н. П. Огарева Н. Г. Чернышевский отмечает еще два: «Первая любовь» и «К кокетке», из № 2 «Русского Вестника» («Заметки о журналах. Декабрь 1855 и Январь 1856 г.», Полн. собр. соч., т. III, 1947, стр. 633).

Об Огареве как о поэте Чернышевский писал еще в рецензии на «Собрание сочинений В. Бенедиктова». Эти строки не появились в свое время в «Современнике» (1856, кн. 10), где была напечатана эта рецензия и впервые опубликованы в III т. Полн. собр. соч. (М. 1947, стр. 849).

В рецензии на «Стихотворения Н. П. Огарева» Н. Г. Чернышевский ставит вопрос о преемственности революционных поколений, который первоначально поставил в «Очерках гоголевского периода русской литературы», выявив огромное значение деятельности Герцена и Огарева в истории развития общественно-политической мысли в России.

9. **Пушкин Александр Сергеевич.** Сочинения [Александра Сергеевича] Пушкина. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. Издание П. В. Анненкова. Том второй. В типографии Штаба военно-учебных заведений. Санкт-Петербург, 1855. VIII + [2] + 552 стр. (25 × 17).

В переплете.

На обложке книги помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского (до 1862 г.)». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/22).

Издание Анненкова было подвергнуто подробному критическому разбору в четырех статьях Н. Г. Чернышевского «Сочинения Пушкина», опубликованных во второй, третьей, седьмой и восьмой книжках «Современника» 1855 г.

Н. Г. Чернышевский дает высокую оценку этому изданию: «Оно лучшее издание, какое могло быть сделано в настоящее время; недостатки его неизбежны, достоинства его — огромны, и вся русская публика будет благодарна за них издателю» (Полн. собр. соч., т. II, 1949, стр. 426).

10. **Шлоссер Ф.** Всемирная история Ф. Шлоссера. Переведено под редакцией Н. Чернышевского. Издание А. Серно-Соловьевича, т. I—II, Санкт-Петербург. В типографии Иосафата Огризко, 1861 (22 × 15).

Т. I. [История древнего мира. I. Восточные народы. II. Народы греко-римского периода]. II + 445 стр., ц. 1 р. 50 к., с пересылкою 1 р. 70 к.

Т. II [История древнего мира. II. Народы греко-римского периода (продолжение)], III + [1] + 483 стр.

На титульных листах обоих томов пометы М. Н. Чернышевского, чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского (до 1862)» (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/28—29*).

Впервые Чернышевский познакомился с сочинениями Шлоссера («Старое издание 1815 г.») в студенческие годы (Запись в дневнике 1849 г., Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 333). Отзыв как о первоклассном историке см. в статье «ПроPILEИ» (Полн. собр. соч., т. II, стр. 562) и в рецензии на «Сочинения Т. Н. Грановского» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 355—357, 364, 365). В капитальном труде «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» Чернышевский пишет: «Обзор состояния Германии и событий ее истории составлен почти исключительно по Шлоссеру» (Полн. собр. соч., т. IV, 1948, стр. 14, примечание). «Относительно взгляда на характер и произведения Лессинга мы почти постоянно следуем суждениям Шлоссера» (там же, стр. 73, примечание).

В конце 50-х годов Н. Г. Чернышевский предпринял перевод «Истории восемнадцатого и девятнадцатого столетий» Шлоссера, которая вышла в восьми томах с 1858 по 1872 гг. К участию в переводе были привлечены Е. А. Белов, В. А. Обручев и др.

В 1858 г. Чернышевским было написано «Предисловие к русскому переводу истории XVIII столетия Шлоссера» (Полн. собр. соч., т. V, М. 1950, стр. 175—178). Издание этой работы Чернышевский организовал при «Современнике» в серии «Историческая библиотека». Рецензия на «Историческую библиотеку» была написана Н. Г. Чернышевским в 1860 г. (Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 453—457). На «Историю XVIII века» Н. Г. Чернышевский опирается в полемике с реакционными историками в своем труде «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)», написанному в Петропавловской крепости (Полн. собр. соч., т. X, 1951, стр. 315—316).

В равелине Н. Г. Чернышевский переводил «Всемирную историю» Шлоссера (Полн. собр. соч., т. IX, М. 1939, стр. 721; т. XIV, стр. 457—459 и т. XVI, стр. 363). Она вышла в Петербурге в 1861—1865—1869 гг. в 18 томах. Чернышевский перевел 15, 16 и 17 тт.

В ссылке у Чернышевского были 19 книг «Всемирной истории» Шлоссера («Летопись жизни и деятель-

ности Н. Г. Чернышевского», М. 1953, стр. 507). После ссылки Чернышевский имел в руках историю Шлосера (В. Чехихин-Ветринский. «Н. Г. Чернышевский». П. 1923, стр. 193—195). В этот период Чернышевский пишет, что не удовлетворен Шлоссером и выражает желание сам написать всеобщую историю человечества (Письмо к И. И. Барышеву от 28 апреля 1889 г., Полн. собр. соч., т. XIV, 1950, стр. 844).

11. *Annuaire de l'économie politique et de la statistique, pour 1854.* Par M. M. Joseph Garnier et Guillaumin. (Ежегодник политической экономии и статистики на 1854. Жозефа Гарнье и Гильомена. Париж) Onzième année. Paris. Guillaumin et C^{ie}, libraires. De l'imprimerie de Beau. 1854. VII+540 p. (15×10). Pr. 4 fr.

На титульном листе помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского до 1862 г.» (Ф. Дома-музея, ед. хр. № 609/56).

Ежегодником на 1854 г. Н. Г. Чернышевский пользовался во время работы над переводом «Основания политической экономии» Дж. Ст. Милля. Отсюда использованы статьи французских вульгарных экономистов Легуа «Перепись населения» и А. Гильяра «Разъяснения таблиц смертности» в статье Чернышевского «Разъяснение смысла Мальтусовой теории» и «О размножении людей»). См. «Замечания на последние четыре главы первой книги Милля» (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 269—271 и 301—302). В обоих случаях Чернышевский разоблачает человеконенавистническую теорию Мальтуса и заявляет о своем намерении «заняться изысканиями более точными, чем какие представлены у Мальтуса и повторяющих его экономистов (стр. 271).

12. *Bastiat, Frédéric. Oeuvres complètes de Frédéric Bastiat* (Полное собрание сочинений Фредерика Бастиа. Париж). Mises en ordre, revues et annotées d'après les manuscrits de l'auteur. T. II, IV, V. Paris. Guillaumin et C^{ie}, libraires. Corbeil.—Typographie de Grêté. 1854—1855. (19×13). (Economistes et publicistes contemporains).

T. II. Le livre—échange. 1855. Paris. 485+ [1] p.

T. IV. Sophismes économiques. Petits pamphlets. I. [Première série. 5-e édition.] 1854. 548 p.

T. V. Sophismes économiques. Petits pamphlets. II. 1854. 564 p.

В переплете. На титульных листах всех трех томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: „Из книг Н. Г. Чернышевского до 1862“. (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/50—52).

«Мнимо-глубокомысленный Бастиа» — такой отзыв о вульгарном экономисте дан Н. Г. Чернышевским в рецензии на книгу А. Львова «О земле, как элементе богатства» (Полн. собр. соч., т. II, 1949, стр. 392). Полемика с Бастиа ведется в статьях 1857 г.: «*Studien, Gakstgauzena*» (Полн. собр. соч., т. IV, 1948, стр. 330), «О поземельной собственности» (там же, стр. 425), «Современное обозрение» (там же, стр. 875).

В 1858 г. Н. Г. Чернышевский борется против экономической системы Бастиа в статьях «Критика философских предубеждений против общинного владения» (Полн. собр. соч., т. V, стр. 374), «Экономическая деятельность и законодательство» (там же, стр. 579). Эта борьба подмечается военной цензурой в период редактирования Н. Г. Чернышевским «Военного сборника» (там же, стр. 489). См. также «Современное обозрение» (там же, стр. 790).

В 1860 г. острую критику буржуазной политической экономии вообще и теории Бастиа Н. Г. Чернышевский дал в статьях «Капитал и труд» (Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 5—63), «Молилари. Курс политической экономии» (там же, стр. 468) и «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. Г. К. Кэре» (там же, стр. 909). С наибольшей силой развернулась борьба великого русского революционного демократа против вульгарных экономистов вообще и в том числе против реакционной теории Бастиа в примечаниях к переводу политической экономии Милля (Полн. собр. соч., т. IX, 1949).

13. **Blanc, Louis.** Histoire de dix ans 1830—1840. Par M. Louis Blanc. (История десяти лет 1830—1840. Луи Блана. Париж). Huitième édition, augmentée de nouveaux Documents diplomatiques [illustrée de 25 Gravures]. T. III—V. Paris. Pagnerre, éditeur, 1848—1849 (T. V' 48). (20×13). (Révolution Française). [Collection d'auteurs contemporains. Propriétés littéraires].

T. III. VII+476 p.

T. IV. VIII+519 p.

Т. V. VIII+516 р.

В переплете.

На титульных листах всех 3 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: „Из книг Н. Г. Чернышевского до 1862 г.“

В оглавлении 3 т. отчеркнуты карандашом главы I („La Vendée; aspect de ce pays“) и III („Tableau de la société, vices du régime industriel.—Désordre moral, anarchie dans la constitution du Pouvoir.—Origine du Saint — Simonisme; son caractère; sa physionomie; son influence; son histoire jusqu'à la séparation de M. M. Bazard et Infantin“). (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609,53-55).

Чернышевский читал «Историю десяти лет» Л. Блана в 1850 г. (Запись в дневнике 26 мая и 13 июня 1850 г., Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 375 и 379). Первый том этой книги использовал для статьи «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (Полн. собр. соч., т. V, стр. 213—291, 927—928 (комментарии К. Журавлева). Отдельные главы II, III и IV томов использованы Н. Г. Чернышевским в трех статьях под заглавием «Июльская монархия» (Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 64—185). В докладе, составленном в главном управлении цензуры о направлении журнала «Современник» в июне 1860 г., дан подробный обзор этого заимствования из книги Л. Блана и ее обработки Н. Г. Чернышевским в революционном духе (там же, стр. 1010—1011).

14. **Buckle, Henri Thomas.** History of civilization in England. By Henri Thomas Buckle. (История цивилизации в Англии. Генри Томаса Бокля. Лондон). The second edition. Vol. I—II. London. John W. Parker and son. Printed by Robson, Levey and Franklin. MDCCLVIII—1861 (23×15).

Vol. I. MDCCLVIII. XXXI+854+8 р.

Vol. II. Parker, Son and Bourn. 1861. XXXI+601+
+ [6] р.

В переплете и в общем картоне.

Вид книги весьма подержанный; обе крышки переплета I т. пришиты к корешку черными нитками. На обороте крышки I т. наклеена записка А. Н. Пыпина, сопровождающаяся примечаниями М. Н. Чернышевского:

«Книга⁽¹⁾ Бокля, находившаяся у Н. Г. Ч.⁽²⁾ в Сибири, с его заметками, бывшая потом в руках Орфанова (как после оказалось), предлагавшаяся мне⁽³⁾ несколько лет назад за 300 р., по смерти его бывшая в руках г-жи Мордвиновой (в Твери) и при посредстве А. И. Эртеля возвращенная мне г-жею М[ордвиновой] через И. И. Петрункевича в январе 1890 г. ⁽⁴⁾».

Примечания М. Н. Чернышевского: «(1) вернее: 2 книги (потому что есть и вторая часть). (2) у Николая Гавриловича Чернышевского. ⁽³⁾ т. е. Александру Николаевичу Пыпину. (4) см. письмо И. И. Петрункевича к А. Н. Пыпину от 11 января 1890 г. Мих. Чернышевский».

Между переплетной крышкой и титульным листом I т. вклеено письмо, на 2 стр. почтового формата, И. И. Петрункевича к А. Н. Пыпину от 11 января 1890 г. из Твери (по поводу препровождаемой книги Бокля по поручению Н. Н. Мордвиновой).

Оба тома носят на себе следы внимательного чтения книги Чернышевским, оставившим на полях и в тексте многочисленные карандашные пометки (знаки вопросительные и восклицательные, подчеркивания, нотабене, условные значки, цифры, перевод отдельных слов текста на русский язык) и свыше 400 критических замечаний объемом до печатного листа.

Между I и II томами в картон вложена папка, заключающая в себе копию примечаний Н. Г. Чернышевского к книге Бокля, сделанную рукою М. Н. Чернышевского (копия не закончена, доведена до стр. 118, I т.) на 32 листах почтового формата в 2 столбца (ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. № 2). (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 80, №№ 575—576*).

В 1860—1861 гг. Н. Г. Чернышевский писал о книге Бокля в статьях: «Нынешние английские виги» (Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 393); «Полемиические красоты. Коллекция вторая. Красоты, собранные из «Отечественных записок» (там же, стр. 758—760, 766); и «Не начало ли перемены?» (там же, стр. 886). Книга использована в «Подстрочных примечаниях к переводу Милля» (Полн. собр. соч., т. IX, 1949, стр. 832). Находясь в Петропавловской крепости, Н. Г. Чернышевский обращался к этой книге, когда писал примечания к переводу «Введения в исто-

рию XIX века» Г. Гервинуса (Полн. собр. соч., т. X, 1951, стр. 441). Перечисляя издания Н. Тиблена, как прогрессивного издателя в Петербурге, Чернышевский называет книгу Бокля (там же, стр. 486). В письме из крепости к О. С. Чернышевской от 5 октября 1862 г. Чернышевский пишет о намерении создать взамен книги Бокля и других «Историю материальной и умственной жизни человечества» (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 456).

Замечания Н. Г. Чернышевского на книгу Бокля опубликованы в XVI т. Полн. собр. соч. (1953, стр. 535—635).

В письме от 17 мая 1886 г. А. Н. Пыпин напоминает Н. Г. Чернышевскому, что у него, Пыпина, был английский подлинник «Истории цивилизации в Англии» Бокля с заметками Н. Г. Чернышевского, и что такую же критику можно было бы дать и по другим авторам (Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. III, 1930, стр. 559). Судя по этому письму, книга Бокля не была с Н. Г. Чернышевским в Сибири, а осталась у А. Н. Пыпина от 60-х годов.

15. **Gneist, Rudolf.** Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht. Von Dr. Rudolf Gneist. (Современное английское авторское и государственное право. Доктора Рудольфа Гнейста, Берлин). I Theil: Die Königliche Prærogative. Die Aemter. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1857. XVI+723 s. (23+15).

На правом титульном листе помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского до 1862». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/49).

В статье «История из-за г-жи Свечиной», написанной в 1860 г., Чернышевский использует цитату из «Русского вестника», где упоминается «известное сочинение Гнейста об английском устройстве» (Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 314).

16. **Encyclopédie Moderne.** Lictionnaire abrégé des sciences, des lettres, des arts, de l'industrie, de l'agriculture et du commerce. (Современная энциклопедия. Краткий словарь наук, литературы, искусства, промышленности, сельского хозяйства и торговли. Париж). Nouvelle édition, entièrement refondue et augmentée de

près du double, publiée par M. M. Firmin Didot frères, sous la direction de M. Léon Renier, secrétaire trésorier de la Bibliothèque de l'université membre de la Société Nationale des antiquaires de France, correspondant de l'institut archéologique de Rome. T. I—XV. Paris. Firmin Didot frères, éditeur. MDCCCLIV—VII. (23×15).

T. I [A.—Algérie]. MDCCCLV. IV p. +772 col.

T. II [Algérie.—Anatomie comparée]. MDCCCLV. 800 col.

T. III [Anaxyrides.—Archéologie]. MDCCCLV. 784 col.

T. IV [Archéisme.—Atrophie]. MDCCCLVII. 776 col.

T. V. [Attaques des places.—Beauvais]. MDCCCLVI. 786 col.

T. VI [Bec.—Brésil]. MDCCCLVII. 804 col.

T. VII. [Breslau.—Catalogne]. MDCCCLIV, 792 col.

T. VIII [Catalogne.—Cheval—Vapeur]. MDCCCLV. 846 col.

T. IX. [Chevalerie.—Cologne]. MDCCCLVI. 760 col.

T. X [Colombie.—Colrolithe]. MDCCCLIV. 830 col.

T. XI. [Coptes.—Définition]. MDCCCLIV. 766 col.

T. XII. [Déflagration.—Drap d'Or]. MDCCCLIV. 803 col.

T. XIII. [Drapeau.—Encaissement]. MDCCCLVI. 800 col.

T. XIV. [Encaustique.—Eylau]. MDCCCLVII. 824 col.

T. XV. [F.—Franc—Maçonnerie]. MDCCCLV. 1110 col.

В переплете.

На шмуцгигулах всех 15 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: „Из книг Н. Г. Чернышевского до 1862.“ (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/34—18*).

17. **Lessing's sämtliche Werke.** (Собрание сочинений Лессинга. Лейпциг). In einen Binde. Mit dem Bildniss des Verfassers. Leipzig. Verlag der G. J. Göschen'schen Buchhandlung. 1841. VIII + 1036 S. + 8 Ill. (27×18).

В переплете.

На первом чистом листе после переплетной крышки помета М. Н. Чернышевского чернилами: „Из книг Н. Г. Чернышевского (до 1862)“.

В тексте книги имеются подчеркнутые и отмеченные карандашом места: на стр. 195, 207 („Nathan der Weise“), 506, 515, 517, 518, 520—524, 527—534, 538, 541—543, 547, 552, 572, 573, 597, 601, 614, 615 („Hamburgische Dramaturgie“); загнут угол стр. 933 („Ernst und Falk. Gespräche für Freimauer“). (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/23*).

Первые упоминания о Лессинге («Натан Мудрый») встречаются в дневнике Н. Г. Чернышевского 1849 г. (Полн. собр. соч., т. I, стр. 289).

В переписке Н. Г. Чернышевского с М. Л. Михайловым речь идет о содействии к опубликованию драмы «Мисс Сара Сампсон» в переводе Михайлова (Полн. собр. соч., т. XIV, 1849, стр. 212); упоминания о Лессинге имеются в кандидатской диссертации «О «Бригадире» Фонвизина» 1850 г. (Полн. собр. соч., т. II, 1949, стр. 798) и в обзоре «Новости литературы, искусств, наук и промышленности» 1854 г. (Полн. собр. соч., т. XVI, 1953, стр. 129). В статье «О поэзии Аристотеля» Чернышевский использует «Гамбургскую драматургию» (Полн. собр. соч., т. II, стр. 278).

В «Очерках гоголевского периода» 1855—1856 встречаются многократные ссылки на Лессинга (Полн. собр. соч., т. III, стр. 26, 767, 795, 802, 865). В 1856—1857 гг. Н. Г. Чернышевский печатает в «Современнике» монографию о немецком просветителе, где дает высокую оценку его деятельности (Полн. собр. соч., т. IV, 1948). Эта работа вышла отдельным изданием в 1857 г. Во время пребывания в крепости Чернышевский использует имя Лессинга в романе «Повести в повести» для рассказа «Григорий Филиппович Лесников» (Полн. собр. соч., т. XII, 1949, стр. 276—277).

В письме из вилюйской ссылки к сыну Михаилу от 25 апреля 1877 г. Н. Г. Чернышевский советует использовать для сцены в любительском кружке молодежи драматические произведения Лессинга (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 49).

18. **Mill, John Stuart.** Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. By John Stuart Mill. (Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Джона Стюарта Милля. Лондон). In two volumes. Fourth edition. Vol. I—II. London. John W. Parker and son. Savill and Edwards, printers. MDCCCLVII (23×15).

Vol. I. 401—606 p.

Vol. II. [Book III. Exchange.—(Continued)]. XV+582 + [2] +8 p.

Первый том дефектен: без переплета, расшитый, нач.

со стр. 401 до конца книги. На стр. 401 карандашная помета М. Н. Чернышевского: «Милль. Конец I тома».

Второй том в коленкоровом переплете, внутри также расшит; недостает стр. 257—304, 353—368. Вид книги сильно подержанный. На титульном листе II т. помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского (до 1862)».

Оба тома носят на себе следы работы Чернышевского над переводом Милля. В оглавлении и в тексте сделана выборка материала для перевода, материал размечен особыми номерами по крупным отделам и отмечен более дробным делением при помощи условных цифровых обозначений. На полях множество вычислений (умножение многозначных чисел, — вероятно, подсчет материала в страницах и распределение его во времени) и заметки Чернышевского, написанные большей частью особым сокращенным письмом и относящиеся главным образом к ходу работы, реже — критического характера. В 2 случаях заметки относятся к работе по крестьянскому вопросу и к Добролюбову. В I т. рукою Чернышевского занесены две даты: 21/22 февр. 1861 и 24 февр. 1861. II т. тщательно датирован: книга включает в себе свыше 50 дат, начиная с 25 февраля 1861 и кончая «20 августа на пароходе» [1861].

Книга числится в описи книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Академию Наук 15 декабря, 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским. (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 4). (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 80, №№ 585—586*).

Оба тома являются рабочим экземпляром, служившим Чернышевскому при подготовке перевода книги Д. С. Милля с примечаниями Н. Г. Чернышевского.

21 января 1859 г. было получено цензурное разрешение на помещение I тома книги Милля в качестве приложений к «Современнику» 1860 г. С этого времени работа была начата Н. Г. Чернышевским. Перевод первой книги Милля был напечатан в «Современнике» в течение 1860 г. (начиная с февральской книжки). Остальная часть труда Милля была переведена в виде «Очерков из политической экономии (по Миллю)» и появилась в «Современнике» 1861 г. Полный перевод Милля с примечаниями, а также черновые редакции, варианты и надписи на полях книги Милля опубликованы в IX томе Полн. собр. соч., (1949).

Находясь в Петропавловской крепости, Н. Г. Чернышевский продолжал интересоваться политической экономией и книгой Милля. С января по март 1864 г. было написано «Введение к трактату о политической экономии Милля» («Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», 1953, стр. 322 и 325). Это было отмечено в записке III отделения, составленной в 1870 году о Н. Г. Чернышевском перед его отправлением в Вилуйск (там же, стр. 382). В ссылке у Н. Г. Чернышевского находились сочинения Д. С. Милля на английском языке: «Владение и пользование землей в различных странах» и «Основания политической экономии» (там же, стр. 396 и 508). По возвращении из ссылки Н. Г. Чернышевский имел в виду подготовить новое издание своего перевода «Политической экономии» Милля: «Я переделал бы текст Милля по своим понятиям о вещах» (письмо к А. Н. Пыпину от 30 августа 1884 г., Полн. собр. соч., т. XV, стр. 440). Тогда же Н. Г. Чернышевский просил друзей прислать ему издание его перевода Милля («Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», 1953, стр. 542). В своих воспоминаниях издатель газеты «Волжский вестник» Н. В. Рейнгардт сообщает, что в беседе с ним в 1886 г. Н. Г. Чернышевский высказался о своем переводе Милля как о главном труде своей жизни («Русская старина», 1905, № 2, стр. 474—475). Однако в этот период задуманный труд Н. Г. Чернышевского не получил осуществления.

19. **Smith Adam.** Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Par Adam Smith. (Исследование о богатстве народов. Адама Смита. Париж). Traduction du comte Germain Garnier, entièrement revue et corrigée et précédée d'une notice biographique par M. Blanqui, Membre de l'Institut. Avec les commentaires de Buchanan, G. Garnier, Mac Culloch, Malthus, J. Mill, Ricardo, Sismondi. Augmentée de notes inédites de Jean Baptiste Say, et d'éclaircissements hystoriques par M. Blanqui. T. I—II. Paris. Chez Guillaumin, libraire. Imprimerie de Hennuver et Turpin. 1843. (24×16).

Т. I. LXXIX + 518 + [2] p.

Т. II. 714 p.

В переплете.

На титульных листах обоих томов пометы М. Н. Чер-

нышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского до 1862 г.»

В I т. отмечены карандашом отдельные места на стр. 28, 29, 34, 36, 37 („De l'origine et de l'usage de la monnaie“), 39, 53, 54, 68 („Du prix réel et du prix nominal des marchandises, ou de leur prix en travail et de leur prix en argent“).

Во II т. отметок нет. (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/67—68).

В «Предварительных замечаниях» к переводу «Оснований политической экономии» Милля Н. Г. Чернышевский пишет о меркантильной системе буржуазного экономиста А. Смита как теории, чуждой потребностям простонародного элемента жизни и мысли, эта теория «будет отвергнута прогрессом, уже начавшим быть во вражде с нею» (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 36). О том же Чернышевский пишет во II главе своих «Замечаний к трем первым главам первой книги Милля». Своим долгом Чернышевский считает дать «перестройку» теории Смита. Он начал это еще в статье «Капитал и труд», но широкое развитие борьба Чернышевского с системой Смита получила в примечаниях к Миллю (т. IX, М, 1949).

ГОДЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ (1862—1864)

20. **Bibliothèque des Mémoires**, relatifs à l'histoire de France pendant le 18-me siècle (Библиотека мемуаров, относящихся к истории Франции в 18-м веке. Париж). Avec avant—propos et notices, par M. Fs. Barrière T. I, III. Paris. Librairie et typographie de Firmin Didot frères. 1853—1855 (16×11).

T. I. Mémoires de M-me de Staal Delaunay, de M. le marquis d'Argenson et de Madame mère du régent. Suivis d'éclaircissements extraits des mémoires du duc de Saint-Simon. (Мемуары г-жи де Сталь Делонэ, маркиза Д'Аржансона и королевы-регентши. С пояснениями, извлеченными из мемуаров герцога Сен-Симона). 1853. 453 + [2] p.

T. III. Mémoires de Madame du Hausset, femme de chambre de Madame de Pompadour, et extrait des mé-

moires historiques et littéraires de Bachaumont, de l'année 1762 à l'année 1782. (Мемуары г-жи Дю Оссе, горничной г-жи де Помпадур, и извлечение из исторических и литературных воспоминаний Башомона, с 1762 по 1782 гг.). 1855. 525 р.

В переплете.

На шмуцтитулах обоих томов помечено неизвестной рукой чернилами: «Из рavelина». На титульных листах обоих томов написано рукою М. Н. Чернышевского, чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского, посылавшихся ему в крепость (1862—1864)».

Книга числится в собственноручном списке, составленном Н. Г. Чернышевским в мае 1864, с примечанием: «томы 1-й, 2-й, 3-й отдано для передачи А. Н. Пыпину» (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 489). (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/62—63).

В рavelине Н. Г. Чернышевский 16 января 1864 г. переводил извлечения из мемуаров герцога Сен-Симона («Звезда», 1924, т. III, стр. 76). Этот перевод был использован Н. Г. Чернышевским для двух «Мелких рассказов», написанных в крепости в 1864 г.: «Сватовство герцога Сен-Симона» и «Герцог Альба». Имеется точное указание Н. Г. Чернышевского на источник. В первом случае: «Перевод из Mémoires du duc de Saint - Simon, издание 1856, в 18 долю. том 1, глава VIII, стр. 73—75». Во втором случае: «Mémoires de Saint - Simon, том 3, глава III, стран. 29» (Полн. собр. соч., т. XII, 1949, стр. 566—568).

21. **Diderot.** Oeuvres choisies de Diderot (Избранные сочинения Дидро. Париж), précédées de sa vie. Par M. F. Genin, professeur à la faculté des lettres de Strasbourg. T. I—II. Paris. Librairie et typographie de Firmin Didot frères 1847 (17×II).

Т. I. XCII + 342 р.

Т. II. 408 р.

В переплете. Т. I дефектен: стр. 53—56 на 1/3 оборваны и подклеены чистой бумагой.

На титульных листах обоих томов нанесены пометы: 1) Неизвестною рукою: «Из рavelина» и 2) М. Н. Чернышевского: «Из книг Н. Г. Чернышевского, посылавшихся ему в крепость (1862—1864)».

В тексте I т. отмечены сплошной карандашной чертой

стр. 80 и 81 («La religieuse»). (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/60—61).

Два тома Дидро числятся в собственноручном списке Н. Г. Чернышевского, сост. в Петропавловской крепости в мае 1864 г. (Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 489).

Впервые Н. Г. Чернышевский пишет о Дидро в статье «О поэзии Аристотеля» (Полн. собр. соч., т. II, стр. 284); оценка деятельности Дидро как великого ученого дается в монографии о Лессинге (Полн. собр. соч., т. IV, стр. 147—148). В крепости Н. Г. Чернышевский использовал из сочинений Дидро отдельные эпизоды, объединив в одно целое пять своих «Мелких рассказов», в которых главную роль играет рассказ «Наталья Петровна Свирская», выражающий основную идею Чернышевского: протест женщины против закрепощения в семейной и личной жизни. (Полн. собр. соч., т. XII, стр. 570—586). Отдельные упоминания о Дидро встречаются в романах «Алферьев» (Полн. собр. соч., т. XII, стр. 52) и «Пролог» (Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 109). В письме из Сибири к сыновьям от 8 марта 1878 г. Чернышевский выступает против Канта, пытавшегося разбить материалистическую теорию Дидро (Полн. собр. соч., т. XV, стр. 198).

22. **Dickens Charles.** Pictures from Italy. By Charles Dickens. (Картины Италии Чарльза Диккенса). Copyright edition [In one volume]. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1846 [Collection of british authors. Vol. CIII] (6×12).

Сохранилось лишь начало книги: 2 титульных листа. «Contents» («Содержание») и шмуцтитул. На первом титульном листе помета А. Н. Пыпина чернилами: «Из равелина» (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/139).

Книга числится в собственноручном списке Н. Г. Чернышевского, составленном в Петропавловской крепости перед отъездом в ссылку, под заглавием: «Книги, возвращаемые Н. Чернышевскому для передачи А. Н. Пыпину» (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 840). Получена от В. А. Пыпиной из архива А. Н. Пыпина в 1927 г.

Имя Диккенса неоднократно упоминается в сочинениях и переписке Н. Г. Чернышевского (Гослитиздат, М. 1939—1953, тт. I—XVI). Диккенс относится к числу любимых писателей Н. Г. Чернышевского, как

«защитник низших классов против высших» (т. I, стр. 358). В «Очерках гоголевского периода» Чернышевский пишет, что произведения Диккенса «внушены идеями гуманности и улучшения человеческой жизни» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 302). Об участии Диккенса в умственной жизни России Чернышевский проводит мысль в статье «Шиллер в переводе русских поэтов, СПб. 1856» (т. IV, стр. 504). Из произведений Диккенса Н. Г. Чернышевский больше всего останавливается на романах «Тяжелые времена» (у Чернышевского — «Тугое время») (Полн. собр. соч., т. III, стр. 694; т. IV, стр. 738; т. XVI, стр. 104, 147—148, 175 и 247) и «Записки Пиквикского клуба» (Полн. собр. соч., т. II, стр. 800; т. III, стр. 694; т. IV, стр. 516 и 960; т. VII, стр. 27; т. XII, стр. 308 и 344; т. XVI, стр. 261—262). В крепости Н. Г. Чернышевский имел на руках из сочинений Диккенса на английском языке: «Холодный дом», «Крошка Доррит», «Большие надежды», «История двух городов», «Часы мастера Гэмфри», «Святочные рассказы» и «Картины Италии» (см. его собственноручные списки, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 488—489 и 839—840). По мотивам Диккенса Н. Г. Чернышевским была написана в равелине «История Дженкинсона» из романа «Часы мастера Гэмфри», послужившая вставкой в роман «Повести в повести» (Полн. собр. соч., т. XII, стр. 344, 409—410).

Книжка «Картины Италии» упоминается только в списке Чернышевского (т. XIV, стр. 840). Ввиду отсутствия самого текста этой книги судить о ее прочтении и использовании не приходится.

23 **Lagrange J — L.** *Traité de la résolution des équations numériques de tous les degrés. Avec des notes sur plusieurs points de la théorie des équations algébriques.* Par J.—L. Lagrange, de l'Institut des Sciences, Lettres et Arts, et du Bureau des Longitudes; membre du Sénat—Conservateur et Grand-Officier de la Légion d'Honneur (Опыт решения численных уравнений всех степеней. С замечаниями по многим пунктам теории алгебраических уравнений, Ж.—Л. Лагранжа. Париж). Troisième édition, conforme à celle de 1808, et précédé d'une Analyse de l'Ouvrage, par M. Poinsoit. Paris. Bachelier (successeur de M-me V-e Courcier), libraire pour les sciences. Imprimerie de

Huzard—Courcier. 1826. XXVIII + 314 + [1] p. (27×22).

На титульном листе карандашная помета А. Н. Пыпина: «Было куплено для Николи в Алексеевский рavelин в 1863. Алекс. Пыпин». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/138).

Письма Н. Г. Чернышевского к жене и сыновьям из Виллойска 1875—1878 гг. содержат высокую оценку трудов Лагранжа. Чернышевский причисляет его к великим математикам, «благодетелям человечества», работавшим «над совершенствованием благотворной для человечества науки, математики» (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 577, 581, т. XV, 1950, стр. 155, 180—181, 186, 189, 192).

24 Neumann [K. Geschichte der Vereingten Staaten] (Нейман К. История Соединенных Штатов. Берлин) [Druck von Franz Krüger in Berlin]¹. 97—607 S. (22×16).

Дефектный экземпляр, расшитый, без обложки и титульного листа, нач. с 97 стр. по 607, т. е. до конца книги.

Карандашные пометы нанесены неизвестной рукою: 1) На стр. 97: «Книга Неймана о Соединенных Штатах» и «Переводить начиная со второй книги, стр. 104», 2) На стр. 369: «Книга Неймана о Соединенных Штатах — Чернышевскому». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/32).

Переводом книги Неймана Н. Г. Чернышевский занимался в крепости с 14 декабря 1863 г. по 4 января 1864 г. Этот перевод был отправлен в III отделение и в следственную комиссию и по рассмотрении там был запрещен за «оскорбительные выражения против монархической власти». Когда содержатель типографии О. Бакст обратился в III отделение с просьбой о выдаче рукописи, ему в этом было отказано («Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», 1953, стр. 318—326). Однако в архиве Н. Г. Чернышевского, дошедшем до нас из рavelина, рукопись эта отсутствует. В 1864—1865 гг. в Петербурге появился перевод первого тома книги «История Американских Соединенных штатов К. Ф. Неймана», в издании Бакста, без имени переводчика. Принадлежит ли этот перевод Н. Г. Чернышевскому, до сих пор не выяснено.

¹ Выходные данные приводятся по экземпляру книги, хранящемуся в Библиотеке Академии наук СССР и выписанному для этой работы по межбиблиотечному абонементу.

25 **Ovidius P. Naso.** (Овидий П. Назон. Лейпциг). Ex recognitione Rudolphi Merkelii. T. II—III. Lipsiae. Sumptibus et typis B. G. Teubneri. MDCCCLX — MDCCCLXIII (15 × 11). [Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana].

T. II. Metamorphoses. MDCCCLXIII. XIV + 317 p.

T. III. Tristia. Ibis. Ex ponto libri. Fasti. Halieutica. MDCCCLX. X + 342 p.

В переплете.

На титульных листах обоих томов помечено чернилами: 1) неизвестной рукою: «Из равелина» и 2) рукою М. Н. Чернышевского: «Из книг Н. Г. Чернышевского, посылавшихся ему в крепость (1862—1864)».

Во II т. отмечены скобками, черточками и точками, чернилами и черным и синим карандашами, стр. 1, 3, 6, 7, 9, 12, 13, 16, 17, 19—21, («Metamorphoseon liber primus»), 21—24, 27, 28, 30, 44 («Liber secundus»), 44, 48, 58, 64 («Liber tertius»), 64, 65, 67, 68, 80, 81, 83, 85 («Liber quartus»). 85 (Liber quintus»), 107 («Liber sextus»). (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/64-65).

Книга («Ovidius, 3 тома») числится в собственноручном списке Н. Г. Чернышевского, составленном в крепости в мае 1864 г. (т. XIV, стр. 489).

Об изучении Овидия в петербургском университете у проф. Фрейтага свидетельствует дневник Н. Г. Чернышевского (запись от 7 октября 1849 г., т. I, стр. 324).

Характеристика Овидия как поэта «внешней отделки» дана в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (т. II, стр. 37).

Отдельные упоминания об Овидии встречаются в статьях «Сочинения Пушкина» (там же, стр. 479), «ПроPILEI» (там же, стр. 558), в монографии о Лессинге (т. IV, стр. 81). В равелине Н. Г. Чернышевский использовал «Метаморфозы» Овидия в сатирическом плане в цикле мелких рассказов под названием «Ужасно!!! в начале, с благополучною развязкою, или Раскаяние госпожи Икс» (т. XII, стр. 586—592).

26. **Pascal, Blaise.** Oeuvres complètes de Blaise Pascal (Полное собрание сочинений Блэза Паскаля. Париж). Edition de Charles Lahure. T. I—II. Paris. Librairie de L. Hachette et C^{ie}. 1858. (19 × 12).

Т. I. VIII+580 р.

Т. II. 671 р.

В переплете.

На шмуцтитулах обоих томов чернилами помечено: 1) Неизвестною рукою: «Из равелина» и 2) М. Н. Чернышевским: «Из книг Н. Г. Чернышевского, посылавшихся ему в крепость (1862—1864)». На первом чистом листе после переплетной крышки II т. помета А. Н. Пыпина: «Алекс. Пыпин. Куплено для Николи в 1863 г.». (ОФ Дома-музея, *ед. хр. № 609 57-58*).

О знакомстве с сочинениями Паскаля, очевидно, прочитанными в библиотеке отца, свидетельствует письмо студента Чернышевского к отцу от 27 сентября 1846 г. (Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 56) и его студенческий дневник (Полн. собр. соч., т. I, стр. 132). В «Очерках гоголевского периода» (т. III, стр. 282), в монографии о Лессинге (т. IV, стр. 199) и в письмах к сыну Александру из Сибири от 17 марта и 19 октября 1876 г. (т. XIV, стр. 639, 693) и 7 октября 1880 г. (т. XV, стр. 317) дается высокая оценка Паскаля как ученого. Преследование янсенистов, к которым принадлежал Паскаль, рассматривается Чернышевским как одно из темных пятен в истории Франции («Политика», январь, 1859, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 6), но к самому янсенизму Чернышевский относился отрицательно (письмо к сыновьям от 21 июля 1876 г. и заметки о Бокле, т. XVI, стр. 610).

27. **Reybaud, Louis.** Le coton. (Хлопок. Луи Рейбо. Париж). Son régime, ses problèmes, son influence en Europe. Nouvelle série des études sur le régime des manufactures. Par Louis Reybaud, de l'Institut. Paris. Michel Lévy frères, libraires éditeurs. A la librairie nouvelle. Typ. de Pillet fils aîné. 1863. VIII+466 р. (19×13).

На шмуцтитуле помечено чернилами: 1) Неизвестной рукою: «Из равелина» и 2) рукою М. Н. Чернышевского: «Из книг Н. Г. Чернышевского, посылавшихся ему в крепость (1862—1864)» (ОФ Дома-музея, *ед. хр. № 609/59*).

Книга числится в собственноручном списке, составленном Н. Г. Чернышевским в мае 1864 г. (Полн. собр. соч., т. XIV, М. 1949, стр. 489), и в списке книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Саратовскую публичную библиотеку в 1894 г., сост. М. Н. Чернышевским (фонд Дома-музея, № 1919).

В статье «О поземельной собственности» Н. Г. Чернышевский, полемизируя с И. В. Вернадским, распространяет разоблачение вульгарной политической экономии и на ту «фалангу» экономистов, которые в глазах Вернадского пользовались «безукоризненной репутацией», и в числе их неоднократно упоминается «Луи Ребо с братиею» (Полн. собр. соч., т. IV, 1948, стр. 372—373, 382, 389, 931).

В ВИЛЮЙСКОЙ ССЫЛКЕ

(1871—1883)

28. **Eliot George**. *Romola*. By George Eliot, author of *Adam Bede* etc. (Ромола, Джоржа Эллиота. Лейпциг). Copyright edition. In two volumes. T. I—II. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1863. (16×12). [Collection of british authors. Vol. 682—683].

T. I. VI + 328 p. [Vol. 682].

T. II VI + 310 p. [Vol. 683].

Оба тома в одном переплете; на корешке «*Romola* by George Eliot» и «A. Ch.» На первом чистом листе после переплетной крышки карандашная пометка М. Н. Чернышевского: «Т. II, стр. 101—102, 128—131, 160—цифры, писанные рукою Н. Г. Чернышевского. По-видимому, какой-то расчет расстояний через Орск и через Троицк и перегоны станций. Мих. Чернышевский». — На втором чистом листе после переплетной крышки пометы чернилами: 1) А. Н. Пыпина: «Книга, жившая в Вилюйске у Н. Г. Ч.⁽¹⁾ и привезенная им в окт. 1883. Переплетена Сашей⁽²⁾. Ноябрь, 1883, СПб., А. П.⁽³⁾ 2) М. Н. Чернышевского: «Получена мною от В. В. Водовозова 27 нояб. 1909. По его словам, эту книгу он купил у букиниста за 10 коп. Мих. Чернышевский».

Примечания М. Н. Чернышевского: «(1) т. е. у Николая Гавриловича Чернышевского. (2) т. е. моим братом Александром. (3) т. е. Александр Пыпин». (*Опись ЦГАЛИ*). М. 1955, стр. 81, № 595).

Книга числится в описи книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским (Дом-музей, ед. хр. № 592, л. 10).

Сохранилось единственное высказывание Н. Г. Чернышевского о писательнице Джорж Эллиот (псевдоним Марии Эванс) в беседе с корреспондентом английской газеты «Daily News», который навестил Н. Г. Чернышевского в Астрахани в начале декабря 1883 г. По словам корреспондента, Чернышевский выразил сожаление, что «Джорж Эллиот при таком «огромном таланте» не держится более радикальных взглядов» (В. Чехихин-Ветринский, Н. Г. Чернышевский, П. 1923, стр. 190).

О том, что Н. Г. Чернышевский в ссылке был знаком с произведениями Дж. Эллиот, имеется намек в его письме М. М. Стасюлевичу от 10 или 12 февраля 1875 г. (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 585; ср. «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М. 1953, стр. 426—427).

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

(1883—1889)

29. Библия. [Тт. I—V], Санкт-Петербург. В Синодальной типографии. 1881—1882. [V' 81]. (24 × 15). Ц. 2 р. 50 коп.

[Т. I]. Священные книги Ветхого Завета в переводе с еврейского текста. Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. 1 — 233 + [1] стр.

[Т. II]. Священные книги Ветхого Завета в переводе с еврейского текста. Иисуса Навина, Судей Израилевых, Руфь, Царств, Паралипоменон, Ездры, Неемии, Есфирь, 233—542 + [1] стр.

[Т. III] — отсутствует.

[Т. IV]. Священные книги Ветхого Завета в переводе с еврейского текста. Пророков: Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Осии, Иоиля, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума, Аввакума, Софронии, Аггея, Захарии, Малахии, 683—928 + [1] стр.

[Т. V]. Новый Завет господя нашего Иисуса Христа. В русском переводе. 286 + [1] стр.

В переплете и в общем картоне.

На первом чистом листе после переплетной крышки чернилами помечено рукою М. Н. Чернышевского: «Из книг Н. Г. Чернышевского. Астрахань».

Книга принадлежала Н. Г. Чернышевскому в 1883—1889 гг. (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/24-27*).

Н. Г. Чернышевский неоднократно использовал библейские сюжеты, образы и изречения для своих политических, исторических и экономических работ в «Современнике», направленных против самодержавия и крепостничества. В последние годы жизни Библия служила писателю энциклопедией по вопросам философии, истории и искусства еврейского народа, когда Н. Г. Чернышевский занимался переработкой «Всеобщей истории» Г. Вебера. См. раздел «Народ израильский» и в нем гл. VI: «Обзор еврейской литературы» (Вебер Г. Всеобщая история. Том первый. Перевел Андреев. Второе переработанное издание русского перевода. Издание К. Т. Солдатенкова. М. 1890, стр. 490—744).

30. **Вебер Георг.** Всеобщая история. Георга Вебера. Перевод со второго издания, пересмотренного и переработанного при содействии специалистов. Том первый. Перевел Андреев. Издание К. Т. Солдатенкова. Москва. Типография В. В. Исленьева (М. Щепкина), 1885, стр. XXIV + 33, 37 — 834. (23 × 16), ц. 4 р. 50 коп.

Экземпляр без обложки, обернут в белую бумагу с пометами М. Н. Чернышевского: «Вебер, т. I, втор. изд.» (последние слова наполовину оборваны) и «(Напечатано)». Книга расшита, разбита по страницам и носит на себе следы работы Чернышевского по подготовке тома для 2-го издания: поля и текст сплошь испещрены корректурными и редакционными исправлениями. К полям книги приклеены еще поля из белой бумаги, также занятые корректурными поправками. В книгу вложены: 2 печатных бланка типографии В. В. Исленьева, корректура обложки тома, титульного листа и шмуцтитула, разрозненные листы из других томов русского перевода Вебера и 2 рукописи, писанные частью рукою Н. Г. Чернышевского, частью — К. М. Федорова на почтовых листах среднего формата: 1) Оглавление, на 11 перенумерованных листах, лл. 3—13 и 2) «Предисловие к второму изданию русского перевода» на 14 перенумерованных листах, лл. 1—14. (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 48, № 277*).

Этот рабочий экземпляр I тома перевода «Всеоб-

щей истории» Вебера находился в личной библиотеке Н. Г. Чернышевского и с самого начала (1931 г.) был включен в описание книг, хранящихся в Доме-музее. После передачи в ЦГАЛИ, этот материал вошел в отдел рукописей и зарегистрирован в описи в разделе «Переводы». Условно оставляем его в нашем описании, потому что это не только «печатные листы с правой автора перевода», как числится в описи ЦГАЛИ, но фактически — это книга, расшитая и использованная для переработки. Работа над книгой была начата Н. Г. Чернышевским 26 мая 1889 г. (письмо Н. Г. Чернышевского к И. И. Барышеву, Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 865) и продолжалась до последних дней жизни. Том вышел в свет после смерти Н. Г. Чернышевского в 1890 г. «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М. 1953, стр. 597—609).

31. Короленко Владимир. Слепой музыкант. (Этюд). Издание редакции журнала «Русская Мысль», Москва. Типолитография И. Н. Кушнерева, 1888. 164 стр. (19 × 15). В переплете.

На титульном листе помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского. Саратов».

С автографом: «Николаю Гавриловичу Чернышевскому от глубоко-уважающего В. Короленко». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/30).

Книга числится в описи книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Академию Наук 15 декабря 1908 г. Сост. М. Н. Чернышевским. (Дом-музей, ед. хр. № 592 л. 4).

Дарственная надпись на книге не имеет даты, но дата может быть установлена как «август 1889» на основании источников, относящихся к приезду В. Г. Короленко в Саратов. Знакомство его с Н. Г. Чернышевским состоялось 17 августа 1889 г., вскоре после этого В. Г. Короленко еще два раза навещал его (В. Г. Короленко, Воспоминания о писателях, М. 1934, стр. 15; «Саратовский листок», 1889, № 175, 17 августа; Записка Н. Г. Чернышевского к В. Г. Короленко, Полтавский музей имени В. Г. Короленко). По свидетельству современников, Н. Г. Чернышевский отзывался о таланте В. Г. Короленко с большим сочувст-

вием и пророчил ему блестящую будущность. (Воспоминания И. П. Горизонтова в книге Ч.-Ветринского «Н. Г. Чернышевский», П. 1923, стр. 198).

32. **Некрасов Н. А.** Стихотворения Н. А. Некрасова. Посмертное издание, тт. I—IV, Санкт-Петербург. Типография М. М. Стасюлевича, 1879 (24 × 16).

Т. I. 1845—1860, LXXXI + (1 нenum.) + 318 + V стр.

С портретом на отд. л. и факсимиле на 2 отд. лл.

Т. II. 1861—1872. 417 + IV стр.

Т. III. 1873—1877. 404 + III стр.

Т. IV. Приложения. Примечания и пр. — Указатели. 131 + CCX + V стр.

В переплете. На корешках переплетов всех четырех томов внизу инициалы: «О. Ч.» (Ольга Чернышевская).

Все четыре тома содержат в себе пометы Н. Г. Чернышевского и М. Н. Чернышевского.

Т. I, стр. 47 — помета М. Н. Чернышевского на полях: «Корректирующая поправка (буква а) сделана рукою Н. Г. Чернышевского. Мих. Чернышевский» («Если, мучимый страстью мятежной»).

Т. II, стр. 32 — на полях корректирующая поправка карандашом; стр. 34 — знаки вопросительные и восклицательные на полях карандашом и слово «или» («Коробейники»); стр. 47 — карандашом на полях поправка редакционного характера: в строфе «Уж я в третью: мужик! что ты бабу-то бьешь?» рукою Н. Г. Чернышевского «то» вычеркнуто («Песня убогого странника»); стр. 122 — корректирующая поправка («Мороз Красный нос»); стр. 253 тоже («Медвежья охота»); стр. 385 — подчеркнуты красным карандашом слова «не думала много» и «В последнее время» (строки 16 и 17); стр. 386 — отчеркнуто красным карандашом со слов «Все буду я думать о муже моем» и кончая словами: «Терзается лютою думой» (строки 19—28); стр. 387 — отчеркнуто красным карандашом со слов «Но если останусь я с ним... и потом» и кончая словами «Ты сердца единый избранник»... (Строки 15—30). В этих же отрывках подчеркнуты красным карандашом слова «может случиться» (строка 15) и «Ты единый избранник» (строка 30); стр. 393 — подчеркнуто красным карандашом: «Крепись, моя бедная! будь весела!» (строка 3) и «пир я устрою» (строка 8); «героинею дня» (строка 9 снизу), после «дня» — поставлен красным карандашом восклицательный знак; стр. 394 —

красным карандашом отчеркнут отрывок со слов «В объ-
ятья меня заключали» и кончая словами «головами ка-
чали» (строки 1—2); отчеркнут красным карандашом
отрывок со слов «Безвременно взятый могилой» и кон-
чая словами «И горы, и Черное море» (строка 5 снизу);
стр. 395 — отчеркнуто красным карандашом со слов «Без
шляпки, с распущенной длинной косой» и кончая слова-
ми «Я прыгала, с морем играла» (строки 3—8) и со слов
«Молчите! идет гувернантка моя!» и кончая словами «Я
вспыхнула вся — я довольна была» (строки 17—21); стр.
399 — подчеркнуты красным карандашом слова: «умо-
ляла» (12 строка) и «Ни музыки я не услышу такой, ни
песни... Наслушаться дайте!» (15—16 строки) («Русские
женщины»).

Т. III, стр. 11, 12 — корректурные поправки посторон-
ней рукой («Кому на Руси жить хорошо»); стр. 368 —
пометы М. Н. Чернышевского: карандашом приписана
последняя строфа, начинающаяся словами «Его еще по-
камест не распяли», и заглавие заменено словом «Н. Г.
Чернышевский» («Пророк. Из Барбье»).

Т. IV, стр. LXXXVI — рукою Н. Г. Чернышевского чер-
ным карандашом отчеркнут на полях отрывок со слов:
«если б еще года три-четыре жизни» и кончая словами
«Плох стал» («Новое время», 1878, № 662) (17—23
строки); стр. CXLVIII — химическим карандашом, кото-
рого у Н. Г. Чернышевского не было, отчеркнута со зна-
ком нотабене «Записка о письмах Белинского к Тургене-
ву» (10—12 строки снизу); стр. CXСIII — рукою М. Н.
Чернышевского карандашом отчеркнуты слова в отд. 9
«Музыка к стихотворениям». (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955,*
стр. 80, №№ 587—590).

Четырехтомник стихотворений Н. А. Некрасова по-
служил Н. Г. Чернышевскому для его «Заметок о Не-
красове», посланных А. Н. Пыпину 17 июня 1886 г.
(См. «Заметки при чтении «Биографических сведений»
о Некрасове, помещенных в I томе «Посмертного из-
дания» его «Стихотворений», СПб. 1879», «Заметки
при просмотре «Примечаний» (к стихотворениям Не-
красова), помещенных в IV томе «Посмертного изда-
ния» его стихотворений, СПб, 1879» и «Заметка к
«Своду статей о Некрасове», помещенной в том же
(IV) томе» (Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 742—754).

Автором «биографических сведений» о Некрасове был А. М. Скабичевский. Примечания были составлены им же совместно с С. И. Пономаревым.

Отрывок из поэмы Некрасова «Русские женщины» приводится Н. Г. Чернышевским в письме к О. С. Чернышевской от 7 июля 1888 г. (Полн. собр. соч., т. XV, М. 1950, стр. 701).

По возвращении из ссылки Н. Г. Чернышевским были написаны: «Воспоминания о Некрасове», «Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым» (Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 714—741). Имя Некрасова постоянно упоминается в переписке Н. Г. Чернышевского 1883—1889 гг. с А. Н. Пыпиным, К. Т. Солдатенковым, семьей Добролюбова, А. В. Михайловым и др. (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 430—837). В этот период Н. Г. Чернышевский мечтал «выбрать и издать материалы для биографии Некрасова» (письмо к А. В. Михайлову от 24 августа 1888 г.), но этот замысел не получил осуществления.

33. Русский календарь на 1884 г. А. Суворина. Тринадцатый год, С.-Петербург. Типография А. С. Суворина, 1883. [20] + 24 + 321 + 169 стр. + 11 стр. объявл. (21×15).

В переплете.

На чистом листе после переплетной крышки пометы М. Н. Чернышевского чернилами: 1) «Из книг Н. Г. Чернышевского. Астрахань». 2) «Пометки Н. Г. Чернышевского: На обороте титула. На первой стр. оглавления. Стр. 58—68 [второго счета] — в алфав[итном] указателе имен святых подчеркнуты имена мужские и женские. Стр. 69 [второго счета] — подчеркнуты числа в таблице для нахождения дней недели в любом году (вероятно, для повести). Стр. 107 [второго счета] — сравн[ительная] таблица градусов Реомюра и Цельсия. 108 — 110 — 113 [второго счета] — метеорологические таблицы. 259—261 [второго счета] — выс[очайший] манифест о короновании. 289, 290, 293, 301, 302, 303 [второго счета] — отмечены некоторые лат[инские] цитаты. 24 [третьего счета] — учебн[ые] и воспит[ательные] заведения. 94 [третьего счета] — метрология». (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 81, № 593*).

Книга была прислана Н. Г. Чернышевскому его сыном Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1883 г. Н. Г.

Чернышевский писал ему: «Благодарю тебя за присылку календаря. Мамаша твоя сделала хорошо, позаботившись о том, чтобы снабдить меня им. Теперь, имея эту справочную книгу, я имею все по книжной части, что нужно мне, и ни в каких других книгах не имею надобности». (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 425). Горькая ирония последних строк показательна для этого периода, когда по возвращении из ссылки Н. Г. Чернышевскому пришлось испытать большую материальную нужду («Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М. 1953, стр. 515—517, 522).

34. [Чернышевская О. С.]. Алфавитный указатель к «Современнику» за первое десятилетие 1847—1856, составленный О. Ч. Санкт-Петербург, 1857, стр. 56.

Отд. оттиск из журнала «Современник», 1857, № 3.

На обложке пометы рукою М. Н. Чернышевского:

1. Подчеркнуты красным карандашом инициалы «О. Ч.» и под ними написано: «Ольга Сократовна Чернышевская».
2. «Из книг Музея Н. Г. Чернышевского».
3. «Современник», 1857, III».

На обороте обложки рукою Н. Г. Чернышевского карандашом нанесены цифровые вычисления арабскими и римскими цифрами, они обведены чернильной чертой и им дано следующее пояснение рукою М. Н. Чернышевского: «Эти карандашные пометки сделаны Н. Г. Чернышевским в Астрахани, очевидно, для облегчения отыскания года, к которому относится данный том. Мих. Чернышевский». (*Опись ЦГАЛИ*, М. 1955, стр. 81, № 594).

По-видимому, заметки относятся к 1888 году, когда Н. Г. Чернышевский получил от А. В. Михайлова комплект «Современника» за 1848—1866 гг. и задумывал переиздание многих своих статей.

Указатель написан в 1856 г. О предстоящем его печатании Н. Г. Чернышевский писал Н. А. Некрасову 5 декабря 1856 г. (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 331).

35. [Чернышевский Н. Г.]. Эстетические отношения искусства к действительности. Издание второе А. Н. Пыпина. В типографии Н. Тиблена и Комп. С.-Петербург 1865. IV + 152 стр. (21×15).

На обложке и в тексте книги многочисленные пометки (поправки и вставки) автора. В книгу вложено 8

перенумерованных листков почтового формата, исписанных рукою Н. Г. Чернышевского, под названием «Листки поправок». (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 42, № 226*).

Книга была получена от А. Н. Чернышевского 12 декабря 1887 г. и переработана Н. Г. Чернышевским для третьего издания. 20 апреля 1888 г. этот экземпляр с поправками был послан М. Н. Чернышевскому вместе с рукописью предисловия. Однако Главное управление по делам печати не допустило к печати 3-го издания диссертации Н. Г. Чернышевского («Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М 1953, стр. 565, 568). Этот исправленный текст вместе с предисловием был впервые опубликован в 1906 г. М. Н. Чернышевским (Полн. собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 84—164 (первого счета)).

При обработке личной библиотеки Н. Г. Чернышевского в фондах Дома-музея эта книга была включена в описание. После передачи ее в ЦГАЛИ она вошла в отдел рукописей, как «диссертация, изданная в 1865 г. с авторской правкой 1888 г.». Оставляем этот экземпляр в нашем описании.

36. **D'Avenel G.** Richelieu et la monarchie absolue. Par le Vicomte G. d'Avenel. (Ришелье и абсолютная монархия. Виконта Ж. Д'Авенеля. Париж). Т. I—III. Paris E. Plon, Nourrit et C^{ie}, imprimeurs—éditeurs. Librairie Plon. 1884—1887. [Т. III' 87]. (19 × 13).

Т. I. Le roi et la constitution. La noblesse et sa décadence. III + 451 p.

Т. II. La noblesse et sa décadence (Suite). Administration générale, finances. 454 p.

Т. III. Administration générale (Suite), armée, marine et colonies, cultes, justice. 471 p.

В переплете.

На титульных листах всех 3 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/103—136*).

Книга была получена Н. Г. Чернышевским от И. И. Барышева 12 марта 1889 г. (Полн. собр. соч., т. XV, стр. 824).

37. **Bernhardi Th. v.** Staatengeschichte der neuesten Zeit. Th. v. Bernhardi. (Политическая история новейшего времени. Т. фон Бернгарди. Лейпциг). В. VII,

XIX, XXI, XXIII. Leipzig. Verlag von S. Hirzel. Druck von J. B. Hirschfeld. 1863—1877. (23 × 14).

B. VII. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Erster Theil. Vom Wiener Congress bis zum zweiten Pariser Frieden. 1863. VIII + 544 S.

B. XIX. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Zweiter Theil. Einleitung. Erste Abtheilung. 1874. XII + 447 S. Pr. 2 Thlr.

B. XXI. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Zweiter Theil. Einleitung. Zweite Abtheilung. 1875. VIII + 846 S. Pr. 10 Mk.

B. XXIII. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Dritter Theil. 1877. VIII + 732 S.

На правых титульных листах всех 4 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского».

Не разрезаны: в т. VII стр. 25—32, 41—48, 57—64, 73—80, 89—112, 121—128, 137—144, 153—162, 169—176, 185—192, 201—208, 217—224, 233—240, 249—256, 265—272, 281—288, 297—304, 313—320, 329—336, 345—543; в т. XIX — стр. V—VIII, 9—447; в т. XXIII стр. 329—332; т. XXI не разрезан вовсе. (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/79—82).

Книга принадлежала Чернышевскому в 1883—1889 гг. (см. список книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Саратовскую публичную библиотеку в 1894 г., сост. М. Н. Чернышевским. (Фонд Дома-музея, ед. хр. № 588, л. 2).

38. **Biedermann, Karl.** Deutschland im Achtzehnten Jahrhundert. Von Karl Biedermann, ordentlichem Honorarprofessor an der Universität, Leipzig. (Германия в восемнадцатом столетии. Карла Бидермана. Лейпциг). Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. [B. I—IV]—Generalregister. Leipzig. Verlagsbuchhandlung von J. Weber. Walter Wigand's Buchdruckerei. 1867—1880 (25 × 15).

[B. I]. Politische, materielle und sociale Zustände. 1880. [4] + XX + 423 S. Pr. 8 Mark.

[B. II]—отсутствует.

[B. III]. Geistige, sittliche und gesellige Zustände. Zweiter Theil. Von 1740 bis zum Ende des Jahrhunderts.

Erste Abtheilung. Von Gellert bis mit Wieland. 1867. X + 226 S. Zweite Abtheilung: 1875. IX + (227—440) S. Pr. 8 Mark.

[B. IV]. Geistige, sittliche und gesellige Zustände. Zweiter Theil. Von 1740 bis zum Ende des Jahrhunderts. Dritte Abtheilung. XIII + 1244 S. 1880. Pr. 14 Mark.

[B. V]. Generalregister. 1880. 544 S. Pr. 1 Mark.

Томы IV и V в переплете.

В т. I имеются карандашные отметки на полях, стр. 15 и 17 («Die Reichsverfassung, der Kaiser und die Landesherren»).

Не разрезаны стр. 73—112, 169—336, 345—368, 381—384, 393—423. В т. III загнут угол стр. 81, не разрезаны стр. V—VIII, 217—226 (1-го отд.), V—VIII, 361—440 (2-го отд.). (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/75—77*).

Книга принадлежала Н. Г. Чернышевскому в 1883—1889 гг. (см. список книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Саратовскую публичную библиотеку в 1894 г., сост. М. Н. Чернышевским. — Фонд Дома-музея, ед. хр. № 588, л. 2).

39. **Brockhaus**. Conversation—Lexicon. (Энциклопедический словарь Брокгауза, Лейпциг). Allgemeine deutsche Real Encyclopädie. Dreizehnte vollständig umgearbeitete Auflage. Mit Abbildungen und Karten. In sechzehn Bänden. B. I—XVII. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1882—1887. (26 × 17).

B. I. A—Arraroba. 1882. 954 + [2] S. + 55 Blätt. Tafeln und Karten.

B. II. Arras—Bibelerklärung. 1882. 953 + [3] S. 58 Blätt. Tafeln und Karten.

B. III. Bibelgesellschaften—Carlow. 1882. 954 + [2] S. + 56 Blätt. Tafeln und Karten.

B. IV. Carlowitz—Deichselrecht. 1883. 954 + [2] S. + 23 Blätt. Tafeln und Karten.

B. V. Deidesheim—Elektra. 1883. 956 + [2] S. + 35 Blätt. Tafeln und Karten.

B. VI. Electricität—Forkenbeck. 1883. 954 + [2] S. + 56 Blätt. Tafeln und Karten.

B. VII. Ford—Gewindebohrer. 1884. 954 + [2] S. + 24 Blätt. Tafeln und Karten.

B. VIII. Gewinn bis Heddesdorf. 1884. 954. + [2] S. + 36 Blätt. Tafeln und Karten.

В. IX. Hede—Kades. 1884. 954 + [2] S. + 43 Blätt. Tafeln und Karten.

В. X. Kadett—Lenzkirch. 1885. 953 + [3] S. + 48 Blätt. Tafeln und Karten.

В. XI. Leo—Murrav. 1885. 954 + [2] S. + 41 Blätt. Tafeln und Karten.

В. XII. Murrhardt—Phoxoc. 1885. 954 + [2] S. 69 Blätt. Tafeln und Karten.

В. XIII. Phraates—Russkohle. 1886. 946 + [2] S. + 49 Blätt. Tafeln und Karten.

В. XIV. Russland—Spahis. 1886. 954 + [2] S. + 40 Blätt. Tafeln und Karten + 2 Karten.

В. XV. Spaichingen—Uhrich. 1886. 954 + [2] S. + 35 Blätt. Tafeln und Karten.

В. XVI. Uhn—Zz. 1887. VIII + 982 + [2] S. + 40 Blätt. Tafeln und Bilden.

[В. XVII.] Supplementband. A—Z. Register. 1887. 994 + [3] S. + 30 Blätt. Tafeln und Karten + 5 Karten.

В переплете.

На первом чистом листе после переплетной крышки всех 17 томов помечено рукою М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского, Астрахань—Саратов». — В тексте отсутствуют отметки Чернышевского, за исключением 15-го т., где заложена обрывком розового конверта стр. 718, отдел «Serbisch — Bulgarischer Krieg von 1885». (*ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/4—20*).

Лексикон Брокгауза на немецком языке (10-е издание) служил Н. Г. Чернышевскому для справок в ссылке, когда, например, он писал сыновьям по вопросам философии и естествознания в 1878 г. (Полн. собр. соч., т. XV, стр. 257, 258, 270, 271).

По приезде из Сибири в Астрахань, Чернышевским, по его просьбе, опять был получен от А. В. Захарьина в 1884 г. этот словарь уже в следующем издании (там же, стр. 467, 485, 488).

К 1888 году относится замысел Н. Г. Чернышевского дать русскую переработку словаря Брокгауза. В связи с этим он обращается с просьбой к К. Т. Солдатенкову о присылке еще последнего (13-го) издания, которое и было прислано (там же, стр. 691—824). Задуманный Н. Г. Чернышевским труд не получил осуществления вследствие того, что тогда же издание словаря Брокгауза в переработке для русского

читателя было предпринято А. Сувориным (там же, стр. 709, 723—724, 729—730).

40. **Chéruel, A.** Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV. Par A. Chéruel, recteur honoraire et Inspecteur général honoraire de l'Université, Membre du Comité des travaux historiques et des Sociétés savantes. (История Франции в период несовершеннолетия Людовика XIV. А. Шерюэля. Париж). Vol. 1—IV. Paris. Librairie Hachette et C—ie. 1879—1880. [Т. IV' 80]. (19 × 13). Pr. 30 fr.

Vol. I. LVII + 420 p.

Vol. II. 526 + [2] p.

Vol. III. 432 p.

Vol. IV. 447 p.

В переплете.

На титульных листах всех 4 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/91—94).

8 декабря 1888 г. Н. Г. Чернышевский просил И. И. Барышева выписать из-за границы эту книгу. 12 марта 1889 г. он извещает Барышева о ее получении (Полн. собр. соч., т. XV, стр. 772 и 824).

Книга послужила Н. Г. Чернышевскому для работы, когда он переводил XI том «Всеобщей истории» Г. Вебера в 1889 г.: в приложении к переводу этого тома Н. Г. Чернышевским дан «рассказ о битве при Рокруа, переведенный из книги Шерюэля» (Полн. собр. соч., т. X, стр. 929).

41. **Chéruel, A.** Histoire de France sous le ministère de Mazarin (1651—1661). Par A. Chéruel, recteur honoraire et inspecteur général honoraire de l'Université, Membre du Comité des travaux historiques et des sociétés savantes. (История Франции при Мазарини (1651—1661). А. Шерюэля. Париж).

Vol. I—III. Paris. Librairie Hachette et C—ie. Imprimerie Emile Martinet. 1882. (19 × 13).

Vol. I. XII + 484 p.

Vol. II. 428 p.

Vol. III. 444 p.

В переплете.

На титульных листах всех 4 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/88—90).

8 декабря 1888 г. Н. Г. Чернышевский просил И. И. Барышева о присылке этой книги. 12 марта 1889 г. он извещал И. И. Барышева о ее получении (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 773 и 824).

Личность Мазарини интересовала Н. Г. Чернышевского. В 1889 г. им была написана статья «Биография кардинала Мазарини до его вступления в министерство» для приложения к переводу XII тома «Всеобщей истории» Г. Вебера.

Перевод этого тома остался незаконченным, поэтому и статья о Мазарини осталась в то время незаконченной и ненапечатанной. Впервые она была напечатана в XVI т. Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского (Гослитиздат, 1953, стр. 530—534 и 734).

42. **Flügel, Felix u. J. G.** Praktisches Wörterbuch der Englischen und Deutschen Sprache. In zwei Theilen. Th. I—II. Bearbeitet von Dr. Felix Flügel, unter Mitwirkung von Dr. J. G. Flügel, vormal's Consul der Vereinigten Staaten von Nordamerica zu Leipzig. (Практический словарь английского и немецкого языков. Ф. Флюгеля. Лейпциг). Vierzehnte durchgesehene und verbesserte Auflage. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1883. (21 × 14).

[B. I]. Erster Theil. Englisch—Deutsch. L + 878 S.

[Vol. II]. Part II. German and English. XXXII + 1184 p.

В обоих томах титульные листы на немецком и английском языках.

В переплете.

На правом титульном листе обоих томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/86—87).

Книга принадлежала Н. Г. Чернышевскому в 1883—1889 гг. (см. список книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Саратовскую публичную библиотеку в 1894 г., сост. М. Н. Чернышевским. — Фонд Дома-музея, ед. хр. № 588, л. 2).

43. **Gardiner, Samuel Rawson.** Prince Charles and spanish marriage: 1617—1623. A chapter of English history, founded principally upon unpublished documents in this country, and in the archives of Simancas, Venice and Brussels. By Samuel Rawson Gardiner author of the „History of England from the accession of James I to the disgrace of chief justice Coke“. (Принц Карл и испанский

брак. 1617—1623. Самуэля Раусона Гардинера. Лондон). In two volumes. Vol. I—II. London. Hurst and Blackett, publishers. 1869. (23 × 15).

Vol. I. XXIV + 476 p.

Vol. II. XII + 488 + [16] p.

В переплете.

На титульных листах обоих томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/101—102).

Книга была послана Н. Г. Чернышевскому И. И. Барышевым 23 февраля 1889 г. (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. III, М. 1930, стр. 587) по запросу Н. Г. Чернышевского от 8 декабря 1888 г. (Полн. собр. соч., т. XV, М. 1950, стр. 773).

44. **Gardiner Samuel Rawson.** A history of England under the Duke of Buckingham and Charles I. 1624—1628. By Samuel Rawson Gardiner, late student of christ church, corresponding member of the Massachusetts historical society, author of „A history of England from the accession of James I to the disgrace of chief justice Coke“, „Prince Charles and the spanish marriage“ and „The thirty year's war“ in the epochs of history series. (История Англии при герцоге Букингэмском и Карле I. 1624—1628. Самуэля Раусона Гардинера. Лондон). In two volumes. Vol. I—II.—London. Longmans, Green and Co. 1875. (23 × 15).

Vol. I. XXI + [1] + 366 p. + 1 card.

Vol. II. XIII + [1] + 386 p. + 1 card + 24 p.

В переплете.

На титульных листах обоих томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского» (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/103—104).

Книга была послана Н. Г. Чернышевскому И. И. Барышевым 23 февраля 1889 г. (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. III, М. 1930, стр. 587) по просьбе Н. Г. Чернышевского в письме от 8 декабря 1888 г. (Полн. собр. соч., т. XV, М. 1950, стр. 773).

45. **Hettner Hermann.** Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts. Von Hermann Hettner. (История литературы восемнадцатого века. Г. Геттнера. Брауншвейг). In drei Theilen. Vierte verbesserte Auflage. [B. I—V]. Braunschweig. Druck und Verlag von Friedrich Vieweg und Sohn. 1879—1881. (22 × 14).

[B. I]. Erster Theil. Die englische Literatur von 1660—1770. 1881. X + 563 S.

[B. II]. Zweiter Theil. Die französische Literatur im achtzehnten Jahrhunderts, 1881. IX + [1] + 595 S.

[B. III].—Dritter Theil. Die deutsche Literatur im achtzehnten Jahrhundert. Zweites Buch. Das Zeitalter Friedrichs des Grossen. Dritte umgearbeitete Auflage. 1879. VI + 634 S.

[B. IV]. Dritter Theil. Die deutsche Literatur im achtzehnten Jahrhundert. Drittes Buch. Das klassische Zeitalter der deutschen Literatur. Erste Abtheilung. Die Sturm- und Drangperiode. Dritte umgearbeitete Auflage. 1879. VI + 420 S.

[B. V]. Dritter Theil. Die deutsche Literatur im achtzehnten Jahrhundert. Drittes Buch. Das Klassische Zeitalter der deutschen Literatur. Zweite Abtheilung. Das Ideal der Humanität. Dritte umgearbeitete Auflage. 1879. VIII + 580 S.

В переплете.

На титульных листах всех 5 томов пометы М. И. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. №№ 609/83—85, 132, 133).

Книга была получена Н. Г. Чернышевским от И. И. Барышева 12 марта 1889 г. (письмо к И. И. Барышеву. — Полн. собр. соч., т. XV, М. 1950, стр. 824).

46. **Kolb H. Fr.** Kulturgeschichte der Menschheit, mit besonderer Berücksichtigung von Regierungsform, Politik, Religion, Freiheits—und Wohlstandsentwicklung der Völker. Eine allgemeine Weltgeschichte nach den Bedürfnissen der Jetztzeit, Von H. Fr Kolb, Ehrenmitglied des Universitätsraths zu Charkow, ausserordentl. Mitglied der statistischen Centralcomission des Königreichs Bayern. (История культуры человечества. Г. Ф. Кольба. Лейпциг). Dritte, völlig umgearbeitete Auflage. B. I—II. Leipzig. Verlag von Arthur Felix. Druck von Förster u. Bär. 1885. (22 × 14).

B. I. XXIII + 587 + [1] S.

B. II. XII + 688 S.

В переплете.

На титульных листах обоих томов пометы М. И. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/69—70).

Книга принадлежала Н. Г. Чернышевскому в 1883—1889 гг. (см. список книг Н. Г. Чернышевского,

переданных в Саратовскую публичную библиотеку в 1894 г., сост. М. Н. Чернышевским. — Фонд Дома-музея, ед. хр. № 588, л. 2).

47. **Lecky, William Edward Hartpole.** A history of England in the eighteenth century. By William Edward Hartpole Lecky. (История Англии в восемнадцатом веке. Вильяма Эдварда Гартполя Лекки. Лондон). Fourth edition, revised. Vol. I—VI. London. Longmans, Green and Co. Printed by Spottiswoode and Co. 1887—1888 (22+14).

Vol. I. 1888. XVIII + 578 p.

Vol. II. 1888. XVI + 642 p.

Vol. III. Third edition. 1887. XII + 545 p.

Vol. IV. Third edition. 1887. XIV + 560 p.

Vol. V. Second edition. 1887. XVI + 602 p.

Vol. VI. Second edition. 1887. XVIII + 611 p.

В переплете.

На титульных листах всех 6 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/95—100).

Книга была получена Н. Г. Чернышевским от книготорговца Дейбнера 14 апреля 1889 г. (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 830).

48. **Mahon, Lord.** History of England from the peace of Utrecht to the peace of Versailles. 1713—1783. By Lord Mahon. (История Англии после Утрехтского мира до Версальского мира. 1713—1783 Лорда Мэгона. Лейпциг). Copyright edition. In seven volumes. Vol. I—VII. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1853—1854. (16 × 12). [Collection of british authors, vol. CCLXIX—CCLXXV].

Vol. I. 1713—1720. 1853. XII + 426 p. [Vol. CCLXIX]. Pr. M. I, 60.

Vol. II. 1720—1740. 1853. XII + 403 p. [Vol. CCLXX]. Pr. M. I, 60.

Vol. III. 1740—1748. 1853. XII + 447 p. [Vol. CCLXXI]. Pr. M. I, 60.

Vol. IV. 1748—1763. 1853. XIV + 413 p. [Vol. CCLXXIII]. Pr. M. I, 60.

Vol. V. 1763—1774. 1853. XIV + 392 p. [Vol. CCLXXIII]. Pr. M. I, 60.

Vol. VI. 1774—1780. 1854. XII + 404 p. [Vol. CCLXXIV]. Pr. M. I, 60.

Vol. VII. 1780—1783. 1854. XIV + 436 p. [Vol. CCLXXV]. Pr. M. I, 60.

На титульных листах всех 7 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/125—13).

Книга принадлежала Н. Г. Чернышевскому в 1883—1889 гг. (см. список книг Н. Г. Чернышевского, переданных в Саратовскую публичную библиотеку в 1894 г., сост. М. Н. Чернышевским. — Фонд Дома-музея, ед. хр. № 588, л. 1 об.).

49. **Macaulay, Thomas Babington.** The History of England from the accession of James the Second. By Thomas Babington Macaulay. (История Англии после восшествия на престол Иакова Второго. Томаса Бабингтона Маколея. Лейпциг). Copyright edition. T. I—X. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1849—1861. (16 × 12). [Collection of british authors, vol. 172—543].

Vol. I. 1849. X + 438 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 172].

Vol. II. 1849. X + 413 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 173].

Vol. III. 1849. XII + 466 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 174].

Vol. IV. 1855. VIII + 332 p. + I ill. Pr. M. I, 60. [Vol. 337].

Vol. V. 1855. VIII + 344 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 338].

Vol. VI. 1855. VIII + 299 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 339].

Vol. VII. 1855. VIII + 347 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 340].

Vol. VIII. 1855. VIII + 335 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 341].

Vol. IX. Edited by his sister, lady Trevelyan. 1861. VIII + 280 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 542].

Vol. X. Edited by his sister, lady Traveyan. 1861. [1] + 280 + 16 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 543].

Первые 2 тома в переплете.

На титульных листах всех 10 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского».

На обложке и на шмуцтитуле V тома штамп: «Книжный магазин И. Дейбнер в Москве».

Не разрезаны: конец V т. (Index, стр. 280—344), т. VII, со стр. 225 до конца; весь т. VIII; т. IX, со стр. 33 до конца; весь т. X (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/105—114).

Книга числится в списке, составленном Н. Г. Чернышевским в крепости (май 1864) (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 489) и в списке книг, принадлежавших ему в 1883—1889 гг. и переданных в Саратовскую публичную библиотеку, составленном М. Н. Чернышевским (фонд Дома-музея, ед. хр. № 588, л. 2).

12 марта 1889 г. Н. Г. Чернышевский извещал

И. И. Барышева о получении книг Маколея, без упоминания названия их. По-видимому, это извещение относится ко всем томам Маколея, вошедшим в наше описание на основании списков М. Н. Чернышевского и его личных помет на всех этих книгах (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 823).

Десять томов «Истории Англии» Маколея на английском языке находились в руках Н. Г. Чернышевского в 1860 г. Они же посылались родными Н. Г. Чернышевскому в крепость в 1863 г. (этот экземпляр не сохранился).

Сочинениями Маколея Чернышевский пользовался в продолжение всей своей научной и публицистической деятельности.

Первые проблески интереса к английскому историку мы встречаем в самых ранних статьях Чернышевского 1854 г., появившихся в «Отечественных записках». Это — «Новости литературы, искусств, наук и промышленности» (Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 129) и «Иностранные известия» в «Современнике» (там же, стр. 247).

О знакомстве Чернышевского с сочинениями Маколея впервые говорится в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855—1856) (Полн. собр. соч., т. III, 1947, стр. 271—272). Специальной работы, посвященной характеристике Маколея как историка, у Н. Г. Чернышевского не имеется. Отдельные черты этой характеристики даны в рецензии на «Сочинения Т. Н. Грановского, М. 1856» и в «Заметках о журналах» за май 1856 г. (там же, стр. 363—364 и 656); в «Предисловии к русскому переводу истории XVIII столетия Шлоссера» 1858 (там же, т. V, 1950, стр. 175); в статьях «Г. Чичерин как публицист» (там же, стр. 661) и «Нынешние английские виги» 1860 г. (там же, т. VII, стр. 388—409).

В сочинениях консервативного английского историка Н. Г. Чернышевского восхищает мастерство языка. Отвергая Маколея как мыслителя, Чернышевский приветствует его как художника, причисляя Маколея к «знаменитейшим представителям блистательных рассказчиков» (Полн. собр. соч., т. V, стр. 175 и т. VII, стр. 392).

В «Заметках о журналах. Декабрь 1855 и Январь

1856 года» Чернышевский приветствует появившийся в «Русском вестнике» перевод статьи Маколея о войне за наследство испанского престола (Полн. собр. соч., т. III, стр. 633).

В 1856 г. Н. Г. Чернышевский приступает к печатанию в «Современнике» «Рассказов из истории Англии» по Маколею, составленных А. Н. Пыпиным под его руководством (Полн. собр. соч., т. XIV, 1949, стр. 313, 326, 330, 340). В 1858 г. эти рассказы вышли в Петербурге отдельным изданием в двух томах. Об успехе этой книги у читателей Чернышевский пишет в рецензии на «Историческую библиотеку» (Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 455).

Отдельные ссылки на сочинения Маколея рассеяны в разных статьях Н. Г. Чернышевского 1857 г., например в статье «Губернские очерки, Щедрина» (Полн. собр. соч., т. IV, стр. 272, 297), «Сочинения и письма Н. В. Гоголя» (там же, 634). Мы встречаем их и в «Замечаниях на книгу Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (Полн. собр. соч., т. XVI, 1953, стр. 565, 570).

В крепости Н. Г. Чернышевский занимается переводом «Истории Англии» Маколея, закончив его 24 июля 1863 г. (Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М. 1953, стр. 306). Отражением этих занятий явились отдельные ссылки на Маколея в других работах, написанных в раavelине: в «Рассказе о Крымской войне (по Кинглеку)» (Полн. собр. соч., т. X, 1951, стр. 303—304, 308, 315) и в «Автобиографии» (Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 670).

Сочинения Маколея нашли отражение и в беллетристике Н. Г. Чернышевского этого периода. Их считает не заслуживающими внимания Рахметов (Роман «Что делать?», Полн. собр. соч., т. XI, 1939, стр. 196, 203, 527). Они называются в заключительных строках рассказа «Сватовство герцога Сен-Симона» (Полн. собр. соч., т. XII, 1949, стр. 567).

В ссылке Н. Г. Чернышевский возвращается к Маколею, вводя шутовское упоминание о нем в роман «Пролог» (Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 290). О необходимости изучать сочинения Маколея для самообразования Н. Г. Чернышевский писал сыну Ми-

хаилу из Вилюйска 3 марта 1882 г. (там же, т. XV, стр. 349).

В последние годы жизни Н. Г. Чернышевский имел в виду перечитать Маколея и выписал ряд его сочинений в подлиннике (см. выше) из Москвы. Следов использования трудов английского историка в литературном наследии Н. Г. Чернышевского этого периода не сохранилось.

50. **Macaulay, Thomas Babington.** Critical and historical essays, contributed to the Edinburgh Review. By Thomas Babington Macaulay (Критические и исторические опыты. Томаса Бабингтона Маколея. Лейпциг). Copyright edition. In five volumes, T. I—V. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1850. (16 × 12). [Collection of british authors. Vol. 185—189].

Vol. I. [1] + 402 p. [Vol. 185]. Pr. M. I, 60.

Vol. II. [1] + 349 p. [Vol. 186]. Pr. M. I, 60.

Vol. III. [1] + 324 p. [Vol. 187]. Pr. M. I, 60.

Vol. IV. [1] + 349 p. [Vol. 188]. Pr. M. I, 60.

Vol. V. [1] + 318 p. [Vol. 189]. Pr. M. I, 60.

На титульных листах всех 5 томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского».

I т. не разрезан, начиная с 273 стр. до конца тома; т. II—со стр. 153 до конца; IV т. не разрезан вовсе; т. V разрезан лишь с 162 по 297 стр. (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/115—119).

Книга была получена Н. Г. Чернышевским от И. И. Барышева 12 марта 1889 г. (Полн. собр. соч., т. XV, М. 1950, стр. 823).

Когда в 1860 г. в Петербурге вышел первый том полного собрания сочинений Маколея («Критические и исторические опыты») в издании Н. Тиблена, Н. Г. Чернышевским было произведено сличение перевода с подлинником, и он убедился в добросовестности перевода: «Маколей не искажен в издании Тиблена» (Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 388). Выход этой книги дал повод Н. Г. Чернышевскому подвергнуть детальному разбору деятельность Маколея как историка в статье «Нынешние английские виги», где разбирается консервативное, антидемократическое направление его воззрений (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 388—409).

51. **Macaulay, Thomas Babington.** Lays of ancient Rome; with „Ivry“ and „The Armada“. By Thomas Babington Macaulay. (Песни древнего Рима. Томаса Бабингтона Маколея. Лейпциг). Copyright edition [In one volume]. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1851. [I] + 240 p. + 1 ill. (16 × 12). Pr. M. I, 60. [Collection of british authors, vol. 198]

На титульном листе помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». Книга не разрезана. (ОФ Дома-музея, *ед. хр. № 609/123*).

Получена Н. Г. Чернышевским от И. И. Барышева 12 марта 1889 г. (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 823).

52. **Macaulay, T. B.** Speeches, of the right honorable T. B. Macaulay, M. P. (Речи. Т. Б. Маколея. Лейпциг). Corrected by himself. Copyright edition. In two volumes. Vol. I.—II. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1853. (16 × 12). [Collection of british authors, Vol. 284—285].

Vol. I. XIV + 320 p. Pr. 1/2 Thlr. [Vol. 284].

Vol. II. 314 p. Pr. M. I, 60. [Vol. 285].

На титульных листах обоих томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». Оба тома не разрезаны. (ОФ Дома-музея, *ед. хр. № 609/120—121*).

Книга была получена Н. Г. Чернышевским от И. И. Барышева 12 марта 1889 г. (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 823).

53. **Macaulay, Thomas Babington.** Biographical essays. Thomas Babington Macaulay. (Биографические очерки. Томаса Бабингтона Маколея. Лейпциг). Copyright edition. [In one volume]. Frederic the Great. — Bunyan. — Goldsmith. — Johnson. — Barere. Leipzig. Bernhard Tauchnitz. 1857. 296 p. (16 × 12). Pr. M. I, 60. [Collection of british authors, vol. 405].

На титульном листе помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, *ед. хр. № 609/122*).

Книга была получена Н. Г. Чернышевским от И. И. Барышева 12 марта 1889 г. (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 823).

54. **Macaulay, Lord.** William Pitt. Atterbury. By Lord Macaulay. (Вильям Питт. Лорда Маколея. Лейпциг). Copyright edition. [In one volume]. Leipzig. Bernhard Tauch-

nitz. 1860. 210 + 16 p. (16 × 12). Pr. M. I, 60. [Collection of British authors, vol. 507].

На титульном листе помета М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». Книга не разрезана. (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/124).

Получена Н. Г. Чернышевским от И. И. Барышева 12 марта 1889 г. (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 823).

55. **Mätzner, Eduard.** Englische Grammatik. Von Eduard Mätzner (Английская грамматика. Эдуарда Мэцнера. Берлин). Dritte Auflage. [B. I—II]. Berlin. Weidmannsche Buchhandlung. 1882. (24 × 16).

[B. I]. Zweiter Theil. Die Lehre von der Wort- und Satzfügung. Erste Hälfte. VIII + 541 S.

[B. II]. Dritter Theil. Die Lehre von den Wort und Satzfügung. Zweite Hälfte. XX + 652 S.

Том II в переплете.

На титульных листах обоих томов пометы М. Н. Чернышевского чернилами: «Из книг Н. Г. Чернышевского». (ОФ Дома-музея, ед. хр. № 609/71—72).

14 апреля 1889 г. Н. Г. Чернышевский извещал книгопродавца Дейбнера о получении этой книги (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 830).

56. **Weber Georg.** Allgemeine Weltgeschichte von Georg Weber. (Всеобщая история. Георга Вебера. Лейпциг). Zweite Auflage unter Mitwirkung von Fachgelehrten revidirt und überarbeitet. B. I—VIII, XIII, XIV. Leipzig Verlag von Wilhelm Engelmann. Druck von Breitkopf und Härtel. 1882—1888 (23 × 15).

B. I. XXIV + 854 S.

B. II. [Geschichte des Hellenischen Volkes]. 1882. XVI + 939 S.

B. III. [Römische Geschichte bis zu Ende der Republik und Geschichte der alexandrinisch-hellenischen Welt]. 1883. XVI + 965 S.

B. IV. [Geschichte des Römischen Kaiserreichs, der Völkerwanderung und der neuen Staatenbildungen]. 1883. XIV + [2] + 864 S.

B. V. [Geschichte des Mittelalters. Erster Theil]. 1883. IX + [2] + 765 S.

B. VI. [Geschichte des Mittelalters. Zweiter Theil]. 1884. X + [1] + 823 + [2] S.

В. VII. [Geschichte des Mittelalters. Dritter Theil]. 1884. X + 914 S. + 2 Stammtafeln.

В. VIII. [Geschichte des Mittelalters. Vierter Theil]. 1885. X + 918 S. + 1 Stammtafel.

В. XIII. [Das Zeitalter der Reformen und Revolutionen]. 1888. XII + 988 S.

В. XIV. [Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. I Abtheilung: bis zur Julirevolution und deren unmittelbaren Folgen]. 1888. X + 959 S.

В переплете. Т. I дефектен: недостает начала книги — титульных листов, шмуцтитула и стр. I—VI, XV—XVI. Во II т. стр. 83—96 переплетены вверх ногами. В переплет VII т. по ошибке включена обложка IX т.

Первые 8 томов хранят на себе следы работы Чернышевского над переводом Вебера: материал разделен на части, подсчитан, в некоторых случаях сверен по объему с рукописью перевода, о чем свидетельствуют многочисленные цифровые вычисления на полях книг. Была произведена выборка материала, и некоторые места вычеркнуты. Встречается перевод текста на русский язык. В тт. III—V рукою Чернышевского нанесена карандашная пагинация, идущая в нисходящем порядке в верхних углах четных страниц книги. В тт. I, III, V—VIII на полях имеются заметки Чернышевского, относящиеся к ходу работы, в редких случаях — к содержанию книги. В начале III тома выставлена дата: 17 марта [1886]; в начале IV т. — 15 июля [1886]; в тт. V—VII — вычисления о ходе работы за декабрь [1886], январь, февраль, март и апрель [1887]. Значительное количество вычислений и проч. пометок Чернышевского, находящихся на полях, наполовину обрезаны переплетчиком Саратовской публичной библиотеки. (*Опись ЦГАЛИ, М. 1955, стр. 80, №№ 577—584*).

К работе над переводом «Всеобщей истории» Г. Вебера Н. Г. Чернышевский приступил в 1885 г. Первый том этого издания был получен 7 марта 1885 г., двенадцатый — в июне 1889 г. Всего было переведено около 12 томов под псевдонимом *Андреев*. 12 октября 1889 г., за пять дней до смерти, работа оборвалась на переводе 459-й стр. 12-го тома и была продолжена В. Неведомским. «Всеобщая история» Г. Вебера в переводе Н. Г. Чернышевского вышла в свет в 1885—1889 гг. и сейчас же была повторена вторым изданием

1890—1896 гг. (вышли тт. I—IX), причем с VI тома этот перевод был пополнен В. Неведомским, включившим в него все выпущенные Н. Г. Чернышевским места. Эти выпуски объяснялись тем, что одновременно с переводом Н. Г. Чернышевский задумывал дать переработку текста Вебера в революционно-демократическом духе и прибавлять к нему дополнения (письмо к И. И. Барышеву 19 июня 1889 г.). Он осуществил это сначала путем приложения ряда самостоятельных статей, компиляций и переводов, затем принялся за переработку самого текста, особенно для 2-го издания I тома. На этом работа остановилась, и первый том вышел уже после смерти писателя (Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 520—901; «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М. 1953, стр. 539—609).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ¹

1. Русские книги

- Бибииков П. А.* О литературной деятельности Н. А. Добролюбова, СПб. 1862 — 4.
Библия, тт. I—V. СПб. 1881—1882—29.
Биллярский П. Судьбы церковного языка. СПб. 1858 — 5.
Вебер Г. Всеобщая история, т. I, М. 1890 — 30.
Добролюбов Н. А. См. Лайбов.
Короленко В. Слепой музыкант, М. 1888 — 31.
Лайбов (Добролюбов Н. А.) Собеседник любителей российско-го слова, Библиографические заметки. Из «Современника» 1856 — 6.
Некрасов Н. А. Стихотворения, М. 1856 — 7.
Некрасов Н. А. Стихотворения, тт. I—IV, СПб. 1879—32.
Огарев Н. Стихотворения. М. 1859 — 8.
Пушкин А. С. Сочинения, т. II, 1855—9.
Русский календарь на 1884 г. А. Суворина. СПб. 1883 — 33.
Соколов А. Краледворская рукопись и Суд Любуши, Казань 1846 — 2.
Срезневский И. И. Исследования о языческом богослужении древних славян, СПб. 1848 — 3.
[*Чернышевская О. С.*] Алфавитный указатель к «Современнику» за первое десятилетие, СПб. 1857 — 34.
[*Чернышевский Н. Г.*] Эстетические отношения искусства к действительности, СПб. 1865 — 35.
Шлоссер Ф. Всемирная история, т. I—II, СПб. 1861—10.

¹ Во всех указателях к «Библиотеке Чернышевского» ссылочные цифры обозначают порядковый номер основного текста.

II. Иностранные книги

- Annuaire de l'économie politique et de la statistique* pour 1854. Par M. M. J. Garnier et Guillaumin. Paris 1854 — 11.
- D'Avenel G.* Richelieu et la monarchie absolue. T. I—III. Paris 1884—1887—36.
- Bastiat Fr.* Oeuvres complètes. T. II, IV, V. Paris 1854—1855—12.
- Bernhardi Th. v.* Staatengeschichte der neuesten Zeit. B. VII, XIX, XXI, XXIII, Leipzig 1863 — 1877 — 37.
- Bibliothèque des Mémoires*, relatifs à l'histoire de France pendant le 18-me siècle. T. I. Mémoires de M-me de Staal Delaunay, de M. le marquis d'Argenson et de Madame mère du régent. Paris. 1853.— T. II. Mémoires de Madame du Hausset, femme de chambre de Madame de Pompadour, et extrait des mémoires historiques et littéraires de Bachaumont, de l'année 1762 à l'année 1782. Paris 1855—20.
- Biedermann K.* Deutschland im Achtzehnten Jahrhundert [B I—IV]. Leipzig. 1867—1880—38.
- Blanc L.* Histoire de dix ans 1830—1840. T. III—V Paris 1848—1849—13.
- Brockhaus, Conversations — Lexicon.* B. I—XVII. Leipzig 1882—1887—39.
- Buckle H. T.* History of civilization in England. Vol. I—II. London 1858—1861—14.
- Chèruel A.* Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV Vol. I—IV. Paris 1879—1880—40.
- Chèruel A.* Histoire de France sous le ministère de Mazarin (1651—1661). Vol. I—III. Paris 1882—41.
- Cornelius Nepos.* Vie des grands capitaines. A Avignon, 1818—1.
- Diderot.* Oeuvres choisies. T. I—II. Paris 1847—21.
- Dickens Ch.* Pictures from Italy. Leipzig 1846—22.
- Eliot George.* Romola. T. I—II. Leipzig 1863—28.
- Encyclopédie moderne.* T. I—XV. Paris 1854—1857—16.
- Flügel Felix u. J. G.* Praktisches Wörterbuch der Englischen. und Deutschen Sprache. B. I—II. Leipzig 1883—42.
- Gardiner S. R.* Prince Charles and spanish marriage. Vol. I—II. London 1869—43.
- Gardiner S. R.* A history of England under the Duke of Buckingham and Charles I. Vol. I—II. London 1875—44.
- Gneist R.* Das heutige englische Verfassungs—und Verwaltungsrecht. I Theil; Berlin 1857—15.
- Hettner H.* Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts. (B. I—V). Braunschweig. 1879—1881—45.
- Kolb H. F.* Culturgeschichte der Menschheit mit besonderer Berücksichtigung von Regierungsform, Politik, Religion, Freiheits—und Wohlstands—entwicklung der Völker. B. I—II. Leipzig 1885—46.
- Lagrange J.-L.* Traite de la résolution des équations numériques de tous les degrés. Paris 1826—23.
- Lecky W. E. H.* A history of England in the eighteenth century. Vol. I—VI. London 1887—1888—47.
- Lessing's sämmtliche Werke.* Leipzig 1841—17.
- Macaulay Th. B.* The History of England from the accession of James the Second. T. I—X. Leipzig 1849—1861—49.
- Macaulay Th. B.* Critical and historical essays. T. I—V. Leipzig 1850—50.

- Macaulay Th. B.* Lays of ancient Rome. Leipzig 1851—51.
Macaulay Th. B. Speeches. Vol. I—II. Leipzig 1853—52.
Macaulay Th. B. Biographical essays. Leipzig 1857—53.
Macaulay, Lord. William Pitt. Atterbury. Leipzig 1860—54.
Mahon, Lord. History of England from the peace of Utrecht to the peace of Versailles. Vol. I—VII. Leipzig 1853—1854—48.
Mütznér, E. Englische Grammatik (B. I—II). Berlin. 1882—55.
Mémoires de Madame de Staal Delaunay, de M. le marquis Argençon et de Madame mère du régent—см. Библиотека des Mémoires.
Mémoires de Madame du Hausset, femme de chambre de Madame de Pompadour, et extrait des mémoires historiques et littéraires de Bachaumont—см. Библиотека des Mémoires.
Mill J. St. Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. Vol. I—II. London 1857—18.
Neumann K. Fr. Geschichte der Vereinigten Staaten von America. Berlin 1863—1866—24.
Ovidius P. Naso. T. II. Metamorphoses. Lipsiae 1863. T. III. Tristia. Lipsiae 1860—25.
Pascal Bl. Oeuvres complètes. T. I—II. Paris 1858—26.
Reybaud L. Le coton. Paris 1863—27.
Smith A. Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. T. I—II. Paris 1843—19.
Weber G. Allgemeine Weltgeschichte. B. I—VIII, XIII, XIV. Leipzig 1882—1888—56.

Указатель личных имен

- Анненков П. В. (1813—1887), критик, мемуарист, издатель Пушкина — 9.
 Бакст О., издатель в Петербурге — 24.
 Барышев И. И. (1854—1911), беллетрист и драматург (псевдоним Мясницкий), заведовавший издательством К. Т. Солдатенкова — 10, 36, 43—45, 47, 49, 51—54.
 Бастиа Ф. (1801—1850), французский экономист — 12.
 Бибииков П. А. (1832—1875), критик и переводчик — 4.
 Биллярский П. С. (1819—1867), филолог — 5.
 Блан Л. (1811—1881), французский историк, публицист и общественный деятель — 13.
 Бокль Т. Г. (1822—1852), английский историк и социолог — 14.
 Введенский И. И. (1813—1865), педагог и переводчик — 5.
 Вебер Г. (1808—1888), германский историк — 29, 30, 58.
 Вернадский И. В. (1821—1884), экономист — 27.
 Гнейст Р. (1816—1895), германский юрист и государствовед — 15.
 Дидро Д. (1713—1784), французский философ — 21.
 Диккенс Ч. (1812—1870), английский писатель — 22.
 Добролюбов Н. А. (1836—1861), критик и публицист — 2, 6, 18.
 Дружинин А. В. (1824—1864), писатель и критик — 7.
 Захарьин А. В. — 39.
 Кант И. (1724—1804), германский философ — 21.

Корнелий Непот (99—24 до н. эры), римский поэт и писатель — 1.

Короленко В. Г. (1853—1921), писатель и публицист — 31.

Лагранж Ж.—Л. (1736—1813), французский математик—23.

Лессинг Г.—Э. (1729—1781), германский драматург, критик и публицист — 10, 17.

Мазарини Д. (1602—1661), французский политический деятель периода абсолютизма, кардинал.

Маколей Т. Б. (1800—1859), английский историк и политический деятель — 49, 50, 51, 52, 53, 54.

Мальтус Т. (1766—1834), английский экономист — 11, 55.

Милль Д. С. (1806—1873), английский философ и экономист — 11, 12, 18.

Михайлов А. В., юрист — 32, 34.

Михайлов М. И. (1830—1866), поэт и публицист — 17.

Нейман К. Ф. (1793—1870), германский ориенталист и историк — 24.

Некрасов Н. А. (1821—1878) — 7, 32, 34.

Овидий Публий Назон (43 до н. эры), римский поэт—25.

Огарев Н. П. (1813—1877), поэт и публицист — 8.

Пантелеев Л. Ф. (1840—1919), участник революционного движения 60-х гг. — 4, 35.

Паскаль Б. (1623—1662), французский философ и математик — 26.

Пыпин А. Н. (1833—1904), историк литературы и общественного движения в России, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского — 14, 23, 28, 32, 49.

Пыпина В. А. (1864—1930), дочь А. Н. Пыпина, автор книги «Любовь в жизни Чернышевского» (1923) — 4, 22.

Ребо (Рейбо), французский экономист — 27.

Серно-Соловьевич Н. А. (ум. в 1866), публицист-революционер — 4.

Смит Адам (1723—1790), шотландский философ и экономист — 19.

Соколов А. И. (1824—1893), педагог и публицист, лектор Казанского университета по кафедре славянских наречий — 2.

Солдатенков К. Т. (1818—1901), прогрессивный издатель — 39.

Срезневский И. И. (1812—1880), ученый славист, профессор Петербургского университета — 2, 3.

Суворин А. С. (1834—1912), реакционный публицист и издатель 80-х гг. — 39.

Тиблен Н. Л., издатель и книгопродавец в Петербурге 60-х гг. — 14, 50.

Чернышевская О. С. (1833—1918), жена писателя — 14, 33, 34.

Чернышевский А. Н. (1854—1915), сын Н. Г. Чернышевского, поэт и математик — 26, 28, 35.

Чернышевский М. Н. (1858—1924), сын Н. Г. Чернышевского, его библиограф, издатель и основатель его музея — 1—3, 5—21, 25—57.

Шлоссер Ф.—К. (1776—1861), германский историк — 10.

Шерюэль П.—А. (1809—1891), французский историк — 40.


ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

а) Годы издания книг библиотеки Н. Г. Чернышевского.

1818 — 1.	1862 — 4.
1826 — 23.	1863 — 25, 27, 28, 37
1841 — 17.	1865 — 35.
1843 — 19.	1867 — 38.
1846 — 2, 22.	1869 — 43.
1847 — 21.	1874 — 37.
1848 — 3, 13.	1875 — 37, 38, 44.
1849 — 13, 49.	1877 — 37.
1850 — 50.	1879 — 32, 40, 45.
1851 — 51.	1880 — 38, 40
1853 — 20, 48, 52.	1881 — 29, 45.
1854 — 11, 12, 16, 48.	1882 — 29, 39, 41, 55, 56.
1855 — 9, 12, 16, 20, 49	1883 — 33, 39, 42, 56.
1856 — 6, 7, 16.	1884 — 36, 39, 56.
1857 — 15, 16, 18, 34, 53.	1885 — 39, 46, 56.
1858 — 5, 14, 25, 26.	1886 — 39.
1859 — 8.	1887 — 36, 39, 47.
1860 — 25, 54.	1888 — 31, 47, 56
1861 — 10, 14, 49.	1889 — 30.

б) Годы принадлежности Н. Г. Чернышевскому описанных книг

1839 — 1.	1864—1883 (Сибирский пери- од) — 28.
1848 — 3.	1883 — 33.
1849 — 2.	1883—1889 — 29, 42, 46, 48.
(1856) — 6.	1885—1889 — 58.
(1858) — 5.	1886 — 32.
(1859) — 8.	1888 — 30, 31, 34, 35, 39.
До 1862 — 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19	1889 — 36—38, 40, 41, 43—45, 47, 49—54, 56.
(1862) — 4.	
1862—1864 — 20, 21, 22, 25, 26, 27, 49.	
1863 — 23, 24.	



А. Ф. ЕФРЕМОВ

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ БЕЗЫМЯННОЙ
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ БРУНО ГИЛЬДЕБРАНДА
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ НАСТОЯЩЕГО
И БУДУЩЕГО»**

1.

Богато литературное наследие Н. Г. Чернышевского. В нем раскрывается могучий гений сына великого русского народа — художника, критика, философа, публициста, экономиста, историка и языковеда, «великого русского ученого», как назвал его Маркс.

Но не все, написанное Чернышевским, носит его имя: немало еще, как можно думать, имеется работ безымянных, которые написаны им и скрывают в себе новые и интересные данные о его глубокой внутренней жизни и революционной деятельности. Он довольно часто оставлял свои статьи без подписи. Так, например, не имеют подписи его статьи: «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов», «О настоящем быте мещан Саратовской губернии», «Прадедовские нравы», «Капитал и труд» и многие другие как экономические, так и политические работы. Некоторые безымянные работы юридически принадлежали не ему, но прошли через большую его редакторскую правку в идейном и стилистическом отношении. Одной из таких работ можно считать небольшую, в семь страниц, безымянную рецензию на книгу марбургского профессора, представителя исторической школы в политэкономии, Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего».

Рецензия на книгу Гильдебранда была помещена в

«Современнике», 1861 г., № 3. Самое появление ее в революционно-демократическом журнале представляет собой чрезвычайно важный факт русской общественной мысли: она проливает свет на вопрос о знакомстве Чернышевского с учением Энгельса и о его отношении к идеям основоположников марксизма.

Труд Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», напечатанный в 1845 г., вызвал в свое время в газетах и журналах Германии большой шум. О нем говорили как «о книге, которая составит эпоху»¹.

Буржуазный немецкий экономист и публицист Бруно Гильдебранд тоже откликнулся на этот труд (1848 г.), заняв враждебную позицию, и с жаром напал на Энгельса. В 1856 г. русский экономист либерал Бабст глухо, но благожелательно отозвался об упомянутой книге Гильдебранда². По его рекомендации она была напечатана на русском языке в конце 1860 года (октябрь-ноябрь). И тот же Бабст первый сочувственно отозвался о ней в февральском номере журнала «Вестник промышленности» (1861 год). На сей раз, поскольку книга Гильдебранда была переведена на русский язык и получила одобрителный печатный отзыв, редакция «Современника», чуткая к вопросам революционно-политического воспитания общества, сочла необходимым парализовать в самом начале тлетворное влияние книги Гильдебранда. К этому побуждало ее особенно то, что Бабст, давший положительный отзыв о книге Гильдебранда, по словам самого Чернышевского, «приобрел громкую и совершенно заслуженную репутацию», заняв «почетное место между нашими экономистами»³. В результате в том же году, в мартовском номере «Современника», была напечатана безымянная рецензия. Автор ее смело взял под свою защиту высказывания Энгельса, не называя его, впрочем, по имени.

Рецензия вызвала дискуссию в журналах того времени. За Гильдебранда, против «Современника» и Энгельса,

¹ См. об этом статью П. Олешинского «Положение рабочего класса и рост производительных сил» в журнале «Под знаменем марксизма», № 3, 1935, стр. 96.

² «Русский вестник», 1856, № 5.

³ Н. Г. Чернышевский, О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь И. Бабста, Полн. собр. соч., т. IV, 1948, стр. 470, 475.

выступили все толстые журналы: «Отечественные записки»¹, «Время»², «Русский вестник»³, «Библиотека для чтения»⁴ и др.

По официальным данным, она принадлежит Самоцветову, но подверглась такой сильной переработке со стороны Чернышевского, что приобрела характер, присущий его индивидуальному стилю, а потому фамилия Самоцветова производит впечатление подставной.

2.

Уже самый характер статьи (ее идейная сторона, манера постановки и освещения вопросов) наводит на мысль, не написал ли ее Чернышевский. В ней, например, проглядывает, насколько это возможно заметить при небольшом ее объеме, свойственная ему черта не только описывать или констатировать факты из области политической экономии, но и анализировать и оценивать их, — не только оценивать, но и обосновывать свою оценку, — не только обосновывать, но и делать, как он выражается, «общие выводы» и «предлагать правила», чего он не находил у других экономистов его времени, в чем их и упрекал, например в статье «Капитал и труд»⁵.

В рецензии отражается также характерное для Чернышевского стремление — идти в авангарде передовой теоретической мысли его времени, требовавшей, по его словам, «не только знания потребностей общества», а и «понимания форм, по которым движется общественный прогресс»⁶.

Его мысли отличались новизной, оригинальностью и свежестью, что ставил ему в заслугу, по свидетельству Лопатина, Маркс, называя его «оригинальным мыслителем».

В рецензии типичны для него та высота теоретического уровня и глубина мысли, какая сказывается в освещении фактов общественной жизни. В своих рассуждени-

¹ «Отечественные записки», 1861, № 4.

² «Время», 1861, № 3—4.

³ «Русский вестник», 1861, № 3—4.

⁴ «Библиотека для чтения», 1861, № 4, 1862, № 3.

⁵ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 23, 8.

⁶ Н. Г. Чернышевский, Г. Чичерин как публицист, Полн. собр. соч., т. V, 1950, стр. 449.

ях он поднимает вопросы на принципиальную высоту, учитывая основные принципы и законы общественной жизни согласно его «теории трудящихся», противопоставленной им господствовавшей, но отсталой «теории капиталистов».

Конечная цель, какую Чернышевский ставит в своих работах перед передовыми людьми и народными массами, та же, что и в рецензии, — общественное переустройство на справедливых началах, когда бы было «полное совпадение идеи труда с правом собственности над продуктом труда»¹ и не было эксплуатации трудящихся. В рецензии отражено его убеждение в неизбежности революции, в том, что построить социалистическое общество могут лишь сами трудящиеся. Зашифрованным призывом к революции звучат в ней слова: «Вся выписанная нами красноречивая тирада станет действительно-дельною и правдивою только тогда, когда все классы общества будут в состоянии равномерно пользоваться благодетельными открытиями гения, когда эти открытия станут служить действительно общему делу, а не частным целям богатых капиталистов, когда ложное положение, в каком находится ныне человечество, изменится и станет более соответствовать требованиям разума». «Сидеть сложа руки потому только, что дело, за которое надо приняться, слишком громадно, — это смешно и недобросовестно»². «Нас занимает вопрос: где берется сила поддерживать худой порядок вещей, как теперь сносят люди совершенное уничтожение своей личности?»³.

В этом отношении рецензия созвучна с прокламацией «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», написанной, несомненно, Чернышевским и, приблизительно, в то же время, что и рецензия (январь-февраль 1861 г.)⁴. Интересно, что автор рецензии употребляет в ней выражение «добрые люди» в значении «революционеры», что соответствовало выражению «доброе дело», какое Чернышевский употреблял в прокламации в значении «рево-

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 20.

² «Современник», 1861, № 3, стр. 73.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Вопросу о принадлежности Чернышевскому прокламации посвящена другая моя работа.

люция»: «Пора, люди русские, доброе дело начинать» («Барским крестьянам»).

Попутно следует отметить, что отдельные мысли рецензии перекликаются с некоторыми работами Чернышевского. Так, например, констатация мысли рабовладельцев о том, что рабство — «продукт истории», что «народ привык к нему, и трогать его не надо»¹, уже имела место раньше в статье Чернышевского «Леность грубого простонародья»². А мысль о том, что «разум один и тот же под всеми широтами и долготами, у всех чернокожих и светло-русых»³, перекликается с тем, что высказано было Чернышевским позже в «Очерке научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории»: «При внимательном наблюдении невозможно не видеть, что желтые люди думают и чувствуют совершенно то же, что белые люди на подобной им ступени развития»⁴.

Самое обращение в рецензии к «здравому смыслу», к «требованиям разума» заслуживает внимания: «Здесь, — говорится, например, в рецензии, — различного рода порядки, нуждающиеся во внешней силе для своей поддержки, могут существовать только при отсутствии *здорового смысла* в устройстве дел человеческих. Пусть *здравый смысл* будет основанием этого устройства, он же самый будет и силой, поддерживающей его». Такое обращение к «здравому смыслу» весьма характерно для Чернышевского. Возможно, что Шелгунов прежде всего Чернышевского имел в виду, толкуя выражение «здравый смысл»: «сила практического понимания вещей, которую у нас называют *здравым смыслом*»⁵. И выражение рецензии «ложное положение, в каком ныне находится человечество», невольно, по контрасту, напрашивается на связь с выражением Чернышевского в примечаниях к Миллю: «каково должно быть *здоровое положение вещей*»⁶. На эзоповском языке Чернышевского это означало общественный строй, который отвечал бы «теории трудящихся».

Наконец, применение метода текстологических сопо-

¹ «Современник», 1861, № 3, стр. 71.

² Полн. собр. соч., т. VII, стр. 186.

³ «Современник», 1861, № 3, стр. 71.

⁴ Полн. собр. соч., т. X, стр. 823.

⁵ Н. В. Шелгунов, Рабочий пролетариат в Англии и во Франции, «Современник», 1861, № IX, стр. 494.

⁶ Полн. собр. соч., т. IX, стр. 542.

ставлений показывает, что рецензия тематически связана со статьей Чернышевского «Капитал и труд», напечатанной в январском номере «Современника» за 1860 год. И в рецензии (стр. 69), и в статье выражается идея общего блага трудящихся, а не кучки капиталистов. Как в первой (стр. 69), так и во второй (стр. 56) высказывается идея необходимости «не отставать от потребностей века в образе мыслей». И в той (стр. 72, 74) и в другой (стр. 19, 25, 43) развивается мысль о необходимости правильного распределения ценностей. И в той (стр. 74) и в другой (стр. 23, 53) ставится вопрос о связи личного достоинства человека с свободой. Все эти тематические совпадения тоже до некоторой степени говорят в пользу предположения относительно принадлежности рецензии Чернышевскому или его редакторской активности.

3.

Своеобразна композиция и критико-полемический прием рецензии. Рецензия строится по принципу логико-синтаксического противоположения и отрицания:

а) «Книга Гильдебранда... рекомендуется как сочинение в высшей степени остроумное и отличающееся изложением особенно поучительным и даже грандиозным... Но мы не встретили в ней ничего ни особенно поучительного, ни особенно нового».

б) «От предполагаемой книги мы имеем полное право ждать... правильности и беспристрастия. А правильности-то и беспристрастия мы не нашли в ней».

в) «Главная заслуга Г. — роль солидного наставника незнакомых с действительной жизнью социалистов; жаль только, что Гильдебранд обнаруживает крайнюю несостоятельность своих понятий». И т. д.

Этот прием логико-синтаксического противоположения и отрицания характерен для работ Чернышевского, напр. «Капитал и труд» (о книге Горлова — см. VII т.), «Курс политической экономии» Молиари (там же), «Политико-экономические письма» Кэри (там же), «О поземельной собственности» (о Вернадском — т. IV), «Очерки из политической экономии по Миллю» (т. IX) и др. Он чаще начинает свои критико-полемические работы с высказывания положительного и даже хвалебного мнения других лиц о том или ином экономисте, употребляя эпитеты вы-

сокой оценки: «знаменит», «звезда первой величины» (о Молинали), «знаменитость», «знаменитый мыслитель» (о Рошере), «знаменитый экономист», «замечательный экономист», «один из лучших экономистов» (о Кэри), «великий авторитет» (о Тенгоборском) и др. Но так он поступает с тем, чтобы потом поколебать это мнение, развенчать авторитет и привести читателя к противоположному взгляду. Именно так поступает и автор рецензии на книгу Гильдебранда, называя его «даровитейшим представителем современной науки о народном хозяйстве», а потом развенчивая, причем уже самая постановка данного эпитета в связь с высоким словом «творение» («в творении даровитейшего представителя») придает ему ироническую окраску.

В рецензии иронически употребляются как данный эпитет («даровитейший»), так и синонимически сближенные слова, какие иногда выражают свойства в их отвлечении, получая форму существительных: «поучительный», «грандиозный» — «поучительность», «грандиозность» и пр. Иронически обыгрывает Чернышевский все те эпитеты по адресу буржуазных экономистов, какие были приведены выше, то повторяя их, то меняя их морфологический облик, то подменяя синонимами. Вообще ирония различных видов свойственна была Чернышевскому. Он знал, что «оружие насмешки» является сильнейшим приемом в полемической борьбе, а поэтому часто, как он выражался, любил «потешаться» над противниками, окрашивая свою речь то в иронически-фамильярный тон, то в иронически-снисходительный, то в иронически-почтительный, то в утрированный иронически-вежливый или язвительный, саркастический тон. И противники демократии болезненно воспринимали его тон. По всей вероятности, автор безымянной статьи «Отечественных записок», направленной против рецензии «Современника», разумел именно Чернышевского, когда писал, защищая Гильдебранда, о «журнальных статьях, в которых глубокомысленные рассуждения подтверждаются мнениями фельетона, острым словцом еженедельной газеты, глубокомыслием пародии. Одно от другого, — писал он, — не далеко идет. Вот хоть бы отзыв «Современника» о книге Гильдебранда»¹.

¹ «Отечественные записки», 1861, № 4, стр. 147.

В рецензии применяется и параболический прием изложения (см., например, стр. 70), свойственный Чернышевскому. В интересах большей ясности и понятности он широко пользовался сопоставлениями, примерами, «притчами», тем, что в античной риторике называлось «параболами». У него было явное пристрастие к ним. Употребление парабол он считал своим «любимым способом объяснений»¹.

4.

Впадая в полемический тон, автор рецензии использует также прием дискредитации. Он пользуется такими средствами, которые ведут к снижению авторитета «знаменитости», тогда, например, рецензируемая книга Гильдебранда сопоставляется им с семинарскими учебниками, а сам Гильдебранд — с школьником («извинительно школьнику, упражняющему свои силы в литературных приемах, но непростительно для человека ученого»). К дискредитации ведут и литературные образы Чичикова и Кошкарёва. И сам Чернышевский, взяв полемический тон, нередко пускает в ход в своих работах прием дискредитации в отношении буржуазных ученых. Для этого он тоже прибегает к литературным образам Гоголя и Фонвизина. Им допускаются также, например, такие выражения: «азбучные рассуждения, слишком знакомые каждому, даже не учившемуся в семинарии» (т. VI, стр. 14); «Дозволительно ли полемизировать против человека, который не соглашается с вами только потому, что не знает первых четырех действий арифметики; он нуждается в уроке из «начатков учения» (о Вернадском — т. V, 361—362). У него находим даже такие резкие эпитеты, как «фат», «шарлатан» (о Молилари — т. VII, стр. 467) и пр. В отдельных местах рецензии чувствуется некоторая утрировка, но и она характерна для полемического стиля Чернышевского и отвечает его требованиям, предъявляемым к стилю полемики: «Преувеличения очень естественны и потому извинительны в полемике... Утрировка составляет силу памфлетиста»².

¹ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полн. собр. соч., т. V, стр. 360.

² Н. Г. Чернышевский, Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов Г. К. Кэре, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 916.

Дискредитация в рецензии усиливается подчеркиванием отсталости Гильдебранда: «автор *отстал* от современной мысли и слишком сильно привязался к *рутинным* понятиям». И у Чернышевского, всегда находившегося, как было сказано, в авангарде передовой теоретической мысли и под ее углом пересмотревшего все учения философской и экономической мысли, было большое чувство остроты в отношении идейной отсталости. Поэтому, говоря о буржуазных экономистах, он охотно пользовался словами синонимического гнезда, выражающими значение отсталости. Возьмем хотя бы его статью «Капитал и труд», где он повторяет одни и те же слова и их синонимы, выражающие эту идею: «отсталая теория», «отсталая школа», «отсталые экономисты», «отсталый человек», «отсталые мнения», «рутинные понятия», «рутинный тон», «составлены по рутине», «веет рутиною», «устаревшая теория», «ветхий труд», «допотопные времена», «допотопная картина», «допотопное чудовище» и пр. Следует, кстати, отметить, что повторение одних и тех же слов или их синонимов без перечисляющей интонации является характерной чертой стиля Чернышевского.

Критикуя «отсталые мнения» Гильдебранда, автор рецензии обращает внимание на риторичность его стиля, которая прикрывает бессодержательность речи. Не одобряя стремления Гильдебранда к «красноречию для красноречия», рецензент оперирует соответствующими фразеологизмами: «рутинная риторика», «риторическая рутина», «риторическое пустословие», «тирада по всем правилам риторик», «красноречивые панегирики», «красноречивая тирада», «пустозвонные фразы», «пустое словоизвержение» и пр. Но ведь и Чернышевский в своих работах не одобрял, пользуясь теми же выражениями, пристрастия к риторике. В борьбе с либералами он неоднократно вводит в свою речь синонимические фразеологизмы с осуждением риторичности стиля: «цветистое пустословие», «риторические фразы», «пустые слова», «пустые фразы», «всякое пустословие», «пустозвонная декламация», «пахнет риторикой», «красноречивые панегиристы», «привычка пустословия», «пустая болтовня», «изящное пустословие», «ни к чему не ведущее пустословие», «лживое пустословие» и пр. В этих разнообразных словосочетаниях отразилось отрицательное отношение Чернышевского к погоне за красотой слога. В критической статье

по поводу сочинений Пушкина он заявляет: «И мы думаем, что каждый талант много выиграет, если будет вполне отдаваться своей природе, не стесняясь никакими внешними соображениями. А к числу их принадлежит забота о красоте выражений»¹.

В рецензии наблюдаются еще особенности, свойственные словарю и фразеологии Чернышевского, как отчасти это было видно уже из сказанного, а также и его морфологии. В ней чувствуется, например, некоторая склонность автора к употреблению фразеологических вариантов со словом «образом», которые представляют собою наречные сочетания и легко могут быть заменены простыми наречиями, образованными от прилагательных, входящих в состав наречных фразеологизмов, или от их синонимов. Например: «Можно ли более *неудачным образом* полемизировать?» (неудачно); «если б потрудились доказать *основательнейшим образом*» (очень основательно). Явное пристрастие к подобного рода образованиям характеризует и стиль Чернышевского. Они настолько типичны для него, что их с полным основанием можно включить в его «лингвистический спектр». Вот для иллюстрации сочетания, извлеченные из его статьи «Капитал и труд», написанной за год до рецензии («Современник», 1860, № 1): *надлежащим образом, естественным образом, искусственным образом, прямым образом, рациональным образом, официальным образом, самостоятельным образом, правильным образом, забавным образом, удовлетворительным образом, точнейшим образом, сносным образом, таким образом*. Как в рецензии, так и в статье Чернышевского в них не ощущается надобности: их наличие стилистически не оправдывается; они — стилистическая ненужность, кроме разве одного сочетания — «таким образом», которое, собственно, выполняет и функцию несколько иную — не наречия, а заключительного союза.

В рецензии привлекают также внимание некоторые сложные прилагательные: *солидно-мыслящего человека, тирада станет действительно-дельною, при свете слабомерцающей луны, истинно-человечно, истинно-разумно, вечно-развивающийся дух*. Эти прилагательные любопытны, собственно, тем, что в них нет такого сращения двух

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, 1949, стр. 455.

компонентов в одном слове, какое наблюдается в других прилагательных данной рецензии: *хладнокровный, благодетельный, благовидный, сладострастный* и др. Первый их компонент представляет собою, по сути дела, самостоятельное слово, уточняющее смысловое значение прилагательного и качественно характеризующее его, и несколько искусственно слито автором рецензии со вторым компонентом в одном слове. На эту искусственность указывает и сопоставление: «страстно влюбленному юноше» и «солидно-мыслящий», «вечно-развивающийся». Как в двух последних лексических сложениях можно было бы не прибегать к слиянию, так в первом, наоборот, можно было бы дать его, но без внутренней языковой обязательности.

Эта особенность приведенных из рецензии сложных прилагательных в большей степени характерна для языка Чернышевского. У него, как раньше у Белинского, довольно ярко проявлялась тенденция к подобным образованиям. Как и Белинский, он в этих случаях искусственно ускорял языковой процесс.

В рецензии отразилась также настороженность Чернышевского в отношении способа использования так называемых «высоких» слов. Он знал, что в разном употреблении слово приобретает различные значения, и требовал осторожности в пользовании ими. В рецензии на «Губернские очерки» Щедрина он пишет: «Да, очень различен бывает смысл одних и тех же слов в различных устах... Каждое слово, входящее в формулу моих убеждений, допускает столько различных оттенков смысла, принимает столько истолкований! Тут очень легки произвольные недоразумения перед самим собой; тут открыто, при всей добросовестности человека, самое широкое поле заблуждения перед самим собою»¹. Он был убежден, что «слова еще ничего не значат: нужно знать, из каких стремлений возникают слова»². Особенно он имел в виду официальные и «высокие слова», которые «иногда употребляются во зло». Эта настороженность проявлена и в рецензии на книгу Гильдебранда: «Национальность, народность — тонкая штука!»

Наконец, в рецензии весьма характерным для Черны-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, 1948, стр. 298.

² Там же, стр. 622.

шевского представляется процентное соотношение в употреблении старых форм на -ою, -ею (80%) и -ию (20%) и более новых на -ой (20%) и -ью (80%), а также прием интимизации, склонность к силлогистике и пристрастие к гипотетическим конструкциям, находящееся в некоторой связи с его склонностью к параболам.

5.

Рецензия на книгу Гильдебранда является не косвенным, как утверждает проф. А. Л. Реуэль¹, а прямым доказательством знакомства Чернышевского с книгой Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и «сочувственного отношения к ее идеям». Больше того: она дает основание сделать вывод, что не Шелгунов, как думает проф. А. Л. Реуэль, а Чернышевский «был первым пропагандистом идей книги Энгельса».

Это он (Чернышевский) дает в заключительных строках в рецензии на книгу Гильдебранда подчеркнутый совет читателям, согласно обычным для него приемам эзоповского языка: «А в настоящее время рекомендуем пока русским читателям его (Гильдебранда.— А. Е.) книгу как не дурное пособие для знакомства с разными политико-экономическими теориями и просим их не соблазняться только находящимися в ней собственными соображениями автора «Политической экономии настоящего и будущего». Этими словами он рекомендует читателю проникнуть в ход мыслей других экономистов, в частности Энгельса, имя которого он не считал возможным для себя называть в рецензии, хотя и отстаивал его идейные позиции. Только через полгода, когда после крестьянской реформы несколько ослабел цензурный гнет, оно появляется на страницах «Современника» в статье Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции». Появление этой статьи в редактируемом Чернышевским журнале характеризует линию поведения Чернышевского и его образ мыслей.

В добавление ко всему сказанному можно остановиться еще на одном штрихе.

В рецензии на книгу Гильдебранда Чернышевский, взяв под свою защиту учение Энгельса и «новую теорию» в политической экономии, или, как он называет ее в

¹ А. Л. Реуэль. «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х годов, М. 1939, стр. 49.

статье «Капитал и труд», «теорию трудящихся», распространяет термин «новая теория» не только на утопические учения, о чем подробно говорится в статье «Капитал и труд», но и на учение Энгельса и, таким образом, устанавливает между ними связь. Можно даже с некоторой вероятностью предполагать, что уже в статье «Капитал и труд», напечатанной, как сказано, в январском номере «Современника» за 1860 год, он разумел Энгельса (а может быть, и Маркса с его «Нищетой философии»), когда говорил о продолжателях Роберта Оуэна: «Вот, например, мыслитель действительно великий. Читатель знает, что у него были сподвижники и *остаются продолжатели, достойные стоять с ним рядом и по гениальности и по благородству стремлений*»¹. Сам Энгельс дает нам право для такого предположения, заявляя, что Сен-Симон, Фурье и *Оуэн* «при всей фантастичности и всем утопизме своих учений... *гениально* предвосхитили бесчисленное множество положений, правильность которых мы доказываем теперь научно»².

Вероятней всего, Энгельса Чернышевский имел в виду и в другом месте той же статьи, высказываясь о продолжателях Оуэна: «Мы не имеем охоты излагать мнений тех людей, которых считаем истинными представителями экономической науки в наше время»³. Дело, конечно, не в отсутствии «охоты», а в «натуре обстоятельств», как он выражался⁴, то есть в цензурных условиях. Но кого Чернышевский мог считать «истинным представителем экономической науки» в его время? Кто был тогда, по его мнению, выразителем передовой экономической мысли? У кого, с его точки зрения, были веские данные на «гениальность» и «благородство стремлений»? Оуэна, высоко чтимого Чернышевским «святого старика», как он назван в романе «Что делать?», уже не было в живых (ум. в 1858 г.). Джон Стюарт Милль был жив, и его теорию Чернышевский ставил выше теории других английских и французских экономистов, но в то же время выражал неудовлетворенность ею, подвергнув ее жестокой критике и по-

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 30.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 142.

³ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 31.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений..., Полн. собр. соч., т. V, стр. 360.

казав на ней, по выражению Маркса, «банкротство» «буржуазной политической экономии»¹. И не его он воздерживался называть, упоминая об «истинных представителях экономической науки», тем более, что и воздерживаться не было причины: учение Милля не было подцензурным, а имя запретным в России.

Чернышевский и не воздерживался: в названной статье («Капитал и труд») имя Милля неоднократно упоминается. Не имелись в виду и другие экономисты того времени: Луи-Франсуа Вольский, Мишель Шевалье, Генри Кэре. Вильгельм Рошер, Карл Рау и иные представители исторической школы в политической экономии. Ведь никто из них не мог претендовать на звание «человека с замечательной головой», по собственному заявлению Чернышевского².

Истинным представителем передовой экономической мысли он мог считать только Энгельса, «одного из лучших и *благороднейших* представителей немцев», как это сказано о нем в статье Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции»³, что гармонировало с отзывом Чернышевского в статье «Капитал и труд», отмечавшего в «продолжателях» Оуэна (по нашему — и в Энгельсе) «гениальность» и «благородство стремлений». Это «благородство стремлений», направленных на защиту интересов трудящихся и улучшение их положения революционным путем, было причиной, которая делала его учение запретным в России и отбивала у Чернышевского «охоту» называть его имя⁴. Вообще имя это, говорится в статье Шелгунова (1861 г.), у нас «совсем неизвестно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего»⁵.

Все эти сопоставления приводят к мысли, что еще за год до рецензии на книгу Гильдебранда, до перевода ее на русский язык, в конце 1859 года, Чернышевскому бы-

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, 8 изд., 1936, стр. XVIII.

² Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 24.

³ «Современник», 1861, № 9, стр. 137.

⁴ Об отношении царской цензуры к учению Энгельса см. статью Ф. Константинова «Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса» в журнале «Под знаменем марксизма», 1935, № 5.

⁵ «Современник», 1861, № 9, стр. 137.

то известно учение Энгельса на немецком языке. Да и маловероятным представляется то, что Анненков, Сазонов и Спешнев были знакомы с учением Энгельса на немецком языке¹, а Чернышевский, хорошо владевший книжным немецким языком, не ведал о нем. В нашем сознании не укладывается то, что Бабст и Щепкин, переводчик Гильдебранда, следили за тем, что появлялось на западно-европейском рынке, а Чернышевский, чуткий ко всяким изменениям в области экономической мысли на западе, отставал от них.

Так решается вопрос о знакомстве Чернышевского с учением Энгельса не в порядке «просвещенного гурманства» русских аристократов 40-х годов XIX в.², а в плане мировоззренческом, с сочувственным отношением к нему и в целях подкрепления своих общественно-политических идей и их реализации в революционной переработке русской общественной жизни.

Указание проф. А. Л. Реуэля на то, что «в работах Чернышевского мы не встречаем ссылок ни на Маркса, ни на Энгельса»³, ни в коей мере не может служить опровержением мысли о знакомстве Чернышевского с учением Энгельса. Известно, что он часто намеренно избегал цитат и по чувству «отвращения к показным приемам учености», о чем писал отцу в письме от 5/V-1855 года, и по цензурным условиям, о чем он заявлял в своих работах («Капитал и труд», «Критика философских предубеждений против общинного владения» и др).

Следует признать неосновательным скептицизм Ю. М. Стеклова, категорически утверждавшего: «Исследователь воззрений Чернышевского лишен возможности ответить уверенно на целый ряд существенных вопросов: были ли ему знакомы первые сочинения Маркса и Энгельса, в том числе «Нищета философии» первого и «Положение рабочего класса в Англии» второго...»⁴. С полной уверенностью можно сказать, по крайней мере относительно последнего: уже в конце 50-х годов Чернышевский знал учение Энгельса, с глубоким сочувствием выражал его мысли и был первым их пропагандистом.

¹ См. об этом работу А. Л. Реуэля «Капитал» К. Маркса, стр. 43—44.

² Там же, «Капитал» К. Маркса, стр. 43.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Ю. М. Стеклов, Н. Г. Чернышевский, СПб. 1909, стр. 220.

Б. Ф. ЕГОРОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ РЕЦЕНЗИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Советское литературоведение ввело в научный оборот десятки забытых или вообще ранее неизвестных статей Чернышевского. Каждая статья, а иногда и строка, вышедшая из-под пера великого революционера-демократа, вносит что-либо новое в наши представления об общественной и литературной жизни XIX века. Но до сих пор еще многое из наследия Чернышевского остается нераскрытым, и литературоведы продолжают работу в поисках новых материалов. Недавно удалось обнаружить две рецензии, принадлежность которых Чернышевскому поставаемся доказать в данной заметке.

Согласно гонорарным ведомостям¹, в библиографическом отделе декабрьского номера «Современника» за 1856 год принимали участие Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин. Из 11 рецензий (все они анонимны) четыре бесспорно принадлежат Чернышевскому².

С. А. Рейсер за неимением достоверных данных оставил вопрос об авторстве остальных семи рецензий открытым³. Ни в материалах о Чернышевском, ни в «Списке трудов академика А. Н. Пыпина», составленном Я. Л. Барсковым (СПб. 1903), эти рецензии не указаны.

Атрибуция затрудняется еще тем, что в ведомостях обоим авторам приписано по 14 страниц (всего 28) журнального текста, в действительности же отдел «Библиография» занимает в этом номере всего 22 страницы. Четыре рецензии Чернышевского имеют объем примерно 6 страниц.

¹ «Литературное наследство», т. 53—54, стр. 235.

² Сохранились черновики: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 850—851.

³ «Литературное наследство», т. 53—54, стр. 277.

Мы установили авторство Чернышевского в рецензии «Повести и рассказы И. С. Тургенева. Три части, 1856», и теперь она введена в корпус сочинений Чернышевского, хотя и в раздел «dubia»¹.

Идеологический анализ помогает определить авторство и другой рецензии — «Справочный листок для Московского Кремля, А. Горяйнова, СПб. 1856» (расположенного между бесспорно принадлежащими Чернышевскому статьями): она написана в тоне, совершенно не свойственном Пыпину, стиль которого — строгий, «академический», при полном отсутствии иронии (это можно проследить по десяткам пыпинских работ). В данной же рецензии критическая оценка прикрыта утрированным восхвалением.

Ироническое отношение к «красноречивому автору» мракобесных монархических брошюр А. Горяйнову очень характерно именно для Чернышевского, у которого умеренная похвала в адрес отрицательного явления была излюбленным приемом. Он так и характеризовал эту особенность своих статей: «резкая насмешка <...> прикрыта формой утрированной похвалы»². В рецензии на брошюру Горяйнова мы находим именно этот прием: «Новое сочинение г. Горяйнова проникнуто, как и все прежние сочинения его, которые были печатаемы в «С.-Петербургских Ведомостях» и других газетах, патриотизмом, любовью к русской стране и благоговением к русской святыне» (стр. 48).

Иронический смысл этого отзыва очень завуалирован и может быть понят лишь в связи с процитированным в рецензии отрывком из сочинения Горяйнова, из которого ясно, что основная идея книги — не знакомство с Кремлем, а прославление самодержавия, история Кремля сводится к истории царей³.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 656, 752—753.

² «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. 1, М., 1890, стр. 314.

³ Необходимо также учитывать постоянную отрицательную оценку А. Горяйнова на страницах «Современника». Помимо приводимых примеров, см. еще характеристику А. Горяйнова в статье Добролюбова «Непостижимая странность» и специальную рецензию Добролюбова «Что такое г. Тиер и нашествие его на Россию, А. Горяйнова, СПб. 1858» («Современник», 1858, № 5), также написанную в сугубо ироническом тоне.

Рецензия почти дословно повторяет оценку другой книги Гаряйнова («Две современности». СПб. 1855), опубликованную в «Современнике» полтора года назад (1855, № 6): «Г. Гаряйнов дарит нас еще новой патриотической брошюрой по поводу современных событий. Эта новая брошюра <...> написана так же резко, сильно и горячо, как и прежние брошюры того же автора» (стр. 44). И далее следует, на протяжении всей рецензии, такая же утрированная похвала, причем даже эпитеты обеих рецензий сходны (вместо «красноречивый автор» здесь — «красноречивая брошюра»).

Насмешки над Гаряйновым отнюдь не означают защиту Пальмерстона¹. Чернышевский резко отрицательно относился к этому деятелю, но, разумеется, не с позиций «патриота» Гаряйнова. Чернышевскому, несомненно, были противны типично николаевское бахвальство («шапками закидаем!») и легкость, с какой Гаряйнов расправлялся с военным противником на бумаге в то время, когда приближалась трагическая развязка Крымской войны. Отсюда ирония и в связи с Пальмерстоном. Но главный объект иронии, как и в первой статье, — махровый шовинизм и монархизм Гаряйнова.

Все это дает основание предполагать, что обе рецензии написаны одним лицом. То, что это лицо — Чернышевский, подтверждается еще и таким косвенным фактом: рецензия 1855 года помещена в журнале между двумя рецензиями, бесспорно принадлежащими Чернышевскому (имеются автографы), причем обе последние — на издания Русского Географического общества (на «Записки», кн. X и на «Отчет за 1855 г.»). Вряд ли редакция сочла бы целесообразным разрывать две тесно тематически связанные рецензии и вклинивать между ними постороннюю третью, если бы она принадлежала другому автору.

Итак, с большой степенью вероятности, можно считать Чернышевского автором и статьи 1855 г. о книжке Гаряйнова.

Две современности. I. Мера, цена и вес Англии. — II. Взгляд на Севастополь. А. Гаряйнова
СПб. 1855.

¹ Чернышевскому важно было в основном сопоставить Гаряйнова с реакционным лордом Элленборо: в этом смысл большой цитаты из речи лорда.

Г. Горяйнов дарит нас еще новой патриотической брошюрой, по поводу современных событий. Эта новая брошюра, заключающая в себе две статьи, написана так же резко, сильно и горячо, как и прежние брошюры того же автора. В беглом очерке проследив в первой статье последние подвиги Англии, которая, как говорит г. Горяйнов, «решилась заявить перед целым светом стыд свой, нарядив следствие» (известное следствие по предложению Робука), автор, проникнутый справедливым негодованием к этой стране, восклицает в заключение статьи своей (следует цитата).

Да, действительно, положение, в которое поставила себя Англия, очень неловко и затруднительно... В парламентах давно уже говорят о нелепости крымской экспедиции, которая только обнаружила перед целым светом, в каком жалком положении находится английская администрация, и пошевелила такие вопросы, которые легко могут вызвать в Англии страшный переворот... Министерство потеряло всякий кредит и доверие, и еще недавно пользовавшийся такою народностью знаменитый лорд Пальмерстон, в котором многие видели спасение Англии, — теперь потерял там всякое значение... Кстати о Пальмерстоне. Вот что сказал об нем лорд Элленборо в заседании 14 мая; это довольно забавно:

«Право, лорд Пальмерстон, судя по его действиям, хочет играть такую роль в этом всемирном маскараде, какую разыграл некогда Ричард II, т. е. пасть под тяжестью всеобщего презрения.... Я помню в то заседание, когда возникли несогласия между герцогом Веллингтоном и г. Гюсчиссоном, — следствием которых было падение так называемого министерства коалиции, — я сидел возле благородного герцога... Вдруг он был вызван кем-то.... Возвратясь через несколько времени, он сказал мне, что его вызывал лорд Пальмерстон, чтобы объявить ему, если г. Гюсчиссон выйдет из министерства, то и он также немедленно оставляет свой портфель. — Ну, я на это ему ничего не ответил, прибавил герцог: — потому что кажется не стоит труда стрелять пулей в такую ничтожную и еще неоперившуюся птичку...»

Но обратимся к брошюре г. Горяйнова. Говоря о героизме защитников Севастополя, автор спрашивает: почему только русские способны к такому героизму, и отвечает:

«Потому что все почти они славянского племени и православные — остальные сроднились с ними. Чтоб создать героев Севастополя, нужно было кипучей крови, чистейшего племени славянского, слитой с чистейшей верою христианскою — православною. Возьмите сербов, черногорцев и других православных славян: одни победили мучителей своих, другие устояли против притеснений и остались верными своей народности. Вспомните трехвековое иго татар, ни мало не изменившее русских. Много ли найдется таких примеров у западных народов? Это слияние чистейшего народного духа и чистейшей веры творит теперь чудеса в Севастополе; оно также было, есть и будет единственною причиною прошедшего, настоящего и будущего величия России!.....»

Брошюрка заключается следующими словами:

«Вопрос о военной доблести решен уже, под стенами Севастополя, в пользу русских. Теперь да решит Господь, кому восторжествовать: кресту и правде, или дипломатии и козням нескольких холодных честолюбцев?..»

Красноречивая брошюрка г. Горяйнова будет иметь, без сомнения, много читателей. Она говорит сама за себя и рецензент считает совершенно бесполезным рекомендовать ее публике. Ему остается только поклониться ей и пожелать полного успеха.

«Современник», 1855, № 6, стр. 44—46.

Справочный листок для Московского Кремля. Составлен А. Горяйновым, СПб. 1856.

Эта книжка, заключающая в себе 78 страниц, написана, как говорит красноречивый автор, с следующей целью:

«Находясь случайно в Москве и бывая часто, по делам службы, в Кремле, я имел всю возможность освежить память воспоминаниями о его святынях и древностях. С наслаждением воспользовавшись случаем, мне пришло на мысль доставить подобное же удовольствие тем, которые приедут на коронацию. В кремлевских стенах так много святого и древнего, достойного благоговения и памяти, что без указателя не мудрено пройти мимо там, где надо положить земной поклон или остановиться и дать себе время налюбоваться прекрасным. Но в коротком очерке описать подробности всей Москвы нельзя: поневоле увлечешься, и потому предлагается здесь только памятный листок одних любопытнейших предметов. Их можно разделить на четыре разряда: 1) старина: сюда принадлежат соборы с их ризницами, Иван Великий, царь-колокол, царь-пушка, Чудов монастырь, церковь двенадцати Апостолов с патриаршею ризницею и знаменитою библиотекою; 2) великолепие новейших времен: дворец; 3) старина воссозданная, отысканная, украшенная попечением императора Николая I: древний дворец с его храмами и теремом, Оружейная Палата; наконец 4) память Благословенного и 1812 года: арсенал и неприятельские пушки».

Новое сочинение г. Горяйнова проникнуто, как и все прежние сочинения его, которые были печатаемы в «С.-Петербургских Ведомостях» и других газетах, патриотизмом, любовью к русской старине и благоговением к русской святыне.

«Современник», 1856, № 12, стр. 48.



Л. МАГОН

**РОМАН «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА
«МОЛОДОЙ РОССИИ»**

Роман «Что делать?» — вершина русской революционно-публицистической прозы.

Это боевое политическое произведение, неотделимое от конкретной исторической обстановки 60-х годов. Роман тысячью нитей связан с политической действительностью, и перерубить хоть одну из них — это значит уже чего-то в нем не понять. Многообразная, но единая в своей основе деятельность Чернышевского всеми своими гранями отразилась в романе. Очень важно установить, какие живые ключи — литературная и политическая борьба, тайные общества, нелегальные и полуполигальные кружки молодежи, первые подпольные листовки — питали книгу в годы революционной ситуации, прежде чем она появилась в печати.

Положительная программа Чернышевского очень близка боевым лозунгам прокламации «Молодая Россия», появившейся в Петербурге и Москве в мае 1862 г.: та же непримиримость по отношению к существующему социальному и политическому строю, та же ориентация на революцию, на вооруженное восстание трудовых низов и готовность примкнуть к ним, как только они выступят, та же апология трудового крестьянства, общинного землепользования, артелей, женской эмансипации. «Молодая Россия» не содержит ни одного положения, которое бы оспаривал или не принимал Чернышевский.

Сопоставление «Молодой России» с «Что делать?» помогает нам взглянуть на роман Чернышевского глазами современников, обнажить живые связи его с революционно-демократическим движением этой поры.

Роман, как губка, впитал в себя все передовое, революционное и может служить показателем того, до какой степени политическая атмосфера начала 60-х годов была насыщена освободительными идеями. Возникший на основе революционных настроений эпохи, роман Чернышевского «Что делать?» превратился в могучего пособника в деле их распространения.

Изучение романа «Что делать?» в связи с программными документами, вышедшими в эту пору из революционного подполья, — воззваниями, прокламациями, листовками и т. п., — не может не открыть новых фактов в политической биографии писателя или не пролить нового света на факты уже известные.

Реальной подоплекой событий, изображенных в романе «Что делать?» и связанных с нелегальной деятельностью кружков Лопухова—Рахметова, послужила сама действительность начала 60-х годов — бурные студенческие сходки, демонстрации, крестьянские бунты, работа студенческих и офицерских кружков. Студенческие «беспорядки» в 1861—1862 гг. достигли таких размеров, что правительство встало на путь прямых репрессий: угрожало закрытием столичных университетов, организуя один судебный процесс за другим. Чернышевский хорошо понимал, насколько велика роль студенческих и офицерских кружков в деле распространения революционно-демократических идей. Об этом свидетельствует Н. Я. Николадзе, товарищ Чернышевского по каторге и известный революционер-шестидесятник, писавший в своей книге: «Чернышевский придавал преувеличенное значение... студенческим волнениям в том смысле, что рассчитывал на безостановочность пропаганды студентов в среде, в которую они попадают по окончании или перерыве курса»¹.

Примечательно, что один из персонажей романа «Что делать?», студент Мосолов, друг Кирсановых, а следовательно и активный помощник их в конспиративной работе, — однофамилец студента Московского университета Ю. Мосолова², принимавшего деятельное участие в руко-

¹ Н. Николадзе, Воспоминания о шестидесятих годах, «Каторга и ссылка», 1927, № 5 (34), стр. 30.

² Ю. М. Мосолов — хороший знакомый и ученик Н. Г. Чернышевского по Саратовской гимназии, один из руководителей московского отделения «Земли и воли», как сообщает М. В. Нечкина в статье «Земля и воля» 1860 годов / «История СССР», 1957 г., № 1/.

водстве кружком «Библиотека казанских студентов» в 1859 г. Многие из руководителей студенческого движения (Н. И. Утин, С. Рымаренко, Л. Ф. Пантелеев, В. И. Бакет, Ю. М. Мосолов и др.) в 1862 г. стали членами тайного общества «Земля и воля», просуществовавшего до середины 1864 г.¹ В это же общество влились образовавшиеся ранее офицерские кружки.

О большой заинтересованности Чернышевского в средствах революционного воздействия на армию и передовое офицерство говорят как его прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», так и редактирование им «Военного сборника» (1859—1861) — журнала, имевшего широкую сферу распространения; в результате хотя и недолгого, но плодотворного сотрудничества в журнале у Чернышевского сложились прочные связи с Военной Академией и офицерами генерального штаба². Другим фактом политической биографии писателя является его активное участие в организации «Шахматного клуба» — литературно-политического общества революционеров-подпольщиков (действовал с 10/I по 8/IV-1862 г.).

Связи с революционным подпольем (например, с первым революционным тайным обществом 60-х годов «Земля и воля») имеют большое значение для уяснения идейно-политической проблематики романа «Что делать?». К сожалению, вопросы эти находятся еще в стадии изучения и далеко не разрешены, хотя советские ученые, особенно в последние годы, много сделали в этом направлении³.

¹ Об этом подробнее см. материалы статьи М. Т. Пинаева «Образ Рахметова и революционная действительность шестидесятих годов XIX в.», «Ученые записки» Сталинградского гос. пед. ин-та им. А. С. Серафимовича, вып. 6, Сталинград, 1955.

² Об этом подробнее см. в работах Р. Таубин, Н. Г. Чернышевский о войне и армии, «Военная мысль», 1947, № 2; Н. Макеев, Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника», Воениздат, М. 1950; Р. А. Таубин, Роль Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии», «Исторические записки», т. 39, АН СССР: Н. Богословский, Н. Г. Чернышевский, изд. «Молодая гвардия», 1955.

³ М. Т. Пинаев, Образ Рахметова и революционная действительность шестидесятих годов XIX в., «Ученые записки» Сталинградского гос. пед. института им. А. С. Серафимовича, вып. 6, Сталинград, 1955; С. И. Машинский, Н. Г. Чернышевский, изд. ВПА, М. 1954; А. М. Панкратова, Процесс Чернышевского и его значение, сб. «Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов 1939;

Одной из самых замечательных революционных прокламаций является «Молодая Россия». Автор ее, студент Московского университета П. Г. Зайчневский, человек, сохранивший последовательно революционные взгляды на всю жизнь, бунтарь, пропагандист, сторонник бланкистского переворота и террористических актов, написал прокламацию, сидя в Тверской части, в заключении; единомышленники позаботились о широком ее распространении, начав из предосторожности с Петербурга. Прокламация в обстановке нарастающего недовольства в студенческой среде, крестьянских волнений, всеобщего ожидания революции произвела впечатление пушечного выстрела.

В книге Б. П. Козьмина «П. Г. Зайчневский и «Молодая Россия»¹ — ценном труде о революционном движении 60-х годов в целом и прекрасном монографическом исследовании специально о «Молодой России» — подробно рассказывается о создании и распространении прокламации, об откликах на нее современников, а также о личности самого Зайчневского. Студенческий кружок Петра Григорьевича Зайчневского и его товарища Аргиропуло, откуда вышла «Молодая Россия», первоначально ставил себе целью пропаганду социалистических и революционных идей путем переводов и популяризации запре-

М. В. Нечкина, Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации, «Исторические записки», т. 10; ее же — Н. П. Огарев в годы революционной ситуации, «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1947, № 2; М. В. Нечкина, Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.), «Литературное наследство», т. 61, АН СССР, М. 1953, стр. 476; Б. П. Козьмин, Н. Г. Чернышевский, сб. «Классики русской литературы», Детгиз, 1953, стр. 346, 354; Е. И. Покусаев, Н. Г. Чернышевский, Саратов, 1953, стр. 46, 86—89.

Всемирно-историческое значение революционных демократов проявилось не столько в организации узких, замкнутых кружков, сколько в мобилизации широчайших слоев интеллигенции на борьбу с царизмом и остатками крепостного права, поэтому никак нельзя согласиться с патетической формулировкой Р. А. Таубина о том, что «вне деятельности кружка Чернышевского немислимо понять ни одного крупного факта демократического движения конца 50-х и начала 60-х годов XIX века, ибо авторами почти всех прокламаций, организаторами и руководителями кружков, революционных выступлений в Москве, Петербурге и ряде провинциальных городов были люди из этого кружка или с ним связанные» (см. указ. соч., стр. 68).

¹ Б. П. Козьмин, П. Г. Зайчневский и «Молодая Россия», изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1932.

щенной литературы (сочинений Герцена, Огарева, Л. Фейербаха, Лорана, Бюхнера и других).

Не ограничиваясь пропагандой среди интеллигенции и студентов, на которых, в основном, рассчитывали члены кружка, Зайчневский вел агитацию и среди крестьян, призывая их к вооруженному восстанию. «Молодая Россия» вышла в свет уже после ареста Зайчневского и Аргиропуло, поэтому правительство не догадывалось о главной «вине» подсудимого, то есть о составлении им прокламации. Отбыв свой срок на каторге и поселении (с 1863 г. по 1869 г.), Зайчневский получил возможность вернуться из Сибири в Россию, но до последних дней жизни (умер в 1896 г.) оставался верен революционным идеалам и продолжал свою неутомимую пропагандистскую деятельность в рядах молодежи, в конспиративных кружках.

«Молодая Россия» — гневный протест против всех форм самодержавной деспотии, революционный документ громадной обличительной силы. «Россия вступает в революционный период своего существования, — так начинается прокламация. — Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна другой»¹.

В прокламации говорится об извечной борьбе двух «партий»: народной и императорской, возглавляемой царем и чиновной бюрократией. Хотя народная «партия» всегда терпела поражение, но ее время придет: «Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разным за всеобщее равенство и республику русскую, с Пугачевым за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землей»².

Вражда «партий» непримирима, так как она коренится «в современном экономическом порядке».

«В современном общественном строе, — заявляет «Молодая Россия», — в котором все ложно, все нелепо, от религии, заставляющей верить в несуществующее, в мечту разгоряченного воображения, — бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики, от узаконения тор-

¹ «Политические процессы шестидесятых годов», Госиздат, М.—Л. 1923, стр. 259.

² Там же, стр. 261.

говли, этого организованного воровства, и до признания за разумное положения работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист; женщины, лишенной всех политическxих прав и поставленной наравне с животными.

Выход из этого гнетущего положения... один — революция, революция кровавая и неумолимая, — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

Так же, как и Чернышевский, вдохновители «Молодой России» предполагают, что восстание вспыхнет к весне 1863 года, когда окончится срок выкупных платежей у крестьян, и они увидят, что обмануты царем и дворянами. Приближение бури предвещает, как указывает прокламация, и беспокойство в Польше, Литве, и финансовый кризис, и увеличение налогов, и слухи о новой войне, начав которую, Россия неизбежно увеличит рекрутские наборы и сделает займы у иностранцев, что приведет ее к экономическому банкротству. Возрастающие репрессии не пугают Зайчневского: чем больше ссылок и казней, тем сильнее будет отпор, тем выше подымется волна народного гнева: «Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых».

Положительная программа «Молодой России» весьма обширна и во многом перекликается с положительной программой Чернышевского. Здесь нас интересует то, что находит адекватное воплощение на страницах «Что делать?». Вот эти программные положения «Молодой России»¹.

1. Изменение самодержавной деспотии в республиканско-федеративный союз областей²;

2. Общественные фабрики, общественные лавки, заведующие которых — подотчетные обществу лица. Также общественное воспитание детей и общественные богадельни — для стариков и инвалидов;

¹ Интересно сравнить их с программными требованиями «Земли и воли» — организации, с которой постоянно связывается вопрос о практической революционной работе Н. Г. Чернышевского. — См. ук. статью М. В. Нечкиной, «История СССР», 1957, № 1.

² Предполагалось, что законодательная власть будет в руках Национального и Областного собраний. Во главе правительства встанет революционная партия, и сначала верховной властью долж. на быть диктатура революционной партии.

3. Полное гражданское и политическое равноправие женщины, «уничтожение брака, как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а следовательно, и уничтожение семьи, препятствующей развитию человека, и без которого немыслимо уничтожение наследства».

Главной движущей силой революции «Молодая Россия» считает крестьянство, руководимое дворянской и разночинной интеллигенцией, а также войска¹.

В оценке главных движущих сил революции Чернышевский солидаризируется с «Молодой Россией» и в образе Рахметова показывает народного вождя, готового в нужный момент бросить массам призыв «в топоры!», подобно «русскому человеку»² или «Молодой России», писавшей: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика Русская; двинемся на зимний дворец истребить живущих там»³. В случае сопротивления «императорской

¹ «Мы надеемся на народ, он будет с нами — стояло в прокламации, — в особенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов. Забитый и ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива его, а войску и нашей молодежи». На поддержку повстанцев старообрядцами и распропагандированными солдатами, считая их крупной силой, надеялся и Чернышевский — это видно из его прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

² 1-го марта 1860 г. в очередном листе «Колокола» было напечатано «Письмо из провинции», призывающее Русь к топору, к вооруженному восстанию и подписанное: «Русский человек». Как убедительно показывает в своей кандидатской диссертации Е. Г. Бушканец (см. автореферат «Борьба журнала «Современник» за политическое воспитание писателей-демократов», Казань, 1955). в «Письме из провинции» последовательно развиваются взгляды, уже высказанные ранее в двух предшествующих публикациях «Колокола», «Письме из Петербурга» (май 1858 г.) и, особенно, в «Письме к редактору» (сентябрь 1858 г.), в котором звучит призыв к «топору», то есть к крестьянской революции. Е. Г. Бушканец предполагает, что все три документа вышли из редакции «Современника»; по воспоминаниям людей, близко знающих Чернышевского, он рассматривал себя и своих единомышленников как «партию топора» и вместе с Добролюбовым резко упрекал Герцена в либерализме, что полностью совпадало с упреками, сделанными Герцену в «письмах». Новые догадки об авторе «Письма из провинции» высказаны Е. Г. Бушканцем в статье «К вопросу об авторе письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена». «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1951, № 2.

³ «Политические процессы 60-х годов». М.—Л. 1923, стр. 269

партии»... «мы издадим один крик: «в топоры» и тогда..., тогда бей императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!»¹.

По резкости разоблачений самодержавного аппарата, по решительности предлагаемых действий и четкости разработанной программы, по революционности, публицистической страстности «Молодая Россия» — беспримерное явление среди боевых листков «прокламационного периода» (так называл Н. В. Шелгунов период с июня 1861 года)². Она занимает среди них исключительное место, как и роман «Что делать?» в беллетристике 60-х годов. «Молодая Россия» отвергла «Великорусс» за его умеренность, подобно Чернышевскому, обвиняла Герцена в либерализме и боязни насильственных переворотов. Автор ее не мог открыто выразить сочувствие «Современнику», но в прокламации были строки, которые, безусловно, относились к вдохновителям журнала: «Понимает необходимость революции инстинктивно и масса народа, — стояло в «Молодой России», — понимает и небольшой кружок наших действительно передовых людей... и вот из среды их выходят один за другим эти предтечи революции и призывают народ на святое дело восстания...»³. «Предтечей революции» авторы прокламации могли назвать только Чернышевского, ибо других кандидатов на столь почетную роль в то время не было⁴.

¹ «Политические процессы 60-х годов», М.—Л. 1923, стр. 269.

² В 1861 г. появились первые листки «Великорусса», выражающие программу правого буржуазно-демократического крыла революционного движения 60-х годов, и прокламация «К молодому поколению» — «манифест раннего народничества», по выражению Б. П. Козьмина (ук. соч., стр. 28). Несмотря на известную революционность, ранние прокламации — «Великорусс», «К молодому поколению» — формулировали программу блока, не идущего в своих конкретных требованиях дальше границ умеренного реформизма.

³ «Политические процессы 60-х годов», М.—Л. 1923, стр. 262.

⁴ Обострение реакции, наступившее сразу после появления прокламаций, вызвало отрицательное отношение к ним передовых людей, считавших такое выступление несвоевременным. Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях рассказывает, что московский кружок, издавший «Молодую Россию», отправил Чернышевскому экземпляр, от которого он отказался. Есть сведения, что Чернышевский посылал к издателям «Молодой России» А. А. Слепцова с поручением, чтобы они как-нибудь сгладили впечатление, создав-

Об идейном родстве «Молодой России» с Чернышевским свидетельствуют и слова Герцена, который писал, что «Молодая Россия» будущего воплощена в Чернышевском. Известен такой факт: Достоевский, смертельно напуганный напряженной обстановкой весны 1862 года, явился на квартиру Чернышевского, умоляя его упротить авторов «Молодой России» немедленно «прекратить пожары»¹.

Либеральная и реакционная пресса, пытаясь умалить политическое значение «Молодой России», всячески дискредитировала ее. По-иному взглянули на этот политический документ вожди научного социализма. Энгельс и Лафарг в брошюре, написанной при участии Маркса, высоко оценили историческое значение прокламации. Они писали: «Этот манифест давал ясный и точный отчет о внутреннем положении страны, состоянии различных партий, о положении печати и, провозглашая коммунизм, признавал необходимость социальной революции»².

Советские историки и литературоведы, занимающиеся Чернышевским, не могут игнорировать «Молодую Россию», отразившую важнейшие общественные процессы, игнорировать вопрос о связи «Молодой России» с другим политико-публицистическим, художественным документом — романом «Что делать?».

В романе решались кардинальные, с точки зрения революционных демократов, социальные, философские и морально-этические проблемы эпохи 60-х гг.: революционное переустройство жизни; материалистическое объяснение человеческих отношений и характеров, их зависимость от общественной среды; проблема положительно-го героя-разночинца; эмансипация женщины, новые основы семьи.

Изображенная действительность по замыслу раскалывается на две контрастирующие части — старый и новый мир. Соответственно распределяются и герои: старики Розальские, семейство Сторешниковых, Серж, Жан Соловцов представляют первый; Вера Павловна, Лопухов,

шея от прокламации. Поведение Чернышевского было продиктовано соображениями не принципиального, а тактического свойства: объективно в политической программе Чернышевский смыкался с Зайчневским, и «Молодая Россия» отразила эту программу в своих основных тезисах.

¹ Б. Козьмин, ук. соч., стр. 114.

² Б. Козьмин, ук. соч., стр. 128.

Кирсанов, Мерцаловы, Рахметов—новые люди, те, которых имел в виду Чернышевский в подзаголовке романа («Из рассказов о новых людях»).

«Молодая Россия» содержала следующее воззвание к молодежи:

«Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главе движения, что на тебя надеется революционная партия!».

«Готовься, а для этого собирайтесь, почаще заводите кружки, образуйте тайные общества... рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрание людей действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться»¹.

Из молодежи должны выйти предводители народа, в интересах революции молодежь должна организовывать кружки, тайные общества, где пропагандировались бы политические лозунги «Молодой России».

В романе «Что делать?» за внешним ходом действия, за его несложными картинками скрывается вторая, затаенная панорама 60-х годов — жизнь передовой интеллигенции с ее широкими интересами, тайными сходками, кружками.

Выйдя замуж за Лопухова, революционера-пропагандиста, Вера Павловна постоянно находится в кругу передовой молодежи². Производственные мастерские Веры Павловны превращаются в своеобразный лекторий: выступают с лекциями Лопухов, Кирсанов, Мерцалов, который читает историю, служа одновременно «щитом благонравия и отличного направления наук»³. Лопуховы часто навещают мать и отца Мерцаловых, «...у этих добрых простых старичков есть множество сыновей, занимающих порядочные должности по всевозможным ведомствам и потому в доме стариков... Вера Павловна видит много-различное и разнокалиберное общество»⁴.

¹ «Политические процессы 60-х годов», М.—Л. 1923, стр. 268—269.

² У Лопухова по вечерам часто собираются гости — совсем молодые люди и подстать хозяину «Они очень уважают Лопухова, считают одну из лучших голов в Петербурге, и настоящая связь их с Лопуховыми заключается в этом: они находят полезными для себя разговоры с Дмитрием Сергеевичем» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 137).

³ Там же, стр. 132.

⁴ Там же, стр. 137.

Таким образом, в очень завуалированной форме читателю дается понять, что у Лопуховых — широкое демократическое окружение единомышленников. Постепенно выясняется (из описания загородной прогулки), что среди них бывают и подмастерье часовщика, и мелкий торговец, «...оба... мало уступали манерами третьему, учителю уездного училища»¹ — молодые люди «разношерстных званий», офицеры, студенты университета и медицинского факультета, общество довольно «странное» (это определение Чернышевский употреблял каждый раз, когда хотел подчеркнуть необыкновенность и новизну какого-нибудь явления — на этом пикнике, вперемежку с танцами и играми, велись усиленные споры на политические темы).

Читая роман, все время ощущаешь подтекст — напряженную, необычайную жизнь, которую тайно ведут герои. В ней они черпают свою силу, гранитную непоколебимость и уверенность в полезности своего дела. Госпожа Б. говорит: «Я очень, очень хорошо знаю, из каких людей состоит ваш кружок». На вечере у Лопуховых велись «серьезные разговоры» о «тогдашних исторических делах» (война в Канзасе), изрядно занимающих этот маленький кружок: «Теперь о политике толкуют все, тогда интересовались ею очень немногие, в числе немногих — Лопухов, Кирсанов, их приятели...».

В подцензурных условиях нельзя было яснее сказать о принадлежности «новых людей» к определенной политической партии. В книге рассеяно множество намеков, создающих почву для революционного толкования деятельности персонажей «Что делать?». Так, Лопухова сняли с казенного содержания в Академии из-за какой-то «ссоры», то есть участия в студенческих беспорядках. Он же, шутя, признается в пристрастии к пропаганде и проводит занятие с рабочими в заводской конторе, «потому что оно важно, дает влияние на народ целого завода»³. С момента получения кафедры Кирсановым студенты заметили, что «партия хороших профессоров заметно усилилась». Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна, Мерцаловы — разночинцы-демократы, ведущие просветительную и агитационную работу в массах, обыкновенные честные люди.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 138.

² Там же, стр. 193.

Иное дело Рахметов — «особенный», «редкой», «орлиной» породы человек, каких во времена Чернышевского было немного¹. Он выведен в романе во имя основного требования художественности, которое заключается в «истинности», то есть правдивости изображаемого. Образ Рахметова, революционера-профессионала, имеет первостепенное значение. Кирсанов впервые приобщил Рахметова к социалистическим идеям, зажег в нем огонь борьбы.

Сфера действия Рахметова несомненно шире и значительнее лопуховского кружка: «бездна» общественных дел, находящихся в его ведении, шла помимо кружка («какие у него дела, этого кружок не знал»), однако у него было «множество» хлопот. Три четверти своего времени Рахметов занимается «чужими» или «ничьими» особенностями, «капитальными» делами. Образ Рахметова построен на иносказаниях и недомолвках («я знаю о Рахметове больше, чем говорю», — заявляет автор), но тем не менее ясно, что в образе «особенного человека», «ригориста» Чернышевский хотел показать титаническую фигуру будущего народного вождя. Труден путь Рахметовых, но и богат радостью: «...ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы», «это двигатели двигателей, это соль земли».

Образами «новых людей» и Рахметова Чернышевский по-новому, с передовых философско-эстетических и общественных позиций, разрешил проблему положительного героя русской литературы. Деятельность этих героев — та самая, к которой призывала молодежь «Молодая Россия».

Велика обличительная сила образа Марьи Алексеевны Розальской — образа прекрасной реалистической лепки. Сильная, умная от природы женщина, Марья Алексеевна — неплохой человеческий материал, но власть денег, желание во что бы то ни стало выбиться из нужды превращает ее в особую разновидность Кабанихи. Она сознательно пошла по дурному пути — так подсказала жизнь и здравый практический опыт. Марья Алексеевна не может представить себе честность без бедности: пока она жила честно, бедность не покидала семью. Купив должность мужу неблагоприятной ценой и утратив навсегда право на свою незаконную дочь, которую отдали в воспи-

¹ Только восемь образцов рахметовского типа встречал автор, «они не имели сходства ни в чем, кроме одной черты» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 197).

тательный дом, Марья Алексеевна становится «злой». Даже ей известно, что теперь в книгах учат жить по каким-то новым порядкам, а старые ругают. «...старый порядок какой? — говорит она. — У вас в книгах написано: старый порядок тот, чтобы обирать да обманывать. А это правда, Верочка. Значит, когда нового-то порядку нет, по старому и живи: обирай да обманывай...».

Мария Алексеевна больше жертва, чем палач. Виновата среда, а не человек; личность формируют экономические условия общества — к этому выводу подводит читателя философ-материалист Чернышевский. Оправдывая порочную мать, писатель обрушивает свой гнев на обстановку, «обстоятельства», порождающие подобных уродов¹.

Чернышевский — мастер эзоповского языка. У него почти нет пустых, безличных слов. Слово «обстоятельства», не раз употребляемое в романе, означает скверные условия жизни; но в этой рубрике умещаются и условия быта, и обстоятельства государственного масштаба, вплоть до помещиков и царя. Весьма многозначительна концовка главы «Похвальное слово». Образ отрицательной героини приобретает здесь символический смысл; Марья Алексеевна — зло старого мира. В концовке заложена политическая мысль.

«...Довольны ли вы, Марья Алексеевна?»

— Что, батюшка мой, мне быть довольной-то? Обстоятельства-то мои плоховаты?

— Это и прекрасно, Марья Алексеевна.

Эта концовка имеет самостоятельное значение. В самой общей форме она выражает ту же мысль, какая выражена в следующих строках «Молодой России»: «Больше же ссылок, больше казней! — раздражайте, усиливайте негодование общественного мнения, заставляйте революционную партию опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всем этим ускорите революцию, и что *чем сильнее гнет теперь, тем беспощаднее будет месть*»².

Подобное сравнение представляется правомерным: ху-

¹ В специальной главе «Похвальное слово Марье Алексеевне» говорится: «Ваши средства принадлежат вашей обстановке, а не вашей личности, за них бесчестье не вам, — но честь вашему уму и силе вашего характера» (т. XI, стр. 109).

² «Политические процессы шестидесятых годов», М.—Л. 1923 г., стр. 262.

дожественный текст романа так насыщен политически, так устремлен к социальной злободневности, что равняется в этом отношении политической прокламации, превосходя ее силой воздействия.

Чернышевский явно хотел сказать то же самое, что и «Молодая Россия»: чем хуже будут «обстоятельства» — гнет, произвол и злодеяния, чем хуже будет жить народ, тем жестче будет отпор, суровее расправа, тем скорее наступит день освобождения.

К числу наиболее ярких, хотя и эпизодических образов относится Жюли. Если Марья Алексеевна — развращенная жертва обстоятельств, то Жюли — настоящая протестантка. Экстравагантная Жюли произносит такие истины, которых не посмели бы в романе высказать ни Лопухов, ни Кирсанов. Жюли бросает в лицо трем «избранным» представителям высшего света: «Гнусные люди! гадкие люди! я была два года уличной женщиной в Париже, я полгода жила в доме, где собирались воры, я и там не встречала троих таких низких людей вместе!».

Жюли восклицает, обращаясь к Сержу: «Ты раб, француженка свободна. Француженка борется, — она падает, но она борется...» В ее словах есть скрытый смысл: в них слышатся отзвуки французских восстаний и революций. Здесь вместо «француженка» следует читать «Франция». Когда Серж предлагает ей, женщине с испорченной репутацией, обвенчаться, то слышит в ответ: «Брак? Ярмо? Предрассудок? Никогда!».

Чернышевский так же, как и «Молодая Россия», относился отрицательно к буржуазному браку, построенному на принципе купли-продажи; он отстаивает новую форму семьи, основанную на полном равноправии и взаимном уважении. Не кто иной, как Жюли, произносит чистые, целомудренные слова: «Умри, но не давай поцелуя без любви!».

Пафос обличений Жюли в доказательстве гнилости существующего общественного порядка, он показан в романе прогнившим насквозь от государственного аппарата до морально-правовых институтов господствующего класса.

История Веры Павловны, положенная в основу сюжета, — это становление новой семьи, новой этики, завоевание женщиной человеческих прав. Проблема эмансипации — одна из главных в романе, но она только часть во-

проса о социальном и экономическом равенстве. Верочка — «одна из первых женщин, жизнь которых устроилась хорошо. Первые случаи имеют исторический интерес». Освобождение Верочки не состоялось бы, если бы не созрели необходимые для этого условия, если бы не возматало год от года число «порядочных» людей, то есть революционной молодежи. Социалистические идеи, составляющие их главные интересы, легли в основу ее воспитания: Лопухов приносит ей книги Консидерана, Фейербаха, между ними идут «длинные разговоры» о «предметах посторонних, вроде образа мыслей и тому подобных сюжетов». Верочка читает стихи Некрасова, поет французскую революционную песенку «са iга». Больше всего Вера Павловна ценит независимость. От желанья личной независимости героиня приходит к мысли об общественно полезном труде, навеянном учением социалистов-утопистов.

Вера Павловна — одна из первых женщин, занимающихся медициной. В конце романа мы видим ее обогащенной интеллектуально и духовно, готовой на любую жертву во имя революции — даже на судьбу дамы в трауре. В образе Веры Павловны Чернышевский показал новую женщину-гражданку, активную строительницу нового общества.

Оторванный в пору самой напряженной борьбы от своей журнальной трибуны, от привычных форм общественно-политической и литературной деятельности, Чернышевский вложил волновавшие его мысли и чувства в свой роман — живую декларацию его революционных идеалов.

Дальнейшее изучение тематики «Что делать?» в связи с конкретными политическими документами периода написания романа позволит точнее определить его место как в истории русской литературы, так и в истории освободительного движения второй половины XIX века.

Л. П. МЕДВЕДЕВА

ПОЭЗИЯ НЕКРАСОВА В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Определяя место Некрасова в литературном движении своего времени, Чернышевский писал ему 5 ноября 1856 года: «Вы теперь лучшая, можно сказать, единственная прекрасная надежда нашей литературы»¹. К поэзии Некрасова Чернышевский неоднократно обращался в своей беллетристике. Однако вопрос о том, какое конкретное применение получал Некрасов в его творчестве, до сих пор не привлекал к себе должного внимания исследователей².

В настоящем сообщении рассматриваются два вопроса: 1) как Чернышевский вводил Некрасова в свою беллетристику в целях популяризации его поэзии и 2) какое применение находил Некрасов в раскрытии идейного содержания романов Чернышевского, в частности, какую роль играла его поэзия в общей системе эзоповской речи художника-революционера.

1.

Чтобы уяснить, почему Чернышевский избрал необычный способ популяризации поэзии своего ближайшего идейного соратника — через свою собственную беллет-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 325.

² Частично этот вопрос за последнее время освещался в работе В. Д. Ахрамеева «Поэты 40—50 гг. в романе Чернышевского «Повести в повести», «Ученые записки» Томского гос. пед. института, т. V, 1948; в статье М. П. Николаева «Характеры и стиль романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского», «Ученые записки» Кабардинского гос. пед. института, вып. 2, 1949, и в его же статье «Роман Н. Г. Чернышевского «Алферьев», «Ученые записки» Тульского гос. пед. института, вып. 3, 1952.

ристику, — следует вспомнить, при каких обстоятельствах появился в 1856 году в печати первый сборник стихотворений Некрасова. Об этом сборнике Чернышевский в ноябрьском номере «Современника» за тот же год поместил такую информацию: «Читатели, конечно, не могут ожидать, чтобы «Современник» представил суждение о «стихотворениях» одного из своих редакторов. Мы можем только перечислить здесь пьесы, вошедшие в состав изданной теперь книги. Вот их список... Читатели заметят, что многие из этих пьес не были еще напечатаны...

...Из тех, которые не были еще напечатаны, мы приведем здесь пьесы: «Поэт и гражданин», «Забытая деревня», «Отрывки из записок графа Гаранского».

Вслед за этой заметкой приводился текст самих стихотворений.

За информацию и перепечатку стихотворений Некрасова «Современник», как известно, получил строжайшее предупреждение. Вокруг сборника разразилась цензурная буря, вслед за чем министром народного просвещения было издано распоряжение, запрещавшее какие бы то ни было печатные отклики на это издание.

Цензурный запрет на переиздание первого сборника стихотворений Некрасова и на печатные отклики на него просуществовал до конца 1861 года, а в 1862 году последовал арест Чернышевского. Ни Чернышевский, ни Добролюбов и после снятия цензурного запрета не имели возможности выступить в печати со статьями о Некрасове и дать оценку его поэзии. Но Чернышевский и после своего заключения в Петропавловскую крепость не оставил мысли так или иначе высказать свое отношение к творчеству того, в ком он видел надежду русской литературы.

Вокруг имени Некрасова в те годы в литературе велась ожесточенная борьба. Многочисленные критики из либерального, эстетского и реакционного лагеря оценивали поэзию Некрасова отрицательно. Даже Писарев в своей статье 1861 года «Писемский, Тургенев и Гончаров», высказываясь положительно об идейном содержании творчества Некрасова, замалчивал художественные достоинства его поэзии. А Дудышкин в статье, помещенной в № 12 «Отечественных записок» за тот же 1861 год, не только решительно отказывал Некрасову в оригинальности и художественном совершенстве его поэзии, но даже заявлял о вредном влиянии на его творчество «тео-

рии» (под «теорией» он разумел революционно-демократическое мировоззрение поэта).

Желание Чернышевского высказать свое суждение о Некрасове и популяризировать его творчество стимулировалось не только этим. Сам поэт не раз высказывал Чернышевскому в письмах сомнение в своих силах и нуждался в моральной поддержке идейно близкого ему человека. И тогда Чернышевский, бывший еще на свободе, писал ему: «Надобно желать... чтобы мы были принуждены забыть для Вас о Пушкине, Лермонтове, Кольцове... Вы имеете все силы, нужные для этого. Только одно может воспрепятствовать Вам быть в поэзии создателем совершенно нового периода, — если Вы будете личные Ваши силы и время тратить на бесплодные и совершенно неосновательные сожаления о том, что в прошедшем Вашем не все было расположено благоприятным образом для развития Ваших сил, если Вы предадитесь мысли, что в самом деле не имеете силы быть тем, чем быть назначила Вас натура Ваша»¹.

По глубокому убеждению Чернышевского, Некрасов имел «все силы... быть в поэзии создателем совершенно нового периода». Вождь революционной демократии стремился убедить Некрасова в том, что именно его творчество должно стать поэтическим выражением нового строя чувств и идей, поднимавших знамя освободительной борьбы. Чернышевский ценил поэзию Некрасова не только за ее боевую гражданскую идейную направленность, но и за огромную поэтическую силу ее образов. В романе «Повести в повести» он называет Некрасова одним «из гениальнейших поэтов мира»².

В романах «Что делать?», «Алферьев», «Повести в повести» и «Отблески сияния» писатель обращается именно к тем стихотворениям и поэмам Некрасова, в которых тот с особенной поэтической силой выражал свои гражданские призывы³. Такими произведениями являются: «Песня Еремужке», «Размышления у парадного подъезда»,

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 323.

² Там же, т. XII, стр. 140.

³ Стихотворения «Железная дорога», «Памяти Добролюбова», поэмы «Мороз Красный нос», «Русские женщины», «Современники» и «Кому на Руси жить хорошо» были созданы Некрасовым уже после ареста Чернышевского.

«Рыцарь на час», «Несчастные», «Саша», «Коробейники», а также «Ночь» и «Новый год».

Высоко ценил Чернышевский творчество Некрасова за его патриотизм, выражавшийся в страстной ненависти к врагам Родины и в его тоскующей любви к страдающему народу. Об этом говорится в романе «Что делать?».

Только что вернувшийся из-за границы, но еще выдающий себя за иностранца Лопухов-Бьюмонт в беседе с Катериной Васильевной Полозовой так характеризует свое отношение к родине: «Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее, как свою, скажу я вам, подражая вашему поэту»¹. Демократическому читателю при чтении этого места романа вспоминались известные строчки из стихотворения: «Замолкни, муза места и печали»:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть,

а также знаменитая клятва из «Поэта и гражданина»:

Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!

Чернышевский стремился привлечь внимание читателя к первой подлинно народной поэме Некрасова «Коробейники», тогда только что появившейся в печати². Поэма эта открывала новый этап в творчестве Некрасова и предназначалась непосредственно для народа. Она вышла в дешевом издании народных книжек.

Обратимся к тексту романа. Вера Павловна сообщает Кирсанову о том, что знакомый привез ей «одну новую поэму, которая еще не скоро будет напечатана»³. В этих словах, бесспорно, был заключен намек на наличие в поэме обличительных, политически острых мест, подобных «Песне убогого странника», которую сам Чернышевский в пропагандистских целях так умело использовал в своей литературно-критической статье «Не начало ли перемены?»

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 311.

² Поэма Некрасова «Коробейники» была опубликована в «Современнике» в 1861 году в № 10, а затем вышла отдельным изданием под заглавием «Красные книжки» в 1862 году.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 252.

«Теперь я вижу, — заключает Кирсанов, — это у него в новом роде»¹.

Замечанием о том, что поэма написана «в новом роде», художник стремился подчеркнуть ее особую доступность для народа. Не случайно Вера Павловна цитирует отрывок из «Коробушки», которая впоследствии превратилась в широко известную народную песню:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситец, и парча,
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча².

Так Чернышевский вводил Некрасова в свои романы с целью популяризации его поэзии в широких демократических кругах читателей.

2.

Раскрывая в романе «Что делать?» образ Веры Павловны как тип новой женщины, борющейся за полную независимость в экономическом, правовом, интеллектуальном отношении в семье и обществе, Чернышевский вводит образ Катерины из народной поэмы Некрасова «Коробейники».

Поэтический образ Катерины, стремящейся в труде утолить свою тоску по милому, привлекает внимание Веры Павловны и Кирсанова при обсуждении вопроса о равноправии женщины:

Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная, —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпеж, —
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.

Читая эти строки, поэтизирующие труд Катерины, и опираясь на них, Вера Павловна окончательно утверждается в мысли об огромной роли труда в борьбе с труд-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 252.

² Там же, стр. 252.

ностями жизни. «Эти стихи — не главные в своем эпизоде, — говорит Вера Павловна, — они только предисловие к тому, как та славная Катя мечтает о своей жизни с Ваней, но мои мысли привязались именно к ним»¹. Кирсанов спрашивает Веру Павловну: «Значит, они слишком подошли к мыслям, которые тебя занимали. Какие ж это мысли?»².

— Вот какие, Саша, — отвечает Вера Павловна и тут же разъясняет их.

Приведем только важнейшее из ее разъяснений:

— Мы слабы потому, что мы считаем себя слабыми. Но мне кажется, что есть еще другая причина... Скажи, мой милый: я очень много переменялась тогда в две недели, которые ты меня не видел?

— Да, ты в самом деле тогда очень исхудала и стала бледна.

... — Вот видишь... Ведь ты любил же меня очень сильно. Отчего же борьба не отразилась на тебе такими явными признаками?

...— Я довольно легко выдерживал борьбу потому, что мне некогда было много заниматься ею...

— Так, мой милый, — отвечает Кирсанову Вера Павловна. — Нужно иметь такое дело, от которого нельзя отказаться... Нужно личное дело, необходимое дело, от которого бы зависела собственная жизнь... Я хочу такого дела³.

Это рассуждение Веры Павловны вызывает разъясняющую реплику Кирсанова: «Вот почему тебя заняли стихи о том, как Катя избавлялась от тоски работою»⁴.

В пятой главе романа Чернышевский повествует о том, как в часы отдыха Вера Павловна и Катерина Васильевна Полозова собирают вокруг себя молодежь и создают два хора. В то время, когда один хор поет веселые песенки типа песни Лизетты из Беранже или на слова интимного стихотворения Некрасова «Давно отвергнутый тобою», другой разучивает «Песню Еремушке»⁵.

С какой целью Чернышевский обращается здесь к Некрасову?

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 252.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 255.

⁴ Там же, стр. 314.

⁵ Там же, стр. 326—327.

Некрасов помогает автору романа показать Веру Павловну и Катерину Васильевну подлинно «новыми женщинами», которым так же близок общественный пафос «Песни Еремушке», как и способность к большой внутренней интимной жизни.

Вместе с тем Чернышевский стремится сказать читателю и о том, что вокруг Веры Павловны и Катерины Васильевны собиралась не обычная веселящаяся молодежь, а молодежь передовая, революционно настроенная. Этот намек заключен в упоминании о «Песне Еремушке», появившейся в печати в 1859 году и пользовавшейся тогда огромной популярностью у демократической молодежи, воспринимавшей стихотворение как прямой призыв к революционному делу. Благодаря этому простая семейная вечеринка сразу получала двойной план: видимый для всех и скрытый, понятный только демократическому кругу читателей, воспитанных на эзоповском языке.

В одном из писем Чернышевский так говорил о причинах, вынуждавших его обращаться к эзоповой манере выражения своей мысли: «Прямо говорить нельзя, — будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею»¹.

Беллетристические произведения Чернышевского, написанные им в Петропавловской крепости, носят в известной форме двухплановый характер, поскольку обстановка, в какой они создавались, обязывала автора к особой изворотливости в изложении. Второй, скрытый от цензуры план, художник и создавал, в целом ряде случаев прибегая к некрасовским образам или цитатам из его произведений, преимущественно с остро-политическим идейным содержанием. Так Некрасов помогал Чернышевскому разрабатывать его сложную систему иносказания, при помощи которой тот входил в общение с читателем-другом и воспитывал последнего в духе подлинной революционности.

Сцена поездки в Пассаж и предшествующая ей картина пикника подводили читателя к мысли о неизбежности революции в России в самом недалеком будущем. Непосредственным носителем этой темы, как известно, является дважды появляющийся здесь образ «дамы в трауре».

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., том XIV, стр. 348.

Стремясь в обход цензуры усилить свой намек на приближающуюся революцию, Чернышевский влагает в уста «дамы в трауре» несколько строк из стихотворения Некрасова «Новый год». В нем говорится об ожидании каждым в новогоднюю ночь осуществления своих надежд. По своему содержанию в том виде, в каком стихотворение появилось в «Современнике» в 1852 году, оно не носило явно выраженной политической тенденции. Включение же Чернышевским нескольких строк из этого стихотворения в сцену пикника придавало цитированным строчкам особую окраску.

«Да разлетится горе в прах! —
воскликает «дама в трауре», поднимая бокал с шампанским. —

И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца»¹.

В романе Чернышевского эти слова, воспринимаемые читателем в ином контексте, чем у Некрасова, получали смысл страстного ожидания революционного обновления жизни.

Вслед за романом «Что делать?» Чернышевский пишет свой роман «Алферьев», в котором показывает «нового человека», не столько в сфере общественно-политической деятельности, сколько в обстановке семейного быта. Причины этого вполне понятны. Широкая постановка проблемы общественного переустройства жизни, подобная той, какая имела место в романе «Что делать?», теперь была для Чернышевского уже невозможной. Он вынужден был сузить проблематику и в еще большей степени использовать систему шифра, чтобы завуалировать образ Алферьева как революционера-демократа от глаз цензуры, тем более, что свой новый роман он предназначал для легальной печати.

В августе 1863 года в письме к А. Н. Пыпину Чернышевский сообщал, что вторая глава его нового романа «смешна... и невинна в цензурном отношении, — вероятно, пройдет через цензуру легко, потому что все болтовня, только для потехи читателя»².

Преднамеренность этого письма совершенно очевидна: Чернышевский прекрасно сознавал значительно воз-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., том XI, стр. 336.

² Там же, т. XIV, стр. 484.

росшие трудности в осуществлении задачи — раскрыть в образе Алферьева мировоззрение революционера-материалиста 60-х годов (так справедливо рассматривают образ Бориса Константиновича Алферьева исследователи, изучавшие этот роман)¹.

В «Алферьеве» Чернышевский совсем отказывается от приема непосредственного авторского вмешательства в повествование в качестве рассказчика-комментатора, беседующего с «проницательным читателем». В этом романе художник выдерживает шутливый тон повествования, переходящий в иронический. Такой тон вносит в освещение характеров новых людей романа сам рассказчик-журналист, принимающий нередко обличие пошляка-обывателя, в действительности же скрывающий под этой маской свою симпатию к Алферьеву и Лизе Дятловой — положительным героям произведения.

Желая намекнуть читателю, что ведущий герой романа Борис Константинович Алферьев — материалист-революционер, Чернышевский в качестве эпиграфа ко всему произведению ставит «Песню преступников» из получившей уже тогда широкую известность революционной поэмы Некрасова «Несчастные», причем выдает эту песню Крота, ссыльного революционера, за любимую песню своего героя, внешне кажущегося читателю политически нейтральным.

Чернышевский приводит из песни Крота лишь те строчки, в которых звучит простой призыв к труду во имя процветания Руси, и выпускает все революционное содержание песни, — все то, что могло бы вызвать настоятельность следственных органов. Но пропуски он замещает вставкой повторяющегося: «И проч.», обращающей на себя внимание читателя. Вот как выглядит у Чернышевского этот эпиграф к его роману:

Дружней! Работа есть лопатам! и проч.
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь, и проч.

¹ См. статью А. П. Скафтымова «Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости», Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1939; статью Б. С. Морозова «О романе Н. Г. Чернышевского «Алферьев», «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. XII, вып. 3, 1953; статью М. П. Никслова «Роман Н. Г. Чернышевского «Алферьев», «Ученые записки» Тульского пед. института, вып. 3, 1952.

Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы.

(Песня Алферьева.) Некрасов¹.

Отсылая демократического читателя к хорошо известной ему поэме и заменяя имя Крота именем Алферьева, Чернышевский тем самым дает ключ к подлинному пониманию идейного наполнения образа героя как революционера. В этом легко убедиться, если воспроизвести полностью весь текст песни Крота, восполнив пропуски, сознательно сделанные Чернышевским и обозначенные ремаркой: «и проч.».

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь.
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

У ней, родимой, требы многи, —
Бедна по милости ворзв!
В ней пышны царские чертоги,
Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян
И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!..

Пускай томится гладом, жаждой,
Пусть дрогнет в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы².

Нельзя не согласиться с предположением М. П. Николаева о том, что Алферьев представлялся Чернышевскому одним «из тех «народных заступников», кому «судьба готовила... чахотку и Сибирь»³.

На всем протяжении романа художник выдерживает двойной план раскрытия образа Алферьева — видимый и

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 6. На полях рукописи Чернышевским было сделано характерное примечание: «Этот эпиграф так и должно поставить выше заголовка первой главы, потому что он относится не к ней одной, а ко всему роману».

² Н. А. Некрасов, Полн. собр. сочинений и писем, Огиз, М. 1948, т. II, стр. 33—34.

³ М. П. Николаев, Роман Н. Г. Чернышевского «Алферьев», «Ученые записки» Тульского гос. пед. института, вып. 3, 1952, стр. 137.

скрытый, — рисуя его то обывателем, стремящимся лишь к собственному благополучию, то чудачком-мечтателем.

Сначала Чернышевский показывает Бориса Константиновича Алферьева в его внешнем, видимом для всех плане. Он изображает своего героя увлеченным поисками выгодного места агента какого-то общества в Бейруте или Смирне. Алферьев приходит в восхищение от одной мысли о возможности созерцать светлое небо Востока, полутропическую растительность и синее море. Он беспрестанно повторяет отрывок из «Размышлений у парадного подъезда» Некрасова:

...В благовоной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,
Убаюканный сладостным пением
Средиземной волны¹.

Читая этот отрывок, Алферьев прибавлял мелодичным голосом: «Я буду сидеть и мечтать, ходить и мечтать, лежать и мечтать». О содержании его мечты автор умалчивает, но Алферьев назван в романе большим почитателем Некрасова не случайно. И теперь уже Борис Константинович воспринимается читателем не как обыватель, а как один из передовых людей.

Так постепенно в аллегорических рассуждениях Чернышевский все глубже раскрывает образ Алферьева в его втором, зашифрованном плане. Наконец, автор заявляет, что его герой решительно отказывается занять выгодное для него в материальном отношении место агента в Русском обществе пароходства и торговли на том основании, что «имеет в виду какую-то большую выгоду», принимая во внимание «более важные соображения» и «общий принцип»². И теперь уже демократическому читателю становится совершенно очевидно, что под этим «общим принципом» писатель подразумевает «принцип разумного эгоизма», а под «выгодой» — «разумную выгоду» новых людей, так как в качестве главного аргумента своего отказа от места Алферьев приводит такое рассуждение: «Может ли человек отказаться от обязательства, когда оно выгодно для него, только потому, что, изменив обязательству, он получит больше выгоды?»³.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 27.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 30.

И снова после этих строк в романе следует упоминание о некрасовском стихотворении «Размышления у парадного подъезда», которое декламирует Алферьев. Неоднократные упоминания об этом стихотворении и о том, что Борис Константинович читал его долго — «с месяц» — и «очень печальным голосом»¹ — позволяли читателю понять истинную причину горестных раздумий героя.

Особое внимание в обрисовке Алферьева художник обращает на пропаганду им идеи эмансипации женщины. Как у некрасовской Саши под воздействием Агарина, так и здесь, под влиянием Алферьева, начинается идейное перерождение Лизы Дятловой. Об этом говорит развернутое аллегорическое название соответствующей главы романа — «Так как новая катастрофа, очевидно, для читателя очень достаточно подготовлена, то она и не замедлит воспоследовать с такой же плодотворностью, что к рассказу о ней очень будет итти эпитафия:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно».

Некрасов²

Эпитафия относится непосредственно к образу Лизы Дятловой, которая, сближаясь с Алферьевым, «подверглась серьезной опасности»³. И в последующем повествовании о героине романа Чернышевский продолжает вести подобную же переключку с Некрасовым.

Свое основное внимание в «Повестях в повести» Чернышевский сосредоточивал не на широких социально-политических проблемах, а на частных вопросах семьи и быта, но освещал и эти вопросы с позиций революционно-демократического мировоззрения. В предисловии к роману он указывает, что изображает своих героев «совершенно только в их домашней жизни, без всяких отношений не только к столичной, — даже к провинциальной общественной жизни»⁴. Он всячески стремится подчеркнуть, что этот новый роман — чистая поэзия. Но, придав своему новому творению видимость сказки и повествуя о вопросах частного семейного быта, Чернышевский по существу продолжает и здесь вести обсуждение тех же проблем, каким были посвящены его предшествующие рома-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 30.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Там же, стр. 127.

ны, — только для их раскрытия прибегает к еще более сложной манере изложения.

Сущность этой усложнившейся системы иносказания разъясняет сам автор в предисловии к роману, так отзываясь о многочисленных рассказах своих «Повестей»: «...авторы... нимало не скрывают того, что они рассказывают небывальщину: каждый автор беспрестанно противоречит всем остальным, еще больше и усерднее заботится разрушить на следующей странице то, что сам писал на предыдущей, так, чтобы выходил бессвязный ряд отрывков»... «Вот в этом сущность моего приема: давать воображению самой читательницы, самого читателя играть переплавкой материала и сравнивать потом, удалось ли сплавить эти сливающиеся части в одно целое»¹. И тут же Чернышевский спешит снова прикрыться ширмой «чистой поэзии», заявляя: «Сущность чистой поэзии состоит в том, чтобы возбуждать читающих к соперничеству с автором, делать их самими авторами»².

Стремясь обмануть цензуру и одновременно дать знать на волю, что он и здесь полон бодрой веры в светлое будущее, Чернышевский цитирует отрывок из поэмы Некрасова «Несчастные»:

Грязь и холод: смолкли птицы,
Тусклы стали небеса,
Но доходят до светлицы
Доброй вести голоса³.

Через несколько страниц он снова повторяет, только в другой вариации, тот же отрывок из некрасовской поэмы:

Ликует день, щебечут птицы,
Красою блещут небеса,
Несутся из моей светлицы
Любви и воли голоса⁴.

Но теперь Чернышевский заявляет, что это начало свадебного гимна, автором которого является «один из гениальнейших поэтов мира»⁵. Стих Некрасова художник

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 131.

² Там же, стр. 132.

³ Там же, стр. 140. Чернышевский не вполне точно воспроизводит этот отрывок, цитируя его, очевидно, по памяти. Кроме того, он сознательно заменяет некрасовский образ темницы — светлицей.

⁴ Там же, стр. 140.

⁵ Там же, стр. 140.

вставляет в оригинальный сплав из произведений Фета, виднейшего представителя «чистой поэзии», и таким путем стремится заслонить от следственных органов свое нецензурное слово общения с миром, находящимся за стенами Петропавловской крепости. Подставляя в видоизмененный некрасовский текст подлинные слова Некрасова, читатель слышал голос самого Чернышевского, звучащий бодро и обещающе.

Чернышевский предупреждает читателя, что изображает себя в романе под именем Эфиопа. «Эфиоп — это я», — пишет автор в первом предисловии к роману. Во втором предисловии он снова подтверждает, что его «Повести в повести» — это роман, посвященный а — m-11 В. М. Ч. эфиопом»¹. Образ эфиопа он берет из стихотворения Некрасова «Влас». Но не идейное содержание стихотворения имеет здесь в виду Чернышевский. «Я изображаю себя в этом моем романе под именем эфиопа, — напоминает он читателю и цитирует: «эфиопы, видом черные», — помните, из «Власа» — псевдоним, которым подписана одна из моих очень серьезных статей»².

Отсылая читателя к названной статье, написанной в стиле легкой, но острой иронии, Чернышевский, очевидно, намекает на то, что и здесь, в романе, читателю следует стремиться раскрыть значение иронии как основной стилистической тенденции в эзоповской системе этого произведения.

Во втором предисловии к роману — в обращении к читателю — Чернышевский просит считать его автором ряда произведений представителей «чистой поэзии» и в числе этих произведений как бы случайно называет одно из остро обличительных стихотворений Некрасова: «Ночь. Успели мы всем насладиться»³. В этом стихотворении, написанном в канун реформы, звучал горький упрек поэта, обращенный к народу, упрек за его терпение, слышалась та же тоскующая любовь поэта к русскому народу, какая была свойственна и Чернышевскому. В тексте некра-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 134.

² Известно, что Чернышевский имеет здесь в виду статью, опубликованную в «Свистке» — приложении к «Современнику»: «Опыт открытий и изобретений. Г. Магистр Н. — де Безобразов — псевдоним», «Современник», 1862, № 19, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 691.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 145.

совского стихотворения читатель узнавал голос самого Чернышевского, особенно в последней части, характеризующей покорность русского народа того времени:

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, науки,
Предаваться мечтам и страстям¹.

Чернышевский стремился отстоять значение искусства как учебника жизни и дискредитировать поэтов лагеря «чистого искусства», звавших к уходу от действительности. Для этого он и прибегал к оригинальному приему сплава стихотворений Мея, Тютчева, Фета и отрывков из произведений, идейно ему близких поэтов — Лермонтова, Кольцова и Некрасова. Тем самым художник-демократ одновременно использовал «чистую поэзию» и как средство разъяснения своих идей. Таким приемом художник пользуется в главе «Арабески» в «Сказке о Деборе-девице», внутренний план которой связан с обсуждением проблемы эмансипации женщины. Не случайно Чернышевский называет свою героиню Сашей. Чтобы подготовить читателя к должному восприятию этого образа, он ставит эпиграфом к сказке две строчки из поэмы Некрасова «Саша»:

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила².

А чтобы дать возможность понять читателю, что на путь некрасовской героини может встать не одна Саша, слушающая сказку о Деборе-девице, автор называет этим именем несколько женских образов своего романа.

«Теперь разбирайте, — пишет он, — кого называют «Саша» на той или другой странице: я вам говорю — вы удивитесь»³.

Таким образом, упоминание о некрасовской Саше служит для Чернышевского своеобразным комментарием,

¹ Н. А. Некрасов, Полн. собр. сочинений и писем, т. II, стр. 59.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 272.

³ Там же, стр. 272.

помогающим читателю осознать второй план романа¹. Вот как художник раскрывает образ своей героини в главке «Сашины грезы» через песню-сплав из некрасовской поэмы, стихотворений Фета и Кольцова²:

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: «Что ж пели ей птицы?»
В комнате словно тесней и душней,
Саше не спится, «Что ж будут петь птицы?»

.....
Поздним летом в окна спальни
Тихо шепчет лист печальный,
Шепчет не слова,
Но под легкий шум березы
К изголовью, в царство грезы
Никнет голова...
Я жду...³

Характерно, что каждая такая песня-сплав, организующим центром которой является образ некрасовской Саши, неизменно заканчивается словами: «Я жду...» Эти слова выполняют роль своеобразного лейтмотива, смысл которого читателю раскрывает образ Саши из поэмы Некрасова — пробудившееся в ней ожидание новой жизни.

Вместе с тем эти же поэтические образы стихотворений Фета из цикла «Мелодии», «Я жду. Соловьиное эхо...», несомненно, используются Чернышевским и в целях передачи самой поэзии чувства любви при изображении героини романа⁴. Свой подлинно авторский взгляд на вещи Чернышевский осуществлял через Алферия Сырнева, который назван в романе «бесстрашным исследователем страны», человеком, «симпатизирующим всему человечеству»⁵.

Последний роман Чернышевского «Отблески сияния» был написан тоже в эзоповской манере изложения, и в нем также выступают образы некрасовской поэзии.

¹ Ряд верных наблюдений, связанных с анализом «Повести в повести», сделан В. Д. Ахрамеевым в его статье: «Поэты 40—50 годов в романе Н. Г. Чернышевского «Повести в повести», «Ученые записки» Томского гос. пед. института, т. V, 1948.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 275, 290, 297, 298.

³ Там же, стр. 275.

⁴ Известно, что Чернышевский ценил Фета за художественное совершенство его поэзии. В письме к Некрасову от 24 сентября 1856 года он назвал Фета «хорошим поэтом».

⁵ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 170 и 177.

Некрасовский текст привлекается художником в этом романе исключительно при обрисовке образа главного положительного героя Владимира Васильевича.

Основная идейная тенденция романа вырисовывается достаточно очевидно. Как и в предыдущих произведениях, центральный герой «Отблесков сияния» — революционный демократ, имеющий много общего с Алферьевым и Сырневым. Он возмущается «рассудочными учеными», пытающимися оправдать общественное зло, и высмеивает тех, «кто звериный закон эксплуатации, угнетения человека человеком, возводит в извечную и благодатную силу прогресса». Образ мыслей этих ученых Владимир Васильевич противопоставляет своему. «Они ученые и рассудительные,— говорит он,— я тоже ученый и рассудительный. И слушал я их ученое вранье о неотвратимости зла и его благодетельности»¹.

Разоблачая рассудительность этих лжеученых, пытавшихся перенести эволюционную теорию Дарвина на человеческое общество, Владимир Васильевич так иронизирует над ними: «Истинный создатель цивилизации, истинный творец наук и искусств — тигр. Возблагодарим же его и будем подражать ему для блага человечества. Благо человечества в том, чтобы люди были тиграми»².

Непосредственно после этих рассуждений Владимира Васильевича в романе приводится отрывок из стихотворения Некрасова «Рыцарь на час». Его шепчет про себя герой, размышляющий об источниках добра и зла в общественном устройстве жизни:

Выводи на дорогу тернистую,
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!³

Чтобы замаскировать подлинное значение этого отрывка в раскрытии идейного наполнения образа Владимира Васильевича, Чернышевский заставляет своего героя адресовать эти строки к героине романа Лореньке, предва-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 636.

² Там же, стр. 636.

³ Там же, стр. 637.

ря их таким комментарием: «Вот до каких приятней унизился твой воспитанник, Лоренька, вот в какую грязь залез он»¹.

При сопоставлении рассуждений героя о различных теориях ученых по вопросам общественного развития с этим отрывком из некрасовского стихотворения становится очевидно, что и сам Владимир Васильевич — один из этого «стана погибших за великое дело любви», — из стана революционеров, идущих на подвиг ради великой любви к народу.

Вставляя этот отрывок из «Рыцаря на час» в свой рассказ о Владимире Васильевиче, Чернышевский тут же спешит замаскировать от цензуры его подлинный смысл и для этого приводит беседу героя с матерью, пытающейся дать такой комментарий к стихам: «Я расслышала только два слова... Второе послышалось мне правильно, это слово: «любви», а последнее слово предыдущего стиха — «погибающих» — так?.. — О любви с трагической развязкой?»².

И тут же Чернышевский снова рассыпает целый ряд намеков и упоминаний, рассчитанных на разъяснение демократическому читателю подлинного смысла идейных исканий Владимира Васильевича:

— «Болит твоя душа. Чем же она болит? — допытывается мать.

— ...не касайтесь этого вопроса, потому что никакого ответа на него не могу дать, кроме одного: «Не могу отвечать», — отводит ее вопрос Владимир Васильевич³.

Чернышевский вводит в роман и другой отрывок из некрасовского «Рыцаря на час», маскируя его смысл. Владимир Васильевич, размышляя о Лореньке и о своей привязанности к ней, собирается излить ей свое душевное состояние тревоги и взволнованности и в мыслях будто бы только о ней (что подчеркивает автор), начинает читать стихотворение Некрасова:

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью.
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 637.

² Там же, стр. 637.

³ Там же, стр. 637—638.

Я твою призываю любовь,
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь.
Выводи на дорогу тернистую...

Вслед за этим Чернышевский помещает иронический комментарий к отрывку, отменяя, снимая им всю серьезность только что приведенной цитаты.

«Выводи на дорогу тернистую», — продолжает свои размышления Владимир Васильевич, свою мысленную беседу с Лоренькой. — Да: ты надеялась, Лоренька, что я буду честным деятелем, заботящимся о том, чтобы быть полезну людям, а не об удовлетворении своего самолюбия. Желал я быть таким. Но — теперь не то. Мысли о благе людей сменились мыслями о личной славе. Влечение к друзьям блага людей сменилось порицанием ошибок этих энтузиастов...»²

И снова в разговоре с матерью о Лореньке, никак не связанном с темой стихотворения Некрасова, Владимир Васильевич будто случайно роняет фразу, отменяющую все, только что сказанное им, и восстанавливающую значительность цитированного отрывка:

«Но будем говорить о тех стихах, которые нашептывал я, забывшись в моем раздумье. Я думал не о себе, забываясь до нашептывания их. Я думал о том, что для меня важнее всего личного моего»³.

В «Отблески сияния» Чернышевский вводит отрывок и из другого произведения Некрасова — из поэмы «Несчастные», — используя и его как прием эзоповской речи.

Вдохновленный хорошей погодой, Владимир Васильевич читает две начальные строчки этого отрывка (строчки самого безобидного содержания), опуская следующие строки, наиболее значительные в идейном отношении, и сопровождает чтение очень коротенькой намекающей репликой, приоткрывающей читателю внутренний план изображения героя. Отрывок вводится в диалог между Владимиром Васильевичем и его матерью.

«— Что же припомнилось тебе по поводу того, что ныне — превосходный день? — спрашивает героя его мать.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 635.

² Там же, стр. 636.

³ Там же, стр. 639.

— А так себе, мамаша, — отвечает он. — Я думал о том, как хорошо теперь в будуаре Лореньки. И мне вспомнилось, — тихий в разговоре голос его зазвучал сильным ритмическим чтением нараспев...

Ликует день, щебечут птицы,
Красою блещут небеса»¹,

Дальше следует умолчание героя, сопровождаемое намекающим замечанием: «Радуется это, если припомнить только эти два стиха. Следующие менее могут радовать»².

Умолчание это и адресуется, главным образом, к другу-читателю, который, освоившись с эзоповской манерой повествования Чернышевского, заглянет в Некрасова, найдет там цитированные строчки и, вникнув в их смысл, поймет то, что скрывалось от глаз цензуры в каждом образе, поймет и пойдет за тем, кто в эпоху «эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества»³ не прекращал борьбы за подлинно прогрессивные революционные идеи. Он прочитает у Некрасова в его поэме «Несчастные» и другие стихи — те, что «менее могут радовать» врагов Чернышевского, но зато порадуют всех истинных «друзей народа и свободы».

Так, Чернышевский, считавший Некрасова подлинно народным поэтом, не только вовлекал образы и мотивы его поэзии в систему своей эзоповской речи, но одновременно соответствующим отбором цитат и образов из стихотворений поэта пропагандировал его творчество, ценя огромную преобразующую силу его поэзии.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 640, цитируется отрывок из поэмы Некрасова «Несчастные».

² Там же, стр. 640.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 26—27.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ¹

А

- Авдеев А. А.* — 401.
Авенариус Рихард — 33, 39.
Агассиз Жан-Луи-Рудольф — 232.
Аграновский А. — 270.
Аксаков И. С. — 273, 276, 277.
Аксаков К. С. — 93, 94.
Аксаков С. Т. — 92.
Александр I — 307.
Александр II — 112, 128, 304, 306, 317.
Алексеев М. П. — 52.
Алексеев Н. С. — 51.
Анненков П. В. — 71, 87, 403, 492.
Антонович М. А. — 292—295, 409, 410.
Аптекман О. В. — 251.
Аргиропуло П. Э. — 120, 502.
Аристотель — 226, 375.
Ахремеев В. Д. — 513, 528.
Ашевский С. — 56.
Ашенбреннер М. Ю. — 114.

Б

- Бабст И. К.* — 320, — 322, 492.
Байрон Джорж-Гордон — 80, 97, 98, 312—313.
Бакет В. И. — 500.
Баллод П. Д. — 293.
Барсков Я. Л. — 493.
Батюто А. И. — 52, 53.
Безобразов Н. А. — 320, 321.

- Бек А.* — 271.
Бекетов А. И. — 222.
Белецкий П. И. — 48, 363.
Белинская М. В. — 141.
Белинский В. Г. — 34, 35, 38, 42—44, 47, 48, 50, 52—59, 61, 62, 64, 67—71, 79, 83—101, 104, 109, 140—144, 152, 172, 221, 228, 314, 341, 379, 401, 404, 488.
Бельчиков Н. Ф. — 5—41, 45, 57, 60, 336—358.
Бенедек Людвиг — 326.
Бенкендорф А. Х. — 45.
Бернар Клод — 246, 248.
Бестужев А. А. — 127.
Бибииков П. А. — 117.
Биллярский П. С. — 72, 363.
Благовещенский Н. А. — 115, 118.
Благоветлов Г. Е. — 71—73, 409.
Блок Г. — 52, 56, 57.
Боборыкин П. Д. — 128.
Богданович Т. А. — 411.
Богословский Н. В. — 45, 156, 377, 500.
Боград В. Э. — 404.
Бокль Генри-Томас — 231.
Боков П. И. — 222, 253, 409.
Бордюгов И. И. — 125.
Борщевский С. С. — 386.
Боткин В. П. — 142, 149, 217.
Бродский Н. Л. — 55.
Брокгауз Ф. — 72.
Брут Марк-Юний — 228.

¹ Составлен П. А. Супоницкой. В указатель не вошли имена, упомянутые в работе Н. М. Чернышевской «Личная библиотека Чернышевского», имеющей свой указатель имен (стр. 476—477).

Брюсов В. Я.— 347.
 Бугаенко П. А.— 375—390.
 Бунаков Н. Ф.— 115.
 Бунге Н. Х.— 320, 321.
 Бусырев Е.— 401, 403, 405.
 Буташевич-Петрашевский М. В.
 —Петрашевский М. В. (см.).
 Буткевич А. А.— 404.
 Бутурлин Д. П.— 46, 75, 396.
 Бушканец Е. Г.— 105—153, 504.
 Быков П.— 112.
 Бюхнер Людвиг-Карл — 502.

В

Валентинов Н. В.— 36.
 Валуев П. А.— 231.
 Васильев Р. С.— 403.
 Васильева А. С.— 405.
 Васильева Э. С.— 409.
 Введенская А. И.— 82.
 Введенский И. И.— 42—45, 47—
 64, 66—69, 71—76, 78—83,
 87—89, 93, 95, 96, 100—104,
 400.
 Вебер Георг — 223, 258.
 Величко В.— 270.
 Веллингтон, Артур-Коллей
 Веллслей — 496.
 Вернадский И. В.— 296, 320,
 321, 483, 495.
 Веселовский М. Н.— 110, 111.
 Вигель Ф. Ф.— 51, 53.
 Водовозов Н. В.— 155.
 Волковский Луи-Франсуа — 491.
 Воынский А. Л.— 297.
 Востоков А. Х.— 363, 374.
 Вульф К. И.— 408.
 Взземский П. А.— 308, 309.

Г

Гайдебуров П.— 120.
 Гакстгаузен Август — 12.
 Галактионов В. Д.— 270.
 Галахов А. Д.— 98.
 Галилей Галилео — 228.
 Гарибальди Джузеппе — 325,
 328, 329.
 Гартман Мориц — 407.
 Горяйнов А.— 485, 494, 496,
 497.
 Гегель, Георг-Вильгельм-Фрид-

рих — 77, 192, 193, 196, 343,
 344, 379, 382, 384.
 Гейне Генрих — 79, 80, 98.
 Гексли Томас-Генри — 223.
 Гельвеций Клод-Адриан — 196,
 197.
 Гербель Н. В.— 109.
 Гервинус Георг-Готфрид — 219.
 Геродот — 382.
 Герцен А. И.— 23, 38, 42—44,
 50, 52, 53, 56, 59, 62, 64—68,
 72, 73, 80, 81, 84, 87, 89,
 99—104, 110, 133, 142, 144,
 182, 221, 231, 238, 242, 243,
 275, 276, 278, 291, 341, 379,
 392, 404, 405, 502, 504—506.
 Гершель Вильям — 222.
 Гершель Джон — 232.
 Гете Иоганн-Вольфганг — 97,
 98, 100, 369.
 Гильдебранд Бруно—478—493.
 Гильфердинг А.— 401.
 Глинка А. П.— 317.
 Глинка Ф. Н.— 310, 317.
 Гоббс Томас — 197.
 Гогоберидзе В. Л.— 407, 409.
 Гоголь Н. В.— 43, 47, 54, 61—
 63, 67, 68, 73, 79, 83, 85—
 102, 107, 159, 162, 189, 216,
 365, 404, 495.
 Головин А. В.— 131.
 Гольбах Поль-Анри — 196.
 Гомер — 94.
 Гончаров И. А.— 101, 154, 399.
 Гончаров Н. А.— 399.
 Горлов И.— 483.
 Городков Г. Р.— 72, 73, 82, 83,
 88, 102, 409.
 Горький М. (А. М. Пешков) —
 169, 170, 187, 188, 190, 204,
 211, 268—271, 347, 358.
 Грановский Т. Н.— 250.
 Греч Н. И.— 98, 317.
 Грибоедов А. С.— 227.
 Григорович Д. В.— 121, 404.
 Григорьев А. А.— 109.
 Груздев А.— 157.
 Гумбольдт Александр-Фрид-
 рих — 232.
 Гурвич П.— 355.
 Гучков А. И.— 37.
 Гюискиссон — 496.

- Давыдов И. И.—148.
 Даль В. И.—121—123.
 Даниельсон Н. Ф.—318.
 Дарвин Чарльз—222, 223, 231,
 232, 235, 236.
 Дебу К. М.—396.
 Демокрит—221.
 Державин Г. Р.—85, 95.
 Дерикер В. В.—73.
 Диккенс Чарльз—98, 100, 313.
 Дмитриев Ф. М.—320, 322.
 Добролюбов Н. А.—10, 17, 29,
 40, 59, 64, 85, 106—108,
 111—118, 120—122, 124—126,
 128, 129, 133, 135—141, 145,
 147—150, 152, 153, 177, 207,
 208, 222, 229, 277, 279, 289,
 291, 294, 297, 314, 321, 323,
 341, 404—408, 494, 504, 514.
 Долматовский Е.—270.
 Достоевский М. М.—60.
 Достоевский Ф. М.—57, 60—
 62, 67—69, 87, 88, 404, 506.
 Драгоманов М. П.—38.
 Дружинин А. В.—142, 316, 384.
 Дубельт Л. В.—75, 396.
 Дудышкин С. С.—85, 514.
 Дуров С. Ф.—46, 48, 60—62,
 69.
 Дюма Александр (отец)—364.

Е

- Евгеньев-Максимов В. Е.—131,
 143.
 Егоров Б. Ф.—493—497.
 Елизарова А. И.—33.
 Елисеев Г. З.—108, 153, 409.
 Ефремов А. Ф.—296, 299, 478—
 493.
 Ефрон И. А.—72.

Ж

- Жданов В. В.—148.
 Жорж Санд (Аврора Дюде-
 ван)—79, 89, 98, 100.
 Жуков И. Г.—223.
 Жуковский В. А.—308.
 Жулев Г. Н.—122.
 Журавлев К. Н.—301, 302, 304,
 305.

- Зайчневский П. Г.—120, 501—
 504, 506.
 Закруткин В. А.—270.
 Замяткин В. Н.—185.
 Зевин В. Я.—304, 305.
 Зеленой А. С.—296.
 Зиновьев Ф.—130.

И

- Иван IV (Грозный)—321.
 Ивашева-Трубникова М. В.—
 246.
 Ильин М. Я.—270.
 Истрин В. М.—363.

К

- Кабэ Этьенн.—61.
 Кавалеров А.—119.
 Каверин В. А.—271.
 Кавур Камилло—325.
 Кант Иммануил—33, 34.
 Каракозов Д. В.—231.
 Катков М. Н.—52, 72, 253, 320,
 321.
 Каутский Карл—8.
 Кашкин Н. С.—46.
 Кеневич В. Ф.—73.
 Киреевский И. В.—51, 285.
 Кирпотин В. Я.—351.
 Клиентова А. Г.—79.
 Ковалевский А. О.—222.
 Ковалевский В. О.—222.
 Кожанчиков Д. Е.—409.
 Кожевников В.—270.
 Козьмин Б. П.—29, 52, 53, 109,
 361—374, 408, 501, 505, 506.
 Кольцов А. В.—515, 527, 528.
 Консидеран Виктор—512.
 Константин Николаевич, вел.
 кн.—131.
 Константинов Ф.—491.
 Конт Огюст—343, 344.
 Коптяева А.—271.
 Корелкин Н. П.—361—374.
 Корнейчук А.—270.
 Короленко В. Г.—293, 294,
 336—349.
 Космодемьянская З.—201, 209.
 Костомаров Н. И.—253.
 Коцебу Август—307.

Коштоянц Х. С.— 246.
Краевский А. А.— 86, 378, 401.
Красноперов И.— 115.
Крауцольд Е. Э.— 73.
Кривенко С. Н.— 8.
Кропоткин А. А.— 118.
Кропоткин П. А.— 118.
Крупская Н. К.— 36.
Крылов И. А.— 73, 362.
Кублицкий Г.— 270.
Кузнецов Я.— 380.
Кулиш П. А.— 98.
Курова К. С.— 148.
Куручкин В. С.— 108, 113, 131,
409.
Куручкин Н. С.— 144, 152.
Кэри Генри-Чарльз — 274, 285,
483, 484, 491, 495.

Л

Лаврецкий А.— 59.
Лавров П. Л.— 274.
Лаврский К.— 114.
Лазерсон Б. И.— 272—336.
Лайель Чарльз — 223.
Ламанский П. И.— 60.
Ламарк Жан-Батист-Антуан-
Пьер — 222.
Ламенне Фелисите-Робер — 61.
Ламетри Жюльен-Офре де —
197.
Лаплас Пьер-Симон — 222.
Лафарг Поль — 506.
Лебедев А. А.— 154—213.
Лебедев К. Н.— 317.
Левкипп — 221.
Лейкин Н. А.— 116.
Лемке М. К.— 56, 405, 408.
Ленин В. И.— 5—8, 10—43, 87,
105, 106, 108, 113, 128, 138,
140, 151, 160, 162, 166, 171,
174, 175, 182, 183, 188, 192,
193, 216, 218, 220, 221, 260,
272, 273, 323, 340, 347, 350,
354, 357, 391, 404, 406, 532.
Ленц Э. Х.— 322.
Леонов Л. М.— 270, 271.
Леонтьев П. М.— 320, 322.
Лепешинский П. Н.— 28.
Лермонтов М. Ю.— 83, 85, 86,
89, 93, 95, 98, 100—102, 159,
312, 313, 315, 369, 515, 527.

Лессинг Готхольд-Эфраим —
295, 404.
Либих Юстус — 222, 225.
Липранди И. П.— 48, 49, 60.
Лободовский В. П.— 44, 77, 78,
85, 93, 100, 101, 368.
Локк Джон — 197.
Ломоносов М. В.— 72, 225,
227, 239.
Лонгинов М. Н.— 309.
Лопатин Г. А.— 293, 480.
Лукреций Кар — 221.
Людвиг Карл — 246.
Людовик XVI — 82.
Ляцкий Е. А.— 43, 45, 70, 367,
368, 371, 377, 386, 387.

М

Магон Л.— 498—512.
Мазуренко Н.— 120.
Майков А. Н.— 84.
Майков В. Н.— 85, 98.
Макашин С. А.— 47, 48.
Макеев Н.— 500.
Максимов С. В.— 111.
Мальтус Томас-Роберт — 218,
233, 236, 237.
Маркс Карл — 8, 13, 25, 26,
29, 34, 37, 38, 154, 167, 175,
184, 189, 192, 193, 199, 204,
216, 263, 264, 269, 290, 318,
343, 349—352, 355—357, 406,
480, 490—492, 506.
Маршак С. Я.— 271.
Мах Эрнст — 33, 39.
Машинский С. И.— 500.
Маяковский В. В.— 167.
Медведев А. П.— 42—104.
Медведева Л. П.— 513—532.
Медем Н. В.— 279.
Мей Л. А.— 122, 527.
Мечников И. И.— 222.
Милль Джон-Стюарт — 184,
186, 328, 329, 406, 482, 490,
491.
Милоков А. П.— 48, 49, 53, 54,
57—64, 67, 68, 73, 81, 82,
87—89.
Милютин Н. А.— 17.
Минаев Д. Д. (Д. Свяжж-
ский) — 73, 108, 113, 130,
143, 144.

Минаев Д. И.— 73, 81, 82, 88, 398.

Михайлов М. И.— 63, 72, 98, 102, 108—112, 128, 151—153, 366, 372, 398, 400, 404, 410.

Михайлов Н. Н.— 270.

Михайловский Н. К.— 8, 39, 341, 345, 348, 353, 354, 356.

Мичурин И. В.— 262, 264.

Модзалевский Б. А.— 117.

Модзалевский Л. Н.— 117.

Молешот Якоб — 231.

Молиарн Густав — 274, 320, 321, 483, 484, 495.

Момбелли Н. А.— 60.

Морозов А.— 270.

Морозов Б. С.— 521.

Мосолов Ю. М.— 499, 500.

Мусин-Пушкин М. Н.— 59, 75, 388.

Н

Найденев В.— 375.

Некрасов Н. А.— 10, 17, 29, 84, 91, 110, 113—115, 117, 119, 120, 128, 141—143, 149, 153, 156, 228, 229, 276, 279, 316, 342, 391, 401—404, 407, 409, 512—532.

Некрасова Е. С.— 316, 317.

Нечаева В.— 69.

Нечкина М. В.— 29, 499, 501, 503.

Никитенко А. В.— 84, 90, 91, 93, 316, 362, 376, 378—384, 386—389.

Никитин В. Н.— 119, 120, 152.

Никитин И. С.— 404.

Николадзе Н. Я.— 116, 120, 293, 295, 407, 409, 499.

Николаев М. П.— 156, 513, 521, 522.

Николаев П. А.— 155.

Николай I — 497.

Нифонтов А. С.— 46.

Новиков Н. И.— 66.

Новицкий Н. Д.— 404.

Нович И.— 45.

Норов А. С.— 388.

Ньютон Исаак — 222, 228, 232.

О

Обручев Н. Н.— 133, 404.

Оводов А.— 381.

Овсянников Ф. В.— 222.

Огарев Н. П.— 133, 228, 230, 404, 502.

Огрызко И. П.— 409.

Одд Люсьен де ла — 167.

Озерова А. А.— 155, 247.

Оксман Ю. Г.— 62, 68, 79.

Олешинский П.— 479.

Орлов А. Ф.— 75.

Орлов П. О.— 396.

Островский А. Н.— 110, 115, 189, 401.

Оуэн Роберт — 61, 116, 490.

П

Павлов И. П.— 222.

Павлов Н. Ф.— 92.

Пальм А. И.— 60, 64.

Пальмерстон Генри - Джон - Темпл — 485, 496.

Панаев И. И.— 84, 144, 313, 315, 404.

Панаева А. Я. (Н. Станицкий) — 108, 126, 130, 146—150, 153.

Панкратова А. М.— 16, 29, 500.

Пантелеев Л. Ф.— 120, 135, 151, 251—253, 293, 353, 407, 408, 500, 505.

Панферов Ф. И.— 271.

Панчулидзева А. Д.— 259.

Паскаль Блэз — 233.

Паустовский К. Г.— 270, 271.

Пашино П. И.— 109, 120.

Пекарский П. П.— 409.

Песков И.— 375.

Петрашевский М. В.— 46—48, 62, 65.

Пиксанов Н. К.— 268.

Пинаев М. Т.— 214—271, 500.

Пиотровский И. А.— 116, 120, 129.

Пирогов Н. И.— 222.

Писарев Д. И.— 17, 51, 73, 147, 148, 222, 239, 514.

Писаржевский О.— 270.

Писемский А. Ф.— 111.

Плетнев П. А.— 84, 100, 388.

Плеханов Г. В.— 25—27, 32, 34, 37, 356.

Плещеев А. Н.—48, 60—62,
67—69, 84, 88, 100, 108, 112,
113, 146, 153, 404.
Плоткин Л. А.—148.
Погодин М. П.—51—57, 64,
144, 175, 274, 308, 309, 320.
Покусаев Е. И.—45, 501.
Полевой Б. Н. (Кампов)—270.
Полевой Н. А.—314.
Полонский Я. П.—109.
Поль-де-Кок — 364.
Поляков М. Я.—56, 59, 65, 69,
70, 101.

Помяловский Н. Г.—115, 118,
136, 137, 240, 241.

Попов В. П.—73.

Поповский А.—270.

Потебня А. А.—289.

Потехин А. А.—122.

Потресов А. Н.—17.

Прац Эдуард — 386.

Протопопов М. А.—17.

Прудон Пьер-Жозеф — 61, 73,
82, 102, 251.

Пугачев Е. И.—127, 502.

Пуришкевич В. М.—37.

Пушкин А. С.—66, 95, 127,
162, 189, 212, 227, 228, 312,
313, 315, 323, 341, 362, 410,
487, 515.

Пыпин А. Н.—69—72, 99, 110,
226, 352, 353, 386, 387, 391,
392, 400, 402, 403, 406, 409,
410, 493, 520.

Пыпин Н. А.—398.

Пыпина А. Е. (Голубева) —
395.

Пыпина В. А.—110, 377.

Пыпина Ю. П.—353.

Р

Радищев А. Н.—38, 227, 341.

Раев А. Ф.—100, 371, 392, 393,
395.

Разин С. Т.—502.

Ракеев П. С.—410.

Рау Карл-Давид-Генрих — 251,
491.

Рафаэль Санти — 167, 388.

Рахманинов Ф. И.—278.

Рейнгардт Н. В.—152, 293.

Рейсер С. А.—391—411, 493.

Репин И. Е.—347.

Реуэль А. Л.—489, 492.

Ржевский В. К.—320, 321.

Ростовцев Я. И.—17, 52, 59.

Ростопчина Е. П.—297, 310—
317.

Ротшильд — 382.

Рошер Вильгельм — 484, 491.

Рылеев К. Ф.—127.

Рымаренко С.—251, 500.

Ричард II — 496.

Рычков В. И.—408.

Рюмин В. Н.—73.

Рюриков Б. С.—45, 200.

С

Салтыков-Щедрин М. Е.—10,
17, 47, 108, 110, 156, 274,
276, 279, 291, 292, 299, 336,
341, 342, 353—357, 404, 488.

Самарин Д. Ф.—322.

Сафонов В.—270.

Свердлов Я. М.—160.

Семевский В. И.—48, 54, 58.

Семенов-Тяньшанский, П. П.—
47.

Сенковский О. И.—314.

Сен-Симон, Анри-Клод — 490.

Сераковский С. И.—295, 404.

Серно-Соловьевич А. А.—246,
409.

Серно-Соловьевич Н. А.—108,
113, 231, 409.

Сеченов И. М.—222, 223, 231,
244—246, 253.

Сикевич В. М.—118.

Сикорский Н. М.—10.

Скабичевский А. М.—116, 117,
364, 365.

Скалдин (Ф. П. Еленев) —
15—17.

Скафтымов А. П.—45, 49, 112,
377, 521.

Скориков Н. Ф.—293, 294.

Славинский Я. С.—371, 373.

Славутинский С. Т.—124, 125,
291.

Слепцов А. А.—133, 251, 409,
505.

Слепцов В. А.—108, 113, 156,
292.

Соболевский А. И.—52.

Соболевский В. М.—355.

Соколов П. П.—404.

Соловьев С. М.—320—322.
Спешнев Н. А.—60, 492.
Срезневский И. И.—362, 363.
Стасов В. В.—56.
Стахович С. Г.—245, 246, 256,
275, 276, 293, 300.
Стеклов Ю. М.—28, 44, 492.
Стопакевич Е.—120, 144, 146.
Страхов Н. Н.—244, 292.
Струве П. Б.—37.
Сухомлинов М. И.—380.
Сушков С. П.—316, 317.
Сытин И. Д.—60, 61.
Сю Эжен—80, 100, 175.
Сэ (Сэй) Жан Батист—251.

Т

Талахов А. Д.—403.
Тамарченко Г. Е.—156.
Таубин Р. А.—29, 500, 501.
Твардовский А. Т.—271.
Теккерей Вильям—313.
Тенгоборский Л. В.—484.
Терсинская Л. Н. (урожд. Кот-
ляревская)—77, 84, 90, 395.
Терсинские—371, 396, 397.
Терсинский И. Г.—93, 395, 400.
Тимирязев К. А.—222.
Тихменев А.—361, 373.
Токарский А. А.—293—295.
Толстой Л. Н.—40, 159.
Толстой Н. В.—48.
Толь Ф. Г.—48.
Торопов А. В.—116.
Тренев К. А.—270.
Тургенев И. С.—40, 52, 56, 87,
135, 154, 189, 228, 237—239,
316, 404, 492.
Тютчев Ф. И.—527.

У

Уваров С. С.—86.
Успенский Г. И.—336—343,
348—350, 352—356.
Успенский Н. В.—124, 128.
Унковский А. М.—17, 25.
Устрялов Н. Г.—381.
Устрялов Ф. Н.—388.
Утин Н. И.—500.
Утин П. И.—251, 409.
Ухмылова Т.—71.

Ф

Фатеев П. С.—109.
Фейербах Людвиг—77—79,
192—196, 204, 205, 351, 502,
512.
Фет А. А.—50—52, 252, 526—
528.
Филиппов А.—88.
Филиппов П. Н.—60, 88.
Фильдинг Генри—100.
Фишер Фридрих-Теодор—203,
376, 377, 383, 384.
Фоменко В.—270.
Фонвизин Д. И.—375, 495.
Фохт Карл—223, 231.
Фриккен А. Ф.—294.
Фурье Шарль—47, 61, 82, 187,
396, 490.

Х

Ханыков А. В.—64, 78, 81, 100,
396.

Ц

Цитович П. П.—206, 208.
Цылов Н.—393, 394, 397, 398,
401, 403.

Ч

Чебышев П. Л.—222.
Червяков А. П.—411.
Чернов С.—375.
Чернышевская Е. Е.—391, 392.
Чернышевская Н. М.—209, 293,
377, 381, 386, 395, 412—477.
Чернышевская О. С.—103, 221,
260, 376, 399—400, 403, 405,
408—410.
Чернышевский А. Н.—402.
Чернышевский В. Н.—405.
Чернышевский Г. И.—99, 377,
386, 392, 402.
Чернышевский М. Н.—405.
Черняев П.—115.
Чешихин-Ветринский В. Е.—
44, 45, 60, 61, 74.
Чистяков М. Б.—69—71, 88.
Чичерин Б. Н.—297, 301, 318,
319, 322, 480.
Чичуа Г. К.—260.

Чуковский К. И.—276, 347.
Чумиков А. А.—53, 54, 59, 62—
68, 79, 82, 87, 88, 101.

Ш

Шагинян М. С.—270.
Шатерников М. Н.—246, 253.
Шевалье Мишель — 491.
Шевченко Т. Г.—325.
Шевырев С. П.—98, 307, 334.
Шекспир Вильям — 94, 95.
Шелгунов Н. В.—109, 114, 116,
133, 222, 231, 293, 298, 386,
404, 407, 482, 489, 491, 505.
Шеню Адольф — 167.
Шиллер Фридрих — 80, 97, 98.
Шилов А. А.—408.
Шмерлинг Антон — 326.
Шопенгауэр Артур — 274.
Штирнер Макс (Иоганн-Кспар
Шмидт) — 203.

Щ

Щапов А. П.—293, 409.
Щеголев П. Е.—49, 377, 411.

Щепетов А.—35.
Щепкин П. С.—70.

Э

Элленборо Эдвард — 485, 496.
Энгельс Фридрих — 25, 26, 29,
34, 37, 164, 184, 189, 192—
195, 203, 204, 216, 263, 264,
269, 290, 318, 351, 356, 479,
489, 490—492, 506.

Ю

Юнович М.—268.

Я

Яковлев В. Я.—73.
Якушкин П. И.—108, 124, 126,
130—132.
Ямпольский И. Г.—143, 144.
Ясинский И.—115.
Ястржембский Иван-Фердинанд
Львович — 48, 49.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Статьи и исследования

<i>Н. Ф. Бельчиков.</i> Ленин о традициях Чернышевского . . .	5
<i>А. П. Медведев.</i> Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского . . .	42
<i>Е. Г. Бушканец.</i> Н. Г. Чернышевский и писатели-демократы .	105
<i>А. А. Лебедев.</i> Некоторые особенности художественного метода Чернышевского . . .	154
<i>М. Т. Пинаев.</i> Образ ученого в творчестве Н. Г. Чернышевского . . .	214
<i>Б. И. Лазерсон.</i> Ирония в публицистике Чернышевского . . .	272
<i>Н. Ф. Бельчиков.</i> Н. Г. Чернышевский и вопрос о крестьянстве в 80-е годы	336

II. Материалы и сообщения

<i>Б. П. Козьмин.</i> Н. Г. Чернышевский и Н. П. Корелкин . . .	361
<i>П. А. Бугаенко.</i> О работе Чернышевского над магистерской диссертацией	375
<i>С. А. Рейсер.</i> Чернышевский в Петербурге	391
<i>Н. М. Чернышевская.</i> Личная библиотека Чернышевского . . .	412
<i>А. Ф. Ефремов.</i> К вопросу об авторе безымянной рецензии на книгу Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего»	479
<i>Б. Ф. Егоров.</i> Неизвестные рецензии Н. Г. Чернышевского . . .	494
<i>Л. Магон.</i> Роман «Что делать?» и общественно-политическая платформа «Молодой России»	499
<i>Л. П. Медведева.</i> Поэзия Некрасова в беллетристике Чернышевского	514
Указатель имен	534

Н. Г. Чернышевский
(статьи, исследования и материалы)

Редактор *Р. Кадулина*
Переплет *Н. Петрович*
Технич. редактор *В. Лукашевич*
Корректор *Л. Семенова*

НГ04612. Подп. к печ. 18/IV-1958. Тираж 10 000
Бумага 84×108 /32. Бум. л. 8,5. Печ. л. 27,88
Уч.-изд. л. 30,5. Цена 12 р. 20 к. Переплет 2 р.

Саратовское книжное издательство, Вольская, 81
Саратов. Типография № 1 Облполиграфиздата.
Заказ 1119

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге направляйте по
адресу: Саратов, ул. Вольская, 81,
Книжное издательство.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. Статьи и исследования

<i>Н. Ф. Бельчиков.</i> Ленин о традициях Чернышевского	5
<i>А. П. Медведев.</i> Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского	42
<i>Е. Г. Бушканец.</i> Н. Г. Чернышевский и писатели-демократы	105
<i>А. А. Лебедев.</i> Некоторые особенности художественного метода Чернышевского	154
<i>М. Т. Пинаев.</i> Образ ученого в творчестве Н. Г. Чернышевского	214
<i>Б. И. Лазерсон.</i> Ирония в публицистике Чернышевского	272
<i>Н. Ф. Бельчиков.</i> Н. Г. Чернышевский и вопрос о крестьянстве в 80-е годы	336

II. Материалы и сообщения

<i>Б. П. Козьмин.</i> Н. Г. Чернышевский и Н. П. Корелкин	361
<i>П. А. Бугаенко.</i> О работе Чернышевского над магистерской диссертацией	375
<i>С. А. Рейсер.</i> Чернышевский в Петербурге	391
<i>Н. М. Чернышевская.</i> Личная библиотека Чернышевского	412
<i>А. Ф. Ефремов.</i> К вопросу об авторе безымянной рецензии на книгу Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего»	479
<i>Б. Ф. Егоров.</i> Неизвестные рецензии Н. Г. Чернышевского	494
<i>Л. Магон.</i> Роман «Что делать?» и общественно-политическая платформа «Молодой России»	499
<i>Л. П. Медведева.</i> Поэзия Некрасова в беллетристике Чернышевского	514
Указатель имен	534

Н. Г. Чернышевский
(статьи, исследования и материалы)

Редактор *Р. Кадулина*
Переплет *Н. Петрович*
Технич. редактор *В. Лукашевич*
Корректор *Л. Семенова*

НГ04612. Подп. к печ. 18/IV-1958. Тираж 10 000
Бумага 84×108 /32. Бум. л. 8,5. Печ. л. 27,88
Уч.-изд. л. 30,5. Цена 12 р. 20 к. Переплет 2 р.

*

Саратовское книжное издательство, Вольская, 81
Саратов. Типография № 1 Облполиграфиздата.
Заказ 1119

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге направляйте по
адресу: Саратов, ул. Вольская, 81,
Книжное издательство.